

П. А. Кулишъ.

ОТПАДЕНІЕ МАЛОРОССІИ

ОТЪ

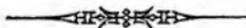
ПОЛЬШИ

(1340 — 1654).

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1888.

Изъ „Чтеній“ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Глава XI.

Страх соединенія козаковъ съ азіатскими соседями. — Связь между Московскимъ и Польскимъ разореніями.— Главныя дѣйствующія лица въ укреплѣніи Польской Руины.— Спасительный планъ великаго полководца и гражданина.

У нашихъ двѣпровскихъ козаковъ, по ихъ инстинктамъ, было больше общаго съ Татарами, нежели съ какою-либо частью польско-русскаго населенія Малороссіи.

Мы видѣли, что польскіе короли поступали съ козаками такъ, какъ поступали древніе русскіе князья съ дикими обитателями пустынь, лежавшихъ за рѣкой Россю съ правой стороны Днѣпра и за рѣкой Сулой—съ лѣвой; именно: привлекали ихъ себѣ на службу, какъ и другихъ иноплемennыхъ ордынцевъ.

Страхъ соединенія козаковъ съ азіатцами противъ европеѣской гражданственности заставилъ польское правительство ухаживать за двумя измѣнниками своими, Евстафіемъ Дашковичемъ и Димитріемъ Вишневецкимъ. Тотъ же страхъ принуждалъ Польшу платить Татарамъ *мириж* и вооружать хана противъ низовой вольницы для очистки отъ нея запорожскихъ пустынь.

Съ своей стороны козаки, называя пановъ неблагодарными, старались ладить съ Крымцами, и чуть было не поступили на службу къ хану подъ предводительствомъ Самуила Зборовскаго, назвавшася ханскимъ сыномъ. Раздраженные намѣреніемъ польскорусскихъ властей взять ихъ въ крѣпкія руки, и обманувшись въ расчетахъ на Татаръ, они пытаются испровергнуть пановъ собственными силами, съ помощію накопившагося въ безглавомъ обществѣ разбойнаго элемента. Но, когда домашнія средства оказались недостаточными, козаки служатъ крымскимъ ханамъ въ ихъ борьбѣ съ турецкимъ господствомъ, и по-старому ириглашаютъ Крымцевъ для опустошенія панскихъ владѣній. Паны бьютъ козаковъ на урочищѣ Медвѣжьи Лозы и задабриваютъ подарками Татаръ. Козаки снова служатъ хану, подъ предводительствомъ Дорошенка. Снова паны бьютъ ихъ, въ Черяславтѣ, и разлучаютъ съ Крымцами посредствомъ подарковъ. Въ

1637 и 1638 годахъ со стороны козаковъ повторяется та же попытка привлечь Татаръ къ совѣстному набѣгу на панскія имѣнія, а со стороны пановъ отправляются къ хану возы кожуховъ, жушановъ, саноговъ и денежной дани.

Тяжелые вздохи, съ которыми казаки слушали на Масляномъ Ставу свангельскія внушенія проповѣдника, присланнаго Петромъ Могилою, не замедляли сдѣлаться у нихъ волчьимъ воемъ и медвѣжьимъ рвомъ, а когда ярость побѣжденныхъ панскимъ оружіемъ стихла, они вернулись къ той мысли, которая поддерживала ихъ бунты со времени Косицкаго: стали въ десятый разъ искать своего торжества надъ панами въ татарской помощи. Долго выжидали они благоприятныхъ для того обстоятельствъ. Но Польша жила въ согласіи съ Москвою; Консциольскій отражалъ козацкіе набѣги могущественно, и въ 1644 году поразилъ Крымцевъ подъ Охматовымъ такъ сильно, какъ будто воскресъ памятный имъ панскій козакъ, Стефанъ Хмелецкій.

Наконецъ „перскопскимъ царемъ“ сдѣлался Исламъ-Гирей, проведеній всю молодость въ польскомъ и турецкомъ плѣну. Это былъ дикій фанатикъ магометанства, надменный своимъ родомъ, который, по его взгляду, былъ выше султанскаго. Козаки, вращаясь по своимъ интересамъ въ магометанскомъ сосѣдствѣ, знали его съ той стороны, которая была имъ на-руку, и обратились къ нему съ предложеніемъ своего подданства, лишь бы онъ помогъ имъ одолѣть „Ляховъ“. Но Исламъ-Гирей презиралъ христіянъ вообще, смотрѣлъ на нихъ, какъ на существа низшія, и если входилъ съ ними въ договоры, то лишь для того, чтобъ ихъ обмануть, какъ человекъ обманываетъ животныхъ. Предложеніе дѣйровскихъ джауровъ было имъ гордо отвергнуто. Это козаковъ не остановило. Они, съ своей стороны, презирали мусульманъ, и называли ихъ поганцами, невѣрными псами. Они Татаръ и Турокъ ненавидѣли почти столько же, какъ своихъ пановъ; если же, въ послѣдствіи величались дружбой и братствомъ Крымцевъ, то дѣлали это въ оныяшніи торжества надъ панами и на досаду Москалямъ, которые долго взвѣшивали, можно ли принять ихъ „подъ высокую царскую руку“. Отвергнутые въ десятый разъ, казаки терпѣливо ждали времени, когда интересы „невѣрныхъ псовъ“ соединятся съ ихъ благовѣрными интересами для опустошенія „Христіанской Земли“*),

*) Кобзарскія души называютъ Христіанскою Землею, иначе Святорусскимъ Берегомъ, безразлично и Востокъ и Юговостокъ польскихъ владѣній, когда говорятъ о возвращеніи набѣнниковъ изъ татарской и турецкой неволи.

Между тѣмъ колонизація малорусскихъ пустынь, по усмиреніи козаковъ и Татаръ, пошла такъ усѣбно, что у Конецпольскаго явилась мысль — выѣстить Кничакскую Орду совѣмъ изъ „Таврики“ и заселить Крымъ христіянами. Эту мысль Конецпольскій давно уже оборачивалъ въ умѣ своемъ и совѣщался о способахъ къ ея осуществленію съ преданными ему людьми. Въ 1645 году изложилъ онъ свой проектъ на бумагѣ, но не рѣшался покаместъ публиковать, въ виду всеобщаго стремленія землевладѣльцевъ къ мирнымъ занятіямъ, которымъ больше всего мѣшали митовавшіе съ 1638 годомъ козацкіе бунты.

Проектъ Станислава Конецпольскаго замѣчательнѣе всего тѣмъ, что въ немъ польскорусской республикѣ указывалась необходимость нескрѣпно-тѣснаго союза съ Московскимъ Царствомъ. Колонизаторъ малорусскихъ пустынь признавалъ въ московскомъ правительствѣ такую способность къ заселенію новопріобрѣтенныхъ земель, что онъ былъ готовъ предоставить въ его распоряженіе Крымъ по изгнаніи изъ него Татаръ. Онъ признавалъ за „Москалями“ также и умѣнье удержатъ навсегда въ своемъ обладаніи „Таврику“, къ чему, очевидно, считалъ не способными своихъ единоплеменниковъ, Поляковъ. Дѣло это представлялось ему опаснымъ съ одной только стороны, именно съ той, что Москва, занявъ Крымъ, и живя въ такомъ близкомъ соудствѣ съ козаками, можетъ, пожалуй, отторгнуть отъ Польши и козаковъ, и „всю Русь“; но всё-таки приходилъ онъ къ заключенію, что для Польши лучше было бы имѣть въ „Таврикѣ“ сосѣдями подозрительныхъ пріятелей, „Москалей“, нежели явныхъ непріятелей „язычниковъ“.

Планъ этотъ, столь же человѣчный, какъ и дальновидный, занималъ знаменитаго охранителя Польши такъ серьезно, что осенью 1645 года послалъ онъ въ Крымъ некусапаго геометра и рисовальщика Себастіана Адерса, родомъ изъ Мазовіи, подъ видомъ купца, для снятія на планъ и изображенія тамошнихъ городовъ и крѣпостей. Но черезъ годъ съ небольшимъ Конецпольскаго не стало, и его внезапная смерть открыла свободный ходъ роковымъ событіямъ, которыя, повидимому, одинъ онъ могъ бы остановить.

Эти событія возымѣли свое начало въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали Московское разореніе. Изъ Московскаго разоренія вытекало разореніе Польское.

Однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ на сценѣ смуты, послѣдовавшихъ за прекращеніемъ династіи Рюриковичей, явился малолѣтній польскій королевичъ, Владиславъ. Его царствованіе въ Москвѣ про-

вогласилъ величайшій полководецъ своего времени, Станиславъ Жовковскій: значить, не было оно мечтой личностей мелкихъ. Все десятилѣтнее царствованіе талантливаго короля Стефана было исполненною кипучей дѣятельности пропагандою подчиненія Москвы Польшѣ и введенія обоихъ государствъ въ широкій планъ христіанской войны съ невѣрными. Эта пропаганда не осталась безъ послѣдствій и по его смерти. Однимъ изъ нихъ было унаслѣдованіе мысли Стефана Владиславомъ. Скучая дома подъ онской клерикаловъ наставниковъ, живой и мечтательный королевичъ неожиданно увидѣлъ себя самодержцемъ народа, готоваго, повидимому, посвятить себя тому дѣлу, которое тогда и въ героическихъ понятіяхъ рыцарства, и въ набожныхъ внушеніяхъ духовенства было величайшею славою государей и государствъ, — освобожденію христіанскаго свѣта отъ мусульманъ. Король Сигизмундъ, отгбсняя сына отъ московскаго престола, только усиливалъ въ его воображеніи сіяніе полповластной царственности. Въ то же самое время, въ умѣ отрока напечатлѣвалось и обладаніе шведскою короною, которой домогался по-своему мечтательный отецъ. Походы въ Московію, продолжавшіеся, съ промежутками, отъ 1604 до 1618 года, еще больше развили отроческія и иномъ юношескія грезы Владислава. Не мало способствовало возрастанію истинно польскаго высокомѣрія и его путешествіе по Европѣ, гдѣ всюду принимали его, какъ будущаго носителя трехъ коронъ, польской, шведской, московской и, по духу папегрическаго вѣка, на каждомъ шагу высказывали, что провидать въ немъ совершителя подвиговъ могущественной царственности. Наконецъ, его воцареніе въ Польшѣ, привѣтствуемое единодушными восторгами всего народа и блистательная побѣда надъ воеводою Шейнымъ у Смоленска, по его самомишнію, какъ будто рукою самой судьбы, вели его къ престоломъ и завоеваніямъ, точно другаго Александра Македонскаго.

Въ виду крестоваго похода на Турокъ и преподаннаго ему отцовскими клерикалами освобожденія Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ, король Владиславъ, наперекоръ самому папѣ, сдѣлался сторонникомъ польскихъ протестантовъ и покровителемъ нашихъ противниковъ церковной уни. Но, готовясь къ своимъ великимъ подвигамъ, онъ, и при жизни отца, и по своему вступленію на престолъ, содѣйствовалъ развитію въ Польшѣ той разрушительной силы, которая, по его смерти, подавила строительную.

Козаки, стучавшіе въ московскія ворота булавою Сагайдачнаго, приводившіе Турокъ въ отчаяніе подъ Хотиномъ и на Черномъ морѣ, ратовавшіе за сочиненное ими „ломанье вѣры“ на Трубезѣ и на

Альтѣ, ложивніеся одни на другихъ въ Медвѣжьихъ Лозахъ и подъ Кумейками, истреблявнше цвѣтъ польскаго рыцарства на Сулѣ и оказавніеся неодолимыми въ своихъ окопахъ на Старцѣ,—были, можно сказать, его созданиемъ, его тайной отрадою въ борьбѣ съ панскимъ полновластиемъ, его великою надеждою въ будущемъ. Ростъ ихъ увеличивался съ каждой потерей изъ козацкаго дѣла. Они, въ неудачахъ своихъ, проходили курсъ науки крупенія, основанія которой преподавалъ имъ обиженный панами шляхтичъ Косиупскій, и, падая подъ ударами культурниковъ, подвергались только новому и новому искусъ въ своемъ рупномъ ремеслѣ. Козацкая энергія въ подвигахъ опустошенія соотвѣтствовала энергія старшихъ козацкихъ братій, колопизовавшихъ малорусскія пустыни съ быстротою изумительною. Смерть величайшаго изъ польскорусскихъ колонизаторовъ и могущественнѣйшаго изъ обуздателей козачины, Станислава Конецпольскаго, обозначила въ судьбахъ Польши поворотъ, послѣ котораго началось торжество разрушительной силы надъ стропильною,—началась побѣда помадовъ надъ культурниками...

Но возвратимся нѣсколько назадъ.

1645 и 1646 годы были моментомъ послѣдняго благоденствія, возможнаго для Польши. Европу оглушалъ не прерывавшійся третье десятилѣтіе уже боевой гулъ; Европу потрясали кровавыя войны, а въ Польшѣ царствовала тишина, тѣмъ драгоценнѣйшая для шляхты, что кругомъ ревѣла буря,—для шляхты, но не для ся короля. Она его томила. Великіе замыслы Владислава IV ограничивались, покаместъ, заключеніемъ славнаго мира съ Москвою, Турціей и Швеціей, а было ему уже 50 лѣтъ отъ роду, и онъ всё еще стоялъ при началѣ своего дѣла, такъ точно, какъ и въ легкомысленномъ отрочествѣ. Вотъ что его томило въ побѣдительной Польшѣ среди счастливой тишины!

Владиславъ не принадлежалъ къ тѣмъ сильнымъ характерамъ, которые упорною работою преодолеваютъ встрѣчасмыя затрудненія и постепенно достигаютъ предполагаемой цѣли. Не обладавъ онъ способностью созидать средства для войны и выбирать людей, которые бы умѣли и желали содѣйствовать ему въ великомъ предпріятіи; проживалъ такъ или иначе все, что было у него въ рукахъ, и попадалъ въ зависимость отъ сеймующей шляхты, въ то время, когда надобно было ея повелѣвать; выпрашивалъ у нея денегъ, угождалъ вліятельнымъ сановникамъ, дѣлалъ уступки, и этимъ уничижалъ царственное достоинство свое. Великій разъ, когда приступалъ онъ къ дѣлу (пишуть о немъ Поляки), не доставало у него средствъ для

исполненія; то разомъ начиналъ нѣсколько предпріятій, то впадалъ въ унылое бездѣйствіе. И какъ было ему не унывать, когда вся Европа воевала, а онъ, который сознавалъ себя рожденнымъ для блистательныхъ побѣдъ, сидѣлъ сиднемъ на своемъ прославленномъ престолѣ? Любили и хвалили его въ Польшѣ за спокойное царствованіе; называли даже великимъ, но за что? за то, что онъ умѣлъ преодолѣть жажду славы, и побѣдилъ не только Москву, Турцію, Швецію, но — и самого себя. Такимъ образомъ ставили его выше Александра Македонскаго; но это была горькая иронія. Побѣдитель терзался громкою хвалою молча, и готовъ былъ на самыя отчаянныя планы. Мысль о Турецкой войнѣ сдѣлалась наконецъ его маніею.

Нѣсколько лѣтъ ужъ, не объявляя сейму, пропускалъ онъ сроки посылки Татарамъ обычныхъ подарковъ, а отъ ихъ мстительныхъ набѣговъ заслонялся бдительнымъ стражемъ границъ, Копецпольскимъ. Когда донскіе козаки, съ помощію днѣпровскихъ вынискчиковъ, овладѣли Азовомъ, торжествуя разомъ надъ Портою и надъ Крымцами, — онъ порывался къ нимъ на помощь, соглашалъ къ тому же и московскаго царя. Его уносчивое воображеніе озарилось картиной завоеванной Таврики, картиной заселенія днѣстро-буго-днѣпровскаго Низу, богатства черноморской торговли и обращенія убогихъ неучей козаковъ къ обильной и просвѣщенной мѣщанской жизни въ приморскихъ городахъ. Но расхозяйничавшіеся землевладѣльцы не желали воевать съ Татарами, опасаясь войны съ Турціей, требовали удовлетворенія Крымцевъ подарками, а Турокъ — подлежащимъ посольствомъ. Въ 1643 году султанъ подтвердилъ миръ съ Польшею, и запретилъ Татарамъ вторгаться въ ея владѣнія. Татары, однакожъ, продолжали вторженія, какъ были наконецъ страшно поражены Копецпольскимъ, съ помощію князя Вишневецкаго, подъ Охматовымъ, въ 1644 году.

Тогда король выступилъ опять съ проектомъ Крымской войны. Время было благоприятное. Въ Крыму происходили замѣшательства. Недовольный ханомъ Мехметъ-Гиреемъ турецкій султанъ, Ибрагимъ, вскорѣ послѣ Охматовскаго пораженія, свергнулъ его съ престола, велѣлъ выпустить изъ заточенія брата его, Исламъ-Гирея, и наименовалъ ханомъ. Въ Ордѣ открылась усобица между сторонниками братьевъ Гиреевъ. Въ это время Турція и Венеція готовились взаимно къ войнѣ, которая обѣщала быть долголѣтнею и для Турціи гибельною, такъ какъ султанъ Ибрагимъ былъ „не въ полномъ умѣ“, а государство его терзали междоусобицы войны. Король возымѣлъ надежду подавить Крымцевъ безпрепятственно со стороны Турціи.

Послѣ побѣды подъ Охматовымъ, созвалъ Владиславъ сенаторскую раду и провелъ въ ней постановленіе, чтобы съ этого времени подарковъ Татарамъ не давать. Постановленіе состоялось въ концѣ февраля 1645 года. Ближайшій сеймъ долженъ былъ подтвердить его, а между тѣмъ король сталъ готовиться къ войнѣ, которая долженствовала возгорѣться одновременно съ Турко-Венеціанскою: велѣлъ строить арсеналы въ Краковѣ, во Львовѣ, въ Варшавѣ, вызывалъ пуженеровъ и ремесленниковъ пзъ-за границы, занасался военными снарядами. Ханъ Исламъ-Гирей прислалъ пословъ, домогаясь подарковъ. Король задержалъ ихъ до сейма, а на сеймики выслалъ уншесалы, предрасполагавшіе шляхту къ подтвержденію постановленія о подаркахъ Татарамъ, состоявшагося въ сенаторской радѣ.

Главнымъ помощникомъ его былъ канцлеръ Оссолинскій. Въ блестящей и злоторной дѣятельности этого саповника исторія видитъ воплощеніе общественныхъ и государственныхъ недуговъ, которыми нестерпимо уже разболѣлся тогда разслабленный организмъ Королевской Республки. Я представляю только выразительнѣйшія черты зловѣщей личности.

Родъ Оссолинскихъ принадлежалъ къ древнѣйшимъ, по не возможнымъ домамъ старой Польши. Отецъ канцлера первый возвысился до сана воеводы, слѣдовательно и сенатора. Онъ отличался такимъ умомъ, граждаескимъ мужествомъ и даромъ слова, что пользовался равнымъ уваженіемъ со стороны прогнвоположныхъ и враждебныхъ между собою партій: явленіе рѣдкое въ жизни политическихъ обществъ. О матери канцлера почтенный біографъ его, докторъ Кубаля, говоритъ, что это была одна изъ тѣхъ великихъ матронъ, которыхъ возвышенная жизнь протекала въ тишинѣ и спокойствіи. Надъ ея гробомъ, по его мнѣнію, можно было бы повторить слова, сказанныя Замойскимъ о ея братѣ, Фирлѣѣ: „Собраны сливки съ нашего молока“.

Но на вопросъ апостола: „течетъ ли мутная вода изъ чистаго источника?“ приходится огвѣчать здѣсь утвердительно. Чистѣйшіе источники старопольской жизни были повсемѣстно возмущаемы іезуитами у самаго жерла ихъ. До того умѣли эти ревностные служители папы поддѣяться подъ самые благородные характеры простосердечныхъ Полопусовъ, что нагубное воспитаніе, даваемое ими папскимъ дѣтямъ, прославлялось, какъ наилучшее. Такъ было и съ домомъ Оссолинскихъ.

Юрій Оссолинскій, будущій канцлеръ, лишился добродѣтельной матери на пятомъ году жизни, а добродѣтельный отецъ, на девятомъ

году, отдалъ его въ іезуитскую гимназію въ Пултускѣ, считавшуюся наилучшею въ Польшѣ. Здѣсь оставался онъ три года, которые совпали съ тѣмъ временемъ, когда польскіе іезуиты, съ королемъ Сигизмундомъ III во главѣ, обработали дѣло перваго Лжедмитрія. Насажденное ими въ польскихъ сердцахъ лукавство приносило уже свои плоды, и заражало атмосферу общественной жизни на широкомъ пространствѣ. Подъ вліяніемъ общаго извращенія чувства правды, честный Полопусъ доврчиво погрузилъ сына въ самое жерло религіозной и политической фальши.

Передъ воцареніемъ Сигизмунда Вазы, онъ оказалъ императорскому австрійскому дому памятное для этого дома усердіе, и теперь послалъ сына въ іезуитскую академію въ Грацѣ, состоявшую подъ главнымъ завѣдываніемъ эрцгерцога Фердинанда, будущаго императора, который любилъ и чтилъ орденъ іезуитовъ „какъ мать“, сохранялъ его „какъ зѣницу ока“ и объявлялъ во всеуслышаніе, что „лучше желалъ бы, чтобъ его собственный домъ исчезъ, нежели іезуиты“.

Біографъ Оссолинскаго говоритъ, что „никогда бы въ Польшѣ не могъ усвоить онъ такихъ католическихъ воззрѣній“, какія усвоилъ на всю жизнь въ тѣсномъ общеніи съ семействомъ Фердинанда и съ іезуитами. Четыре года провелъ онъ въ грацкой аптекѣ ядовъ, отравлявшихъ умы и сердца католическаго міра, а эти годы соотвѣтствовали тому крушенію нравственности въ московскомъ и польско-русскомъ народѣ, посредствомъ котораго іезуиты едва не погубили Московскаго Царства заодно съ будущимъ его приростомъ, воссоединенною Малороссією.

Но тогдашней общественной оцѣнкѣ, установленной, какъ въ Австрій, такъ и въ Польшѣ, іезуитами, Юрій Оссолинскій получилъ воспитаніе блестящее. Но оцѣнкѣ нашего современника, его біографа, монастырь и моларшій дворъ было все, что онъ видѣлъ; людей такихъ, какими они есть, Оссолинскій не зналъ и не понималъ,—можно сказать, что въ теченіе четырехъ лѣтъ не развился онъ вовсе... Въ этомъ-то и состояла суть іезуитскаго воспитанія.

Господствовавшая тогда въ Польшѣ мода велѣла образованному юности, передъ вступленіемъ въ государственную службу, совершить путешествіе по Европѣ. Въ этомъ Полякоруссы опередили Московоруссовъ тремя столѣтіями; но іезуиты обратили преимущество ихъ въ ничто.

Молодой Оссолинскій прежде всего посѣтилъ Голландію, которую такъ великодушно силится вырвать изъ католическихъ рукъ Вильгельмъ Оранскій, и которая ввѣрила ему власть на все время

войны за свободу совѣсти. Прошло уже 24 года послѣ того, какъ вооруженный іезуитами фанатикъ своимъ выстрѣломъ положилъ конецъ человѣколюбивымъ подвигамъ Вильгельма, — и представилъ „вольнаго Шляхетскаго Парода“, путешествуя по мѣстамъ, которыя Вильгельмъ Оранскій прославилъ въ исторіи борьбы съ деспотизмомъ, не находилъ для себя другаго дѣла, какъ богомольничать въ католическихъ церквахъ. Блѣдный и худой отъ прилежнаго ученія, едва вышедшій изъ отрочества, юноша „былъ похожъ на клерика“. Онъ состоялъ уже членомъ церковнаго братства Маріи Пачцы и такого же братства Св. Духа, а въ Краковѣ вписался у бернардиновъ членомъ братства Св. Михаила. Сохранились его записки, проливающія безотрадный свѣтъ на людей, которые считались лучшими и даже великими въ Польшѣ. Въ нихъ Оссолинскій рассказываетъ о характеристической продѣлкѣ, которую онъ сочинилъ самостоятельно, на шестнадцатомъ году жизни, по случаю болѣзни сопровождавшаго его, въ качествѣ тѣлохранителя, Далмата Посседари. Вотъ его собственныя слова: „Посседари заболѣлъ такъ, что три недѣли, отъ тяжкихъ страданій, находился почти въ безпамятствѣ. Опасаясь, чтобы меня, *plodogo chłorca*, не ограбили, или не умертвили, я выдалъ себя за его слугу, одѣвшись въ лакейское платье и говоря, что это убогій воишъ ѣдетъ изъ Москвы въ Пндерланды на службу, а меня, какъ знающаго нѣмецкій языкъ, уговорилъ въ Силезіи ѣхать съ собою“.

Въ Лувенѣ, славившемся своею разновѣрческою академіей, Оссолинскій слушалъ весьма прилежно цѣлый годъ философію, право, исторію, политику, блистательно защитилъ диссертацию „*De optimo reipublicae statu*“, посѣтилъ Фландрію, Англію, оттуда перѣѣхалъ во Францію, провелъ опять цѣлый годъ въ Парижѣ, усовершенствовался во французскомъ языкѣ, въ математикѣ и въ краснорѣчій. Кромѣ того бралъ уроки верховой ѣзды, игры на лютиѣ и танцевъ, изучая въ то же время всякія публичныя церемоніи и торжества. Послѣ того отправился на годъ въ Падую, гдѣ учился итальянскому языку, стилистикѣ и декламациі. Изъ Падуи ѣздилъ въ Римъ, чтобы изучать церковныя дѣла. Здѣсь онъ погрузился въ омутъ клерикальной казуистики, подъ руководствомъ чествуемаго при папскомъ дворѣ доминиканца, Авраама Изовскаго, славнаго автора *Церковной Лѣтописи*, какъ отецъ вызвалъ его домой по случаю предпринимаемаго королевичемъ Владиславомъ похода въ Московію, на который онъ смотрѣлъ, какъ на дорогой для молодаго человѣка случай проложить себѣ дорогу къ дигнигарствамъ и пожалованіямъ.

Теперь Юрій Оссолинскій не былъ уже похожъ блѣдною худощавостію на клерика. Теперь онъ чаровалъ всеѣмъ глаза прекрасною наружностію и тѣмъ, что называлось тогда *grandezza*, — тѣмъ искусствомъ лицедействовать въ роли публичнаго оратора и общественнаго дѣятеля, которое онъ усвоилъ себѣ въ высокой степени, какъ самое важное достоинство молодого аристократа. Только смѣхъ былъ на его выразительныхъ устахъ „слишкомъ рѣдкимъ гостемъ“. Но что насъ поражало бы непріятно въ молодомъ человѣкѣ, то еще больше возвышало его во мнѣніи общества польскорусскихъ магнатовъ, болѣе или менѣе одуряченныхъ іезуитскимъ взглядомъ на вещи. Во всѣхъ положеніяхъ жизни онъ былъ все тѣмъ же клерикомъ, явившимся въ разнообразныхъ роляхъ, — до того, что, когда ему пришлось соперничать за невѣжку съ богатѣйшимъ изъ польскорусскихъ шаповъ, княземъ Янушемъ Острожскимъ, и Янушъ внезапно скончался, онъ устраненіе соперника съ его дороги принималъ Господу Богу, и „благодарилъ святой масстатъ Божій за его великое провидѣніе (*za wielką opatrność Bożą Jego Świątemu Majestatowi dziękował*)“. Это его собственныя слова.

„Во всемъ его повѣствованіи“ „(говорить о запискахъ Оссолинскаго его біографъ)“ „видимъ его постоянно въ (ксензовскомъ) орнатѣ, и душно ли, хорошо ли онъ поспунасть, всегда у него Господь Богъ на устахъ“.

Перлъ іезуитскаго воспитанія не могъ оставаться въ Польшѣ безъ соответственной оправы. Въ виду угрозы Османа II завоевать Польшу по Балтійское море, чтобъ, окруживъ Европу своимъ флагомъ въ соединеніи съ голландскими и нѣмецкими протестантами, начать борьбу съ австрійскимъ домомъ, — надобно было согласить Англію къ противодействію магометанамъ. Органомъ этого соглашения былъ избранъ блестящій питомецъ іезуитовъ, и, чтобъ его несравненная *grandezza* дѣлала надлежащее впечатлѣніе, дали ему какимъ-то — выражусь по польски — *rokatnym* способомъ громкій титулъ графа Тенчинскаго. Въ своей сіяющей оправѣ, поражающей высокимъ, по мнѣнію современниковъ, просвѣщеніемъ, 26-лѣтній посоль оправдалъ передъ Іаковомъ I англійскимъ и его парламентомъ составившееся въ Польшѣ мнѣніе о его краспорѣчій. Какъ отецъ графа Тенчинскаго своимъ честнымъ внимательствомъ примирялъ враждобныя партіи даже во время конференціи, такъ наружность, ораторскія поэмы и декламація сына его производили на польскихъ верховодовъ такое впечатлѣніе, что когда, въ позднѣйшее время, поднимался онъ съ мѣста въ законодательномъ собраніи, самые сварливые люди умолкали ради одного

удовольствія слушать его. „Онъ царствуетъ словомъ (ille regit dictis)“, говорили о немъ приверженцы. „Обсезоруживаетъ умы и сердца (animos et pectora mulcet)“, прибавляли враги его... Такъ было и въ Англіи. При всемъ разномысліи своемъ, и горніи и биги заслушались цистероновской латыни посла красавца Рѣчь, произнесенную Оссолинскимъ передъ королевскимъ тропомъ, восхищенный Іаковъ повелѣлъ панскачать на латинскомъ, англійскомъ, французскомъ, испанскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Такъ и должно было бытъ. Оссолинскій владѣлъ въ совершенствѣ искусствомъ лести, и постигалъ истинно іезуитски слабыя стороны тѣхъ, къ кому обращалъ свое усладительное и вѣстѣ грандіозное слово, въ декламаціи же превзошелъ онъ всѣхъ своихъ учителей. По грустное впечатлѣніе дѣлаетъ нынѣ та часть рѣчи польскаго посла, въ которой онъ изобразилъ, какавъ предлежитъ опасность всей Европѣ, и панначе Англіи, въ случаѣ падевія Польши. Эти слова, внушенные блестящему оратору его національнымъ высокопріемъ, выслушивались въ то время, какъ нѣчто разумное, людьми, державшими въ своихъ рукахъ богатства и судьбы вселенной. Такое же впечатлѣніе производитъ и торжественный, пышный, пренециозный почтенеіа къ Польшѣ пріемъ посла съ самаго появленія его на англійской территоріи. То была горькая иронія такъ называсямаго рока, возвышающаго и низвергающаго гражданскія общества въ видахъ потребностей чело-вѣчества.

Торжество политическаго витіи почьскаго въ Англіи было полное. Но Іаковъ I относительно недалекой уже англійской революціи былъ то, что Сигизмундъ III относительно приближающейся Польской Руины. Будущіе кромвеллисты, пуритане, озабочивали его не меньше, какъ и будущіе хмельнисты, казаки, тревожили современнаго ему короля польскаго. Посольство Оссолинскаго и его продолжительное пребываніе въ Англіи не имѣли никакихъ результатовъ.

Къ чести польскорусскихъ правительственныхъ людей, сенаторовъ и земскихъ пословъ, созданный іезуитами государственный чело-вѣкъ не имѣлъ большаго между ними хода до конца жизни Сигизмунда Вазы. Изъ панской добычи, которою львы польской олигархіи дѣлились яростно между собою, Оссолинскій добился только трехъ староствъ. Этого было бы достаточно для многихъ другихъ пановъ, но слишкомъ мало для чело-вѣка съ его завоевательными средствами. Только передъ смертью стараго короля благопріятели сдѣлали его надворнымъ подскарбіемъ, что, при его выработанной въ іезуитскихъ

школахъ дѣятельности и ловкости, дало ему возможность держать въ рукахъ и Коронный Скарбъ.

Къ чести ума и сердца Владислава надобно также сказать, что, будучи королевичемъ, Владиславъ держалъ Оссолинскаго въ почтительномъ отдаленіи. Но Оссолинскій, возвышаясь медленно, заставилъ новаго короля, оцѣнить свои способности выше, нежели цѣнило ихъ олигархическое правительство. Въ качествѣ палаточнаго подскарбія, то есть министра двора, принималъ онъ важное участіе въ избраніи на престолъ сына почившаго короля, и сдѣлался его ораторомъ, его частнымъ министромъ. Новый король осыпалъ его вдругъ такими дарами, что одну только пожалованную ему саблю цѣнили въ 10.000 злотыхъ. Но Владиславъ IV сверхъ того подарилъ ему собственный дворецъ въ Варшавѣ, шестерню дорогихъ лошадей, 60.000 наличными деньгами, богатые обои, которыми были украшены хоры краковского собора, и бидгоское староство, одно изъ богатѣйшихъ въ Польшѣ. Сколько эта чрезмѣрная щедрость озлила нѣкоторыхъ олигарховъ, столько привлекла она къ восходящему свѣтилу можновладства другихъ, заинтересованныхъ по-своему въ королевскихъ пожалованіяхъ. Результатомъ умноженія благопріятелей новаго вельможи было то, что коронаціонный сеймъ согласился на замѣну его дѣдичныхъ добрь королевскими добрами, называвшимися Смердиною и находившимися въ его „державѣ“. Подобная мѣна всегда составляла выгоду частнаго лица, и была для Оссолинскаго своего рода наградою, которая опять привлекла къ нему многихъ, видѣвшихъ въ этомъ собственный интересъ.

Оссолинскій началъ играть въ одно и то же время двѣ роли, повидимому несомвѣстныя: католическая партія видѣла въ немъ своего представителя, такъ точно какъ и протестантская, или что въ сущности было одно и то же, разновѣрческая. Питая противоположныя надежды однихъ и другихъ, подвизался онъ для себя лично, вовсе не для короля, и въ то время, когда казалось, что католичество для него всего дороже, или, что для разновѣрцевъ онъ рискуетъ своею репутаціей въ католическомъ свѣтѣ, — на днѣ его души таплась польская *privata*, поддерживаемая *брацшиками Іезуса* въ польскихъ можновладствахъ весьма старательно. .

Новый глава олигархической республики, король Владиславъ, избралъ политику, противоположную политикѣ миновавшаго царствованія. По его мнѣнію, другъ и наставникъ отца его, императоръ Фердинандъ II, въ своей ревности къ церкви, обнаруживалъ нелюбовь къ своему народу. Владиславъ заявлялъ не только религіозную *терпимость*, но и религіозное *согласіе*. Предполагалось привлечь къ дѣя-

тельному участию въ предпріятіяхъ короля и протестантовъ, и державшихся съ ними за руки православниковъ важными уступками въ ихъ домогательствахъ, только эти уступки подлежало сдѣлать такимъ способомъ, который бы успокоилъ негодованіе католической партіи и самого папы. Въ проведеніи такого неудобопонятнаго для насъ церковно-политическаго проекта Оссолинскій выросъ во всю высоту своего злоторнаго генія, въ которомъ проявился оіезуиченный геній самой Польши.

Желая возвратить своему дому протестантскую Швецію, новый король обѣщалъ не ограничивать свободы польскихъ диссидентовъ никакими мѣрами; а намѣревался объявить свои права на московскій престолъ, привлекалъ опъ къ себѣ дивинитовъ. Между тѣмъ первенецъ новой династіи московскихъ государей, пользуясь промежуткомъ безкоролья въ Польшѣ, вознамѣрился отнять у нея старыя ворота своего царства, Смоленскъ. Польскихъ патріотовъ тревожило опасеніе, какъ бы Москва не привлекла къ себѣ малорусскихъ православниковъ, которыхъ они воображали солидарными въ ихъ національныхъ и общественныхъ интересахъ. Перемиріе со Шведами истекло уже. Въ случаѣ новой войны, боялись, какъ бы Шведы не нашли себѣ доброжелателей въ Королевской Республикѣ. При такихъ обстоятельствахъ, правительственные папы-католики, въ безкорольное время, были принуждены къ уступкамъ диссидентамъ и совершенно предоставили новому королю успокоеніе „схизматиковъ“, какъ называютъ Поляки православныхъ и нынѣ.

Въ качествѣ война, король дѣйствовалъ искренно, но совѣтники и руководители его, во главѣ которыхъ стоялъ Оссолинскій, основывались на іезуитскомъ правилѣ, по которому въ присягѣ слова и намѣренія могутъ быть и не одинаковы, такъ что, кто передъ Богомъ обѣщаетъ исполнить данное слово, но въ то самое время вознамѣрился не исполнить его, того присяга не обязываетъ ни къ чему. Когда Владиславъ произносилъ торжественную присягу—внести въ самую жизнь то, чтѣ обѣщалъ диссидентамъ и православникамъ ревностный католикъ, литовскій канцлеръ, Альбрехтъ Стапиславъ Радивиль, *) присутствуя при этомъ официально, шепнулъ ему на ухо: „Не можете ваша королевская милость имѣть этого въ *намѣреніи*“; на чтѣ король

*) Это древнерусское имя писали еще по-русски въ XVI-мъ столѣтіи (авторъ Боркулабовской Хроники) и въ XVII-мъ (Кулаковъ, Самовидецъ). Я пишу его по-русски въ XIX-мъ.

отъявлялъ честно: „Кому присягаю устами, тому присягаю и памѣреніемъ“.

Слова Радзивила служить историкъ ключемъ къ объясненію дальпѣйшихъ дѣйствій католической партіи, представляемой въ своемъ лицѣ Оссолинскимъ.

Зная обнаруженное этими словами правило, папскіи пунціи тотчасъ успокоились на счетъ сдѣланныхъ схизматикамъ уступокъ, лишь только ему сказали, что уступки вынуждены временною необходимостью, въ видахъ войны съ Москвою; что король обѣщаль вести унию инымъ, болѣе прочнымъ способомъ; что отправить къ намѣ посольство для объясненія своихъ дѣйствій, и не только обѣщаль ему привести на лонѣ католической церкви польскихъ схизматиковъ, но и Шведовъ, и Москву, противъ которой идетъ воевать, повергнуть къ ногамъ святаго отца. Собственно королю пужно было не позволеніе, а молчаніе Римской Куріи, потому что католическая партія была довольно сильна для того, чтобы всѣ планы его рушились, еслибы папа объявлялъ свое несогласіе на тѣ пункты перемирія съ иновѣрцами, въ которыхъ присягнулъ король.

Существовалъ въ Польшѣ обычай—по восшествіи на престолъ новаго короля, посылать въ Римъ посольство для засвидѣтельствованія Апостольскому престолу государственной подчиненности, которою Поляки гордились, какъ ревностнѣйшіе изъ всѣхъ воеводъ подъ знаменемъ Св. Креста. Теперь надобно было снарядить посольство, какъ для оправданія сдѣланныхъ иновѣрцамъ уступокъ, такъ и для другихъ, менѣе важныхъ для короля дѣлъ, изъ которыхъ особое вниманіе русскаго историка обращаетъ на себя ходатайство шляхты передъ святымъ отцомъ о пріостановленіи перехода папскихъ, иначе земскихъ, имуществъ въ руки духовенства.

Уже четыре короля старались пріостановить это зло, угрожавшее Польшѣ, по словамъ самихъ католиковъ польскихъ, обратить ее въ „духовное государство“. Въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда III особенно усилился зловѣщій переходъ свѣтскихъ имуществъ къ духовенству; на другихъ же имѣніяхъ отяготѣли такіе долги, что много богатыхъ землевладѣльцевъ было вытѣснено духовными людьми изъ имѣній, а сыновья ихъ „принуждены были жить среди козаковъ“. Папскимъ пунціямъ, резидовавшимъ въ Польшѣ, представлялась уже возможность—въ короткое время обратить въ католичество всю русскую шляхту, а за нею мѣщанъ и мужиковъ, безъ всякихъ уѣщаній, однявъ тѣмъ, чтобы всѣ 23.000 дигнитарствъ и бенефіцій, находившихся въ распоряженіи короля, раздавать однимъ только духовнымъ“.

Посломъ въ Римъ былъ избранъ человѣкъ, пользовавшійся до-
вѣріемъ не только такихъ пановъ, какіе возвели на митрополию Петра
Могилу, но и такихъ, какіе стояли за сиппой у литовскаго канцлера,
когда онъ шепталъ королю достопамятное слово о *милнреніи*. Самые
іезуиты надѣялись, что имъ, какъ ордену полуефѣтскому, Тенчинскій
графъ, помимо орденовъ монашескихъ, неходатайствуетъ разрѣшеніе
святаго отца на обращеніе шляхетскаго сословія въ безземельниковъ.
Но у нихъ, сверхъ того, была еще тяжба съ Краковскою Академіей,
которую они тѣснили своими школами. Онъ и здѣсь возлагали на-
дежду на своего питомца, такъ точно какъ надѣялись на него и
академики.

Въ качествѣ великаго посла, Оссолинскій воспользовался выве-
занными изъ Москвы сокровищами коронаго скарба, для того чтобъ
явиться передъ Западною Европою представителемъ „величайшаго изъ
монарховъ Сѣвера, короля польскаго, шведскаго и царя московскаго“.
Нагляднымъ представленіемъ могущества своего монарха и своею соб-
ственною пышностью ему надобно было облегчить себѣ достиженіе
предположенной цѣли въ томъ городѣ, „гдѣ“ (по замѣчанію самихъ
Поляковъ) „богатымъ и сильнымъ рѣдко въ чемъ отказывали“. Но, такъ
какъ богачемъ онъ всё-таки не былъ и „денегъ напрасно тратить не
любилъ“, то въ приготовленіяхъ къ своему посольству долженъ былъ
прибѣгнуть къ соображеніямъ, свойственнымъ его изворотливости.

Прежде всего подобралъ онъ себѣ „дворянъ“, отличавшихся му-
жественною красотой, богатствомъ и образованностью, изъ которыхъ
бы каждый представлялъ съ таковымъ достоинствомъ особу посла, своего
папа, съ какимъ онъ самъ — особу короля, и чтобы, видя ихъ, можно
было сдѣлать выгодное заключеніе обо всей шляхтѣ. Знаа, съ какимъ
великолѣпіемъ появлялся въ Римѣ посольства французскія, поста-
новилъ онъ: „чтобы то, что у нихъ было изъ серебра, у него было
изъ чистаго золота, — что у нихъ изъ золота, то у него изъ драго-
цѣнныхъ камней, — что у нихъ изъ драгоценныхъ камней, то у него
изъ діамантовъ“. А для того стѣбло только взять изъ коронаго
скарба на показъ все блестящее да истратить соответственно незна-
чительную сумму на выставку, — и глаза Римлянъ будутъ ослѣплены.
Кортежъ его состоялъ изъ 300 людей, 20 экипажей, 30 верховыхъ
лошадей, 10 вьючныхъ верблюдовъ и соответственнаго количества
загруженныхъ всякимъ добромъ брикъ. Все это было распределено и
построено съ такою глубокою обдуманностью, для пораженія Римлянъ
взвѣшеніемъ, съ какимъ геніальный воинъ ведетъ въ огонь свои необдо-
носныя колонны. Въ довершеніе дешеваго эффекта, Оссолинскій взялъ

папѣ лодичиную грамоту Константина Великаго, которою Константинъ подарилъ церкви городъ Римъ. Грамота эта, по завоеваніи Турками Константинополя, сдѣлалась достояніемъ казны московскихъ царей, а по взятіи Москвы великимъ Русиномъ Жовковскимъ, попала въ польскія руки: „драгоценный подарокъ для папы и славный для Польской націи“, какъ пишутъ Поляки.

Въ то самое время, когда Оссолинскій дивилъ представителей католической Европы театральнымъ великолѣпіемъ своей обстановки, получено было въ Римѣ извѣстіе о торжествѣ короля Владислава надъ московскою ратью подъ Смоленскомъ. Это событіе вдохновило польскаго оратора такою громозвучностью, хвалебною для короля и папы, а порицательною для Москвы, что святой отецъ тутъ же сказалъ своему камерленго:*) „И Цицеронъ не гонорилъ бы лучше“.

Слушали латинскую рѣчь Оссолинскаго послы французскій и другихъ католическихъ государствъ. Было чтò слушать имъ. Представитель могущественнѣйшаго монарха Сѣвера привѣтствовалъ главу западной церкви такими наиримѣръ словами:

„Сколько ни сѣть народовъ, покрывающихъ Сѣверъ Европы на широкомъ пространствѣ отъ Кариатъ до Каспійскаго моря и отъ Ледовитаго океана до моря Чернаго, все они, въ лицѣ моего монарха Владислава, преклоняются или предъ престоломъ твоимъ, святой отецъ: ибо все тамоншіе народы— или принадлежатъ его маестату по праву наслѣдственному, или же, покоренные оружіемъ, признають его повелителемъ своимъ“.

Національное самохвалство польскаго посла паходило въ Римѣ полное сочувствіе, когда онъ говорилъ: „Оттоманскій полумѣсяцъ, разрушившій столько городовъ укрѣпленныхъ, нерешачившій столько непроходимыхъ пропастей и быстрыхъ рѣкъ, истребившій столько христіанскихъ поселеній, останавливаютъ Поляки голою грудью. Что татарская свирѣность не разлилась по всей Европѣ, этимъ обязана Европа одной Рѣчи Носполитой. Многократно побѣдили мы Москалей, христіанъ только именемъ, самимъ же дѣломъ и обычаемъ горныхъ изъ всехъ варваровъ,— побѣдили, и наконецъ прекраснѣйшую часть ихъ областей обратили въ нашу провинцію... Узришь еще, съ помощію Вожіей, передъ своею столицей и одичалыхъ скандинавскихъ львовъ, присмирѣвшихъ подъ могучей рукою Владислава; узришь

*) Это званіе носитъ при дворѣ папы кардиналъ, управляющій юстиціей и финансами. Послѣ смерти папы до избранія новаго, камерленго управляетъ папскимъ царствомъ.

передъ собой отступниковъ общаго пастыря, и затворишь ихъ въ овчарнѣ своей“, etc. etc.

Чтобы заручиться помощью самовластной олигархіи въ великихъ предіриятіяхъ короля своего, проектировалъ Оссолинскій еще прежде союзъ католическихъ магнатовъ подъ фирмою рыцарскаго братства Безпорочнаго зачатія. Это братство должно было состоять изъ 48 членовъ, возвышенныхъ папою въ княжеское достоинство и обязанныхъ повиноваться въ войнѣ съ нехристіанскими великому магистру, польскому королю. Папа, чрезъ своего нунція, обѣщала дать санкцію проекту Оссолинскаго, который, служа мечтательнымъ видамъ Владислава, въ то же самое время представлялъ Римской Куріи новый способъ обладанія Польшею въ лицѣ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ ея олигарховъ. Теперь, восхищенный посломъ и посольствомъ, папѣстникъ Христа утвердилъ Братство Безпорочнаго Зачатія, и далъ Оссолинскому титулъ римскаго князя. Зато жъ и римскій князь увѣрялъ Христова папѣстника, что въ Польшѣ „весь сеймъ, сепаръ и и народъ больше заняты борьбою за религію съ согражданами своими, нежели безопасностью и цѣлостью общаго отечества“.

Но тутъ Оссолинскій зашелъ уже слишкомъ далеко въ обольщеніи властителей земли: основавшись на его увѣреніи, папа не постыжился вводить епископствомъ и епископъ храмомъ изъ той добычи, какую получилъ въ польской Руси чрезъ посредство измышленной іезуитами униі. Наруженная имъ конгрегація изъ 4 кардиналовъ, 4 прелатовъ и 4 ученѣйшихъ теологовъ, послѣ пятнедѣльнаго извѣщиванья этого вопроса на католическихъ вѣсаль, не могла найти никакого способа, которымъ бы Апостольская Столица могла принять самадѣйшее участіе въ возвращеніи епископикамъ ихъ предковской собственности. Оссолинскій добился того, что папа запретилъ монашескимъ орденамъ въ Польшѣ пріобрѣтать земелія имуществъ (однакожъ фактически оказались это невозможнымъ), добился своимъ истинно іезуитскими уловками, черезъ самихъ же іезуитовъ, и того, что іезуитскія школы, основанныя въ Краковѣ вопреки привилегированной королями Краковской Академіи, были закрыты; но вопросъ униіекаскій de jure остался въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ при Сигизмундѣ III.

Такимъ образомъ то, для чего собственно ѣздилъ Оссолинскій въ Римъ, послужило только къ его славѣ среди толпы, стекавшейся со всего свѣта въ столицу католичества, и къ его возвышенію въ глазахъ людей, цѣнящихъ заслуги по титуламъ. Возвращаясь въ отечество черезъ Флоренцію, Венецію и Вѣну, онъ былъ принимаемъ

точно владѣтельный потестагъ, и осмыаемъ безпримѣрными подарками, а Фердинандъ II австрійскій вручилъ ему на прощаніе дипломъ, которымъ княжеское титуло, присвоенное имѣніямъ Оссолинскаго, сдѣлалось принадлежностью, какъ его особы, такъ и его потомковъ; Фердинандъ наименовалъ его княземъ Римской Имперіи. Латинскимъ языкомъ различіе между двумя титулами выражалось такъ: *Princers Ossolinski, Dux in Ossolin*.

Возвратяе въ отечество, Оссолинскій получилъ въ награду обширныя имѣнія въ завоеванной кородемъ Сѣверин, къ которымъ прикупили еще Батурины съ его окрестностями и Копотоць. Теперь онъ былъ вполнѣ магнатъ, или то, что Полякоруссы называли *на всю чубу пань*.*) Но король былъ имъ недоволенъ; іезуиты обидѣлись; духовные и свѣтскіе можновладѣнники завидовали; шляхта видѣла свои надежды обманутыми, а его титулами была разогорчена.

Всего досаднѣе шляхтѣ было то, что Оссолинскій не привезъ изъ Рима запрещенія *всему* духовенству пріобрѣтать земскія имуществва. Уже давно ходили въ Польшѣ тревожные толки, что духовенству принадлежатъ въ Коронѣ больше имѣній, нежели королю и дворянству. Въ недавнее время нѣкоторые монашескіе ордена, путемъ судебныхъ обязательствъ, получили въ Великой Польшѣ по 15, 20 и 30 сель, а подъ нашимъ Львовомъ католическое поповство и монашество пріобрѣло покупкой столько имѣній, что „еслибы надобно было выбрать подсудка, то пришлось бы выбирать монаха или монахиню“. Лучшіе изъ католиковъ были такого мнѣнія, что „безмѣрное расширеніе церковныхъ имуществъ затрудняетъ согласіе между сословіями свѣтскимъ и духовнымъ, помогаетъ возрастанію еретичества, подкапываетъ рыцарство и грозитъ католической церкви презрѣніемъ, а отечеству руинною... Могутъ наступить такіа времена“ (говорили многіе), „когда шляхта не будетъ въ состояніи и даже не захочетъ оборонять духовенство: тогда ерѣтники возьмутъ себѣ все“.

Но, вступивши козла въ огородъ еще тогда, когда невѣжество мѣшало знать его свойства, шляхта не знала теперь, какъ положить предѣлъ его вредоносности. Въ облегченіе „сословія рыцарскаго“, хотѣли стѣснить церковную собственность разными обязательствами. „Рѣчь Носологга“ (твердили поумнѣвшіе вотще люди) „окружена со всехъ сторонъ грозными непріятелями. Штъ у нея другихъ крѣпостей, кромѣ шляхетскихъ пороховъ. Шляхтичъ долженъ приготовить сыпчовей

*) Взято съ польскаго *pan sąd gęba* (*gęba*—ротъ).

въ военной службѣ, покупать вооруженіе, держать на готовѣ коня, отбывать военную службу на собственномъ содержаніи, идти на посполитое руженіе и почти всегда впуываться въ долги, при этомъ оставлять хозяйство, во время похода нести значительныя траты, издерживаться на воспитаніе дѣтей, давать приданое дочерямъ. На его головѣ лежатъ пожертвованія, монашескіе ордена, записи костеламъ, содержаніе каплицъ и гробовницъ, церковныя расходы, десятина, литургійная плата (*meszne*), зерновая десятина (*małdgały*), выкупъ пльншкѣвъ, сеймикованье, трибунальныя расходы, военныя смотры. Духовныя же никакихъ издержекъ не несутъ, и потому обростають перьямъ, скопляютъ деньги и скупають шляхетскія имѣнія. Было бы справедливѣе, чтобъ они отъ своего достатка удѣляли шляхтѣ, а не отъ шляхты приобрѣтали добра, которыя должны испарушимо переходить въ рыцарскія руки въ рыцарскія, чтобъ и Рѣчь Посполитая, и костелы оставались цѣлыми... Республика—хозяйка у себя: *możesz* она воспретить вссизамъ и монахамъ приобрѣтеніе шляхетскихъ имуществъ“.

Много было всяческихъ пререканій со стороны противниковъ и защитниковъ духовенства. Защитники уснокаивали шляхту закономъ 1607 года, по которому духовнымъ нельзя ни приобрѣтать свѣтскихъ мастностей, ни держать ихъ за собой пожизненно. Противники отвѣчали, — что „этого закона невозможно привести въ исполненіе по причинѣ могущества духовенства, которое не признаеть его. Да его легко и обойти, потому что, хотя бы законъ и ангелы писали, а дьяволъ въ въ немъ лазейку найдетъ. Вотъ наша запретила монахамъ приобрѣтать имущества, а монахи твердятъ, что подъ предлогомъ милостыни (*jałmużny*) приобрѣтать дозволено“.

Дѣло кончилось тѣмъ, что на сеймѣ 1635 года было запрещено *всему* духовенству приобрѣтать земскія имущества. Но сеймовыя постановленія часто оставались въ Польшѣ мертвою буквою. Духовныя органы Сейма, епископы, отстаивали сильно свое полное обладаніе жалкимъ Шляхетскимъ Народомъ, и только юридически не устояли противъ соединенныхъ усилій шляхты.

Король, будучи въ согласіи съ антиклерикалами, настоялъ и на томъ, чтобы сеймъ, не взирая на напу, подтвердилъ его примиреніе съ малорусскими противниками уни.

Въ этомъ случаѣ безславіе общественнаго мнѣнія въ Польшѣ, колеблемаго во все стороны, выразилось тѣмъ, что маршаломъ Посольской Избы выбранъ былъ не кто другой, какъ тотъ же, недавно всехъ огорчившій¹ Оссолинскій, и онъ-то, главнымъ образомъ, содѣйствовалъ

сеймовому постановленію относительно юридическаго спасенія шляхты отъ стяжательности духовенства.

Но зато его великолѣбный проектъ о титулахъ, сопровождаемыхъ ношеніемъ орденаго креста на золотой цѣпи, подложенной лентою, — проектъ, за который ухватился Владиславъ для подкрѣпленія своего ничтожнаго монархизма, сеймующая шляхта отвергла рѣшительно, для сохраненія своего гражданскаго равенства, надобно помнить, только номинальнаго.

Съ тѣмъ же упорствомъ стояло законодательное собраніе и противъ войны, которой жаждалъ король, мечталъ возвратитъ отчизну предковъ своихъ, Шведское Королевство, и достояніе козачиискаго оружія, престолъ нашихъ Рюриковичей, занимаемый уже 23 года Романовыми, — возвратитъ съ тѣмъ, чтобы соединенныя силы трехъ монархій обратитъ противъ Турокъ, а въ концѣ концовъ — обезсмертитъ себя завоеваніемъ Гроба Господня.

Добиваясь высшаго и высшаго положенія въ государствѣ, Оссолинскій поддерживалъ рыцарскую мечтательность короля, и въ то же самое время комбинировалъ всевозможныя событія въ пользу всемірнаго владычества римскаго папы. Въ 1638 году онъ былъ наименованъ короннымъ подканцлеромъ, а въ 1645-мъ — короннымъ великимъ канцлеромъ. Восходя со ступени на ступень, онъ, подобно многимъ счастливицамъ того времени, вѣровалъ въ свою звѣзду, ворочалъ все въ законодательнымъ собраніемъ, смотрѣлъ на него сверху внизъ, и дошелъ до того, что произнеслъ передъ соединенными Посольскою и Сенаторскою Избами такія слова, которыя, по выраженію его біографа, были „дерзкимъ пренебреженіемъ всего законодательнаго собранія“. По этиамъ-то и бралъ онъ у короля, который постоянно боролся за монархическія права свои съ сеймовыми представителями панской республики. Въ 1639 году, изъ-за его открытой наглости противъ маршала Посольской Избы, государственный сеймъ былъ что называется сорванъ. По собственнымъ словамъ Оссолинскаго, онъ „карабкался выше и выше по скаламъ, и преодолялъ самую фортуну“. Не мудрено, что такой фаталистъ политической шитриги былъ вдохновеніемъ рыцаря-короля, и держалъ его до конца подъ своимъ пагубнымъ вліяніемъ.

Едва ли не самымъ лукавымъ, иначе — самымъ глубокимъ, дипломатическимъ замысломъ Оссолинскаго было созданіе въ Польшѣ малорусскаго патриархата, напрасно приписываемое Владиславу. По пословицѣ *ex ungue leonem* *), оно похоже больше на изворотливаго

*) По когтямъ узнаютъ льва.

выскачку-магната, нежелли на простодушнаго вонна-короля. Еслибъ удалось Оссолнскому облечь Петра Могилу патриаршимъ сапомъ, то этимъ самымъ была бы расторгнута историческая связь польской Руси съ Востокомъ, слѣдовательно и съ Русью московскою, унія съ западною церковью совершилась бы сама собою, и тогда бы оправдалось таинственное обѣщаніе короля, что онъ устроитъ новую унію, болѣе прочную и могущественную, нежелли Брестская, которую нарушилъ онъ ради того же Петра Могилы. Одинъ пана, но не кіевскій митрополитъ, какъ у насъ думаютъ, былъ ревнителемъ къ созданію малорусскаго патриархата, который разлучилъ бы навсегда двѣ русскія народности, и сдѣлалъ бы въ исторіи римской церкви имена Оссолнскаго и Петра Могилы одинаково великими. Для сохраненія церковной традиціи во всей непарушимости, святой отецъ неумышленно погубилъ Польшу и, на вѣчное горе своихъ поклонниковъ, спасъ отъ пещеновенія въ польскомъ элементѣ Малороссію.

Безаги замѣчу здѣсь, что въ Римѣ вовсе не понимали, какъ стоять у насъ уніятское дѣло. Находя немыслимымъ утвердить малорусскій патриархатъ, пана находилъ возможнымъ для Петра Могилы и его пріятеля, Адама Кисѣля, среди тогдашняго смятенія малорусскихъ умовъ, объявить себя католиками. Въ 1643 году онъ звалъ своими письмами того и другаго на лоно римской церкви.

Да, король былъ воинъ, а не политикъ. Вопреки пріемамъ Оссолнскаго, который, съ именемъ Господа Бога на устахъ въ добрыхъ и злыхъ поступкахъ, всегда дѣйствовалъ такъ, что и козы были сыты, и сѣно цѣло, онъ прослѣлъ въ Римѣ „главнымъ онесуномъ еретиковъ и схизматиковъ“; онъ поссорился изъ-за уніи съ паной Урбаномъ VIII, и вооружилъ его противъ себя такъ, что святой отецъ велѣлъ іезуитамъ сдѣлать королевскаго брата, Яна Казимира, членомъ своего ордена, и собственноручно увѣдомилъ о томъ короля. Владиславъ былъ задѣтъ этимъ за живое, и не могъ удержаться отъ слезъ. Надоѣло ему наконецъ возиться съ церковными дѣлами. Онъ предоставилъ нововское попанъ, и погрузился въ комбинацію борьбы съ мусульманами во славу своего, можно сказать козацкаго, имени.

Съ осени 1644 года на панскомъ престолѣ, вмѣсто Урбана VIII, сидѣлъ Иннокентій X, отличавшійся дружелюбіемъ къ польскому воевнественному королю. Подъ его ласковымъ вліяніемъ, у Владислава ожила съ повою силою мысль объ изгнаніи непріятелей Св. Креста изъ Европы. Осуществленіемъ этой мысли король, очевидно, надѣлся дать иной оборотъ церковнымъ дѣламъ въ Польшѣ. Притомъ же онъ имѣлъ въ виду испровергнуть имперію Оттомановъ чрезъ посредство

христіанскихъ подданныхъ султана: мечта, сдѣлавшаяся популярною и въ козацкой республикѣ со времени пребыванія въ ней Александра Оттомануса, назвавшаго себя крещенымъ султаншчемъ. Поэтому не слѣдовало ему огорчать константинопольскаго патріарха и его Грековъ малорусскимъ патріархатомъ, который папу церковную іерархію привелъ бы прямой дорогой къ „единости“ съ церковью римскою. Да и папу надобно было по возможности ласкать уваженіемъ церковныхъ традицій, разсчитывая на его денежную помощь...

Григорій XV помогать Сигизмунду III деньгами во все время войны съ Османомъ II и платилъ ему 10.000 скуди *) ежемѣсячно до конца жизни, для содержанія военной силы противъ Турокъ, не считая щедрого пожертвованія, сдѣланнаго кардиналомъ Вамберини. Такой же помощи ожидалъ и Владиславъ IV отъ папы Иннокентія X. На письмо свое о пособіи получилъ онъ отвѣтъ благопріятный. Папа обѣщала помогать Полякамъ, очевидно, въ видѣ подкупа ихъ относительно уніи, которая была, какъ сознается польская историографія, — „зѣницей ока католической церкви“. Посылая въ Польшу нунція Торреса, архіепископа адрианопольскаго *in partibus infidelium*, то-есть титулярнаго или будущаго, папа велѣлъ ему дѣйствовать по предмету соединенія церкви тайно даже отъ короля и примаса **), открываясь во всемъ только тремъ лицамъ, Оссолинскому, Селявѣ и Терлецкому, которые должны были настаивать на немъ, какъ поступать съ примасомъ, чтобъ онъ помогъ у короля и стоялъ за Брестскую унію на сеймѣ.

Этотъ наказъ обнаруживаетъ самъ по себѣ, какого двуличнаго человѣка сдѣлалъ своимъ нанерспикомъ Владиславъ IV въ особѣ канцлера, и чего надобно было ждать отъ королевскаго любимца въ рѣшительные моменты внутренней и внешней политики.

Оссолинскій придумалъ способъ для открытія военныхъ дѣйствій противъ Турціи безъ согласія польской палаты депутатовъ, называвшейся Посольскою Избою и польской палаты перовъ, называвшейся Избою Сенаторскою. Король былъ отъ него въ восхищеніи. По плану канцлера, известное уже намъ постановленіе сената объ отказѣ Татарамъ въ подаркахъ должно было оставаться во всей силѣ до полнаго собранія на сеймѣ обѣихъ законодательныхъ палатъ. Раздосадованные отказомъ Татары не замедлятъ вторгнуться въ польскія границы. Тогда король воспользуется предоставленнымъ ему правомъ

*) Итальянская монета *scudo* цѣнилась въ 5 франковъ 35 сантимовъ.

***) Вспомнимъ, что и въ Паллавайково время примасъ чуждался церковной уніи. (См. выше стр. 108 перваго тома).

„отвращать отъ государства опасность собственными средствами“, изъ оборонной войны перейдетъ въ наступательную и займетъ Крымъ. Турки станутъ оборонять свою Татарію. Намамъ, домогавшимся отъ короля мира, по-неволѣ придется поддержать честь польскаго оружія и вторженемъ въ Турцію предупредить повтореніе Хотинской войны. Обѣщанная паню дещи, вѣстѣ съ ея влініемъ на католическую партію, устроитъ остальное. Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, планъ Оссолинскаго.

Шляхта, въ своемъ вѣчномъ разладѣ съ панами, желала Турецкой войны, подобно ея родственикамъ, козакамъ, которые постоянно расходились въ своихъ интересахъ съ богатою и мирною частью населенія Рѣчи Посполитой. Оссолинскій умѣлъ и дома не хуже, какъ за-границей, направлять умы къ предположенной цѣли; по его задушевная цѣль всегда и для всѣхъ оставалась тайною. Въ качествѣ великаго, то-есть корошнаго, канцлера, опъ, въ сеймовой пропозиціи 1645 года, высказался такъ:

„Въ обезпеченіе украинскихъ земель мы основывались на платѣ Татарамъ подарковъ, которые они попросту зовутъ гарачемъ. Этого всею ослабленный стыдъ нашего народа спослалъ ны еще, пока пана дань уголяла въ Ордѣ жажду грабежа и плѣненія въ Польшѣ. Теперь же, когда весь Крымъ едва не обратился въ разбойничій вертепъ тѣхъ, которые увозятъ наши подарки, король преднолагаетъ вамъ на размышленіе: хотите ли оставаться въ такомъ посрамленіи, платя за собственныя утраты, или же, уповаемъ на милость Божію, на дозипное счастье и доблесть нашего монарха, на пламенную готовность вождей служить отечеству и на мужество войска, желаете поступить, какъ велитъ намъ— неизвращенная слава нашихъ народовъ, безопасность нашихъ братій, достоинство шляхетской крови и, наконецъ, свобода столькихъ душъ, кровью Спасителя нашего искупленныхъ, прикованная къ язическимъ галерамъ на гибель христіанства. Не хотите ея милость король отдавать на странномъ Божіемъ судѣ отчетъ въ такомъ множествѣ своихъ подданныхъ, отуреченныхъ, Божіе ны ругающихъ; не желаетъ онъ также кровавыхъ слезъ, вызывающихъ къ Богу о мщеніи и прощающихъ небеса. Готовъ онъ вѣранныхъ ему людей заслонить отъ ихъ несчастія собственною грудью и тамъ искать свободы, откуда приходитъ неволя“.

Польско-русскіе магнаты, при всей своей гордости, можно сказать царственной, издавна привыкли продавать королямъ свои услуги за дигнитарства и пожалованія. Владиславъ задобрилъ представителя когда то православныхъ Острожскихъ, Доминика, князя на Острогѣ

Заславскаго, литовскаго подканцлера Льва Сопігу, Юрія Скумина Типковича, Іеремію князя Вишневецкаго, Януша Радивиля, а въ томъ числѣ и фактора продажи, Юрія Оссолинскаго, раздачею—кому воеводства, кому гетманства, кому города, кому богатаго староства. Прочіе „дуки“ польской олигархіи должны были ждать и дослуживаться такой же раздачи. Но кромѣ дигнитарствъ и королевщинъ, у Владислава въ рукахъ были еще римскіе скуди, которые было предположено дѣлить между пособниками Турецкой войны. Побѣдитель московской рати покуналъ у пановъ, подъ видомъ помощи, косвенное позволеніе выступить на новое поприще военной славы, и фактическіе государи Польши обѣщали явиться къ титулярному королю своему съ контингентами, какъ союзники. Когда Татары будутъ отражены и прогнаны, въ чемъ, послѣ Охматовскаго пораженія, не сомнѣвался никто, побѣдители „на ихъ шеяхъ“ вѣдутъ въ Крымъ; но то будетъ уже не войско Рѣчи Посполитой, а *корунги польскихъ пановъ*: различіе, съ польской точки зрѣнія, существенное. Всѣмъ будетъ казаться, что воюеть не король, не Королевская Республика, а Заславскій, Радивиль, Вишневецкій и другіе по собственной волѣ (на *swoja ręce*), безъ вѣдома и дозволенія короля въ отмщеніе за татарскій побѣгъ на *ихъ владѣнія*. Этимъ же способомъ крымскіе ханы не разъ высылали въ Польшу своихъ мурзъ; не одинъ разъ и Порта, повелѣвъ хану вторгнуться въ Украину, оправдывалась потомъ, что случилось это безъ ея вѣдома. А чтобы Турки не помогли Татарамъ, казаки, съ позволенія корошняго гетмана, пойдутъ на Черное море и не допустятъ галеръ турецкихъ въ Крымъ.

Въ ожиданіи папскаго отвѣта касательно 500.000 скуди ежегодно на два года, король поставилъ отдать Москвѣ городъ Трубчевскъ и звать ее къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Татаръ, а изъ Турціи придетъ къ нему извѣстіе, лишь только загорится война съ Венеціей.

Вся свои дѣла по обдуманному такимъ образомъ плану, король могъ обойтись безъ постановленія сейма. Довольно было для него—согласія обонхъ канцлеровъ, корошняго великаго гетмана да нѣсколькихъ первенствующихъ пановъ.

Весною 1645 года ожидаемая Турко-Венеціанская война вспыхнула, и въ концѣ апрѣля турецкій флотъ въ 348 кораблей везъ уже сильное войско, сухонутное и морское, для завосванія острова Крита, считаннагося оборонными воротами Венеціи.

Съ другой стороны ханъ Исламъ-Гирей, не получивъ гарача и свѣдавъ объ универсалахъ, которыми король побуждалъ свою Республику къ войнѣ съ Татарамъ, просили у турецкаго султана такъ-позы-

ваемаго эмира, то-есть дозволенія вторгнуться въ Польшу со всѣми крымскими, погайскими и буджацкими ордами.

Султанъ подозрѣвалъ волошскаго господаря въ невѣрности, боялся, чтобъ король не поддержалъ его и не соединился съ Москвою противъ Татаръ, какъ объ этомъ носился уже слухъ въ Турціи. Въ июлѣ прислалъ онъ хану просимый эмиръ.

Король спокойно вызывалъ татарскій набѣгъ, такъ какъ недавно получилъ извѣстіе, что новый ханъ не совладаетъ съ собственными подданными. Трудно было предвидѣть, что султанскій узникъ, освобожденный по прихоти полуномѣшаннаго деспота, разыграетъ вмѣстѣ съ завзятымъ козакомъ столь важную роль въ пользу московской царственности, какую готовился разыграть интриганъ кашцаръ съ послушнымъ ему королемъ въ пользу всемирнаго владычества римскаго папы. Но Пеламъ-Гирей былъ не таковъ, какимъ вообразали его въ Польшѣ.

Оріенталистъ Гаммеръ-Шургшталъ рассказываетъ, что, привезенный пѣз заточенія на островъ Родосъ въ Стамбуль, не зная онъ, чтѣ его ждетъ, и былъ принятъ грознымъ въ своемъ полуизступленіи султаномъ надъ кунальней (въ июлѣ 1644). „Смотри, Пеламъ“, (сказалъ полураздѣтый Ибрагимъ) „я сдѣлалъ тебя ханомъ. Отнынѣ будь другомъ друзей моихъ и врагомъ враговъ моихъ. Кромѣ моего слова, не слушай никакого другаго. Сколько тебѣ лѣтъ?“—„Сорокъ“ (отвѣчала новонареченный ханъ). Но хотя только-что началъ я садиться на сѣдло, надѣюсь править моимъ боевымъ конемъ хорошо на службѣ падишаха“. Тутъ на него вакинули соболью шубу, опоясали дорогой саблею, и царственный Гирей, гордый внущеніемъ султана, обратился къ великому визирю съ такими словами: „Такъ какъ вы сдѣлали меня ханомъ, то надѣюсь, что будете поступать по моимъ просьбамъ и не станете давать мнѣ наказовъ, обращаться съ невѣрными. Между мной и ими сабля“.—„Да править Аллахъ тобою! мы не будемъ въ это вмѣшиваться“, отвѣчалъ визирь.

Прибывши въ Крымъ, Пеламъ-Гирей обезглавилъ своихъ враговъ, отправилъ въ Польшу пословъ за гарачемъ, а часть мятежной Орды послалъ въ Московію, подъ предводительствомъ своихъ приверженцевъ. Въ числѣ ихъ находился и Полякъ Свидерскій, котораго Татары звали Сяусъ. Но спокойствія въ Крыму новый ханъ возстановить не могъ. Сторонники бывшаго хана ушли на Буджаки, и ждали возвращенія своихъ пѣз похода, чтобы низвергнуть Исламъ-Гирея. Видя грозящую опасность, испросилъ онъ у султана эмиръ, по которому всѣ орды должны были идти подъ его бумчукомъ въ Польшу.

Извѣстiе объ этомъ могло прiйти въ Варшаву не раньше половины юля 1645 года. Орда обыкновенно набѣгала въ началѣ января, если не по первой травѣ: оставалось полгода на приготовленiя къ отпору.

Король тотчасъ послалъ повелѣнiе строить чайки, чтобы весною 1646 года, въ отмщенiе за „неожиданный“ набѣгъ Татаръ, онѣ могли появиться на морѣ; коронному великому гетману велѣть (въ августѣ) написать къ визирю, что если Татары осмѣлятся вторгнуться въ Польшу, то онъ покроетъ Черное море козацкими чайками; воеводѣ Метиславскому приказать отдать немедленно Трубчевель царю, а послу своему въ Москвѣ велѣть предложить ему союзъ для соединенiя вооруженныхъ силъ обѣихъ державъ противъ Татаръ.

Недавно наследовавший своему отцу молодой царь, Алексѣй Михайловичъ, назначилъ въ Варшаву великихъ пословъ съ приказомъ трактовать съ королемъ о войнѣ съ Татарами.

Одновременно съ вѣстью о близкомъ вторженiи Орды прибылъ въ Польшу венецiйскiй посолъ Джiованни Тьеноло съ просьбой о помощи Венецiи. Именно просилъ онъ, чтобы король, для разъединенiя турецкихъ силъ, повелѣлъ козакамъ идти на море и выжечь на побережьяхъ заготовленный лѣсъ и галеры, которыя строили изъ него Турки.

Владиславъ зналъ этого венецiянца, какъ прiятнаго человѣка, еще во время своего путешествiя по Европѣ. Потомъ Тьеноло прiѣзжалъ въ Польшу посломъ и ознакомился съ этимъ государствомъ. Джiованни Тьеноло былъ представитель одной изъ древнихъ и знатнѣйшихъ венецiйскихъ фамилiй: предокъ его былъ дожемъ; а знатность рода Поляки цѣнили выше всего.

Владиславъ слушалъ посла весьма благосклонно; обѣщавъ употребить всю свою власть и „повагу“ для того, чтобы какъ можно скорѣе угодить Венецiи; сожалѣлъ, что наступающая зима не позволить козакамъ идти на море, и при этомъ сказалъ, что долженъ еще посоветоваться съ короннымъ гетманомъ и съ канцлеромъ.

Осоловскiй также выразилъ свое усердiе: секретно уведомилъ посла, что король готовитъ войну противъ Татаръ; что можетъ предпринять ее, не созывая сейма; что послалъ къ напѣ съ просьбой о денежной помощи, и теперь ожидаетъ нетерпѣливо прибытiя пунцiи; наконецъ спросилъ дружески: не можетъ ли и Венецiя въ предстоящей войнѣ помочь какою-нибудь суммою? Татарская война (говорилъ онъ) принесла бы ей не малыя выгоды. Но Тьеноло отвѣчалъ, что не

имѣть отъ своего правительства порученія трактовать объ этомъ предметѣ.

Между тѣмъ султанъ Ибрагимъ, испуганный письмомъ Конечпольскаго, послалъ (въ концѣ сентября) къ хану гонца съ повелѣніемъ не вторгаться въ Польшу. Въмѣсто того, позволялъ ему воевать Московское Царство.

Папа денегъ не прислалъ, потому что не имѣлъ, а тутъ пришли вѣсти о претерѣвшихъ Венеціанцами пораженіяхъ и неожиданныхъ турецкихъ побѣдахъ. Венеціанская крѣпость Капса была взята, а съ нею и весь островъ Кандія, древній Критъ, передовой редутъ Венеціи со стороны Турокъ, очутился у нихъ въ рукахъ. Опасность грозила всей Италіи.

Это подало канцлеру мысль, чтобы 500,000 скуди, которыхъ король просилъ у папы, заплатили итальянскіе князья вмѣстѣ съ папою, въ видѣ благодарности за помощь Италіи въ ея опасномъ положеніи. И потому, когда нушій и Тьеноло просили его о немедленной отпавкѣ козаковъ на море, Оссолинскій объявилъ, что король, глядя на дѣло Венеціи, какъ на свое собственное, предполагаетъ подать ей болѣе дѣйствительную помощь, нежели козацкіи морской походъ, и открытъ имъ замыселъ Владислава воевать съ Турціей. Но, такъ какъ наступательной войны король, безъ согласія сейма, предпринять не можетъ, то будетъ вести войну оборонительную, подъ предлогомъ освобожденія государства отъ татарскихъ набѣговъ, изъ чего, очевидно, возникнетъ война наступательная: ибо Турки, будучи вынуждены помогать Орду, тѣмъ самымъ заставятъ Поляковъ дать имъ отпоръ на Черномъ морѣ. Этакъ незамѣтно начнется открытая война, не подвергая короля со стороны сейма упрекамъ въ нарушеніи мира и ломаньѣ присяги. Но на войну съ Ордой и на вооруженіе многочисленнаго войска козацкаго королю нужны деньги, а потому желаетъ онъ, чтобы папа, Венеція и князья итальянскіе въ теченіе двухъ лѣтъ заплатили миллионъ скуди, „съ тѣмъ чтобы подѣлить эти деньги между можновладчиками“. Рѣчь свою канцлеръ завершилъ просьбою обдумать королевское предложеніе и представить его своимъ дворамъ, такъ чтобы это дѣло получило твердое рѣшеніе и конецъ. Съ своей стороны король написалъ въ Венецію и еще однажды къ папѣ.

Тьеноло уведомилъ венеціанскій сенатъ о планѣ канцлера, но, должнъ быть, не очень поддерживалъ его, такъ какъ объявилъ немедленно, что война съ Татарами не подлежитъ рѣшенію Венеціи.

Между тѣмъ пришли въ Варшаву несомнѣнные извѣстія, — что оба госнодари, волошскій (молдавскій) и мультагскій (валахскій) по-

становили воспользоваться Турецко-Венеціанскою войною для того чтобы свергнуть съ себя мусульманское иго; что они послали съ этою цѣлью къ королю пословъ; что Греки, Болгары и другіе завоеванные Турками народы замышляютъ возстать, и, наконецъ, что московскій царь отправляетъ посольство въ Польшу для заключенія союза противъ Татаръ.

Эти извѣстія подвинули Владислава на дальнѣйшій шагъ. Въ началѣ октября, черезъ нѣсколько дней послѣ послѣдняго совѣщанія, увѣдомилъ Оссолинскій венеціанскаго посла и папскаго пунція,— что султанъ запретилъ хану вторгаться въ Польшу, и потому предлогъ къ войнѣ съ Ордою отбѣивается, но что на то мѣсто скорѣй прибудетъ отъ московскаго царя посолъ, уполномоченный заключить съ Польшею союзъ и предложить ей великую вооруженную силу; что Волохи и Мультяны постановили свергнуть турецкое иго, и что, при такихъ обстоятельствахъ, появленіе короля на границахъ Турціи вызвало бы въ ней великое смятеніе, которое было бы сигналомъ широкой войны съ Портою, лишь бы Венеція безъ отлагательства дала потребныя на то средства. „Тогда мы“ (говорилъ канцлеръ) „оставимъ царское войско съ горстью нашихъ противъ Татаръ, а сами съ союзниками приблизимся къ Дунаю, а въ то же время нхнемъ толпы козаковъ къ Царьграду“.

Эти слова воспламенили Венеціанца. Тотчасъ пишетъ онъ къ своему сенату, чтобы безотлагательно рѣшались дѣйствовать въ интересѣ столь великой важности; самъ же, не теряя времени, на собственный рискъ, договаривается съ Оссолинскимъ, и предлагаетъ отъ имени Венеціи ежегодно по 500.000 талеровъ на два года. Польша и по истеченіи двухъ лѣтъ будетъ пуждаться въ помощи; поэтому желалъ Оссолинскій знать: можетъ ли дожеская республика заключить съ королевскою республикою наступательно-оборонительный союзъ? что же касается похода на Черное море, совѣтовать послу, чтобы постарался снабдить королезнаго гетмана деньгами для поощренія козаковъ.

Это были предварительные переговоры, въ которыхъ король не желалъ принимать участіе, дабы не открывать своихъ мыслей и не связывать себя какимъ-либо обѣщаніемъ до полученія отвѣта изъ Венеціи. Нѣсколько разъ повгорялъ онъ венеціанскому послу, что было бы очень хорошо, когда бы королевская власть въ Польшѣ соотвѣтствовала его добрымъ желаніямъ; что все зависитъ отъ рѣшенія Рима, Венеціи и князей итальянскихъ; что не имѣеть права объявить наступательную войну, и что указанный предлогъ войны съ Татарами.

былъ единственнымъ способомъ открыть ее; козацкій же походъ откладываетъ онъ до совѣщаній съ короннымъ гетманомъ.

Все вниманіе короля, повидимому, было сосредоточено на Москвѣ. Свѣдавъ, что ханъ получилъ дозволеніе вторгнуться въ ея предѣлы, немедленно увѣдомилъ онъ о томъ царя, а брацлавскій каштелявъ-Степиковскій, королевскій посолъ при царѣ, заключилъ съ нимъ оборонительный союзъ, которымъ король обязался, по первому извѣстію отъ московскихъ воеводъ о вторженіи Татаръ, выслать войска свои на помощь Москвѣ, что для нея было бы важной услугою въ тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Пеламъ-Гирей, успокоивъ мятежи въ Крыму, отправилъ въ декабрѣ 1645 года въ Московію 30.000 отборноѣ Орды, подъ предводительствомъ брата своего, Пурадинъ-султана (второго соправителя), „чтобъ онъ поздравилъ новаго царя“. Пурадинъ нобилъ, какъ было слышно, московскихъ воеводъ въ Рыльскомъ уѣздѣ, разбилъ царскую рать и три недѣли опустошалъ пограничныя области между Путивлемъ, Рыльскомъ и Курскомъ, гоня безчисленное множество скота передъ своими чамбулами. Коронный полевой гетманъ, Николай Потоцкій, по повелѣнію короля, выступилъ съ 15.000 войска въ помощь Москвѣ: но, по причинѣ страшныхъ морозовъ, польское войско съ трудомъ добралось до рѣки Мерла; оттуда не могло двинуться дальше и съ большими потерями въ людяхъ и лошадахъ вернулось печально домой. Такъ нишуть Поляки. Но страшные морозы не помѣшали Пурадинъ-султану сдѣлать удачный набѣгъ и прійти въ Крымъ съ ясыромъ и скотомъ. Онъ отправилъ къ царю гонца (говорили въ Польсѣ) съ требованіемъ десятилѣтней дани; въ противномъ случаѣ грозилъ, давъ отдохнуть конямъ, черезъ 40 дней вповь опустошить Московское Царство.

Когда полевой гетманъ вступилъ на помощь Москвѣ, великій гетманъ прибылъ въ Варшаву. Онъ былъ уже старикъ, но разсудилъ за благо жениться вторично, и ѣхалъ для того въ имѣніе Опаллужаго, Рывтяжи. Однакожъ, постоянно думалъ о войнѣ съ Татарами и завоеваніи Крыма, хотѣлъ утвердить короля въ его предпріятіи, представить свой проектъ и защищать его лично, такъ чтобъ этотъ проектъ былъ регуляторомъ переговоровъ съ московскими послами, которыхъ вскорѣ ожидалъ. Кромѣ того, везъ онъ королю важныя извѣстія, которыя могли дать замысламъ его другое направленіе.

О проектѣ Конецпольскаго было говорено у меня неверхностно. Идѣсь представляю его въ полномъ видѣ, какъ документъ великой важности въ оцѣнкѣ польско-московской взаимности.

Коропный великій гетмапъ, въ присутствіи нѣсколькихъ дружественныхъ сенаторовъ, прочелъ королю и канцлеру свой „Dyskursъ объ уничтоженіи Крымскихъ Татаръ и о союзѣ съ Москвою“, состоявшій въ слѣдующемъ:

„Относительно вооруженнаго союза съ Москвою противъ Татаръ, кто не видитъ, какъ этотъ союзъ нуженъ ей и пріятенъ, особенно теперь, когда Орда уничтожила почти половину царства? (Эго было написано по-польски и для Поляковъ, которыхъ надобно было предрасположить въ пользу проекта) Счастливыя бы пастали времена, когда бы Таврику заселили христіяне, прогнавъ язычниковъ, что совершенно нетрудно.

„Давно я оборачивалъ въ своей головѣ это дѣло: но, глядя на его легкость, тотчасъ вижу и трудность, зная, какъ мы привыкли относиться къ обществуному благу. Намъ жаль и этого малаго гарнизона въ Украинѣ, а, пожалуй, и на Кодакѣ: еще больше было бы жаль того, чѣмъ бы надобно было удержать Крымъ.

„Поэтому было бы лучше предоставить Таврику Москвѣ, получивъ отъ нея за то помощь и вознагражденіе изъ сосѣднихъ областей. Москва сумѣла бы навѣрное заселить и держать ее, основавъ, по своему обычаю, колоніи. Тогда верпулся бы къ нимъ Азовъ, а турецкія войска не могли бы къ нимъ ходить сухимъ путемъ, а хоть бы моремъ и пришли, то Москали, снабдивъ гарнизономъ четыре порта, были бы безопасны, чего не было бы съ нами, потому что, еслибы мы взяли и держали Крымъ, тогда бы война велась не въ Крыму, а въ Польшѣ.

„Но когда примемъ въ соображеніе врожденную зависть Москвы къ нашему народу и дознапную скользкость ея вѣрности, то это дѣло представляется весьма опаснымъ (*res periculi plena*). Пбо, заселивъ это мѣсто, Москва привлекла бы къ себѣ все христіянство, прилежащее къ Эвксинскому Понту и Азовскому морю; потянула бы она и Татарскія Орды, которыя бы отдѣлились уже отъ Турокъ, и могла бы ими быть намъ тяжелою. А что еще больше, жнгы въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ козаками, кто знаеть, не оторвала ли бы ихъ пась и вѣрю, и надеждой добычи (*spre praedae*), а потомъ — и всей Руся.

„Думая потомъ нѣсколько лѣтъ, какимъ бы способомъ обезопасить себя съ эгой страны, напалъ было я въ мысляхъ на одинъ способъ: женить королевича (Яна) Казимира въ Москвѣ, подъ условіемъ, чтобъ ему Москва отдала, въ видѣ приданаго (*ratione dotis*), нѣкоторыя сосѣднія съ той страной области, дала бы помощь для завое-

ванія Таврики, и до тѣхъ поръ ее держала, пока бы онъ тамъ не утвердился (*rokiby sobie nie ugruntował sedem*), въ чемъ приняла бы участіе и наша Рѣчь Посполитая. Часто бесѣдоваль я объ этомъ съ моими пріятелями, не желая о томъ заводить рѣчь выше, такъ какъ у насъ все считается невозможнымъ. Теперь же, когда королевичъ (Янъ Казимиръ) принять другое положеніе *), а королевичъ Карлъ **) вѣрно бы на такой бракъ не согласился, особенно тамъ, гдѣ такъ трагуютъ жепиховъ, другихъ же особъ не представляется,—едва ли не лучше (*satius*) было бы имѣть въ Крыму подозрительнаго пріятеля Москаля, нежели явнаго непріятеля язычника.

„Но, что касается усиленія Москвы новозавоевательными народами, то и нынѣ эти народы находятся во власти язычниковъ, и однакожь Господь Богъ Рѣчь Посполитую держитъ, а сильнѣйшіе должны быть (въ союзѣ) съ сильнѣйшими (*fortiores cum fortioribus*). Москва же волей и неволей расширяется, и яхъ испремѣнно бы съ собою потянула. Къ тому же, будучи съ нами въ союзѣ, имѣя также что дѣлать и съ Турками, которые бы такую *актуру* не оставили безъ вниманія, уповаю, пребывала бы въ пріязни съ нами, которые бы ей въ томъ помогли.

„Намъ же легче было бы имѣть дѣло съ Турками: потому что, когда бы Татары были отъ нихъ отдѣлены, тогда бы, безъ всякаго затрудненія, сдѣлали мы своею границей Дунай, шагнули бы и дальше. Къ этому же есть у насъ способы. За Крымъ вознаградили бы насъ Волонская и Мультянская земли, а то, пожалуй, и Седмиградская, провинція столь же богатая, которая бы могла сами собою вести войну съ Турками, въ сдѣдствіе чего отечество наше было бы и безопасно пзвѣтъ отъ непріятеля, и свободно внутри (*in visceribus*) отъ контрибуцій и отъ своихъ войскъ (подразумѣвается, столь же вредоносныхъ, какъ и непріятельскія).

„Всѣ-таки надобно бы осторожно предлагать это Москалямъ. Они по природѣ горделивы (*ручні*), упорны и въ каждый предметъ привыкли вникать основательно (*w kaźdej rzeczy zwykli się zasadzać*). Поэтому было бы невыгодно предоставлять имъ въ обладаніе Крымъ тотчасъ съ начала, а надобно только требовать отъ нихъ помощи. Потомъ, когда бы они держались (въ Крыму) ерѣико, уступить имъ (Крымъ) такимъ способомъ, чтобы они дали Рѣчи Посполитой за по-

*) Т. е. послушалъ въ орденъ іезуитовъ.

**1) Другой братъ Владислава, Карлъ Фердинандъ.

мощь какую-либо сильную область, чтобы обязались спасать (ratować) насъ отъ Турокъ, всякій разъ когда въ томъ будетъ надобность, и договоръ съ нами сохраняли ненарушимо. Я не теряю надежды, что когда бы это дѣло повели искусно и достойнымъ образомъ (decenter), то они, въ нынѣшней кручинѣ своей, глядя на свои обширныя области, дымящіяся послѣ пожаровъ, и на плѣненіе такого множества душъ христіянскихъ, ухватились бы за случай къ отмщенію“.

Такова была мысль, которую Концепольскій, можно сказать, завершилъ свою достопамятную дѣятельность. „Dyskurs“ его можно назвать духовнымъ завѣщаніемъ глубокомысленнаго и честнаго гражданина, оставляющаго свое отечество въ рукахъ людей легкомысленныхъ и любящихъ только себя. Какъ бы предчувствуя, что послѣ него будетъ коронный поистинѣ „великій гетманъ“, какъ и его предшественникъ, увѣрялъ въ счастливомъ окончаніи задуманнаго имъ дѣла подь условіемъ, что къ войнѣ съ Татарами приступать не такъ, какъ ухитрился оіезуиченный канцлеръ съ подчинившимся ему королемъ, а „искусно, законно, соотвѣтственнымъ способомъ и порядкомъ“, то есть съ вѣдома, согласія и одобренія Королевской Республики.

Вслѣдъ за этими словами, обезпечивающимъ будущность Польши, изъ его устъ излилась похожая на грозяща письма Валтасарова пира вѣсть, — что козаки, „раздосадованные невозможностью ходить на Черное море, откуда они бывало привозятъ много добычи, и убѣдясь въ своемъ безсиліи восторжествовать надъ панами“, стали недавно трактовать съ Татарами, обѣщая поддаться хану, лишь бы онъ искренно помогалъ имъ воевать „Ляховъ“. Имя Богдана Хмельницкаго, какъ творца новаго бунта, долго не было еще произнесено. Это показываетъ, что онъ воспользовался многолѣтнею работою другихъ и могучимъ теченіемъ событий.

Глава XII.

Два различные плана войны съ Турціей. — Смерть великаго воина и патріота. — Секретныя сношенія короля съ козаками. — Лады у Москвы съ Польшею. — Мечты короля о завоеваніяхъ. — Сношенія съ иностранными дворами по предложенной войнѣ. — Вооруженія короля. — Оппозиція сторонниковъ мира.

Реляція Конецпольскаго о козакахъ не испугала короля; напротивъ, она послужила ему новымъ доказательствомъ необходимости Турецкой войны. Добиваясь поприща для великой славы, Владиславъ созвалъ сенаторскую раду. Нунцій и венеціанскій посолъ объявили на ней свою готовность доставить часть суммы, потребной для козацкаго похода на море. Конецпольскій не одобрялъ трактатовъ съ Венеціей, Римомъ, итальянскими князьями, а чтобы воевать одновременно и съ Турками, и съ Татарами при такихъ субсидіяхъ, какихъ желалъ канцлеръ, объ этомъ не хотѣлъ и слышать.

Онъ совѣтовалъ отмѣнить условія, предложенныя Оссолинскимъ, и настаивалъ, чтобы заинтересованные князья доставили съ разу милліонъ скуди, а кромѣ того платили по 500,000 скуди ежегодно по теченію трехъ лѣтъ, такъ какъ оттоманская сила вся обратится на Польшу. Только на такихъ условіяхъ соглашался Конецпольскій держать совѣтъ о войнѣ съ Турціей. Относительно же козацкаго похода отвѣчалъ венеціанскому послу, что сжечь 200 турецкихъ кораблей въ самихъ верфяхъ значило бы покусаться на дѣло трудное и чрезвычайно опасное. Но противъ козацкаго похода не возражалъ, и кончилъ свою рѣчь тѣмъ, что король и канцлеръ дадутъ ему окончательный отвѣтъ сообразно теченію дѣлъ. Съ этимъ онъ и уѣхалъ изъ Варшавы къ своей невѣстѣ, паннѣ Оналинской, съ которой обвѣнчался въ январѣ 1646 года.

Теперь король настойчивѣе прежняго сталъ торопить богиню случайностей, которой одной поклонялся. Теперь онъ согласился на козацкій походъ, о которомъ Тьеполо просилъ его до сихъ поръ безуспѣшно. Въ началѣ января состоялся договоръ, по которому, съ открытіемъ весны, козаки должны были выдти въ море на 40 чай-

вахъ. Тьеполо обязался уплатить имъ 20,000 талеровъ тотчасъ, а остальные 40,000 въ теченіе двухъ лѣтъ, ежегодно по 20,000. Король обѣщаль привести въ движеніе всѣ пружины, чтобъ уничтожить лѣсъ, галеры и даже верфи въ Стамбулѣ.

Не зналъ Владиславъ IV во чтѣ играть. Определеннаго плана дѣйствій у него не было. Во всемъ онъ полагался на фортуна, которая вскружила ему голову еще въ дѣтствѣ. Канцлеръ надувалъ его парусъ то съ одной, то съ другой стороны. Но думалъ всего больше о томъ, чтобы, въ случаѣ крушенія, обезопасить лично себя. Различіе между его внушеніями и совѣтами Конецпольскаго состояло въ томъ, что онъ рассчитывалъ на итальянскій союзъ и на придунайскихъ князьковъ; а коронный гетманъ желалъ опираться на собственныя силы и соединиться съ Москалями. Коронный гетманъ совѣтовалъ завоевать сперва Крымъ и подѣлиться имъ съ сѣверными сосѣдями, какъ будто зналъ, что безъ этого Крымъ сдѣлается жерломъ пожаровъ и руины для страны, которую предки его, Конецпольскіе, начали колонизовать съ XIV столѣтія. Не прочь былъ онъ служить королю и въ войнѣ Турецкой; но происходившіе до тѣхъ поръ переговоры по этому предмету не удовлетворяли его.

Онъ былъ противъ какого бы то ни было оборонительно-наступательнаго союза; не довѣрялъ Итальянцамъ; боялся, чтобы, при обстоятельствахъ, для нихъ благоприятныхъ, не помпрились они съ Турками и не оставили Королевской Республики безъ помощи. По его мнѣнію, дѣйствительнымъ обезпеченіемъ польскаго рыцарства отъ купческаго вѣроломства была бы только уплата впередъ милліона дукатовъ и по полумилліону въ теченіе трехъ лѣтъ.

Но самымъ выразительнымъ различіемъ между планами короннаго гетмана и короннаго канцлера было то, что гетманъ предлагалъ войну законную, предпринятую съ согласія Рѣчи Посполитой, а канцлеръ не обращалъ вниманія на средства, лишь бы достигнуть цѣли. Оссолинскій зналъ, что на войну съ Турками Рѣчь Посполитая не согласится ни въ какомъ случаѣ, а на войну съ Татарами согласилась бы безъ затрудненія.

Это различіе во взглядахъ сдѣлалось причиной неприязни между канцлеромъ и гетманомъ, выразившейся въ колкомъ письмѣ Оссолинскаго Конецпольскому.

1645 годъ еще не исполнѣ благоприятствовали замысламъ короля; зато въ первые мѣсяцы 1646-го приходили одна за другою вѣсти, побуждавшія его къ окончательной рѣшимости.

По утратѣ Канев, Венеція показала столько энергіи, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, къ удивленію всего свѣта, выставила для борьбы съ Турціей 53 галеры; 6 галіотовъ для бомбъ, 4 большихъ вооруженныхъ кораблей, 4 багдера и значительное число мелкихъ судовъ. Венеціанская синьорія постановила—не дать турецкому флоту вернуться для обезпеченія своего завоеванія въ Кандіи, гдѣ турецкій гарнизонъ въ Каневъ начиналъ уже бороться съ недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ.

Тьеполо получилъ благоприятный отвѣтъ на предложеніе короля. Синьорія назначила для Польши 600,000 талеровъ на два года, по 300,000 ежегодно, вмѣсто ежегодныхъ 500,000, которыхъ домогался король отъ папы и князей итальянскихъ. Но Тьеполо, на собственную отвѣтственность, уменьшилъ эту сумму, и сказалъ королю, будто сенатъ назначилъ только 400,000 скуди, по 200,000 ежегодно, послѣ чего прекратить платежъ, и синьорія будетъ свободна отъ всякихъ обязательствъ.

Король согласился въ принципѣ и на эти условія, въ надеждѣ, что недостающую сумму пополнитъ папа съ итальянскими князьями, въ виду страшныхъ приготовленій Турокъ на сушѣ и на морѣ.

Съ дѣлами вышней политики тѣсно визанись у Владислава домашніи дѣла, которыхъ печальная сторона для насъ виднѣе, чѣмъ для современниковъ.

Французскіе придворные дипломаты, въ соединеніи съ польскими хотѣли сперва женить его на французской принцессѣ Маріи Лювикѣ Гонзага, княжнѣ вантуанской, превознося до небесъ ея небывалую красоту и преувеличивая до милліоновъ ея довольно скромные доходы. Но вліятельный при французскомъ дворѣ кзупцинь, Валеріанъ Магни, при дѣятельномъ участіи Оссолинскаго, повернулъ дѣломъ такъ, что Владиславъ избралъ въ подруги жизни Цецилію Ренату, дочь Фердинанда II австрійскаго. Отъ этого брака родился у него сынъ, которому, какъ думалъ отецъ, было предназначено воспользоваться новыми завоеваніями Полякоруссовъ. Не долго жила на свѣтѣ королева, и едва разнеслась вѣсть о ея смерти, какъ передъ царственнымъ вдовцомъ явились агенты европейскихъ дворовъ съ портретами принцессъ, предлагая на выборъ любую. Король по политическимъ соображеніямъ, предпочелъ всѣмъ ту самую Марію Лювику Гонзага, отъ которой отвлекли его усердные совѣтники. Важную роль въ этихъ соображеніяхъ играло то обстоятельство, что княжна вантуанская происходила свой родъ отъ Палеологовъ, и что астрологи, по сочетанію планетъ, предсказывали ей престолъ Восточной Имперіи.

Тотъ же самый Оссолинскій, который въ 1637 году женилъ его на Цециліи Ренатѣ, называя себя „простою глиною, изъ которой король могъ лѣпить что-угодно“,—въ 1646-мъ помогъ сдѣлаться польскою королевою Маріи Людвижѣ, все-таки прославляемой красавицею. Незадолго передъ ея прибытіемъ въ Польшу, до короля дошелъ слухъ о ея тайномъ романѣ, въ которомъ она компрометировала себя открывшеюся случайно перепискою. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ ея 34 годами и увядшей красотою, такъ поразило Владислава, что онъ не могъ скрыть своего отвращенія и въ торжественной встрѣчѣ нареченной королевы польской. Однакожъ заставилъ себя доиграть роль ошастливленнаго наладна, и мужественно выслушалъ рѣчь своего Мефистофеля-капцлера, который привѣтствовалъ королеву, какъ цвѣтущую лилію Франціи, чудесно пересаженную Владиславомъ въ свой вертоградъ среди морозной зимы; какъ вѣнецъ, украшающій собратныя имъ отовсюду лавры; какъ залогъ возвращенія могущества Палеологовъ; какъ сочетаніе боговъ, оправдывающее сочетаніе планетъ; какъ надежду рожденія новыхъ побѣдителей отъ побѣдителянца защитника всего христіанства.

Въ марѣ прибыли въ Варшаву послы волошскіе и мультавскіе, подъ тѣмъ предлогомъ, что поздравляютъ короля со вторымъ бракомъ, но въ сущности для того, чтобы трактовать о Турецкой войнѣ. Велѣдъ за ними прибыло наконецъ и посольство московское, для договора о войнѣ съ Татарами.

Свадебныя празднества заставили отложить на нѣкоторое время всѣ политическія дѣла. Варшава закружилась въ танцахъ. Женидба единственнаго сына Оссолинскаго совпала съ пиршествами королевскими, и увеличила національную маію гостепрѣимства, въ которомъ Поляки не дали превзойти себя ниодному народу. Но когда опьянѣли до забвенія всего на свѣтѣ дѣйствующія лица приближающейся трагедіи,—ихъ огрѣзвила неожиданная вѣсть о смерти великаго воина и патріота. Станиславъ Конецпольскій скончался, едва переживъ свой медовый мѣсяцъ.

Безпощадная въ своей проишъ судьба Польши соединяла не разъ великое со смѣшнымъ нераздѣльно: новый Александръ Македонскій, счастливый супругъ прелестной, какъ цвѣтущая лилія, принцессы, не вставалъ съ брачнаго ложа отъ подагры, и плакалъ о смерти своего Гефестіона въ подушкахъ.

Плакало въ Польшѣ о смерти Конецпольскаго многое множество людей и получше короля Владислава. Въ наше время, когда напегирики стоявшимъ на политическихъ высотахъ людямъ вышн совѣмъ

пзъ моды, и когда Поляки нерѣдко изрекають суровый приговоръ надъ знаменитыми своими предками, польская исторіографія слѣдующими словами характеризуетъ по лившаго на вѣки строителя Королевской Республики:

„Это былъ великій гражданинъ, счастливый воитель и знаменитый хозяинъ. Щедрый отъ благоразумія, благотворительный отъ состраданія, полный огня и таланта, дѣятельный, мужественный и слову своему вѣрный, въ сохраненіи тайны точный, въ дружбѣ непогрѣшительный. Гнушался онъ лестью, уважалъ отечественные законы и обычаи, а своимъ доблестямъ придавалъ еще больше блеска великою ученостью и остроуміемъ“ *).

Общественное мнѣніе о немъ выразилось въ глубокой горести множества людей, которые въ смерти его, даже въ составѣ его имени *Конецъ-Польскій* суевѣрно видѣли конецъ Польши **). Но изъ всѣхъ предвѣщателей страшныхъ бѣдствій, которыя чуждо собирательное сердце націи по заходѣ свѣтила польской чести и доблести, никто не предсказалъ грядущаго такъ вѣрно, какъ волошскій господарь, будущій свать и жертва кроваваго Хмельницкаго.

„Я считаю смерть его за величайшую для христіанства утрату“ (сказалъ онъ) „и могу только оплакивать его со всѣмъ моимъ народомъ. Вы, Поляки, еще не знаете, что вы утратили, но не пройдетъ двухъ, а найдальше трехъ лѣтъ, когда не только вы, но и все христіанство будетъ горевать о потерѣ столь великаго сенатора и полководца“.

Король вѣровалъ, что одинъ Конецпольскій могъ отвлечь козакъ отъ ихъ руйнныхъ подвиговъ и направить эту дикую силу къ государственной пользѣ. Лишь только миновалъ въ немъ первый припадокъ горя о потерѣ друга, котораго только теперь оцѣнилъ онъ по достоинству, и военачальника, котораго замѣнить кѣмъ-либо было немислимо,—онъ отправилъ гонца къ Днѣпру, разузнать, что дѣлають козаки. Тьеполо писалъ въ Венецію, что Владиславъ „оставался между страхомъ и надеждою, что теперь будетъ, и признался ему, что боится (козацкаго) бунта, который все уничтожить“.

Королевскимъ гонцомъ былъ Иеронимъ Радзѣвскій, въ послѣдствіи польскій эмигрантъ и предатель, рассказывавшій въ Парижѣ о своей поѣздкѣ въ Украину Французу Линажу, автору извѣстныхъ за-

*) Слова Д-ра Кубани.

***) Имя *Koniecrolski*, раздѣленное пополамъ, буквально значитъ по-русски *Конецъ Польши*.

писоеть о бунтѣ Хмельницкаго. Это былъ hono novus между польскою знатью, какъ и Оссолинскій; но разницу между ними составляло то, что источникъ, изъ котораго вытекла его пройдошеская душа, былъ мутенъ. Главными заслугами, поднявшими его отца изъ средней шляхты на степень воеводы и сенатора, были подвиги старопольскаго гостеприимства. Въ его имѣніи Радзѣвичахъ, въ семи миляхъ отъ столицы, стояла знаменитая корчма на 200 лошадей, съ дворовыми строеніями на 1000 гостей, съ десяткомъ или болѣе пушекъ, сопровождавшихъ своимъ громомъ панскіе виваты, съ неисчерпаемымъ виннымъ погребомъ и съ отличною кухнею. Тамъ сановитый панъ Радзѣвскій предлагалъ усладительный отдыхъ заграничнымъ и земскимъ посламъ, равно какъ и членамъ Сенаторской Избы. Тамъ Сигизмундъ III и Владиславъ IV гостили по нѣскольку дней съ ряду. Не было во всей Польшѣ такихъ веселыхъ, обильныхъ и свободныхъ пировъ, какъ въ Радзѣвичахъ, и вотъ почему сынъ достойнаго родителя, Иеронимъ, сдѣлался любимцемъ короля Владислава. Впрочемъ онъ получилъ изысканное воспитаніе, владѣлъ нѣсколькими иностранными языками, говорилъ смѣло и плавно, зналъ то, что называли тогда исторіей, зналъ польскіе законы, вѣрнѣе сказать—казуистику, и при этомъ—теорію военнаго искусства. Но всего глубже изучилъ онъ при дворѣ важную въ панской жизни науку интриги, и въ 1645 году былъ избранъ маршаломъ Посольской Избы, то-есть умѣлъ показать себя достойнѣйшимъ представителемъ палаты депутатовъ. Въ этомъ званіи выступалъ онъ противъ королевскаго правительства; но самъ король руководился такими сбивчивыми правилами въ выборѣ людей, что отправилъ его въ Украину по секретному дѣлу величайшей важности.

Иеронимъ Радзѣвскій уѣхалъ изъ Варшавы подъ предлогомъ осмотра имѣній жены своей. Оставивъсь молодымъ вдовцомъ послѣ перваго, весьма выгоднаго брака, счумѣлъ онъ жениться на княжнѣ Евфросиніи Вишневецкой и, что еще замѣчательнѣе, отбить ее у пана Денгофа, съ которымъ она была обручена. Ея-то *внѣ* поѣхалъ онъ осматривать въ Украинѣ.

Былъ у него тамъ старый знакомый, войсковою асауль, Иванъ Барабашъ, сынъ Дмитрія, гетманившаго козаками въ 1617 году. Этому Барабашу отдалъ онъ „королевскіе листы“, въ которыхъ король увѣрялъ, что козакамъ будутъ возвращены ихъ „прежнія права“. Барабашъ увѣдомилъ о томъ дружественныхъ козаковъ, и въ томъ числѣ кума своего, Богдана Хмельницкаго, войсковаго писаря, пользовавшагося большою популярностью въ козацкой средѣ. Четверо вой-

сковыхъ старшинъ отиравились немедленно въ Варшаву, именно: Иванъ Парабашъ, Пляя или Пляянтъ, пзвѣстный между козаками подъ именемъ Вирмепа (Армянина), а между панами—подъ именемъ Вадовскаго*), Нестеренко и Богданъ Хмѣль, котораго паны, для польскаго благозвучія, именовали Хмельницкимъ. Радзѣвскій рекомендовалъ Хмельницкаго особепному вниманію короля, какъ бы оправдывая древнюю пословицу: „подобный подобному нравится“.

Съ этими представителями Запорожскаго войска Владиславъ совѣщался ночью, въ присутствіи только семи лицъ, которыхъ козаки, въ своихъ показаніяхъ называли сенаторами, принимая за польскаго сенатора и самого Тьсполо. Онъ повелѣлъ козакамъ быть готовыми къ сухопутному и къ морскому походу, по противъ какого непріятеля, не обозначилъ. Козаки предлагали ему къ услугамъ 50.000 войска, „а повелѣть король“ (говорили они), „то, по его мановенію, стацетъ пась и 100.000“. За это король обѣщаль имъ вернуть „старія привилегіи“, увеличить число реестровиковъ до 20.000 и не дозволять польскимъ хоругвямъ „лежать на лёжахъ“ дальше Бѣлой Церкви.

Говорили въ Польшѣ послѣ катастрофы, что король, давая козакамъ обѣщанія, утаилъ это отъ своего канцлера, а Радзѣвскій (по словамъ Линака) рассказываетъ въ Парижѣ, что роковую тайну знали только четыре сенатора. (Это напоминаетъ намъ Стефана Баторія, довѣрившаго свой замысль о Турецкой войнѣ только четыремъ панамъ). Какъ бы то ни было, но совѣщанія польскаго короля съ козаками представляютъ видъ заговора противъ ресубликанскаго государства. Въ позднѣйшей обвинительной запискѣ, пзвѣстной подъ заглавіемъ: „Польза Канцлерскихъ Совѣтовъ (Compendium Rad Kancelerza)“, этотъ заговоръ извѣливали на Оссолинскаго; писали даже, будто козакамъ тогда шепнули, чтобъ они свергнули свое иго (excuciant jugum). Но мудрый послѣдователь апостоловъ Лойолы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ чувствовалась личная отвѣтственность, не оставлялъ явныхъ слѣдовъ своей прикосновенности къ дѣлу. Онъ могъ и руководить заговоромъ, и въ то же время держаться въ сторонѣ отъ заговорщиковъ. Сигизмундъ III и его совѣтники, іезуиты, поступали не въ одномъ случаѣ по правилу; въ случаѣ успѣха сроевольниковъ, воспользоваться успѣхомъ; въ случаѣ неуспѣха, являться передъ свѣтомъ съ омовенными руками. Этому правилу въ настоящемъ случаѣ могъ слѣдовать и Оссолинскій.

*) Шляхетская фамилія Валовскихъ существуетъ въ Варшавѣ и нынѣ.

Одновременно съ таинственнымъ пребываніемъ Хмельницкаго въ Варшавѣ велись переговоры и съ послами того государства, которое, по праву возмездія за свое разореніе, воспользовалось результатами готовящейся въ Польшѣ усобицы. Московскихъ пословъ было четверо, и во главѣ ихъ стоялъ царскій дядя, бояринъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ. Онъ отличался прекрасною наружностью и такими же „обычаями“. Литовскій канцлеръ говоритъ въ своемъ дневникѣ, что „не видалъ еще у Москалей большаго раціоналиста и политика“. Посольство это пріѣхало для подтвержденія Поляновскаго договора съ молодымъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и, какъ доносилъ королю Стемпковскій изъ Москвы, имѣло наказъ трактовать секретно о союзѣ противъ Татаръ.

Московскіе сановники не захотѣли принять участіе въ свадебныхъ пириествахъ, чтобы не сидѣть на послѣднихъ мѣстахъ въ ущербъ чести своего государя, поэтому заболѣли всѣ четверо, и явился только на аудіенцію 24 (14) мая.

Король назначилъ пять сенаторовъ, подъ управленіемъ обоихъ канцлеровъ, для переговоровъ съ ними. Но представители Москвы не упоминали о союзѣ и не домогались аудіенціи секретной, очевидно выжидая почина отъ сенаторовъ, или отъ короля.

Не дождавшись этого отъ польскихъ дипломатовъ, Стрѣшневъ заговорилъ о необходимости согласія между христіанскими государями, и объявилъ царскую волю заключить съ королемъ договоръ противъ Татаръ, которые пабѣгаютъ ежегодно на оба сосѣднія государства и тысячамъ уводятъ христіанъ въ неволю. Рѣчь свою закончилъ онъ такими словами:

„Вѣдомо учинилось писему великому государю, что турецкій султанъ, Ибрагимъ, побѣжденъ отъ Венетовъ, и что турецкія войска обсадили критскую Каню, а теперь осада ихъ погибаетъ отъ голода: затѣмъ что султанъ помочи послать не можетъ. Тотъ же султанъ, желая построить сто новыхъ галеръ, не имѣетъ способныхъ людей, и для того послалъ къ крымскому хану, чтобы шелъ тотчасъ на Московское Царство да на Польское королевство и набралъ бы невольниковъ на новыя галеры. И теперь самое время, чтобы оба великіе государя соединились для обороны вѣры. Нашъ государь крѣпко мыслить о томъ, чтобы соединиться съ вашимъ государемъ. Послалъ онъ войско для обороны своихъ украинъ, подъ начальствомъ бояръ, князя Никиты Ивановича Одоевскаго да Василя Петровича Шереметева. Если Татары пойдутъ на королевскую Украину, то великій нашъ государь желаетъ помогать королю своимъ войскомъ соединенно

съ войсками королевскими. И вамъ бы, радные папы, надлежало мыслить о томъ, и короля вашего приводить къ тому, чтобъ онъ, для избавленія Христіянства въ это столь удобное время, благоволилъ отворить Днѣпръ и повелѣлъ днѣпровскимъ козакамъ съ донскими козаками восвать Крымцевъ, а гетману своему повелѣлъ бы, чтобъ онъ стоялъ на Украинѣ въ готовности и съ царскими воеводами ссылался бы, какъ обоюдно стаповиться противъ Татаръ и въ бавихъ мѣстахъ соединяться“.

Сенаторы отвѣчали: „Мы отъ всей души тому рады, и молимъ Бога, чтобы благословилъ десницы обоихъ монарховъ, поднятыя надъ головами язычниковъ“.

Когда, послѣ засѣданія, доложили королю, онъ обрадовался чрезвычайно. Но созванный на другой день совѣтъ министровъ постановилъ, вывѣдать сперва у пословъ, имѣютъ ли они полномочіе трактовать объ этомъ предметѣ.

Послы объявили, что имъ данъ только словесный наказъ. Тогда коронный канцлеръ сказалъ имъ, — что сенаторская рада откладываетъ это дѣло до посольства, которое король и Рѣчь Посполитая отправятъ въ Москву.

Послы поинкли головами и, вернувшись въ свое жилище, тотчасъ послали къ царю гонца.

Московский царь желалъ того самаго, что и польскій король: желалъ воспользоваться Венеціанскою войной и завоевать Крымъ. Когда Стрѣльцевъ ѣхалъ въ Польшу, война съ Татарами была въ Москвѣ дѣломъ рѣшеннымъ. Князь Семень Михайловичъ Пожарскій получилъ приказаніе созвать въ Астрахани, въ видѣ охотниковъ, ногайскихъ мурзъ да Черкесовъ и привести ихъ на Донъ. Воеводѣ Кондыреву было наказано собрать въ Воронежѣ 3.000 царской рати изъ украинскихъ городовъ, соединиться съ Пожарскимъ и двинуться къ Азову, въ помощь дошцамъ, которые между тѣмъ должны были начать съ Татарами войну. Въ арріергардѣ стояло 80.000 войска подъ начальствомъ Одоевского и Шереметева.

Стрѣльцевъ держалъ все это въ секретѣ. Онъ желалъ, чтобы король позволилъ запорожскимъ козакамъ соединиться съ донцами и вторгнуться въ Крымъ, какъ это не разъ уже они дѣлали, а когда бь Орда вторгнулась въ Московское Царство, въ такомъ случаѣ оба союзныя государства должны были помогать другъ другу, какъ въ прошломъ году. Еслибъ сего желаніе исполнилось, то царь воспользовался бы козацкой помощью и, въ случаѣ надобности, обороною со стороны польскаго войска, а Москва не была бы ни къ чему обязана, такъ

какъ было извѣство, что Менгли-Гирей замышляетъ идти не на Польшу, а на Московское Царство. Давный ему отвѣтъ разрушалъ его планъ и грозилъ царю опасностью.

Не теряя времени, Стрѣшневъ началъ секретно трактовать съ королемъ, высказалъ царскія предположенія и объявилъ, что царь, „довѣряя королю, какъ брату, желаетъ, чтобы союзною христіанскою рукою обидіи непріятель былъ обузданъ и уничтоженъ“.

Готовность Москвы ускорила окончательную рѣшимость короля. Настало наконецъ время ударить соединенными польскомосковскими силами на Татаръ, о чемъ такъ страстно мечталъ, чего такъ энергически добивался еще Стефанъ Баторій. Но главный совѣтникъ и дѣятель Татарской войны уже не существовалъ. Король постановилъ предоставить войну съ Татарами Москвѣ, самъ же онъ, имѣя свободныя руки, ударить на Турцію.

Послѣ совѣщанія съ папами, Стрѣшневу далъ такой отвѣтъ:

„Король повелѣлъ короному полевому гетману сноситься съ царскими воеводами по предмету отраженія татарскаго набѣга, какъ и въ прошломъ году гетманъ былъ готовъ вѣйти въ помощь царскимъ войскамъ, только морозы помѣшали. Король желаетъ, чтобы въ настоящемъ году войска обонхъ монарховъ стояли па готовѣ для обороны обонхъ государствъ отъ набѣга, дальнѣйшее же, большее дѣло хотѣлъ бы отложить на будущее время, такъ какъ запорожскіе козаки не могутъ скоро выйдти на море: ибо всѣ ихъ челны сожжены, а новыхъ нынѣ дѣлать нельзя. Король думаетъ, что Татаръ наилучше воевать тогда, когда султанъ разошлетъ Орду на свою службу. Дозволить козакамъ воевать Крымъ совмѣстно съ донцами король не можетъ: ибо между Польшей и Турціей вѣчный миръ“.

Къ такому отвѣту привели сенаторовъ огчасти извѣстія изъ Крыма и пріѣздъ татарскаго посла, который привезъ королю „все направленное къ миру“. Дѣлю въ томъ, что ханъ поссорился съ султаномъ, и можно было надѣяться, что не вторгнется въ Польшу, хотя бы король и нарушилъ миръ съ Турціей. Этимъ способомъ еще по крайней мѣрѣ на одинъ годъ освободалась Польша отъ набѣга Татаръ, которые сами искали мира и должны были отражать Москву. Въ наихудшемъ случаѣ, то есть, когда бы ханъ, во время войны съ Турціей, вторгнулся въ Польшу, король обезпечилъ себѣ московскую помощь.

Такъ стояли въ Польшѣ вещи по отношенію къ тому государству, которому вскорѣ сами Поляки, споткнувшись на Баторіевскомъ вопросѣ о всемірномъ господствѣ папы подъ эгидою польскаго рыцарства, дали

возможность возвратить съ лихою потери, повесенныя въ отрицаніи такого господства. Мечтательный король и мечтагсльный по своему канцлеръ были только стимулами многовѣковой борьбы между великими силами — католичествомъ и православіемъ.

Со времени таинственныхъ переговоровъ съ козаками, Владиславъ не переставалъ обдумывать планъ Турецкой войны, которая должна была кончиться изгнаніемъ Турокъ изъ Европы, воссозданіе Восточной Имперіи и, безъ сомнѣнія, введеніемъ обѣихъ нашихъ Россій въ систему единой вселенской церкви.

Пронсшества, случившіяся въ послѣдніе мѣсяцы, благоприятствовали его замысламъ. Все вокругъ него устранивалось такъ, чтобы вовлечь Польшу въ эту войну. Вооруженія Венеціи, предлагаемыя ему субсидіи, посольство московское, обѣихъ приданайскихъ княжествъ и татарское, все побуждало его къ дѣйствию. Турція была развлечена внутренними волненіями: ей угрожала междоусобная война. Въ азіатскихъ и европейскихъ провинціяхъ готовились возстанія, которыя Венеціанцы поджигали. Можно было надѣяться, что, съ приближеніемъ польскаго войска, всѣ турецкіе христіане встануть и увеличатъ силы короля въ десять разъ. Владиславъ надѣялся также, что папа, императоръ, князья итальянскіе и нѣмецкіе, Франція, Испанія, даже Швеція—поддержатъ его предпріятіе. Онъ хотѣлъ склонить къ войнѣ съ султаномъ Персію и Марокко, рассчитывалъ и на Москву, что она, завоевавши Крымъ, дастъ ему помощь. Словомъ, замышлялъ привести въ движеніе весь міръ и, во главѣ Христіанства, уничтожитъ могущество магометанъ, а потомъ дѣла пойдутъ сами собою къ устройству всемірной имперіи съ такою основою, которой бы позавидовалъ и самъ Александръ Великій, съ основою всеобъемлющаго и всепросвѣщающаго католичества.

Воображеніе короля-мечтателя, работая день и ночь надъ одной мыслью, питалось постоянно новыми впечатлѣніями. Онъ былъ суевѣрешъ; онъ думалъ, что его будущность предопредѣлена въ ходѣ небесныхъ свѣтилъ, и вѣрилъ предсказаніямъ астрологовъ. Онъ и свою жалкую женидбу считалъ счастливымъ предзнаменованіемъ, такъ какъ Марія Гонзага была послѣдняя наслѣдница Палеологовъ, и льстецы, еще до замужества, предсказывали ей греческую корону. „Въ ея происхожденіи“ (говоритъ ея брачный контрактъ) „впдѣли соединенными имя, надежду и святость Восточной Имперіи“. Каждый день приносилъ Владиславу какое-нибудь счастливое извѣстіе; все, какъ бы какимъ-будомъ, какъ бы чародѣйскою силою приведенное въ движеніе, соединялось для осуществленія плановъ его.

Окружавшіе короля ласкатели поддерживали его рыцарскія фантази. Кромѣ Оссолинскаго, то были большею частью иностранцы, люди характера отважнаго, какъ разъ подъ стать козакопольскому характеру Владислава.

Впереди всѣхъ стояли два брата Магни, родомъ Миланцы, которыхъ отецъ заслужилъ у императора помѣстья въ Чехіи. Извѣстный уже намъ капуцинъ, Валеріанъ Магни, молчаливый, видомъ смиренный старикъ, былъ теологъ, астрологъ и философъ, прославившійся множествомъ суевѣрныхъ сочиненій, изданныхъ въ Вѣнѣ, Антверпенѣ, Болоніи, Краковѣ и Варшавѣ. Подъ монашеской расой скрывалъ онъ такое же честолюбіе, какимъ пылалъ титулярный польскій король среди фактическихъ королей польскихъ. Онъ мѣтилъ понасть въ римскіе папы на землѣ и въ прославленные Вожиіи святыя на небѣ. Его-то внушеніямъ Владиславъ былъ обязанъ мыслью о крестовомъ походѣ еще въ званіи королевича. Глубокою вѣрою въ свои католическія утопіи, поражающею ученостью, пропырливымъ умомъ и суровою монашескою жизнью Валеріанъ Магни внушалъ всѣмъ, кто съ нимъ сблизался, увѣренность въ его будущности, по больше всѣхъ своему брату, графу Магни. Тотъ желалъ быть королемъ, и надѣялся взойти на какой-нибудь престолъ, когда старшій братъ воссядетъ на Святомъ Обѣдницѣ въ Римѣ, а Владиславъ—на тронѣ Палеологовъ въ Константинополѣ. Графъ Магни появился въ Польшѣ еще въ 1637 году, въ качествѣ агента своего брата, капуцина, по сватовству короля за Цецилію Ренату, и съ того времени пользовался чрезвычайно благосклонностью Владислава за свою говорливость обо всѣхъ европейскихъ дворахъ, которыхъ тайны были ему извѣстны въ подробностяхъ, а въ особенности за свою преданность идеѣ абсолютнаго монархизма и критику республиканскихъ учрежденій.

Послѣ этихъ двухъ ближайшихъ къ королю иностранцевъ, пользовался его благосклонностью Фантони Итальянецъ, простонароднаго происхожденія, поэтъ и музыкантъ. Видя, что въ Польшѣ пренебрегаютъ простолюдинами, не взиралъ на ихъ таланты,--онъ сдѣлался ксензомъ капониномъ и королевскимъ секретаремъ. За это Поляки ненавидѣли его столько же, какъ графа Магни за порицаніе республиканскихъ обычаевъ. Но король ввѣрялъ перу Итальянца то, чего не смѣлъ ввѣрить ни одному Поляку,—и тѣ изъ княжескихъ Полоусовъ, которые подъ безмолвіемъ секретаря видѣли вліятельнаго совѣтника, осмыслили его подарками.

Далѣе слѣдовалъ Джіованни Бантинета Тьеполо. Этого Венеціанецъ былъ приставомъ у Владислава, когда онъ, въ званіи польскаго

королевича, гостилъ въ Республикѣ Святаго Марка. Владиславъ по любилъ его и приглашалъ въ Польшу; но Тьеполо обѣщалъ явиться къ нему не прежде, какъ онъ будетъ королемъ,—и въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ къ Владиславу IV въ Гродно. Онъ былъ принятъ какъ нельзя ласковѣе, и съ того времени Венеціанцы стали видѣть въ немъ „пріятеля польскаго короля“. Такъ онъ попалъ въ посланники, когда синьорія обратилась ко всѣмъ дворамъ съ просьбами о помощи. Этотъ въ сущности такой же пустой малый, какъ и всѣ приближенные къ особѣ короля иностранцы, не сдѣлалъ въ Польшѣ ничего путнаго ни для Владислава, ни для своего отечества. Играя роль глубокаго политика, онъ вѣровалъ въ счастливую звѣзду польскаго короля, и былъ готовъ рисковать своимъ имуществомъ для войны съ Турками. Предокъ его, Джакоббо Тьеполь, былъ первымъ венеціанскимъ княземъ въ Кандіи (1212) и привелъ Венецію къ обладанію этимъ островомъ, гдѣ домъ вобилей Тьеполо владѣлъ значительными имѣніями. Естественно, что король, въ своей страсти къ войнѣ, подчинялся страпности, съ которою венеціанскій посоль проповѣдывалъ возакопольскій походъ на Черное море.

Но на первомъ мѣстѣ въ числѣ тѣхъ, которые совѣтовали королю восвать съ Турціей, стоялъ талантливый пройдоха, Оссолинскій. Правда, планъ его состоялъ только въ томъ, чтобы принять подъ королевское верховенство господарей, очистить отъ Татаръ Буджаки, завять турецкія крѣпостцы надъ Чернымъ моремъ между Днѣпромъ и Днѣстромъ, поселить по нижнему Днѣпру и черноморскому берегу козаковъ. Правда и то, что для выполненія этого плана не падобно было вербовать большаго войска и собирать громадныя суммъ, такъ какъ нигдѣ въ этихъ мѣстахъ не было турецкихъ гарнизоновъ, которые султанъ постигивалъ для войны съ Венеціей. Достаточно было вооруженныхъ силъ двухъ господарей, обыкновеннаго квартянаго войска, козаковъ и венеціанскихъ субсидій, раздѣленныхъ между можновладниками. Въ случаѣ же, когда бы Турки, по истеченіи двухлѣтнаго договора съ Венеціей, захотѣли возвратить утраченныя провинціи,—господари и козаки могли бы сами себя оборонять, безо всякихъ издержекъ со стороны Рѣчи Посполитой. Но, хотя канцлеръ и не переходилъ, въ своемъ плапѣ, черезъ Дунай, тѣмъ не менѣе планъ этотъ былъ первымъ шагомъ Польши въ Турецкой войнѣ, вторженіемъ въ предѣлы Турціи, и потому король слѣдовалъ довѣрчиво совѣтамъ своего канцлера. Съ своей стороны Оссолинскій не видѣлъ законной или казуистической необходимости отступать отъ своихъ предначертаній изъ-за того, что король замышляетъ идти дальше. Завять придур-

найскія княжества было не трудно, а дальвѣйшій походъ зависѣлъ отъ столькихъ обстоятельствъ и требовалъ такихъ приготовленій, что на него можно было смотрѣть, какъ на созданіе фантазіи, которое исчезнетъ само собою, лишь только столкнется съ дѣйствительностью и съ оппозиціей всего Шляхетскаго Царода; изолировать же явно короля съ его великолѣпными планами значило бы—отказаться отъ опоры своего могущества не только въ Польшѣ, но и за-границею. А въ тотъ вѣкъ, когда Валленштейнъ читалъ въ созвѣздіяхъ свою великолѣпную будущность, чего не могъ вообразить о себѣ польскій выскочка, которому казалось, что онъ побѣждаетъ и самую фортуну? И король и королевская республика—по всему видно—были только орудіями и, если понадобится, жертвами его махинацій, такъ точно, какъ и въ глазахъ его создателей—іезуитовъ.

Канцлеръ стоялъ тогда въ зенитѣ своего значенія и вліянія. Великія и малыя земли искали его благосклонности. Дворы его палатъ, его переднія и залы были переполнены шляхтою. Когда онъ шествовалъ въ королевскій замокъ, или возвращался отъ короля, ему сопутствовала цѣлая группа сенаторовъ. Родные канцлера, пріятель, слуги—все сіяло лучами монаршаго благоволенія.

И не былъ антуражъ Оссолинскаго мелкимъ ласкательствомъ людей, добившихся кой-какъ „сенаторской лавицы“. Вся Польша, претворенная іезуитами во что-то совсѣмъ непохожее на грубую, но честную и благородно гордую Сарматію временъ доіезуитскихъ, видѣла въ коронномъ канцлерѣ то, что, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ, желали бы Поляки видѣть въ своихъ сыновьяхъ и внукахъ. Когда великій канцлеръ выдавалъ дочь свою, Терезу, за Сигизмунда Денгофа, сокальскаго старосту, сѣрадзкаго воеводича и племянника по сестрѣ коронному великому гетману Концпольскому (а было это въ февралѣ 1645 года),—во второй день свадебныхъ церемоній рання mloda получила 70 дорогихъ подарковъ изъ разныхъ сторонъ Польшы; въ третій день опять поднесли ей 80 подарковъ, въ числѣ которыхъ были припошенія отъ седмиградскаго князя, Ракочія, отъ князя курляндскаго и почти отъ всѣхъ польскихъ городовъ; а подарки въ тотъ вѣкъ считались не посулами, предосудительными для честнаго дома: они были выраженіемъ вниманія и почитанія; они у знатныхъ и богатыхъ людей составляли предметъ особеннаго честолюбія. Въ этомъ смыслѣ сосчитано, что молодая пани Денгофъ получила свадебныхъ подарковъ на 150.000 злотыхъ.

Король отличалъ канцлера отъ всѣхъ своихъ подданныхъ, и дѣлалъ ему почести, подобающія принципамъ крови; а самый гордый,

знатный и вліятельный изъ можновладниковъ, глава католической партіи въ Польшѣ, князь Альбрехтъ Радивилъ, передавая невѣсту изъ родительскихъ рукъ въ руки жениха, счелъ достойнымъ своего сана и характера превозносить заслуги Оссолинскаго. Послѣ краткаго изложенія исторіи дома его, повѣствовали онъ широковъщательно о жизни и дѣлахъ самого канцлера: какъ Оссолинскій съ юныхъ лѣтъ, подобно пчелкѣ, бралъ и усматривалъ то, что было услугою королямъ, опорой отечеству и утѣшеніемъ собственному дому; какъ онъ, будучи посломъ и маршаломъ Посольской Избы, улаживалъ величайшія затрудненія; какъ счастливо выполнялъ посольство въ Англію; какъ своимъ краспорѣчіемъ и пышностью возвѣщалъ въ Римѣ славу и величіе своего короля; какъ убѣдилъ Апостольскую Столицу къ соизволенію по предметамъ величайшей для Рѣчи Посполитой важности; какъ въ Регенсбургѣ содѣйствовалъ элекціи императора Фердинанда III, и устроилъ бракосочетаніе императорской дочери съ королемъ; какъ строилъ замки, костелы, семинаріи; какъ изъ чужихъ краевъ привлекалъ въ Польшу монаховъ небывалыхъ дотолѣ въ ней орденовъ; современныя же заслуги короннаго канцлера, его труды и попеченія литовскій канцлеръ оставилъ „похвалямъ вѣковъ грядущихъ“.

И такъ вотъ они, тѣ люди, которые устраняли всякое зазрѣніе совѣсти и всѣ сомнѣнія короля, которые утверждали его въ опасномъ замыслѣ и окружили туманомъ общихъ въ Польшѣ повятій о долгѣ и честности, сквозь который онъ смотрѣлъ на свѣтъ. Капуцины Валеріанъ и графъ Магги, каноникъ Фантони, венеціанскій посолъ Тьеполо и коронный канцлеръ Оссолинскій замѣняли для него людей дальновидныхъ, одаренныхъ умомъ и сердцемъ Конецпольскаго. Владиславу казалось, что всѣ того жаждутъ, чего жаждетъ онъ. Король только съ тѣми проводилъ пріятно время, съ кѣмъ говорилъ свободно о своихъ печаляхъ, и потому сдѣлался для прочихъ недоступнымъ. „Только эти люди имѣютъ свободный доступъ къ королю“ (писалъ современникъ). „Королевскіе слуги сторожатъ каждую дверь; не отойдутъ и не поднимутъ портьеры ни для кого, пока имъ кто-нибудь изъ этихъ великихъ не прикажетъ“.

При такихъ-то обстоятельствахъ образовался широкій планъ Владислава IV, и такъ сросся съ его душою, что никакія затрудненія, никакія препятствія не могли потомъ прогнать его изъ королевской головы. Владиславъ стоялъ на своемъ до самой смерти, не взирая на то, что всѣ отъ него отшатнулись.

Въ апрѣлѣ 1646 года, пока еще московскіе послы не выѣхали изъ Варшавы, Турецкая война была у него дѣломъ рѣшеннымъ, какъ

у московскаго царя — Татарская. Въ этомъ мѣсяцѣ были кончены его договоры съ Москвою, съ козаками, съ послами господарей и съ Венеціанскою Республикой.

Тьеполо увѣдомилъ свою снѣборію, что волошскій господарь пойдетъ къ Дунаю съ 30.000 войска, которое будетъ служить авангардомъ королевской арміи. То же самое сдѣлаетъ мулятянскій господарь съ 20.000 войска. Къ нему же послать литовскій полевой гетманъ, князь Янушъ Радзивилъ, для поужденія къ скорѣйшему выполненію заключеннаго съ королемъ договора. Князя седмиградскаго увѣдомилъ король чрезъ нарочнаго гонца о своемъ предиріятіи. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль вознамѣрился онъ собрать болѣе 20.000 козацкой милиціи, кромѣ 6.000 регулярнаго войска, обыкновенной своей гвардіи. Далѣе писалъ Тьеполо, что король повелѣлъ по этому гетману, чтобы въ соединеніи съ московскими полководцами, готовился вызвать войну съ Татарами, а когда въ іюлѣ и въ іюлѣ будетъ отворенъ Днѣпръ, козаки выйдутъ на море; наконецъ, что онъ призвалъ къ себѣ нунція и отдалъ ему собственноручное письмо къ папѣ, въ которомъ просилъ о скорой, столь необходимой помощи.

Тьеполо, какъ сказано выше, уменьшилъ сумму 600.000 талеровъ, которые Венеція ассигновала для Польши, и предложилъ королю отъ снѣборіи только 400.000. По смерти Консепольскаго, „для воспламененія и пробужденія ума короля“, прибавилъ еще 100.000, говоря, что дѣлаетъ это сверхъ даннаго ему наказа. Въ счетъ своей прибавки, онъ тотчасъ отсчиталъ 20.000.

Въ то же время Владиславъ далъ аудіенцію двумъ греческимъ монахамъ. Они уже четыре мѣсяца ждали ея съ письмами отъ восточныхъ архіереевъ, которые молили короля о помощи польскимъ войскамъ, клятвенно увѣряя, что оно будетъ сильно поддержано ими и всею Греціею.

На бѣду Польши, тутъ же выпрыгнулъ изъ забвенія невѣстный уже намъ Александръ Оттоманскій, иначе султанъ Ахія, если не кто-нибудь другой подъ его именемъ. Теперь это поворожденное чадо самозванщины, выработанной панскими приверженцами на бѣду Россіи, называли султаномъ Захією Оттоманно, иначе Александромъ графомъ Монсенгри. Въ концѣ прошлаго года, слѣдовательно черезъ десять лѣтъ послѣ напрасныхъ подступовъ къ царскому правительству, явился онъ во Львовѣ и обратился къ королю съ увѣреніями, подобными тѣмъ, которыя Москва извела уже къ ихъ петинному значенію. Владиславъ не сомнѣвался, какъ и его любимцы козаки въ 1625 году, что на Турокъ вегадутъ всѣ Греки и турецкіе Славяне.

Венеціанская Республика предполагала выслать войска въ Фріули и Далмацію, и поддержать возстаніе въ Босніи, которое дѣйствительно вспыхнуло въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Къ Стемниковскому, своему послу въ Москвѣ, король послать наказъ, чтобъ, узнавъ хорошо намѣреніе цари, составилъ прелиминарные пункты наступательно-оборонительнаго союза.

Владиславъ постановилъ — увеличить силы свои въ первомъ году войны до 50.000, именно до 20.000 козацкой милиціи и 30.000 регулярнаго войска различныхъ вооруженій, которое повелѣлъ вербовать и въ Польшѣ и въ Германіи. Нѣмецкою конницею долженъ былъ предводить генераль-лейтенантъ, графъ Баудисенъ, пѣхотою — генераль-майоръ фонъ Видель, артиллеріей — Кринштофъ Аргиншевскій.

Кромѣ того король разсчитывалъ на помощь польскихъ пановъ и надѣялся, что, въ случаѣ надобности, они предоставятъ въ его распоряженіе свои надворныя хоругви, состоявшія почти изъ одной конницы.

По ревнивому численію Шляхетскаго Парода, боявшагося вопиющихъ подвиговъ своего короля, Владиславъ надѣялся, въ случаѣ, когда бы султанъ перенесъ войну въ Польшу, противопоставить ему 100.000 козацкой пѣхоты сверхъ 6.000 реестровиковъ, 52.000 панской конницы, 30.000 регулярнаго войска и 50.000 войска господарскаго всего до 250.000, къ которымъ, по окончаніи Крымской войны, должно было присоединиться 100.000 московской рати.

Войну было предположено начать безотлагательно. Въ концѣ іюля Владиславъ намѣревался выступить во Львовъ, 4 августа — соединиться съ полевымъ гетманомъ и двинуться къ Подольскому Каменцу. Оттуда гетманъ долженъ былъ, съ частью войска и съ панскими ополченіями, идти къ Дибіру и тамъ, въ соединеніи съ московской ратью, стоять противъ Татаръ; король же, съ сорока сличкомъ ты сячами, предположилъ направиться между Дибіромъ, Вугомъ и Дибстремъ на Очаковъ, Бѣлгородъ и другіе ближайшіе приморскіе города, выбить изъ Буджаковъ Татаръ и овладѣть гурецкими крѣпостями. А чтобъ Турки не препятствовали съ сухаго пути, волонскій и мультапскій господами обѣщали оборонять переходы черезъ Дунай, лишь бы только имъ было послано въ помощь сколько-нибудь польскаго войска.

Таковъ былъ планъ кампаніи 1646 года, фантастическій на взглядъ пановъ домохозяевъ и хозяйственныхъ шляхты, но сравнительно съ ничтожными ополченіями будущей безгосударной Польши — грандіозный. Оставалось только найти предлогъ къ нарушенію мира съ Турціей и сочинить законное въ глазахъ Рѣчи Посполитой основаніе

для веденія войны; ибо королевская присяга не дозволяла Владиславу, безъ дозволенія сейма, ни собирать войско, ни заключать союзы, ни вести наступательную войну.

Осололицкій изыскалъ на то способы. Военныя дѣйствія короля должны быть обращены противъ Татаръ, но противъ Татаръ Буджацкихъ.

Турецкое названіе *Буджакъ* по-русски значитъ *кутъ*. Буджаки, или куты, обнимали край между Чернымъ моремъ, Днѣстромъ и Дунаемъ, съ городами: Бендеры (Тегинъ), Измаиль, Акерманъ (Вѣлгородъ), Кишія и Рени. Тамъ, въ XVI столѣтіи, поселились Погайцы, крымскіе бунтовники, подобные утікачамъ на Запорожьѣ, и распространили свои кочевья за Днѣбрь. Жили они, какъ и наши запорожскіе козаки, почти исключительно добычею, а добычнымъ поприщемъ служили имъ Подоля, Украина и Волинь.

Первымъ и главнымъ условіемъ мира, заключеннаго между Рѣчью Посполитою и Турціей въ 1634 году, было: „чтобы Татары были выселены изъ Буджаковъ и кочевья ихъ сожжены“. Это была *conditio sine qua non* со стороны Польши. Но Турція не выполнила своего обязательства. Хотя король безпрестанно настаивалъ на разебаніи этой орды, она, какъ бы на зло ему, дозволяла усиливаться Буджацкимъ Татарамъ, такъ что число ихъ въ 1645 году возросло до 20.000 наѣздниковъ. Это были Татары самые воинственные, самые дикіе, наилучше вооруженные и наибольше чуждые промысламъ мирнымъ. Если на Крымъ смотрѣть, какъ на Украину Турціи, то они для крымскаго хана были то, что для колонизаторовъ польской Украины были запорожцы, а для турецкаго султана—то, чѣмъ запорожцевъ желалъ и, при другихъ условіяхъ, могъ бы сдѣлать польскій король.

Цѣлыя области между Буджаками и Малороссіей были заняты кочевьями сородныхъ Татаръ. Въ широкихъ промежуткахъ между ихъ кочевьями, мильхъ на десяти и больше, не было никому возможности ни поселиться, ни проѣхать безопасно за ихъ разбоями и хищничествомъ. Враги крымскаго хана и слуги турецкаго султана, буджацкіе наѣздки безпрестанно вторгались въ польскіе предѣлы, не входя глубже шести или семи миль, и, послѣ нѣсколькихъ дней грабежа, возвращались обремененные добычей. Турція, повидному, смотрѣла съ удовольствіемъ на то, что южныя окраины Польши вѣчно терѣли безпокойства и утраты, вѣчно находились въ оборонительномъ положеніи.

И вотъ эти-то Татары должны были сдѣлаться главнымъ поводомъ къ нарушенію мира. Въ случаѣ упрековъ со стороны сеймо-

выхъ представителей Рѣчи Посполитой, король могъ заслониться постановленіемъ, обязывавшимъ его „отвращать опасности, грозящія государству, каковы суть набѣги Татаръ“. На этомъ основаніи могъ онъ, подъ видомъ войны оборонительной, начать войну наступательную. Очитивъ Буджаки и стоя съ войскомъ надъ Дунаемъ, дать бы онъ сигналъ общаго возстанія христіанъ Турціи, а принимая господарей подъ свое покровительство, на чтѣ имѣлъ всяческое право, этимъ самымъ начать бы войну съ Турціей. Волеи и неволеи должна была бы тогда Рѣчь Посполитая помогать ему, еслибы не хотѣла ждать страннаго возмездія.

Начертавъ мысленно планъ великой войны въ строжайшей тайнѣ, такъ что и ближайшіе ко двору сановники не догадывались, въ чемъ дѣло, король повелѣлъ призвать въ Варшаву нужныхъ ремесленниковъ, инженеровъ и вербовщиковъ, а самъ, позабавившись якобы беззаботно въ замкѣ комедіей, отплылъ по Вислѣ вмѣстѣ съ королевой на охоту въ Стембовъ. Но тамъ, подъ влияніемъ венеціанскаго посла, измѣнилъ планъ дѣйствія и рѣшился выступить съ своимъ замысломъ открыто. Вернувшись въ маѣ съ охоты, Владиславъ объявилъ публично Турецкую войну, и съ лихорадочной поснѣнностью начать приготовленія, точно какъ будто совершившимся фактомъ, энергіей своихъ движеній и молвой о приготовленіяхъ хотѣлъ увлечь за собою республиканское государство и подавить въ немъ оппозицію.

Это былъ такой взрывъ долго сдерживаемой страсти къ славѣ и величію, несчастливѣйшей изъ польскихъ страстей, что послѣдовательно идущій къ своей цѣли канцлеръ долженъ былъ ужаснуться орудія собственной мечты своей.

Варшава вдругъ начала наполняться войскомъ. Предводитель королевскихъ трабантовъ, Янъ Денгофъ, получилъ повелѣніе вербовать гвардію, усрочить въ самой Варшавѣ контору вербовки. Капитаны Плагтеръ и Корфъ, произведенные теперь въ подполковники, вербовали шляхту въ Мазовецкомъ воеводствѣ. Коронная хоругвь была отдана Антонію Пацу, съ повелѣніемъ набрать нѣсколько полковъ конницы. Оговенюду звали на войну. Арсеналь наполняется рабочими, замки — новобранцами.

Королевскій дворецъ въ Уздовѣ стоялъ какъ бы посреди лагерь, окруженный палатками, возами, торговками и шумно толкающимися жолнерами. Осѣдланые кони, поминутно выбѣгающіе вѣстовые, наплывъ разнообразно вооруженныхъ офицеровъ, муштрующіеся на площади отряды пѣхоты, звяканье оружія и толпящіеся караулы, — все это характеризовало главную квартиру полководца, а не резиденцію короля

Самъ Владиславъ, помолодѣвшій, возбужденно дѣятельный, назначалъ полковниковъ и капитановъ, отправляя въ вербовщиковъ за-границу, пѣхоту вербовалъ лично, приказывалъ облѣзжать лошадей, ревизовалъ ежедневно арсеналь. При немъ изготовлено 36 пушекъ, огромный запасъ пороху, ядеръ, бомбъ и гранатъ: все это 18 (8) мая должно было идти во Львовъ.

Съ началомъ августа кампанія должна была открыться. Въ Мессахъ была назначена главная квартира короля. Тамъ господари должны были собирать съѣстные припасы, фуражъ и матеріалы для постройки мостовъ.

Всѣ приготовленія дѣлалъ король открыто, передъ глазами всего свѣта. На поверхностный взглядъ, ему оставалось только выступить въ поле. Но это были дѣйствія или челоуѣка сумасшедшаго, или же короля, задумавшаго рѣшительнымъ движеніемъ спасти государство свое отъ олигарховъ, рискуя семейными жертвами и личными опасностями.

Возможности такого замысла не допускали фактическіе короли Польши, которымъ и во снѣ не снилось, что даже козакъ скоро будетъ нагибать ихъ подъ свою дикую волю. Оссолнскій испугался ответственности передъ соправителями своими за поддержку титулярнаго короля. Взвѣсивши двѣ соперничающія силы, канцлеръ зналъ, что король неспособенъ восторжествовать надъ оппозиціей и увлечетъ его своимъ надеіемъ, если онъ останется явно на сторонѣ государя, возмущившагося противъ подданныхъ. „Если же провидѣнію святаго маестата Божія“ (могъ думать на своемъ языкѣ Оссолнскій) „будетъ угодно возстановить такъ внезапно Восточную Имперію, какъ внезапно устраненъ имъ съ моего жизненнаго пути непреодолимый соперникъ, Якушъ Острожскій, то новый императоръ безъ такого канцлера не обойдется, и, при его слабомъ характерѣ, не трудно будетъ мнѣ стать одесную всемирнаго властителя“.

Оссолнскій рѣшился дѣйствовать пагріотически. Когда Владиславъ просилъ его приложить канцлерскую печать къ такъ называемымъ *приповѣднимъ листамъ*, которыми рогнистры уполномочивались вербовать въ Польшу и за-границею войско, канцлеръ отказалъ королю въ просьбѣ. Того мало: онъ сдѣлался противникомъ войны, которую двѣ недѣли назадъ, вмѣстѣ съ королемъ, обдумывалъ.

Отказъ въ печати со стороны канцлера былъ дѣломъ законодательной предусмотрительности Шляхтескаго Парода, вѣчно боявшагося самовластия не только въ государѣ своемъ, но и въ его самовникахъ. Канцлеръ обыкновенно присягалъ не печатать урновѣдныхъ

листовъ противъ общественнаго права, дабы король не могъ собрать войско безъ позволенія своей республлки.

По противникомъ Турецкой войны Оссолинскій сдѣлался изъ опасенія междоусобія, которое могло бы вспыхнуть въ Польшѣ ради подавленія королевскаго самовластія. Въ то же самое время Турція могла бы обратить всѣ силы на Польшу, помирившись съ Венеціей. Въ этомъ Оссолинскій, какъ человекъ государственный, былъ тоже правъ. И турецкое могущество, и венеціанское торгашество понималъ онъ вѣрнѣе своего короля. Турція въ самомъ дѣлѣ, видя, что ей грозитъ война съ сѣвера, готова была заключить миръ съ Венеціей; а сиппорія, какъ видно, на то и рассчитывала: ибо, въ то самое время, когда Тьеполо такъ ревностно хлопоталъ въ Варшавѣ о Турецкой войнѣ, она въ Стамбулѣ, при посредствѣ французскаго посла, старалась о мирѣ. Сиппорія рѣшилась купить миръ съ Турками громадными суммами, и продолжала войну такъ, „какъ будто не хотѣла раздражить султана“. Ей было пужно, чтобы Владиславъ IV выступилъ открыто съ Турецкой войною, чтобы онъ обнаружилъ свои замыслы, и чтобы Турція узпала, что дѣлается въ Варшавѣ. Самъ Тьеполо служилъ ей безсознательнымъ орудіемъ для ослѣпленія разсчитавшагося вонтеля: онъ обѣщалъ королю три милліона скуди субсидій, въ въ случаѣ когда бы Турція перенесла войну въ Польшу, но, по своимъ инструкціямъ, не подавалъ никакой надежды, чтобы Венеція захотѣла заключить оборонительно-наступательный договоръ съ Польшею и обязалась не заключать съ Турціей мира безъ согласія короля; а король до того увлекся погоней за славой, что припималъ, зажмуря глаза, всѣ условія сиппоріи, не обязывая Венеціи ни къ чему съ ся стороны.

Къ этимъ двумъ извинительнымъ причинамъ отступничества канцлера присоединился еще и недостатокъ денегъ, необходимыхъ для веденія войны, которая требовала издержекъ громадныхъ. Здѣсь неспособность короля къ великимъ предпріятіямъ выказалась поразительно. Онъ твердилъ, что у него довольно средствъ, и уже въ первые дни приготовленій долженъ былъ занять у своей пелюбимой королевы 80.000 злотыхъ, которые раздалъ полковникамъ и капитанамъ. Это само по себѣ гнусно, но въ героѣ Христіанства еще гнуснѣе данное Маріи Гонзага обѣщаніе, что за этотъ заемъ онъ будетъ раздавать всѣ должности не иначе, какъ черезъ ся руки. Суммы, которыя обѣщаль Тьеполо отъ папы и отъ князя тосканскаго, оказались весьма сомнительными. 250.000 талеровъ, которые венеціанскій посолъ занялъ подъ собственное обязательство по 7% у королевы, не были достаточны для войны, которую король постановилъ вести приватно, безъ

помощи Рѣчи Посполитой. На однихъ работы въ арсеналѣ шло у него ежедневно по 1.000 дукатовъ, а какъ приготовленія были рассчитаны на три мѣсяца, то одинъ арсеналъ требовалъ 180.000 талеровъ. Желая наберовать 30.000 воиска, подобно было по крайней мѣрѣ „дать на руку“ простымъ жолнерамъ столько, что это составляло до милліона флориновъ, не считая покупки лошадей, мундировъ, возовъ и платы офицерамъ. Сколько же подобно было принасти денегъ, чтобы выступить въ поле?

Неудивительно, что Оссолинскій, видя, какъ отступилъ король отъ первоначальнаго плана войны, или вѣрнѣе сказать—отъ ея таинственности, неудивительно, что онъ подчинился общему негодованію, и не только сдѣлался противникомъ короля, выдѣлившись себѣ магната изъ „простой глины“, но увлекъ за собой и всю свою партію Поляки полагаютъ, что Оссолинскій, обязанный, яко канцлеръ и сенаторъ, предостерегать Рѣчь Посполитую отъ угрожающей ей опасности, уведомилъ и нѣкоторыхъ сенаторовъ о королевскихъ замыслахъ. Во всякомъ случаѣ король, какъ личность, былъ почтеннѣе своего канцлера. Онъ входилъ въ положеніе Оссолинскаго, и въ послѣдствіи жаловался передъ венеціанскимъ посломъ такъ: „Нѣмѣнилъ мнѣ канцлеръ, какъ Іуда Христу, не изъ злости и ненависти“. Два польскіе ротмистра, вербовавшіе жолнеровъ отъ имени короля, бросились къ Оссолинскому съ обнаженными саблями, называя его врагомъ отечества, за что были наказаны пифаміей. Но король, по невозможности замѣнить канцлера другимъ совѣтникомъ, или же по недостатку твердости характера, продолжалъ довѣрять ему, какъ и Радзвѣжскому.

Получивъ отказъ отъ канцлера короннаго, Владиславъ надѣялся, что не откажетъ ему въ печати по крайней мѣрѣ канцлеръ литовскій По Альбрехтъ Радзивилъ, пріѣхавши въ Варшаву, писалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее:

„12 мая прибылъ я въ Уяздовъ, и слышу изъ всѣхъ усть о войнѣ. Удивляюсь, разспрашиваю, доискиваюся причины. Я думалъ, что Шеды ударили на насъ, какъ прибылъ ко мнѣ коронный канцлеръ отъ короля съ уведомленіемъ, что, вмѣсто зайца, поймали на охотѣ войну... Я спросилъ: панечатаны ли уже листы для ротмистровъ?—Еще нѣтъ.—Тогда я сказалъ, что скорѣе позволю отрубить себѣ руку, нежели приложу къ нимъ литовскую печать. Коронный канцлеръ былъ того же мнѣнія“.

Король почувствовалъ необходимость сдѣлать первый легальный шагъ для того, чтобы втянуть Рѣчь Посполитую въ войну. Сеймовое постановленіе 1613 года гласило,---что въ

случаѣ какой-нибудь внезапной опасности, король обязанъ предупредить ее „по докладу раднымъ панамъ, какихъ скорѣе можетъ увидѣть“. Владиславъ призвалъ въ Варшаву самыхъ приверженныхъ къ нему членовъ Сенаторской Избы, чтобъ убѣдить ихъ въ грозящей Польшѣ опасности и склонить къ войнѣ. Постановленіе пановъ рады узаконило бы его поступки и—что всего важнѣе—подскарбій, то-есть государственный казначей, могъ бы тогда выдать ему сумму, которую Рѣчь Посполитая собирала уже четыре года на случай войны съ Турціей.

Оба канцлера опасались этой сенаторской рады, и потому условились видѣться наканунѣ въ саду монаховъ реформатовъ для совѣщанія.

„Я совѣтовалъ“ (пишетъ литовскій канцлеръ), „чтобы рады не было, по той причинѣ, что постановленія секретныхъ сенаторскихъ радъ всегда зависѣли отъ рѣшенія короля. Завтрашняя рада не сопротивлялась бы его мнѣнію, и мы должны были бы взять его вины на себя, а пока оправдались бы на сеймѣ, общая ненависть задушила бы насъ. Вотъ почему совѣтовалъ я отложить раду до коронаціи королевы, чтобы дать обществу время ознакомиться съ этимъ дѣломъ“.

Такъ и было поступлено. Оссолинскій убѣдилъ короля, точно учитель школьника, отложить безотлагательное въ его революціонныхъ интересахъ дѣло, и такъ какъ оба канцлера не согласились печатать приновѣдныхъ листовъ, то король велѣлъ печатать ихъ компанію (рокожава) печатью. О компаніонной печати въ сеймовыхъ постановленіяхъ вовсе не упоминалось, и каждому гражданину представлялся полный произволъ „респектовать“ эту печать, или нѣтъ.

Когда происходила въ Варшавѣ такая путаница королевскаго и панскаго двоевластія, пришло официальное извѣстіе о событіи, которое говорило ясно, что и на русской почвѣ Польша стоитъ неурядицей: казаки вышли на Черное море. Это извѣстіе произвело въ средѣ можновладниковъ чрезвычайное волненіе, точно какъ будто съ ихъ стороны было сдѣлано все, что могъ бы сдѣлать, въ качествѣ панскаго диктатора, Конецпольскій для предотвращенія подобныхъ событій.

Одновременно съ одной революціонной новостью поразила пановъ и другая: къ Люблину двинулось 40 пушекъ, а передъ арсеналомъ стояло уже 20 новыхъ, готовыхъ для похода. Венеціанскій посолъ, получивъ часть занятыхъ у королевы денегъ, дѣлилъ ихъ между офицерами, давая себѣ такой видъ, какъ будто онъ управлялъ войною. Тьеполо обращался съ рѣчью къ жолнерамъ, обѣщалъ награды,

надзиралъ въ арсеналѣ за работами, объявлялъ даже, что король, вы- ступить въ походъ.

Въ то же самое время заграничныя газеты говорили о коро- левскихъ планахъ, неизвѣстныхъ правителямъ Польши, о договорахъ съ иностранными державами, игнорировавшихъ права Рѣчи Посполитой.

Все это возбуждало въ сенаторахъ негодованіе; а тутъ еще было получено извѣстіе о приближеніи турецкаго посла. Надобно было дѣйствовать.

Въ нѣсколько дней всѣ можновладники пришли въ движеніе и соединились противъ короля. Революція королевская вызвала въ Польшѣ революцію шляхетскую. Быстро вскипѣла оппозиція, и уже литовскія „сословія“ требовали отъ короля созванія сейма, въ противномъ случаѣ, грозили прибыть въ Варшаву и держать рады, хотя бы и въ его при- сутствіи. Сенаторы, резиденты и прибывшіе по ихъ зову члены Сена- торской Избы, истощивъ напрасно просьбы и убѣжденія, стали обхо- диться съ королемъ дерзко даже въ гостяхъ у Оссолинскаго. За обѣ- домъ коронный подканцлеръ, Андрей Лещинскій, указывая пальцемъ на пословъ французскаго и венеціанскаго, спросилъ вслухъ: „Что, это за послы? но, какому праву сидятъ они за королевскимъ столомъ? Ко- ровлевская свадьба кончилась: зачѣмъ они остаются у насъ“?

Этой наглости даже и Владиславъ IV не вынесъ: онъ уѣхалъ, поспѣшно съ королевой и со своей свитой. Гости Оссолинскаго оста- лись въ великомъ волненіи. Сенаторы принялись разбирать поступки короля: упрескали, что онъ руководился совѣтами своихъ иностранцевъ, которые разносили по всему свѣту секреты Рѣчи Посполитой; что, сдѣлался орудіемъ чужой политики въ рукахъ венеціанскаго посла; что своимъ образомъ дѣйствій хочетъ вызвать междоусобіе; указывали на его болѣзнь и на лѣта, на ссору съ сосѣдними государствами по поводу вооруженій, и всѣ приходили къ тому заключенію, чтобы не позволить ему вербовать войско и не поддерживать войны, которую задумалъ онъ противозаконно, вопреки присягѣ и безъ вниманія къ, возможнымъ послѣдствіямъ.

Канцлеръ говорилъ сдержанно, не хотѣлъ выступить противъ короля открыто, и представлялъ, что Рѣчь Посполитая имѣла бы до- статочно поводовъ къ нарушенію мира съ Турціей. Этимъ онъ утвер- дилъ многихъ во мнѣніи, что и самъ былъ участникомъ замысловъ короля.

Паны группировались вокругъ литовскаго канцлера, который дѣлалъ королю самыя непріятныя представленія въ самыхъ почти, тельныхъ словахъ, и Оссолинскій уступилъ наконецъ просьбамъ своего

панегириста; чтобы къ его напраснымъ убѣжденіямъ присоединилъ и свой: 'Король' оставался при своей рѣшимости; однакожь задержалъ въ 'Варшавѣ' пушки, приготовленныя къ отправки: " "

Владиславъ сдѣлался раздражителемъ, чего съ нимъ до тѣхъ поръ не бывало. На непрощенный совѣтъ Якова Собіскаго, относительно Турецкой войны онъ отвѣчалъ съ такимъ азвительнымъ презрѣніемъ, что гордый магнатъ „впалъ въ меланхолію, заболѣлъ и вскорѣ умеръ“.

" " Къ увеличенію досады, терзавшей короля, со всѣхъ сторонъ посыпались къ нему письма отъ бискуповъ и свѣтскихъ сенаторовъ. Особенно горько ему было письмо князя Іереміи Вишневецкаго, товарища Копецпольскаго въ Охматовской побѣдѣ и самаго воинственнаго изъ магнатовъ, который, будучи въ это время онскуномъ малолѣтняго наслѣдника Томы Замойскаго, располагалъ значительною силою. Этотъ объявилъ королю безъ обиняковъ, что Турецкой войны предпринимать безъ вѣдома Рѣчи Посполитой не слѣдуетъ."

" " Но громче всѣхъ былъ голосъ краковскаго воеводы, Станислава Любомирскаго, считавшагося „великимъ и первенствующимъ въ государствѣ мужемъ“. Онъ обратился къ королю съ письмомъ по просьбѣ малопольскихъ сенаторовъ, и его письмо разошлось во многочисленныхъ копіяхъ и въ Польшѣ, и за-границей. Любомирскій говорилъ, что король нарушилъ права и вольности шляхетскія, ломаетъ свою присягу, совѣты иностранцевъ предпочитаетъ отечественнымъ; искреннимъ, опытнымъ, и поступаетъ такъ, какъ будто Поляки утратили свою вѣрность, или не понимали подобныхъ предпріятій и не имѣли сердца для смѣлаго дѣла. Онъ просилъ не таить отъ Поляковъ войны, въ которой дѣло идетъ объ ихъ собственной шкурѣ, и заключилъ свое длинное посланіе надеждою, что настанетъ время, когда король уразумѣетъ разницу между тѣми, которые хотятъ ему только полюбоваться, и между вѣрными, преданными своими подданными."

" " Письмо краковскаго воеводы было сигналомъ ко всеобщему ропоту. Короля называли „творцомъ вредоносныхъ смуть“, дразнили подмстными письмами, похожими на насквили, грозили, что сеймъ разгонитъ навербованныхъ жолнеровъ и привлечетъ вербовщиковъ къ отвѣтственности."

" " Король наслелся вынужденнымъ вернуться къ первоначальному плану, къ походу на Буджаки, тѣмъ болѣе, что въ это время папа и князья итальянскіе обнадеживали его своею помощью. Владиславъ началъ объявлять публично, что никогда не имѣлъ намѣренія начинать войну съ Турками; что всѣ его приготовления были направлены къ

войнѣ противъ Татаръ; что никакихъ договоровъ противъ Турокъ не заключалъ, и вообще ничего безъ согласія Рѣчи Посполитой предпринимать не замышлялъ, такъ какъ все зависить отъ сенаторской рады, которая вскорѣ должна состояться.

Этимъ способомъ успокоилъ опъ бурю, которая собралась надъ его головою. Правда, сенаторы не вѣрили, что пикогда опъ о войнѣ съ Турками не думалъ, но были убѣждены, что король уступилъ ихъ просьбамъ и желаетъ идти нутемъ законнымъ.

По пословицѣ: „каковъ приходъ, таковъ и пошъ“, польскіе можно-владники до тѣхъ поръ вертѣли своими королями, вымаливая и вынуждая уступку за уступкою, пока наконецъ, въ лицѣ Владислава IV, увидѣли лукаваго дѣльца по предмету царственности, вмѣсто государя,—увидѣли не вершителя общественныхъ дѣлъ, а школьника, котораго отъ времени до времени надобно страцать. Не имѣя сами гражданскаго самоотверженія, требовали его отъ короля; присягая сами словомъ и противнымъ слову намѣреніемъ воображали, что избирательный король будетъ вѣренъ своей присягѣ. Рапо или поздно должны были они проиграть въ эгоистическую игру государство и раскаться въ своемъ іезуитствѣ.

Поступки Владислава, повидимому, подтверждали то, что онъ говорил... 29 (19) мая опъ рѣшительно разорвалъ договоръ съ Венеціей, и объявилъ пораженному изумленіемъ послу ея, что при такихъ обстоятельствахъ, какъ безденежье паны и князей итальянскихъ, войны для обороны Италіи вести не думаетъ; велѣлъ ему вернуть данное королевѣ обязательство и принялъ засмъ на себя. Согласно просьбѣ Великополягъ повелѣлъ изготовить и подписать универсалы подъ коронною печатью о прекращеніи вербовокъ и распущеніи навербованнаго войска. Запасы пороху, ядеръ, пушки и всю аммуницію приказалъ спрятать, лошадей и возовую прислугу отослалъ, въ Стамбулъ обѣщалъ послать гонца для уснокосія султана, а самъ предался праздности и забавамъ, точно какъ будто голова его не была ничѣмъ озабочена.

И однакожь, въ то самое время, когда отпирался отъ всякой мысли о Турецкой войнѣ, писалъ опъ къ напѣ, къ итальянскимъ князьямъ и въ Венецію, обезпечивая себя дальнѣйшею помощію. Графа Мариа послалъ, въ половинѣ іюня, къ нѣмецкимъ князьямъ, приглашая ихъ къ войнѣ съ Турціей, а побѣдоноснаго шведскаго полководца, Торстенсона, просилъ уступить ему свое войско. Князь Янушъ Радивилъ выѣхалъ въ началѣ іюня изъ Варшавы съ инструкціями къ волошскому господарю. Универсалы о распущеніи новобранцевъ ле-

жали нераспечатанные. Въмсто нихъ, новонабранныя дружины получили знамена съ надписью: „Во славу Креста (Pro gloria Crucis)“.

Воснныя приготовленія не прекращались, только дѣлались подѣ предлогомъ войны съ Татарами. Въ арсеналѣ работы шли день и ночь. На эти работы король ежедневно тратилъ по 1.000 дукатовъ. Изъ королевской канцеляріи было послано приказаніе къ ирусскимъ оберратамъ, чтобы содѣйствовали вербовкѣ пяти компаній драгунъ по 200 всадниковъ, подѣ начальствомъ Крейца и Фабіана фонъ Ксписекъ. Можновладники получили воззваніе о доставкѣ для королевской службы соотвѣтственнаго числа жолнеровъ. Приновѣдныя листы выдавались подѣ комнатною печатью.

Варшава наполнилась офицерами различныхъ вооруженій и раговъ. Король ограничивался только сообществомъ военныхъ людей: съ ними проводилъ время, охотился, шилъ, веселился, и такъ какъ обладалъ рѣдкою способностью привлекать къ себѣ и убѣждать людей, то въ короткое время такую возбудилъ къ себѣ преданность, что все были готовы лѣзть въ огонь по его мановенію. Чтобы привлечь къ себѣ военные таланты, наименовалъ Николая Потоцкаго краковскимъ каштеляномъ и короннымъ гетманомъ. Потоцкій былъ противникомъ Турецкой войны, но Татаръ воевать былъ готовъ, и обѣщалъ выполнять королевскія повелѣнія.

Имѣя вождя и войско на своей сторонѣ, король надѣялся, что въ августѣ можно будетъ начать военные дѣйствія и, подѣ видомъ войны съ Татарами, втлунуть Рѣчь Посполитую въ войну съ Турціей.

Подѣ конецъ іюня разослалъ онъ письма ко всемъ сенаторамъ съ приглашеніемъ въ Краковъ на коронацію королемъ и на совѣтъ. Въ письмахъ жаловался на распущенныя вѣсти, якобы онъ, безъ вѣдома сейма, предпринималъ войну съ Турціей, просилъ этимъ вѣстямъ не вѣрять и успокоить шляхту, такъ какъ онъ готовить войну противъ Татаръ, на которыхъ московскій царь уже наступилъ, пока султанъ, занятый войною, не можетъ ихъ оборонять.

„.... Предоставляемъ это разсудку вашей преданности, *przejmiesz si waszej*“ (писалъ онъ къ популярному краковскому восводѣ, Любомирскому), „столь достойное и съ дѣломъ короля согласное намѣреніе заслуживаетъ ли такого превратнаго истолкованія, для того, чтобы встревожить довѣріе преданныхъ намъ подданныхъ, которое мы столькими благодѣланіями такъ утвердили въ ихъ сердцахъ, что не опасаемся, чтобы его поколебали порывистыя разсужденія и представленія нашего намѣренія. Требуемъ, однакожь, отъ вашего усердія, дабы, по вашей сенаторской обязанности, вы содѣйствовали присут-

бреженію этимъ, неосновательными слухами и довірчивому мнѣнію о нашей опекѣ гражданскихъ правъ и вольностей. Впрочемъ близокъ уже наступающій сеймъ, который, если, по совѣту нановъ сенаторовъ, не ускоритъ, то на время, определенное закономъ, созвать не замедлимъ, и тогда объ этомъ предметѣ откровенно побесѣдуемъ съ вашею преданностію!..“

Этимъ способомъ король, въ теченіе одного мѣсяца, такъ обработалъ общественное мнѣніе, что въ Варшавѣ никто не подозрѣвалъ упорства, съ которымъ онъ держался своего замысла. Нашлись даже такіе, которые готовы были присягать, что король о Турецкой войнѣ никогда и не думалъ. Но въ провинціи не удалось ему такъ легко отворотить подозрѣніе: ибо вербушки, происходившія тамъ у всѣхъ передъ глазами, и новые пришедшіе листы подъ компанію печатью, — опровергали увѣренія, что король оставилъ мысль о Турецкой войнѣ. Не хотѣли вѣрить, чтобы противъ Татаръ надобно было вербовать вооруженную тяжело пѣхоту. Война съ Татарами также не была очень популярна. Появились многочисленныя сатиры, летучія сочиненія и колкія шутки противъ короля и его гетмана. Распускали слухъ, что Москалей Татары разбили на голову.

Заго приверженцы двора разглашали, будто коронный гетманъ прислалъ извѣстіе о завосваніи Венеціянцами Дарданеллъ, а для возбужденія релігіозной ревности католиковъ было распущено въ то же время пророчество о погибели Турокъ въ 1646 году; вмѣстѣ съ поддѣльнымъ письмомъ султана Ибрагима къ королю. Султанъ грозилъ, что возьметъ Краковъ, Кесізовъ и ихъ распятого Бога безъ милосердія потопчеть, вѣру искоренитъ, монаховъ будетъ разрывать лопадъми. „Пускай дѣ на меня досадуетъ Богъ твой: имѣя за собой Магомета, я совершу все“.

Уклоненія отъ долга, чести и національнаго достоинства со стороны короля, котораго папское общество выработало по образу своему и по подобию, для русскаго читателя могутъ казаться посторонними предмету книги. Но я позволю ему, что въ отпаденіи Малороссіи отъ Польши совершилось отпаденіе верхнихъ словъ народа отъ самой Малороссіи, вмѣстѣ съ тою землей, которую наши отступники продали ipso facto въ обладаніе иновѣрцевъ и иноплемениковъ. Клерикалы обдѣляли свое дѣло въ пользу польщины давнымъ давно. Мы забываемъ уже, какъ звали тѣхъ, которые были представителями странной метаморфозы, и пишемъ въ русскои исторіи имена Радзивилловъ, Сопігъ и пр. и пр. въ оиполаченной формѣ. Но, повѣствуя о чертормъ польской жизни со словъ самихъ Поляковъ, и часто подлинными сло-

вами, Поляковъ, не должны забывать, что въ этомъ чертѣ кружились, топили, и утонули, наконецъ, можетъ быть, блуждали изъ нашихъ малорусскихъ людей, вмѣстѣ съ худшими, и что поэтому на исторію польской неурядицы, почти во всѣхъ случаяхъ, можно смотрѣть какъ на горестныя воспоминанія о нашихъ собственныхъ предкахъ.

Оссолинскій—съ того времени какъ сключилъ король отказаться отъ войны съ Турціей, повернулъ его къ первоначальному плану похода и уничтожилъ преобладающее вліяніе венеціанскаго посла, сдѣлавъ вновь горячимъ приверженцемъ королевскихъ замысловъ, и сталъ во главѣ дѣйствія. Онъ умѣлъ изгладить въ умахъ мысль о заговорѣ съ королемъ противъ шляхетскихъ вольностей, и разгласилъ по всей Польшѣ, будто бы король отказался отъ войны съ Турціей по его убѣжденію. Великопольскіе сенаторы благодарили его за королевское письмо, въ которомъ де пась его королевская милость увѣряетъ, что ничего такого не замышляя, что причинило бы ущербъ нашимъ правамъ, и такъ какъ; ваша милость была и есть причиною того; за это вашей милости много благодарны. Перемѣна въ образѣ дѣйствій Оссолинскаго очевидна. Черезъ девять дней по разрывѣ съ Венеціей, канцлеръ явился у венеціанскаго посла и, между прочимъ, сказалъ ему, что можно бы и не оставять начатаго дѣла, если бы только король былъ увѣренъ, что не будетъ оставленъ, на черзъ нѣсколько недѣль, увѣдомилъ Тьеполо, что сенаторская рада соберется въ Краковѣ, и что король нуждается въ помощи.

Король дѣйствительно нуждался въ помощи, то-есть въ деньгахъ, такъ какъ послѣ краковской рады намѣревался двинуться во Львовъ и начать кампанію.

27 (17) іюня выѣхать онъ изъ Варшавы въ Краковъ, и въ день его выѣзда выступило ко Львову 3.000 пѣхоты. Повелѣніе вывозить остальные пушки было приостановлено, дабы не возбудить подозрѣнія.

Въ Ченстоховѣ король снялъ съ себя саблю, положилъ на алтарь Богоматери и велѣлъ освятить хоругвь новосформированныхъ гусаръ. Въ этомъ актѣ Поляки видятъ его возвращеніе къ мысли объ учрежденіи ордена и рыцарства Безпорочнаго Зачатія: тѣмъ и другимъ онъ могъ надѣяться привлечь охотниковъ къ войнѣ съ невѣрными.

17. (7) іюля послѣ коронаціи королевы, въ Краковѣ состоялось первое засѣданіе сенаторской рады. Король представилъ ей то самое, что повторялъ уже цѣлый мѣсяць: увѣрялъ, что никогда ничего противнаго праву дѣлать не намѣревался; что о войнѣ съ Турками не думалъ; что желалъ только предупреждать ордынскіе набѣги, но и

войны съ Татарами не имѣлъ намѣренія начинать безъ дозволенія Рѣчи Посполитой, чему де доказательствомъ служить созванная рада; приготовленія же и договоры съ христіянскими державами дѣлалъ въ надеждѣ, что Рѣчь Посполитая, несомпѣнно, согласится на эту войну. Потомъ представилъ сенаторамъ причины, которыя склонили его мысли къ Татарской войнѣ. Эти причины были: готовность Москвы воевать заодно съ Польшей и ослабленіе Турціи, которымъ надлежитъ воспользоваться. Но совсѣмъ умолчалъ о козацкомъ союзѣ съ Татарами, изъ опасенія, чтобъ этотъ секретъ не сдѣлался предметомъ толковъ. Наконецъ, просилъ присутствующихъ, чтобы не только сами согласились на Турецкую войну, да и Рѣчь Посполитую искренно къ тому приводили.

Сенаторовъ было въ радѣ 19; предводительствовали ими 5 бискуповъ. Всѣ они знали уже о задуманномъ открытіи кампаніи, усиливались отвлечь короля отъ войны и склоняли къ созванію чрезвычайнаго сейма; наконецъ объявили, что безъ третьяго, то есть „рыцарскаго сословія, второе сословіе, (состоявшее изъ сенаторовъ) и первое (представляемое особою короля) не имѣютъ права рѣшать вопросъ о предполагаемой кородемъ войнѣ.

Такую же декларацію получилъ король письменно и отъ сенаторовъ отсутствующихъ. Такъ называемый *гремѣальный* (задушевный) листъ великопольскихъ сенаторовъ и шляхты, адресованный къ королю и коронному канцлеру, признавалъ, какъ отеческую попочительность монарха, такъ и пользу войны съ Ордою; „но поелику“ (писали Великополяне) „рѣчь идетъ здѣсь о войнѣ наступательной, которой безъ согласія всѣхъ трехъ сословій начать нельзя“, то они просили Владислава—свои королевскія предначертанія приспособить къ общественному праву и приостановиться съ военными дѣйствіями, доколѣ сеймъ не согласится на Татарскую войну, которая де можетъ навлечь на государство войну Турецкую: ибо и турецкій „императоръ“ долженъ за своихъ подданныхъ, и король не на Татаръ, а на Турокъ готовится.

Краковская рада продолжалась три дня. Оссолинскій поддерживалъ мнѣнія сенаторовъ, какъ объявилъ объ этомъ самъ въ отвѣтѣ Великополянамъ. Согласились наконецъ въ томъ, что король сзоветъ 23 (13) октября сеймъ и увѣдомить всѣ державы, съ которыми началъ договоры, чтобы прислали на сеймъ пословъ съ опредѣленнымъ и твердымъ объявленіемъ, чего Рѣчь Посполитая можетъ отъ нихъ надѣяться въ случаѣ войны. Наконецъ, сенаторы признали войну съ Татарами необходимою, обѣщали склонять къ ней шляхту, просили

только „униженно“, чтобы король не выѣзжалъ во Львовъ и не возбуждалъ этимъ Турокъ, а лучше употребилъ то время на поправленіе своего здоровья. Король отвѣчалъ, что долженъ посоветоваться съ короннымъ гетманомъ, а когда ему совѣтовали лучше вызвать къ себѣ гетмана, или черезъ вѣрнаго человѣка объявить ему свою волю, онъ оставилъ этотъ совѣтъ безъ отвѣта и удалился.

Пытались еще однажды, вечеромъ, сдѣлать ему представленіе объ этомъ дѣлѣ, но король, произнося нѣсколько непонятныхъ словъ, вслѣлъ прислугѣ нести себя въ спальню, откуда тайкомъ уѣхалъ въ Пенеломницы на охоту.

Гнѣвъ бискуповъ-сенаторовъ обратился на венеціанскаго посла. Едва король уѣхалъ, ему велѣли, въ два часа ночи, выѣхать за 4 мили отъ городского округа. Тьсполо поѣхалъ жаловаться къ королю, и засталъ у него графа Магги, который вернулся изъ своего посольства съ доносеніемъ, что, какъ пѣмцеііе князья, такъ и Торстенсонъ отказали въ своей помощи.

„Мы сдѣлали все“ (сказалъ король венеціанскому послу), „что были въ силахъ. Все князья отказали намъ въ помощи; весь народъ намъ воспротивился; мы подвергли опасности наше королевское достоинство... Но не сожалѣемъ о томъ; попржедму стоимъ на своемъ предиріятіи, и когда бы имѣли достаточно помощи, могли бы теперь дѣйствовать еще усиѣнше“.

Къ этому прибавилъ онъ, что выѣзжаетъ во Львовъ; что значительныя силы стоятъ уже на границѣ; но если рѣшительный отвѣтъ итальянскихъ князей придетъ поздно, тогда—все кончено.

Графъ Магги получилъ тотчасъ повелѣніе ѣхать въ Италію. Король отиравилъ гонцовъ къ московскому царю и въ Персію, а самъ выѣхалъ во Львовъ, повелѣвъ остальныя пушки везти за собою.

Поѣздка во Львовъ открыла глаза всѣмъ, кто до сихъ поръ вѣрилъ королю, что онъ съ Турціей восвать не думаетъ. Вспомнили, что еще въ маѣ говорилъ въ Варшавѣ публично; что военныя приготовленія окончатся въ іюлѣ; что тогдаже король выѣдетъ во Львовъ; что въ первыхъ числахъ августа выступитъ въ поле... Поэтому выѣздъ его во Львовъ считали началомъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи.

5 августа прибылъ король въ городъ нашего Льва Даниловича. Его сопровождала королева, вмѣстѣ съ пушціемъ, французскимъ посломъ, Осолопскимъ и нѣсколькими надежными пріятелями. Едва пріѣхалъ онъ въ столицу Червоной Руси, какъ его засыпали письмами можновладпиковъ. Шляхта слѣдила за своимъ королемъ, какъ за

опаснымъ врагомъ. Знали, кто входилъ въ архіепископскія палаты, гдѣ онъ остановился, кто выходилъ. Знали, у кого король былъ и съ кѣмъ говорилъ. Ловили на слуху слова его дворянгъ. Но не было возможности проникнуть въ окружающую его тайну.

Король сдѣлалъ смотръ войску. Но видя, что вербовка шла вяло, по недостатку денегъ, что шляхта сторонится отъ военной службы, а можновладники проникнуты духомъ оппозиціи, рѣшился, вмѣсто дальнѣйшаго пути къ Подольскому Каменцу, вернуться въ Варшаву. Съ этимъ намѣреніемъ созвалъ онъ, подъ величайшимъ секретомъ, военный совѣтъ, и повелѣлъ гетману Потоцкому, ставши съ обозомъ подъ Каменцемъ, ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Въ то же время козаки вышли вновь на Черное море, а король отправилъ изъ Львова къ султану письмо, обвинявшее Турцію въ нарушеніи мира, такъ какъ Буджацкіе Татары не переселены въ Крымъ. Это письмо было вызовомъ на войну. Король, очевидно, надѣялся, что Порта потребуетъ объясненій и пойдетъ на уступки, или же станетъ грозить войною. Въ случаѣ благопріятнаго отвѣта со стороны венеціанской сеньйоріи и князей итальянскихъ, какъ опасенія, такъ и угрозы Порты могли только помочь королю на сеймѣ для пачатія войны. Но еслибы Венеція отвѣтила отрицательно, тогда вооруженія короля и уступки, ожидаемыя отъ Порты, принесли бы по крайней мѣрѣ ту пользу Польнѣ, что Буджацкіе Татары были бы переселены въ Крымъ. Во всякомъ случаѣ, можно было бы, на основаніи этого письма, начать переговоры и доказать Портѣ ясно, что вооруженія короля были направлены не противъ нея, а противъ Буджацкихъ Татаръ.

Между тѣмъ гетманъ Потоцкій, вмѣсто того, чтобы повиноваться королевскимъ повелѣніямъ, донесъ обо всемъ сенаторамъ, а они совѣтовали ему, съ предостереженіями и внушеніями, чтобы медлительностію уклонялся отъ исполненія королевскихъ распоряженій. Согласно съ папскими внушеніями, Потоцкій изыскивалъ различныя препятствія къ немедленному переселенію лагеря подъ Каменецъ, пока король, не догадываясь о его махинаціи, вернулся наконецъ въ Варшаву ни съ чѣмъ.

„Былъ я у короля“ (писалъ въ Венецію Чъсполо), „лишь только, онъ вернулся изъ Львова, и повелъ его непоколебимымъ въ своихъ предначертаніяхъ. Король говорилъ мнѣ, что его пребываніе во Львовѣ встревожитъ Порту; что баша сплистрійскій прислалъ во Львовъ согласдая съ увѣреніемъ, будто Буджацкіе Татары получили строгое повелѣніе не появляться въ Польнѣ, а быть въ готовности противъ Москвы. Сказалъ мнѣ также, что нетерпѣливо ждетъ возвращенія

графа Магпи и сейма, и что получилъ вѣрное извѣстіе о козакахъ: они ободрены удачею въ морскомъ походѣ и двинулись дальше“.

Поѣздка во Львовъ и смотръ войска дали шляхтѣ новый поводъ къ нареканіямъ. Даже придворные говорили о королѣ дурно, называли его нарушителемъ вольностей, угнетателемъ народа. Не только словомъ, но и письменно подрывали они славу его и подстрекали общество къ бунту.

Двусмысленное въ глазахъ двухъ государственныхъ сословій поведеніе Оссолинскаго и его секретныя совѣщанія съ королемъ во Львовѣ возбудили противъ него не меньшія подозрѣнія и досаду, какъ и противъ короля,—тѣмъ болѣе, что въ этомъ городѣ, по его всемогущему вліянію, рѣшеніе было важное для магнатскихъ партій вопросъ о томъ: кому, послѣ возвышенія Николая Потоцкаго до „великой булавы“, король ввѣритъ „булаву малую“, то есть полевое гетманство. Наибольшее право на этотъ высокій постъ, по военнымъ заслугамъ, имѣлъ сподвижникъ Николая Потоцкаго въ послѣднемъ, опасномъ для народовъ усмиреніи козацкаго бунта, Станиславъ Потоцкій, воевода подольскій. За нимъ слѣдовалъ не менѣе извѣстный военскими подвигами воевода русскій, князь Іеремія Вишневецкій. Наконецъ, по обычной въ Рѣчи Посполитой наследственности дигнитарствъ, слѣдовало бы малую булаву предоставить сыну великаго Копецпольскаго, Александру, коронному хорунжему. На ходатайство Оссолинскаго въ пользу свекра его любимой дочери, Урсулы, черниговскаго воеводы, Мартина Калиновскаго, перевѣсило все, чѣмъ эти три кандидата возвышались во мнѣніи Шляхетскаго Народа.

Но горестной для Польши случайности, новый коронный полевой гетманъ былъ внукъ того Калиновскаго, который „переломалъ ребра отцу Северина Паливайко и котораго Паливайко называлъ, въ письмѣ къ королю, счастливымъ, что не захватить его дома, когда налетѣлъ на его мѣстечко Русатинъ съ венгерскихъ горъ, сжегъ замокъ и разорилъ мѣстечко. Теперь потопство самовластнаго магната глухимъ еще покажется гуломъ новаго козацкаго бунта вызывалось на боковой судъ, по-козацки на судъ Божій, съ наследниками и учениками дикаго Царя Паливая.

Но Божій судъ совершается уже надъ всѣми олигархами польско-русской республики за ихъ презрѣнія,—совершается въ томъ смыслѣ, какой выражаетъ въ русской и польской пословицѣ: „кого Богъ захочетъ покарать, у того отнимаетъ разумъ“. Не предвидя, въ гордости многовѣковыхъ усѣховъ, какое униженіе готовится имъ въ наследственныхъ приватахъ ихъ, они устами многочисленныхъ своихъ прия-

телей и кліснотъ ревѣли противъ нарушенія политическаго равновѣсія панскихъ партій и наконецъ свой ревѣ сосредоточили въ безыменномъ „дискурсе“, *) обвинявшемъ канцлера въ томъ, что, подъ предлогомъ Турецкой войны, намѣревался онъ уничтожить шляхетскія вольности и реорганизовать Рѣчь Посполитую.

„Это давнишняя мысль канцлера“ (писалъ безыменщикъ) „уничтожить шляхту и ввести въ Польшѣ правленіе оптиматовъ (аристократовъ). Не такъ онъ приверженъ къ монарху, чтобы желать ему правленія наследственнаго; нѣтъ, онъ хочетъ ввести такое положеніе, чтобъ у насъ не было ни полной вольности, ни полной неволн. Онъ хочетъ быть не министромъ, а товарищемъ короля. Къ этому, послѣ всѣхъ его подвиговъ, были направлены его широковѣщательные дискурсы о Правахъ Посольской и Сенаторской Избы. Съ этой цѣлью сочинилъ онъ кавалерію, которой сломили голову, и которую теперь поднимаютъ за хвостъ. Для того же искать онъ въ Имперіи княжескихъ титуловъ, и наследственныхъ князей въ Польшѣ уничтожалъ. То же самое обнаружилось въ благодарности, вымученной у шляхты, въ контрибуціи, выжатой у ксензовъ, въ складкахъ, выманиваемыхъ у городовъ. То же самое и въ вопросе, какъ повалить Посольскую Избу. То же высказалось и въ гвардіи для развода схватокъ на сеймахъ. Вотъ почему не рѣшался онъ привыкшіи къ вольности народъ привести къ строгому повиновенію, а довольствовался постепеннымъ увеличеніемъ королевской власти. Не имѣлъ онъ и теперь намѣренія выступить съ насиліемъ; но когда его захватили врасплохъ королевскіе замыслы, захотѣлось ему воспользоваться случаемъ и шпепровергнуть существующее правленіе въ Польшѣ. Давно уже сказать о немъ варваръ, что это польскій Ринелье, только что не поналъ на такого государя, котораго могъ бы сдѣлать статуею, а себя—королемъ“

*) Dyskurs jednego Dworskiego per modum Listu pisany we Lwowie.

Глава XIII.

Польскіе сеймики и сеймы.—Возмущеніе втораго и третьяго государственныхъ сословіи противъ перваго.—Король отдается въ руки своихъ подданныхъ.—Недовѣрчивость Шляхетскаго Народа къ королю.—Новый сеймъ.—Религіозныя дѣла вмѣсто политическихъ.—Сеймовая неурядица развязываетъ королю руки.

Я показывалъ русскому читателю государственную и общественную жизнь бывшей Польши со стороны ея олигархическихъ и охлократическихъ крайностей, сопоставляя въ ней двѣ родственныя національности, руководимыя и охраняемыя представителями двухъ противоположныхъ церквей. Читатель мой былъ зрителемъ и цивилизованнаго, и дикаго геройства ея воиновъ, зрителемъ соперничества различныхъ сословіи и состояній. Дивный по своей оригинальности конгломератъ, называемый Польскимъ Королевствомъ, Рѣчью Посполитою Польскою, по-козацки Королевскою Республикой и Королевскою землей, по-пашки Шляхетскимъ Народомъ,—готовъ теперь, силою своихъ историческихъ судебъ, перейти въ новую формацію, къ гордости однихъ, къ досадѣ другихъ и къ отчаянію третьихъ. Радуясь тихо паденію погибшихъ „отъ своихъ беззаконій“ и наслаждаясь торжествомъ истинной гражданственности надъ ея призракомъ, мы съ русскимъ читателемъ не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи вызвать изъ глубины прошедшаго кажунась польское величіе въ истинномъ его видѣ,—въ видѣ государственнаго ничтожества, и представить національныя доблести польскія тѣмъ, чѣмъ онѣ были дѣйствительно.

Зрѣлище того и другаго открывается передъ нами всего поразительнѣе на тицеславной выставкѣ общественной свободы,—на томъ пресловутомъ съѣздѣ польскихъ црвовъ и депутатовъ, который послалъ прискорбное подобіе нашихъ старинныхъ русскихъ вѣчъ.

Все польскіе сеймы были интересны въ смыслѣ представительства польской государственности,—какъ тѣ, на когорыхъ народно и величаво появлялся пашъ „святопамятный“ съ тысячами разпородно вооруженнаго войска, — этотъ прототипъ возможвадной „приваты“,

такъ и тѣ, на которыхъ оскорбленная гордость великаго папа готова была превратить Сенаторскую Избу въ дикую сцену кулачнаго права. Но чтобы видѣть полный разцвѣтъ всего химерическаго въ Королевской Республикѣ наканунѣ того *подполта*, которымъ угрожалъ ему выдѣлившійся изъ шляхты разбойный элементъ, надобно было присутствовать на двухъ сеймахъ, которые непосредственно предшествовали паденію самоувѣренной силы, измѣрившей славолюбивыми взорами громадное пространство между Ледовитымъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ, между Атлантикою и моремъ Каспійскимъ.

Я посвящу цѣлую главу пересказу того, что на этихъ двухъ сеймахъ видѣли глаза и слышали слухъ нашихъ малорусскихъ предковъ, кто бы они ни были,—пересказу со словъ самихъ Поляковъ. Съ какими бы чувствами и мнѣніями ни описывали они свое прошедшее, ихъ вѣрныя фактамъ описанія раждаются въ русскомъ сердцѣ другія чувства, въ русскомъ умѣ—другія мнѣнія.

Каждому сейму въ Польшѣ предшествовали повѣстовые сеймики, посредствомъ которыхъ высказывались общественныя желанія, и каждый сеймикъ отиралялъ на центральный сеймъ своего представителя, подъ названіемъ земскаго посла. По теоріи польскаго самоуправленія, — теоріи, надобно сказать, прекрасной, — земскимъ посломъ могъ быть не только крупный, но и мелкій землевладѣлецъ-шляхтичъ, преобладающій умомъ и нравственными достоинствами надъ прочими „братьями шляхтою“; но на практикѣ выборы падали всегда на богатаго и сильнаго вѣяческіми связями. Такимъ образомъ прославляемое *демократическое* правленіе шляхты въ сущности было *аристократическимъ*.

На провинціальныхъ сеймикахъ 1646 года всѣ высказались противъ короля. Шляхта южныхъ воеводствъ опасалась, чтобы король Турецкою войною не обратилъ ея подданныхъ въ козаки и не разстроилъ этимъ ея хозяйства. Литовскіе паны боялись вторженія Шведовъ, которымъ казалось, что Владиславъ собирается воевать за свое право на шведскую корону. Но и война Турецкая могла дать случай Шведамъ продолжать военныя дѣйствія, приостановленныя Уставомъ Адольфомъ. Всего же больше были вооружены противъ короля Великополяне. Свѣженавербованные иностранцы причиняли имъ великое разореніе. Мѣстные старожилы знали на опытъ несовершенство польскаго жолнера, но такой разнузданности, какую представляла восница, навербованная за-границей, никто изъ нихъ не запомнилъ.

Такъ оно и должно было быть. Тридцатилѣтняя война довела истощенныя государства Западной Европы до необходимости положить конецъ убійствамъ, совершавшимся ради однихъ, или другихъ

притязаній. Война, извѣстная подь именемъ Тридцатилѣтней, была, собственно говоря, продолженіемъ той войны, которая началась возстаніемъ Пидерлаидовъ противъ испанскаго владычества. Съ промежутками трактатовъ, контрибуцій, набора новыхъ войскъ и отдыха старыхъ, военный разбой, освященный воззваніями за вѣру, честь и свободу, тянулся не тридцать, а восемьдесятъ лѣтъ. Искусство нападать и обороняться, при пособіи возродившихся точныхъ наукъ, достигло высокой степени въ этотъ горестный періодъ жизни западныхъ народовъ, и породило массу сисціалистовъ челоуѣкоубійства, отъ которыхъ безоружные классы страдали, точно въ баснѣ глиняные горшки отъ мѣдныхъ, плывущихъ съ ними по одной и той же рѣкѣ. Когда наслѣдники и нитомцы восьмидесятилѣтнихъ неистовствъ пришли къ Великополянамъ на указанные имъ сборные пункты, ихъ жестокое прикосновеніе было почувствовано всѣми до такой степени, что по всей Польшѣ раздался громкій вопль, и успокоившая въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ Королевская Республика узпала съ ужасомъ, что ей предстоитъ новая всегда опасная война съ Турціей.

По официальномъ заявленію мѣстнаго восвода, въ Великой Польшѣ было полно обидъ и плача убогихъ людей. „Ихъ слезы“ (писалъ онъ) „постранцы жолнеры отсылають къ небесамъ, насмѣхаясь надъ вольностью и правами гражданъ и грозя публично, что хлоповъ обратятъ въ шляхту, а шляхту—въ хлоповъ“. По протесты, угрозы и жалобы шляхты не помогали. Польскія высшія вѣдомства привыкли къ подобнымъ представленіямъ. Въ Королевской Республикѣ, за отсутствіемъ исполнительной власти, ся мѣсто занимало самоуправство. Еще въ 1590 году коронный полсвой гетманъ писалъ къ великому, что его жолнеры будутъ тяжелы мѣстнымъ жителямъ. „По я“ (говорилъ онъ) „отъ вашей милости научился быть *контелторомъ* подобныхъ вещей. Подобно угождать совети дѣлать, что разумъ и нужда Рѣчи Посполитой указываютъ. Пускай горлапнть что кто хочетъ: большій и сираведливѣйшій былъ бы крикъ, когда бы насъ упретилъ непріятель“. Если такъ думали Станиславъ Жовковскій и Янъ Замойскій, тѣмъ естественнѣе было такъ думать Владиславу IV и Юрію Оссолинскому. Они молчали на получаемыя допосенія, и, въ надеждѣ предотвратить гораздо большее зло, продолжали готовиться къ войнѣ.

Прусскія сословія протестовали не меньше великопольскихъ и передъ канцлеромъ, и передъ королевскими полковниками; но все было напрасно. Только провинціальные сеймики были отголоскомъ такихъ протестовъ. Подобно наступающей со всѣхъ сторонъ грозѣ, ихъ вѣчевыя зыванія готовы были разразиться громомъ на центральномъ,

столичномъ сеймѣ. Всюду носился слухъ, что король намѣренъ отнять у шляхты свободу и ввести наследственный монархизмъ. Одни вопіяли, что, вербуя безъ согласія сейма войско, онъ этимъ самымъ уже вводитъ самодержавіе въ Польшу; другіе твердили, что договоръ съ Венеціей и война съ Татарами были только предлогомъ къ этому. „Король не надѣется долго жить и, не видя обезпеченія семилѣтнему королевичу, со стороны сейма, прибѣгаетъ къ насильству въ его пользу“, говорили нѣкоторые; а одинъ изъ шведскихъ сановниковъ высказалъ публично, что король послалъ за помощію къ Торстенсону, съ цѣлью ввести въ Польшу неограниченное правленіе; что уже Густавъ Адольфъ обѣщавъ ему свою помощію въ этомъ дѣлѣ за отреченіе отъ правъ на шведскую корону, и что король теперь снова искалъ помощи у Швеціи, а Швеція обѣщала ее. Всего больше было между шляхтой такихъ, которые проповѣдывали, что чѣмъ бы Турецкая война ни кончилась, она грозитъ Полякамъ утратою свободы. „Если одолѣетъ король Турція“ (говорили они), „Рѣчь Посполитую ожидаетъ рабство; если Турокъ побѣдетъ король, шляхту ожидаетъ рабство; если война не разрѣшится ничѣмъ, тогда нашъ край сдѣлается добычею жолнеровъ“.

Подобныя толки заняли всѣхъ до такой степени, что ни о чемъ не желали трактовать на центральномъ сеймѣ, какъ о распущеніи иностраннаго и королевской гвардіи, которая выросла уже до 5.000. Всѣ сеймиковыя инструкціи вмѣняли въ обязанность земскимъ посламъ: не соглашаться на Турецкую войну, открыть сея двигатели, домогаться распущенія вербовокъ, отправить посла въ Турцію для подтвержденія мира, заплатить Татарамъ подонлаченный гарачъ, называемый подарками. А чтобы король какою-нибудь хитросгью не обманулъ двухъ сословіи, былъ принятъ предложенный краковскимъ воеводою сигналъ: *противорѣчіе всему!* Если же король не согласится съ желаніемъ Шляхетскаго Парода, шляхта постановила: сѣсть на коней и разогнать вербунки.

Королю было извѣстно постановленіе каждаго сеймика: онъ зналъ, что сеймики грозили отказать ему въ повинновеніи; что сенаторы вписывали свои постановленія въ городскія книги; зналъ, какіе выбраны послы и какія даны имъ инструкціи. Но при всемъ томъ не только не оставилъ своихъ замысловъ, а еще больше, нежели когда-либо, жаждалъ войны. „Такой жаръ пылаетъ въ сердцѣ короля“ (писалъ современникъ), „что надобно опасаться, какъ бы онъ не сгорѣлъ“.

Послѣ краковской рады Владиславъ разослалъ ко всѣмъ христіанскимъ королямъ и князьямъ, даже къ ихъ старшимъ полководцамъ, приглашенія къ участію въ войнѣ противъ язычниковъ, а 3 октября

отправилъ посла въ Персію. Послалъ и въ Парижъ посла, дабы увѣрить Швецію въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ и просить у Франціи помощи.

Со всѣхъ сторонъ получались благопріятныя извѣстія. Венеція, не дождавшись Польско-Турецкой войны для заключенія съ Турціей мира, начала воевать съ нею серьезно. Изъ Москвы увѣдомляли короля о начавшейся войнѣ съ Татарами. Султанъ повелѣлъ банамъ помогать хану. Персы облегли Вавилонъ. Въ Палестинѣ и въ другихъ турецкихъ провинціяхъ вспыхнули бунты. Князь Янушъ Радвилъ вернулъ изъ Лесъ и Мукача и привезъ увѣдомленіе, что Ракочій обязался не пускать Турокъ черезъ венгерскія границы въ Польшу, а оба государя обѣщали поставить по 25.000 войска, дать значительныя субсидіи и прислать пословъ на сеймъ.

Король былъ въ наилучшемъ расположеніи духа. Онъ отправилъ во Львовъ другія 24 пушки, 4 большія мортиры и 25 бочекъ аммуниціи съ повелѣніемъ коронному гетману—двинуться въ Волоцину съ 22.000 войска. Владиславъ надѣялся, что если приближающійся сеймъ не одобритъ войны съ Татарами, то по крайней мѣрѣ опредѣлитъ налоги и прибавку войска на оборону Рѣчи Посполитой; а этого было довольно, чтобъ изъ войны оборонительной вступитъ шляхтѣ въ войну наступательную.

При такихъ обстоятельствахъ, среди общей тревоги по всему государству, начался въ Варшавѣ, 25 (15) октября, достопамятный сеймъ 1646 года.

Маршаломъ Посольской Избы былъ избранъ Николай Сташкевичъ, писарь жмудскій, сдѣлавшійся на этомъ сеймѣ лицомъ историческимъ. Шляхта, представляемая земскими послами, распорядилась на сей разъ, чтобы такъ называемая презепція состоялась не въ Сенаторской, а въ Посольской Избѣ. И вотъ вписли кресла для сенаторовъ. При королѣ всегда находилось человѣка три-четыре сенаторовъ-резидентовъ, радныхъ паповъ, а всѣхъ саповниковъ, засѣдавшихъ въ сенаторскихъ креслахъ, было 140. Изъ этого числа, для спасенія отечества отъ угрожавшаго ему лишенія гражданской свободы, прибыло на сеймъ, чрезъ событія величайшей важности, только семь. Боясь огорчить—или короля, или шляхтѣ, отцы отечества выжидали вѣчеваго результата дома. Земскіе послы, сидя кругомъ Избы на скамьяхъ, обитыхъ краснымъ сукномъ, встрѣтили входящихъ сенаторовъ громкимъ смѣхомъ.

Въ половинѣ перваго часа вошелъ королевскій канцлеръ, а за нимъ—король. По выраженію польскаго историка, они вошли, какъ двое обвиняемыхъ. Привѣтствовали ихъ молчаніемъ.

Маршалъ Посольской Избы обратился къ королю съ пожеланіемъ добраго здоровья, и выразилъ надежду, что онъ здоровыми своими совѣтами благоволитъ утѣшить Рѣчь Посполитую, которую изображали собою земскіе послы.

Ему отвѣчалъ коронный подканцлеръ, бискупъ Андрей Лещинскій, но съ такими намесками на короля, что скорѣе казался главой оппозиціи, нежели министромъ короля и Рѣчи Посполитой.

Послѣ его язвительной рѣчи маршалъ Посольской Избы читалъ имена земскихъ пословъ, которые одинъ за другимъ приближались для цѣлованія королевской руки. Въ числѣ ихъ оказалось много враговъ его польскаго величества: они цѣвовали королевскую руку на воздухъ. Этимъ актомъ публичнаго уваженія монаршаго достоинства кончилась презентация.

На другой день, въ первомъ засѣданіи сейма, надобно было ждать бури. Но коронный канцлеръ Оссолинскій, стоя по обычаю на первой ступени трона, произнесъ „королевскую пропозицію“ съ такимъ благодушіемъ, какъ будто его только и занимали ложные слухи на счетъ короля, которые онъ тутъ же уничижалъ своимъ плѣнительнымъ для Поляковъ словомъ. У соотечественниковъ Оссолинскаго эта пропозиція считается самою знаменитою изъ его рѣчей, сказанныхъ имъ по-польски. Пасторій переложилъ ее на латинскій языкъ и помѣстилъ въ свой *Historiae Polonae plenioris partes duae*, на вѣчную, какъ онъ писалъ, память потомству. Коронный канцлеръ такъ ублажилъ представителей Шляхетскаго Народа восхваленіемъ созданной имъ Рѣчи Посполитой, что одинъ изъ самыхъ завзятыхъ земскихъ пословъ назвалъ его слово „благодарнымъ елеемъ“, а подъ конецъ пропозиція представилъ въ такомъ ласкательномъ видѣ просьбы короля о многочисленныхъ нуждахъ, какъ его собственныхъ, такъ и всего королевскаго дома, что слушателямъ показалось неправоподобнымъ, чтобы король, находясь въ такой зависимости отъ Рѣчи Посполитой, могъ питать замыслы, противныя желаніямъ ея. Сохраненная на вѣчную память потомству рѣчь много способствовала тому, что сеймъ, пастропный весьма враждебно, прошелъ гораздо тише, нежели можно было надѣяться.

Для русскаго читателя интересно пышное начало ея, точно медомъ помазанное по сердцу польскую пляхту, отъ природы доверчивую и добродушную.

„Населяли доблестные Поляки въ открытыхъ поляхъ свободное королевство, окруженное только стѣною любви и единодушнаго между сословіями довѣрія. Поставили среди него сторожевую башню коро-

левскаго маестата, дабы съ ея высоты во время слышать предостереженія единаго повелителя, усматривающаго отдаленнѣйшія бури. Возлѣ башни отъ имени Сената воздвигли курію (то есть Посольскую Избу), дабы, вмѣстѣ съ верховными предостереженіями, во всѣ стороны растекался зрѣлый и цпорывистый совѣтъ о потребностяхъ Рѣчи Посполитой. На себя же, неразлучные съ боевымъ оружіемъ, взяли функцію добровольной, ревностной обороны общественной безопасности.

„Такъ установленная стояла и, дасть Богъ, будетъ стоять непоколебимо цѣлость, слава и краса нашего милаго отечества, усиленнаго братскимъ присоединеніемъ къ нашимъ предкамъ великихъ народовъ, возвеличеннаго безстрашными подвигами королей, повелителей нашихъ, особенно же расширеннаго въ своихъ границахъ отважными дѣлами его королевской милости, нашего всемилостивѣйшаго государя.

„И однакожь“ (продолжалъ исполненный гражданскаго самоотверженія канцлеръ) „безчестная жадность частныхъ выгодъ силится при всякомъ удобномъ случаѣ порицать и путать столь хорошо обдуманную форму правленія. Въ стачкѣ съ самолюбіемъ, она всего неистовѣе штурмуешь это главное передовое укрѣпленіе взаимнаго довѣрія, дабы, открывъ непріятелю и его хитростямъ общественное благо, тѣмъ легче обезпечить свою ненасытную *привату*. Вотъ откуда происходитъ уклончивость отъ должнаго довѣрія къ предостереженіямъ бдительнаго и благодѣтельнаго государя и въ высшей степени легкомысленное увѣреніе, что ни откуда не грозитъ намъ никакая опасность; вотъ откуда превратное истолкованіе горячей его заботливости; вотъ откуда пренебреженіе къ братской радѣ сената, а что горше всего — потрясеніе цѣлаго состава Рѣчи Посполитой“, и т. д. и т. д.

Исчисливъ подвиги короля и жертвы, принесенныя подданнымъ для освобожденія отечества, корошій канцлеръ, въ числѣ такихъ жергвъ, упомянулъ и „усмиреніе козаковъ безцѣпною кровью рыцарства“, а потомъ перешелъ къ татарскимъ опустошеніямъ края, которыя де сопровождаютъ наполненіемъ Крыма и Буджаковъ христіанскими плѣнниками. „И до того уже дошла“ (говорилъ онъ) „языческаго самоувѣренности, что и подъ самый бокъ его королевской милости, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, посоль татарскій привелъ въ тяжкихъ оковахъ польскаго шляхтича, наиа Замойскаго, заплоченнаго въ Сѣверин, и тутъ же устроилъ позорный базаръ для торга свободною шляхетскою кровью, къ несмывасому стыду нашихъ народовъ и къ неутѣшной горести его королевской милости и всего двора, бывшаго тому свидѣтелемъ“.

Но напрасно сторожевая башня, олицетворяемая славнымъ ораторомъ въ особѣ короля, давала сигналы объ угрожающей польскимъ гражданамъ опасности. Краснорѣчивую пропозицію приняли сенаторы, встрѣченные на презентаціи громкимъ смѣхомъ со стороны земскихъ пословъ. Первый изъ нихъ, архіепископъ гнѣзненскій, Матеѣй Лубенскій, будучи старъ, говорилъ такимъ тихимъ голосомъ, что видно было только, какъ шевелились его губы, но и ближайшіе къ нему послы „не могли сказать, произносилъ ли онъ хоть что-нибудь“. Вслѣдъ за нимъ бискупъ хелмскій, Станиславъ Пегроконскій, говорилъ „сухо и холодно“, наступательной войны не совѣтовалъ, но и подарковъ Татарамъ не одобрялъ. Далѣе восвода равскій, Андрей Грудзинскій, не соглашался на войну, и подъ конецъ наговорилъ такого, „что никто его и самъ себя онъ не понималъ“. Каштелян сѣрадскаго, Предислава Выковского, „никто не слушалъ и не слышалъ“. Каштелян дащигскій, Станиславъ Кобѣржицкій, въ „прекраснорѣчьи“, хвалилъ королевскія предначертанія, но настоящей войны съ Татарамъ не одобрялъ, боясь Турціи; совѣтовалъ, однакожъ, быть готовымъ и не желалъ распускать вербовокъ, а только полковниковъ поставить польскихъ. Каштелян бжезинскій, Хабрицкій, войны не одобрялъ. Каштелян перемышльскій, Тарло, „совѣтовалъ быть черепахою, сидѣть тихо и головы не выставлять“. Еще два каштеляна сопротивлялись войнѣ. Жарче и смѣлѣ всѣхъ говорилъ подкашлдеръ, бискупъ хелминскій, Андрей Лещинскій. Онъ угождалъ шляхтѣ дерзостями противъ короля, но совѣтовалъ не посылать въ Турцію посла, а лучше думать объ оборонѣ. Вообще всѣ сенаторы соглашались въ томъ, что Рѣчь Посполитая должна быть готова къ войнѣ, но каждый изъ нихъ „боялся королевской немилости“, и не высказался вопль.

Голосованіе двѣнадцати сенаторовъ тянулось четыре дня. Оссолинскій былъ раздраженъ нѣкоторыми рѣчами, какъ публичными, такъ и домашними, которыя тогда произносились въ провинціальныхъ кругахъ, гдѣ его называли открыто сочинителемъ королевскихъ замысловъ. Въ заключительной канцлерской рѣчи, онъ изложилъ свою досаду на короля подкашлдера, Лещинскаго.

„И у меня“ (говорилъ онъ) „скорѣе не хватитъ жизни, нежели свободы слова. Но пользоваться свободой мысли въ царствованіе благодѣтельнаго монарха, любящаго права, вольности и счастье подданныхъ,—въ этомъ еще мало славы, заслуги никакой... Надобно только благодарить Бога, что въ нашъ вѣкъ мы наслаждаемся такимъ счастьемъ, истекающимъ отъ благотворнаго царствованія его королевской милости... И подаю мой голосъ только въ пользу сохраненія

неразрывной связи королевскаго маестата съ общественнымъ благомъ. Тотъ былъ бы общій измѣнникъ, кто бы смѣлъ маестатъ монарха разлучать со свободой народа тайнымъ поджигательствомъ, или публичною декламаціей“...

Такое вступленіе слушали „съ великимъ смущеніемъ“. Глаза всѣхъ обратились на подканцлера, котораго Оссолинскій называлъ измѣнникомъ и декламаторомъ. Лещинскій „сидѣлъ блѣдный, какъ стѣна“. Но краснорѣчію Оссолинскаго не доставало той побѣдительнои силы, которая заключается въ чистотѣ побуждеиій и возвышенности духа. Не одинъ изъ его слушателей вспоминалъ о другомъ „великомъ“, какъ называли Оссолинскаго, государственномъ мужѣ, — недавно утраченномъ Станиславѣ Конецпольскомъ, который „скорѣе дѣлалъ, чѣмъ высказывался“, и котораго каждое слово, произнесенное съ природнымъ запяиетомъ, растекалось по всей Польшѣ. Коронный канцлеръ, желая полстить примасу, Лубенскому, неожиданно кончилъ свою рѣчь ссылкой на его мнѣіе, „котораго никто не слышалъ“. Тогда „поднялся шумъ, шепотъ, смѣхъ. Послы не обращали вниманія на остальную часть рѣчи, и вынесли убѣжденіе, что канцлеръ не хотѣлъ высказать собственнаго мнѣіія относительно распушенія войска, ссылаясь въ дѣлѣ военномъ на отзывъ архіепископа“.

Со стороны короля дѣлались всяческія заискиванія у третьяго сословія въ пользу Турецкой войны. Недавно были имъ получены отъ гетмана Потоцкаго желанныя извѣстія о грозномъ для Поляковъ движеніи Турокъ. Король надѣялся, что подъ впечатлѣніемъ эгихъ извѣстій, послы озаботятся безопасностью государства; утверждаютъ и войско, и налоги, вслѣдствіе чего пенадобно будетъ ни распускать вербунокъ, ни платить имъ: ибо въ такомъ случаѣ Рѣчь Посполитая припала бы ихъ на собственный счетъ и вернула бы ему издержки.

Первая рѣчь Оссолинскаго при открытіи сейма ублажила земскихъ пословъ, успокоила опасенія, придала надежды сторонникамъ двора. Да и между послами было много приверженцевъ Турецкой войны. Таковы были: Янушъ Радзивилъ, Александръ Конецпольскій, Иеронимъ Радзѣвскій. Прочіе бѣлорусскіе, червопорусскіе и украинскіе можновладники, засѣдавшіе въ Посольской Избѣ, при всемъ своемъ возбужденіи къ оппозиціи, готовы были стать на сторону короля, еслибы представители третьяго сословія зашли слишкомъ далеко. По признанію Поляковъ, „многихъ можно было, какъ это дѣлалось обыкновенно, уговорить просьбами, убѣжденіями, подкупомъ и обѣщаніями, а въ худшемъ случаѣ—создать сильную фракцію и парализовать дѣятельность Посольской Избы“. Таланты Оссолинскаго и его

канцлерское достоинство могли сдѣлать много и даже все, когда бь онъ былъ искренно преданъ королю и его грандіозной политикѣ. Но для этого недоставало одного, — чтобы король, выдѣливъ себѣ канцлера изъ простой глины, вдохнулъ въ него самоотверженную душу. Такой души природа не дала ему самому. При всей готовности своей служить Христіанству и при всемъ своемъ геройствѣ, онъ былъ своего рода эгоистъ и своего рода трусъ. Усвоенная имъ съ дѣтства лживость, свойственная ему по его природѣ оплошность, недостатокъ опредѣленнаго начертаннаго плана дѣйствія, внезапныя затѣи по вдохновенію минуты и школьническія увертки передъ судьями гражданскаго долга, — все это ослабило достоинство его царственности, раздражало дерзость оппонентовъ и придавало имъ небывалыя силы.

31 (21) октября, по выслушаніи сенаторскихъ заявленій, земскіе послы вернулись въ свою Избу, недовольные тѣмъ, что Сенатъ стращаетъ ихъ татарскимъ и турецкимъ набѣгомъ, совѣтуетъ готовить войско и требуетъ отъ нихъ налоговъ. Они не вѣрили, чтобы Турція думала о войнѣ съ Рѣчью Посполитою, гремѣли противъ королевскихъ замысловъ, противъ совѣтниковъ войны, а когда одинъ посолъ изъ Сидомирскаго воеводства, разсыпался въ похвалахъ канцлеру, подаль голось въ пользу вооруженія, — это возбудило такое негодованіе, что нѣсколько человекъ ухватилось за сабли. Въ первомъ же засѣданіи Посольской Избы, состоялось постановленіе: отпривить къ королю посольство съ объявленіемъ, что послы не приступить ни къ чему, пока противозаконно набранное войско не будетъ распущено.

Король отговаривался нездоровьемъ, и едва 5 ноября принялъ земскихъ пословъ, да и то въ постели. Онъ отвѣчалъ имъ чрезъ посредство Оссолинскаго, между прочимъ, что распущенное войско не преминетъ грабить и убитать ихъ согражданъ. Если земскіе послы и сенаторы не заботятся объ оборонѣ Рѣчи Посполитой и рѣшатъ, что набранное войско не нужно, король готовъ распустить его, лишь бы Рѣчь Посполитая указала способъ распущенія.

Изба послала вновь къ королю посольство, съ требованіемъ, чтобы онъ выдалъ главнаго совѣтника Турецкой войны и разослалъ универсалы на распущеніе жолперовъ. Рѣчь Посполитая не нуждается де въ нихъ, такъ какъ, въ случаѣ надобности, собственною грудью готова отражать неприятеля.

Король опять откладывалъ со дня на-день аудіенцію, сказывался больнымъ, и только 10 ноября принялъ маршала Посольской Избы Яна Николая Станкевича. Отвѣчалъ ему Оссолинскій, совѣтуя вновь, отъ имени короля, чтобы Посольская Изба, относительно распущенія

войска, держала раду съ Избой Сенаторской, такъ какъ дѣло здѣсь идетъ о королевскомъ достоинствѣ и безопасности отечества.

Коропные послы соглашались на эту пропозицію, но литовскіе за рѣшеніемъ другаго, важнаго собственно для нихъ вопроса, протянули, дѣло до 15 ноября.

Въ этотъ незабвенный для польскихъ либераловъ день выступили на сцену дѣйствія познанскіе послы, именно Болеславъ Лещинскій, Луканъ Оржельскій, Леонъ Шлихтингъ и Андрей Твардовскій, съ инструкціями отъ своего сеймика, и потребовали „братской бесѣды съ сенаторами въ отсутствіи короля“.

Предложенная ими братская бесѣда, называвшаяся *collegium vel colloquium*, это былъ древній парламентскій обычай, къ которому прибѣгали только тогда, когда поведение Короля, или Сената возбуждало опасенія. Въ такомъ случаѣ два государственныя сословія, въ лицѣ своихъ представителей, соединялись въ одно тѣло, въ отсутствіи короля совершенно независимое, и совѣщались объ устрашеніи зла. Диктатура братской бесѣды надъ верховною властью предпринималась въ моменты важныя, когда всѣ легальныя способы оказывались неэффективными.

Оссолинскій, какъ мы видѣли, предлагалъ уже послать совмѣстную съ сенаторами раду и надѣялся отъ нея великой пользы; но эта бесѣда была нѣчто совсѣмъ иное. „Если бы совмѣстная рада происходила въ присутствіи короля, то сенаторы могли бы отвергнуть постановленіе Посольской Избы относительно распущенія войска; въ отсутствіи же короля они этого сдѣлать не смѣли“.

Посольская Изба одобрила пропозицію познанскихъ пословъ и постановила: отправить въ третій разъ посольство къ королю съ требованіемъ, чтобъ онъ разослалъ универсалы на распущеніе жолнеровъ; чтобъ выдалъ сочинителя Турецкой войны, и согласился на братскую бесѣду въ своемъ отсутствіи.

Это было постановленіе опасное для короля, для сенаторовъ и министровъ. Пользя было на него согласиться, но страшно было и отказать въ согласіи, именно потому, что, послѣ каждаго отказа, требованія Посольской Избы росли, опасность увеличивалась. Варшава кипѣла истеричностью вооруженной шляхты, которая наполняла столицу и была готова, съ оружіемъ въ рукахъ, поддержать постановленіе земскихъ пословъ.

Король рѣшился обѣщаніями успокоить оппонентовъ. Когда 16 ноября герой безплодной и злоторной революціи, Станкевичъ, потребовалъ аудіенціи, ему отвѣчали, что король самъ пошлетъ къ третьему

сословію посольство. Дѣйствительно въ Посольскую Избу прибыли: позпапскій и жмудскій бискупъ, Андрей Шолдрскій, брестскій, мстиславскій и помгранскій воеводы, сѣрадскій и данцигскій каштеляны. Бискупъ Шолдрскій, обнаживъ покорно голову, объявилъ земскимъ посламъ, что не кто иной, какъ самъ король, безъ всякаго внушенія, изъ побужденій важныхъ и изъ любви къ отечеству, вербовалъ войско, и что готовъ распустить вербунокъ добровольно, лишь только его намѣренія представляются противными праву, если Посольская Изба, съ своей стороны, изыщетъ способъ для обороны государства, возвратитъ королю издержки, а королеву, которая растратила свои скарбы, снабдитъ приличнымъ содержаніемъ.

Въ отвѣтъ на это посольство, третье сословіе потребовало, чтобы тотчасъ были изготовлены универсалы, и чтобы копіи были ему прочитаны. Король, желая угодить земскимъ посламъ, немедленно прислалъ проектъ универсаловъ; но его назвали слишкомъ мягкимъ, и потребовали болѣе строгаго, съ прибавкой ипфаміи на непослушныхъ и писемъ къ гетманамъ и старостамъ, повелѣвающихъ карать преступныхъ иностранцевъ. Король велѣлъ изготовить новый проектъ универсаловъ, съ объявленіемъ, что жолперовъ, которые не подчинятся комиссарамъ и разойтись не захотятъ, повелѣваетъ считать *галастрию* (сволочью), лишенною покровительства законовъ. Эти универсалы общіе оныя разослать немедленно.

Неожиданная уступчивость короля показалась подозрительною. Увѣряли, что король, нѣсколько дней назадъ, разослалъ полковникамъ приказъ, чтобы на универсалы, еслибы къ нимъ пришли, не обращали вниманія. Твердили, что король выдастъ новыя патенты; что въ Польшу съѣзжаются иностранцы-полковники и ждутъ указанія, гдѣ имъ представиться. Нѣкоторые изъ земскихъ пословъ предсказывали, что король въ случаѣ крайности, причислитъ упраздненныя хоругви къ своей гвардіи, количество которой не опредѣлено закономъ. Другіе были готовы присягать, что король играеть комедію, и ни универсаловъ, ни комиссаровъ къ войску не пошлетъ.

Чтобы успокоить шляхту, король нѣсколько разъ призывалъ сенаторовъ къ себѣ, и увѣрялъ ихъ дружески, что сдѣлаетъ все, чего государство отъ него домогается.

Между тѣмъ ноября 27 пришло въ Посольскую Избу извѣстіе, что распускеніе войска секретно приостановлено. Въ страшномъ волненіи умовъ, начались объ этомъ совѣщанія, и когда одинъ изъ пословъ намекнулъ слегка, что все сдѣланное до сихъ поръ ни къ чему не приведетъ, Посольская Изба вдругъ постановила нѣсколько

пунктовъ, и съ этимъ постановленіемъ двинулась „наверхъ“ въ Сенатъ, гдѣ король отправлялъ правосудіе.

Станкевичъ представилъ Владиславу слѣдующія требованія: чтобы дѣйствіе универсаловъ о распущеніи жолперовъ наступило немедленно; чтобы король назначилъ комиссаровъ для распущенія войска; чтобы козаковъ пріудержалъ, дабы они не давали повода къ войнѣ съ Турціей; чтобы гвардію уменьшилъ, новыхъ патентовъ на вербунки не выдавалъ, и согласился на братскую бесѣду съ Сенатомъ въ своемъ отсутствіи, съ цѣлью выговора сенаторамъ за недосмотръ и невниманіе.

На это требованіе Оссолинскій вовсе неожиданно отвѣчалъ коротко, жестко и неучтиво (*medyskretnie*), не пригласилъ даже, какъ велѣлъ обычай, сенаторовъ къ аудіенціи; что универсалы посланы; что гвардіи будетъ король держать столько, сколько ему понадобится; относительно козаковъ снесется съ гетманомъ; новыхъ патентовъ не выдастъ, а на бесѣду не согласенъ.

Дѣло въ томъ, что король всё еще полагается на свое личное вліяніе, поддерживаемое раздачею дигнитарствъ, надѣялся склонить на свою сторону пановъ, располагавшихъ значительными боевыми средствами, и, съ помощью сторонниковъ войны, подавить партію мира. Но въ Шляхетскомъ Народѣ распространились уже опасенія на счетъ его авторитарическихъ замысловъ. Боялись не однихъ военныхъ тягостей, неразлучныхъ съ войной утратъ и бѣдствій, боялись, и самого торжества надъ непріателемъ.

„Теперь мы свободны въ нашемъ отечествѣ“ (разсуждали республиканцы); „теперь мы знаемъ принадлежація намъ права и имѣемъ всё средства ихъ отстаивать. Но предположимъ, что король, съ помощью чужеземцевъ, завоеуетъ себѣ Константинополь. Чья это будетъ собственность? самого ли короля и его союзниковъ, или же Рѣчи Посполитой? Если это будетъ королевская собственность, будемъ ли мы довольны тѣмъ, что панъ король усилятся? А если бы король подѣлился добычею съ народомъ, то какаѣ была бы разница между Поляками и народами присоединенными къ Польшѣ? Новые подданные, привычные къ рабству, повиновались бы королю во всемъ, а панъ достался бы жребій тѣхъ Македонячъ, которые, бывши свободными, пошли за Александромъ Македонскимъ на войну, и вернулись бы рабами, если бы Александръ не умеръ“.

Въ то время побѣдителямъ на Солоницѣ, къ Медвѣжьихъ Лозахъ, полъ Переславоу, Кумейкамъ, на Сулѣ и на Старцѣ—не могло прійти въ голову, что своимъ терроромъ надъ благодушнымъ

хоть и безпутнымъ, королемъ они напоминали ему тѣ счастливые моменты жизни, когда козаки, въ широковладычной Московіи, бросались передъ его глазами въ быстрыя рѣки, обращали въ забаву страшные морозы, играли смертью и жизнью безразлично, и своимъ боевымъ энтузіазмомъ увлекали въ опасныя сраженія рыцарскую шляхту. Польское самомнѣніе, польская кичливость не давали сеймующимъ Станкевичамъ приписать побѣды подъ Москвой и подъ Смоленскомъ тѣмъ „хлопамъ козакамъ“, которые, по признанію одного изъ участниковъ голодной Хотинской войны, помогли шляхтѣ отразить Ксеркса Османа, и сдѣлались „розовымъ вѣнкомъ“ на ея головѣ. По король Владиславъ былъ выше шляхетской надменности. Лѣнивая, мечтательная и беспорядочная жизнь, часто весьма скудная, ставила иногда его самого въ положеніе бездомнаго козака. Любилъ онъ бивуакъ, охоту, отсутствіе царственной обстановки, и часто проводилъ запросто время въ мужицкой хатѣ съ простолюдинами гораздо веселѣе, чѣмъ у себя во дворцѣ съ магнатами. Въ его глазахъ, какъ и въ глазахъ Станислава Конецпольскаго, козаки были такіе же рыцари, какъ и паны, съ важнымъ преимуществомъ беззавѣтной преданности, которой отсутствіе сеймовые паны давали ему теперь такъ горько чувствовать; и если онъ мечталъ о возстановленіи Восточной Имперіи, то 100.000 „козаковъ-сѣромахъ“ въ его падеждахъ играли весьма важную роль, — быть можетъ, гораздо важнѣйшую, нежели все „боролята“ съ ихъ многочисленными хоругвями. Самое имя *хлопы*, даваемое козакамъ въ смыслѣ юридическомъ, никло въ умѣ короля, отъ котораго зависѣло снять банницію и инфамію съ преступной шляхты, порочавшей козацкими дѣлами, и наградить номѣстями тѣхъ, которыхъ пужда и безпомощность прогоняли изъ общества *кармазинной* шляхты въ *сырыя* козацкія купы. Не принимали Станкевичи въ расчетъ „дикой милиціи дѣпровской“ и на сердцѣ своего короля, поражаемомъ безощадно, какъ наковальня, патріотически выковывали близкую къ нимъ уже Хмельничину...

Получивъ неожиданно гордый и полный рѣшимости отвѣтъ, земскіе послы вернулись въ свою революціонную Избу смущенными. Брацлавскій подсудокъ Николай Косаковскій затормозилъ законность дальнѣйшихъ совѣщаній своимъ veto (*nie pozwalam*), посредствомъ котораго каждый земскій посолъ дѣлался могущественнымъ народнымъ трибуномъ. Въ устахъ Косаковскаго veto состояло въ заявленіи, что не приступитъ ни къ чему, доколѣ войско не будетъ распущено. Краковскій подсудокъ Хршонстовскій и Малоруссъ Обуховичъ предложили братнюю бесѣду хоть бы и въ присутствіи короля. Они со-

вѣтовали идти къ королю еще однажды и, въ случаѣ отказа въ бесѣдѣ, оставить сеймъ. Краковскій стольникъ, Корицискій, предложилъ послать къ примасу, чтобы назначилъ бесѣду съ Сенатомъ. Нѣкоторые совѣтовали отпривать бесѣду въ жилищѣ самого примаса. Понентовскій пошелъ дальше вѣхъ: онъ выступилъ съ постановленіемъ о *неоказаніи повинностей* (de non praestanda obedientia). По его мнѣнію, надобно было взять съ собой избирательныя условія (pacta conventa) и, ставши передъ примасомъ, призвать его въ свидѣтели нарушенія королемъ правъ и актовъ, а потомъ—отказать клятвенно преступнику въ повинности. Большинство пословъ рукоплескали его словамъ. Обороняли короля Шумекій, Яблоновскій, Остророгъ (имена почтенныя въ польской анархіи, которая вызвала торжество руншиковъ надъ строителями). Къ нимъ присоединилось много и другихъ земскихъ пословъ, совѣтуя просить еще разъ о бесѣдѣ, тѣмъ больше, что приближался уже конецъ сейма. Не согласились на это земскіе послы. „Не просить больше! переговорить съ примасомъ!“ горлачили Шлихтингъ. Корицискій сравнивалъ Владислава съ Ксерксомъ. Понентовскій кричалъ, потрясая надъ головой рукою: „Кто отвергаетъ лекарства, тотъ готовитъ гибель (qui negat remedia, procurat interitum)“... Вообще, не было ни одного посла, который бы не сказалъ какого-нибудь сарказма противъ короля, а всѣ королевскіе замыслы толковали самымъ злобнымъ образомъ. Проклинали не только сенаторовъ и министровъ, секретарей, резидентовъ королевскихъ, князей итальянскихъ, но „и самого пану“; а одинъ староста грозилъ публично, что убьетъ графа Марци, хоть за это положить головою. Вѣшенство душило разъяренныхъ. Отворяли двери, разбивали окна для воздуха; терзали заподозрѣнныхъ; грозили разсѣкать противниковъ... Маршалъ отложилъ засѣданіе до утра.

А въ это самое время Хмельницкій, не зная, что дѣлается съ королемъ, открывалъ реестръ для 20.000 козаковъ, за которыми стояло еще 80.000 готовыхъ на все доброе и на все злое для Польши, смотря по тому, кто будетъ ими гетманить: самъ ли король Владиславъ, или послѣдшій Царя Паливая.

Вечеромъ того же злобщаго 15 ноября шляхта совѣщалась объ отказѣ въ повинности. Послы грозили, что, если король не распуститъ войска, они не развѣдутся до тѣхъ поръ, пока ихъ собратія и избиратели не придутъ въ столицу съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы изгнать изъ государства непрошенныхъ гостей. Королю грозилъ шляхетскій *рокошъ*.

„Если домашняя война не вспыхнула, и потомъ не раздвоилъ насъ на нашу гибель какой-нибудь посредникъ“ (писаль Обуховъ), „то за это мы должны хвалить милосердіе Божіе“.

„Чтобы въ короткихъ словахъ“ (писаль прусскій резидентъ) „представить образъ того, чтѣ здѣсь дѣлается, довольно сказать, что въ 1618 годъ въ Чехіи, въ начало англійскаго парламента не посѣяли столько вражды, какъ нынѣ посѣяно здѣсь. Обѣ стороны были готовы броситься въ драку, когдабъ у одной были деньги, а у другой голова“.

„Все въ великомъ лабиринтѣ“ (писаль Тьеноло), „изъ котораго, безъ домашней войны, а можетъ быть—и потери свободы, не выйдуть. Король, невыразимо смущенный, не знаетъ, чтѣ дѣлать“.

Кареты сенаторовъ летали изъ Уяздова въ замокъ и обратно. Одни молили короля уступить, другіе королеву—подѣйствовать на мужа, чтѣ она и дѣлала. Были и такіе, что совѣтовали королю лучше разорвать сеймъ, но сохранить королевское достоинство. Король такъ и дѣлалъ бы, но боялся за будущность сына.. Въ любви къ идеѣ государства и въ готовности жертвовать ради этой идеи всеѣмъ польскому Владиславу было такъ далеко до нашего Петра, „какъ до небесной звѣзды“.

Онъ созвалъ сенаторскую раду и, получивъ почти отъ всеѣхъ удостовѣреніе, что „Рѣчь Посполитая сама должна почувствовать долгъ свой относительно общей обороны и безопасности своей“, рѣшилъ „отдаться въ руки шляхты“.

Когда, на другой день, собрались послы въ своей Избѣ, и одни побуждали собраніе идти къ примасу, а другіе—выбѣгъ съ сенаторами къ королю, выступилъ Подкоморій Великаго княжества Литовскаго, Паць, любимецъ короля, и сообщилъ посламъ его рѣшеніе, подъ видомъ увѣренія, что его королевская милость теперь дастъ болѣе благосклонный отвѣтъ. Законодательное собраніе шляхты, въ лицѣ своихъ революціонныхъ вождей, огорчилось въ „последній разъ“ просить у короля — отреченія отъ верховной власти.

Маршалъ Польской Избы, знаменитый Станкевичъ, произнесъ къ нему рѣчь, въ которой прежде всего наставлялъ на томъ, чтобы жоліеры были „дѣйствительно распущены“. Потомъ говорилъ объ универсалахъ, которыми король повелѣвалъ содержать его гвардію въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ; о казакахъ, которымъ онъ дозволялъ идти на море; о братской бесѣдѣ съ Сенатомъ въ отсутствіи короля; объ уменьшеніи гвардіи и прекращеніи вооруженій.

Король, какъ бы въ вознагражденіе за прежнюю ошибку свою, что, безъ согласенія съ папами рады, далъ такой жесткой отвѣтъ,

пустыль представленіе Посольской Избы на голосованіе сенаторовъ, послѣ чего, устами канцлера, произнесъ требуемое отреченіе въ слѣдующихъ словахъ, записанныхъ Альбрехтомъ Радивиломъ:

„Украсяя Богъ дивными триумфами правленіе его королевской милости, сегодня же возложилъ на главу его новый вѣнецъ, когда онъ, послѣ столькихъ побѣдъ, побѣдилъ самого себя и отдалъ во власть и въ руки своимъ подданнымъ. Однакоже не безъ горести принимаетъ король эти слова маршала, чтобы жолнеры *дѣйствительно* были распущены: ибо не разъ показавъ свою дѣйствительность, когда подвергалъ свою голову и грудь столь великой опасности. Что же касается жолнеровъ, онъ повелѣлъ ихъ распустить, отправилъ листы къ гетманамъ и старостамъ, отправилъ еще и комиссаровъ. Универсалы Великому Князеству Литовскому онъ отрицаетъ: онъ писалъ только частнымъ образомъ къ литовскому подскарбію, чтобы не отказывали по экономіямъ въ прокормленіи королевской гвардіи, которая прибыла уже къ королю. Что до козаковъ, то это правда, что они готовили чайки съ вѣдома Сената: ибо въ пактахъ съ султаномъ написано, чтобы онъ не держался за руки съ Вуджацкими Татарами, а какъ онъ это нарушалъ, то представлялось необходимымъ пограничать его козаками. Теперь, удовлетворяя вашимъ желаніямъ, король пошлетъ къ гетману листы, чтобы козаки оставили эти чайки и вели себя спокойно, не давая повода къ нарушенію мира. О бесѣдѣ съ Сенатомъ король повелѣлъ сказать, что въ какой формѣ пошлетъ онъ Рѣчь Посполитую, въ такой желаетъ сохранить ее и оставить потомкамъ. Если въ этой бесѣдѣ будутъ совѣщаться о дѣлахъ королевскихъ, какъ тому существуютъ примѣры, то король согласится на то охотно. Наконецъ гвардіи держитъ король больше ради достоинства и величія королевства. Если обозначать общественную безопасность, король готовъ отъ него отказаться“.

Такова была сцена зловѣщей разлуки государя съ его верховною властью. Оссолинскій, желая усладить ее своимъ „новымъ вѣнцомъ“, еще увеличилъ ее горечь. Зато послы вернулись домой въ восторгѣ отъ своего подвига. Теперь многіе изъ нихъ объявляли публично, что не видятъ уже надобности въ братской бесѣдѣ. Но предводители оппозиціи хорошо знали, что только посредствомъ бесѣды достигнуть полной законности и непреложности своего постановленія, для чего было необходимо согласіе всѣхъ трехъ сословій, то есть короля, Сенаторской Избы и Избы Посольской. Казуистъ канцлеръ, говоря отъ имени короля, ограничилъ эту бесѣду совѣщаніемъ о предметахъ, касающихся исключительно его особы, а не общественныхъ дѣлъ.

Посольская Изба не могла отступать отъ состоявшагося своего постановленія, хотя бы дѣло шло только о выполненіи формальности. На основаніи такого уваженія къ народному праву, начали толковать о недостаткѣ послѣдовательности короля, и достигли наконецъ того, что король, умиротворяя Шляхетскій Народъ свой, велѣлъ увѣдомить Сташкевича частнымъ образомъ, точно товарища товарищъ, что соглашается на братнюю бесѣду въ своемъ отсутствіи безо всякаго ограниченія. Это былъ карточный король, котораго побывалъ даже и такой тузъ, какъ Сташкевичъ.

Славное colloquium состоялось 1 декабря 1646 года, въ присутствіи министровъ и сенаторовъ, которыхъ подъѣхало въ Варшаву столько, что набралось теперь 36, и которыхъ имена лучшіе люди того злополучнаго времени записали, какъ бы для „вѣчной памяти“ о томъ, что дома выжидало конца бури всё-таки больше сотни представителей втораго сословія. Здѣсь-то наконецъ правительствующая шляхта связала своего короля по рукамъ и по ногамъ такъ, что онъ очутился „во власти и въ рукахъ подданныхъ“. Фактъ совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ въ отсутствіи короля считали новою добычей, коготорой обогатилась пресловутая свобода Шляхетскаго Народа. Въ ближайшемъ засѣданіи Посольской Избы главнымъ вопросомъ дня было *исполненіе* братской бесѣды, то есть представленіе королю пунктовъ, принятыхъ въ ней Сенатомъ. Всѣ поняли необходимость этого акта, приняли его единогласно, поснѣжно изложили постановленныя пункты, и велѣли увѣдомить Сенатъ и короля, что вся Посольская Изба тотчасъ прибѣдетъ „наверхъ“. Всѣ сознавали, что побѣда зависитъ отъ поснѣжности. Оба королевскіе маршала, великій коронный и литовскій, находили невозможнымъ ввести въ Сенатъ земскихъ пословъ, говоря, что король теперь занимается дѣломъ великой важности.

„Штъ важнѣйшаго дѣла, какъ дѣло всей Рѣчи Посполитої!“ закричали земскіе послы, и тотчасъ двинулись шумно (*trzaskiem*) наверхъ.

Сташкевичъ побѣдоносно подалъ пункты братней бесѣды примасу. Сенаторы встали съ кресель, и примасъ, нечисливъ требованія Посольской Избы, просилъ короля отъ имени Сената—удовлетворить законнымъ желаніямъ „Народа“.

Велѣдъ за нимъ обратился къ Владиславу „свободнымъ голосомъ (*glosem wolnym*)“ брестокуявскій вовода, Щавинскій. Стоя у своего сенаторскаго кресла, онъ говорилъ, что свѣтскіе сенаторы не должны всего бремени своей службы взваливать на духовныхъ, а всѣ вмѣстѣ склонять короля къ устраненію причинъ зла. Восхваливъ потомъ

общими мѣстами отеческую почительность польскаго государя, онъ перенелъ къ слѣдующимъ внушеніямъ: „До сихъ поръ мы и по церквамъ, и по частнымъ домамъ не иной слышали голосъ, какъ только такой: „Вивать, король Владиславъ“! Но теперь наша радость измѣнилась въ печаль и въ огорченіе по причинѣ бѣдствія убогихъ, воздыханія злополучныхъ. Теперь только и слышимъ, что жалобы, проклятія и вздохи убогихъ людей. Первая тому причина—рада иностранцевъ, которыхъ полноъ дворъ. Они даютъ вашей королевской милости дурныя совѣты, лишь бы только жить чужимъ добромъ. Невозможное дѣло, чтобы они любили наше отечество, не имѣя съ нимъ ничего общаго. Это вы можете видѣть изъ того, что мы скорѣе получимъ извѣстія о томъ, что дѣлается у васъ, изъ Гамбурга, Любека, или Данцига, нежели изъ Варшавы. Вѣрьте, государь, что они причина всего зла, такъ какъ подъ видомъ услугъ вашей королевской милости, ищутъ своихъ частныхъ интересовъ. Обращаю мое слово къ венеціанскому послу. Исполнивъ свое посольство, живетъ онъ здѣсь такъ долго для того, чтобы сдѣлаться пачаломъ всего зла, своими стараніями всю тягость войны съ венеціанскихъ плечъ взвалить на наши. Слѣдовало бы напомнить ему сентенцію венеціанскаго сенатора, который, въ отвѣтъ Чехамъ на ихъ призывъ къ союзу противъ императора, сказалъ: „Не хотимъ зажигать своего дома, чтобы дымомъ нашимъ устрашить императора“! Поэтому покорнѣе просимъ вашу королевскую милость отдалить отъ себя иностранцевъ, такъ какъ ихъ совѣты производятъ у насъ великое замѣшательство. Умоляемъ также распустить иностранное войско, введенное во внутренности отечества въ противность правамъ и пактамъ. Оно такъ намъ надоѣло, что словомъ невозможно выразить. Угнетенія, претерпѣваемыя отъ этихъ жолнеровъ, превосходятъ шведскія и мансфельдовскія жестокости: ибо рана отъ руки друга болить сильнѣе. Рука вашей королевской милости, предназначенная для защиты отечества, такъ тяжело на насъ падаетъ! Причиняетъ намъ боль и злословіе жолнеровъ, которые смѣютъ хвалиться публично, что насъ усмирять, и дивною алхиміей обѣщаютъ превратить хлона въ шляхтича, а шляхтича—въ хлона“.

Последнія слова дерзостнаго олигарха были вѣщными. Скоро настало время такого превращенія; но дивными алхимиками явились не иноземные жолнеры, а русскіе попы да монахи вмѣстѣ съ запорожскими крамольниками, питомцами цѣлаго ряда самозванцевъ,—вмѣстѣ съ банитами да инфамисами, руководившими козацкою вольницей со временъ Самуила Зборовскаго.

Коронный канцлеръ, именемъ короля, отвѣчалъ всѣмъ „кротко“⁴ что онъ тѣмъ больше склоняется къ желанію Рѣчи Посполитой, чѣмъ тѣснѣйшее видить согласіе всѣхъ сословій въ пунктахъ ихъ просьбъ, и, перечисливши всѣ пункты, заключилъ желаніемъ короля, чтобы они были довольны деклараціей, и приступили къ дальнѣйшимъ постановленіямъ, причемъ предостерегалъ, чтобы не слишкомъ полагались на спокойствіе Рѣчи Посполитой, ничѣмъ не обезпеченное.

Заручившись теперь согласіемъ и Сената, и Короля, третьему сословію оставалось только обезпечить оборонительное постановленіе (*warowna kostytucya*), дабы въ будущемъ не случилось чего-либо подобнаго. Король этому не сопротивлялся, и тѣмъ самымъ изъявилъ согласіе на изложеніе такого постановленія. Цѣлыхъ два дня трудилась Посольская Изба, эта спасительная *курія* Оссолинскаго, надъ сочиненіемъ акта, по словамъ самихъ Поляковъ, нашихъ современниковъ, „уничтожающаго славу, достоинство и власть короля“, — наканунѣ событій, въ которыхъ только государь, облеченный всѣми принадлежностями верховенства, могъ бы спасти шляхту отъ гибельной несостоятельности присвоеннаго ею правленія.

Актъ былъ прочитанъ 6 декабря, въ заключеніе достославнаго, по мнѣнію шляхты, сейма и занялъ почетное мѣсто въ польскомъ сводѣ законовъ (*Volumina Legum*). Этимъ оборонительнымъ на будущее время постановленіемъ, отъ имени связавшаго по рукамъ и по ногамъ короля, повелѣвалось: на вербованное войско распустить не далѣе, какъ черезъ двѣ недѣли послѣ настоящаго сейма; а которые изъ вербованныхъ людей не разойдутся, противъ тѣхъ вооружатся коронные гетманы, старосты и городскія власти, какъ противъ своихъ вольныхъ, не ожидая королевскихъ универсаловъ. Кто изъ польскихъ гражданъ принадлежитъ къ на вербованному войску, тѣмъ король за непослушаніе грозилъ карой инфаміи и конфискаціи имущества. Онъ обѣщалъ за себя и за потомковъ своихъ никогда впредь подобныхъ вербунокъ не дѣлать, приповѣдныхъ листовъ подъ компатной печатью не выдавать, никакихъ войнъ безъ вѣдома и совѣта Рѣчи Посполитой не предпринимать, и никакихъ договоровъ съ сосѣдними державами не заключать, а заключенныхъ не паровать; а кто бы осмѣлился по такимъ приповѣднымъ листамъ дѣлать вербушки, того имущество король будетъ раздавать кадуковымъ (вымороженнымъ) правомъ. Обѣщать также иностранцевъ при себѣ не держать, и къ совѣтамъ ихъ не обращаться, гвардію же ограничить шестьюстами человекъ изъ гражданъ Рѣчи Посполитой.

Король выслушалъ актъ своего униженія съ веселымъ видомъ и подтвердилъ безъ колебанія, прося только увеличить гвардію до 1.200 человекъ, что тотчасъ и сдѣлано.

Этой стоворчивостью онъ такъ задобрилъ шляхту, что она назначила королеву 250.000 французскихъ ливровъ ежегоднаго дохода.

Всякій общественный и государственный переворотъ имѣетъ свое оправданіе въ нравственныхъ успѣхахъ и въ благосостояніи гражданъ. Созданный задолго до христіанской эры, во времена быстро развитія Грековъ, идеаль республиканскаго правленія занимаетъ, яко идеаль, высокое мѣсто въ исторіи культуры; но приближаются къ нему народы не своевольствомъ и дерзостью, а благородствомъ общественныхъ понятій о долгѣ и чести, съ которыми граждане совершенствуютъ всякую форму правленія, и безъ которыхъ самая либеральная форма дѣлается лишь видоизмѣненіемъ гражданскаго рабства. Со стороны шляхты было бы и разумно и доблестно взять въ свои руки государственное управленіе во всѣхъ его частяхъ, когда бы шляхта стояла на высотѣ гражданственнаго развитія, когда бы она была способна защищать отечество отъ всяческихъ враговъ единствомъ убѣжденій своихъ въ томъ, что надобно дѣлать, и господствомъ лучшихъ людей надъ худшими. По польско-русская шляхта была только самоувѣрена, и относительно государственности вовсе не отличалась той способностью, которую Конецпольскій признавалъ въ презираемыхъ ею Москаляхъ, привыкшихъ, по его словамъ, „въ каждый предметъ вникать основательно“. Это доказала она слишкомъ скоро, когда ни высокая образованность нѣсколькихъ изъ ея представителей, ни воинскіе таланты другихъ, ни громадныя богатства третьихъ, ни великія жертвы остальныхъ—не могли остановить наплыва двухъ разновременныхъ ордъ, соединенныхъ только жадностью къ добычѣ.

Даже и теперь, въ сладостномъ упоеніи революціоннымъ успѣхомъ, котораго никто не предназначивалъ и не ожидалъ, многіе либералы были недовольны своимъ завоеваніемъ и не знали, что съ нимъ дѣлать. Одни роптали, что опростчиво ослабили власть и достоинство короля; другіе находили оборонительное постановленіе мѣрою безсильною; наконецъ, были и такіе, что не довѣряли королю даже въ его униженіи. Всосавши съ матернимъ молокомъ совмѣстимость обѣщанія и клятвы съ противнымъ намѣреніемъ, шляхта ждала отъ короля поваго посягательства на ея свободу. „Никто не можетъ понять“ (писалъ въ это время прусскій резидентъ), „какія намѣренія у короля, который собралъ столько войска, предпринять такое дѣло, увѣдомилъ о немъ всѣхъ государей, и теперь вдругъ выпустилъ вой-

ско изъ рукъ. Это возбуждасть подозрѣніе во всѣхъ сословіяхъ. Не довѣряють королю, готовятся восвать навербованныхъ жолперовъ, и назначили новый сеймъ черезъ четыре мѣсяца“.

Въ самомъ дѣлѣ, было поставлено созвать новый сеймъ на 2 мая 1647 года, собственно для того, чтобы всякую мысль о войнѣ и всевозможныя недоразумѣнія устранить. Опозоренный, по тѣмъ не мѣлѣ упрямый въ своихъ замыслахъ, король, съ своей стороны, надѣялся, что въ маѣ будущаго года ему удастся склонить Рѣчь Посполитую исполнять его предначертанія, и потому далъ свое согласіе на созваніе новаго сейма.

По едва земскіе послы успѣли разгласить въ провинціи о своемъ республиканскомъ торжествѣ, какъ опъ, 10 декабря, объявилъ, что не увольнитъ ниодного жолпера. Опъ представлялъ сенаторамъ резидентамъ грозную опасность со стороны Турціи; и въ самомъ дѣлѣ Порта думала тогда о примиреніи съ Венеціей и о войнѣ съ Польшею.

Король сдѣлался крайне раздражительнымъ. Сенаторы боялись говорить съ нимъ оффиціально, и не знали, что дѣлать. Наконецъ прибѣгнули къ хитрости: королю была подана просьба объ увольненіи отъ полковниковъ гвардіи, Денгофа, Осипекаго, Лесгсвана. Король сдѣлался прямымъ казуистомъ: началъ ссылаться на закоположенія, по смыслу которыхъ (говорилъ опъ) сеймовое постановленіе относится къ будущимъ вербовкамъ, но не къ настоящимъ. Тогда нѣсколько духовныхъ сенаторовъ погрозило ему закономъ *de non praestanda obedientia*, и опъ обѣщаль оставить на службѣ только 1.200 человекъ. Однакожь, далъ полковникамъ гвардіи приказъ—для вида, распустилъ немного войска, но лучшихъ жолперовъ оставить. 13 декабря опъ снова перемѣнилъ свое рѣшеніе: оставилъ гвардію въ полномъ составѣ и выслалъ ее въ Прусы, чтобы сирягать отъ сенаторовъ, а войска, подъ предлогомъ опасности со стороны Турціи, велѣлъ не распускать. Потомъ разослалъ по полкамъ парочитыхъ посланцовъ для возвращенія універсаловъ разосланныхъ Оссолинскимъ, а 14 декабря началъ снова вербовать жолперовъ. Изъ Силезіи нѣсколькими дорогами вступили въ Польшу навербованныя прежде хоругви, грабя и насильствуя по пути, къ неопisanному негодованію шляхты, которая, при этомъ извѣстіи, начала стѣбжаться для принятія своихъ мѣръ.

Шляхетскій народъ чуялъ давно уже, что стоитъ на вулканѣ; наконецъ додумался, гдѣ находится кратеръ вулкана, и сталъ опасаться своего короля несаго больше со стороны украинскихъ бунтовъ. Еще во время сейма король повелѣлъ запорожскимъ козакамъ соединиться съ дошцами и грабить морскія побережья, а къ султану отиравилъ

тогда же посла, въ надеждѣ, что онъ вернется съ угрозами. Жолнеры между тѣмъ бунтовали. Шляхта начала сильно вооружаться противъ буановъ. Все говорило о враждѣ двухъ партій, изъ которыхъ одну поддержать козаки. Но готовую начаться въ Польшѣ усобицу остановили сами жолнеры. Вида грозу со стороны шляхты, они „поблагодарили за службу“, и во многихъ мѣстахъ, не дождавшись даже уплаты заслуженнаго жолду, разошлись. Только тогда король, съ крайней досадою, постановилъ распуститъ войско.

Но тѣмъ не менѣе мечтать онъ о Турецкой войнѣ, надѣясь на иностранную помощь со стороны Швеціи и Франціи. Опять начались у него сношенія по этому предмету съ папою и съ итальянскими князьями.

Между тѣмъ Россія, рассчитывая на обѣщанную королю помощь, начала восвать съ Татарамъ и задѣла Турцію. Царь просилъ у него помощи. Но король не могъ ни послать ему войска, ни одновременно съ нимъ начать войну; не могъ даже отправить къ нему посла для заключенія договора. Бездѣйственно долженъ былъ онъ ждать сейма, въ страшной тревогѣ, какъ бы не погертъ этого драгоцѣннаго случая для соединенія польскихъ силъ съ московскими, какъ бы союзники Польши, Москали, не обратились въ непріятелей.

Съ этой стороны бѣда грозила Полякамъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ со стороны Дикихъ Полей. Будучи покаместъ не въ страхѣ мѣряться съ Польскою боевыми людьми, Москва превосходила ее государственнымъ страсніемъ. У республиканца Поляка все валълось изъ рукъ, и даже военныя средства его были опаснѣе для него самого, нежели для сосѣдей. Монархистъ Москаль держалъ добытое потомъ и кровью крѣпко, не такъ какъ его сосѣдъ, легко ему доставшуюся Малороссію. Для насъ, потомковъ тогдашнихъ русскихъ дѣятелей въ Польшѣ, очевидно, чѣмъ были способны Москали восприсобладать надъ „хозяевами южнорусской земли, Поляками. Современники не видѣли того ни съ польской, ни съ московской стороны. Москва не управлялась еще съ остатками покоренной ею Кипчакской Орды, Крымцами, которые подъ управленіемъ Исламъ-Гирсы, сдѣлались похожи на своихъ предковъ, батышевцевъ. Но изъ посольства „раціоналиста и политика“ Стрѣшневса мы видимъ, что завосаніе Крыма было у нея на очереди. Смерть Конецпольскаго и бунтъ Хмельницкаго съ его руинными послѣдствіями отодвинули это важное дѣло больше, чѣмъ на столѣтіе. Русская жизнь давно уже заявила потребность подавленія ордынцевъ, но ее постоянно эксплуатировали и тормазили для своей иноземной политики Ляхи. Потомцы и пособники Ляховъ, дѣйство-

скіе козаки, сдѣлались новымъ тормазомъ русскаго торжества надъ ордынщиной.

Въ прошломъ году, какъ мы уже знаемъ, донцы и подвластные Москвѣ Татары готовились какъ бы свосвольно, безъ вѣдома царя, начать войну съ Татарами. Татары, узнавъ объ ихъ замыслѣ, предупредили ихъ вторженіемъ въ московскіе предѣлы, но были отражены. Осмѣлевшіе этимъ донцы облегли Азовъ со стороны моря, въ то время когда Кондратовъ и князь Черкаскій заперли Азовъ со стороны суши съ черкесскими, калмыцкими и астрахашскими Татарами. Но тутъ явился на выручку Азова крымскій ханъ и оттѣснилъ осаждавшихъ. Ханъ доносилъ султану, что донцы готовятъ 150 новыхъ часкъ, съ цѣлью воевать Крымъ, и просилъ о позволеніи вторгнуться въ Московское Царство. Ханскіе послы прибыли въ Стамбулъ, когда Турки одержали побѣду надъ Венеціанцами. Въ ноябрѣ Турки взяли крѣпость Реттимо, и султанъ, закончивъ кампанію текущаго года этой побѣдою, могъ располагать свободно своими силами. Поэтому великій визирь, какъ было слышно въ Польшѣ, посадилъ московскаго посла въ тюрьму, и послалъ хану повелѣніе вторгнуться въ Московское Царство. Исламъ-Гирей бросился на добычу и, какъ разсказывали за московскимъ рубежомъ, увелъ въ Крымъ 40.000 ясыра. Въ возмездіе за это, царь повелѣлъ донцамъ идти на Черное море грабить турецкіе города, а самъ, собравъ 100.000 войска, намѣревался воевать Крымъ и просилъ у короля Владислава помощи.

Можно вообразить, съ какою горечью принялъ эту просьбу Владиславъ. Ему были готовы повиноваться одни козаки, какъ бы предчувствуя, что покарають за него сборище пановъ своскорыстниковъ и, въ концѣ копцовъ, нагнутъ ихъ гордая вии подъ Москаля еще ниже, нежели Посольская Изба нагнула подъ свою волю королевскую власть.

Все теперь зависѣло въ Польшѣ отъ одобренія сейма, который долженъ былъ собраться въ маѣ 1647 года. Король ждалъ его съ терпѣніемъ, воображая, что достаточно раздражилъ мусульманъ, и что два враждебныя ему сословія поцеголт должны будутъ выполнять его планы. Но и въ этомъ ошибся.

Въ Стамбулѣ хорошо знали, что дѣлалось въ Варшавѣ. У Порты были въ Польшѣ шпіоны между купцами Армянами. Она получала точныя вѣсти изъ Крыма и Буджаковъ, изъ Мультанъ и Волоцины отъ пограничныхъ воеводъ-башей своихъ, а еще больше отъ европейскіхъ резидентовъ при султанѣ, которые считали своею обязанностью увѣдомлять его визиря о взаимныхъ отношеніяхъ христіан-

скихъ дворовъ. На сей разъ Венеція доставила Портѣ наилучшія извѣстія о королевскихъ памѣреніяхъ. Она была болѣе вреднымъ другомъ для Польши, нежели врагомъ для Турціи. Съ самаго начала Порта знала, что задумалъ Владиславъ, и бракъ его съ Маріей Гонзага подтвердить ея опасенія.

Поляки, по проторенной ими дорогѣ самозванщины, еще въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія заявили мысль о покушеніи на оттоманское владычество посредствомъ самозваннаго турецкаго царевича, крещенаго тайно въ христіанскую вѣру. Москва, съ достоинствомъ державы степенной, безъ шума столкнула претендента съ его ходуль, устроенныхъ шляхтой да козаками, очевидно, подъ руководствомъ все той же тапшественной интриги, которая создала и ея Лжедмитрія. Но въ 30-хъ годахъ появился передъ Оттоманами призракъ Палеологовъ изъ Франціи. Князь Первесь, отецъ Маріи Гонзага, вмѣстѣ съ княземъ тосканскимъ (который поощрялъ и чествуемаго козаками „Турецкаго Царя Ахію“) стали готовить возстаніе Грековъ и другихъ подвластныхъ Турціи христіанскихъ народовъ. Англія, Испанія и Франція обѣщали имъ свою помощь. Хотя замыслы князя Первеса, наследника Палеологовъ, оказались такою жъ несостоятельною затѣей, какъ и претензіи Александра Оттомануса, но имя его постоянно пугало Турокъ, бывшихъ свидѣтелями потрясенія Московскаго Царства польскими героями самозванщины. Бракъ польскаго короля съ наследницею претендента, котораго права католическая Европа лукаво признавала серьезными, былъ для турецкихъ правителей событіемъ тревожнымъ. Владиславъ слылъ счастливымъ полководцемъ и казался издали грознымъ.

Были извѣстны Портѣ, хотя бы только изъ газетъ, и сношенія короля съ Москвою, Персією, Венеціей, Римомъ, Тосканой и другими державами. Она подозрѣвала обоихъ господарей въ невѣрности и боялась волненія христіанскихъ народовъ, ненавидѣвшихъ турецкое подданство. Если взять во вниманіе, какъ легко было заохотить къ войнѣ Персовъ и всѣ христіанскія національности въ Азіи и въ Африкѣ къ возстанію, то легко понять опасенія Порта, чтобы, въ случаѣ войны съ Польшею, не загорѣлся у нея пожаръ, котораго не могли погасить ея силы. И однакожь, въ виду столь грозной опасности, не могла Порта рѣшиться на заключеніе мира съ Венеціей.

Еще въ 1619 году писалъ испанскій посоль, что Турки видятъ въ Венеціи единственное препятствіе своимъ стремленіямъ къ господству на моряхъ, и лишь только раздѣляются съ Персіей, немедленно станутъ воевать за Кандію. Обладаніе этимъ богатымъ островомъ, по

его взгляду, обезпечить Портъ Архипелагъ и отворить дорогу въ Средиземное море; поэтому и Венеціанамъ (писалъ онъ) не остается ничего иного, какъ покупать временный миръ дорогою цѣною; но лишь только явится визирь пенодушный, ничто ихъ не избавитъ отъ войны.

Вотъ почему Турки, начавши воевать съ Венеціей, не хотѣли кончить войны безъ пріобрѣтенія Кандіи. Тѣмъ не менѣе, однакожь, былъ моментъ, когда Порта колебалась въ выборѣ непріятеля между Польшей и Венеціей,—именно въ 1646 году, когда король объявилъ въ Варшавѣ Турецкую войну, и особенно, когда выѣхалъ во Львовъ, чтобы начать военныя дѣйствія, и послалъ оттуда ультиматумъ, требующій переселенія Буджацкихъ Татаръ въ Крымъ. Султанъ повелѣлъ было стянуть часть войска къ Силистріи, другую послалъ на Буджаки, а съ третьей готовился двинуться самъ визирь. Все это дѣлалось подъ покровомъ увѣреній въ мирѣ; но король узналъ изъ вѣрнаго источника, уже послѣ сейма, что великій визирь убѣждаетъ султана къ примиренію съ Венеціей и совѣтовалъ перенести войну въ Польшу. Такъ близко было осуществленіе надежды короля стянуть Рѣчь Посполитую въ Турецкую войну; такъ возможно было соединеніе Россіи съ Польшей безъ козацкой руины!

Не получая никакаго отвѣта на свой ультиматумъ, король велѣлъ наконецъ Оссолинскому послать гонца въ Стамбулъ, чтобы осведомиться о положеніи сейма до начала майскаго сейма.

Оссолинскій послалъ къ визирю письма отъ себя и отъ гетмана Потоцкаго. Канцлеръ вступался за волошкаго государя Лупула; гетманъ же обвинялъ хана, что набѣгаетъ на Москву, и требовалъ переселенія Буджацкихъ Татаръ въ Крымъ.

Король ожидалъ и желалъ суроваго отвѣта,—пожалуй, даже заключенія гонца въ тюрьму. Но визирь обошелся съ нимъ ласково и представилъ его султану. Ему дозволили повторить жалобу на хана и дали такой отвѣтъ, какимъ польскіе короли не разъ отдѣлывались отъ Турокъ, когда тѣ паставвали на уничтоженіи козаковъ, именно,—что „надшаху нѣтъ никакаго дѣла до этихъ людей“, чего никогда прежде отъ нихъ не слыхали, и тутъ же былъ отправленъ съ письмомъ къ королю «султанскій чаушъ, Согаимъ-баша.

Прібытіе чауша, о которомъ увѣдомляли съ каждаго почлега, ожидалось въ Варшавѣ со страхомъ и надеждою. Шляхта боялась объявленія войны; король надѣялся, что ему развяжутъ наконецъ руки и позволятъ козаковать, въ роли новаго Ахін Оттомануса.

Султанскій чаушъ прібылъ въ концѣ января 1647 года, и немедленно получилъ аудіенцію. Церемоніаль его пріема замѣчательнъ

въ томъ отношеніи, что Стамбуль чествовалъ еще Варшаву, какъ соперницу своего могущества. Съ высоты утвержденнаго всячески въ политическомъ мірѣ мнѣнія о Рѣчи Посполитой Польской правителямъ ся было суждено спуститься, точно съ ломкихъ подмостокъ, на самую низкую ступень, на ступень господъ, подчиняющихся требованію рабовъ.

Чаушъ Согаимъ-баша выѣхалъ изъ отведенной ему квартиры верхомъ, въ сопровожденіи 20 конныхъ королевскихъ дворянъ. Ему предшествовалъ слуга, неся султанскую грамоту въ мѣшкѣ изъ золотой парчи, на подушкѣ, вышитой жемчугомъ. Надворный маршалъ, Казановскій, ввелъ его къ королю, окруженному радю сенаторовъ. Чаушъ приблизился къ трону медленно и съ важной осанкою; вдругъ онъ остановился шагахъ въ десяти и потомъ быстро подошелъ къ ступенямъ трона, упалъ на колѣни, поцѣловалъ королевскую руку и край плаща у короля, ударилъ челомъ, потомъ вернулся на то мѣсто, гдѣ было пріостановился, взялъ отъ своего слуги подушку съ грамотой, подошелъ къ Оссолинскому и, когда капцлеръ припаялъ грамоту, чаушъ быстро вернулся на прежнее мѣсто, и оттуда произнесъ рѣчь, которую толмачъ повторялъ попольски.

Султанская грамота была дружелюбная, и сверхъ титуловъ, заключалась только въ слѣдующихъ словахъ, разбавленныхъ повтореніями:

„Въ пактахъ между нами написано, чтобы ты удерживалъ отъ набѣговъ разбойниковъ и воровъ, называемыхъ козаками допскими и запорожскими, а я татарскаго хапа и буджацкія орды буду крѣпко держать. Но ты другой годъ уже не отдаешь хану дани, да еще и пословъ его задерживаешь; а я повелѣлъ хану ни подѣ какимъ видомъ не нарушать нашего мира, лишь бы ты, помня достоинство святаго примиренія, отдавалъ ему обычную дань и держалъ козаковъ, дабы они не осмѣливались выходить Днѣпромъ на Дунай подѣ названіемъ допцовъ“.

Эта миролюбивая грамота раздражила короля до такой степени, что онъ, какъ доносилъ въ Венецію посолъ, „имѣлъ на особу чауша извѣстные виды“. Однакожъ, Владиславъ отправилъ Согаимъ-башу спокойно, съ письмомъ къ султану слѣдующаго содержанія:

„Не понялъ ты моего письма, отправленнаго въ августъ прошлаго года. Я требовалъ, чтобы ты, согласно пактамъ, прогналъ Татаръ изъ Буджаковъ и переселилъ въ Крымъ. Теперь, видя изъ твоего письма, что ты этихъ Татаръ хочешь обуздывать, вновь требую, чтобы переселилъ ихъ въ Крымъ, и тогда зацѣтетъ между нами миръ.“

Отдать подарки хану согласуеь охотно, но подь условіемъ, что Татары перестануть наѣзничать, плѣшниковъ возвратять, изъ Буджаковъ прогнаны будутъ, и когда ихъ позовутъ на военную службу, обязательства свои будутъ выполнять вѣрно. Но поелику сіе дѣло откладывается до слѣдующаго сейма, то ожидаю твоего посла съ отвѣтомъ на нынѣшнее письмо“.

Вслѣдъ за чаушемъ прибыло въ Варшаву отъ хана пять посланцевъ, которые объявляли по дорогѣ миръ, и опровергали королевскія извѣстія о враждебномъ настроеніи мусульманъ. У каждаго изъ нихъ было особое письмо, обѣщающее ничѣмъ не нарушать мира и вмѣстѣ просящее подарковъ. Король былъ взбѣшенъ миролюбіемъ азіатцевъ, велѣлъ ихъ остановить и помѣстить въ пяты миляхъ отъ столицы.

Но вѣсть о томъ и другомъ посольствѣ разнеслась по Польнѣ, и вдругъ всѣ страхи, которыми король побуждалъ Шляхетскій Народъ къ Турецкой войнѣ, исчезли. Отъ нихъ осталось только подозрѣніе, что не султанъ короля, а король султана вызываеь на войну.

Съ своей стороны, король, видя, что не удалось ему закрыть свои замыслы мнимою Татарскою войною, рѣшился вторично сбросить маску и выступить съ Турецкою войною открыто. Онъ просилъ пану выслать въ Польшу breve, вызывающее шляхту на войну съ Турціей, а самъ старался, черезъ холмскаго бискупа, Станислава Петроковскаго, склонить къ этой войнѣ прочихъ бискуповъ. Это ему не удалось. Бискупъ куявскій, Гнѣвошъ, выступилъ съ полной твердостью противъ короля, а прочіе сенаторы, сознавая себя, въ виду султанскаго и ханскаго посольства, освобожденными отъ обѣщанія, даннаго королю на прошломъ сеймѣ, распространили по государству вѣсть о его новыхъ военныхъ замыслахъ.

Владиславъ былъ принужденъ опровергнуть эту вѣсть, имѣя въ виду приближающіеся сеймики, но не умѣлъ скрыть своего недовольства: разослалъ къ остальнымъ сенаторамъ собственноручныя письма, въ которыхъ жаловался на амбіцію многихъ изъ нихъ и недовѣріе къ нему, говорилъ, что постановленіе прошлаго сейма ослабило королевское достоинство и просилъ—или переменить его, или уничтожить, съ вознагражденіемъ его за причиненный ему вредъ.

Онъ сдѣлалъ еще худшее: вслѣдъ за этими письмами, королевская канцелярія, а потомъ и Оссолинскій, разослали инструкціи на сеймики и *делибераціи* къ сенаторамъ, исполненныя жалобами на оппонентовъ.

„Въ прошломъ году“ (сказано было, между прочимъ, въ инструкціяхъ) „было предпринято королемъ дѣло, которое обезнечило бы все-

му христіянству и Рѣчи Посполитой миръ и безопасть... Но святыя помыслы, вмѣсто благодарности, были осмѣяны злостью ядовитыхъ языковъ, которая дерзнула броситься на репутацію и достоинство самого масстата королевскаго, представляя, будто бы его предпріятія пасиловали свободу и безопасть подданныхъ, и т. д. Король, однакожь, изъ-за злости нѣсколькихъ языковъ не утратилъ любви къ подданнымъ, и теперь представляетъ имъ опасность Рѣчи Посполитой по причинѣ ненадежной вѣрности язычниковъ и т. д. и т. д. Для предотвращенія этой опасности, хотя бы король могъ предложить дѣйствительныя средства, давши всей Европѣ доказательства своего мужества, счастья и воинской опытности, но желая показать, что свои совѣты думаетъ согласовать съ намѣреніями сословій, требуетъ отъ сеймиковъ, чтобы поручили посламъ своимъ совѣщаться о дѣйствительныхъ средствахъ и опредѣлить оныя“.

Делибераторіи также выступали жестоко противъ оппопентовъ. Король упрескалъ ихъ въ исканіи популярности наступленіемъ на его репутацію, и утверждалъ, будто бы потому распустилъ войско, что Рѣчь Посполитая, по увѣренію сенаторовъ, сама почувствовала обязанность позаботиться объ общей оборонѣ и безопасности государства.

По повелѣнію короля, и коронный гетманъ разослалъ письма на все сеймики о враждебномъ намѣреніи Турціи, внушая земскимъ посламъ, чтобъ они, имѣя передъ глазами грозящія отечеству опасности, не полагались на слабыя силы квартянаго войска и готовили такую оборону, которая была бы достаточна для сохраненія безопасности Рѣчи Посполитой и отраженія непріятелей.

Все было не впопадѣ. И духовныя, и свѣтскіе можновладцики, обиженные королевскою инструкціей, которая представляла ихъ злоязычными клеветниками, писали на сеймики, якобы король оскорбляетъ весь Шляхетскій Пародъ. Въ это же время кто-то распубликовалъ поддѣльную грамоту султана, объявляющую королю войну. Шляхта твердила, что это сдѣлалъ самъ король, и хотъ обманчикъ былъ открытъ и наказанъ, но королевская репутація пострадала тѣмъ не менѣе.

Трехнедѣльный сеймъ 1647 года начался при самыхъ неблагоприятныхъ для короля обстоятельствахъ. Между сеймовыми папами было рѣшено—всячески устранивать мысль о войнѣ, а чтобы занять умы—покончить съ тѣми религіозными вопросами, надъ которыми такъ долго трудился король. Диссиденты и дизуниты постановили добиться собственными силами равноправія, котораго король, очевидно, не могъ уже имъ доставить, а католики грозили лишить и протестан-

товъ, и православниковъ всякихъ вольностей, соединяя релігіозные интересы тѣхъ и другихъ съ замыслами короля противъ Швеціи и Турціи.

Были и другія причины необычайной релігіозной ревности со стороны католической партіи. Она боялась, чтобы Польша не обратилась въ духовное государство, и вооружила уже пятого короля противъ обогащенія пастырей на счетъ пасомыхъ. Мелѣя въ душѣ житейскую мысль о самозащитѣ отъ господствующей въ Польшѣ церкви; пана, забытыя съ дѣтства духовными паставниками своими, не могли придумать иного средства къ освобожденію земскихъ имуществъ отъ набожнаго расхищенія, какъ угодить панѣ подавленіемъ его отступниковъ и схизматиковъ у себя дома, въ свободной, теперь, можно сказать, уже и безкоролевной республикѣ.

Въ первые дни сейма нунцій роздалъ всѣмъ бискупамъ инсима, которыми пана, по просьбѣ короля, возбуждалъ Поляковъ къ войнѣ съ Турціей, обѣщая съ своей стороны всякую помощь. Король отвѣчалъ панѣ на это бреве 4 мая, что готовъ двинуться на освобожденіе Гроба Господня, если ему помогутъ другіе государи, и объявилъ при открытіи сейма, крестовый походъ устами придворнаго Петра Нустьянника, ксендза Выдажи. Королевскій проповѣдникъ съ великимъ жаромъ гремѣлъ противъ тѣхъ, которые осмѣлятся сопротивляться христіанскимъ предначертаніямъ великаго воителя. Но и пана, и его варшавскій апостолъ только повредили королю. Какъ бискупы, такъ и вся шляхта вознамѣрились явить главѣ вселенской церкви тѣмъ еще большее рвеніе сеймовымъ угнетеніемъ домашнихъ его противниковъ. Можетъ быть, святой отецъ, не имѣя денегъ для Турецкой войны, на то и разсчитывалъ, чтобы, вмѣсто невѣрной затраты круглыхъ суммъ скуди, увеличить, безъ всякаго риска, свои доходы въ разновѣрномъ покамѣстѣ польскомъ стадѣ свосемъ. А Поляки, съ своей стороны, угождая намѣстнику Христа дешевой ревностью къ его владычеству, старались освободить земскія имущества отъ чужездныхъ порожденій римской ехидны.

На новомъ сеймѣ Оссолинскій явился министромъ холоднымъ и нелицеприятнымъ. Повторивши въ королевской пропозиціи инструкціи на сеймики, выразилъ онъ желаніе, чтобы, вмѣстѣ съ веселымъ пробужденіемъ природы, пробудилось довѣріе между трономъ и народомъ; увѣдомилъ, что на сеймъ прибудетъ коронный гетманъ Потоцкій и поставитъ сословія въ извѣстность объ опасностяхъ со стороны язычниковъ; объявилъ волю короля, чтобы Рѣчь Посполитая свергнула съ себя постыдный татарскій гарачъ, въ виду того, что московскій царь

такъ горячо и безпрестанно домогается союза; а такъ какъ посоль за болѣзнію еще не уѣхалъ въ Москву, то спрашивалъ, какую декларацію долженъ дать король царю, и какъ поступить, когда посоль возвратится изъ Москвы.

Въ этой же пропозиціи,ряду съ необходимостью починить и снабдить обороною пограничныя замки Камеицеъ, Кольмактъ, Владиславъ, указана была необходимость ограничить закономъ излишество въ драгоценныхъ одеждахъ, всюду вошедшее въ обычай,—точно какъ бы самъ канцлеръ сознавалъ, что Поляки не способны оборонять грудью того, чѣмъ они дорожили.

На пункты пропозиціи, среди напряженнаго вниманія обѣихъ законодательныхъ Избъ, говорилъ извѣстный уже намъ Гнѣвошъ, кувяскій бискупъ. Громозвучный и ровный голосъ его достигалъ до самыхъ дальнихъ галлерей Сенаторской Избы, гдѣ королева, окруженная дворомъ, сидѣла въ сообществѣ венеціанскаго посла. Ораторъ, по разсказу польскаго историка, вырасталъ гигангомъ съ каждымъ отдѣломъ рѣчи своей; глаза его свѣтились огнемъ злобѣщимъ; лицо выражало масстатъ Рѣчи Посполитой, а говорилъ онъ съ такимъ сознаніемъ своего превосходства, какъ будто всѣ замыслы и все поведеніе короля считалъ фантазіями безпокойнаго и высокомѣрнаго недоросля, котораго надобно было проучить. Подобно тому, какъ король, въ инструкціяхъ на сеймики исчислялъ свои благодѣянія, оказанныя Рѣчи Посполитой, громовержецъ бискупъ началъ свою рѣчь исчисленіемъ всѣхъ благодѣяній, оказанныхъ королю Рѣчью Посполитою. „Воспитаніе, снабженіе средствами, единогласное избраніе на престолъ, уплата долговъ, обезпеченіе всего семейства, безпрестанные палачи, любовь и довѣріе, оказываемыя королю во все время его царствованія: вотъ наши доказательства (гремѣлъ сеймовой витія), что въ Польшѣ нѣтъ у короля ни злоязычныхъ, ни злопамѣренныхъ людей, и было бы лучше, если бы королевская канцелярія назвала тѣхъ, на кого она мѣтила. Такихъ людей нѣтъ въ Польскомъ народѣ. Ихъ надобно искать между иностранцами, которыми полощъ дворъ и которые королевское сердце отравляютъ злобою противъ народа. Поэтому покорнѣйше прошу его королевскую милость отослать отъ себя графа Магши, ксендза кануциа, Фантони и Вильбони, какъ людей, вредныхъ для Рѣчи Посполитой. Надобно также, чтобы канцелярія отправляла скоро иностранныхъ пословъ, которые у насъ обратились въ постоянныхъ резидентовъ, выдаютъ секреты Рѣчи Посполитой, и дошли наконецъ до такого любопытства, что на этой самой галлерей, въ Сенаторской Избѣ, подслушиваютъ наши совѣщанія. Хотѣлъ бы я спросить венеці-

апскаго посла, позволила ли бы мнѣ Венеціанская Республика такъ подслушивать свои рады“...

Когда Гнѣвошъ говорилъ это, обращаясь къ галлерей, королева спросила великаго конюшаго Платемберга, о чемъ ораторъ такъ разглагольствуетъ. Узнавъ, что бискупъ требуетъ отсылки всѣхъ иностранцевъ, она воскликнула: „О, какое порабощеніе (O che servitu)“! и удалилась со всѣмъ дворомъ.

Гнѣвошъ говорилъ далѣе: горевалъ о несбывшейся надеждѣ государства, что король оставитъ военныя затѣи; критиковалъ инструкціи и пропозиціи канцлера; выражалъ недовѣріе къ опасеніямъ со стороны Турціи. „Не могу согласиться на наступательную войну“ (гудѣлъ онъ, точно церковный колоколъ): „ибо вижу, что нашихъ силъ ни въ какомъ случаѣ недостаточно, и потому совѣтую отправить посла къ Портѣ, склонить шляхту, въ случаѣ надобности, къ посполитому рушенію, козакамъ строго запретить морскіе походы и постановить двухпедѣльный сеймъ единственно на случай опасности со стороны Турціи. А чтобы Турція обратила въ провинцію Мультапы и Волоцину, это напрасныя опасенія. Сулганъ этихъ земель ни Татарами не населить, ни башамъ не отдастъ: ибо земли эти снабжаютъ сѣбѣстными припасами его кухню, визирямъ приносятъ великіе доходы, и за такимъ распоряженіемъ тотчасъ бы въ Седмиградѣ вспыхнулъ бунтъ, а волошскіе и мультанскіе мужики разбѣжались бы въ Венгрію и въ Польшу“.

Долго въ такомъ смыслѣ ратовалъ противъ короля бискупъ. Король слушалъ его наморщивъ лобъ, наконецъ всталъ и вышелъ изъ законодательной толпы, а по окончаніи засѣданія выразилъ всему сенату свое безсильное неудовольствіе.

Это происходило 4 мая. На другой день, въ числѣ многихъ другихъ пановъ, прибыли въ Варшаву два магната, соперничавшіе на сеймовомъ судѣ за Хороль и Гадячъ въ нашей Малороссіи. Для обычныхъ въ Польшѣ доводовъ своего права, обратившихся въ поговорку *железные доводы* (żelazne gasye), они привели съ собой 5.000 такъ называемой ассистенціи. Одинъ изъ нихъ, князь Іеремія Вишневецкій, заявилъ, что на прошломъ сеймѣ кто-то, въ его отсутствіе, „сдѣлавшись ревизоромъ имѣній, лежащихъ на татарскомъ пограничѣ“, жаловался передъ королемъ, якобы онъ (Вишневецкій) грозилъ ему (самозванному ревизору) кіями. „Еслибъ я думалъ объ этомъ“ (скачалъ представитель общественной свободы среди Шляхетскаго народа), „то вѣрное онъ бы почувствовалъ это на своей спинѣ“. Таково было

предупрежденіе полновластнаго магната о томъ, какъ независимые отъ короля паны должны рѣшить его тяжбу.

Между тѣмъ дѣло Турецкой войны совсѣмъ унало, а вмѣсто него католическая партія подняла два вопроса и, поставивъ ихъ выше прочихъ государственныхъ интересовъ, заняла ими всѣхъ сеймующихъ пановъ. Накапунѣ паденіе Рѣчи Посполитой (она пала въ Хмельничину), оправдались ласкательныя слова Оссолинскаго къ папѣ, что Поляки больше заняты религіозною борьбою съ согражданами, нежели безопасностію и цѣлостію отечества.

Первый вопросъ касался аріянина Шлихтинга. Его обвинили въ издавіи богохульныхъ книгъ, отрицающихъ божественность Христа, и 11 мая, за таковое возмущеніе противъ Божескаго и королевскаго маестата, онъ былъ заочно приговоренъ къ инфаміи и конфискаціи имущества. Изданныя имъ книги сожжены чрезъ палача; всѣ аріянскія сочиненія воспрещены, новыхъ не дозволено печатать, подъ смертною казнью, и аріянскія школы уничтожены. При семъ Оссолинскій выразилъ удивленіе, какъ эта новая секта, будучи пришельцемъ и гостемъ въ Польшѣ, усиливается притѣснить старинную въ ней хозяйку—вѣру католическую!

Второй вопросъ касался полеваго гетмана литовскаго, Януша Радзивила, потомка двухъ Радзивиловъ, на которыхъ опирались даже и такіе православники, какъ Іовъ Борецкій. Виленскій бискупъ обвинялъ этого кальвиниста въ низверженіи придорожныхъ крестовъ, поставленныхъ мѣщанами въ его имѣніи. Дѣло это полотило двѣ педѣли сеймоваго времени, „среди страшнаго крику однихъ, которые были воспламенены религіозною ревностію, другихъ, которые, подымавъ предлогахъ, хлопотали о своихъ приватахъ, и третьихъ, которые желали показать свой умъ въ ораціяхъ“ (пишетъ современный намъ Полякъ-историкъ). Замѣчательнѣе всѣхъ показали тѣ ораціи, въ которыхъ, съ одной стороны, взвѣшивалась оскорбленная „честь Бога“, а съ другой—„великое имя“ обвиняемаго. Когда одинъ ораторъ заявилъ, что здѣсь надобно стоять больше за „кривду Божию“, нежели за „посполитое право“, ошмянскій подстаростій, „одноглазый еретикъ“ (какъ называлъ его въ дневникѣ литовскій канцлеръ) замѣтилъ, что непристойно сравнивать Божіе право съ человѣческимъ. На это коронный подчашій, ученый Остророгъ, тотчасъ отвѣтилъ ему, что рѣчь идетъ не о сравненіи, часто „одноглазому и хрому“, и этотъ „жартъ“ занесалъ въ своемъ дневникѣ литовскій канцлеръ, обыкновенно чуждый того, что называлъ бы онъ празднословіемъ.

Оставалась уже только педѣля для сеймовапья. Тогда Посольская Изба назначила однихъ депутатовъ для комиссіи Шведской, другихъ— для комиссіи Московской по предмету союза противъ Татаръ, и наконецъ— озаботилась уплатою установленному войску, въ числѣ которыхъ и реестровые козаки уже пять лѣтъ не получали жолду. Дальнѣйшимъ совѣщаніямъ помѣшала жалоба пословъ Мазовецкаго воеводства на воеводу поморскаго, Денгофа, и каштеляна хелминскаго, Горайскаго, совершавшихъ лютеранское богослуженіе въ Варшавѣ во время сейма, на который должна была призываться благодать исключительно бога католическаго. Мазуры выступили съ такимъ „бѣшенствомъ“, что хотѣли отказать въ повиновеніи познанскому бискупу за то, что, какъ онъ, такъ и другіе ксендзы и даже іезуиты не достаточно ревностно обороняли вѣру. Превзошедшіе самихъ учителей ученики ссылались на декретъ мазовецкихъ князей 1525 года, воспрещавшій, подъ смертною казнью, произносить какія-либо проповѣди, кромѣ католическихъ, и повторяли премудрое мнѣніе ломжинскаго старосты,— что людскія кривды Богъ предоставилъ своему суду, но свои собственныя поручилъ намъ. Изъ-за придорожныхъ крестовъ (которые, какъ видимъ, не напрасно ставилъ въ Малороссіи Петръ Могила) едва не былъ сорванъ чрезвычайный сеймъ; наконецъ это важное дѣло удалось отложить до слѣдующаго сейма (а слѣдующій сеймъ 1648 года собрался уже по паденіи *свободной* Польши). Достойны замѣчанія слова заблудовскаго плебана, по свидѣтельству литовскаго канцлера, успокоившія земскихъ пословъ: „Князь Радивилъ—мой благодѣтель, и часто приглашаетъ меня къ своему столу“.

Если засѣданія королевскихъ законодателей поставитъ рядомъ съ государственными думами царскихъ боярѣ и дьяковъ, то можетъ показаться, что здѣсь уметвовали дѣти, а тамъ—зрѣлые мужи. И дѣйствительно, католичество, котораго самымъ выразительнымъ проявленіемъ были іезуиты, направляло все нравственное вліяніе своей церкви на то, чтобы держать и общество, и государство въ дѣтской отъ себя зависимости; а Поляки превзошли всѣ народы въ дѣтской покорности папѣ, и на ней основывали славу свою.

При концѣ сейма, когда и такой вопросъ, какъ запоздавая уплата жолду жолнерамъ и козакамъ, оставался еще нерѣшеннымъ, теченіе совѣщаній прервало прибытіе двухъ коронныхъ гетмановъ: „ибо многіе послы выѣхали имъ навстрѣчу“, говоритъ очевидецъ. Это на- поминать русскому читателю 1589 годъ, когда татарскій набѣгъ увелъ въ неволю множество панскихъ жепъ и дѣтей, а сеймующіе паны прекратили свѣтныя дѣла, и цѣлый день глядѣли на великолѣпный

въѣздъ князя Василя, который прибылъ на сеймъ ради фамилныхъ интересовъ своихъ и привелъ такое войско съ богатымъ обозомъ и артиллеріей, котораго было бы достаточно для устрашенія Татаръ, набѣжавшихъ почти безоружно.

Наконецъ сеймовое время совѣмъ истекло среди волненій и ссоръ изъ-за Божьихъ кривдъ. Посольская Изба не утвердила еще ни одного постановленія, не взирая на просьбы литовскихъ пановъ и канцлеровъ, отъ которыхъ земскіе послы отдѣльвались восклицаніями и неистойными выраженіями, забывая даже о присутствіи короля. Но просьбѣ сенаторовъ, согласились наконецъ на продленіе сейма до 27 мая. Обѣ законодательныя палаты соединились немедленно, и сами „дивились, что сеймъ начинается въ тотъ день, въ который слѣдовало бы ему кончиться“. Но и тутъ былъ поднятъ злополучный вопросъ о господствѣ католиковъ надъ прочими религіантами.

Евангелики выступили противъ него сильнѣе, нежели когда-либо, жалуясь, что всѣ исповѣданія вѣры, кромѣ католическаго, только *терпятся* въ Польшѣ: ибо, по мнѣнію католиковъ, велюнской декретъ противъ иновѣрцевъ можетъ быть осуществленъ во всякое время. Протестанты представляли несправедливости и притѣсненія со стороны католической партіи, а королю припоминали права, конфедераціи и ея присягу. Съ своей стороны бискупы вооружались противъ диссидентовъ, представляя несправедливости и притѣсненія, терпимыя католиками. Оссолинскій былъ умѣреннѣе всѣхъ и говорилъ противъ католиковъ за безчества, которыя они себѣ позволяли, но и онъ не признавалъ за иновѣрцами, кромѣ спокойствія и безопасности, сохраняемыхъ терпимостью, никакихъ правъ, не только равенства. „Въ государственныхъ дѣлахъ“ (говорилъ онъ) „вы равны съ католиками на основаніи конфедераціи, и не имѣете причины жаловаться, ибо занимаете высшія должности паравнѣ съ католиками, но занимаете лишь потому, что вы шляхта, а не потому, что вы разновѣрцы. Ради вашей религіи никто не сталъ бы входить съ вами въ конфедерацію“. Наконецъ король объявилъ, что желаетъ оставить Рѣчь Посполитую въ томъ же положеніи, въ какомъ ее нашелъ, и не видитъ надобности въ новыхъ постановленіяхъ.

На другой день выступили съ своими претензіями наши православники, какъ арріергардъ протестантовъ, которыхъ авангардомъ были аріяне. Здѣсь важную роль играли освободившіяся вакансіи. Въ самомъ началѣ 1647 года умеръ кievскій митрополитъ и печерскій архимандритъ, Истръ Могила. Король, по желанію участвовавшихъ въ сеймованьѣ пановъ православниковъ, въ концѣ сейма, отдалъ кievскую

митрополію Сильвестру Косову, впаче Косу, воспитаннику Петра Могилы, а печерскую архимандрію, Іосифу Тризигъ, происходившему изъ знатной бѣлорусской фамиліи и состоявшему въ родствѣ съ Сомигами. Такъ какъ право „подаванія“ этихъ „духовныхъ хлѣбовъ“ (*Jus patronatus*) принадлежало королю, и напамъ не за чтѣ было съ этой стороны спорить на сеймѣ, то православниковъ нашихъ успокоили обѣщаніемъ права греческой религіи безотлагательно привести въ исполненіе согласно пунктамъ, изложеннымъ на избирательномъ сеймѣ, и съ этою цѣлью назначили тотчасъ изъ сейма комиссаровъ.

Здѣсь я припомню моему читателю, что литовскій кашцлеръ Левъ Сомига, предшественникъ Альбрехта Радивила, еще до витебской трагедіи, пугаль уніятскаго фанатика, Іосафата Кунцевича, петицію, „поданною королю отъ всего Запорожскаго Войска“, говоря, что „козаки ждутъ въ Кіевѣ рѣшенія назначенной по сему предмету комиссіи“. Но козаки оставили безъ вниманія витебскую трагедію, не смотря на то, что изъ-подъ бунчука Сагайдачнаго перешли подъ бунчукъ Ъймайла. Мало того: спустя два года, не могли они въ Медвѣжьихъ Лозахъ, сказать военносудной комиссіи и ея президенту, Концепцольскому, ничего о своемъ вмѣшательствѣ, при Сагайдачномъ, въ дѣла церковной іерархіи, кромѣ того, что объ этомъ „духовные старшіе имѣли переговоры съ коронными властями“. Въ „Пактахъ съ Козаками“ послѣ осады ихъ въ Переяславѣ Концепцольскій упрекалъ ихъ зловредною выдумкой о ломаньѣ греческой вѣры, „которой никто не ломалъ“, но козаки не отвѣтили ему ни слова на этотъ упрекъ. Въ петиціи, которою запасся, ѣдучи на избирательный сеймъ, Петръ Могила, козаки снова фигурируютъ подъ покровомъ панской политики. Ихъ даже научили просить объ участіи въ избраніи короля и о томъ, чтобы „греческая религія была успокоена, и чтобы се не беспокоили уніаты“. Но отвѣтъ имъ отложенъ до другаго времени, а между тѣмъ протестанты, „подъ видомъ“ православниковъ, или, какъ называли ихъ католики, схизматиковъ, представили на сеймѣ свои еретическія требованія и грозили, въ случаѣ отказа, противодѣйствовать предстоящему избранію. Протестанты домогались, чтобы русская митрополія была отдана православникамъ и подчинилась константинопольскому патриарху; чтобы владыки, архимандриты и другіе члены іерархіи были его ставленниками; чтобы уніаты, оставивъ свои мѣста, отдали православнымъ семинаріи, типографіи и иныя мѣста. *) etc. etc.

*) Не любя *братство*, могиланская факція назвала ихъ здѣсь иными мѣстами.

Это дастъ намъ опять, почему на послѣднемъ передъ Польскимъ Разореніемъ сеймѣ 1647 года постарались разъединить православниковъ съ ихъ покровителями, или—другими словами—отдѣлать отъ протестантовъ ихъ арріергардъ. Что касается козацкихъ пословъ на избирательномъ сеймѣ, то, по словамъ литовскаго канцлера, князя Радивила, имъ сдѣлали строгій выговоръ за дерзостную просьбу объ участіи въ избраніи короля, и Сенатъ сурово наказалъ имъ, чтобъ они не смѣли больше говорить о томъ.

Но воцареніи Петра Могучаго на митрополіи, козаки сдѣлались не пугливыми арріергарду протестантскаго движенія противъ католиковъ. Интересовались греческою вѣрою такіе люди, какъ Адамъ Кисель и Лаврентій Древинскій, въ качествѣ представителей оппозиціи католикамъ; но козаки, въ лицѣ своего героя, Сулимы, чествовали папу въ самомъ Римѣ, не чуждались даже перехода въ католичество, а ихъ свирѣпыя бунты противъ пановъ 1637 и 1638 годовъ не представляютъ намъ никакого съ ихъ стороны упоминанія о томъ, чтобы права греческой религіи, взятая Владиславомъ на свою отвѣтственность, были введены въ самую жизнь. Теперь на сеймѣ, непосредственно предшествовавшемъ козакотатарскому нашествію, о козакахъ, какъ православникахъ, не было и помину. Образцомъ возстанія за вѣру творцу этого нашествія могла служить одна Переяславщина, ипаче Тарасовщина.

Сеймовые паны, „дивясь“, что убили все время сеймованья своего въ религіозныхъ тревоженіяхъ, пачали читать свои постановленія „въ неслыханномъ замѣнательствѣ“. Такъ какъ Посольская Изба не утвердила до сихъ поръ ни одного закона, то теперь „все разомъ, совмѣстно съ Сенатомъ, формулировали, писали, разсматривали и рѣшали“... При этомъ разныя фракціи и даже единичные послы подавали свои проекты постановленій маршалу для чтенія, вмѣстѣ съ заявленіемъ, что, въ случаѣ непрочтенія, сеймъ будетъ сорванъ, а ихъ единомышленники вторили угрозѣ пестовыми криками. Было такимъ образомъ прочтено и принято 134 пункта, и большая часть безъ всякой обдуманности, посреди восклицаній, воззваній и протестовъ.

Шляхетскій народъ, въ послѣдній моментъ своей политической пѣлости, показалъ волю и свою государственную и общественную несостоятельность. Благо личной свободы, драгоценнѣйшее изъ благъ жизни, путемъ самоуправства, превратилось у него въ такое зло, которое могла устранить одна диктатура. Первымъ на нее претендентомъ явился король Владиславъ IV, но, по его неспособности, завладѣла диктатурою шляхта. Присвоивъ себѣ верховенство, она явилась

несостоятельности самого короля въ управленіи государствомъ. За отсутствіемъ въ этомъ безглавомъ политическомъ тѣлѣ единомыслія и самопожертвованія, рѣшающая всѣ споры диктатура вскорѣ должна была перейти къ человѣку, который паругался надъ польскимъ раздѣдипешіемъ свирѣпыми словами своихъ вобзарей:

Тимъ и стѣлась по всѣмъ свѣту
 Страшенна козацькая сила,
 Що у вась, панове молодці,
 Була воля и дѣма єдина...

Но возвратимся къ сейму. Среди неописанной суматохи, была подана маршалу Посольской Избы, (которымъ на сей разъ былъ избранъ грабовецкій староста, Сарбѣвскій), состоящее изъ нѣсколькихъ словъ постановленіе „объ удержаніи (на службѣ) квартанаго войска соотвѣтственно *скрипту* 1643 года, подавшему въ архивъ“. Лаконическое постановленіе было прочтано и утверждено безъ оппозиціи, къ великому удовольствію короля и его канцлера, которые послѣ того немного уже заботились о дальнѣйшемъ сеймованьѣ. Однакожъ, канцлеръ воспользовался случаемъ расположить къ себѣ раздраженную споромъ католическую партію. Когда, въ послѣдніе часы сейма, протестанты еще однажды возобновили свои притязанія, надѣясь выпудить у католиковъ равноправіе угрозою сорвать сеймъ, Оссолинскій поднялся съ своего мѣста и, въ тонъ прочимъ ревнителямъ католичества, заговорилъ языкомъ своего наставника, Фердинанда II, и его приверженца, Сигизмунда III:

„Очень удивляетъ меня, что иновѣрцы, обладаемые вполнѣ отеческою деклараціей короля, желаютъ чего-то новаго, готовые упитожить состоявшіяся постановленія ради своихъ претензій. Они думаютъ, видно, что мы больше стоимъ за какую-нибудь привату, нежели за вѣру. Я, не внося на сеймъ никакого приватнаго дѣла, предпочитаю, чтобы погибъ и сеймъ, и оборона отечества не состоялась, чтобы даже королевство и весь міръ пропали, нежели чтобы Богъ и вѣра были оскорблены“.

Пораженные такими словами, присмирѣли протестанты, и потомъ была прочтана декларація воеводства о налогахъ для регулярнаго войска. Наступившая почъ побуждала къ заключенію сейма, когда Оссолинскій внесъ мнѣніе короля объ уплатѣ долга, сдѣланнаго имъ на регулярное войско. Не соглашались на это Польшанское и Русское воеводства, совѣтуя королю требовать возврата своихъ денегъ отъ тѣхъ,

кто убѣдилъ его восвать съ Турціей; и король, опасаясь, чтобъ они не испортили ему всего дѣла, послалъ маршалу Посольской Избы повѣлѣніе—какъ можно скорѣе приступить къ распущенію сейма.

„Постановленіе о квартяномъ войскѣ развязало королю въ извѣстной степени руки. Этими постановленіемъ сеймъ возвратился къ закону 1643 года, который заключался въ слѣдующемъ:

„Опредѣляя средства для общественной безопасности, поданный о томъ *ad archivum*, за подписью примаса и посольскаго маршала, скривить властью нынѣшняго сейма одобряемъ. Наши печатари (канцлеры), подскарбій и гетманы обязаны будутъ поступать согласно съ онымъ скривомъ, который будетъ дѣйствителемъ только до слѣдующаго сейма“.

Общественной безопасности въ настоящее время угрожали Татары вмѣстѣ съ турецкимъ султаномъ, помогавшимся для нихъ дани, которой сословія не постановили давать. Пасколько велика была отсюда опасность, это зависѣло отъ усмотрѣнія короля, короннаго гетмана и сенаторской рады, которая, съ 1 іюля, состояла изъ однихъ королевскихъ приверженцевъ: кіевского бискупа, Станислава изъ Калинова, восводъ—местиславскаго, Николая Абрамовича, мальборскаго, Якова Вейгера, каштеляновъ—камшенцаго, Петра Фирлея, волинскаго, Казимира Ывѣвскаго, и еще двухъ менѣе важныхъ. Съ согласія этой рады, король могъ, на основаніи упомянутаго постановленія, готовиться къ оборонительной войнѣ и, какъ того домогался, перейти къ наступательной.

Ближайшимъ слѣдствіемъ сейма 1647 года была аудіенція, данная 20 іюня ханскому послу, въ тронной залѣ, въ присутствіи сенаторовъ. Переступивъ порогъ залы въ сопровожденіи своихъ товарищей, посолъ будущаго властителя Польши, Исламъ-Гирея, упалъ на колѣни и ударилъ о землю челомъ; потомъ, сидя, представилъ черезъ толмача желанія хана. Отказали въ нихъ рѣшительно, и велѣли послу выхъать безъ всякаго отвѣта на ханскую грамоту. Посолъ просилъ дозволенія поцѣловать королевскую руку; по ему дозволили только коснуться края королевскаго плаща. Поцѣловалъ онъ съ товарищами своими край воролеской одежды, ударивши сперва трижды челомъ о землю; по, вышедъ изъ залы, сказалъ, что эту аудіенцію считаетъ объявленіемъ войны, и грозилъ, что ханъ, съ помощью султана, самъ прійдетъ за гарачемъ въ Варшаву. Ему отвѣчали, что Поляки пріймутъ его, какъ подобаеть, и потому не посылають подарковъ, которыхъ онъ требуетъ.

Трагикомическое явленіе представляла величавая Польша, порывався, пакачуѣ своего паденія, къ обладанію имперіей Палсологовъ. Признаки Польскаго Разоренія, далеко превзошедшаго Московскос, памѣтились тогда уже выразительно. Обыкновенно думаютъ, что если-бы кто-нибудь изъ полповластныхъ паповъ догадался убить „страшнаго человѣка“, Хмельницкаго, передовые въ Евронѣ борцы за подавленіе свободной совѣсти и процѣтаніе свободы личной, Поляки, благоденствовали бы въ своѣй республикѣ донынѣ. Но между козаками, кромѣ Хмельницкаго, были Цари Наливаи, были дивные воины Сагайдачные, были непостижимые въ воинскомъ искусствѣ Гуни. Русскіе таланты, не имѣя простора въ іезуитскомъ государствѣ для его строенія, должны были проявить себя въ дѣятельности разрушительной.... Да и кромѣ козацкихъ буйтуровъ, Польша была полна буйтуровъ папскихъ, все-таки панихъ Русичей, втянутыхъ такъ или иначе въ составъ этого „духовнаго“, ксеццзовскаго государства. Гиганты сильной воли и боевой энергии, они проявляли свое бурное величіе въ борьбѣ съ разрушительнымъ разливомъ русскотатарскаго козачества; но сами были готовы разрушить Польшу изъ-за той дикой свободы, которую Поляки считали верхомъ человѣческаго благополучія, и которую они видѣрили съ одной стороны въ жолнерахъ, съ другой—въ козакахъ.

Это могъ видѣть каждый, у кого были бы глаза, и на послѣднемъ, едва не разстроившемся сеймѣ. По разсказу покойнаго Шайнохи, самаго талантливаго изъ польскихъ историковъ, одно событіе кончившееся на этомъ сеймѣ благополучно,—подобно пролетѣвшей таинственно бурѣ, бросило на польскую будущность такой же кровавый свѣтъ, какъ и глухо ревушая покамѣсть въ отдаленіи буря козацкая, дававшая о себѣ знать переговорами орды дѣйпровской съ ордою крымскою. Въ сравненіи съ этимъ зловѣщимъ эпизодомъ, всѣ перипетіи двухъ послѣднихъ сеймовъ теряютъ свою антигосударственную выразительность, и я перескажу его со словъ Шайнохи, давалъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, предпочтеніе органу тѣхъ, которые заинтересованы въ характеристикѣ событія ближе насъ, Русичей.

Былъ у короля Владислава IV извѣстный любимецъ, Казановскій, связанный съ нимъ тѣсною дружбою съ самаго ранняго возраста. Когда еще при Сигизмундѣ III, была завоевана московская Сѣверія, королевичъ Владиславъ выпросилъ у отца для Казановскаго обширныя дѣбра, называвшіяся Ромпомъ. Лѣтъ пятнадцать пользовался Казановскій спокойно королевскимъ пощалованіемъ; но въ эти годы возмущалъ князь Іеремія Вишневецкій, и предъявлялъ старинное право свое на роменскія дѣбра, опиравшееся на такія данныя, что на нихъ во время

оно не обратили никакого вниманія. Вишневецкій былъ уже славнымъ воиномъ. Въ битвахъ съ козаками на Сулѣ и Старцѣ въ 1638 году онъ былъ правой рукою Николая Потоцкаго, а въ пораженіи Татаръ подъ Охматовымъ помогъ Станиславу Копеципольскому настолько, насколько Сагайдачный Ходковичу—подъ Москвою. Слава означала въ Шляхетскомъ народѣ силу, и славный воинъ повелѣлъ своимъ слугамъ занять Роменъ. Способъ, къ какому прибѣгнулъ князь Вишневецкій для овладѣнія королевскимъ пожалованіемъ, могъ выработаться только въ Польшѣ, которой паны унаслѣдовали кулачное право нашихъ удѣльныхъ князей.

Въ одинъ прекрасный мѣсяцъ (разсказываетъ Шайпоха), лѣтомъ 1644 года, къ „губернатору“ роменскихъ добръ явился, въ видѣ гостя, пріятель, принадлежавшій къ партіи Вишневецкаго. Паны губернаторъ угощаль его ужиномъ, къ которому, по счастливой случайности, подоспѣлъ другой, третій, четвертый гость, все старые знакомые губернатора. Но когда встали изъ-за стола, гости просятъ пана губернатора *остаться ночевать у нихъ*, и въ то же самое время столовую наполнили княжескіе жолнеры. Многочисленной дружинѣ непрощенныхъ гостей мудрено было дать отпоръ, и губернаторъ считаль себя еще счастливымъ, что и импровизировавшіе обладатели замка выпустили его за ворота живымъ и здоровымъ. Ему былъ данъ торжественный наказъ—объявить своему пану, что князь Іеремія Вишневецкій занялъ Роменъ по праву наслѣдства.

Весь королевскій дворъ пришелъ въ волненіе отъ самоуправства пограничнаго магната. Вся Польша наполнилась разсказами о сеймовыхъ замѣшательствахъ по поводу вражды королевскаго любимца съ великимъ воиномъ. Съ 1644 года не переставала эта вражда занимать законодательную власть и обнаруживать ничтожество власти исполнительной. Вишневецкій былъ объявленъ бапитомъ, по, какъ ни въ чемъ не бывало, появлялся въ Варшавѣ и даже въ королевскомъ дворцѣ. Король только тѣмъ и могъ явить свое неудовольствіе, что не захотѣлъ съ нимъ видѣться. Дѣло въ томъ, что если одна половина Польши стояла за королевское пожалованіе, то другая рукоплескала презрѣнію воинственнаго магната къ власти закона. Это засвидѣтельствовали провинціальныя сеймики, заговорившіе въ пользу Вишневецкаго, лишь только разослалъ онъ по всему государству письма. Наконецъ король, съ большимъ трудомъ, примирилъ враговъ, присудивъ Роменъ Вишневецкому, съ тѣмъ чтобы онъ уплатилъ Казановскому 100.000 злотыхъ. Это было сдѣлано въ силу рѣшенія луцкаго сеймика, который далъ строгій наказъ посламъ своимъ, „чтобы лучше рвался сеймъ,

нежели чтобы Вишневецкаго удалили какимъ-либо декретомъ отъ владѣнія роменскими добрами, отпятими у Казановскаго“.

„Но тогдашнему воззрѣнію на вещи“ (говорить Шайпоха) „такая мировая сдѣлка была самымъ постыднымъ заключеніемъ процесса: ибо въ подобныхъ случаяхъ магнаты ратовали не столько за самыя добра, сколько за то, чтобы устоять на своемъ. Затѣявъ разъ что бы то ни было, надобно было упорствовать до конца, не обращая вниманія на всяческій оттуда опасности для себя и *хоть бы даже для государства...* Казановскій за мировую съ Вишневецкимъ взялъ деньги, а такой торгъ за претензію, за пунктъ чести, подрывалъ его панскую репутацію у шляхты. Самъ король, послѣ ихъ мировой, перешелъ на сторону Вишневецкаго, какъ это извѣстно изъ дневника литовскаго канцлера. „Взявши 100.000 злотыхъ“ (пишетъ канцлеръ) „Казановскій подвергся презрѣнію короля и другихъ... Умѣетъ Вишневецкій побѣждать и враговъ отечества, и своихъ собственныхъ““.

„Однакожь (замѣчаетъ краснорѣчивый историкъ) отъ такихъ домашнихъ побѣдъ дрожали стѣны дома“, и о такомъ дрожаніи испрочно построенаго государства рассказывать еще болѣе многозначительный примѣръ магнатскаго гайдамачества со стороны того же Вишневецкаго.

Черезъ годъ по захватѣ Ромпа у Казановскаго, захватили князь Вишневецкій у своего швагера, короннаго хорунжаго Александра Конопольскаго, добра гадяческія. Панъ хорунжій позвалъ пана воеводу на сеймовой судъ 1646 года; но Вишневецкій уклонился отъ суда подъ предлогомъ болѣзни. Въ 1647 году коронный хорунжій готовъ былъ сорвать сеймъ, если князь не присягнетъ, что дѣйствительно въ прошломъ году былъ боленъ; а читатель помнитъ, что оба магната прибыли судиться съ желѣзными доказательствами. Литовскій канцлеръ выразился объ этомъ лаконически, какъ о дѣлѣ, не поражавшемъ тогдашняго Поляка: „5 мая прибыли въ Варшаву воевода русскій и коронный хорунжій, которыхъ ассистенція заключала въ себѣ 5.000, ради неприязни ихъ между собою“.

Присягнуть по требованію швагера для магната, не знавшаго никакого принужденія, было такимъ униженіемъ, что послѣ того оставалось только убить соперника среди Сенаторской Избы, на что Вишневецкій и рѣшился.

„Узнавъ объ этомъ требованіи“ (записать въ своемъ дневникѣ дворянинъ Вишневецкаго, Машкевичъ, и польскій историкъ не пашелъ въ его показаніи ничего невѣроятнаго), „князь всячески старался уклониться отъ присяги (*ksiązce zabiegał różno, żeby nie przysięgał*), одна-

кожъ, по причинѣ упорства папа хорунжаго, не могъ склонить его къ этому. Но сохрани Господи Боже! была бы бездна зла изъ-за этой присяги. Ибо съ вечера, передъ судомъ, князь Вишневецкій, собравши всѣхъ слугъ, которыхъ было чимъ до 4.000, собравши всѣхъ, кромѣ пѣхоты да мелкаго народа, сказалъ всѣмъ рѣчь и просилъ, чтобы всѣ стояли за него и смотрѣли на его починъ, а потомъ кончили, что опъ начнется. Ибо объявилъ то, что, если присягну, то, вставши, тотчасъ ударю саблею хорунжаго и буду сѣчь всѣхъ, кто бы за него стоялъ, *хотя бы и самого короля*, а вы всѣ до единаго, дворные слуги и молодежь, протѣснитесь въ Сенаторскую Избу и меня поддержите. И было бы все это, еслибы присягнулъ. Но самъ король Владиславъ IV съ папами сенаторами постарались, чтобы хорунжій не настаивалъ на присягѣ“.

„Яко актъ доброй воли“ (замѣчаетъ Шайпоха), „эта уступка не вредила въ общественномъ мнѣніи Конецпольскому“.

Литовскій канцлеръ, въ своемъ дневникѣ докапчиваетъ характеристику обоимъ соперникамъ. Русскій восвода овладѣлъ Гадячемъ за то, что коронный хорунжій присвоилъ себѣ Хороль, который прежде принадлежалъ къ добрамъ князя Вишневецкаго, но сеймовымъ декретомъ обращенъ въ королевщину. Не смотря на готовность Вишневецкаго къ услыханному покушенію, въ возможности котораго никто не сомнѣвался, король настолько цѣнилъ и боялся бывшаго бапита, что пазпачилъ во дворцѣ домашнія засѣданія сенаторовъ, расположенныхъ въ одному и другому сопернику. Послѣ многократныхъ сходовъ, насилу согласили ихъ къ тому, чтобы князь отдалъ гадяческія добра хорунжему, а хорунжій уплатилъ князю за хорольскія добра 100.000 злотыхъ. „О примиреніи ихъ“ (пишетъ литовскій канцлеръ) „долго мы хлопотали и насилу обоимъ уговорили поблагодарить короля за интерпозицію своего достоинства. Итакъ, взаимно объявшись, не знаю, искренно ли, разстались они: ибо хорунжій сказалъ мнѣ: „Что пользы въ этомъ мирѣ, который скоро *затыласть еще большею враждою?* И потомъ, не побесѣдовавъ, оба выѣхали изъ Варшавы“.

Оставалось уже только двѣнадцать мѣсяцевъ до кроваваго мая 1648 года, въ которомъ враждующіе папы должны были мириться для того, чтобы отстаивать свою колонизацію противъ собственныхъ подданныхъ.

Глава XIV.

Пророчество о гибели Польши отъ унив.—Вопросъ церковный и вопросъ козацкій.—Вершитель козацкихъ бунтовъ.—Свиданіе короля-демагога съ козакомъ-демагогомъ.—Надежда на возстаніе Болгаріи.—Козако-татарскій союзъ противъ Рѣчи Посполитой.—Козацкія досады на украинскую шляхту.—Пограничныя сношенія Польши съ Москвою.—Панское войско идетъ противъ козацкаго.

Оба заговорщика противъ „свободнаго королевства, населеннаго доблестными Поляками въ открытыхъ поляхъ и окруженнаго только стѣпною любви и единодушнаго между сословіями довѣрія“; оба казуиста, пользовавшіеся для своихъ личныхъ цѣлей неурядицей олигархической республики и ея неспособностью къ государственности; оба великіе мужа, которые могли бы спасти свою польскую отчизну, даже и закалупѣ уготованной ею себѣ гибели, еслибъ не были эгоистами и трусами,—рѣшились отыинѣ дѣйствовать подъ покровомъ глубокой тайны, и потому осталось весьма мало письменныхъ слѣдовъ отъ ихъ послѣдней игры въ политику.

Покровъ глубокой тайны лежалъ и на козацкихъ дѣлахъ того времени. Въ качествѣ преданныхъ королю подданныхъ, козаки сдѣлались наконецъ главнымъ орудіемъ для принужденія Королевской Республики къ Турецкой войнѣ. Какъ много значили они теперь у короля, видно изъ одного того, что для сношеній съ ними послалъ онъ такого человѣка, котораго никто не могъ бы замѣтить ни въ Лондонѣ, ни въ Римѣ, ни въ Венеціи и Вѣнѣ.

Но съ козаками, кромѣ воспанаго ремесла ихъ, соединялся у Поляковъ погубительный для олигархіи церковный вопросъ. Возникъ этотъ вопросъ, какъ надобно думать, въ умахъ московскихъ собирателей Русской Земли, и обнаружился въ Кіевѣ внезапнымъ возстановленіемъ православной митрополіи чрезъ посредство Сагайдачнаго. Теперь онъ опирался уже не на такихъ людей, какими были творцы „Совѣтованія о Благочестіи“, а на такихъ, какимъ явился Петръ Могила съ его

питомцами и крестурами; только Малороссія наша не была успокоена съ религіозной стороны митрополитомъ, созданнымъ родственниками магнатами. Монашескіе вопли о „наступленіи Ляховъ на христіянскую вѣру“ подхватывали злоселатели „нащовъ Ляховъ“, запорожскіе крамольники, питомцы цѣлаго ряда козако-панскихъ усобицъ, и вмѣстѣ съ бѣгавшими къ нимъ банитами да нифамисами, усердно ширили эти вопли въ козацкихъ кошахъ, куда не имѣли ходу ни попы, ни чернецы. Огласивъ Малороссію при „яровитомъ католикѣ“, монашескія жалобы не переставали раздаваться и при томъ королѣ, котораго латышскіе клерикалы заподозривали въ покровительствѣ всѣмъ ересямъ.

Одинъ изъ „юродивыхъ ради Христа“ игуменовъ, Аонасій Филиповичъ, видѣлъ погибель Польши не въ „козацкихъ войнахъ“, которыя онъ, подобно многимъ такимъ, какъ онъ, энтузіастамъ, приписывалъ введенію униі, а въ самой униі, потворствуемой, по его словамъ, даже православною іерархією. Строгий аскетъ, безсребряникъ и вѣрный богомолецъ, Филиповичъ вообразилъ себя пророкомъ, посланнымъ отъ Бога предостеречь короля Владислава отъ страшной участи, которая должна постигнуть народъ его. Не допускаемый къ королю не только свѣтскими панами, но и собственными духовными „старшими“, Филиповичъ занялъ свое пророчество въ зеленый атласъ и бросилъ Владиславу въ карету. Дерзновеніе свое оправдывалъ онъ словами, которыя даютъ намъ понять, что въ православномъ духовенствѣ произошло, при Петрѣ Могилѣ, такое же дѣленіе, какое при князѣ Василии постигло православниковъ пановъ, то есть, что духовные верховники послали на себѣ уже только образъ древняго русскаго благочестія, духа же его отверглись.

„Нѣкоторые“ (писалъ Филиповичъ) „обращаются ко мнѣ, убогому чловѣку, такъ: Почему ваши владыки и старшіе отцы не домогаются того, чего требуешь *одинъ ты*, ничтожный?... Такъ, правда! Но не моя вина, что меня всемогущій Богъ назначилъ и послалъ къ вашей королевской милости съ объявленіемъ святой воли Божь, подобно тому, какъ убогій чловѣкъ Павланъ былъ посланъ къ царю Давиду“, и т. д.

Это было еще въ 1645 году. Юродиваго игумена, за сего безумное, какъ тогда казалось, предсказаніе, держали по нѣскольку недѣль въ тюрьмѣ. Но онъ вырывался изъ-подъ надзора тюремщиковъ, бѣгалъ (по собственному разсказу) выпачкавшись въ грязной лужѣ нагой, въ одномъ клобукѣ и монашескомъ парамантѣ, по Варшавѣ и кричалъ: „Горе проклятымъ и невѣрнымъ (Vae maledictis et infidelibus)“! По королевскому распоряженію, Филиповича отправили въ Кіевъ къ

Петру Могилю, а Могила помѣстилъ его въ отдаленномъ отъ Украины Берестовскомъ монастырѣ, то есть возвратилъ въ ту самую Литовскую Брестъ, откуда и распространилось волненіе между православнымъ духовенствомъ посредствомъ „сиподовъ“ и объявленія церковной уніи *).

Напрасны были всѣ старанія правительства успокоить эти волненія: причины ихъ таились въ „дѣлахъ давно минувшихъ дней“. И потачки архіереямъ, посвященнымъ іерусалимскимъ патріархомъ въ виду ставленниковъ римскаго папы, ни признаніе ихъ законности въ лицѣ Петра Могилы, ничто не перемѣнило вкоренившагося въ народной массѣ убѣжденія, что паны о томъ только и думаютъ, какъ бы „христіанскую вѣру перемѣнить на римскую“. Правительство, озабоченное денежными затрудненіями своими и борьбою шляхетскихъ партій, не удостоивало даже прислушиваться къ толкамъ русскаго простонародія, руководимаго своимъ убогимъ и озлобленнымъ духовенствомъ; а между тѣмъ эти толки смѣшивались въ темныхъ умахъ съ козацкими вымыслами о поголовномъ истребленіи короннымъ войскомъ такихъ мѣстечекъ, какъ Лысянка, объ избіеніи панами жолперами встрѣчавшейся на походѣ Руси единственно за то, что она *Русь*, о предположеніи вырѣзать все православное населеніе Украины вплоть до московскаго рубежа и тому подобныхъ ужасахъ. Двѣ пропаганды, исходя изъ разныхъ источниковъ и побужденій, приводили украинскую городскую и сельскую чернь къ ненависти и, можно сказать, освящали въ сея сердца ненависть къ тѣмъ, кого называла она *Ляхами*, въ отличіе отъ тѣхъ, кого разумѣла она подъ именемъ *Руси*. Недоставало только случая къ широкому бунту. Этотъ случай готовилъ король съ премудрымъ своимъ канцлеромъ.

Неожиданно скончался митрополитъ, съ помощью котораго Владиславъ надѣялся оторвать схизматиковъ отъ константинопольскаго патріарха, дабы потомъ привести ихъ къ такой уніи, которая была бы прочтѣе устроенной Сигизмундомъ въ Брестѣ. Ревностные католики не любили Петра Могилы. Имъ не было дѣла до его важнаго, въ историческомъ смыслѣ, для насъ, какъ и въ князѣ Острожскомъ, единенія съ римскою церковью путемъ науки, общежитія, родства и національности. Еще больше не любили Петра Могилы уніаты, у которыхъ отнялъ онъ вдругъ столько хлѣбовъ духовныхъ. Но съ Замой-

*) Въ Московской Патріаршей бібліотекѣ хранятся записки Филиновича, ожидающія изданія.

скими, Потоцкими, протестантами Радивилами и окатоличившимися Вишневецкими онъ былъ связанъ родствомъ и наслѣдственною *завязанностью*. Это и было причиною, что никто, а всего меньше самъ онъ, не безынокиль сеймовъ напоминаясь о козакахъ, изъ которыхъ Кягели да Древницкіе, заодно съ протестантами, дѣлали „опекуновъ греческой Церкви“ въ Малороссіи, страдая своихъ религіозныхъ противниковъ изчужа, какъ стращаль и Соніга Кунцевича. Смерть законпаго, хоть и „схизматическаго“, кіевского митрополита заставила короля, въ началѣ 1647 года, съ согласія пуція, назначить съѣздъ въ Вильнѣ, съ цѣлью компромисса между „схизматиками“ и уніятами.

Малорусскій панъ Іоакимъ Ерличъ, владѣлецъ лежащаго не вдалекѣ отъ Кіева мѣстечка Ходоркова *), былъ одинъ изъ тѣхъ представителей православнаго движенія, которые, съ благими намѣреніями, содѣйствовали, какъ и Петръ Могіла, ополяченію Малороссіи. Ерличъ участвовалъ въ сеймованіѣ 1647 года, и ему надворный маршалъ, Казановскій, подарилъ коню состоявшагося въ Вильнѣ компромисса. Въ своихъ воспоминаніяхъ, писанныхъ попольски, подъ названіемъ *Latorisic*, онъ говоритъ слѣдующее:

„Средство для общаго умиротворенія, предложенное съѣздомъ въ Вильнѣ, состояло въ томъ, чтобы никто изъ Руси греческаго обряда не произносилъ символа вѣры съ прибавкою *и отъ сына* исходящаго Духа Святаго; чтобы никто изъ Руси не порицалъ и не упрекалъ латинниковъ ересью за прибавку *и отъ Сына*; чтобы каждый греческаго исповѣданія Русинъ говорилъ, что Святыи Духъ есть Духъ Отца и исходитъ черезъ Сына, и никто изъ латинниковъ не упрекалъ бы его за то въ ереси; чтобы все въ Руси греческаго исповѣданія вѣровали въ третье мѣсто, въ которомъ души задерживаются для покаянія, или для разрѣшенія, и нуждаются въ молитвахъ вѣрныхъ, по никто не долженъ вѣровать, что въ томъ третьемъ мѣстѣ есть огонь, а можетъ разумѣть огонь не огнемъ. Вся Русь греческаго обряда, находящаяся въ подданствѣ у короля, должны быть подъ властію патріарха константинопольскаго, по съ условіемъ,—что патріархъ будетъ вѣровать, какъ написано выше; что патріархъ будетъ вѣрнымъ, то есть христіяниномъ; что будетъ посвященъ по правиламъ и будетъ избранъ одинъ; что послѣ своего посвященія пошлетъ къ польскому королю, къ митрополиту и епископамъ русскимъ, и объявить, что такъ

*) Въ наше время это мѣстечко принадлежало Константину Свиданскому, которому историографія обязана, между прочимъ, и сохраненіемъ лѣтописи Ерлича, требующей болѣе полнаго и точнаго изданія.

вѣруетъ, какъ написано выше. Тогда только вся Русь греческаго обряда будетъ ему послушна, а всѣ другіе пункты вѣры, церемоніи, обряды, согласно обычаю восточной церкви, должны сохранить ненарушимо, безъ всякихъ новыхъ выдумокъ“.

Каждому изъ насъ, православныхъ, ясно, что этотъ компромиссъ былъ тѣмъ же отлученіемъ папства отъ константинопольскаго патріарха, которое хотѣли сдѣлать посредствомъ патріархата малорусскаго. Теперь король намѣревался, все съ той же цѣлью, испросить у константинопольскаго патріарха согласіе на учрежденіе въ Польшѣ епархіата для Русиновъ. Всегда зловорное для Польши внушеніе папскаго цупція, или папскихъ духовъ тѣмъ—іезуитовъ, обнаружилось при этомъ въ намѣреніи избрать епархіарха схизматикамъ вмѣстѣ съ униатами, или же, чтобы его назначалъ самъ король, а *сакру* долженъ былъ онъ получать явно—или отъ мѣтнаго клира, или (какъ этого желали униаты) отъ константинопольскаго патріарха, а потомъ „другую сакру, преподанную папою, отъ короля, хотя бъ и тайно, ради спокойствія совѣсти“.

Эти пункты были предложены на сеймѣ русской шляхтѣ (о минныхъ опекунахъ греческой церкви въ Малороссіи никто не думалъ, не думалъ даже и король, нуждавшійся въ козакахъ) и выбранному его *електу*, Сильвестру Косову, котораго король, въ концѣ сейма, наименовалъ кіевскимъ митрополитомъ. На томъ же сеймѣ состоялось постановленіе, въ которомъ король обѣщалъ дизунитамъ привести въ исполненіе всѣ права греческой религіи, и съ этой цѣлью назначилъ изъ сейма комиссію, которая должна была притязанія схизматиковъ рассмотреть на мѣстѣ.

И вотъ коронный канцлеръ выѣхалъ въ Украину, чтобы склонить на мѣстѣ малорусскую шляхту греческой вѣры къ принятію виленскихъ пунктовъ, чтобы облегчить и проложить дорогу комиссіи, выбранной сеймомъ, съ цѣлью введенія въ жизнь признанныхъ за дизунитами правъ, и, наконецъ, чтобы изслѣдовать на мѣстѣ несправедливости, какія они терпѣли.

Королевскій дворянинъ Освѣцимъ, великій поклонникъ Оссолинскаго, вспоминаетъ объ этой миссіи канцлера такъ:

„Въ августѣ 1647 года коронный канцлеръ выѣхалъ изъ Варшавы въ задуманную давно дорогу на Задѣвиріе, въ Батуригъ, Копотонъ и другіи находящіеся тамъ свои маестности, которыя онъ держалъ лучшимъ правомъ. Тайная же цѣль этой поѣздки была вотъ какаѣ. Такъ какъ королю его милости не удалось въ прежніе годы присоединить къ своей церкви всѣхъ еретиковъ, то онъ возжелалъ

присоединить обратно къ римской церкви греческую вѣру, которую такъ давно схизма отъ нея оторвала, съ намѣреніемъ при этомъ случаѣ вмѣстѣ присоединить дзулштовъ къ уни и прервать оную козацкую лигу съ Татарами. Когда у него въ переговорахъ съ нѣкоторыми панами русскихъ краевъ и даже съ митрополитомъ кіевскимъ явилась великая и вѣроятная надежда, упомянутый канцлеръ, желая привести это какъ можно скорѣе въ исполненіе, изобрѣлъ себѣ предлогъ осмотрѣть заднѣпровскія свои маѣности, дабы, подъ этимъ предлогомъ, тѣмъ скорѣе съ ними переговорить и предложить способы (media) для удовлетворенія обѣихъ сторонъ, споеся съ кіевскимъ митрополитомъ, съ Адамомъ Киселемъ и Максимиліаномъ Бжозовскимъ,—которому обѣщала кіевскую каштелянію, *) дабы его тѣмъ болѣе заохотить и на свою сторону привлечь,—яко съ старшими главами греческой религіи. Въ чемъ они не только великую—дай Богъ согласіе—надежду, но назначили и время для публичнаго трактата на день 16 (6) іюля будущаго (1648) года. И хотя это держали въ великомъ секретѣ, но, такъ какъ всѣ дѣла наша канцлера—хотя-бы были и самыя святія—возбуждаютъ къ нему немадую зависть, то и эта заднѣпровская поѣздка возбудила между шляхтою разныя противъ него подозрѣнія“.

„Великій секретъ“ не позволилъ Оссолинскому быть лично въ Кіевѣ и другихъ близкихъ къ нему мѣстахъ. Операціоннымъ базисомъ тайныхъ сношеній служилъ канцлеру Батуригъ, въ которомъ памятникомъ его пребыванія осталась данная имъ Крупецкому монастырю грамота. Черезъ полстолѣтія съ небольшимъ, отсюда велъ такія же покрытыя глубокою тайною сношенія Мазепа. Приѣзжавшіе къ нему іезуиты останавливались въ 30 верстахъ отъ Батурина, въ селѣ Олеховѣ. Можетъ быть, такъ поступали и агенты пресмыка Могилы, продавая нашу отеческую церковь панистамъ.

Каголическія же подозрѣнія, о которыхъ говоритъ Освѣцимъ касались другаго дѣла, которое обработалъ Оссолинскій, прикрываясь дѣлами экономическими, а, можетъ быть, и церковными. Его въ послѣдствіи обвиняли, что *главною* цѣлью поѣздки его въ Украину были договоры съ козаками. Враги упрескали его за это въ измѣнѣ государству, дѣлали его отвѣтственнымъ за бунты, поднятыя Хмельницкимъ, и за всѣ несчастія, постигшія Рѣчь Посполитую въ послѣдніе

*) А Киселя той же дорогой прочли изъ кіевской каштеляніи на брацлавское воеводство.

годы. Пріятель не былъ въ состояніи оборонять его и освободить отъ упресковъ и подозрѣній, которые, въ страшиномъ раздраженіи общества, разрослись до того, что ихъ повторяли наконецъ и люди безпристрастные. Даже украинскіе землевладѣльцы, которымъ легче было *пропозлати*, чѣмъ дѣлать въ Украинѣ королевскій наперсникъ, считали его виновникомъ Польской Руины. Спасаясь въ Печерскомъ монастырѣ отъ разгнѣ Хмельничины, прибѣжавшій туда изъ Ходоркова пѣшкомъ Ерлицъ писалъ въ своихъ воспоминаціяхъ: „Что сдѣлалось въ Польской Коронѣ отъ хлостства, то все черезъ короля и гнуснаго измѣною канцлера, челоуѣка безбожнаго, — эта распря и гибель Польской Короны и столь великое кровопролитіе, поруганіе и посмѣяніе отъ иноземныхъ сосѣдей, что собственные ханы и подданные завоевали насъ и обратили въ ничто“.

Про канцлера говорили публично, что по его внушеніямъ король, съ помощью козаковъ, хотѣлъ отнять у шляхты свободу и ввести монархизмъ наследственный. Между обвинителями короля и его совѣтника были и такіе, которые утверждали, что король дозволялъ козакамъ увеличить число ихъ войска для того, чтобы, въ случаѣ несогласія сейма на Турецкую войну, казаки не послушались королевскаго повелѣнія прекратить набѣги на Турокъ и Татаръ. Король выступилъ бы въ походъ подъ предлогомъ ихъ усмиренія, вошелъ бы съ ними въ переговоры и склонилъ бы ихъ къ повиновенію позволеніемъ воевать съ мусульманами. Козаки сдѣлались бы тогда авангардомъ королевскаго войска, которое Владиславъ повелъ бы въ Турцію съ преданными ему панами, не заботясь о меньшинствѣ противниковъ Турецкой войны. А современный французскій посолъ рассказывалъ своему соотечественнику, Петру Шевалье, въ Варшавѣ слѣдующее:

„Ходили слухи, по мнѣнію нѣкоторыхъ, весьма правдоподобные, что король, желая еще однажды поднять давнишній замыселъ похода на Татаръ, вошелъ въ соглашеніе съ Хмельниками, и что Хмельничкой дѣйствовала по его волѣ и повелѣнію, пачиная бунтъ съ тою цѣлью, чтобы доставить королю поводъ къ набору войска противъ козаковъ. Войдя въ Украину, намѣревался онъ присоединить козаковъ къ своему войску, которое, будучи предводимо иностранцами, или приверженцами короля, не заботилось бы о волѣ и повелѣніи Рѣчи Посполитой, а пошло бы съ королемъ въ Крымъ и потомъ противъ Турокъ, чѣмъ неизбѣжно привело бы къ наступательной войнѣ. Между тѣмъ Хмельничкой, видя, что письма, которыя послалъ онъ съ жалобой о козацкихъ и своихъ собственныхъ обидахъ, при всей покорности, съ которой были писаны, не имѣли никакого послѣдствія, нагрѣ-

тивъ, коронный гетманъ готовился противъ него,—пересталъ довѣрять собственнымъ силамъ, и призвалъ на помощь Татаръ, которые зимовали въ Дикихъ Поляхъ и ждали удобнаго случая, чтобы распушить по Украинѣ загонныя“.

Сколько правды, преувеличеній и прибавокъ во всѣхъ этихъ толкахъ, мудрепо сказать, не имѣя письменныхъ свидѣтельствъ о дѣятельности Оссолинскаго въ Украинѣ и зная, какъ онъ умѣлъ себя маскировать еще въ положеніи путешествующаго школьника. Несомнѣнно одно—что Оссолинскій договаривался съ козаками. Въ этомъ убѣждаютъ историка не только достовѣрные свидѣтельства, но и самая необходимость договора, указанная обстоятельствами.

Десять лѣтъ уже, такъ называемая, козацкая Украина была въ глухомъ, но постоянномъ бунтѣ. Хотя такіе люди, какъ Дмитрій Гуля, отчаялись въ возможности соединить еще однажды разсѣянную козацкую орду и призвать къ ней на помощь орду татарскую, но наслѣдственная привычка многихъ десятковъ тысячъ людей питаться „козацкимъ хлѣбомъ“ могла быть подавлена—и то нескоро—привычкою къ трудовому хлѣбу только подъ рукою такихъ великихъ хозяевъ, какими были московскіе собиратели Русской Земли. Кромѣ того, въ Королевской Республикѣ доступъ къ дигнитарствамъ, соединеннымъ всегда съ обильнымъ кормленіемъ, имѣли только шляхтичи-землевладѣльцы; люди же, тѣсняемые можновладниками и заѣдателями нияхетскаго имущества—ксендзами да католическими монахами,—по утратѣ земельной собственности, обращались къ исканію хлѣба козацкаго. У насъ въ Россіи не только высшая и низшая старшина козацкая вошла въ составъ привилегированнаго сословія, но даже два сына козалецкой козацки Розумихи, очутивъ, царскою волею, на высшихъ мѣстахъ, какъ и нѣкоторые простолюдины великорусскіе, были приняты древними саювитыми барами въ родство и дружбу. Въ Польшѣ, какъ мы видѣли, знатная шляхта не хотѣла забыть, что музыкантъ и поэтъ Фантони—итальянскій мужичокъ, не смотря на то, что король едѣлалъ его своимъ секретаремъ, а церковь католическая возвела въ каноники. Тамъ даже такихъ дѣятелей, какъ Жовковскій и Конециольскій, папы, наслѣдовавшіе „великія имена“, называли людьми мелкими. Слѣдствіемъ „столь хорошо обдуманнаго государства“ было то, что 40.000 козаковъ Сагайдачнаго, этотъ „розовый вѣпокъ“ на головахъ побѣдителей турецкаго Ксеркса, были заперты въ тѣсномъ пространствѣ чигиринскаго, корсунскаго и черкаскаго староствъ, и не только не входили въ составъ государственныхъ сословій, какъ и торговые классы, но, за исключеніемъ 6.000 ресстронковъ, считались на-

скими, или, что все равно, старостинскими подданными. Каковы бы ни были козаки по своему разбойно-воровскому быту, по государство, обязавшее ихъ столько времени славою побѣдъ и завоеваній, должно было бы позаботиться о нихъ по крайней мѣрѣ настолько, чтобы они, въ дикомъ отчужденіи своемъ, не терзали, какъ выражались паны, „внутренностей“ этого государства. Въмѣсто того, имъ вѣчно не доплачивали скуднаго жолду; вмѣсто того, Польша обрекала на тѣсноту и убожество, даже тѣхъ реестровиковъ, воспитанныхъ въ школахъ Конаневича, Сагайдачнаго, которые были способны орудовать цѣлыми арміями и, какъ Дмитрій Гуля, совершали почти невѣроятные подвиги военнаго искусства. Въ наше время говорятъ это сами Поляки: намъ остается только повторять ихъ признанія.

Пизойдя, волею законодательной шляхты, до уровня пренебрегаемыхъ украинскими *мытарями* „хлѣборобовъ“ и „гречкосѣевъ“, *козаки Сагайдачнаго* (такъ величали ихъ и по смерти великаго наѣздника) вліяли на своихъ товарищей по убогому ничтожеству столь же вредоносно для „доблестныхъ Поляковъ“ Оссолинскаго, какъ и паны голодные паны да монахи, въ виду пожирателей русскихъ духовныхъ хлѣбовъ. Это было тѣмъ опаснѣе для Королевской Республики, что и между палскими мужиками было множество воиновъ, которыхъ руками паны „граничили“ между собою, оборонялись отъ Крымскихъ и Бужацкихъ Татаръ и, сверхъ того, хаживали съ ними помогать Баторію, Сигизмунду и Владиславу въ ихъ прославляющихъ походахъ. Этими способомъ интересы козачины мало-по-малу сдѣлались интересами громадной массы украинскаго населенія, и въ виду такъ называемаго народа Шляхетскаго явился даже въ лѣтописяхъ и документахъ столь же псеобразно называемый народъ Козацкій.

Очевидно, что Украина, при такомъ положеніи общественныхъ дѣлъ, находилась въ постоянномъ, нѣмомъ покаянствѣ, заговорѣ противъ государства, которому принадлежала, и которому была обязана цѣлующею колонизаціей своихъ пустынь; а такъ какъ Рѣчь Посполитая успокоить козаковъ не хотѣла и, по своей тройственности, не могла, то взрывъ повсемѣтнаго бунта былъ только дѣломъ времени.

Гетманъ Конецпольскій держалъ козачество въ желѣзныхъ, по, по отношенію къ реестровикамъ, справедливыхъ рукахъ, и заставлялъ его быть послушнымъ. Будучи доблестнымъ воиномъ, онъ умѣлъ цѣнить, какъ мы видѣли, воинственныя доблести козаковъ даже и въ то время, когда усмирялъ ихъ бунты. Онъ ихъ оборонялъ и отъ ихъ собственныхъ демагоговъ, по пылнѣшему кулаковъ, и отъ палыхъ въ

пользовалии своими правами шляхтичей. *) Онъ ихъ награждалъ и землею и другими „подарками на саблю“... „Но, зная ненадежную вѣрность ихъ“ (привожу слова Освѣцима, служившаго въ званіи маршалка гетманскаго двора), „зная ихъ завзятую злость и обычную готовность къ бунту, старательно паблюдалъ за ихъ дѣлами и частными поступками, дабы заблаговременно предупредить возможность событія. И, хотя они, чуя надъ собою бдигельную стражу, поступали весьма осторожно въ своихъ замыслахъ, однакожь не могли уберечься, чтобы ему не были извѣстны сокровѣннѣйшія дѣла ихъ черезъ посредство шпионовъ, размѣщенныхъ въ самой средѣ ихъ. Этимъ способомъ узналъ гетманъ, что козаки, желая вырваться изъ-подъ своего ярма, и не смѣя рвануться собственными силами, наученные давнишними поражениями, начали трактовать съ Татарами о союзѣ, обѣщая поддаться имъ, лишь бы Татары искренно имъ помогали восвать Ляховъ“.

Съ цѣлью разорвать этотъ союзъ, коронный гетманъ паходилъ возможнымъ дозволить козакамъ идти на море, совѣтовалъ королю войну съ Татарами и завоеваніе Крыма.

Король сохранялъ въ тайнѣ извѣстіе Конецпольскаго о козацкомъ замыслѣ, созная себя, въ свою очередь, вольнымъ козакомъ, которому, за всѣ боевыя заслуги, законодательная шляхта связала руки. На козацкую завзятость расчитывалъ онъ всего больше въ Турецкой войнѣ. Мы уже знаемъ, что, по смерти Конецпольскаго, онъ вызвалъ въ Варшаву Барабанга, Вірмена, Пестеренка и—какъ его называли въ народѣ—Хмель; что они обѣщали королю 100.000 войска, и что король далъ имъ за это весьма важныя обѣщанія, подкрѣпленныя венеціанскими талерами. Была ли въ ночныхъ переговорахъ рѣчь о козакотатарскомъ союзѣ, и какъ стоялъ Хмель съ тремя своими товарищами относительно этого темнаго вопроса, мы ничего не знаемъ. Но королевскія обѣщанія и походы на Черное море, устроеныя на полученныя въ Варшавѣ деньги, произвели въ козацкой средѣ великое движеніе, и такъ какъ не было уже на свѣтѣ великаго гетмана, который даже на козацкій заговоръ съ Татарами смотрѣлъ съ увѣренностью въ могущество своего режима, то движеніе между козаками перешло въ бурныя волненія, грозившія бунтомъ.

Этотъ моментъ Николай Потоцкій изобразилъ, въ письмѣ къ подканцлеру Лещинскому, такими словами:

*) Савъ Хмельницкій упоминалъ объ этомъ въ своемъ „Ресстрѣ козацкихъ Кривдъ“, о которомъ будетъ рѣчь ниже.

„Надобно было мѣ удержать Запорожское Войско въ повиновеніи... такъ какъ, по смерти святой памяти коропаго гетмана, распространился слухъ, что все войсковыя должности будутъ отиѣнены; однако, эту искру тотчасъ потушилъ“.

Искра бунта была потушена, очевидно, не чѣмъ инымъ, какъ допущеніемъ тайной вербовки въ козаки со стороны Потоцкаго, задобренаго въ пользу королевскихъ замысловъ, по которымъ козацкое войско въ первый же годъ войны предно нагалось увеличить до 20.000.

Вербовкой, поукраински *затягиваемъ* въ козаки, долженъ былъ заниматься не кто другой, какъ писарь Запорожскаго Войска, который вписывалъ годныхъ людей въ войсковой реестръ. Онъ могъ принять и вписать столько, сколько ему было угодно, если только въ его реестровку не вникалъ королевскій по козацкимъ дѣламъ комиссаръ, и это было тѣмъ легче, что новопабранныхъ *затяжцевъ* не нужно было сзывать въ полки: они ждали „покилка“ по своимъ жилищамъ.

Зная московское (1618), хотинское (1621) и смоленское (1633) сверхштатное затягиванье въ козаки, надобно думать, что, по королевской регуляціи 1647 года, 6.000 реестровиковъ должны были оставаться подъ властью королевскаго комиссара и польскихъ полковниковъ, согласно ординаціи, а 12 и до 14 тысячъ новыхъ затяжцевъ, называвсь также Запорожскимъ Войскомъ, состояло бы подъ начальствомъ козацкаго гетмана и козацкихъ полковниковъ. Этимъ способомъ король не нарушалъ постановленія Рѣчи Посполитой, столь важнаго и столь чувствительнаго для шляхты (Оссолинскій, въ знаменитой своей пропозиціи, причислилъ это поставленіе, какъ результатъ усмиренія козаковъ, къ королевскимъ благодѣяніямъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворялъ козаковъ, не думая, какъ не думали и во времена оны, о послѣдствіяхъ сверхштатной вербовки. Она, въ глазахъ псевдонравительства польскаго, была то же самое, что и вербовка, подъ нужду, жолнеровъ посредствомъ приповѣдныхъ листовъ, а между тѣмъ домогательства козаковъ объ увеличеніи реестра и назначеніи избирательныхъ предводителей—совпадало съ интересами короля, такъ какъ было извѣстно, что, стояло только дозволить козакамъ избрагъ гетмана и собственныхъ полковниковъ, число ихъ тотчасъ выросло втрое и вчетверо. Подъ разными видами, подъ видомъ родичей, козацкихъ чуръ, пастуховъ, погонцевъ и т. п., они принимали къ себѣ тысячи и тысячи людей, которыхъ исчислить и выискать не было возможности. Гетманомъ новыхъ козаковъ, вѣроятно, подъ скромнымъ именемъ „козацкаго старшаго“, былъ тогда назначенъ войсковою асаулъ

Иванъ Барабанъ, а писаремъ остался Богданъ Хмѣль, для польскаго благозвучія зовомый Хмельницкимъ.

Столько, не больше, опредѣленности допускаю въ изученіе неопредѣленной сумятицы, въ которой зародилась истребительная во всѣхъ отношеніяхъ наша Хмельнитчина.

Польская исторіографія называетъ Хмельницкаго, по его дальпѣйшимъ дѣйствіямъ, превосходнымъ вождемъ, несравненнымъ организаторомъ и политикомъ, мастеромъ изобрѣтательности и предательства. Мы, питомцы гражданственности московрусской, сторонясь и от панской, и от козацкой славы одинаково, принимаемъ это мнѣніе безъ поправокъ. Кому, какъ не Полякамъ, знать, что такое былъ Хмельницкій? Родной нашъ Хмѣль, выросши на воздѣланной іезуитами почвѣ подъ именемъ Хмельницкаго, былъ продуктомъ культуры польской, продуктомъ того политическаго разврата, который рѣзко бросается члену мнѣшняго велико-и малорусскаго общества въ глаза и подъ королевской махіей, и подъ козацкимъ кобелякомъ. Поляки, прежде нашихъ разъединенныхъ и перенорченныхъ ими предковъ, отличили Хмельницкаго въ толпѣ ему подобныхъ козаковъ. Они возвели его на самое высокое мѣсто, какос только могъ занимать козакъ въ Запорожскомъ Войскѣ, обезгетманскомъ и разжалованномъ, по сеймовому постановленію, въ хлопцы. Они, устами блестящаго образованнаго Радзѣвскаго, рекомендовали его особенному вниманію своего короля. На нашу долю, въ оцѣнкѣ оцѣпывающаго козацкую орду Хмеля, остается только кровь, пролитая лучшими изъ нашихъ малорусскихъ и великорусскихъ предковъ по милости его предательской политики, да къ тому еще превращеніе цвѣтущихъ областей въ безлюдную и голодную пустыню, да песмѣтный ясырь, которымъ онъ оплачивалъ татарскую помощь, да крайняя деморализація не только нашихъ мірянъ, но и самого духовенства малорусскаго... Если сердце Поляка сжимается при мысли объ этой демонической личности, то пускай оно утѣшится хоть малорусскимъ признаніемъ національнаго позора въ той славѣ, которою козацующая пресса покрывала Псламъ-Гиресева сподвижника; пускай утѣшится хоть вѣчнымъ нашимъ сожалѣніемъ о рѣкахъ нецовниціи пролитой и погубленной ясыромъ нашей крови, ничѣмъ незагражденной и нивѣмъ неотомищенной.

Что касается внешней и политической характеристики нашего Хмеля, то онъ сдѣлался вершителемъ попытокъ предшествовавшихъ ему буштовщиковъ, очевидно, безъ опредѣленнаго плана дѣйствій, въ силу теченія жизни, которая слишкомъ долго подчинялась панской неурядицѣ, считавшейся нормальною. Онъ первую свою молодость про-

вель въ школь у ярославогалицкихъ іезуитовъ, но не порхнулъ изъ ихъ рукъ такимъ памстаннымъ соколомъ своекорыстія, какъ Оссолинскій съ австроіезуитской пастѣти; напротивъ, мирился съ изменнымъ положеніемъ панскаго слуги-козака и мелкопомѣтнаго хозяина до такихъ лѣтъ, въ которыя порывъ къ широкой дѣятельности сохраняется у немногихъ. Увидянувъ отъ бѣды, постигнувшей подобныхъ ему шляхтичей подъ Кумейками, онъ служилъ вѣрно интересамъ Концепольскаго,—такъ вѣрно, что никакіе шпіоны не заропили въ верховномъ вождѣ козачества ни малѣйшаго подозрѣнія, до его послѣдняго свиданія съ королемъ. Но, сознавая въ себѣ способности къ чему-то большому, не могъ нашъ Хмѣль выносить спокойно высокомѣрія магнатскихъ крестуръ, въ родѣ Самуила Ланца, съ одной стороны, и подвергаться мстительности новыхъ бунтовщиковъ козацкихъ—съ другой. Человѣку съ его грамотностью, природными способностями, подавленной энергіей и мятежной опытностью, не трудно было стать во главѣ козакотатарскаго заговора, хотя паны приписывали потомъ непостижимымъ чарамъ свой недосмотръ относительно „давнишнихъ его стачекъ съ перекопскимъ бсемъ“. Если же козаки скрывали и отъ него самого, какъ отъ наслѣдственнаго панскаго слуги, новое обращеніе козаковъ къ татарской помощи, то оно могло передъ нимъ обнаружиться во время волненій, послѣдовавшихъ за смертью Концепольскаго; а, пожалуй, и самъ онъ былъ въ числѣ тѣхъ, посредствомъ когорыхъ Концепольскій, съ величавымъ спокойствіемъ сильнаго, свѣдалъ о пачинающейся козакотатарской „лягѣ“. Тогда ему представлялось два пути къ торжеству надъ своими обидчиками: или идти по теченію козацкихъ бунтовъ, все болѣе и болѣе широкому, или же стать противъ шляхетскаго самовластиа на сторонѣ любимаго козаками короля.

Хмельницкому была хорошо извѣстна слабость королевской власти. Онъ зналъ, что шляхетскій деспотизмъ никогда не подѣлится своими захватами добровольно ни съ королемъ, ни съ козаками; зналъ, что полноправная панская республика безъ борьбы не перемѣнитъ ординаціи безиравной республики козацкой,—той ординаціи, которую съ такимъ трудомъ завоевали панамъ Концепольскій и Потоцкій. Король между тѣмъ былъ пенемѣрно щедръ на обѣщанія. Это знало множество людей въ Польшѣ и powyше и пониже нашего Хмеля. Да и по народнои философіи Малорусса вѣрить обѣщаніямъ вообще считается глупостью: „обѣщанка—цащанка, а дурисвѣ радощі“. Какъ Хмельницкій, такъ и другіе умудренныя прежними бунтами козаки могли скорѣе надѣяться, что Турецкая война, къ которой они порывались

и для Ахіи Оттомануса, представитъ королю возможность измѣнить Польшу въ абсолютную монархію, которая обезпечитъ имъ права равенства на судѣ и въ землевладѣніи вѣрнѣе вся лхъ обѣщаній. Среди козаковъ было много шляхтичей банитовъ, много шляхтичей, обѣдѣвшихъ подѣ давленіемъ можновладниковъ и чужезяднаго католическаго духовенства. Въ Запорожскомъ Войскѣ было много вихреватыхъ головъ, подобныхъ Зборовскому. Сидя по пятнадцать и больше лѣтъ за Порогами, въ отчужденіи отъ правоправящаго сословія, какъ преемникъ Паливайка, Кремпскій, какъ товарищъ Лободы, Подвысоцкій, всѣ такіе люди, конечно, желали, чтобы король властвовалъ безъ „королять“, противъ которыхъ въ послѣдствіи гремѣлъ Хмельницкій, а козакки, подѣ его верховенствомъ, были бы такою же самоуправною республикой, какъ и шляхта. Вотъ въ какихъ интересахъ и стремленіяхъ позволительно историку искать источника тѣхъ слуховъ о заговорѣ короля съ козаками, которые ходили и до, и послѣ Хмельниччины по всей Польшѣ. На этой-то связи королевскихъ интересовъ съ козацкими могло основываться и мнѣніе козаковъ, высказавшееся еще въ Павликовщину, что король не будетъ гнѣваться за ихъ бунтъ.

Въ 1646 году затыгиванье затыжцевъ козаковъ шло быстро. Весело и бурно оглашалась Козацкая Украина пѣснями, которыхъ дошедшіе до насъ отголоски поражаютъ знатока дикою поэтичностью народа, забытаго тогдашнюю Россію, пренебрегаемаго Польшею и назвавшего себя, какъ бы въ укоръ имъ обѣимъ, народомъ козацкимъ, что собственно значить разбойниковскимъ. Въ сего пыломъ, все преувеличивающемъ воображеніи даже Ахія былъ благочестивымъ „Турецкимъ Царемъ“. Теперь король представлялся ему Царемъ Восточнымъ: титулъ, который козакки, уважавшіе силу больше всего на свѣтѣ, перенесли потомъ на московскаго самодержца, согнуваго ихъ въ бараній рогъ. Довѣріе къ Владиславу, посившему такое любезное козацкому сердцу имя силы и власти, съ каждымъ днемъ возрастало.

Сельская шляхта и замковые урядники, слывшіе у Козацкаго народа Ляхами, хотя бы по языку и обычаю были разрусскими, а по родству и вѣрѣ разблагочестивыми,—слышали кругомъ косвенныя и прямыя угрозы, подобныя тѣмъ, какія въ Великой Польшѣ дѣлали на-вербованные за-границей жолнеры. Въ „доматорахъ греческоѣхъ и хлѣборобахъ“ проявлялась дерзость, которою еще за полявка до Хмельниччины гуманнѣйшій кievскій бискупъ, Верещинскій, характеризовалъ малорусскаго хлопа, „гордящагося украинскою свободою своею“. Вообще въ простонародѣ обнаруживались чувства, внушавшія ему съ того поколѣнія, которое назвало наповъ неблагодарными, и распро-

страпенныя въ темной массѣ козаками съ одной стороны, а мужиковатымъ, отверженнымъ новыми „старшими“ духовенствомъ — съ другой.

Шляхта смотрѣла съ ужасомъ на глухое волненіе окружавшаго ее народа, и ждала сейма, безъ котораго никто не могъ ничего предпринять; а король послалъ для Запорожскаго Войска красныя китайчатыя знамена, съ изображеніемъ на нихъ креста и своего имени, гласящаго о славі, слѣдовательно и о добычѣ, — знамена, родственныя той хоругви новосформированныхъ гусаръ, которая была освящена имъ въ Честоховѣ. На Дибирѣ и въ Данцигѣ строились чайки и другія суда для морскаго похода. Изъ Варшавы ожидались изготовленные королемъ корабельные реквизиты. Всѣ козаковатыя люди обзавелись оружіемъ, въ ожиданіи стотысячнаго „затяганья на войну“. И старымъ, и новымъ затяжкамъ, и безчисленному множеству затяжцевъ будущихъ — грезилось, что зависимое положеніе козаковавшихъ такъ или иначе людей никогда уже не возвратится, какъ изъ Варшавы пришло извѣстіе, что сеймъ не согласился на войну, повелѣлъ распустить, подъ страшными угрозами, всѣхъ вообще затяжцевъ, какъ бы они ни назывались, и строжайше воспретилъ козакамъ идти на море.

Невозможно изобразить, какое впечатлѣніе сдѣлало это извѣстіе на оказаченную чернь, и на тѣхъ, кого она звала заурядъ Лахами. Но легко представить, съ какою злостью принялось повелѣвающее сословіе за расчеты съ подчиненными ему людьми, въ томъ числѣ и съ прямыми козаками, о которыхъ въ послѣдствіи не напрасно Хмельницкій писалъ, въ исчисленіи козацкихъ обидъ, что имъ вырывали бороды.

Постановленіе 1646 года было первымъ сигналомъ къ бунту, славу котораго приписываютъ нашему Хмелю. Зная всѣ обстоятельства, при которыхъ и въ силу которыхъ онъ совершился, Хмѣль долженъ былъ выбрать одинъ изъ двухъ жребіевъ: или сдѣлаться жертвой козацкой ярости, какъ Грицько Чорный и Сана Копоновичъ, или прославиться, какъ тѣ, которыхъ имена гремѣли въ подмывающихъ на разбой и руину кобзарскихъ ибеньяхъ. Выборомъ его властительно управляли событія, которыхъ слѣдствія онъ могъ предвидѣть лучше торжествующей шляхты. И въ Навлюково время посылся уже слухъ, — что король самъ воюетъ со шляхтою; что наны держатъ его въ осадѣ; что король зоветъ козаковъ на выручку. Теперь Владиславъ дѣйствительно боролся съ „доблестными Поляками“ Оссолинскаго на жизнь и на смерть; дѣйствительно, наны облегли его тѣсно и въ Посольской Избѣ, и въ Сенаторской; дѣйствительно, звалъ онъ козаковъ на помощь, подъ починымъ покровомъ, въ качествѣ заговорщика. Какъ пер-

вый кличъ Косипскаго къ *Татарамъ* получилъ наконецъ свою фатальную реальность; какъ первое возваніе Тараса Осодоревича за *отру* сдѣлалось въ послѣдствіи кровавымъ девизомъ Хмельницкаго; такъ и призывъ къ *свободѣ* со стороны государя, обращенный къ единственному подданному, готовому за него идти въ огонь и въ воду, сдѣлался теперь воспобѣждающимъ двигателемъ бунта. „Скованныхъ рабовъ можно утѣшать безопасно“ (говорить объ этомъ моментѣ съ образцовымъ для насъ безпристрастіемъ современный намъ польскій историкъ), „можно увеличивать постепенно угнетеніе до послѣдняго обезсилія, но снять оковы и желать положить ихъ сызнова, этого безъ кровопролитія сдѣлать невозможно“.

Сообразивъ такую невозможность, Хмельницкій началъ дѣйствовать въ пользу бунта; но какъ, съ чего и когда именно началъ, никакія точныя свидѣтельства намъ этого не открыли.

Лично ли ему принадлежалъ почти договоръ съ Татарами, или онъ воспользовался работой другихъ, за которою слѣдилъ, можетъ быть, въ качествѣ шпіона покойнаго своего папа, точныхъ извѣстій объ этомъ также не сохранилось. Но если законодательная пляхта давала ему чувствовать свое кулачное право когда-либо, такъ это было теперь. Среди приближенныхъ къ коронному гетману войсковою писарь значилъ много и зналъ, изъ-за чего ему служить; но у гетманскаго наслѣдника, официально чуждаго Запорожскому Войску, онъ былъ, естественно, человѣкъ лишний; а то, что пріобрѣлъ по благосклонности къ нему великаго колонизатора малорусскихъ пустынь, теперь возбуждало зависть у старостинскихъ намѣстниковъ, такъ называемыхъ подстаростіевъ короннаго хоружаго, Александра Конецпольскаго, и вообще дворянъ молодаго магната.

Хуторъ Суботовъ, съ его слободами, населенными смѣло надъ рѣкой Тясминомъ, въ одной милѣ отъ Чигирина, въ виду татарскихъ кочевьевъ, показался чигирицкому подстаростію, Данилу Чаплинскому, нѣмнѣемъ завиднымъ по его насѣлкамъ, пастбищамъ, рыбнымъ входамъ, составлявшимъ главныя статьи полуномаднаго козацкаго хозяйства, и даже по земледѣлію, которое процвѣтало тогда въ Козацкой Украинѣ только „ножь защитою воткнутой на мѣсяцъ сабли“, подъ защитой не только отъ Татаръ, но и отъ соперниковъ-осадчихъ.

Съ другой стороны, надобно помнить, что подстаростіемъ чигирицкимъ былъ, въ свое время, отецъ Богдана Хмельницкаго, Михайло, и что сыну тяжело было видѣть пасажное отцомъ теплое мѣсто во власти какого-то *заводки* Ляха. Но, при другихъ обстоятельствахъ, Богданъ Хмельницкій могъ бы провести вѣкъ свой мирно, го-

нія на украинскія и заграничныя ярмарки рогатый скотъ и лошадей, кочуя въ пасѣкахъ, пошивалъ съ пріятелями въ свободное отъ сторожевой службы время и ходилъ въ погону за Татарами на своемъ любимомъ сбромъ конѣ, какъ проводили свой вѣкъ многіе хозяйливые и козакующіе шляхтичи. Этому помѣшало торжество законодательной ицляхты надъ королемъ отразившееся яростно и на орудіи королевской власти, на козакахъ, во главѣ которыхъ стоялъ наипъ Хмѣль.

Но смерти короннаго великаго гетмана, сынъ его, корошній хорунжій, будучи озабоченъ содержаніемъ въ порядкѣ громаднаго пашлѣдства послѣ знаменитаго малорусскаго и червопорусскаго хозяина, долженъ былъ свои старостинскія права передавать подстаростіямъ, то есть управителямъ королевцинь, а тѣ не находили ничего выгоднѣе и покойнѣе, какъ отдавать свою „державу“ въ аренду жидамъ. Уже и самъ по себѣ жидъ, хлопотливый и безошадный экономецъ, въ роли арендатора, былъ ненавистенъ козаку, какъ онъ бывалъ ненавистенъ и заслуженному жолнеру. Но жида, на свою бѣду, всегда были готовы къ услугамъ сильнаго, тамъ, гдѣ онъ притѣснялъ слабого. Такъ случилось и въ Чигиринѣ.

Но разсказу современнаго Хмельничинѣ жида, Патапа Ганновера, въ этомъ старостинскомъ городѣ держалъ аренду жидъ Захарія Сабилепскій, который, такъ же, какъ и другіе заинтересованные въ прижимкѣ козаковъ, вооружалъ хорунжаго Концепцольскаго противъ Хмельницкаго,—хотя здѣсь тотчасъ надобно замѣтить, что арендатору подстаростія не приходилось имѣть подобныхъ сообщеній съ широко-владѣтельнымъ магнатомъ, и что скорѣе могъ выслушивать его извѣсты развѣ подстаростій. Какъ бы оно ни было, только Ганноверъ повѣствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ *) такъ:

Однажды хорунжій спросилъ жида Захарія павнымъ тономъ: „Вѣдь ты владѣлецъ города: скажи-ка мнѣ, кто именно богачи въ немъ?“ Намѣреніе же его было навести на нихъ напрослину, дабы такимъ образомъ вымогать у нихъ побольше денегъ. Захарія назвалъ ему богачей, уномянувъ, между прочимъ, и о чрезвычайномъ богатствѣ Хмея. Услышавъ о немъ, хорунжій сказалъ: „Вѣдь отецъ мой заѣщаль мнѣ объ этомъ зловредномъ чловѣкѣ (слухъ позднѣйшій)... да и въ самомъ дѣлѣ откуда у него взялось такое чрезмѣрное богат-

*) Они напечатаны порусски вторымъ изданіемъ въ Лейпцигѣ, въ 1883 году, докторомъ Манделькерномъ, подъ заглавіемъ: „Богданъ Хмельницкій, Разсказъ Еврея современника, Очевѣдца событій въ Малороссіи за 1648—1653 годы“.

ство? Безъ сомнѣнія, онъ ограбилъ моихъ же подданныхъ, живущихъ въ моихъ же помѣстьяхъ, слѣдовательно все принадлежитъ мнѣ“.

Конецпольскій (продолжаетъ свою полусказку Ганноверъ) насильно отнялъ у Хмеля одинъ хуторъ со всѣмъ скотомъ, до нѣсколькихъ сотъ штукъ, что составляло около половины его имущества.

Далѣе Ганноверъ рассказываетъ, выдавая все слышанное имъ за несомнѣнное,—что Хмельницкій, въ отместку Конецпольскому, подговорилъ Татаръ вторгнуться въ его добра, а потомъ проговорился объ этомъ на покойкѣ съ козаками, и что за это, по доносу жида арендатора, панъ хорунжій бросилъ Хмеля скованпаго въ тюрьму, намѣреваясь казнить его смертью, однакожь освободилъ его, по увѣренію друзей узника въ его невиновности.

Для исторіи Хмельнитчины, свирѣствовавшей, между прочимъ, и надъ жидами, во всемъ этомъ важна только характеристика жидоарендаторской дѣятельности въ Малороссіи, представленная жидомемуаристомъ.

Зависть къ чужому куску хлѣба, свойственная самимъ козакамъ не меньше шляхты, сдѣлалась, въ этой громадной катастрофѣ, причиною гибели какъ взаимныхъ завистниковъ, такъ и жидовъ, которые сообщали широкое движеніе сельскохозяйственной промышленности, не разбирая средствъ къ наживѣ, и какъ это было въ Чигиринѣ, помогали шляхтѣ притѣснять козаковъ. Но къ зависти, обычной спутницѣ и козацкаго, и шляхетскаго хозяйства, присоединился еще и другой предметъ жаднаго исканія въ малолюдномъ и опасномъ краѣ — жепщина.

Хмельницкій былъ вдовецъ и имѣлъ уже взрослыхъ дѣтей; по попавшая какими-то судьбами въ козацкую Украину очаровательница степныхъ сердець, Полька, предпочла его своему коханку, пану подстаростію, Чаплинскому. Поднявъ обычную въ самоуправной странѣ войну за свою Елену, шляхетскій Менслай вторгнулся въ козацкую Трою, Суботовъ, и вмѣстѣ съ похищеніемъ измѣнницы, похитилъ всю хозяйственную движимость Хмельницкаго. Жаловаться на подстаростія войсковой писарь могъ только пану старостѣ да верховнику козачества, коронному великому гетману. Суды градскій, земскій и трибуналъ существовали исключительно для шляхты. Но панъ староста былъ потаковникъ своего намѣстника, а намѣстникъ его разставилъ по дорогѣ къ резиденціи короннаго гетмана засады на Хмельницкаго, если тому правда, что потомъ писалъ Хмельницкій въ „Ресстрѣ козацкихъ Кривдъ“. Оставалось ислатъ управы только у короля, и Хмельницкій, въ сопровожденіи десятка козаковъ, отправился въ Варшаву. Это могло

случиться не раньше конца поября 1647 года, потому что Хмельницкій участвовалъ въ ноябрьскомъ походѣ на Татаръ, о чемъ упоминаетъ онъ въ томъ же „Ресстрѣ“, а въ декабрѣ онъ былъ уже за Порогами. Какъ ни сильно терзала козака досада за наѣздъ на хуторъ и за похищеніе любовницы, но для Хмельницкаго всего важнѣе было повое свиданіе съ королемъ. Ссора съ Чаплинскимъ, очевидно, послужила ему только предлогомъ для поѣздки въ Варшаву.

Онъ появился передъ королемъ въ то время, когда король, основываясь на сеймовомъ постановленіи объ удержаніи на службѣ квартяпаго войска, готовился къ новому способу войны съ Турціей. Парижскій разсказъ Липажа со словъ Радзѣвскаго о томъ, что Владиславъ утаилъ отъ Оссолинскаго сдѣланныя козакамъ обѣщанія, и что эту тайну Оссолинскій узналъ только теперь отъ Хмельницкаго, ничѣмъ не подтверждается. Оссолинскому надобно было играть роль незнающаго королевскихъ обѣщаній. Владиславъ принималъ нашего Хмеля секретно у себя въ комнатѣ, и никто не зналъ, о чемъ они бесѣдовали, но послѣ секретной бесѣды, король велѣлъ написать Александру Конецпольскому увѣщаніе, по всей вѣроятности, только для прикрытія болѣе важнаго дѣла. Въ этомъ увѣщаніи нѣтъ рѣчи ни о Чаплинскомъ, ни о возвращеніи Хмельницкому хутора, (Владиславъ долженъ былъ обойтись кротко съ украинскимъ магнатомъ), а говорится вообще о притѣсненіи козаковъ старостяпскими намѣстниками. Разсказъ о драматической жалобѣ королю на Чаплинскаго, очевидно, былъ распространенъ вездѣ сперва самимъ Хмельницкимъ, а потомъ сдѣлался достояніемъ стоустой молвы да тѣхъ историковъ, которыхъ можно назвать „убогими собирателями чужихъ сужденій и вѣстей“. Слушая мистификацію самого Хмеля и тѣхъ, кому онъ замыливалъ глаза, современники вѣрили, что король произнесъ приводимыя Грондскимъ слова: „Ты воинъ, и если у Чаплинскаго есть пріятели, то можешь и ты ихъ имѣть“, или, какъ пересочинили эти слова наши историки: „Пора бы, кажется, всѣмъ вамъ вспомнить, что вы воины; у васъ есть сабли: кто вамъ запрещаетъ постоять за себя?“ *) Но странно предполагать, чтобы заговорщикъ-король внушивалъ заговорщика-козака въ хуторскую драку, имѣя въ виду господство надъ Востокомъ. Еслибы Владиславъ и былъ такъ простъ, какъ историки Хмельничины, то войсковою писарь надоумилъ бы его не хуже кашлера.

Убогіе собиратели чужихъ сужденій и вѣстей, повторяя болтуна

*) Костомаровъ, „Богданъ Хмельницкій“, изд. 4, т. I, стр. 242.

Гродскаго и нашихъ сплетниковъ-лѣтописцевъ, сочинили цѣлую повѣсть о романѣ Хмельницкаго, о его тяжбѣ съ Чаплинскимъ въ мѣстныхъ судахъ, о его пребываніи въ Варшавѣ *во время майскаго сейма*, о возвратномъ путешествіи новаго Вильгельма Теля и соглашеніи къ возстанію представителей русскаго элемента въ Польскомъ государствѣ. *) Всѣ эти извѣстія, выдуманная пріятелями и врагами его а posteriori, не соотвѣтствуютъ ни времени, ни положенію дѣлъ въ Рѣчи Посполитой, ни положенію самаго Хмельницкаго. Смѣшно воображать, чтобъ у будущаго Герострата панской республики было тогда на умѣ козакотатарское безпрешатвенное шествіе съ мечемъ, пожомомъ и плѣченіемъ отъ Корсуня до Львова и Замостья. Даже геніальныхъ бунтовщиковъ, каковъ былъ, напримѣръ, современникъ Хмельницкаго, Кромвель, только непредвидимыя случайности приводили къ ихъ широкимъ планамъ. А Хмельницкій самъ говорилъ посланцу Яна Казимира, что, будучи человѣкомъ ничтожнымъ (nichum), сдѣлалъ то, о чемъ и не думалъ. Съ чѣмъ отпустилъ его Владиславъ, не извѣстно, какъ и все, что дѣлали тайкомъ заговорщики противъ панской республики, послѣ майскаго сейма. Но, такъ какъ и самъ Хмельницкій, во время своего успѣха, ничего не высказывалъ о послѣднихъ своихъ сдѣлкахъ съ королемъ и канцлеромъ, кромѣ выдумки, что король „велѣлъ козакамъ добывать свободы саблею“, то видно, что его третировали не иначе, какъ слѣпос орудіе тайнаго замысла, какъ палку въ рукѣ человѣка, по іезуитскому правилу. Отъ этого предположенія легче перейти логически къ бѣгству Хмельницкаго за Пороги и дѣятельному соглашенію съ Татарами, чѣмъ отъ королевской интимности съ козакомъ. Хмельницкій, очевидно, сондировалъ почву, на которой поставили его прежде, и, види, что она колеблется, рѣшилъ выборъ между королемъ и ханомъ, чисто покозацки.

Во время таинственнаго пребыванія Оссолинскаго въ Украинѣ, король дѣлалъ военныя приготовленія, но, умудренный опытомъ, покрывалъ ихъ большою, чѣмъ прежде, тайною. Въ это время умеръ единственный сынъ его, ради котораго не смѣлъ онъ сдѣлаться героемъ и преобразователемъ Польши. Смерть малолѣтнаго королевича Карла освободила его отъ малодушнаго взвѣшиванья великихъ дѣлъ pro и contra на вѣсахъ домашней *приватн*, общей вѣснъ его приверженцамъ и противникамъ въ Польшѣ. Онъ горько сожалѣлъ теперь, что распустилъ войско, и выразилъ свое сожалѣніе, какъ говорить, такими сло-

*) Костомаровъ, тамъ же, стр. 238—251.

вами: „Такъ какъ Богу было угодно взять моего сына къ себѣ, то я желалъ бы, чтобъ Онъ взялъ его передъ сеймомъ: не перемѣнилъ бы я никогда моего намѣренія“.

Владиславъ не могъ уже дѣлать новыхъ вербовокъ, и потому старался обезпечить себѣ, на случай войны, помощью Франціи и Швеціи, отказываясь за это отъ всякаго участія въ готовившемся тогда Вестфальскомъ мирѣ. Въ это время Венеція начала сухопутную войну въ Далмаціи, рассчитывая на возстаніе въ Босніи. Въ Польшу прибылъ посоль отъ императора марокскаго и, какъ гласила молва, послапецъ константинопольскаго патріарха, заочивая къ Турецкой войнѣ.

Въ ноябрѣ 1647 года явился къ королю, подъ великимъ секретомъ, посоль, облеченный полномочіемъ большей части Греціи, съ предложеніемъ ему болгарской короны и съ ручательствомъ, что вся Болгарія взбунтуется и выставитъ 40.000 вооруженнаго народа, лишь бы только король принялъ Болгаръ въ подданство и выслалъ своего намѣстника, въ качествѣ предводителя возстанія. Этотъ посоль, старикъ съ большою бородою, посѣщалъ короля тайно, подъ видомъ чернокнижника, съ которымъ будто бы король совѣтовался. Только королева и „два польскіе канцлера“ были допущены къ этой тайнѣ.

Имя посла было Петръ Парцевичъ. Въ венеціанскомъ архивѣ хранится интересная реляція посольства Парцевича.

„Еще въ 1630 году“ (ишетъ онъ) „послали было Болгары, по приглашенію съ другими поработченными турецкими народами, своихъ посланниковъ къ польскому королю Сигизмунду III и къ императору Фердинанду II. Оба монарха приняли пословъ благосклонно и обѣщали свою помощь. Дальнѣйшіе договоры прервало наступленіе Густава Адольфа на Германію. Когда началъ султанъ войну съ Венеціей, между Болгарами возобновилось движеніе. Начальники этого народа, какъ греческаго, такъ и латинскаго обряда, видя слабость Турціи, вошли въ клятвенные договоры и предложили предводительство мультяпскому воеводѣ, Матвѣю Бассарабѣ, обѣщая ему восточную корону. Господарь призналъ пужнымъ отнестись объ этомъ къ королю Владиславу, котораго геройскія предначертанія звалъ, и котораго воинское счастье наполняло Турокъ страхомъ. Созвавъ потомъ начальниковъ договора, и между ними Петра Деодата, архіепископа Сардики (Св. Софіи), Франциска Марканича, губернатора Болгаріи, и другихъ; совѣтовалъ отправить посольство къ польскому королю. Выборъ палъ на Петра Парцевича, миссіонера (латинскаго), который, въ соутствіи нѣкогого францисканца, выѣхалъ, въ началѣ 1647 года, въ Польшу.

Прибывъ, по долгомъ и утомительномъ путешествіи, въ Варшаву, въ турецкой одеждѣ и подъ перемѣняемыми названіями, представили они королю просьбы Болгаръ, объявили свои инструкціи, планы и списокъ союзниковъ. Король тотчасъ написалъ къ гетману, чтобы держалъ войско въ готовности, и къ господарю Матвѣю, именуя его главнокомандующимъ восточной арміи (*generalissimo di tutto l'Oriente*), и удостоверяя, что въ скоромъ времени поспѣшитъ на помощь съ другимъ войскомъ. Посланникамъ приказалъ онъ, чтобы, оставивъ поѣздку въ Венецію, возвращались въ Болгарію и успокоили народъ. Подарилъ имъ свой портретъ, говоря: „И у васъ кажуційся и малеванный, пока приду живой и дѣйствительный (*Subeatis me fictum et pictum, quod usque venero vivus et verus*)“^{*)}, и далъ имъ красное знамя, съ крестомъ на одной сторонѣ и съ надписью: „Ви славу твою (*Vindica gloriam tuam*)“ на другой. Вручилъ имъ и перстень, въ знакъ обрученія своего съ Востокомъ, и священническую ризу, яко знакъ христіанской свободы. Королева присутствовала при прощальной аудіенціи и говорила королю такъ: „Государь, доверши отважно начатое дѣло, а если у тебя не хватитъ денегъ, я сниму мои серьги, отдамъ мои браслеты, лишь бы дѣло не остановилось“^{*)}. Когда послы возвратились съ отвѣтомъ и королевскимъ подаркомъ, старый господарь помолодѣлъ отъ радости, увидѣвъ представителей союза, а они съ восторгомъ показывали ему, какъ легко можно завоевать Востокъ и съ какой стороны можно имѣть наибольшую помощь. Съ того времени *католики* и православные жили въ наилучшемъ согласіи, исполненные надеждъ, а Турки присмирѣли и говорили громко, что, когда придутъ Поляки, то они вернутся къ вѣрѣ своихъ предковъ и сдѣлаются *католиками*, такъ какъ царство Магометово уже кончилось“.

Когда все это дѣлалось въ Варшавѣ, на Украинѣ произошло событіе, которое такъ соотвѣтствовало королевскимъ планамъ, какъ будто Оссолинскій имѣлъ тамъ дѣло не съ одними православниками да козаками, а подготовилъ къ содѣйствію королю и главнымъ представителямъ малорусской колонизаціи. Коронный хорунжій, Александръ Концепцольскій, и воевода русскій, князь Іеремія Вишневецкій, двинулись одновременно, въ ноябрѣ, на Татаръ. Концепцольскій съ 4.000 войска, въ составѣ котораго былъ и Богданъ Хмельницкій *), достигъ Очакова и, въ отместку Татарамъ за набѣгъ на чигиринское староство, захватилъ 3.000 лошадей, 1.500 воловъ, 2.000 коровъ, 2.000

*) Объ этомъ упоминается въ запискѣ Хмельницкаго, извѣстной подъ названіемъ Реестра козацкихъ Кривдъ.

овець и 50 пѣхвинокъ, а Вишневскій, съ 26.000 своихъ ополченцевъ, двинулся къ Запорожью, а оттуда часть своего войска посылалъ къ Черкону.

Это были обыкновенные походы пограничныхъ магнатовъ, для обузданія татарскихъ козаковъ, которые свосвольно, какъ и наши казаки, разбойничали и воровали въ сосѣднемъ краѣ. Но Варшава боялась возмездія со стороны Татаръ, и успокоилась только извѣстіемъ, что въ Крыму всыхнулъ бунтъ. Ширинскіе мурзы, соединенные съ Ногайцами и съ сыновьями Салмаса-мурзы, давнишняго ханскаго мятежника, вторгнулись въ Крымъ, вырѣзали 700 мурзъ, осадили хана, принудили къ уступкамъ и къ принятію визиремъ Сеферъ-Казы-аги, который возбудилъ этотъ бунтъ, а теперь сдѣлался всемогущимъ министромъ хана.

Застигнутой бунтомъ Исламъ-Гирей написалъ сперва жалобу къ королю, и просилъ гетмана Потоцкаго, чтобы не допускалъ свосвольныхъ походовъ со стороны пановъ; но потомъ созвалъ мурзъ на тайную раду. Рада постановила—вторгнуться весною въ Польшу. Отправили къ султану просьбу о дозволеніи и тотчасъ начали чрезвычайныя приготовленія къ набѣгу.

До сихъ норъ Исламъ-Гирей держалъ себя съ нашими казаками гордо. Они зыскивали его помощи окольными путями, чрезъ пограничныхъ беевъ. Презираемыя, какъ низшія твари, певѣрныя набѣдники пригодились теперь ему, какъ орудія мести надъ нами.

Между тѣмъ по Украинѣ начали носиться слухи, что Хмельницкій бунтуетъ неподтышка козаковъ противъ коронаго гетмана и украинской шляхты. Слухи эти доходили и до Потоцкаго. Всего больше надобно ихъ принимать подстаростію Чаплинскому и его пріятелямъ. Въ интересѣ каждаго изъ ихъ было—погубить человѣка, ими обиженаго, извѣстнаго королю и опаснаго своимъ значеніемъ въ Запорожскомъ Войскѣ. Весьма быть можетъ, что его обвиняли и въ призваніи Татаръ на староство Концепольскаго. Могли даже войти и въ соглашеніе съ жидомъ-арепдаторомъ, показавшимъ, что Хмель, на підийтку, проболтался козакамъ въ отищеніи пану старостѣ за хуторъ посредствомъ татарскаго набѣга. Какъ бы то ни было, только дошло до того, что его схватили и едва не обезглавили. Тогда Хмельницкій рѣшился бѣжать въ пристанище обѣдѣвшихъ, промотавшихся, угрозасмыхъ преслѣдованіемъ закона и беззаконія, за Пороги.

Разсказы о приключеніяхъ Богдана Хмельницкаго до бѣгства его за Пороги, равно какъ и кобзарскія думы о кумѣ Хмельницкаго, Барабашѣ, прѣтавшемъ королевскіе листы „въ глухомъ концѣ подъ во-

ротами^а, интересны только, какъ характеристика козацкой и шляхетской публики временъ Хмельниччины. Ограничимся фактомъ его бѣгства, въ сопровожденіи двухъ сыновей и нѣсколькихъ пріятелей.

Изъ Запорожья началъ Хмельницкій вести переговоры съ Татарами. Но въ это время загорѣлась въ Крыму новая усобица, а султанъ между тѣмъ прислалъ хану запрещеніе вторгаться въ Польшу, и потому товарищи Хмельницкаго вернулись въ Украину, чтобы звать къ нему большее число козаковъ. Хмельницкій же, скрываясь на островѣ Буцкомъ, правильнѣе Буткомъ, или Бутовскомъ, иначе Товмаковскомъ *), управлялъ всѣмъ движеніемъ, которое прикрывалъ покорными жалобами своими королю, корошнымъ гетманамъ и королевскому по козацкимъ дѣламъ комиссару.

Происходившія въ это время въ Запорожскомъ Войскѣ волненія напоминали начало Павлюковщины. Поводъ или предлогъ къ нимъ былъ тотъ же самый. „Скарбовые люди“ опять не заплатили за цѣльня пять лѣтъ козацкаго жолду, и козаки подозрѣвали въ утайкѣ депегъ нановъ полковниковъ. Недовѣрчивая всегда къ своей старшинѣ козацкая „чернь“ едѣлалась теперь недовѣрчивѣе, чѣмъ когда-либо. Теперь въ Запорожскомъ Войскѣ старшиновали не избранники боеваго народа, а панскія креатуры, охранители землевладѣльческихъ интересовъ противъ козацкихъ. Еще до побѣга Хмельницкаго козаки, въ задорныхъ случаяхъ, переговаривали о повтореніи надъ ними того суда, какимъ павлюковцы покарали „войсковыхъ измѣнниковъ“. Самого комиссара по козацкимъ дѣламъ, Шемберка, обвиняли они въ стачкѣ съ полковниками и въ утайкѣ жолду.

Но всего больше возмущала козаковъ регуляція проинпаціонныхъ доходовъ, пошлны и чипшей въ тѣхъ королевскихъ имѣніяхъ, гдѣ имъ было дозволено имѣть свою осѣдность (обійетье), или гдѣ они занимались чумачествомъ и шипкарствомъ. Эти доходы были главными хозяйственными статьями въ украинныхъ экономіяхъ, но они требовали постоянного надзора, правильнаго учета, неутомимой хлопотливости. Ни къ чему этому пограничная шляхта не была способна. Она свои винокурни (винници), пивоварни (бровары), „табаки“, шипки, корчмы, мыта, прѣмыта и чипши „пускала въ аренду“, а на свой пай оставляла хозяйство, болѣе приличное сословію господствующему: земледѣліе, скотоводство, пасѣки, бобровые „гоны“, рыбные „входы“.

*) Бутомъ называли козаки толмача, помалорусски *товмача*. Отсюда и островъ Товмаковскій, иначе Товмаковка.

селитряныя „бурты“ и поташныя „буды“. Арсидаторами были почти вездѣ Жиды, если не Армяне, которыхъ промышленная дѣятельность, не чуждая подкупа сильныхъ и прижимки слабыхъ, мѣстному просто-пародью, „гордившемуся украинскою вольностью своею“, казалась порабощеніемъ. А когда „жидь-рапдаръ“ запрещалъ козаку выкурить горѣлки, или сварить меду и пива къ свадьбѣ, крестинамъ или храмовому празднику, козакъ называлъ это „зневѣгою“ христіанской вѣры, „паругою“ надъ христіанскою вѣрою. Все вмѣстѣ возмущало козацкую чернь, тѣсно соединенную съ людьми посполитыми и, подъ влияніемъ вѣчно крамольничавшихъ низовцевъ, приготовляло умы гулящаго и убогаго народа (классъ многочисленный и въ пышнѣйшей Малороссіи) къ повому покушенію противъ господства такъ называемыхъ „пановъ Ляховъ“.

Король былъ сильно встревоженъ бѣгствомъ Хмельницкаго, у котораго, какъ у войсковаго писаря, хранились такъ называемые въ кобзарскихъ думахъ королевскіе листы. Онъ тотчасъ поручилъ канцлеру выслать комиссію для изслѣдованія терпимыхъ козаками притѣсеній, и велѣлъ выплатить козакамъ за пять лѣтъ жолдѣ. Получивъ же извѣстіе, что ханъ готовится къ войнѣ и послалъ къ султану за эмиромъ, велѣлъ, какъ уже сказано, коронному гетману быть наготовѣ. Къ сенаторамъ и панамъ написалъ онъ, чтобы всѣ вышли съ дошнимъ войскомъ своимъ въ поле и расположились на Черномъ Шляху между Бѣлою Церковью и Винницею, а московскихъ воеводъ велѣлъ просить, чтобы сгѣшили съ помощью согласно договору. Этимъ способомъ долженствовалъ начаться первый актъ Турецкой войны.

Въ самомъ дѣлѣ, отряды Орды Ногайской, Очаковской и Крымской приближались къ польскимъ границамъ. Но, слыша о великомъ войскѣ, стоящемъ между Брацлавомъ и Винницею, немедленно вернулись въ свои юрты; а гетманъ и сенаторы, узнавъ отъ волошкаго господара, что султанъ отказалъ хану въ эмирахъ, и что Татары ни въ какомъ случаѣ не двинутся изъ Крыма, пока не паростетъ трава, распустили 30.000 войска, и этимъ способомъ опять отсрочили королевскіе замыслы до весны. Дѣятелями этой отсрочки, оказавшейся гибельною, по исчисленію Адама Киселя къ путивльскому воеводѣ, кромѣ Николая Потоцкаго, были: краковскій воевода Любомирскій, сепдомирскій воевода, князь на Острогѣ Заславскій, кievскій воевода Тишковичъ, русскій, — Виннивецкій, черниговскій — Калиновскій, староста калучскій Замоискій, староста львовскій Сѣпавскій, князь Корецкій, папы Немиричи и другіе украинскіе землевладѣльцы. Перечисливъ, сколько кто изъ нихъ привелъ войска, комиссаръ пограничныхъ съ

Москвою дѣль, Адамъ Свѣтольдовичъ Кисѣль, писалъ съ обычнымъ своимъ краспорѣчіемъ: „Яко исчезаетъ дымъ, тако, Божію милостію, исчезли врази наши: съ полей Чернаго Шляху въ Крымъ повратили“. Онъ увѣдомлялъ путивльскаго воеводу, князя Юрія Долгорукаго, что „Венсты и Малтяне“ побѣдили многолюдное турецкое войско, и потому отъ султана пришли къ хану „немѣры жестокіе, сирѣчь заказы“, чтобъ онъ не вторгался ни въ Польшу, ни въ Московское Царство. Это было писано въ февралѣ 1648 года. Имя Хмельницкаго еще не приносилось, но Кисѣль увѣдомлялъ пограничнаго воеводу, что „войско квартирное здѣ въ Украинну притягнуло и положенное есть въ черкасскихъ козацкихъ мѣстахъ (городахъ), потому что козаки черкасци одного пулковника своего чигиринскаго зрадили“.

Лѣтомъ 1647 года Адамъ Кисѣль ѣздилъ въ Москву въ качествѣ королевскаго посла для заключенія съ царемъ договора противъ Татаръ, но, заставъ царскихъ сановниковъ уже въ мирныхъ переговорахъ съ Ордою, могъ постановить съ ними только такія условія: 1) Оба монарха не будутъ задѣвать Татаръ, и будутъ поступать съ ними постарому. 2) Еслибы Татары вторгнулись въ Польшу, или въ Московское Царство, тогда оба монарха будутъ заодно, то-есть будутъ помогать одинъ другому, и увѣдомятъ объ этомъ договорѣ хана. 3) Но еслибы ханъ объявилъ Польшѣ, или Москвѣ, войну, въ такомъ случаѣ монархи обдумаютъ, что будетъ наилучшимъ, и король сзоветъ сеймъ.

Съ этого времени начались у Киселя пріятельскія съ царскими людьми отношенія, которыми онъ пользовался и въ качествѣ комиссара пограничныхъ съ Москвою дѣль. Когда на Польшу поднималась изъ Запорожья непредвидимо грозная буря, у Киселя шла съ царскими боярами дѣятельная переписка самаго мирнаго свойства. Польша могла хозяйничать на русской землѣ, отторгнутой у царя въ 1633—1634 году, съ помощію козаковъ. Кисѣль, не довольствуясь королевскими пожалованіями въ Черниговщинѣ, выпросилъ у царя позволеніе—въ трехъ мѣстахъ Трубчевскаго уѣзда и въ двухъ Недригайловскаго жечь золу для выдѣлки поташа, или, какъ онъ писалъ, *шмальцуги*, „и на это дѣло рубить лѣсъ въ черныхъ дикихъ мѣстахъ опрочъ боршнаго дерева“, въ теченіе пяти лѣтъ. Съ обѣихъ сторонъ старались опредѣлить спорныя земли по границѣ между двухъ государствъ и разобрать „обидныя дѣла“ на польскую и на московскую сторону“.

Московскія власти при этомъ „всѣхъ, до ково што по сыску и по уликамъ воровство доидеть, велѣли пытать по томужъ, что съ обѣ стороны людемъ, хто въ каковѣ дѣлѣ отъ ково изобиженъ, управа въ правду учинить, а воровъ, смотря по винамъ, наказанье бестъ пона-

ровки дать, чтобъ, па то смотря, инымъ не повадно было воровать“. Напротивъ, судьи „съ литовской стороны“, по именамъ: Райскій, Конопляный, Вѣлга, Бурый, люди русскіе, сперва отказывали въ судѣ своихъ преступниковъ, говоря, что „шляхта ихъ сама своихъ крестьянъ судить“; потомъ требовали, чтобы крестьянина, обвиненнаго въ убійствѣ „за литовскимъ рубежемъ“, „казнить смертною казною безъ сыску“, а когда имъ было доказано, по свидѣтельству духовника умершаго литовца, что обвиняемый крестьянинъ за литовскимъ рубежемъ покойнаго „не убивывалъ“, то папъ судьи Райскій съ товарищи „и съ суда усердясь пошли“, объявивъ, что „впередъ на рубежъ для росправы никакихъ дѣлъ не будутъ“.

Польскіе Русичи, намѣчшіе уже силою жизни къ воссоединенію съ Русичами московскими, въ порубежныхъ сдѣлкахъ сосѣднихъ государствъ, при одной и той же вѣрѣ, смотрѣли чужеземцами. (Въ этомъ—пачало будущихъ смуть по присоединеніи Малороссіи).

Московскіе пограничные воеводы усердно досматривали, чтобы королевскіе люди, ни въ какомъ дѣлѣ, къ воеводамъ и ни къ кому иному не дерзали писать „непристойно“, и чтобы въ титулахъ обоихъ сосѣднихъ государей не было „ни прибавки, ни умаленія“... „а есть ли хто въ пропискѣ тителъ объявится“, то чтобы „всякъ таковъ“ былъ судимъ „и казненъ по вигѣ своей, яко явный нарушитель миру“. Ревностнымъ защитникамъ правъ своего царя, отвоеванныхъ у Сигизмунда и Владислава съ такими утратами и жертвами, было „въ великое подивленье, какими обычай князь Ермѣй Вишневецкой, воевода русской, и канцлеръ корупный, Юрьи Осолитской, и хоружей корупный, и иные старосты и державцы въ листѣхъ своихъ писали, мимо вѣчнаго докопчанья, неостерегательно, а по вѣчному докопчанью королевскому величеству царемъ и великимъ княземъ и многихъ государствъ государемъ и обладателемъ не отписыватися и не именоваться“... „А люди опи“ (впушали царскіе бояре, какъ недорослямъ), „князь Ермѣй и канцлеръ, думные и сенаторы большіе, и имъ бы обоихъ великихъ государей честь пригоже оберегать, больши иныхъ простыхъ людей; а на канцлера то дѣло паиначе и иныхъ людей надлежить, что государская честь остерегать“.

Точно какъ будто знали царскіе люди про отзывъ Осолитскаго передъ напой о Москаляхъ, которые де однимъ именемъ христіане, а дѣломъ хуже послѣднихъ варваровъ. Теперь, наканунѣ крушенія польской силы и славы, московскій бояринъ Алексѣй Трубецкой въ простосердечной преданности интересамъ отечества, требовалъ, „чтобы королевское величество, по вѣчному докопчанью, велѣлъ нарушителей

докончанья казнити... чтобъ отъ того межъ обонми великими госуда-ри нашими пелюбья и ссоры не было“.

Это достопамятное по своимъ повтореніямъ внушеніе было пи-сано 15 марта, а черезъ два дня Адамъ Кисѣль сообщилъ москов-скимъ пограничнымъ воеводамъ первую вѣсть о челоувѣѣ, изъ кото-раго польскорусская жизнь создала карателя шляхты за ея многовѣ-ковья злоупотребленія личною свободой. Въ качествѣ руководителя пограничныхъ разбирательствъ съ польской стороны, писалъ онъ къ путивльскому воеводѣ, который жаловался, что „буды отмсжованное не уступаютъ, насѣкъ щцельныхъ польскіе чиповники не зносятъ“ съ царской земли, „и поселили хаты за рубежмъ“, а тѣ съ своей сто-роны жаловались, „будто его царского величества воеводы съ Ахты-ра, Олжанаго и Бобрика у хрестянгъ Гадяцкое волости вземше покло-ны одъ насѣкъ, ихъ потомъ насѣки многіе насильствомъ забрали и колко тысячій щцелы побили, и самихъ хрестянгъ многихъ порѣзали и порубили“. Кисѣль не вѣрилъ такимъ „зачепкамъ“ въ противность „вѣчному докончанью“, говорилъ о братской любви обонихъ пресвѣт-лыхъ государей и о дружжелюбномъ соединеніи обонихъ великихъ го-сударствъ, и только въ концѣ письма упомянулъ о событіи, которое занимало его больше всѣхъ пограпичныхъ ссоръ и дракъ:

„Еще же о томъ тебѣ вѣсть даю, и ты къ его царскому вели-честву писать будешь, что никакая часть, тысеца, или мало того болшъ своеволпиковъ козаковъ черкасцовъ избѣгли на Запорожьє; а старшимъ у нихъ простыи холопъ, парицасться Хмельпницій; и думаютъ доискихъ козаковъ подбити на море... аще ли же збѣжитъ (Хмельпницій) зъ За-порожа на Донъ, и тамъ бы его не пріймаги, не щадити, ни на море пустити“.

Дѣятельный охранитель Рѣчи Носполитой Польской на другой дспь писалъ къ восводѣ сѣвскому, Замятпѣ Леонтьеву, благодарилъ за увѣдомленіе о Калмыцкой Ордѣ и прибавилъ: „Толко того не разу-мѣю, што тая Орда въ Крыму дѣлами мастъ: чи сами зъ собою ме-ждуусобную брань учнутъ, или обонимъ великимъ господарствомъ пре-свѣтлыхъ господарей нашихъ, совокупившихся, вражду думаютъ.—На сей сторонѣ Дигъира одъ Очакова“ (увѣдомлялъ онъ, въ свою очередь) „Орды шѣтъ, толко двѣ албо три тысеци: вся на Крымской сторонѣ“, и опять занялся насѣками да будами, не предвидя, что скоро все польское хозяйство на русской почвѣ пойдетъ прахомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Кисѣль увѣдомилъ путивльскаго воеводу, Ники-фора Плещеева, что халъ ласкается, черезъ своего посла, къ гетма-ну Потоцкому, къ князю Вишневецкому, что тотъ посолъ теперь въ

Прилукѣ, „и до многихъ изъ насъ (ласкается), со всѣми нами братающися и дружество хотя имѣти“; но твердилъ Москалю поучительно, что татарское дружество съ однимъ государствомъ есть вражда противъ другаго. Прошли уже (писалъ онъ) времена татарскихъ опустошеній то того, то другаго изъ нихъ. Теперь, если Татары хотятъ быть съ нами въ дружбѣ, пускай будутъ въ дружбѣ и съ Московскимъ Государствомъ. Заключилъ же свое посланіе словами: „Уже бо ихъ приближается кончина, родовъ же христіанскихъ Божіе милостію вознесеніе: Венетовъ и Малтапъ вознеслъ Господь“.

Черезъ три дня „каштелянъ евераль кіевскій, житомирскій, овручскій, староста носовскій“, какъ величали Киселя царскіе сановники, торопилъ бояръ князя Алексѣя Трубецкого, Григорія Пушкина и думнаго льяка Григорія Чистого къ скорымъ отвѣтамъ на его письма восклицая: „Толькое время само воисть, какое бысть умедленіе! Впредь же сице да не будетъ между нами: дружбѣ убо и любвѣ пріятельской есть противно“. По словамъ Киселя, ему, теперь уже брацлавскому воеводѣ, вмѣстѣ съ ясновельможнымъ паномъ Краковскимъ (Шиколаемъ Потоцкимъ), было поручено разузнать, по какой причинѣ нѣкоторые козаки ушли на Запорожье, и „какъ будутъ Крымцы думати, промышляти обо всемъ“.

Тутъ же кстати („еда къ тому пришло“) увѣрялъ Кисель царскихъ сановниковъ, что онъ жадничаетъ не будъ, а славы московскаго царя: „Мнѣ не будъ жадно, но добродѣтели его царскаго величества: слава убо есть и будетъ въ томъ его пресвѣтлого величества, что подарилъ меня, его королевскаго величества великаго посла; честь же моя, што на мнѣ просіяетъ, величества есть добродѣтель“.

Неизвѣстно, что думали себѣ въ бороду царскіе сановники объ умѣнѣ Адама Свѣнтольдича льстити и выпрашивать, которое въ Польшѣ преподавалось, какъ наука жизни.

Буря между тѣмъ незримо приближалась. Лобызаясь письменно съ московскими пріятелями своими по случаю „всславнаго воскресенія Господа нашего, Исуса Христа“, Кисель былъ преисполненъ радостныхъ упованій, и изъ „своего города Кубызчи“, близкаго къ Киеву, отъѣхалъ въ „дальній свой городъ Гошу, за Кіевъ миль тридцать“; если же „Орда что задумасть“, намѣревался слова прибыть въ Украину, и беззаботно писалъ о Хмельницкомъ, не предчувствуя, что онъ превратитъ въ прахъ и пепелъ близкіе и дальніе панскіе города вмѣстѣ съ королевскими.

„Своевольнаго черкасца Войско Запорожское само поднялося на Запорожу поймать, и крестъ на томъ пѣловали. Войско же наше ко-

ронное, скоро гравя начнегся, на Шляху Черномъ-лѣсу положеноно будетъ, и самъ ясневельможный панъ Краковскій и съ нимъ пашъ воевода черниговскій, польный гетманъ, будетъ, дондеке объявится, што Орда думаетъ: аще убо и брагається гань, посылаючи къ намъ вѣры не даемъ. Аще бы зъ Запорожа збѣжалъ Хмельницкій, козакъ своевольный, на Донъ и хогѣль подвизати донцовъ на море,— по соузѣ обоихъ великихъ господарей нашихъ, надобно зимать его какъ здрайцовъ обоихъ великихъ господарствъ“.

Въ заключеніе, Кисель просилъ пріятелей своихъ передать латинскую грамотку царскому доктору, когорый обѣщавъ сдѣлать ему водку противъ его „скорби и болѣзни, подагры“.

Эта болѣзнь была весьма распространена между польскими паннами, и потому имѣеть значеніе историческое. Привычка къ пьяной жизни развилась у нихъ въ ужасальной степени еще въ царствованіе Сигизмунда III. Владиславъ IV, какъ мы видѣли, страдалъ подагрой даже во время вторичнаго брака. Новый фельдмаршалъ его, Николай Потоцкій, былъ также подагрикъ. На подагру жаловался въ своемъ безцѣнномъ дневникѣ и литовскій канцлеръ, Альбрехтъ Радивиль. Если бы шаловливая богиня Венера бросила яблоко въ собраніе Избы Земской, или Сенаторской, непременно попала бы въ подагрика. „Старое венгерское“ составляло въ Польшѣ столь важный предметъ государственныхъ попеченій, что на послѣднемъ свободномъ сеймѣ, лишь только панскій ареопагъ проглотилъ безъ зазрѣнія совѣсти вопросъ о полтора милліонахъ, которые Рѣчь Посполитая „задолжала жолнеру“, тотчасъ его занялъ жизненный польскій вопросъ „o składzie wina węgierskiego“. Венгерское вино было, можно сказать, національною честью и славою истинно-панскаго дома. По извѣстной пословицѣ, оно въ Венгрии только рождалось, а воспитывалось и старилось въ Польшѣ (*Hungariae natum, Poloniae educatum*). Здѣсь его склады дѣлались ежегодно, съ расчетомъ пировать, пока Польша будетъ стоять на своемъ вѣчномъ основаніи, на милой шляхетскому сердцу и уму пуряницѣ. Въ самомъ дѣлѣ, даже во времена послѣдняго окончательнаго наденія панской республики, поэтъ Мальчевскій написалъ о Полякахъ прекрасными стихами то, что они дѣлали накануне Хмельницчины:

Proch pański jak serce zdawał się otwarty,
A stary węgryz plodził nie bez duszy żarty *).

*) И панскій погребокъ, какъ сердце, казался открытымъ, а старое венгерское рождало не безъ души шутки.

Царскіе вѣстовники были пронырливѣе панскихъ. Въ Бакчисараѣ вывѣдали они отъ „полонянина“ о козацкой стачкѣ съ Татарами и допесли своему государю, а изъ Москвы бояре Трубецкой, Пушкипъ и думный дякъ Чистаго, отъ 10 апрѣля, сообщили Адаму Кпселю слѣдующее:

„Марта де въ 5 день пріѣхали въ Крымъ къ царю зъ Днѣпра запорожскихъ Черкасъ четыре человекъ, а прислали де ихъ Черкасы крымскому царю битъ челомъ, чтобъ они, крымской царь. принялъ ихъ въ холопство; а они де стоятъ на Днѣпрѣ, а въ зборѣ ихъ пять тысячъ; и просили у крымскаго царя людей, чтобъ имъ итти на королевского величества Полскую Землю войною за свою черкаскую обиду; и какъ де они королевскаго величества съ людьми управятца, и они де крымскому царю учнутъ служить вѣчнымъ холопствомъ, и всегда съ нимъ на войну будутъ готовы. И крымской де царь тѣхъ Черкасъ, четырехъ человекъ, дарилъ кафтанами и держалъ у себя въ Бакчисарасхъ недѣлю, и, давъ имъ по лошади, отпустилъ ихъ назадъ; а крымскимъ людямъ и чернымъ Татаромъ приказалъ кормить лошади и готовитьца на королевского величества землю; а въ Перекопъ къ Тогаю, князю Ширипскому, писалъ, чтобъ Нагайскіе люди на королевского величества землю въ войну готовилися жъ. Да и Татарова де и Русскіе полоняники говорятъ не втай, что царь приказалъ Крымскимъ и Нагайскимъ людямъ войною на королевского величества землю готовитьца. А въ Крымѣ де голодъ большой, и прошлого году хлѣбъ не родился, а пинѣ скоть, овцы и коровы вымерли, и черные Татарова войнѣ ради, и безъ войны де шнѣшняго лѣта никакимъ обычаемъ пробытъ имъ не умѣтъ“.

Въ заключеніе важнаго извѣстія, оказавшагося вполне справедливымъ, царскіе сановники совѣтовали и принять мѣры къ тому, чтобы не „допустить тѣхъ Черкасъ подъ владѣнне крымскаго царя“. Въ этомъ совѣтѣ закл счалась не только христіанская, но и русская мысль, хотя Москали смотрѣли, въ этомъ случаѣ, на самихъ Черкасъ изчужа, точно Малоруссы время Ярославскихъ—на Торковъ и Берендеевъ.

Недѣли двѣ корреспонденты двухъ сосѣднихъ державъ молчали, словно чуяли съ обѣихъ сторонъ что-то грозное. Наконецъ, отъ 4 мая „рымскимъ числомъ“ польскорусскій сановникъ увѣдомилъ сановниковъ московскихъ (изъ своего города *Новосюлки*, здѣ за Кіевомъ миль пять) о начавшейся Хмельничинѣ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Никогда холопская рука, найшаче же змѣнниковъ, невозможна есть подвизатися противо своимъ господиномъ; и тотъ холонъ нашъ, змѣнникъ черкасскій, зъ дружиною своею, въ сихъ днехъ аще не из-

бѣжить въ Крымъ, измѣпно ю головою своею запечатустъ: полемъ убо и Днѣпромъ на него пошло войско наше... Все Войско Черкаское Запорожское есть вѣрпо, точію еденъ змѣнникъ Хмельницкій, простыхъ холоповъ прибавши къ себѣ, на Запороже збѣжалъ; и всѣ козаки черкаскіе вѣрные, крестъ цѣловавши, пошли Днѣпромъ доставати змѣнника того“.

Отъ 10 римскаго мая князь Іеремія Вишневецкій увѣдомилъ путивльскаго восводу, Плецсева, изъ Прилуки о слухахъ, которые приходятъ, безпрестанно повторяясь, что „непріятель Креста Христова наготовѣ собранныхъ ордъ на урочищѣ стоятъ у Кляжкихъ Байраковъ 40.000 подлинно ихъ сказываютъ, а того еще не вѣдомо, въ которые стороны; чего имъ, Боже, не помощи. Если въ панство его королевскіе милости Коруны Польскіе, albo въ землю его царского величества Московскую мысль имъ есть итти, всѣ наготовѣ и за таковыми вѣстами по обѣ стороны Днѣвира съ войски корушными стоятъ, а я при здѣшнихъ маетностяхъ моихъ съ людьми моими готовъ есмь, ожидаю скорше вѣсти, и повѣсти, куды мнѣ лучитца итти. И для того сею грамотою моею его царского величества и тебѣ знати даю, чтобъ вы были наготовѣ на большое остереганья отъ стороны непріятеля Креста Святаго“.

Такъ плохо порусски писалъ Русниъ, передѣлапный львовскими іезуитами въ Поляка. Про козаковъ до него не дошелъ, еще слухъ. Но въ то же время княжескій староста *) Малюшицкій, по письму Малоруссъ, сообщилъ изъ Краснаго тому же Плецсеву слѣдующее:

„Пишетъ его милость панъ гетманъ коронній сторопи людей Крымскихъ, съ которыми споливнился Хмельницкій своевольній въ тысячахъ козаковъ чотирохъ зъ Ордою, и наша комисара осадили на вершинахъ Саксагану въ четверъ прошлій, я Войско Запорозкое тамъ посылкуеть противко Татаровъ; але предся (однакожь) гору беретъ Орда и подъ Чегирниъ обѣщается подходить рихло (вскорѣ); и панъ полковникъ переяславскій видѣлъ въ Кучкасахъ по сей сторонѣ, въ поляхъ, вширь и долго большой милѣ, Орда стоитъ и еще прибываетъ. И по напису сееи грамоти прибѣгли зъ листами отъ гетмана корошного, же (что) Орда скупилася съ Хмельницкимъ, гдѣ всѣ войска обернулися противко ихъ людей“.

Накоонецъ Адамъ Кисѣль, отъ 11 мая римскимъ числомъ, увѣдо-

*) Паны имѣли, какъ и король, старость, которые, по отношенію къ этимъ королятамъ, были тѣ же *brachia regalia*.

миль Плещеева изъ Гоци о роковомъ событіи на Желтыхъ Водахъ, на вершинахъ Саксагана, — о первомъ пораженіи панскаго войска козаками:

„Ныѣча же достигше мя вѣсть о прелести поганской татарской, што они, егда яслевельможный канцелярь краковскій, гетманъ великій коронный, послать полкъ одень войска короннаго на змѣшниковъ черкасскихъ, они, собакове Татары, Крымци и Пагайцы, тотъ полкъ на поляхъ, на урочищу Жолтые Воды, осадили; тридцать тысячъ Орды на тотъ полкъ пришло, рымскимъ числомъ 2 мая. Они же, въ Христа Господа вѣруючи, храбро и бодро ополчившися, бравятся; по ныѣшнее время што се здѣло, Богъ вѣсть“.

Кисѣль, конечно, зналъ, что козаки соединились уже все и, вмѣстѣ съ Татарами, били пановъ; но не хотѣлъ сказать объ этомъ Плещееву. Онъ воицалъ о скорой помощи къ воеводамъ путивльскому, хотмыжскому и къ воеводамъ сѣвскимъ, ссылался на договоръ короля съ царемъ. Польская Русь, утратившая уже чистоту своего древняго языка и подражавшая рѣчи московской, съ примѣсю колонизмовъ, умоляла спастись се отъ Крымцевъ, а въ сущности — отъ польской неурядицы, породившей рушную козаччину.

Какъ велика была эта неурядица, мы увидимъ, перенесясь на правую сторону Днѣпра, въ лагерь коронныхъ гетмановъ.

Когда Кисѣль писалъ къ путивльскому воеводѣ, что „козаки черкасци одного пудковника своего, чигиринского, зрадили“, это значило, что Хмельницкій, еще въ февраль, прогналъ изъ Запорожья стоявшій тамъ, въ видѣ гарнизона, чигиринскій полкъ. Извѣстіе объ этомъ потрясло всю Украину, точно какъ будто Павлиукъ еще однажды сошелъ съ эшафота. Страхъ обнялъ шляхту. Одни бѣжали въ лагерь Цотоцкаго, другіе бросились къ обоимъ короннымъ гетманамъ съ мольбой о снабженіи Украины гарнизонами. Цотоцкій двинулся съ кварталнымъ войскомъ въ глубь Козацкой Украины, обезначилъ гарнизонами замки и города, велѣлъ свозить пушки съ безоборонныхъ мѣстъ, убѣждалъ „гродскими универсалами“ мѣстныхъ помѣщиковъ — не оставаться въ ихъ дѣмахъ, а присоединиться съ надворными дружинками къ коронному войску, разослать возванія къ магнатамъ, чтобы спѣшили къ нему на помощь, уговорилъ всѣхъ землевладѣльцевъ обзоружить мужиковъ, и наконецъ — опубликовалъ грозный универсалъ, воспрещавшій всякое сообщеніе съ Хмельницкимъ, бѣжавшимъ же къ нему для своевольства угрожалъ смертью оставленныхъ ими семействъ и уничтоженіемъ собственности. Словомъ, въ заплавную козацкію бунтомъ Украину подожгли горячаго матеріала.

Нельзя сказать, чтобъ онъ дѣлалъ „много шуму изъ ничего“. Онъ, провозившійся съ козацкими бунтами столько времени, еще въ декабрь 1647 года заявилъ, что не можетъ быть въ отечествѣ опасности, болѣе чреватой бѣдствіями (*więcej pęgnans periculum*). Онъ понималъ положеніе страны и выражалъ, можно сказать геройски, недомыслие, какъ „съ такою малою горстью квартирнаго войска“ отражать Татаръ, которые и безъ козаковъ были весьма опасны; по тѣмъ же менѣе шелъ на борьбу съ ними.

Король, однакожь, былъ крайне недоволенъ мѣрами своего фельдмаршала. Король повелѣлъ Потоцкому немедленно пустить козаковъ на Черное море, и не подвигаться съ войскомъ въ глубину Украины.

Коронный гетманъ оправдывалъ свои дѣйствія тѣмъ, что двинулся спасать Украину по общей просьбѣ и по всестороннему обсужденію дѣла; что не было такого села, такого города, гдѣ бы не призывали къ своевольству и не умышляли на жизнь и имущество пановъ и державцевъ, гдѣ бы не домогались вознагражденія своихъ заслугъ и не подавали безпрестанно жалобъ на несправедливости и притѣсненія. О вѣрѣ, которую наши лѣтописцы и историки дѣлаютъ первую и главною причиною бунта, предводитель его усмирителей не упомянулъ въ своемъ оправданіи передъ королемъ ни единымъ словомъ. Защищиковъ бунта онъ видѣлъ только въ недовольныхъ экономическими порядками да матеріальными потерями.

„Повидимому, не велика бѣда 500 взбунтовавшихся козаковъ“ (писалъ онъ); „но кто выигреть, съ какими упованіями и надеждами поднять бунтъ, каждый долженъ признать, что было изъ-за чего мнѣ двинуться въ Украину: ибо эти 500 человекъ подняли бунтъ въ заговорѣ со всѣми козацкими полками и со всею (мужицкой) Украиной. Когдабъ я не посигншилъ, запылалъ бы въ Украинѣ такой огонь, который не скоро былъ бы, или же великими силами, погашенъ... Одинъ князь воевода русскій (Вишневецкій) отобралъ у своихъ подданныхъ нѣсколько тысячъ самопаловъ, а сколько же другіе! Все это огнестрѣльное оружіе, вмѣстѣ съ людьми, принадлежало бы бунту Хмельницкаго. Еслибы не были предупреждены приготовленія къ бунту, еслибы не были забраны пушки въ разныхъ мѣстахъ, которыми своевольные люди (*swawola*) намѣревались овладѣть, то какова была бы сила ихъ, и что дѣлали бы они во владѣніи вашей королевской милости, можете представить. Впрочемъ я вовсе не съ тѣмъ двинулся въ Украину, чтобы пролить христіанскую кровь, которая въ свое время будетъ необходима для Рѣчи Посполитой, но съ тѣмъ, чтобы, не обпаяка сабли, однимъ только страхомъ кончить войну. До сихъ поръ

казаки не потеряли ниодной капли крови и не потеряютъ, если успокоятся. Но вижу, что этотъ безразсудный чловѣкъ, Хмельницкій, не преклонится передъ милостью. Не разъ уже я посылалъ къ нему, чтобъ онъ оставилъ Запорожье, обѣщая ему помилованіе, отпущеніе преступленій. Ничто на него не дѣйствуетъ. Пословъ моихъ задержалъ. Наконецъ послалъ я и папа Хмельницкаго, ротмистра вашей королевской милости, чловѣка расторопнаго и хорошо знающаго козацкіе *уморы*, съ увѣщаніемъ, ручаясь моимъ словомъ, что волосъ не упадетъ съ его головы. Но не тронутый и этой благосклонностью, отправилъ ко мнѣ моихъ пословъ съ требованіемъ, чтобы коронное войско вышло изъ Украины; чтобы паши полковники, со всею ихъ ассистенціей, были изъ полковъ удалены; чтобы правительственная ординація относительно козаковъ была уничтожена“.

Далѣ Потоцкій доносилъ королю, что Хмельницкій зоветъ къ себѣ на помощь Татаръ, которые хоть и вернулись главною массою въ свои кочевья, но все еще чего-то ждуть у Дибъра. Нѣсколько сотъ Крымцевъ переправилъ онъ даже на сю сторону, съ тѣмъ чтобъ они сгоняли польскія сторожи, поставленныя на разныхъ пунктахъ для удержанія своевольныхъ людей отъ побѣговъ на Запорожье. Слышно было, что у Хмельницкаго уже 3 000 козаковъ. Въ этомъ Потоцкій видѣлъ доказательство, что онъ давно уже думалъ о томъ, какъ начать свой бунтъ.

„Сохрани Богъ“ (продолжалъ коронный гетманъ), „еслибъ онъ съ этимъ войскомъ вступилъ въ Украину! тысячи обратились бы вдругъ во сто тысячъ, и было бы намъ, что дѣлать съ этими своевольниками. Теперь онъ готовится и укрѣпляетъ себѣ на Буцкѣ городъ (ногод), и рѣшился сильно въ пещь обороняться. Высоки доводы вашей королевской милости, которые благоволите высказывать по предмету отвращенія этого несчастья: чтобы позволить своевольникамъ идти на море, еслибъ того пожелали. Не того ему хочется, чтобъ идти на море, а того, чтобы жить въ стародашнемъ своевольствѣ и чтобы ниспровергнуть священныя постановленія Рѣчи Поснолитой, стоившія столькихъ трудовъ и шляхетской крови. Согласенъ я, что для общественнаго блага слѣдовало бы пустить козаковъ на море, именно въ интересахъ самой Рѣчи Поснолитой, чтобъ эта милиція не залегала поля и не забывала давнишняго способа войны, который можетъ въ послѣдствіи понадобится. Но въ такое скользкое время нельзя этого сдѣлать потому, что одни чины еще не готовы, а другіе хоть и готовы, но не такъ снаряжены, чтобы годились для морской битвы. Поэтому неготовые приказалъ я копчить при себѣ, а на мѣсто сдѣла-

ныхъ кой-какъ будутъ присланы другіе. Но хоть и будутъ изготовлены, для этого необходимо, чтобы козаки были усюкосны и въ надлежащемъ порядкѣ отправлены, если то укажетъ надобность Рѣчи Посполитой и воля вашей королевской милости. Ибо, сохрани Боже, чтобы неусюкосные вышли они на море и, верпувшись, подняли неугашенный бунтъ: тогда удержать ихъ въ указанной ординаціи Рѣчи Посполитой значило бы воевать и съ козаками, и съ Турками, и съ Татарами. Вотъ почему надобно, по моему мнѣнію, постараться, какъ я и стараюсь, угасить сперва шийшиніе бунты. Но во всемъ этомъ я желаю повиноваться волѣ и повелѣніямъ вашей королевской милости“.

Было это писано, вѣроятно, въ то время, когда султанъ запретилъ Татарамъ вторгаться въ Польшу. Папы были этимъ обрадованы, и фельдмаршалъ окончилъ свое покорно-оппозиціонное оправданіе горькою для короля лестью:

„Радъ бы я былъ видѣть въ эту зиму побѣды вашей королевской милости надъ непріятелемъ Св. Креста и новыя лавры, украшающіе ваше славное имя; но такъ какъ задуманныя предначертанія (вражескія) отмѣнены, что видно изъ прилагаемыхъ при семъ писемъ господаря, то униженно прошу принять отъ меня вѣнецъ служенія отечеству“.

Таково было положеніе измечтанной королею Турецкой войны и дѣйствительнаго бунта Хмельницкаго въ концѣ марта 1648 года, когда Потоцкій, обезпеченный дружественнымъ письмомъ Исламъ-Гирея, рѣшился послать противъ Хмельницкаго войско и подавить бунтовщиковъ, пока они не усилились приливомъ своевольныхъ людей изъ Украины. Между тѣмъ Хмельницкій, въ началѣ марта, заключилъ договоръ съ Татарами, отдалъ хану въ залогъ сына своего, Тимофея, а самъ вернулся на Заморожье сзывать къ себѣ козаковъ.

Войско, находившееся въ распоряженіи Николая Потоцкаго и его товарища по гетманству, Мартина Калиновскаго, долго стояло въ бездѣйствіи между Брацлавомъ, Винницею и Бѣлою Церковью, въ предупрежденіе татарскаго набѣга. Отъ Бѣлой Церкви до Капева оборонять Поросье должны были польскіе Торки и Берендси, козаки, а за Днѣпромъ Посуліе защищали многолюдныя дружины удѣльнаго, можно сказать, князя Рѣчи Посполитой, Іеремія Вишневецкаго. Въ виду быстро закипающаго бунта, Потоцкій не дождался королевскаго универсала для наступленія на козаковъ, какъ бывало до сихъ поръ, и поспѣшилъ на театръ своихъ подвиговъ 1637 и 1638 годовъ.

Теперь ужъ Николай Потоцкій былъ не тотъ, что въ оныя прославленные имъ годы, когда Шляхетскій Народъ восторжествовалъ надъ Народомъ Козацкимъ и, какъ намъ казалось, навѣки подчинилъ его

своей законодательной власти. Болѣль Потоцкій панскою болѣзною, подагрою, и въ Агамемноновскомъ своемъ походѣ на Сулу. Десятилѣтіе, проведенное среди „хлѣбоздцевъ“ и винопійцевъ гостепріимнаго дома Потоцкихъ, сдѣлало польскаго защитника Поросля и Посуля неспособнымъ сѣсть на коня. Онъ ѣздилъ по полкамъ въ каретѣ и во время битвы. Но въ отяжелѣвшемъ тѣлѣ носилъ Потоцкій энергическій духъ своихъ предковъ, Русичей: ибо не напрасно волочилась Польша за нашими буйтурами, вовлекая ихъ въ свою національность: она ловила въ Малороссіи таланты, которыми была скудна, и этими талантами прославилась въ католическомъ свѣтѣ. Потоцкій вѣровалъ, подобно православному Ляху Киселю, что „никогда хлопская рука не возможна есть подвизаться противъ своимъ господипомъ“.

Еслибы сенаторы и вельможные паны, исчисленные въ реторическомъ письмѣ Киселя къ путивльскому зоеводѣ, предвидѣли, что новый козацкій царь Наливай всего больше разсчитываетъ на соединеніе козаковъ съ ордынцами,—не повернули бы они своихъ ополченій во-своеси до тѣхъ поръ, пока не сдѣлали бы невозможнымъ столь давно намѣченное сляніе польскорусской орды съ татарскою. Но гордые побѣдами своего Потоцкаго падъ козаками и своего Конецпольскаго надъ Татарами, они смотрѣли спокойно на то, что одна орда раздражена неуплатою жолду, а другая—отказомъ въ гарачѣ: они забыли, что оба скопища хищниковъ задѣты за живое и съ другихъ сторонъ. Побѣдители Косинскаго и всѣхъ козацкихъ бунтовщиковъ упустили изъ виду, что Конецпольскій преслѣдовалъ Жмайла въ непроходимыя трущобы Медвѣжьихъ Лозъ единственно изъ-за его попытки вызвать Крымцевъ на опустошеніе колонизуемой имъ Украины,—попытки, повторяемой упорно козаками въ каждомъ бунтѣ своемъ и, что Потоцкій совладалъ съ христіанскими ордынцами подъ Кумейками и на Старцѣ только благодаря ихъ тогдашней враждѣ съ мусульманскими.

Владиславъ IV былъ одаренъ умомъ вовсе не строительнымъ; но паны, вырвавшіе у него изъ рукъ всю власть, оказались теперь несостоятельнѣе своего развѣнчаннаго монарха въ государственномъ строительствѣ и въ сохраненіи за собой края, безъ котораго Польша, по выраженію одного простолюдина, была все равно, что рукавъ безъ жупана. Сравнительно съ этими пигмеями царственности, онъ былъ великъ уже тѣмъ, что могъ бы, такъ, или иначе, двинуть въ походъ громадную войска и въ томъ числѣ 30.000 ихъ собственнаго контингента. Но, низложивъ титулярнаго короля своего, фактическіе короли польскіе, легкомысленно играли съ огнемъ. о которомъ еще отцы и дѣды ихъ говорили, что его надобно гасить въ искрахъ. Благоразум-

но, или иѣтъ воспротивились они войцѣ своего избрапника съ непри- ятелями Св. Креста,—это могло бы оказаться только въ непредвиди- мой комбинаціи разнообразныхъ человѣческихъ интересовъ; но совер- шившіеся факты говорятъ намъ, что паны не понимали значенія цар- ственности, и либеральною борьбой съ Владиславомъ сдѣлали то, что теперь Св. Крестъ несли противъ нихъ самихъ Татаре руками Хмель- ницкаго, съ тѣмъ, чтобы подъ этимъ знаменемъ „землю, текущую мо- локомъ и медомъ“, превратить въ безлюдную пустыню.

Что касается Потоцкаго, то, не поддержанный умомъ и пред- усмотрительностью сенаторовъ, которые самоувѣренно вернулись до- мой съ парада на Черномъ Шляху, онъ взялъ подавленіе украинскаго бунта на свою нравственную отвѣтственность, и долженъ былъ еще оправдывать свое геройское предиріятіе передъ уничиженнымъ королемъ, приправляя правду ложью.

Положеніе талантливаго полководца было рискованнымъ и десять лѣтъ назадъ, по милости правительственной неурядицы. Въ роковомъ 1648 году оно сдѣлалось крайне затруднительнымъ, и потомъ—та- кимъ отчаяннымъ, какъ послѣдній походъ незабвеннаго Русина-като- лика, Жовковскаго. Недавно видѣлъ онъ передъ собой въ движеніи всю сосѣдню-азіятчину, командуя шеститысячнымъ кварталнымъ вой- скомъ, которому авангардомъ служили еще непошатнувшіяся шесть тысячъ реестровиковъ, а въ арріергардѣ стояло 30.000 панскихъ дружинъ. По словамъ Киселя, враги христіанства и цивилизаціи исчезли предъ лицомъ этой грозной силы, *яко исчезаетъ дымъ*. Те- перь главнокомандующій опую грозною силою очутился противъ той же азіятчины въ виду всего анти-шляхетнаго населенія Украины, взбунтованнаго козаками,— очутился съ такими силами, которыхъ едва было достаточно для однѣхъ рекогносцировокъ.

Но Потоцкому долго не вѣрилось, чтобы хапъ Исламъ-Гирей, считавшій свой родъ старше султанскаго, низошелъ съ высоты своей кипчакской царственности до панибратства съ бродягами, которыхъ предшественники его отвергли, какъ „безголовое тѣло“. Онъ лично зналъ Исламъ-Гирея во время его пребыванія у отца нынѣшняго его сподвижника, Сѣпявскаго, и, можетъ быть, заодно съ королемъ, расположили пріятели къ тому великодушію, съ которымъ онъ возвра- тилъ своему плѣннику свободу. Потоцкій до сихъ поръ не могъ подо- зрѣвать, что дружескія письма хапа были только усыпительнымъ для цановъ напикомъ лести... По его успокоивало своевременное заня- тіе главныхъ сѣдалищъ украинской козаччины. Самъ Потоцкій распо- ложился въ Черкасахъ; полевой гетманъ, Калиновскій, въ Корсуни;

прочіе полки стояли тамъ же, по рѣкѣ Роси. Утвердясь на стратегическихъ точкахъ опоры противъ степнаго варварства, защитникъ польской цивилизаціи ждалъ наступленія мятежниковъ, которые, по его мнѣнію, могли бы увеличить свое число только тогда, когда бы появились невозбранно среди Козацкой Украины.

Между тѣмъ побѣги на Запорожьѣ продолжались. По Украинѣ шлялись изъ села въ село хмельничане, переодѣтые — то пиццами, то богомольцами, и подготавливали убогую чернь къ нападенію на людей шляхетныхъ и зажиточныхъ, которыхъ вообще называли они *Ляхами*, а если не Ляхами, то *Недолашками*, то-есть не достигшими еще полнаго лянства, но-козацки *лядства*, но у которыхъ съ Ляхами „одинъ духъ“. Въ теченіе полустолѣтней оппозиціи всякому *присуду* (юрисдикціи) и всякой власти въ Украинѣ, козаки выработали о себѣ въ гулящемъ простонародѣ такое мнѣніе, что только въ козацкихъ сердцахъ осталась на свѣтѣ правда, которой нѣтъ уже ни у пановъ, ни у какихъ-либо властителей. И въ наше время, упорядоченное и счастливое несравненно больше того бѣдственнаго вѣка, кобзари твердятъ въ своихъ пѣсняхъ категорически:

Ужѣ тепѣрь правда стоить у порога,
А тая неправда—въ нашѣвъ кінець стѣла.
Ужѣ тепѣрь правда сидѣть у темниці,
А тая неправда—съ панами въ свѣтлиці...

Вообразимъ тогдашнихъ кобзарей, что *они* пѣли, и съ какими чувствами *ихъ* слушали!

Для низшихъ классовъ украинскаго населенія, образовавшихся путемъ постоянного перекочевыванья съ мѣста на мѣсто, козакъ, по простонародной пѣснѣ *души правдивая* въ своемъ убожествѣ, сдѣлался идеаломъ удалства, счастья и вольной воли, до того, что украинскіе дѣвическіе баллады и романы называютъ своихъ героев *козаченками* вмѣсто другихъ ласкательныхъ именъ, а женскіе и материнскіе украинскіе пѣсни-плачи переполнены выраженіями тоски о козацкихъ *приддахъ*, то-есть бѣдственныхъ случайностяхъ, не говоря уже о тѣхъ пѣсняхъ мужскихъ, которыя, по своему содержанію, не отличаются отъ великорусскихъ пѣсней, именуемыхъ разбойничьими, и предають проклятію самихъ мастеровъ, стромившихъ темницы даже для такихъ преступниковъ, какъ губители дѣвиць, вдовъ и мужскихъ женъ. Тогдашняя запорожская пропаганда оправдывала всѣ преступления и обвиняла всѣхъ представителей общественной юрисдикціи. Она сулила черни золотой вѣкъ безнаказанности, всяческой свободы

и незаслуженнаго трудомъ богатства. Это была пропаганда крайне опасная и для правительства, и для той массы, которую поднимала противъ правительственныхъ органовъ порядка.

Украина, занятая теперь короннымъ войскомъ, еще недавно состояла изъ однихъ козацкихъ кочевьевъ. Шляхетская хозяйственность пришла сюда съ обычаями, выработанными обществомъ, сравнительно культурнымъ, и градація этой хозяйственности начиналась тогда съ промысла первобытнаго — съ выжиганія лѣсовъ для поташной золы, которую Пѣмцы-выходцы научили насъ называть шмальцугою. Къ этому варварскому промыслу всего больше былъ склоненъ мѣстный мужикъ, глядѣвшій вообще волкомъ на земледѣльца-ратая и на его службниковъ. Заложивши въ лѣсу *буду*, то-есть поташной костеръ, онъ оставался свободенъ и празднеть въ своей трущобѣ во всю охоту диваря къ снапью и звѣроловству. Къ работникамъ этого рода, называвшимся *будниками*, ближе всего стояли пасѣчники, посѣвавшіе лѣса, старожившіе „бортные ухозяи“ въ ихъ и сидѣвшіе пасѣками въ такихъ „цѣтрахъ“ (цеторенныхъ мѣстахъ), въ которые хищниковъ ордынцевъ не вели широкіе Татарскіе Шляхи. За пасѣчниками слѣдовали *чабаны*, кочевавшіе въ „катрѣгахъ“ при стадѣ овецъ, рогатаго скота или лошадей, люди, также свободные етъ надзора въ своихъ занятіяхъ и досужіе во времени. За ними рабочую силу хозяйственной жизни составляли *могиляники*, насынавшіе сторожевые могилы и земляные поды именемъ „могилъ“ памятники, селитряные бурты, а въ городахъ и селахъ валы, безъ которыхъ не уцѣлѣлъ бы тогда пограничный поселокъ и одного года. Далѣе шли уже черно-рабочіе, болѣе или менѣе стѣсненные въ своихъ занятіяхъ присутствіемъ людей культурныхъ, но зато разгульные въ своихъ привычкахъ, — люди, которыхъ называли „роскішными“. Это были *винники*, *броварники*, *лазники*, отбывавшіе условленную между *осадчимъ* (колонизаторомъ) и *осадникомъ* (колонистомъ) панцину, или служившіе по винокурнямъ, пивоварнямъ и лазнямъ, то-есть банямъ, въ селахъ и городахъ.

Всего труднѣе было пріучить и пріохотить украинскаго мужика къ земледѣлію, которое особенно не правилось попробовавшимъ козачины, какъ занятіе, требовавшее сидѣнья на одномъ мѣстѣ. Ратаи, или пахарн пользовались особенными преимуществами передъ панскимъ подданными, и составляли какъ бы средній классъ между землевладѣльцами и тою смѣшанною массою, которая селилась и кочевала въ ихъ имѣніяхъ. Эта хаотическая масса сидѣла по своимъ мѣстамъ только тогда, когда голодъ и холодъ смирялъ ее до готов-

ности трудиться изо дня въ день. И ремесленники, и хлѣборобы занимствовали изъ нея рабочія руки для своего производства. Но лишь только наступала весна, каждый *нетля* наровиль уйти въ безлюдную глушь на независимый промыселъ, хотя бы для этого пришлось ему „забирать въ торбу дѣтей“.

Изъ такихъ-то нетягъ, работающихъ за кусокъ хлѣба мѣщанамъ, ратаямъ и землевладѣльцамъ, низовые козаки составляли свои ополченія, тогда какъ люди осѣдлые старались удержать ихъ дома севе-стромъ ихъ подвижности, нажитой, по условію съ хозяиномъ, на его землѣ и въ его заведеніяхъ. Удачный морской пабѣгъ, удачный грабежъ татарскаго, волошкаго купческаго или панскаго добра—давали новымъ гайдамакамъ средства для вербовки украинской голоты, которая обыкновенно собиралась въ козацкія купы съ дрекольемъ, а „полатавши свой злѣднѣ“, вооружалась списами (рогатинами), саблями и пицалями. Кобзыри писали съ патуры, изображая Хмельнитчину такими, напимѣръ, словами:

Котѳрый козакъ шабля булатноі,

Пицалі семипядно:

Не маѣ,

Той кія на плечі забіраѣ,

У вѣйско до Хмельницького поспішаѣ.

Наслушался Потоцкій рассказовъ объ этомъ еще въ Павлюковцину. Теперь онъ видѣлъ собственными глазами, какъ украинская голота перебѣгаетъ изъ становища хозяйственности въ становище добычнаго промысла. Вотще звалъ онъ къ себѣ на помощь вернувшихся во-своихи вельможныхъ землевладѣльцевъ: они величаво почивали на лаврахъ своего степнаго парада. Напрасно представлялъ королю, что козатчина должна быть подавлена окончателъно, какихъ бы жертвъ это ни стоило Польшѣ, если Польша хочетъ владѣть своими займищами: король былъ глухъ къ его представленіямъ.

Король видалъ козаковъ только въ своихъ походахъ. Онъ цѣнилъ опустошительные подвиги варваровъ, помогшихъ ему восторжествовать надъ Москвою. Онъ былъ готовъ жертвовать разореніемъ украинскихъ королевщинъ въ виду возможнаго завоеванія Турціи, которое неотступно занимало его мысли, и потому продолжалъ высказывать убѣжденіе, что дружелюбнымъ обращеніемъ съ казаками всего лучше укротить завзятыхъ; что дозволеніемъ ходить на море козаки были бы совершенно примирены съ начальствомъ; а если есть въ Украинѣ какія-нибудь вепшыки, то сеймовой комиссіи надобно на-

рядить строгое слѣдствіе и предать суду тѣхъ, которые своими педираведливостями подали къ нимъ поводъ. Члены этой комиссіи, какъ люди, непрічастные интересамъ обидчиковъ и обиженныхъ,—по мнѣнію короля, всего больше могли содѣйствовать Потоцкому въ умнротвореніи пограничнаго края.

Еслибы (замѣчу кстати) была хотя тѣнь догадки у короля, что на козаковъ досаждаютъ католики и упіяты,—это высказалось бы теперь въ его паказахъ. Еслибы Хмельницкій жаловался ему на Чаплинскаго,—это имя хоть мелькнуло бы въ его сношеніяхъ съ главнокомандующимъ. Факты за фактами сыплются обильно зернами исторической правды въ современной перепискѣ, которой передъ нами горы, а все вымышленное отсутствуетъ въ ней, на горе сочинителямъ дѣтскихъ сказокъ о козакахъ.

Оставалась одна надежда на сенаторовъ и вельможныхъ паповъ, которые такъ послѣдшне увели свои дружины. Но папы всегда собирались въ походъ медленпо; а теперь ихъ тормазила королевская партія, настроенная миролюбиво на счетъ козаковъ и воинственно на счетъ Турокъ.

Между тѣмъ, въ началѣ апрѣля, Днѣпръ выступилъ изъ береговъ; воду въ рѣкахъ и рѣчкахъ, какъ говорится, *пустило*. Козакова-таго украинца весенняя вода располагала къ бродячей жизни. Дѣвчата пѣли своимъ возлюбленнымъ:

Ой весна красна, ой весна красна,
Та й изъ стріхъ вода капає:
Ой уже жъ тобі, мій козаченьку,
Та й мадрівочка пахис.

А влюбленные молодцы обѣщали своимъ „крялямъ“ серебро-золото безъ счету, дорогія ткани безъ мѣры. Густыя купы голоты, тянувшіяся въ страну мечтаній о китайчатыхъ опучахъ, за Пороги, оправдывали слова кобзарской думы:

А якъ прійде весна красна;
Буде вся на́на голота ряса.

Подобно весенней водѣ въ Днѣпрѣ, ежедневно и ежчасно прибывали на Низу козаки. Напротивъ силы Потоцкаго увеличивались папскими контингентами мало. Папы, не получая крупныхъ извѣстій объ украинскихъ бунтахъ, считали дѣло не стоящимъ особенныхъ заботъ. Одна молодежь папская, желая составить собѣ рыцарскую репутацію, выѣзжала въ Украину па челѣ своихъ блестящихъ почтовъ.

О Хмельницкомъ ничего вѣрнаго не знали, а вѣсти, приходившія съ низовьевъ Днѣпра, считали обыкновенными въ тревожныхъ случаяхъ розказнями. Не открывая въ Украинѣ новыхъ признаковъ готовящагося бунта, коронные гетмапы оставались попрежнему въ положеніи выжидательномъ.

Въ это время кто-то изъ приближенныхъ къ Потоцкому писалъ къ кому-то, 2 римскаго апрѣля, изъ Черкасъ о томъ, какъ ему представлялось дѣло.

„Трудна эта несчастная козацкая война. Хмельницкій *лежитъ* на днѣпровскомъ островѣ, называющемся Буцкимъ, отъ нашего берега въ двухъ миляхъ, а отъ крымскаго на выстрѣль изъ доброй пушки. Но пушекъ тамъ у насъ нѣтъ. Посылалъ туда панъ Краковскій пана Хмелецкаго, да Хмельницкій на то не смотритъ. Онъ отдѣляется только готовностью къ услугамъ и бьетъ челомъ, говоря: что выйдетъ на влость, *) пускай только его милость панъ Краковскій удалится съ войскомъ и отзоветъ пановъ полковниковъ; одинъ комиссаръ пускай останется: онъ значить у нихъ много.

„Прибыла отъ его милости короля комиссія“ (продолжаетъ неизвѣстный); „но не знаю, что сдѣлають они безъ денегъ, а козакамъ надобно дать 300.000 (trzy kroć sto tysięcy), да отдать подъ судъ полковниковъ и самого комиссара. Этого пива паварили они. Не мало обвиняють и пана короннаго хорунжаго (Концпольскаго). Не такъ-то легко успокоить то, что предстоитъ.

„*Лежимъ* покаместъ по Заднѣпрію. Полкъ его милости пана Краковскаго въ Черкасахъ; пана полсваго гетмана въ Корсупи и въ Миргородщинѣ, по вѣмъ послѣдственнымъ имѣніямъ пана короннаго Хорунжаго; полкъ пана Чернѣховскаго (капителяна черниговскаго Яна Одривольскаго), въ Каневѣ, въ Богуславѣ. Послѣ свѣтокъ тотчасъ идетъ на Запорожье сухимъ путемъ, а козацкое войско—Днѣпромъ на челпахъ. Гультаевъ же на этомъ островѣ не меньше 1.500: ибо у нихъ всюду отпимали пану, чтобъ не собирались въ одну купу“.

Кто бы ни былъ писавшій это, по его мнѣнію было выраженіемъ общаго суда усмирителей козацкаго бунта. Дѣло началось всѣтаки съ недоплаты жолду, какъ и первые козацкіе бунты. Приучивъ козаковъ къ своеволію, которое прощали пляхтѣ, паны хотѣли обуздать ихъ Поляками-полковниками. Это для козаковъ было и въ правствепномъ и эконоическомъ отношеніи бременемъ тяжелымъ; пото-

*) Въ населенную Украину.

му-то Хмельницкій и настаивалъ на отозваніи полковниковъ со всею ихъ ассистенціею. Козаки павлюковцы, какъ мы помнимъ, и собственныхъ избранниковъ обвиняли въ заѣданіи жолду: тѣмъ боге козаки хмельничаше должны были подозрѣвать въ этомъ повязанныхъ имъ полковниковъ-Ляховъ и комиссара-Нѣмца; а жолдовой недоимки накопилось такъ много, что сеймовые паны проходили се молчаніемъ и помнили только о полумилліонѣ жолнерской. Не меньше полковниковъ и „скарбовыхъ людей“ виновнымъ въ бунтѣ оказывался и Александръ Конецпольскій, позволявшій себѣ поступать съ Хмельницкимъ такъ въ XVII столѣтіи, какъ предокъ Мартина Калиновскаго поступилъ съ отцомъ Наливайка въ XVI.

При этомъ замѣчательно, что полсвой гетманъ прикрылъ собственнымъ полкомъ все вѣтчинныя имѣнія Конецпольскаго. Это показывасть, что на нихъ были намѣрены наступить козаки Хмельницкаго, какъ на Острожчину наступили козаки Косинскаго. Хмельничина, какъ видимъ, имѣла въ началѣ характеръ частной ссоры, какою была Косинщина, и король, безъ сомнѣнія, смотрѣлъ на нее не иначе, какъ на ссоры своихъ королей за взаимный захватъ имѣній.

Одновременно съ приведенной выше реляціей младшій Чернецкій привезъ въ Варь извѣстіе,—что у Хмельницкаго людей набралось уже 2.500, въ томъ числѣ 500 Татаръ, и что Хмельницкій заявилъ требованіе—чтобы ни одинъ Ляхъ не былъ старшимъ надъ Запорожскимъ войскомъ: „Вотъ чего надѣлала жадность полковниковъ и тиранское обращеніе съ козаками!“ писалъ объ этомъ подольской судья Мясковскій, и повторялъ предсказаніе Чернецкаго, что съ козаками будетъ долгая и трудная „голландская война“. Но о вѣрѣ, конькѣ нашихъ историковъ, никто ни слова!

Что касается Татаръ, то козаки, не смотря на соглашенія съ ними со временъ Косинскаго, не все одобрили договоръ съ ханомъ, какъ это было и въ то время, когда Самуилъ Зборовскій принялъ названіе ханскаго сына. Сохранилась рѣчь одного козака, записанная кѣмъ-то изъ Поляковъ помалорусски раньше прибытія татарской помощи:

„Пане отамане и панове молодці!“ (говорилъ козацкій ораторъ), „вѣльно вамъ волю гетьманську и свою чинити, та не знаю, чи буде воно гарэздъ, щобъ намъ поганцівъ за опекунівъ собі брати. Дастъ Богъ, наше військо мѣже й самѣ те справити, щѣ мы хочемо черезъ тихъ поганцівъ одъ Ляхівъ оборонитись и въ королѣ, пана нашего, кривды пашої дохѣдити“.

Слушатели закричали на это: „Гарáздъ! Богъ ме *), гарáздъ!“ Но вмѣстѣ съ татарскою помощію пришелъ къ Хмельницкому и терроръ, а терроромъ уже и Царь Наливай загвѣщалъ ему подавлять козацкое разномысліе.

Долго скрывалъ Хмельницкій свои силы и свои намѣренія (въ этомъ онъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ). Наконецъ какой-то козакъ-чатовникъ принесъ намамъ извѣстіе, что бунтовщикъ вышелъ изъ урочища Микитинъ Рогъ (въ которомъ стоялъ кошемъ и Павлюкъ), и идетъ берегомъ Днѣпра, чтобы стать въ кутѣ, образуемомъ Днѣпромъ и рѣкой Тясминомъ (подобіе тѣхъ вилъ на Сумѣ, въ которыхъ съ такимъ усѣхомъ оборонялся Гуца). Такъ какъ вѣрный козакъ не могъ добыть болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній, то было рѣшено послать въ Дикія Поля сильный отрядъ, который бы отыскалъ неприятеля и привезъ отъ него къ гетманамъ плѣшниковъ. Только отъ нихъ можно было вывѣдать, сколько у Хмельницкаго войска и каковы его намѣренія.

Отрядъ былъ снаряженъ въ такомъ составѣ, чтобы онъ могъ не только открыть, но въ случаѣ удачи, даже истребить неприятеля. Онъ заключалъ въ себѣ 1.200 отборныхъ вонновъ съ 12 пушками и множествомъ походныхъ воевъ, которые, вмѣстѣ съ артиллеріей, представляли подвижной замокъ, способный выдержать атаку многочисленной толпы азіятцевъ, какъ этому былъ не одинъ примѣръ со времени славнаго и набожнаго предводителя подольской шляхты, Мелецкаго. Еслибъ этому отряду не удалось разогнать христіанно-магометанской орды, то, отступая въ порядкѣ и раздражая степныхъ паѣздниковъ рыцарскими горцами, онъ долженъ былъ привести неприятеля въ такое мѣсто, гдѣ главное войско воспользуется своимъ превосходствомъ въ стратегіи и тактикѣ. Такъ было поступлено съ павлюковцами подъ Кутейками. Такъ, очевидно, вознамѣрился Потоцкій поступить и съ хмельничанами.

Предводителемъ посылаемаго въ нечепѣжскую степь отряда былъ назначенъ сынъ короннаго великаго гетмана, Стенацъ Потоцкій, подъ руководствомъ опытнаго и ученаго ротмистра Шемберка, состоявшаго въ должности козацкаго комиссара. Множество знатныхъ „папаятъ“ вызвалось раздѣлить съ молодымъ Потоцкимъ опасности, труды и лавры степнаго похода. Подъ знаменемъ дома Потоцкихъ собрался цвѣтъ польскорусскаго рыцарства. Лучшіе кони, лучшіе снаряды, луч-

*) *Богъ ме*—сокращеніе словъ: „Богъ мене вбѣи.“

шіе польскіе и русскіе боевые люди ручались главнокомандующему за успѣхъ предпріятія.

Но предпріятіе было всё-таки рискованное. Силы занятаго бунтовщика были невелики, а между тѣмъ изъ за Дибиря пришло извѣстіе, что десятки тысячъ голодныхъ Крымцевъ „висятъ“ надъ Борскломъ и у Кременчуга. Страшно было старому гетману отпускать сына въ таинственную степь, съ которою козакъ и его конь, по выраженію молодого, слишкомъ рано угасшаго польскаго поэта, составляли одну дикую душу:

I przez pustę bezdroża król pustyni rusza,
A step, koń, kozak, ciemność—jedna dzika dusza. *)

Призывалъ онъ къ себѣ лучшихъ представителей реестроваго козачества и, забывая, что Хмельницкій еще недавно былъ такимъ же, какъ они, орудіемъ законной власти, забывая даже собственное увѣреніе, что бунтовщикъ дѣйствуетъ въ заговорѣ со всѣми полками,—просилъ ихъ поддержать достойнымъ образомъ сухопутное войско, спускаясь въ постоянномъ сообщеніи съ нимъ, по Дибирю. При этомъ Потоцкій старался внушить реестровикамъ отвращеніе къ татарскому быту запорожскихъ гультаевъ, невѣрному въ матеріальномъ отношеніи и позорному въ нравственномъ.

Основою внушенія служила ему мысль,—что козаки живутъ въ Украинѣ такъ же привольно, какъ и шляхта; что ронтать на свое положеніе могутъ одни выписчики, эти баниты и инфамисы козачества: что паны, какъ землевладѣльцы и высокіе саповники, не только не тѣснили козаковъ, напротивъ нуждались въ добромъ съ ними соглашеніи для защиты отъ Татаръ и домашнихъ разбойниковъ; что и хлѣборобы украинскіе жили, „во всемъ изобильно, въ лѣбахъ, въ стадахъ въ насѣнкахъ“, и что одни крамольники вооружали худшихъ изъ нихъ—то противъ панскихъ урядниковъ, то противъ Жидовъ-арсидаторовъ.

Не сомнѣвался Потоцкій, что люди осѣдлые и домовитые подорожатъ своими достатками, своимъ почетнымъ положеніемъ, и не станутъ якшаться съ одичалыми лугарями, которые ведутъ въ Украину враговъ Св. Креста. Что же касается запорожской метительности, которою мятежники обыкновенно стращали людей неподатливыхъ, то отъ нея, по его убѣжденію, реестровики были достаточно охранены присутствіемъ въ Украинѣ короннаго войска.

*) И летить пустынными бездорожьями царь пустыни, а степь, конь, козакъ, темнота, эта—одна дикая душа.

Въ отвѣтъ на рѣчь пана Краковскаго реестровники увѣрили его въ неизмѣнной преданности своей, поклялись изловить Хмельницкаго, какъ пѣкогда Сулиму, и опъ отпавилъ ихъ на челнахъ внизъ по Днѣпру, въ тѣхъ видахъ, что смѣть его будетъ имѣть въ нихъ, на всякій случай, готовую поддержку.

Походъ молодаго Потоцкаго былъ обзвеченъ... Не даромъ козакъ погомъ, въ своихъ революціонныхъ рапсодіяхъ, приписывали старому гетману женскіи разумъ (рѣзумъ жіндцький): онъ въ самомъ дѣлѣ показалъ легковѣріе женское, для котораго, въ извѣстныхъ случаяхъ, не существуютъ и тысячелѣтія примѣровъ.

Искусному усмирителю козацкихъ бунтовъ оставалось, повидимому, только выбрать мѣсто, подобное Кумейкамъ, на которое бы, въ случаѣ невозможности поразить новаго Павлюка въ Дикихъ Поляхъ, Стефанъ Потоцкій повелъ его фальшивымъ бѣгствомъ. Такое мѣсто, по предварительнымъ развѣдкамъ, находилось въ глубинѣ приднѣпровскихъ пустынь, за Чигириномъ. Туда онъ и двинулся по слѣдамъ сына. Все было принято имъ въ соображеніе, кромѣ одного—„что *step koi, kozak, ciemnośc—jedna dzika dusza.*“

Глава XV.

Битва на Желтыхъ Водахъ.—Битва подъ Корсунемъ.—Строительныя дѣйствія Москвы въ виду Польскаго разоренія.—Бозаки между Польшею и Москвою.—Гибель польскихъ трудовъ на русской почвѣ.—Пощада исконныхъ враговъ со стороны московскаго царя.—Бунтъ въ Вишневщинѣ.

Хмельницкій принималъ все мѣры для того, чтобы степь оставалась для пановъ пѣмою. Онъ зналъ, что противъ него идетъ сильный отрядъ; зналъ и о томъ, что по Днѣпру спускаются реестровики. Онъ вышелъ въ Дикія Поля изъ-за Пороговъ съ восемью тысячами сбродной козачины, и всю надежду возлагалъ на татарскую помощь. Направляясь къ устью Тясмила и къ Цыбулькику, памятому по войнѣ 1625 года, послѣдователи Жмайла и Павлюка остановились при потокѣ Желтыя Воды, на вершинахъ степной рѣчки Саксагана, по-козацки—„на Саксані“. *) За Хмельницкимъ издали слѣдовалъ ширинскій князь Тогай, иначе Тогай-бей.

Этотъ знаменитый у Татаръ полководецъ, тому назадъ четыре года, былъ на Желтыхъ Водахъ съ 20.000 отборнаго войска, которое вскорѣ Копецпольскій, вмѣстѣ съ Вишневецкимъ, разбилъ на голову подъ Охматовымъ. Теперь онъ жаждалъ битвы съ папани, и ждалъ ихъ приближенія нетерпѣливо.

Скоро появился отрядъ Стефана Потоцкаго. Солнце склонялось къ западу. Никто не рѣшался начать битву. Молодой Потоцкій поджидалъ козацкой флотиліи.

*) Когда козацкіе кобзари возбуждали къ бунту городскую и сельскую чернь, они пѣли, будто бы жиды заарендовали *все козацкіе рѣки*. Эти заарендованныя рѣки поужьщали кобзари не въ Дикихъ Поляхъ, а на *сливоній Украині*. Первая изъ невозможныхъ для жидовъ рыболовныхъ арендъ находилась, по кобзарской думѣ, на Самѣри, вторая—на *Саксані*, третья—на Гинліій, четвертая—на Пропойной, иначе на Пробойной (по Напроцкому, существовалъ Пробойный Шляхъ), пятая—на ріцці Будесці.

Но чаты, или разъѣзды, Хмельницкаго вошли уже въ сношенія съ реестровиками. Узнавъ, что Хмельницкій ведетъ за собой 40.000 Татаръ, реестровые козаки не устояли противъ страха запорожской мести падъ ихъ семьями, надъ ихъ имуществомъ и противъ соблазна быстраго обогащенія на счетъ паповъ. Вѣрныя правительству полковники были перебиты, и Хмельницкій привезъ къ себѣ днѣпровскихъ аргонавтовъ на татарскихъ лошадяхъ.

Вѣсть объ этомъ изъ невѣдомыхъ панамъ Дикихъ Полей долетѣла къ литовскому кашцлеру Радивилу въ такомъ видѣ:

„Гетманы отправили противъ Хмельницкаго 4.000 козаковъ съ ихъ полковниками (Ильяшемъ) Вадовскимъ, Гурскимъ и Кричевскимъ. Они напали на постронную Хмельницкимъ небольшую крѣпость, и прогнали оттуда козаковъ, которыхъ было 50. Между тѣмъ козаки (на Днѣпрѣ), сдѣлавши заговоръ съ Хмельницкимъ, произвели между собою бунтъ, схватили королевскія хоругви и буздыганы, *) перерѣзали всѣхъ вѣрныхъ королю козаковъ, и послали нѣсколько хоругвей за Кричевскимъ и Барабашемъ. Когда они были приведены, ихъ обезглавили мечемъ, равно какъ и Гурскаго, Вадовскаго Ильяна, котораго я лично зналъ, Коліняку (Koleńakę), Олексу, Гайдучепка, Нестеренка и другихъ знатныхъ козаковъ; потомъ избрали вождемъ Джеджалу (Działatycza) и соединились съ Татарами“.

Извѣстіе объ измѣнѣ реестровиковъ смутило коронное войско, окруженное многочисленнымъ непріателемъ. Но въ отрядѣ молодаго Потоцкаго находился знаменитый въ послѣдствіи воинъ, — Чарпецкій, — очевидно, потомокъ Русина *Чернецкаго*. Онъ ободрилъ другихъ вождей. Послали вѣстника къ короннымъ гетманамъ; рѣшились противопоставить военное искусство европейское азіатской тактикѣ, и, зная, что у Хмельницкаго всего пять пушекъ, да и то плохихъ, надѣялись отсидѣться до прихода вырочки.

Эту надежду разрушила новая измѣна. Въ отрядѣ Стефана Потоцкаго было всего 300 шляхтичей. Остальное войско состояло изъ драгунъ пана Сѣнявскаго (опять имя русское), навербованныхъ въ малорусскихъ провинціяхъ, да изъ надворныхъ панскихъ козаковъ, въ которые поступали большею частью козацкіе выпячники. Драгуны сомнѣвались въ возможности отсидѣться въ степи, имѣя 50 человекъ противъ одного, и послѣдовали примѣру реестровиковъ, а надворные

*) Буздыганъ — знакъ власти: булава, перначъ и просто чекачъ, покозацки келенъ.

козаки, въ свою очередь, доказали, что не у одного старика Потоцкаго былъ довѣрчивый „рѣзумъ жіноцькій“, не соображавшій того, что престонародная Русь не была еще колонизована подобно Потоцкимъ, Чернецкимъ, Сопігамъ (по-польски Sapięha) и другимъ потомкамъ тѣхъ, которые, во времена оны, бились недалеко отъ Желтыхъ Водъ на рѣкѣ Калкѣ.

Но умъ умомъ, а боевое мужество мужествомъ. Триста шляхтичей были тоже почти исключительно Русичи, только по вѣрѣ, по языку и обычаю назывались, какъ и сыновья князя Василя, Поляками. Въ настоящемъ случаѣ три сотни польскорусскихъ, или русско-польскихъ, шляхетныхъ витязей не уступали въ стойкости и рѣшимости Фермоильскимъ Грскамъ. Они замкнулись въ четверугольникѣ, построенномъ изъ походныхъ воевъ и. отступая въ видѣ подвижнаго замка, два дня отпугивали козакотатарскія полчища. Но хлынулъ дождь, быть можетъ, вызванный изъ сотрясеннаго воздуха ихъ же пальбою; отсырѣлъ порохъ; измученные чрезвычайными усиліями воины едва двигались.

Между тѣмъ козаки отняли у нихъ воду, и Хмельницкій прислалъ къ Стефану Потоцкому его письмо къ отцу, перехваченное козацкими чатовниками. Буптовикъ предложилъ героямъ панской республики условія капитуляціи. „Мы не можемъ трактовать съ вами о нашихъ дѣлахъ“ (говорилъ онъ), „потому что между вами нѣтъ ни сенатора, ни уполномоченнаго, которому бы мы могли объяснить, что заставило насъ взяться за оружіе. Отдайте намъ ваши пушки, и ступайте себѣ съ миромъ домой“.

Потоцкій потребовалъ отъ козаковъ присяги, точно какъ будто присяга была дѣломъ надлежащимъ не только въ Козацкомъ народѣ, но и въ Шляхетскомъ. Козаки присягнули по-іезуитски, тая въ сердцѣ иное *namyrenie*. Пушки были отвезены въ таборъ Хмельницкаго.

„Это встаети козакамъ!“ восклицаетъ козацкій историкъ сочувственно, рассказывая, какъ Хмельницкій обратилъ полученныя вѣроломствомъ пушки противъ трехсотъ воиновъ, и забывая, что козаки, черезъ десятокъ лѣтъ, поступали еще вѣроломнѣе съ московскими ратями.

Но и подъ выстрѣлами собственной артиллеріи шляхетные рыцари продолжали еще бороться съ козако-татарскою ордою. Они шли въ сомкнутомъ четверугольникѣ до тѣхъ поръ, пока козаки, заскакавши впередъ, не завалили имъ дорогу срубленными деревьями на днѣ степной западины, носившей имя Княжихъ Байраковъ, можетъ быть, еще со временъ Варягорусскихъ князей. Тогда Хмельницкій раз-

билъ пушками подвижную крѣпость въ щель, и бросился съ Татарами на недобитковъ. Стефанъ Потоцкій, весь покрытый ранами, былъ взятъ почти мертвый въ плѣнъ. За нимъ и остальные положили оружіе. Голову комиссара Шемберка Хмельницкій приказалъ носить на жерди передъ своимъ побѣдоноснымъ воинствомъ. Чернецкаго и Соңигу оставилъ у себя въ плѣну; остальныхъ увели въ неволю Татары.

Въ какомъ бы отношеніи ни была замѣчательна Желтоводская битва, для насъ, Малоруссовъ, она незабвенна тѣмъ, что, въ числѣ плѣнниковъ, достался здѣсь Хмельницкому шляхтичъ православнаго исповѣданія, Иванъ Выговскій, извѣстный въ исторіи, какъ его ближайшій другъ, его alter ego, его преемникъ въ коварствѣ и предательствѣ. *)

Итакъ новый козацкій противъ польскорусскихъ паповъ бунтъ заявилъ о себѣ кровопролитіемъ. Изъ-за чего же взбунтовались козаки?

Украинскіе кобзари пѣвали намъ, будто они встали за „христіанскую вѣру“; малорусскіе лѣтописцы, устами даже лучшаго изъ нихъ, твердали намъ, будто бы „початовъ и причина войны Хмельницкаго есть сдиво отъ Ляховъ на православіе гоненіе и козакомъ отягощенія“; козацкіе историки, вмѣстѣ съ почтенными археографами, увѣряли насъ, будто бы козаки „возстали за жестокія утѣсненія жителей Малоросійской Украины, претерпѣнныя ими отъ Поляковъ въ вѣрѣ, чести, имуществѣ и самой жизни“; наконецъ, сами козаки представляли себя московскому царю „помирающими за старожитную греческую вѣру и за свои вольности, заслуженныя кровью“.

Но въ первой манифестаціи желтоводскихъ героевъ чести и вѣры нѣтъ и помину о вѣрѣ, хотя свою рыцарскую честь обнаружили они весьма выразительно. Эта манифестація, извѣстная подъ именемъ „Ресестра козацкихъ Кривдъ“, писана самимъ Хмельницкимъ, и заключаетъ въ себѣ почти исключительно его личныя обиды. Такъ какъ очевидно, что передъ королемъ Владиславомъ и его правительствомъ нельзя было говорить небывальщину, которою въ послѣдствіи козаки

*) Выговскаго называютъ волынскимъ шляхтичемъ, тогда какъ слава рожденія столь знаменитой личности принадлежитъ Землѣ Киевской. Еще въ царствованіе Сигизмунда I, предки Ивана Выговскаго, овручскіе бояре Лучичи, купили у королевы Боны, торговавшей, какъ извѣстно, подъ рукою у короля, должностями и пожалованіями, „пустовскую землю въ Киевскомъ повѣтѣ, называемую Скочковскою, въ Выговѣ, съ обязательствомъ служить съ этой земли земскую службу. Выданную имъ жалованную грамоту Сигизмундъ I, въ 1541 году, подтвердилъ по ходатайству Боны, а въ 1611 и въ 1632 подтвердилъ ее Сигизмундъ III.

прожужжали уши царю Алексѣю Михайловичу, то этотъ документъ слѣдуетъ имѣть постоянно въ виду при дальнѣйшемъ повѣствованіи, затрудненномъ сказками историковъ, „для истины тупыхъ и равнодушныхъ“. Онъ гласитъ слѣдующее:

„1. Его милость папъ Чаплинскій, урядникъ чигиринскій, выпросилъ у покойнаго папа Краковскаго себѣ хуторъ, собственный наслѣдственный Хмельницкаго, королевское пожалованіе, утвержденное нынѣшнимъ его милостію королемъ; куда наѣхавши панъ Чаплинскій на заселенныя слободы съ голоднымъ пародомъ, захватилъ все гумно, то есть 400 копъ хлѣба, и ограбилъ хозяйство.

„2. Тотъ же панъ Чаплинскій, злоствуя на Хмельницкаго за преслѣдованіе его судомъ за его насилія, сына Хмельницкаго, десятилѣтняго мальчика, велѣлъ такъ избить канчуками среди рынка, что его принесли еле жива, и онъ вскорѣ умеръ.

„3. Панъ Коморовскій, зять этого Чаплинскаго, клялся нѣсколько разъ передъ козаками, что если не совладають съ Хмельницкимъ, то непременно велятъ его убить.

„4. Его милость папъ хорунжій коронный, идучи теперь, послѣ пораженія Татаръ, изъ Запорожья, велѣлъ взять Хмельницкаго подъ стражу и снять ему голову. Когда Хмельницкій хотѣлъ жаловаться на это папу Краковскому, то по дорогамъ были засады.

„5. Въ 1646 году, когда Хмельницкій, добывъ двухъ Татаръ, представилъ ихъ папу Краковскому,—въ его отсутствіе, взяли у него новоловщину и въ кошикѣ сѣраго копя, на которомъ онъ хаживалъ въ Дикія Поля.

„6. Что понравится папамъ урядникамъ украинскимъ въ козацкомъ домѣ, берутъ насильно. Козацкая жена, козацкая дочка должны тогда плясать, когда имъ заиграють.

„7. О такихъ обидахъ его милость панъ Краковскій писалъ нѣсколько разъ къ урядникамъ и державцамъ съ выговоромъ; но это не помогло нimalo.

„Теперь Хмельницкій, когда ѣхалъ со своимъ полковникомъ, въ прошломъ году, противъ Татаръ, которые набѣжали было на Чигиринъ,—нѣкто панъ Дашевскій, какъ его называютъ, Ляхъ, подученный кѣмъ-то изъ старшины, заѣхавъ сзади, ударилъ его по головѣ такъ, что спасла его только мисюрка, а то бы разсѣкъ голову. Когда Хмельницкій спросилъ его: чтобъ это значило? онъ отвѣчалъ: „Я думавъ, братіку, що ты Татаринъ“.

„Эту обиду Хмельницкій считаетъ наибольшою, тѣмъ болѣе, что

его пѣкто Пешта, хамъ, козакъ, оболгалъ (*sinistre tradukował*) передъ его милостью паномъ хорунжимъ, якобы онъ думалъ выпроводить армату на море. За это его милость панъ хорунжий, при другихъ отпосительно Чаплинскаго претензіяхъ, прогнѣвался и вслѣлъ наступить на жизнь Хмельницкаго, и тогда Хмельницкій, не зная уже, къ кому обратиться, отправился на Низъ къ другимъ подобно ему обиженнымъ, которыхъ немало живетъ по тамошнимъ пизовымъ краямъ и по морскимъ островамъ, и они избрали Хмельницкаго своимъ вождемъ (*duciem sobie obrali*)⁴.

Кого обиженные пизовцы избрали своимъ вождемъ, тому надобно было хвататься за все, чѣмъ интересовались безпокойные люди всякаго званія и состоянія. Для украинскаго населенія, для малорусскихъ городовъ и даже для нашихъ пановъ, которые говорили уже, писали и думали по-польски, вѣра была важнѣе *козацкихъ* обидъ, которыми войсковою писарь возбудилъ мятежный запорожскій духъ,—и однакожь онъ умолчалъ о вѣрѣ. Она, какъ ему самому, такъ и всѣмъ участникамъ его бунта пришла въ голову только тогда, когда бунтъ вовсе неожиданно перешелъ за предѣлы интересовъ козацкихъ.

Послѣ своей побѣды на Желтыхъ Водахъ, двинулись козаки изъ Дикихъ Полей къ такъ называемымъ Городамъ, иначе къ Городовой Украинѣ, и расположились у самаго крайняго города, Крылова, надъ рѣчкою Цыбульникомъ. Многіе изъ нихъ помнили 1625 годъ; многіе стояли здѣсь подъ пушками Стапислава Конецпольскаго. Весьма быть можетъ, что тѣ самыя пушки везли они теперь противъ его наслѣдника, котораго добра прикрывалъ жолнерами полевой гетманъ Калицовскій, зная, на кого изъ магнатовъ злится Хмельницкій, какъ злился въ свое время Косинскій на князя Острожскаго: ибо въ такомъ видѣ представлялся тогда бунтъ войсковаго писаря. Самъ Александръ Конецпольскій находился въ это время въ своихъ червонорусскихъ Подгорцахъ. Тамъ онъ получилъ изъ Украины извѣстіе, что и князь Вишпевецкій „отъ своей Руси въ великомъ страхѣ и опасности“. Коронный хорунжий спѣшилъ въ новыя осады, и взялъ сюда съ собой изъ старыхъ 10 пушекъ.

Въ Подгорцахъ о движеніи козаковъ знали уже 21 (11) мая, но ничего не вѣдали въ лагерѣ гетмана Потоцкаго: такъ искусно былъ онъ окруженъ козаками и татарскими чатами. Хмельницкій пресѣкъ всякое сообщеніе между атакованнымъ отрядомъ и главнымъ войскомъ. Сколько ни посылалъ Николай Потоцкій такъ называемыхъ подѣздовъ для добыванія вѣстей,—его жолнеры, даже изъ Татаръ и Волоховъ, попадали въ руки хмельничанамъ, или же привозили извѣ-

стія неопредѣленныя. О положеніи передоваго полка онъ только и узналъ, что „слышна издали сильная пальба въ Княжихъ Байракахъ“.

Между тѣмъ отъ короля было получено новое внушеніе. Король писалъ, черезъ короннаго канцлера, что намѣренъ самъ ѣхать въ Украину и своимъ присутствіемъ привести Хмельницкаго къ покорности, а потому повелѣвалъ короннымъ гетманамъ выйти изъ Украины: ибо „они рискуютъ войскомъ въ странѣ, которая извѣстна имъ очень мало, а козакамъ—очень хорошо“.

Справедливость этихъ словъ была поразительна. Потоцкій видѣлъ, что, добываясь напрасно вѣстей о Хмельницкомъ, онъ только открываетъ ему свое положеніе. Незримые для жолнеровъ среди своихъ пустынь, козаки сторожили всѣ ихъ движенія, и ловили „языковъ“ для своего гетмана. Но Николай Потоцкій былъ золъ на Хмельницкаго за покушенія сорвать съ него лавры, а этими лаврами онъ, по словамъ великаго Конецпольскаго, проложилъ себѣ дорогу къ безсмертной славѣ, которая (писалъ Конецпольскій къ Владиславу IV), по умоленію до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Рѣчь Посполитая. Кумейскій побѣдитель загналъ въ Дикія Поля для того, чтобъ уничтожить въ самомъ началѣ дерзостное покушеніе.

Теперь, боясь быть отрѣзаннымъ отъ Городовой Украины въ странѣ Печепѣговъ и Торковъ, коронный великій гетманъ двинулся обратно въ страну Варягоруссовъ, какъ это дѣлали бывало его русскіе предки, чтобы поставить себя подъ защиту „крѣпленныхъ городовъ“.

Когда предводимое имъ войско достигло древнерусскаго Поросія и миновало Ярославскій Корсунъ, возстановленный Баторіемъ, Хмельницкій, въ сопровожденіи Татаръ, настигъ его, окружилъ со всѣхъ сторонъ и принудилъ къ битвѣ, которая повернула круто судьбу Корелевской Республики. Поворотное событіе произошло 26 (16) мая, между Корсунемъ и Стебловымъ, на лѣвомъ берегу Роси.

По донесенію участника битвы, шляхтича-слуги, Криштофа Любомирскаго, Раецкаго, писавшаго отъ 28 (18) мая изъ Полопнаго, дѣло происходило такъ образомъ:

Хмельницкій съ 40.000 Татаръ подошелъ къ панскому войску 25 (15) мая. Козаки захватили лагерь Потоцкаго въ весьма неудобномъ мѣстѣ, такъ что надобно было окружить его шанцами. Сдѣлавъ это, паны вышли въ поле, и провели остатокъ дня въ гарцахъ. Когда войско сошло съ поля, Потоцкій велѣлъ готовиться на утро къ походу *таборомъ*. Внутри помѣстилъ онъ лошадей, а все войско, окруживъ лагерь, шло пѣшкомъ въ боевомъ порядкѣ. Въ передней части табора находился коронный великій гетманъ, а въ задней—полевой.

О распоряженіи Потоцкаго Татары и козаки знали уже ночью, не смотря на то, что приказъ былъ протрубленъ тихо „сквозь мундштукъ“. Они отправили всю свою пѣхоту впередъ, съ пушками. Лишь только папскій таборъ двинулся, орда наступила на него сильно со всѣхъ сторонъ. Но отъ пушечной и ружейной пальбы густо падалъ татарскій и козацкій трупъ. Татары отступили, и вмѣстѣ съ козаками провожали таборъ издали, пока не навели его на лѣсную засѣку. Здѣсь густая перестрѣлка шла съ утра до полуночи. Пользуясь густотой заросли и съузвизшеюся дорогой, орда снова начала напирать сильно со всѣхъ сторонъ. Въ обозѣ падало много лошадей. Непріятель оторвалъ едва не третью часть панскаго табора, но артиллерія была еще цѣла.

Такъ панское войско (по разсказу Раецкаго) прошло около миль въ сильной перестрѣлкѣ, наконецъ и въ рукопашномъ бою. На самомъ выходѣ изъ лѣса находились два глубокіе оврага (wertchy), одинъ противъ другаго, а за ними—пасѣка, поросшая высокими деревьями. Въ этомъ мѣстѣ были поставлены въ непримѣтной засадѣ, на дорогѣ, пушки и съ боковъ и впереди. Когда панское войско вступило съ таборомъ въ эту западную, грянула густая пальба. Правое крыло очутилось передъ непріателемъ. Впереди у него былъ вырытый козаками ровъ, съ одной стороны—таборъ, а съ другой—засѣка и такой же ровъ. Между тѣмъ какъ жолнеры были заняты боемъ, впереди табора Татары и козаки овладѣли артиллеріей. То же самое произошло и сзади табора. Тогда Татары пошли на проломъ черезъ таборъ, взяли въ плѣнъ обоихъ коронныхъ гетмановъ, черниговскаго каштеляна, Яна Одривольскаго, и богатаго магната, львовскаго старосту Сѣнявскаго.

Не знали еще этого серединныя хоругви, боровшіяся на крыльяхъ. Пользуясь зарослями, эти хоругви обстрѣливали таборъ, который началъ уже опрокидываться въ яры. Между тѣмъ челядь, сидѣвшая на господскихъ лошадяхъ, слыша, что гетманы въ плѣну, бросилась вонъ изъ табора. Часть орды пустилась въ догонку, другая часть, вмѣстѣ съ нѣшими козаками, наступила на защитниковъ табора. Панское войско было разорвано на части. Одни легли трупомъ; другихъ перехватили живьемъ. Ушли только тѣ, которые оборонною рукой добрались до лошадей. Въ бѣгствѣ спасло ихъ только то, что орда сперва гналась за бѣглецами, а потомъ въ туманѣ не распознавала и собственныхъ ѣздоковъ. Кромѣ того, множество Татаръ и козаковъ увлеклось грабежомъ панскаго обоза. За бѣгущими гнались по двѣ, по три, по четыре мили и многихъ настигли.

Самъ Расцкій, первый историкъ достопамятной битвы, спасся, по его словамъ, чудомъ Божиимъ. Онъ былъ раненъ козацкой пулей выше глаза и татарской стрѣлою въ ногу. Въ это время Татаринъ оглушилъ его, ударивъ кистепемъ (kiścieniem) по шишаку. Когда онъ очнулся въ кустѣ и ждалъ уже смерти, подоспѣлъ къ нему товарищъ и, обстрѣливая, далъ ему коня-подъѣздка, который и вынесъ его изъ побоища.

Конные бѣглецы обгоняли множество пѣшихъ, но пѣшихъ (рассказывалъ Расцкій) мужики избивали по дорогамъ.

Разспрошенный вслѣдъ затѣмъ кѣмъ-то бѣглый мушкетеръ доподнилъ, сколько позволяла ему тревога, сказаніе папскаго слуги слѣдующими подробностями:

На помощь тому табору, который былъ у Желтыхъ Водъ, папы гетманы шли, не имѣя больше пяти тысячъ войска. Квартяныхъ было 3.000, волонтеровъ 2.000. Полковниковъ было два: черниговскій каштелянъ, Одривольскій, и „obersterъ“ Денгофъ; ротмистровъ квартяныхъ гусарскихъ только два: Сѣнявскій и Болóбащъ (по-польски *Balaban*), а козацкихъ (легко вооруженныхъ) три: Коморовскій, Гдешинскій, Олдаховскій; капитановъ четыре: Вѣгаповскій, Гордонъ, Лакестуди, Фликъ; волонтеровъ-полковниковъ три: одинъ — Сѣнявскаго, другой — князя Вишневецкаго, третій — Замоискаго.

Было это войско уже за Чигириномъ, только въ 16 миляхъ отъ Желтыхъ Водъ. Уже были готовы и хорошіе шанцы, а когда пришло извѣстіе о великой силѣ непріятеля, хотѣли окопать и таборъ. Потомъ, неясно почему, 13 (3) мая, перенесъ папъ Краковскій обозъ на долину по сю сторону Чигирина. Единственное извѣстіе объ упитожснн желтоводскаго войска, какое можно было добыть во все время похода, состояло въ томъ, что папскіе развѣдчики слышали издали пальбу въ Княжихъ Байракахъ.

Отступая, папское войско стояло два дня надъ Дѣпрромъ надъ Боровицею, памятною Потоцкому по выдачѣ Павлука съ товарищами. Теперь, можетъ быть, онъ и пожалѣлъ, зачѣмъ было раздражать козаковъ нарушеніемъ данной имъ Адамомъ Киселемъ присяги, что жизни ихъ будетъ пощажена!

Непріятель взялъ такіа мѣры относительно развѣдчиковъ, что изъ четверыхъ ѣздоковъ, осмѣлившихся чатовать за большую плату „для языка“, двое попали сами въ языки козакамъ, а изъ двоихъ, спасшихся бѣгствомъ, продавшійся папамъ Татаринъ (*Tatarzyn Przedajczyk*) прискакалъ леза у коня на престѣ, тяжело раненный саблею въ зашею.

Хмельницкій достигалъ своей цѣли: въ неизвѣстности о судьбѣ сына, Потоцкій простоялъ еще и подѣ Черкасами два дня, тогда какъ ему, съ 5.000 войновъ, надобно было убираться за добра ума въ Городовую Украину, за Рось. Только 19 (9) мая узналъ онъ о пораженіи своего драгоцѣннаго во всѣхъ отношеніяхъ отряда, но подробно ли узналъ, неизвѣстно. Наконецъ, миновавъ уже Корсунь, знали паны, что Татары переправляются черезъ Тясминь, у мѣстечка Тясмина. *) Потоцкій сталъ окапываться, а Корсунь отдалъ жолнерамъ на разграбленіе, чтобъ не достался неприятелю.

Рано утромъ 25 (15) мая видать было въ зрительную трубу неприятельское войско въ бѣлыхъ сермягахъ. Догадались, что это козаки (*козаки-бѣляки*, какъ называетъ ихъ кобзарская дума, въ отличіе отъ старшины). Но едва солнце начало всходить, какъ появился татарскій полкъ на другомъ берегу Роси, съ противоположной стороны Корсуни, потомъ и другой, и третій. Одни переправлялись ниже Корсуни, другіе—черезъ Корсунь (придерживаюсь точныхъ словъ реляціи). Потоцкій велѣлъ зажечь городъ. Все сгорѣло, кромѣ замочка и церкви въ сторонѣ.

Въ виду неприятеля панское войско стояло цѣлый день въ полѣ, занимаясь герцами. Въ прощальной стычкѣ на ночь захватили паны девятерыхъ Татаръ и козацкаго бута, то есть переводчика. На пыткахъ они показали, что Татаръ 47.000, что въ тотъ же день къ Хмельницкому пришло болѣе 15.000 козаковъ, и что у хана еще больше силы въ Дикихъ Поляхъ. „Послѣ этой исповѣди“ (говорилъ мушкатеръ) „имъ отсѣкли головы“.

Калиповскій (продолжаетъ реляція) весь этотъ день настаивалъ на томъ, чтобы дать битву; но Потоцкій боялся подвергать опасности Посполитую Рѣчь, и говорилъ, что понедѣльникъ всегда былъ для него въ бою димъ несчастнымъ. Наконецъ рѣшился отступить.

Отданъ былъ приказъ готовиться въ походъ, оставить всѣ тяжелые возы, взять одни легкіе, для таборованья. Двинулись по корсунской дорогѣ къ Богуславу.

Когда дошли до „несчастной дубровки подѣ Гороховымъ“ (рассказывалъ мушкатеръ), пачался неприятельскій натискъ; возы опрокидывались; таборъ наткнулся на поперечные рвы, которыми козаки перекопали дорогу...

*) Можетъ быть, это было древнее „селище, Родивопова на Тясмени и въ пашѣкамъ“, которое князь Федоръ Главскій „выслужилъ на князи Александрѣ (литовскомъ) и на князи Семенѣ (киѣвскомъ)“ „Акты Западной Россіи“, I, № 168.

Это было то пагубное дѣло Хмсльницкаго и тотъ важный педосмотръ наповѣ полководцевъ, о которомъ кобзарскія думы сохранили память въ слѣдующемъ обращеніи козацкаго гетмана къ своимъ за- тажцамъ:

Гей, друзі молодці,
Братѣ козакі занорозці!
Добре дбайте, бързо гадайте,
Видь селѣ Ситниківъ до гѣрода Корсуя
Шляхъ вацѣвою перекоцайте,
Потоцького піймайте,
Мені въ рѣки подайте.

Гибельная мѣстность, по лѣтописному извѣстію, называлась Крутою Балкою. Паны (разсказывалъ мушкатель) оборонялись въ ней четыре часа. Былъ слухъ, что легло у нихъ на мѣстѣ 500 бойцовъ; остальные, кромѣ разбѣжавшихся, взяты въ плѣнъ.

„Страшное превращеніе наступило въ нашемъ отечествѣ!“ (писалъ къ примасу Адамъ Кисель отъ 31 (21) мая). „Непобѣдимое для турецкаго императора и столькихъ монарховъ, оно побѣждено однимъ измѣнникомъ козакомъ... Теперь уже рабы господствуютъ надъ нами... Откуда мы черпали всяческую силу отечества, всѣ украинныя провинці взяли они у насъ, какъ свои, саблю... Кіевское, Брацлавское, Черниговское воеводства называютъ они своими; грозятъ Волыни, Подоліи (червоно)русскимъ землямъ. Такъ внезапно, такъ тяжело этотъ непріятель растопталъ польскую славу и драгоцѣнное отечество наше!“

Оплакавъ такимъ образомъ то, что было неизбежно въ силу передѣлки шляхетной Руси въ *Лявѣ* и въ силу польской псурадицы,— то, чѣмъ судьба грозила Польшѣ издавна,—Кисель обращается къ причинамъ гибельнаго бунта. „А видѣлъ“ (нишетъ онъ), „что козаковъ угнетали и безнощадно убивали больше, нежели простыхъ хлопковъ (Widziałem kozaków plus, quam prostych chłopów opressos i pessime trucidatos).“ Но замѣчательно, что, будучи присяжнымъ православнокомъ, не упоминаетъ онъ здѣсь вовсе о церкви и вѣрѣ; а къ кому бы, если не къ примасу, да еще къ такому, который чуждался уціи, могъ онъ обратиться теперь съ православными сѣтованіями на релігіозную нетерпимость католиковъ, когда бы она вооружила козаковъ и сдѣлалась причиною общаго несчастія Полякоруссовъ!

Черезъ четыре дня послѣ Киселя писалъ львовскій сипдикъ одному изъ придворныхъ: „Кончено съ нами, мы погибли! (actum est de nobis, regimus!)“—и это было чувство вѣрнос... Корсуискіе педобитки разсказывали во Львовѣ, что Николай Потоцкій, въ теченіи 20

дней, не могъ добыть никакой вѣсти о судьбѣ сына, несмотря на великія награды развѣдчикамъ своимъ, что Шемберку сперва отсѣкли руки (его подозрѣвали въ утайкѣ козацкаго жолда), а потомъ будто бы Хмельницкій собственноручно спялъ ему голову; *) что Татарская орда представляла уже не разсыпчатую толпу, какъ прежде, а стройную милицію; что непріятель наступалъ на пацекое войско свирѣпо и съ увѣренностью въ успѣхъ, а пацы предавались паикѣ и предчувствовали поражение; что украинская чернь предана Хмельницкому и называетъ его своимъ освободителемъ, а самъ онъ титулуетъ себя русскимъ княземъ. По словамъ синдика, во Львовѣ былъ сильный вселохъ, точно какъ бы козаки могли появиться въ городѣ ежедневно и ежесично. Были отворены одни только ворота, загроможденныя стеченіемъ народа съ его пожитками. „Воины среди рынка, воины въ ратушѣ, воины на стѣнахъ“, писалъ синдикъ. Боялись тайныхъ козней со стороны греческой вѣры. Каждого пугалъ слухъ, что Хмельницкій разослалъ 70 козаковъ по всей Польшѣ для поджога городовъ. . .

Еще болѣшій вселохъ произошелъ въ Варшавѣ. Литовскій канцлеръ записалъ въ своемъ дневникѣ о козакахъ, что, „когда бы ихъ не приудержала Божія сила, то навѣрно могли бы они пройти до самаго Кракова и Варшавы безъ всякаго отпора. Ибо такой страхъ овладѣлъ всѣми, что больше думали о бѣгствѣ, нежели о защитѣ, и хотя подобное бѣдствіе постигло Королевство въ 1620 году, когда гетманы были разбиты, одинъ убитъ, а другой взятъ въ плѣнъ, однакожь это произошло не въ Королевствѣ и не безъ короля, предъ наступленіемъ зимы и во время внутренняго спокойствія, а теперь—въ самыхъ внутренностяхъ Королевства, въ самую весну, отъ вѣроломныхъ подданныхъ: ибо не только козаки подняли бунтъ, но и всѣ подданные наши на Руси пристали къ нимъ, и увеличили козакамъ войско до 70.000, да и больше еще прибывало къ нимъ русскихъ хлопковъ, только Хмельницкій отсылалъ ихъ къ покинутому плугу“.

Когда литовскій канцлеръ записывалъ такіе страхи въ своемъ дневникѣ, канцлеръ коронный получилъ отъ Жовковскаго-Глуха изъ Львова слѣдующее донесеніе:

„Только что прибѣжалъ изъ подѣзда, ходившаго къ Дубну. Пишу, что видѣлъ. Его милость папъ Сѣнявскій прибылъ передъ тѣмъ въ Мсжибожь въ сермягѣ и длинной сорочкѣ. (Только въ мужичей

*) Шемберкъ былъ житель города Львова, какъ и комендантъ Коцацкой крѣпости, которому козаки также отсѣкли руки.

одеждѣ могъ онъ добраться до своихъ имѣній). Панъ Іскульскій (слуга Николая Потоцкаго) съ нимъ. Долженъ (Сѣнявскій) заплатить за себя 20.000 червонныхъ злотыхъ Тогай-бею... Двоихъ (плѣнныхъ) Татаръ отдали пану краковскому воеводѣ (Любомирскому), третій въ Острополь. Этотъ былъ въ радѣ, когда козаки прощались съ Татарами и обѣщали платить имъ сжегодно дань, а Татары должны придти по увѣдомленію со всею ордою. Поэтому не пойдутъ въ Крымъ, а тутъ отдыхаютъ въ Поляхъ съ этой стороны Днѣпра въ кутахъ (на budziakach). Другое условіе: чтобы не брали (въ ясырь) людей греческой религіи, а только Ляховъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоишь подъ Бердичевомъ, не взяли ничего у пана кievскаго воеводы (Тишковича), который находится въ Заславѣ, гдѣ собирается наше войско, только всюду пьянствовали Татары позорно. Если кого изъ нихъ взяли (въ плѣнъ), то очень пьянаго: ибо у одного пана кievскаго воеводы (въ имѣніяхъ) выпили 20 бочекъ вина. Въ Быстрикѣ не взяли ни малѣйшей вещи; иногда тайно держали Русина... Но когда Татары, отдохнувъ, возвратятся, то будутъ брать (ясырь) и бить (негодныхъ для ясыря)... Ихъ 120.000. Козаковъ стоишь подъ Бѣлою Церковью 30.000, и Хмельницкій велѣлъ всей Украинѣ быть наготовѣ. Каждый хлопъ или убилъ своего папа, или выгналъ въ одной одеждѣ съ душою и дѣтьми. Города переполнены ксендзами, шляхтою. Хмельницкій разослалъ шпионовъ, чтобы доносили ему о нашихъ приготовленіяхъ, о числѣ нашего войска въ полѣ, и гдѣ будутъ его стягивать. Панъ Радецкій схватилъ одного подъ Дубномъ, а другаго подъ Константиновымъ. Все сказали тотчасъ, согласно съ Татарами. Въ пятницу одного посадили на колъ въ Константиновѣ, а другой еще живъ“.

Сводя въ одно всѣ высказавшіяся въ панскомъ обществѣ мнѣнія о Корсунской катастрофѣ, историкъ останавливается на томъ, что высказалъ прибѣжавшій домой въ сермягѣ и мужицой сорочкѣ потомокъ знаменитаго изслѣдователя Татарскихъ Шляховъ. У его отца находился въ плѣну Тогай-бей, и панъ Сѣнявскій не только возвратилъ ему свободу, но еще далъ въ провозатые 60 всадниковъ. Помня благодаренія, Татаринъ показалъ, что и онъ не хуже козаковъ—пиратовъ, которые по разсказу кievскаго Русича, Песочинскаго, являя купцамъ Грекамъ *opus misericordiae*, захватывали у нихъ деньги да товары. Тогай-бейво *opus misericordiae* состояло въ томъ, что онъ за свободу молодого Сѣнявскаго назначилъ 20.000 червонцевъ и отпустилъ его на честное слово. По плѣнный коронный великій гетманъ поручился за него. И однакожь, Сѣнявскій положительно высказывался, что Потоцкій подъ Корсунемъ потерялъ бодрость духа. По

словамъ Сѣнявскаго, онъ окопался было на удобной позиціи, имѣлъ въ обозѣ аммуниціи и съѣстныхъ припасовъ на два или на три мѣсяца, и могъ бы дать отпоръ непріятелю; но не послушался совѣта опытныхъ воиновъ, и согласился съ мнѣніемъ людей неизвѣстныхъ. Робость его сообщилась и другимъ, несмотря на мужество и опытность. Такъ рассказывалъ львовскій староста Сѣнявскій, и весьма правдоподобно. Потеря сына и самая неизвѣстность о его судьбѣ и судьбѣ отряда, составлявшаго цѣль панскаго войска (*Pos militiae nostrae*), должны были истомить душу панскаго фельдмаршала, а старость и болѣзненность довершили нравственное изнеможеніе. Ревнитель благочестія, Ерличъ, не пощадившій въ своихъ запискахъ и Петра Могилы, полонизовавшаго одинаково съ нимъ борца за вѣру, изобразилъ престарѣлаго борца за дорогую и ему самому Шляхетчину въ отвратительномъ видѣ *). Не такимъ воителямъ слѣдовало ввѣрять судьбу отечества, да видно такова была Польша на растлѣнныхъ высотахъ своихъ.

Что знать, какія мысли и чувства томили разслабленнаго духомъ и тѣломъ фельдмаршала подъ Корсупемъ? Можетъ быть, онъ вспоминалъ не одну Боровицу, гдѣ онъ коварно, іезуитски коварно подставилъ козакамъ единовѣрца Киселя. Можетъ быть, памятли были ему и „десять сотенъ“ искорчившихся на колыяхъ мертвецовъ на Задлѣпріи, которые долженствовали обезпечить за его домомъ славу спасенія отечества, „доколѣ будетъ существовать Польша“. Онъ зналъ по опыту, что козаки, уступая панамъ въ военномъ искусствѣ, не уступали имъ нисколько въ паслѣдовавшой отъ Варягоруссовъ талантливости. Глядя на обступившихъ его хмельничанъ, онъ, безъ сомнѣнія, вспоминалъ изумительнаго воина, Дмитрія Гушу, достойнаго гомеровскихъ иѣснословій, — и старое сердце его упало...

Изъ своего сидѣнья въ пеловѣ Потоцкій прислалъ двоихъ слугъ-шляхтичей, изъ которыхъ одинъ, Лскульскій, войсковою стражникомъ, долженъ былъ представить королю реляцію о погромѣ войска. Не пайдя короля въ живыхъ, слуги Потоцкаго представили реляцію (отъ 9 іюня, 30 мая) подканцлеру Лещинскому. Прежде всего они въ ней

*) Онъ пишетъ о Николаѣ Потоцкомъ такъ: „...więcej radził o kieliszkach i szklanicach, niżeli o dobru Rzeczpolitéj i całości onéj; jakoż u nocy radził o pannach albo dziewczkach młodych i nadobnych żonkach, będąc sam w starości lat podeszłych, nie znosząc się ani radząc kolegi swego Marcina Kalinowskiego Hetmana Polnego, ani innych pułkowników i rotmistrzów, tak téż towarzysstwa. Z powodu pijanistwa ustawicznego i wielkiego wszete czeństwa zatracił wojsko...“

объяснили, что заставило коропаго гетмана отступить отъ Корсуня, гдѣ онъ хотѣлъ было сидѣть въ осадѣ. По ихъ словамъ, козаки, въ одной милѣ отъ Корсуня, у Стеблева, стали отводить воду, такъ что рѣка Рось вдругъ начала мелѣть. Объ этомъ записалъ въ дневникѣ своемъ и литовскій канцлеръ. „Козаки и Татары“ (говоритъ онъ), „облегши наше войско и воду куда-то спустивши, привели нашихъ къ рѣшимости отступать“. По козаки не облегли еще паповъ, и папамъ рано было приступать къ такимъ чрезвычайнымъ дѣйствіямъ. Козаки могли пустить между Ляховъ только молву о своей гидравликѣ, чтобы маскировать свое піонерство въ Крутой Балкѣ.

По разсказу войсковаго стражника, у Хмельницкаго было 12.000 козаковъ, у Тогай-бея 40.000 Татаръ; въ томъ числѣ Астраханскихъ, пикогда не бывавшихъ въ Польшѣ, 4.000, Ногайцевъ 12.000, Бѣлгородскихъ и Буджацкихъ 20.000. Непрiятелю достались и тѣ деньги, которыя привезъ Потоцкому Будзыньскій для уплаты Запорожскому Войску,—болѣе 70.000. Недоставало все-таки 230.000.

Орда (писали слуги Потоцкаго) расположилась у Бѣлой Церкви. Съ одной стороны Татары, съ другой—козаки. У Татаръ набралось уже болѣе 200.000 ясыру, по они продолжаютъ еще брать. Тогай-бей хвалился передъ своимъ знаменитымъ плѣнникомъ, что теперь они заключили съ козаками договоръ на сто лѣтъ; что теперь имъ не страшно воевать не только съ польскимъ королемъ, но и съ турецкимъ султаномъ, и что не выйдутъ изъ предѣловъ Польши до тѣхъ поръ, пока имъ не доплатятъ гарачъ, а козакамъ—жолдъ, итого 800.000 злотыхъ.

Интереснѣе всего разсказъ шляхтича Собѣскаго, котораго козаки схватили на пути изъ Кодака и привели къ Хмельницкому. Не зналъ еще тогда Хмель о смерти короля, и отпустилъ Собѣскаго подъ условіемъ, чтобы онъ объявилъ папамъ „нѣкоторыя рунста“. Собѣскій разсказывалъ на копвокаціонномъ сеймѣ официально, что Хмельницкій желаетъ мира и проситъ помилованія, съ тѣмъ чтобы его оставили при его правахъ. Онъ говорилъ Собѣскому, что на челпы далъ ему деньги король, а на вопросъ: зачѣмъ вы (козаки) такъ поступили съ Рѣчью Посполитою? отвѣчалъ: „Я, съ моимъ товариствомъ, былъ очень огорченъ, притѣсненъ и обиженъ (utrapiony, ucisniony i ukrzywdzony), а правосудія пайти не могъ. Набрался бь (у насъ) прошней къ его королевской милости огромный коробъ, да король его милость хоть бы и хотѣлъ явить правосудіе, никто его у васъ не слушаетъ (nikt go u was nie slucha): поэтому онъ вслѣлъ намъ добывать свободы саблею“.

Собѣскій находился въ плѣну у Хмельницкаго пять дней и слышалъ между козаками, что онъ сперва держалъ съ асаулами своими тайную раду, а потомъ объявилъ плѣнникамъ, что „вы, бѣдняки, называющіеся теперь шляхтою (wy, chudzi pachołcy, co się teraz ślachta chrzcicie), будете боярами, а только папы ваши будутъ шляхтою, а король единою главою, котораго одного будемъ слушать и вы и всѣ мы“.

Но Собѣскій не все еще высказалъ: остальное сохранилъ для болѣе секретнаго засѣданія (ad secretiorem sessionem), и до насъ не дошла его тайна.

Такъ отразилось въ центрѣ Королевской Республики событіе, повернувшее круто судьбою Польши. Герой этого событія, Хмельницкій, долго не двигался отъ Бѣлой Церкви. Неизвѣстно, съ какимъ чувствомъ смотрѣлъ онъ на беззащитную родину, кругомъ пылавшую пожарами, кругомъ представлявшую сцены плѣненія, насилія, убійства. Но она была беззащитна до такой степени, что Татары открыли въ ней повсемѣстно базары, на которыхъ смѣлые купцы, и въ особенности налетѣвшіе изъ Московскаго Царства, вели съ ними и съ ихъ друзьями, козаками, обширную и разнообразную торговлю. Добытныя безъ труда издѣлія фабрикъ, ремеслъ и продукты сельскаго хозяйства продавались добычниками за безцѣпокъ; а забираемые въ ясырь люди вздешевѣли до такой степени, что за одного копя Татаринъ давалъ шляхтича, или нѣсколько мужиковъ. Окрестности Махновки, Бердичева, Бѣлополя, Глинска и Прилуки надъ Собою первые испытывали разницу между панскимъ и козацкимъ присудомъ.

Зато другая половина Русскаго Свѣта, во главѣ которой стояла Москва, начинала уже возмѣщать грабежи, сдѣланныя въ ней, со времени оныхъ, шляхетною и козацкою Русью, патравляемою Поляками,—возмѣщать, покамѣстъ, руками только своихъ торговыхъ людей,—такъ что и сокровища царской казны, и раки московскихъ чудотворцевъ обѣщали вернуться, если не въ прежнемъ, то въ превращенномъ видѣ на Сѣверъ, гдѣ столько времени хозяйничала козако-шляхетская орда, устремляемая къ сердцу нашего расторгнутаго отечества римскою политикою Польши. Сама судьба, повидимому, благопріятствовала восполненію ущерба, причиненнаго Полякоруссами Москворуссамъ. Въ Козацкой Украинѣ, какъ и въ Крыму, былъ тогда голодъ, и царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ вывозить въ единовѣрную страну хлѣбъ, соль и всякіе товары. Такимъ образомъ москворусскіе драгоцѣпности возвращались теперь домой за москворусскіе продукты первой необходимости.

Когда скончался потаповникъ безошадной Самозванщины, Сигизмундъ III, Поляки нарядили его въ „привезенную изъ Москвы тяжеловѣсную корону“, слишкомъ тяжеловѣсную, по слову поэта, даже и для такой головы, которая основала было въ Москвѣ новую династію; а кто можетъ сказать, изъ чего дѣлались драгоценныя панскіе *ржонды* *), которыми щеголяли ренегаты русскаго элемента Потоцкіе, Сѣнявскіе, Собѣвскіе? Теперь добыча кроваваго меча и жадныхъ рукъ начала возвращаться вспять, между тѣмъ какъ Татарокозакъ „такъ внезапно, такъ тяжко растопталъ польскую славу и польское отечество“. Два народа, простиравшіе виды на господство между морей и океановъ, вступили въ новый періодъ соперничества.

Въ то время, когда на татарскихъ пограничьяхъ *польскорусскаго* государства происходили дѣйствія разрушительныя, общественный организмъ государства *московорусскаго* устремлялъ все еще свѣжія силы свои къ цѣлямъ строительнымъ.

Въ Польшѣ, какъ мы знаемъ, проповѣдывалось такъ называемыя даже и въ наше время *народными пророками*,—что „это дикіе звѣри, которые живутъ только ночью“ **), и такое опредѣленіе относилось не столько къ Москалямъ чернорабочимъ, торгующимъ, воинствующимъ, сколько къ правоправящимъ. Они со своимъ царемъ во главѣ, со своими архіереями, боярами, думными дьяками и всею низходящею свѣтскою и духовною іерархіею, по словамъ польскихъ просвѣтителей, представляли „фурію, вѣчно стремящуюся въ Польшу“ ***). Съ своей стороны и тѣ, которые формировали мнѣнія общества московскаго, не щадили мрачныхъ красокъ для изображенія Польши, съ ея папами, съ ея свѣтскими и духовными властями въ самомъ ужасномъ видѣ, какъ это дѣлаетъ и современная памъ велико-и малорусская беллетристика.

Но изъ областей, доставшихся Владиславу IV по Поляповскому миру, безпрестанно бѣгали въ звѣрскую Московію не только хлопцы, но и шляхтичи, а изъ-за новаго московскаго рубежа уходило подъ власть „безчеловѣчныхъ пановъ“ такое множество крестьянъ, что царское правительство нашлось вынужденнымъ объявлять въ пограничныхъ торговыхъ мѣстахъ, что тѣмъ боярскимъ людямъ, которые вернутся на „старыя печища“, дана будсть „воля“, то есть они, съ по-

*) Сѣдла, узды и проч.

**) Слова знаменитаго проповѣдника, Фабіана Бирковскаго.

***) Слова того же *народнаго пророка*.

томствомъ ихъ, будутъ жить не за боярами, а за государемъ. Существуетъ въ архивахъ обширная переписка, относящаяся къ удерживашью барскихъ мужиковъ отъ переселенія въ панскія имѣнья и вызова ихъ обратно изъ польской Руси въ московскую.

Выходитъ, что не таковы были московскіе порядки, какими ихъ описывали польскіе „народные пророки“ да наши козаки, и не таковы были паны Ляхи и Полякоруссы, какими ихъ изображаютъ у насъ историки да беллетристы.

Сами по себѣ это предметы мелкіе, не удостоиваемые названія явленій историческихъ. Но побѣги крестьянъ съ обѣихъ сторонъ и сношенія по поводу этихъ побѣговъ между королевскими, крайне раснущенными, и царскими, крайне исполнительными властями, привели два сосѣднія общества къ мысли, которая осуществилась путемъ войны, по могла бы осуществиться и безъ челоѣко-истребленія, путемъ необходимости. Королевскіе шляхтичи, въ борьбѣ съ неограниченнымъ и продуктомъ его—разбойнымъ элементомъ, развившимся во всѣхъ сословіяхъ и состояніяхъ, завидовали обитателямъ Царства Московскаго, которое наши монахи называли *страною тихою*, и въ особенности стали завидовать въ то время, когда на престолѣ, поколебленномъ Иваномъ Грознымъ, Борисомъ Годуновымъ и Василиемъ Шуйскимъ, возсѣлъ Алексѣй Михайловичъ Романовъ, получившій отъ своихъ подданныхъ прекрасное названіе *Тихаишаго Государя*.

Хотя Владиславъ IV былъ очень популяренъ и не пренебрегалъ, во время вѣчной охоты своей, гостить даже въ хлопскихъ избахъ; но польскіе „королята“ (*królewicja*), со всѣми партіями и безпрестанными ссорами, не давали покоя мелкимъ землевладѣльцамъ, а шляхетные слуги ихъ, ихъ жолперы козаки,—были, можно сказать, ордою, постоянно буйствовавшею, какъ выражались они, въ пѣдрахъ государства (*in visceribus regni*). Обижало мелкопомѣстную шляхту и то, что магнаты, при известной споровкѣ, отхватывали на свой най громадныя вотчины и королевщины (*królewsczuzny*), которыя должны были быть общимъ достояніемъ заслуженнаго шляхетства. Обижало и то, что *великіе паны*, получивъ за свои заслуги и безъ всякихъ заслугъ, по десяти и болѣе староствъ, пускали въ аренду Жидамъ не только села, но и пограничныя замки, которые, въ жидовскихъ рукахъ, обращались въ развалины, тогда какъ „рыцарская шляхта“ могла бы здѣсь быть на своемъ мѣстѣ и, зарабатывая кусокъ хлѣба, охранять край отъ набѣговъ и разбоевъ. Но всего больше жаловались мелкопомѣстники въ Королевской Землѣ—на ея безсудность.

Въ отвѣтъ на эти сѣтованія и жалобы царскія, должностные люди говорили имъ: „Нашъ великій государь достоинъ содержати (кромя Московскаго) и мпожайшія царства и власти. Нашъ государь его царское величество зѣло къ ратнымъ людямъ милостивъ. Даролюбивый у насъ государь: жалуетъ онъ имѣнія и власти по достоинству. Судъ у него правъ и непоколебимъ. Нашъ великій государь, царь и многихъ земель обладатель, имѣетъ мѣрило праведное, и многихъ скинтродержавныхъ властодержателей (они были начитаны въ церковной письменности, и выражались въ подобныхъ случаяхъ витіевато) его царское величество премудростью и храбростью превосходить“.

„Вотъ еслибы насъ привелъ Господь подъ царскую высокую руку!“ (говорили царскимъ людямъ люди королевскіе по смерти Владислава IV). „Слышно у насъ, что многіе хотять на польскій престолъ звать вашего царя, какъ въ старину призывали великаго князя литовскаго“.

„Что же?“ (отвѣчали царскіе люди). „Но Божію дарованію, государю нашему вольно и на васъ милостивыя свои щедроты изліяти, яко же и на прочихъ отъ Бога данныхъ ему людей подъ его царскую высокую руку“.

Въ самомъ дѣлѣ вся шляхта и мѣщале въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ и въ Новгородскомъ повѣтѣ, а равно такъ называемые Бѣлорусцы, иначе Литовскіе люди, въ Кіевѣ, Черниговѣ и другихъ малорусскихъ городахъ—о томъ только и говорили, „чтобы Господь Богъ по ихъ желанію исполнилъ и учинилъ великаго государя царемъ надъ обонми государствы, на Московскомъ и на Польскомъ, и чтобы великое государство Московское и Польское были заодно“.

Доносъ объ этомъ царю съ привычною точностью, безъ какихъ-либо сужденій, пограничные воеводы передавали ходячій слухъ, будто бы даже „косиѣръ (канцлеръ) корунный, Юрьи Осолинской, въ листахъ своихъ писалъ изъ Польши къ новгородскому полковнику, Нонентовскому: Исполитая де Рѣчь, государь, хотять быти подъ твоею царского величества высокою рукою и тебя, великаго государя, царемъ имѣть, и Московскому Государству съ Польскимъ Государствомъ заодно быть“.

Какъ бы ни думали въ Москвѣ о письменныхъ сношеніяхъ „корунпаго косиѣра“ съ пограничнымъ офицеромъ по такому важному предмету, по донесеніи царскихъ людей было приято, какъ дѣло серьезное. На оборотѣ подлинника читаемъ помѣту: „156 (1648) года іюня въ 13-й день. Государь слушалъ и бояре. Указалъ государь послать свою государеву грамоту въ Сѣвскъ къ воеводамъ: велѣть за

рубежъ послати парочпо, кого пригожь, и велѣть провѣдаты подлинно о всякихъ вѣстяхъ противъ себѣ отписки; а провѣдывать велѣть тайнымъ обычаемъ“.

Трудно вообразить контрастъ больше того, какой представляли два соперничавшія государства. Одно стояло на поблажливости и снисходительности къ преступленіямъ; другое—на строгости и грозѣ. Однакожь, въ поблажливомъ государствѣ люди томились безсудемъ, и сама шляхта, органъ законодательной власти, мечтала издавна о переходѣ подъ строгое и грозное правленіе. Теперь, когда ея желанія, псевдомо для нея, приближались къ исполненію, духъ польской государственности высказывался, подъ перомъ Адама Киселя, въ такой формѣ:

„Въ нашемъ вольномъ народѣ“ (писалъ онъ къ царскимъ боярамъ въ апрѣлѣ 1648 года) „ни приказомъ, ни суровствомъ, ни наказаніемъ; ни смертію, тоію разумомъ, вся лучшее промышляюще во всемъ чинѣ поставляются и утверждаются“.

Но прославляемая Поляками національная и общественная *любка* (слово прекрасное) до того подрывала основы государственности, что Москаль, якобы поработенный царскимъ деспотизмомъ, съ высоты своего превосходства читалъ слѣдующее наставленіе „вольному народу“, въ лицѣ его пограничнаго представителя, смоленскаго подвоеводія, который остановилъ было его въ посольствѣ изъ-за домогательства взятки отъ ѣхавшаго съ нимъ купца.

„Если бы мнѣ купецъ и братъ родной былъ, и я бы великаго государя нашего дѣлъ и на кровнаго своего, да и всего свѣта на богатство не промѣнялъ. То всѣхъ насъ царскаго величества подданныхъ повинность, что дѣлъ его царскихъ остерегать паче головъ своихъ, а не токмо что для своей корысти и пожитку государственнымъ дѣламъ помѣнику дѣлать, какъ нынѣ подвоеводе дѣласть для своей корысти и пожитку съ такимъ великимъ государственнымъ дѣломъ“.

И дѣйствительно, царское посольство, пріостановленное смоленскимъ подвоеводіемъ, должноствовало разрѣшить въ Москвѣ вопросъ: спасать ли Польшу на краю гибели, или же оставить ее падать въ такую яму, какую она рыла пѣкогда подъ погами Москвы?

Между тѣмъ по путивльскимъ, чугуевскимъ и бѣлгородскимъ „сакмамъ“, или сторожевымъ пунктамъ, гдѣ стояли стрѣльцы и заставные головы, мѣняясь одни съ другими „добъзжими памятями“,—съ самаго начала бупта Хмельницкаго, козацкіе забронники, или, какъ ихъ называли царскіе люди, *воры Черкасы*, производили грабежи и разбой,

подкрадывались по-татарски къ московскимъ сторожамъ и къ пограничнымъ селамъ, въ числѣ пяти, двадцати и до двухъ сотъ человекъ, „наряднымъ дѣломъ“, то есть въ полномъ вооруженіи; побивали сторожевыхъ стрѣльцовъ, отнимали стапичныхъ лошадей, ружья и всякую рухлядь. Иногда вору Черкасы появлялись одни, иногда—вмѣстѣ съ Татарами, и это повторялось такъ часто, что по рѣкѣ Сѣверному Дону и по сосѣдней стени не было за ними проѣзда. Даже тѣ козаки, которые сидѣли насѣками съ польской стороны по рѣчкамъ Махѣ, Удамъ, Комольшѣ, стали разбойничать на Донуцѣ и подъ Чугуевымъ. Вору Черкасы, по зову Хмельницкаго, вооружались на счетъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ пограничниковъ за вѣру, честь и прочая, какъ проповѣдуетъ малорусская историографія *).

Все своевольное и безпутное почувало, что съ Пизу Днѣпра вѣстеръ, благопріятный для дикихъ инстинктовъ и привычекъ. Во всѣхъ „кормахъ-княгиныхъ“, во всѣхъ разгульныхъ „кабакахъ“ и „шинкахъ“, гдѣ отъ козацкаго хмѣлю валились печи и „за сажей не видать было Божія свѣту“, какъ это воспоминается въ кобзарской думѣ, у всѣхъ „степенныхъ шинкарокъ“, этихъ „Настей кабашныхъ“, гдѣ козакъ за свои „воровскія“ деньги живилъ грубыми наслажденіями жизни, на всѣхъ базарахъ и ярмаркахъ—распѣвали тогда пѣсни, которыхъ полузаглушенные временемъ звуки доносились и до насъ:

Ой изъ Пизу Днѣпра тихий вітеръ віе-повіває,
Військо козацьке запорозьке у похѣдъ виступає.
Тільки Богъ святий знає,
Що Хмельницький думає-гадає.

Въ самомъ дѣлѣ, мудро было угадать мысли человека, который, по словамъ крымскихъ „полощаниковъ“, общалъ „служить хану вѣчнымъ холопствомъ“, не предвидя, что у него будетъ въ рукахъ не хуторъ съ тяминскими слободами да насѣками, а цѣлое государство. Испугался ли онъ своего услѣха, боялся ли врѣзаться глубже въ Королевскую Землю, чтобъ Орда въ самомъ дѣлѣ не взяла козачество

*) Еще и въ апрѣлѣ 1649 года царскій дворнякъ Уиковскій упрекалъ Хмельницкаго, въ Чигиринѣ, — что „Черкасы нападаютъ на порубежныхъ людей, чинятъ имъ великія обиды, грабятъ и убиваютъ, въ угоды вѣзжаютъ, пчелъ выдираютъ, рыбу ловятъ, хлѣбъ и сѣно увозятъ насильно, и ваши порубежные вачальники“ (говорилъ Уиковскій) „такихъ воровъ не наказываютъ и не сыскиваютъ“.

въ свое вѣчное холодство вмѣстѣ съ опустошенною Україною, или же ему страшно было поднять на себя шляхту, сгущенную бѣгствомъ во внутреннихъ областяхъ?... Неизвѣстно, почему онъ остановился у самаго входа въ область городскихъ и сельскихъ промысловъ, на Ярославской колонизаціонной границѣ, на „Руси“. Этотъ его поступокъ до того былъ загадоченъ, что литовскій канцлеръ приписывалъ его Божеской силѣ.

Хмельницкій, вѣроятно, и самъ не зная, что ему дѣлать,—ему, который хотѣлъ помститься надъ можновладникомъ Конецпольскимъ за обычныя въ Украинѣ обиды, и, точно во силѣ, увидѣлъ себя побѣдителемъ коронныхъ гетмановъ. Новость и опасность его положенія между Татаръ и Руси, между бродягъ и землевладѣльцевъ, между безхатниковъ козаковъ и обладателей вооруженныхъ замковъ, между православныхъ и униатовъ, наконецъ между Крыма, Москвы и Польши, озадачивала его, надобно думать, такъ сильно, что онъ больше прежняго началъ поддаваться козацкой привычкѣ къ безпробудному пьянству, которое привело его къ смерти задолго до періода старческой немочи.

Онъ окружалъ себя—то странствующими монахами, то колдуньями и ворожеями. Лишь только заплывъ онъ Бѣлую Церковь, къ нему хлынули черпцы и черницы за милостынею, теперь, очевидно, не такую скудную, какую получалъ отъ жмайловцевъ и тарасовцевъ голодный кievскій митрополитъ. Но это была монастырская чернь, имѣвшая теперь такъ мало общаго съ „духовными старшими“, какъ мужики съ пацами. Напротивъ то духовенство, которое скиталецъ Филиповичъ называлъ *Мотылянами*, бѣжало изъ Кіева вмѣстѣ съ латинскими ессидзами, уніятами, шляхтою, Жидами, Армянами и всѣмъ зажиточнымъ народомъ. Адамъ Кисѣль уведомлялъ объ этомъ примаса изъ своей Гоци, отъ 31 (21) мая, среди важныхъ сообщений и политическихъ соображеній, въ такихъ словахъ: „Хмельницкій объявилъ Кіевъ своею столицей, и хотя всѣ первенствующіе люди, какъ духовные, такъ и свѣтскіе всѣхъ религій (unicuiusque religionis) бѣжали, онъ приказалъ оставшейся черни готовиться къ его пріѣзду“.

Наши историки, не стѣсняясь характеромъ тогдашней церковной іерархіи, пишутъ, будто бы замысль Хмельницкаго благословляли даже такіе люди, какъ Пётръ Могила. Но Хмельницкому стоило немалого труда остановить бѣгство духовныхъ старшихъ насильствомъ и обѣщаніями. Это бѣгство грозило уничтожить нуценную въ народъ молву, что козаки поднялись на Ляховъ за вѣру. Хмельницкій былъ на столько смѣтливъ, чтобы сохранить кажущееся согласіе между цер-

ковью и козатчиной. Онъ озаботился устроить при митрополитѣ стражу, которая бы охраняла его спокойствіе среди революціоннаго движенія, по которой въ сущности держала его подъ надзоромъ козацкой полиціи.

Обезпечивъ себя съ этой стороны, побѣдитель корооннаго и напскаго войска послалъ въ Варшаву четверыхъ старшинъ съ оправдательнымъ письмомъ къ королю, какъ бы не зная еще о его смерти.

Онъ жаловался на украинскихъ старость и землевладѣльцевъ, которые де вотъ уже столько лѣтъ отнимаютъ у козаковъ хутора, луга, сѣнокосы, ставы, млины, взимаютъ десятину съ козацкихъ ичель, хотъ бы и въ королевскихъ имѣніяхъ; кому чтó у козаковъ не правится, тотчасъ берутъ силою, а самихъ обдираютъ, бьютъ, тираниать, сажаютъ въ тюрьмы, и надѣлали много раненыхъ и окальченныхъ въ нашемъ товариществѣ; а козацкіе полковники, будучи ихъ рукодайними слугами, не только не обороняютъ насъ отъ такихъ угнетеній, но еще помогаютъ имъ въ этомъ, и даже Жиды, падѣясь на старость, чинятъ падъ козаками великое самоуправство (*wielkie zbytki*), „такъ что и въ турецкой неволѣ“ (писалъ Хмельницкій) „невроотно, чтобы христیانство переносило такія бѣды, какія причипаются намъ, подпожкамъ вашей королевской милости“.

Но въ чемъ состояло самоуправство, отъ котораго страдало христیانство въ Украинѣ, Хмельницкій промолчалъ, и обратился снова въ обидамъ, не касающимся религій.

„Мы знасмъ“ (продолжалъ онъ), „что это самоуправство чинили они надъ нами въ противность вашей королевской милости. Всѣ бывало приговариваютъ: „Вотъ вамъ король! Ну, что? поможетъ вамъ вороль, сякіе-такіе сыны“? Поэтому, будучи не въ силахъ больше терпѣть такія притѣсенія и безвишное мучевіе, не могли мы уже отъ своихъ великихъ бѣдъ усидѣть и въ домахъ своихъ, а, покинувши жепъ, дѣтокъ и всю убогую худобу свою, были принуждены мы, часть нашего войска, унести изъ великой неволи куда можно головы свои только съ душами, и некуда больше, какъ на обычныя мѣста наши, на Запорожье, откуда предки наши съ давнихъ вѣковъ привыкли Польской Коронѣ и вашей королевской милости, нашему милостивому папу, отдавать вѣрное подданство свое и услуги“.

Это письмо напоминаетъ воззваніе Павлюка къ респстровымъ козакамъ самимъ топомъ и складомъ своимъ. Хмельницкій пѣлъ павлюковскую пѣсню, которую, по всей вѣроятности, онъ же, въ званіи войскаго писаря, сочинялъ и для предыдущаго бупта.

„Но и *тутъ на Запорожьи*“ (продолжалъ онъ, очевидно, синсывая написанное за Порогами) „не давая намъ покоя, и не обращая

вниманія ни на какія привилегіи, которыя мы имѣемъ отъ вашей королевской милости, нашего милостиваго папа, наши войсковыя вольности и самихъ насъ обратили въ ничто. Въ томъ самъ Господь Богъ намъ свидѣтель, что мы, будучи въ вѣрномъ послушаніи вашей королевской милости, не учинили никакого своевольства и не заслужили никакой кары (ani na nic złego nic zagobili). Но его милость, нашъ Краковскій, о которомъ не думаю, чтобъ онъ былъ добрымъ пріятелемъ вашей королевской милости, нашего милостиваго папа и, вѣроятно, съ его позволенія дѣлались надъ нами такія тиранствя,—наступилъ и туда на насъ на Запорожьѣ съ войскомъ своимъ, а Украину опустошилъ, съ намѣреніемъ, какъ видно, искоренить и наше козацкое имя, или прогнать и съ земли. Но мы не желаемъ, пока живы, отрѣшиться отъ благоволенія вашей королевской милости. Мы не неволь, видя, что, противъ воли и повелѣнія вашей королевской милости, нашего милостиваго папа, наступили на нашу жизнь съ великими войсками, должны были воспользоваться помощью крымскаго хана, который помогъ намъ въ этомъ случаѣ, помня, что мы имъ также нѣсколько разъ помогали въ такихъ несчастіяхъ и спасали отъ непріятелей. Такъ должно было случиться по Божію Провидѣнію, что при сухихъ дровахъ и сырмъ досталось. Кто тому причиною, пускай самъ Господь Богъ судить. А мы, какъ до сихъ поръ были вѣрными подданными вашей королевской милости, такъ и теперь не преминемъ и готовы на всякой службѣ Рѣчи Посполитой противъ каждаго непріятеля жертвовать жизнію своею за достоинство вашей королевской милости, нашего милостиваго папа. И Крымская Орда до сихъ поръ, заключивъ съ нами договоръ, ни подъ какимъ видомъ не вторгается въ государство вашей королевской милости. Посему униженно просимъ вашу королевскую милость, нашего милостиваго папа, чтобы, явивъ надъ нами, низжайшими подножкамч своими, отеческое милосердіе и невольный сей грѣхъ намъ отпустивъ, благоволили повелѣть—оставить насъ при давнишнихъ нашихъ правахъ и вольностяхъ, якобы сами священною особою своею, и мы бы, низжайшіе слуги вашей королевской милости, не терпѣли больше этой неволи. Мы же снова при вѣрномъ подданствѣ нашемъ, съ униженными служебниками, подъ погдъ мастата вашей королевской милости, нашего милостиваго папа, низжайше и покорѣйше отдаемъся“.*)

*) Эта косвенная прокламація, подобная навляковской, такъ точно уничтожаетъ апокрифическій универсалъ Хмельницкаго изъ-подъ Бѣлой Церкви, какъ навляковская—фальшивый универсалъ Остриинцы, включенный въ Лѣтопись Ве-

Въ виду того, что предшествовало этой манифестаціи и что за нею послѣдовало, стоить вникнуть въ смиренное и покорное оправданіе козака, наступившаго панамъ на горло. Она была подписана такъ:

„Вашей королевской милости, нашего милостиваго папа, пижайшіе подпожки и вѣрные поддавыше. Богданъ Хмельницкій на это время старшій Запорожскаго Войска вашей королевской милости“.

Вмѣстѣ съ оправдательнымъ письмомъ послы Хмельницкаго представили папамъ и свою инструкцію. Она сохранилась и въ краткомъ, и въ болѣе пространномъ изложеніи. Въ пей частію повторяется сказанное въ самомъ письмѣ. Но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что оправдательное письмо было писано 12 (2) іюня и подано примасу, какъ видно изъ помѣты, die 7 Julii, тогда какъ „Пункты Инструкціи“, въ краткомъ изложеніи, помѣчены 9-мъ іюля, а въ болѣе пространномъ не помѣчены вовсе. Дѣло въ томъ, что важнѣйшій и самый тяжкій для пановъ пунктъ о религін помѣщенъ въ самомъ концѣ инструкціи, тогда какъ объ этомъ важномъ предметѣ вовсе не упомянуто въ петиціи къ королю. Читателя, паслушавшагося отъ историковъ сказокъ о козацкой борьбѣ за церковь и вѣру, поражаетъ въ этомъ пунктѣ посольской инструкціи то, что козаки умалчиваютъ о „Козацкой Украинѣ“, и хлопчуть о тѣхъ провинціяхъ, гдѣ козачество вовсе не существовало. Вотъ этотъ пунктъ:

„Касательно же нашего духовенства стародавней греческой религін усердно просимъ, чтобы она была ненарушима, и тѣ святыя церкви, которыя насильственно взяты подъ упію, какъ въ Люблинѣ, въ Красномъ Ставѣ, въ Сапожѣ и въ другихъ мѣстахъ припеволены, чтобы оставались при давнишнихъ вольпостяхъ“.

Посольствомъ къ несуществующему королю Хмельницкій давалъ панамъ понять, что вѣтъ имъ надобности принимать мѣры обороны отъ козаковъ, и что козаки удовлетворятся только возвращеніемъ къ тому положенію, въ какомъ находились до сеймоваго постановленія о

личка. При отсутствіи у насъ исторической критики, Археографическая коммиссія напечатала бѣлоцерковскій универсалъ въ своихъ актахъ и еще не такъ давно публиковала его для Европы, съ переводомъ на французскій языкъ. Я указалъ на это въ „Матеріалахъ для Исторіи Возсоединенія Руси“, по Костомаровъ, въ 4-мъ изданіи „Богдана Хмельницкаго“, пишетъ, что Хмельницкій, „съ шестидесятью козаками, разослалъ изъ подлѣ Бѣлой Церкви списки зазываго универсала ко всѣмъ южнорусамъ, обитающимъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра“, и прочая.

нихъ 1638 года. Раздѣльность панскихъ интересовъ подавала Хмельницкому надежду, что тѣ изъ магнатовъ, которые владѣютъ въ Малороссіи вотчинными и ранговыми имѣніями, перессорятся съ тѣми, которые не участвовали въ колонизаціи малорусскихъ пустынь, но завидовали колонизаторамъ и сваливали вину козацкаго бунта на ихъ жадность къ обогащенію. Въ то же самое время всѣвалъ онъ рознь между католиковъ и православныхъ, между католиковъ и униатовъ (вспомнимъ, какъ Левъ Сопіга обвинялъ ревнителѣй уни), а протестантамъ намекалъ, что, съ помощью козацкаго войска, они могутъ поставить свою церковь наравнѣ съ католическою, какъ пытался это сдѣлать въ 1632 году. Дѣля такимъ образомъ папское общество на части, Хмельницкій надѣялся, что не вся Рѣчь Посполитая встанетъ противъ него и, въ своей раздѣльности, дастъ козакамъ возможность овладѣть Украиной.

Можетъ быть, на эту мысль навели его письма, найденныя въ бумагахъ Потоцкаго. Къ числу магнатовъ, отстаивавшихъ козаковъ противъ Потоцкаго, принадлежалъ и краковскій воевода, Станиславъ Любомирскій, человѣкъ весьма вліятельный между папами. Дней черезъ пять послѣ Корсунскаго погрома, Хмельницкій выразилъ свою благодарность за его покровительство въ письмѣ къ его бѣлоцерковскому подстаростію, Черному, предостерегая подстаростія, что „во множествѣ войска есть и злые люди“, такъ чтобы онъ стягивалъ подданныхъ пана своего изъ селъ, ближайшихъ къ городу, а въ болѣе далскихъ, чтобы народъ соединялся въ большія купы съ своею худобою. „Мы бы съ радостію вернулись отсюда“ (писалъ онъ, вполне увѣренный, что письмо полетитъ къ папу воеводѣ), „но узнали, что еще множество такихъ непріятелей идетъ противъ насъ, каковъ былъ его милость, панъ Краковскій: по-несолѣ должны мы къ нимъ сгѣннить. Да будетъ воля Божія!“

Спустя дней десять, написалъ Хмельницкій такое же тормозящее письмо и къ князю Доминику Заславскому, богатѣйшему изъ польско-русскихъ паповъ, о притѣсненіяхъ и тиранинствахъ, претерпѣваемыхъ козаками въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ о Потоцкомъ такъ: „Его милость панъ Краковскій, пастушивши съ великими войсками па наши дома, опустошивъ почти весь край нашъ и обративши въ ничто имущество наши, погнался было за душами нашими и па Запорожье“.

Въ письмахъ къ панамъ онъ смиренно называетъ себя *старшиною* Запорожскаго Войска, не давалъ себѣ права титуловаться гетманомъ, подобно Косицкому и Паливайку, которые, въ виду постав-

ленныхъ правительствомъ *старшинъ*, подписывались гетманамъ въ письмахъ къ королю и коронному канцлеру. Что касается инструкціи козацкихъ пословъ, то она говорила о такихъ предметахъ, которые могли возбуждать въ панахъ только національно-польскую людскость и тѣмъ самымъ дѣлать ихъ на умѣренныхъ и жадныхъ, на добрыхъ и злыхъ. Она интересна для насъ въ томъ отношеніи, что характеризуетъ бытъ козака и его соціальное значеніе. Прочтемъ ее въ болѣе полномъ видѣ:

„1. Жалуются (козаки) на ихъ милостей пановъ державцевъ и урядниковъ украинныхъ, что, имѣя насъ уже въ своей волѣ, поступаютъ съ нами не такъ, какъ слѣдовало бы съ рыцарскими людьми и слугами его королевской милости, но еще хуже, нежсли съ невольниками своими: такія чинятъ самоуправства и нестерпимыя обиды, что мы не свободны не только въ нашихъ имуществахъ, но и въ самихъ себѣ.

„2. Хутора, сѣнокосы, луги, пивы, пахаты, ставы, млины, что бы только которому пану ни поправилось, отнимаютъ у козаковъ сплю; сажаютъ въ тюрьмы, убиваютъ насъ до смерти за наши добра, и надѣлали раленныхъ, искалѣченныхъ въ панемъ товариществѣ множество.

„3. Десятинные, пчельное и поголовщину, хотя живутъ (козаки) и въ добрахъ его королевской милости, берутъ у нѣкоторыхъ, паравнѣ съ мѣщанами, что есть лучшаго.

„4. Козацкимъ сыновьямъ не дозволено держать при себѣ ихъ старыхъ матерей и родныхъ отцовъ. Прогонять же старыхъ родителей не слѣдуетъ. Козакъ долженъ и передъ паномъ за нихъ отвѣчать (*i grzech musi za nich Panu kozak czynić*), и всякую войсковую повинность отбывать.

„5. Женамъ козацкимъ, не то чтобы до трехъ лѣтъ, но и одного года, какъ бы стара ни была, не дозволяется посидѣть (на грунтѣ) безъ мужа, хотя бы у нихъ были и сыновья на службѣ. Тотчасъ поворачиваютъ ихъ, паравнѣ съ мѣщанами, въ панскіе палогі.

„6. Полковники наши обходятся съ нами не по своему обѣщанію и присягѣ. Не только не обороняютъ насъ въ какихъ-либо обидахъ отъ нихъ милостей пановъ урядовъ, но, еще помогая имъ обижать насъ, что бы которому у насъ ни поправилось, добрый ли конь, или оружіе, или другое что, — надѣли ему подъ видомъ покупки, а не надѣлили, размышляй тогда о себѣ, бѣдняга козакъ!

„7. Вола или яловицу не запирай въ особомъ мѣстѣ. Сѣно въ стогахъ, хлѣбъ въ скирдахъ и на нивахъ жатый жолнерская челядь беретъ силою.

„8. Когда зайдемъ на Запорожье не установленною стражею (nie zwyczajną zalogą), и тамъ на Днѣпрѣ папы полковники въ свободномъ пользованіи нашимъ дѣлають намъ великую неволю. Какъ же теперь, не имѣя возможности бывать въ морскихъ добычахъ, можетъ вызволиться козакъ своимъ трудомъ? Кто промышляеть звѣремъ, кто рыбою, считайся и съ этимъ. Кто ловить лисицъ, у тѣхъ берутъ по лисицѣ отъ головы каждаго козака, хоть бы было и 500; а не поймасть лисицы, то отбирають самоналы отъ козаковъ. Кто бы ловилъ рыбу, давай подводу и на папа полковника. Если нѣтъ копя для доставки, доставляй по водѣ своими плечами, или плаги.

„9. Въ полсвой же добычѣ, когда самъ Господь Богъ пошлетъ счастье, что возьмешь въ ясырь не то старыхъ Татаръ, но и малыхъ Татарятъ, которые принадлежали намъ Войску, чѣмъ бы убогій козакъ приодѣлся,—и то все поотнимали у насъ, такъ что не для чего и трудиться. Иногда также случится зайць, стадо, кони, овцы, скоть,—со всего этого папы полковники вмѣстѣ съ папами жолнерами паберуть себѣ чтд будетъ лучшаго, сколько имъ надобно, а намъ, бѣднымъ козакамъ, и по одному не достанется, и го—чтд есть горшаго изъ браку. Рискуеть (козакъ) жизнью ни за чтд.

„10. Пайда какую-нибудь прицѣнку къ козаку, чтобъ содрать съ него, что увидить, тотчасъ его въ тюрьму. Искунай же, бѣдняга козакъ, свою душу! Ко всему этому, трудно даже исчислить все другія нестерпимыя обиды, какъ насъ гонять на работы и въ подводы.

„11. А что была воля его королевской милости, нашего милостиваго папа, когда повелѣлъ было намъ всемилостивѣйше, чтобы мы шли на море,—для чего мы получили на челны деньги, и пазначено было приписать къ нашему Запорожскому Войску еще 6.000, то мы, имѣя нашихъ старшихъ изреды себя, обѣщаемъ и клянемся совѣстью своею, что не будемъ принимать сверхъ того ниодного, такъ какъ не въ 6.000 войска привыкли мы служить столь великія службы его королевской милости и всей Рѣчи Посполитой, а развѣ болъшею куюю.

„12. Просимъ также униженно, чтобы заслуженный жолдъ, котораго не видимъ уже пять лѣтъ, донелъ до насъ вполнѣ, при комиссіи“.

Послѣ того слѣдуетъ приведенная выше просьба о вѣрѣ, написанная безъ той реальности, съ какой хоть и не совѣмъ складно, изложены 12 пунктовъ.

„Обо всемъ этомъ“ (заключаютъ свою посольскую инструкцію козакѣи) „послы папи, упавши къ милостивымъ погамъ его королевской

милости, нашего милостиваго папа, будутъ просить отъ насъ какъ пельза прилежиѣе и покориѣе, чтобы мы вполнѣ и неспарушимо могли оставаться при всяческихъ нашихъ войсковыхъ вольностяхъ, какъ отъ бывшихъ святой памяти польскихъ королей дарованныхъ и привилегіями утвержденныхъ, такъ и отъ его королевской милости, щастливо надъ нами царствующаго короля“.

Отвлекая такимъ образомъ вниманіе „короля“ отъ военныхъ приготовленій, Хмельницкій зорко слѣдилъ за сношеніями Польши съ Москвою, которая, по мирному договору, заключенному съ нею стараніями Адама Киселя, была обязана помогать Полякамъ противъ Татаръ, какъ и Польша—Москвѣ. Одно изъ писемъ Адама Киселя, относящихся къ этому предмету, попало въ руки Хмельницкаго. Зная сношенія царя со Шведами о томъ, какъ „поотомстить Полякамъ за тотъ вредъ, который они причинили землѣ его и народу“; зная, что и въ предыдущіе бунты побитые за Русью и надъ Сулою казаки были приняты царемъ на московскую почву; зная, сверхъ того, что вся Сѣверщина, Кіевская Земля и Бѣлоруссія проникнуты мыслью о соединеніи Польши съ Москвою подъ одной короною,—Хмельницкій написалъ къ царю письмо, въ которомъ относительно соединенія государствъ повторялъ то, о чемъ доносили въ Москву пограничные воеводы, представилъ казаковъ „помирающими за старожитную греческую вѣру отъ безбожныхъ аріанъ“, извѣщалъ царя о своихъ побѣдахъ и предлагалъ ему свои услуги въ войнѣ противъ Ляховъ.

Когда на это письмо отвѣта не послѣдовало, а переხваченныя казаками письма царскихъ людей къ намъ дали понять козацкому бунтовщику, что царь остается вѣрноп оборонительному договору съ Польшею,—онъ дерзко высказалъ свою досаду путивльскому воеводѣ: „Дай же, Боже, чтобы и всякій непріятель нашего Войска Занорожскаго такъ же шеи уламалъ и потѣхъ не относилъ, какъ нынѣ Ляховъ Богъ помогъ намъ паделомити“!

Всѣ пограничные воеводы получили изъ Москвы наказъ посылать за рубежъ расторопныхъ людей для провѣдыванья, что дѣлается въ Польшѣ, и за что у Черкасъ учинилась война съ Ляхами. Сохранилось множество допесеній, основанныхъ на словахъ развѣдчиковъ, которыми были обыкновенно люди торговые, какъ наиболѣе заинтересованные въ такой миссіи, наиболѣе бывалые, а главное—наименѣе въ глазахъ пановъ и казаковъ подозрительные. Они приносили къ пограничнымъ воеводамъ, вмѣстѣ съ точными вѣстями, много невѣрныхъ слуховъ, какими пробавлялись тогдашніе рынки, постоянные дворы, священническіе дома и монастыри.

Нѣсколько разъ было, наиримѣрь, донесено въ Москву, что король Владиславъ умеръ въ мартѣ, а не въ маѣ. Донесли также, будто бы короля убилъ князь Вишневецкій; будто бы сына Потоцкаго козаки разстрѣляли; будто бы его посадили на колъ подь Кіевомъ, и тому подобныя небылицы. Получались въ Москвѣ извѣстія и тако-го рода:

„Сынъ Николая Потоцкаго учился въ одной школѣ съ сыномъ Богдана Хмельницкаго, и побранясь де Богдановъ сынъ Хмельницкаго съ Николаемъ сыномъ Потоцкаго, погрозилъ ему, что за насильство Потоцкаго надъ его сыномъ онъ, сынъ Хмельницкаго, только де дастъ Богъ взмужаетъ, и онъ ему, Потоцкаго сыну, то отомститъ. И Потоцкаго де сынъ то сказалъ отцу своему, и Николай де Потоцкой велѣлъ Богданова сына Хмельницкова, какъ онъ ѣхалъ изъ Кіева къ отцу своему, на дорогѣ изымать и его у себя во дворѣ убить, обѣвши руки и ноги, веснѣ 156 (1648) году, а жену Богдана Хмельницкова съ дочерью взялъ Потоцкой къ себѣ. И за то де Богданъ Хмельницкой собралъ войско черкасское и призвалъ къ себѣ Крымскихъ Татаръ, и все войско королевское Черкасы побилъ, и гетмана Николая Потоцкаго и польнаго, и Николаева сына Потоцкаго, Петра, и многихъ знатныхъ людей поимали; и Петра Николаева сына Потоцкаго Хмельницкой казнилъ на полѣ передъ отцомъ сво за своего сына“.

Подобныя вѣсти варіировались бесконечно, давая матеріалъ современнымъ лѣтописцамъ и кобзарямъ для изображенія того, чего даже не могло и быть. По вѣстѣ съ ними отовсюду, начиная съ Бѣлой Церкви и оканчивая Смоленскомъ и Дорогобужемъ, приходилъ столь же нелѣпный слухъ, что козаки бьются съ Ляхами за вѣру. Даже такіе люди, какъ дорогобужскій мытникъ, Жидъ Давидъ, даже заѣзжіе нѣмецкіе прикащики, наконецъ, и сами „Ляхи“ въ Бѣлоруссіи—твердили въ одинъ голосъ: что „война съ козаками учинилась за вѣру“; что „козаки съ Ляхами завоевались за вѣру“; что „бьются козаки съ Ляхами за вѣру“.

Бѣгство монаховъ за московскій рубежъ продолжалось. Мѣстные власти, отъ имени оставшихся игуменовъ, просили пограничныхъ воеводъ вернуть ихъ, какъ воровъ, похитившихъ церковное серебро, книги и даже одежду братій своихъ. Но бѣглецовъ препровождали въ Москву и царская дума выслушивала отъ нихъ (не выражая ни въ какихъ наказахъ собственнаго возрѣвія на козацкій бунтъ): что „Польяки на нихъ похваляются: какъ де они съ козаками запорожскими управятся и они де христіанскую вѣру греческаго закона искоренятъ,

и церкви христіанскія разорять, а ихъ, черницѣвъ, побыюгъ всѣхъ, *чтобъ отъ нихъ, черницѣвъ, впродѣ буитѣвъ не было*“.

Эти послѣднія слова вовсе не выражаютъ, чтобы малорусскіе монахи принимали непосредственное участіе въ козацкихъ мятежахъ, хотя козацкіе историки рассказываютъ, на основаніи современныхъ выдумокъ, будто бы львовскій владыка посылалъ порохъ и свинець козакамъ Хмельницкаго, а луцкій—даже пушки, называвшіяся гаковницами. (Объ этомъ будетъ у меня рѣчь въ своемъ мѣстѣ). Но воли поповъ и монаховъ, изгоняемыхъ изъ церковныхъ имуществъ для водворенія въ нихъ тѣхъ, которые отвергли „схизму“ во имя единенія церквей, или тѣхъ, которыхъ смѣстили, по Филиповичу, *моимъ*,—эти воли и жалобы, плачь и озлобленныя рѣчи противъ Ляховъ, подъ которыми разумѣлись вообще паны, и способности, и неспособные защищать вѣру предковъ своихъ,—сдѣлали глубокое впечатлѣніе на ту массу, для которой ни государственное, ни общественное право не существовало: а къ этой-то массѣ и обратились козаки. *За отру! за отру!* раздавался всюду кличъ, гдѣ изъ панскихъ жилищъ голодная сволочь таскала хлѣбъ, гдѣ пылали панскіе дома вмѣстѣ съ экономическими заведеніями, а панское добро дѣлалось достояніемъ поджигателей.

Но это былъ кличъ героевъ самозванщины, героевъ Московскаго Разоренія, избрѣвшихъ только новый девизъ для своего истребительнаго промысла. Ниодинъ епископъ, ни игуменъ, ни даже протопопъ, къ чести полуразрушенной малорусской церкви, не выступилъ вмѣстѣ съ занорожцами Хмельницкаго въ роли возмутителя украинскаго престопагодья. Даже нерадивые, подобные Филиповичу, даже и они пританцлись въ своихъ скитахъ и монастыряхъ.

Въ ужасное лихолѣтье Хмельниччины, заставившее насъ припомнить позабытую Батыевщину, игуменствовалъ въ Почаевскомъ монастырѣ почти столѣтній уже старецъ, преподобный Іовъ Желѣзо. Родившись въ 1551 году, онъ прожилъ въ иноческихъ подвигахъ и времена протестантскаго легкомыслія малорусскихъ паповъ, и времена продажнаго отступничества малорусскихъ архіереевъ. Его чествовалъ Князь Василій, обратясь отъ уніатскихъ мечтаній къ православницкой борьбѣ съ папистами. Съ нимъ Іовъ Борецкій, въ „великой“ печерской церкви предавалъ проклятію апологію Смотрицкаго. Его репутація, какъ мужа святаго, была такова, что одному появленію его въ монастырскихъ стѣнахъ приписывали испугъ и бѣгство Татарь, набѣжавшихъ „великою Ордою“. Если кто-либо, такъ именно этотъ самоотверженный аскетъ могъ бы теперь играть роль Петра Пустышника проповѣ-

даніемъ войны за древнее русское благочестіе, за поруганное панами отступниками православіе. Но, состоя въ постоянномъ общеніи съ печерскими застолпниками и съ аопскими „преподобными мужами Россами, житіемъ и богословіемъ цвѣтущими“, Іовъ Желъво не имѣлъ ничего общаго съ паливайковцами, жмайловцами, тарасовцами, павлюковцами и, наконецъ, хмельничанами.

Козацкіе историки, ловя современные слухи съ легковѣріемъ пограничныхъ московскихъ развѣдчиковъ, заставляютъ какихъ-то безыменныхъ представителей нашего духовенства взывать къ народу во время Хмельниччины: „Присигль часть, желанный часть! Время возвратитъ свободу и честь нашей вѣры“, и т. д. *) Между тѣмъ преподобный Іовъ Почасевскій, сидя въ своей подземной кельѣ, изъ которой братіи святаго человѣка видѣлись исходящій сверхъестественный свѣтъ, произносилъ скорбнымъ голосомъ одни только слова: „Господи, помилуй! Господи, помилуй!“ и эти слова, въ своемъ согласіи съ апостольскою программой „Советованія о Благочестіи“, были соотвѣтственнѣе духу православной церкви, нежели все, что прославатели козачины могли узнать о нашемъ духовенствѣ отъ католиковъ и протестантовъ.

Видя въ козачьихъ похожденияхъ нѣчто достойное сочувствія и уваженія, козакоманы посвящаютъ цѣлыя томы на повтореніе всяческихъ сказаній о томъ, какъ разлились по аренѣ древне-русской культуры козакъ въ сопровожденіи своихъ единомышленниковъ Татаръ; какъ они вызывали на свой кровавый ниръ безумныхъ, безстыдныхъ и жестокосердыхъ людей всѣхъ племенъ, всѣхъ нарѣчій и состояній; какъ дикія поляница ихъ прошли вдоль и поперекъ всю Кіевщину, Черниговщину, Подолю, Волинь, Червоную и Бѣлую Русь, точно силовыми пожарами, гонимый дующимъ изъ Запорожья вѣтромъ; какъ не давали козакъ пощадъ ни старцамъ, ни женщинамъ, ни грудницамъ младенцамъ, не отличали благочестивыхъ отъ злочестивыхъ, православныхъ отъ кривовѣрныхъ, ругались всячески надъ жепекой чистотою, находили симпатичную для зѣбрской толпы забаву въ томъ, чтобы, изнасиловавъ дѣвицу шляхетскаго званія, наградить ее красною лептою изъ кожи, содранной съ ея же шеи и бюста, разоряли церковныя усыпальницы, выбрасывали тѣла покойниковъ на улицу, одѣвались въ ихъ одежду безъ отвращенія, безъ ужаса, безъ угроженія совѣсти и пр. и пр. и пр.

*) Костомаровъ, „Богданъ Хмельницкій“, изд. 4, т. I, стр. 317.

Возведя козацкіе разбои въ идею пародной самозащиты, въ сознаніе своихъ ископныхъ правъ и національности, въ чувство русской чести и вѣры, они находятъ интересъ углубляться во всѣ подробности убійствъ и мучительствъ, вдохновляются новымъ и новымъ краснорѣчіемъ по мѣрѣ того, какъ разливаемыя козаками рѣки крови дѣлаются шире и этому позору имени русскаго, этому поруганію историческаго характера православной вѣры придаютъ санкцію со стороны ея верховниковъ. Если-бы верховники нашей малорусской церкви въ эпоху Хмельницкаго и были способны, по своей природѣ, къ тому, что имъ приписываютъ, то не въ козацкую сторону глядѣли они по своему образованію, по своимъ общественнымъ связямъ, по своимъ нравственнымъ интересамъ.

Сами же козацкіе панегиристы перомъ своего жокака, Костомарова, пишутъ, что пресмыкъ Петра Могила по митрополіи, Сильвестръ Косовъ, „совѣмъ не раздѣлялъ православиорусскихъ идей независимости, которыя (будто-бы) одушевляли его предшественника“. Но, неопытствуя въ потемкахъ баснословія, не обращаютъ вниманія на поразительное обстоятельство, что, отъ начала и до конца козацкихъ бунтовъ противъ пановъ, правительство Рѣчи Посполитой не подвергло суду и слѣдствію ни одного пана и монаха за участіе въ этихъ бунтахъ, а исполнительная власть этого правительства, въ лицѣ племянника и намѣстника Николая Потоцкаго, въ 1638 году освободила отъ ареста вѣжицкаго приходскаго дячка на основаніи собственной его присяги въ непричастности къ бунгу. Хмельницкій, пожалуй, писалъ къ московскимъ воеводамъ, что Ляхи, умоляя его о мирѣ, сажаютъ на колъ православныхъ священниковъ; по его слова заслуживаютъ еще меньше вѣры, нежели сказанія малорусскихъ гѣтонисцевъ о мѣдныхъ волахъ, мурованныхъ столбахъ, поголовномъ избіеніи Руси за то, что она Русь, и ляшескомъ свирѣиствѣ надъ козаками, падъ ихъ жепами и дѣтми среди Варшавы, въ присутствіи сенаторовъ и земскихъ пословъ. Помраченный своимъ страстями и злодѣйствами бунтовщикъ долженъ былъ прибѣгать ко всѣмъ ухищреніямъ самозванщины, чтобы съ высоты вонтеля за вѣру, не спуститься до того уровня, на которомъ стояли Татары, призванные имъ на добычный промыселъ.

Что касается Москвы, то она, гляди издали на пожаръ, уничтожившій польскіе труды на русской почвѣ, держала себя выжидательно. Ни кіевскій митрополитъ, воспитанникъ Петра Могила, ни кто-либо изъ тѣхъ владыкъ, которые, по словамъ легковѣрныхъ историковъ, снабжали козаковъ порохомъ и гаковницами, ни даже такой энтузі-

асть, какъ извѣстный на Москвѣ Леопацій Филипovichъ, не присылали къ царю пословъ и не являлись, подобно Исакію Борисковичу, съ просьбами принять козаковъ подъ свою высокую руку, какъ это бывало въ тѣ времена, когда козаки не вводили еще Татаръ въ Христіанскую Землю. О Хмельницкомъ ходили не межъ одними польско-русскими папами слухи, что онъ, бывши долго послѣ Цецорскаго пораженія въ плѣну, отурчился, что отсюда завязалась у него дружба съ мусульманами и что онъ, въ случаѣ неудачи въ войнѣ съ папами, отдастъ Украину турецкому султану. Да и самъ Хмельницкій много разъ хвастался, что отдастъ султану всю Польшу. Ходатайствовать передъ московскимъ царемъ въ пользу такого патріота, стремившагося къ Великой Руси „всѣми силами души“, не могли ни тѣ, которые, по почину Петра Могилы, вели малорусское общество къ соединенію церкви путемъ школьной науки и польской общественности, ни даже тѣ, которые, устами Филипovichа, вопіяли: „*Vae maledictis et infidelibus!*“

Москву, надобно думать, смущало отчужденіе отъ нея малорусской церкви въ такой критическій моментъ, когда силы ея исконнаго супостата были поколеблены и когда русская почва тряслась подъ его ногами, дымилась какъ вулканъ, извергала пламя вмѣстѣ съ потоками крови. Теперь бы, именно теперь, слѣдовало козакамъ соединиться съ церковными властями и обратиться къ царю съ общою просьбою о покровительствѣ, какъ это было сдѣлано 23 года тому назадъ. Но Малорусскій народъ, въ лицѣ своего духовенства, дворянства, кунчества и мѣщанства, держался въ сторонѣ отъ козаковъ.

Между тѣмъ бунтъ Хмельницкаго сдѣлалъ громадныя успѣхи. Огни, истреблявшіе папскіе хозяйства и дома, пылали уже на Волини. Счастливый въ возбужденіи низкихъ инстинктовъ разбойникъ мечталъ о завоеваніи себѣ удѣльнаго княжества. Выжидательное положеніе Москвы раздражало его и онъ посылалъ къ пограничнымъ царскимъ воеводамъ сердитыя письма.

Правительство Тихайшаго Государя знало, что между козаками Хмельницкаго находится множество донцовъ. Знало оно, что къ занорожскимъ Черкасамъ примкнули не одни Татары, но и Калмыки. Козацкая ватага, мечтавшая еще въ XVI вѣкѣ о разрушеніи Кракова, могла, въ случаѣ чего, покуситься, подобно Косолаповцамъ, на Москву, которая, по предсловію антигосударниковъ, „стояла на крови“, то есть подавила удѣльныхъ князей, какимъ задумалъ сдѣлаться панъ Хмѣль и уничтожила драчливую вѣча, воскресавшія въ козачинѣ. Нельзя было оставлять польскаго Косолапа безъ вниманія, съ его гро-

мадными полчищами и съ его рѣшимостью дѣйствовать по козацкой пословицѣ: „або панъ, або прощавъ“!

Хотмыжскій воевода, князь Болговской, на вопросъ: какъ отвѣчать Хмельницкому противъ его грозящаго письма? получилъ изъ Москвы просктъ отвѣта. Онъ отписалъ къ запорожскому гетману, — что царскіе ратные люди стоятъ съ нимъ (княземъ Болговскимъ) „на Украинѣ и въ другихъ украинныхъ городѣхъ и у крѣпостей воеводы и многіе ратные люди есть, какъ и прежде сего бывали. А стоимъ де съ тѣми ратными людьми для обереганья его царскаго величества украинныхъ городовъ и мѣсть отъ приходу Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ. А что будто на васъ хотятъ стоять, и то пѣхто вмѣстилъ вамъ непріятель христіанскіе вѣры, хотя тѣмъ въ православной христіанской вѣрѣ ссору учинить. И вы бы и впередъ отъ насъ того не мыслили и опасенья никакова не имѣли. И отъ васъ никакова дурна не чаемъ и опасенья не имѣемъ, потому что вы съ нами одное православныя христіанскіе вѣры“.

Это было писано въ іюлѣ 1648 года. Въ концѣ русскаго іюля Хмельницкій благодарилъ князя Болговскаго за его дружескій отвѣтъ, и приглашалъ Москву нападать на Польшу. Но передъ тѣмъ онъ писалъ къ путивльскому воеводѣ, Никифору Плещесеву: „Ужъ то третьяго посла вашего имаемъ, что вы, утаясь насъ, ссылаетесь съ Ляхами насъ восвать... Если себѣ того будете желати, чтобы есте на насъ, на свою вѣру православную христіанскую, имѣли мечъ подняти, а мы будемъ Богу молитися, что также потѣхи не отнесете, какъ и хтопной. Легче намъ, колько бивниши межъ собою, помиритися, а помирився, на васъ поворотиться, что за измѣну вашу Богъ васъ погубить“.

Въ своихъ письмахъ къ царскимъ людямъ счастливый разбойникъ титуловалъ себя „*Божією милостію* гетманъ“, чего, конечно, не оставила Москва безъ вниманія, — хоть однажды онъ, съ пьяна, заключилъ свое письмо къ Путивльскому воеводѣ (отъ 11 русскаго іюля) словами: „*Вашему величеству* всего добра желаю пріятно“, а подписался безъ *Божіей милости*.

Москва была поставлена въ положеніе затруднительное, опасное и вмѣстѣ съ тѣмъ неловкое. Въ августѣ путивльскій воевода получилъ указъ о томъ, какъ написать отвѣтное письмо къ Богдану Хмельницкому, и при указѣ — образецъ самаго письма, по поводу задержанія Хмельницкимъ московскаго посланца къ Іереміи Вишневецкому. Плещесеву было наказано: „къ Вишневецкому и къ Адаму Киселю, и къ инымъ ни къ кому, безъ царскаго указу, ни о какихъ дѣлахъ листовъ отъ себя не писать и съ ними не ссылатся“.

Въ „образцовомъ письмѣ“, которое Плещеевъ долженъ былъ „написать на листѣ слово въ слово“, всего замѣчательнѣе то, что въ титулѣ: „Богдану Хмельницкому, гетману Войска егѡ королевской милости Запорожскаго“, слова: *его королевской милости*, написанныя въ черновомъ отпускѣ, были (безъ сомнѣнія, думной редакціей) зачеркнуты. Можетъ быть, здѣсь имѣлось въ виду безкоролье, а, можетъ быть, и чтѡ иное. Въ образцовомъ письмѣ, посланномъ бѣлгородскому воеводѣ, князю Пронскому, отъ 27 февраля 1649 года, по избраніи на королевство Яна Казимира, означенныя слова не были возстановлены, какъ и никогда послѣ.

Сочиненное въ Москвѣ письмо Плещеева къ Хмельницкому было буквальныймъ повтореніемъ увѣреній, сочиненныхъ для князя Болговскаго; прибавлены только слова: „Писалъ ко мнѣ князь Еремей Вишневеткой, воевода руской, что Крымскіе Татаровя въ собранѣ на урочищѣ у Княжихъ Буераковъ 40.000 стоятъ наготовѣ, а хотять итти царскаго величества на украинны войною. И противъ того сво письма язъ, царскаго величества путивльской воевода, къ нему ко Князю Еремѣю Вишневеткому писалъ, хотя отъ него прямыя вѣсти вѣдать, куды тѣхъ Крымскихъ Татаръ впрямъ походу чаятъ, для онасенья царскаго величества украинныхъ городовъ. А то дѣло не новое, что о Татарѣхъ на обѣ стороны вѣдомо чинить и отъ ихъ безвѣстнаго воинскаго приходу береженье держать“.

Наконецъ, въ началѣ 1649 года получено въ Москвѣ изъ Смоленска тарабарское письмо отъ царскаго гопца, думнаго дьяка Григорія Кунакова. Это былъ человекъ въ посольскихъ дѣлахъ опытный и вообще смѣтливый. Ему было поручено „довѣдаться подлинно, за чтѡ учинилась у пановъ (не сказано у *Поляковъ*) ссора съ Черкасми“, и онъ, донося обо всемъ, чтѡ ему рассказывали русскіе зарубежники, написалъ слѣдующее:

„Богданъ Хмѣльницкій хотѣлъ отомстить Потоцкому за свои обиды домашнія, и собралъ черкасское войско, даючи причину, будто для того, что межъ королевствъ устоятъ о вѣрѣ, чтобъ имъ подѣ ушѣ его не быть“.

Эти слова согласовались съ извѣстной уже намъ отпиской путивльскаго воеводы 1638 года, въ которой онъ, со словъ строителя Густынскаго монастыря съ братією, доносилъ, что Поляки побиваютъ Черкасъ за самовольство, за избіеніе по городамъ урядниковъ, за грабежи надъ Жидами и Ляхами, за поджиганье костеловъ и святотатство, *а не за вѣру*. И видно было для чего писать „вѣсти въ Смоленску догѣданы есѣ“ тарабарскимъ письмомъ, иначе *письмомъ по ли-*

торъ, котораго ни Кунаковъ, ни другіе вѣстовщики въ послѣдствіи не употребляли. Это былъ великій государственный секретъ: Москва наконецъ знала, въ чемъ дѣло и какъ ей быть.

Всѣ, однакоже, польскіе труды на русской почвѣ уничтожались, какъ бы неисповѣдимымъ судомъ Божиимъ, чрезъ посредство козацкихъ и всяческихъ разбойныхъ рукъ. Новая орда грозила вырости на древнемъ пепелищѣ Варягоруссовъ, засыпанномъ костями тѣхъ Русичей, которые забыли, что „ихъ предки вѣры отъ папы не принимали“. Эта орда (такъ должна была размышлять Москва) будетъ необходимо подначальна Крымской Ордѣ, а Крымская Орда пошла отъ той, которая испенелила первопрестольную столицу Руси, и такимъ образомъ снова готова встать уничтоженное Москвой и Литвой владычество Чингисхановичей надъ широкимъ займищемъ Рюриковичей. Что станется тогда съ Великой Русью? Ее совсѣмъ отрѣжутъ отъ христіанскихъ народовъ, и, можетъ быть, на мѣстахъ древнихъ кievскихъ святынь, Ярославской Софіи, Золотоверхаго Михаила, Царствующей Печерской Лавры, появятся магометанскія мечети. Если же такъ не станется; если козаки будутъ „сильны Татарамъ“ и удержатъ подъ своей властью священныя и славныя высоты кievскія, тогда донцы соединятся съ запорожцами, тогда и вся козачина царскихъ украинъ примкнетъ къ днѣпровскимъ наѣзникамъ,—и настанетъ новое царство, хуже Литовскаго, царство козацкое, воровское. Уже и то было слышать, что Хмельницкій, „гетманъ Божию милостию“, объявилъ своей столицей Кіевъ, а въ Смоленскѣ Кунаковъ довѣдался, что козаки не пустили кievскаго митрополита на сеймъ и „проставили къ нему варту по сту человекъ: знай де свою келью и въ такія дѣла не вступайся“.

Правда, Кунаковъ доносилъ, что Хмельницкій домогается отъ новаго короля, чтобы опъ „церкви благочестивые христіанскіе вѣры въ Кіевѣ и во всей Бѣлой Руси всѣ отъ унѣи учинилъ свободны, и костеловъ бы и унѣи въ Кіевѣ и во всей Бѣлой Руси отнюдь не было“; но тутъ же писалъ своею государственною тарабарщиной, что козаки требуютъ отъ короля—отдать „кievское и всей Бѣлой Руси правленіе на ихъ гетманскую волю, а самъ бы король въ Кіевъ и во всѣ бѣлорусскіе города, ни въ росправу, ни въ што не вступался, и на томъ бы де король и паны рады присягли и записми укрѣпились“.

Это было бы не больше и не меньше, какъ воскресеніе великаго князя литовскаго Гедимина въ особѣ козацкаго гетмана Богдана. Случись это на самомъ дѣлѣ,—и Москва была бы стѣснена козацкой вольницей гораздо больше, чѣмъ во времена оны повгородскимъ и

псковскимъ вѣчами. Москвѣ тогда угрожалъ бы переворотъ еще болѣе тяжкій, чѣмъ подѣ владычествомъ навязаннаго ей въ Смутное Время Владислава Жигимонтовича. Устроенное въ ней вѣчами должно было разстроиться, и утвержденное великими заботами да грѣшными думами царскихъ сановниковъ было бы поколеблено. Москва не могла допустить у себя подѣ бокомъ, на древнерусской почвѣ, безбоярщины и безгосударщины. Какъ ни противна ей была вольница шляхетская, по вольница козацкая противорѣчила вѣмъ ее симпатіямъ и государственнымъ преданіямъ. Притомъ же, что бы тамъ ни дѣлали латишцы Римляне изъ-подѣ руки у короля во вредъ малорусско-бѣлорусскому православію, по ей, какъ державѣ самоуважающей, не подобало насѣдять на сосѣдную, тоже почтенную державу въ ее несчастныхъ обстоятельствахъ. Ужъ если судомъ Божиимъ пришло такое время, что Польша должна поплатиться за все свои грѣхи, содѣянные въ угожденіе беззаконному Риму, такъ надобно выждать, чтобы фіалъ гнѣва Господня излился на нее самъ собой до конца:

Такъ должна была разсуждать и такъ дѣйствительно *поступала* Москва, эта фурія польскихъ „народныхъ пророковъ“, постоянно стремившаяся въ Польшу для ея разрушенія,—эта робѣющая передѣ „сильнымъ могуществомъ Польскаго государства“ держава панихъ козакомановъ, игравшая роль друга и Поляковъ и козаковъ. Въ предыдущемъ, не-тарабарскомъ письмѣ своемъ Купаковъ доносилъ царю:

„Въ Дорогобужѣ, государь, говорилъ со мною, холопомъ твоимъ, въ розговорахъ бурмистръ Хриштофъ Красовскій, удивляясь и похваляя твою государскую милость, что ты, великій государь, въ такое ихъ безглавное время и въ великомъ унадку и въ разореньѣ, въ которое они время ни откуды послілку себѣ не чаяли, показали надѣ ними свою государскую милость, въ вѣчные роды удивленью и хвалѣ достойную: не изволилъ на нихъ послати своей государевой рати; а мочно де, государь, было тебѣ, государю, все свое изволеніе учинить и города отыскать и небольшимъ собраемъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, Тинчайшій Государь былъ расположенъ благоволить евангельски даже исконнымъ врагамъ своего царства, Полякамъ и ихъ побратимамъ, Литворуссамъ. Но его думные бояре и дьяки должны были оглядываться на польскую воинственность, усиленную съ одной стороны богатырями Русичами, а съ другой — „хороброю Литвою“. Поляко-Литво-Руссы—надобно было признаться—съ малыми боевыми силами торжествовали надѣ многочисленными московскими ратями. Правда, теперь лучшіе польскорусскіе ротмистры были побиты; весь походный парядъ пропалъ, и даже арсеналъ Рѣчи Посполитой

той, Баръ, не сегодня, такъ завтра, могъ очутиться въ рукахъ у козаковъ. Притомъ же, въ польскихъ войнахъ съ Москвою, козаки были бурнымъ вѣтромъ, предшествовавшимъ грозѣ; они были крыльями громоносныхъ орловъ; они были пламенемъ, превращавшимъ заселенныя области въ пѣмныя пещелища. Теперь этотъ „духъ бурень“, этотъ „поядающій огонь“ обращенъ волей Всевышняго на царскихъ супостатовъ и, судя по началу Хмельниччины, не устоитъ противъ нея ни Краковъ, ни Варшава. Но Москва знала по себѣ, какъ можетъ быть сильна земля противъ опустошителей. Запасы боевой силы въ странѣ Мечиславовъ, Болеславовъ, Казимировъ, Сигизмундовъ и Владиславовъ не исчерпывались ни выбывшими изъ польскихъ ополченій козаками, ни погибшими коронными и панскими жолнерами. Польскорусскій и литворусскій шляхтичъ оказывался весьма часто на войнѣ трусомъ, а въ мирное время разорителемъ беззащитной братіи своей, но въ случаѣ крайности онъ являлся героемъ. Онъ велъ свое происхожденіе, если не отъ тѣхъ, которые повыщербили свои мечи на Золотыхъ Воротяхъ въ Кіевѣ, то отъ тѣхъ, которые приковали свои щиты къ воротамъ царградскимъ, да отъ тѣхъ, которые съ своими Гедиминами и Ольгердами прогнали Кипчакскую Орду съ дѣстро-дѣпровскаго Черноморья. Надобно было, кромѣ того, помнить еще, что сзади Польши стоялъ Римъ съ послушными ему государствами. Дорожа своимъ посреднымъ редутомъ, римскій папа, чего добраго, подниметъ на его защиту все Католичество, которое цѣлымъ тридцать лѣтъ билось, въ угоду Вѣчному Городу, съ нѣмецкими да свейскими люторами, и которое какъ разъ теперь, послѣ Вестфальскаго мира, удосужилось. Наконецъ, въ Польшѣ, какова она ни есть сама по себѣ, могутъ явиться свои Ляпуновы, свои Скопичи Шуйскіе, Мишины, Пожарскіе, которые останавятъ козацкое всегубительство, какъ было остановлено Московское Разореніе подвигами героевъ Смутаго Времени, и Польша, помышляющая теперь объ отступленіи за Вислу, двинется яростно къ Дѣбру, а потомъ и къ Москвѣ-рѣкѣ.

Такія соображенія, естественно, могли занимать совѣтниковъ Тихайскаго Государя, и политика ихъ не была ни ошибочна, ни черезъ чуръ осторожна.

Среди всеобщаго страха и ужасовъ польско-русскихъ пановъ, геройскій духъ шляхетскаго народа проявился въ боевыхъ подвигахъ князя Іереміи Корибута Вишневецкаго.

Князь Іеремія объявилъ себя католикомъ незадолго до того времени, когда двоюродный братъ его матери, Петръ Могила, сдѣлался кievскимъ митрополитомъ. Извѣстно трогательное заклинаніе гонима-

го Могилою Копинскаго, обращенное къ отступнику. Ничего подобнаго, да и вовсе таки ничего, не предпринялъ дядя малорусскаго магната, чтобъ удержать его въ православіи; а кому, казалось бы, спасать молодаго челоуѣка отъ католичества и ополяченія, какъ не тому, о православно-русскихъ дѣяніяхъ котораго печатають нынѣ грузные томы въ тысячу страницъ?

Домъ Вишневецкихъ, какъ домъ князей Острожскихъ и самихъ Могилъ, представлялъ одинъ изъ тѣхъ подмытыхъ римскимъ прибоемъ устоевъ православія, которые паписты уничтожали послѣдовательно, начавши съ древнихъ домовъ Радивиловъ, Сопігъ, Замойскихъ, Потоцкихъ, Збаражскихъ, Чорторыйскихъ (по польски Czartoryzskich), Сап-гусекъ, Ходковичей, Пузынь, Тишковичей. Но, принявъ господствовавшее въ Польшѣ вѣроисповѣданіе, князь Іеремія не трогалъ монастырей, основанныхъ подъ патронатомъ его матери. Подобно всѣмъ аристократамъ, воспитаннымъ латинскою наукою, онъ презиралъ малорусскихъ монаховъ, какъ жалкихъ сектантовъ. Онъ былъ увѣренъ, что, съ распространеніемъ тѣхъ знаній, которыми снабжали наше малорусское общество наставники могилпскихъ школъ, монастыри Исаи Копинскаго сами собою оцѣнятъ и примутъ благодѣянія церковнаго единства, съ которымъ, въ умѣ римскихъ политиковъ, была тѣсно связана мысль о единствѣ общественномъ и національномъ. Онъ ограничивался только тѣмъ, что, въ виду обскурантовъ и пьяницъ, наполнившихъ наши монастыри, водворялъ въ своихъ имѣніяхъ представителей священства и монашества католическаго, отличавшихся бытомъ просвѣщеннымъ и трезвымъ. Съ цѣлью уничтожить полуязыческія молельни, какими ему, воспитаннику львовскихъ іезуитовъ, представлялись наши храмы, и привлечь симпатіи лучшихъ людей къ религіи облагороженной, Князь Іеремія, построилъ доминиканскій, а это значитъ — проповѣдническій, монастырь въ Прилукѣ, въ нашей полтавской Прилукѣ, и костелы въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ. Этими сооруженіями, какъ явствуетъ пунѣ, воспитатели Байдича мѣтили въ самый центръ малорусской народности. Какъ тьма исчезаетъ отъ свѣта, такъ, по ихъ возрѣшію, должны были исчезнуть малорусскіе попы и монахи отъ вліянія образованнаго по европейски духовенства на общество. (Мужизи въ расчетъ не принимались).

Самъ Вишневецкій отличался среди пацовъ трезвою и порядочною жизнью, необыкновенною дѣятельностью по всѣмъ частямъ коло-

низационнаго хозяйства и тѣмъ удѣльно-княжескимъ или можновладскимъ патріотизмомъ, который былъ основанъ на возвышеніи собственнаго дома. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на самодержавнаго монарха. Въ немъ ожилъ литворусскій духъ предка его, Корибута-Дмитрія Ольгердовича, подъ внѣшнимъ видомъ польскаго магната. На всѣ стороны расширилъ онъ свои владѣнія съ помощью мелкой, такъ называемой *низшей* шляхты, этихъ дружинниковъ можновладства, отдававшихся подъ панскій щитъ съ беззавѣтною преданностію, этихъ протоцлатовъ козатины, послужившихъ ей такъ или иначе кадрами. Онъ, какъ мы видѣли, былъ „силентъ“ каждому сосѣднему магнату и стращаль необузданностію духа самого короля Владислава. Не только у людей вялыхъ и бездѣйственныхъ, но и у такихъ, какъ Станиславъ Концепольскій, краса польскаго племени, слава древнихъ Сарматовъ, оспаривалъ онъ поприще колонизаціи малорусскихъ пустынь, на которомъ не имѣлъ и не терпѣлъ соперниковъ. Къ этимъ жесткимъ и, пожалуй, отталкивающимъ чертамъ характера Князя Іереміи необходимо прибавить такія, которыя дѣлаютъ изъ него симпатичнаго рыцаря. Не взирая на то, что великій Концепольскій тягался съ нимъ до самой смерти за сорокъ спорныхъ осадъ въ Украинѣ, Вишневецкій всегда былъ готовъ помогать ему, какъ и всякому другому пану, въ борьбѣ съ врагами колонизаторскихъ трудовъ и помогъ Концепольскому одержать славную побѣду надъ Татарами подъ Охматовымъ. Подругу своей кипучей и воипственной жизни нашелъ онъ себѣ въ домѣ гуманнаго, разносторонне просвѣщеннаго Омы Замойскаго, извѣстную своею красотою Гризельду, въ которую былъ влюбленъ до конца недолгаго своего вѣка, какъ подобаетъ истинному паладину безъ страха и упрека.

Основавъ съ 1634 года свою резиденцію въ Лубнахъ, Вишневецкій отнюдь не позволялъ московскимъ пограничникамъ переходить за черту его владѣній у Недригайлова, подъ Путивлемъ, а Крымская Орда, вторгавшаяся безпрестанно въ Западную Украину, черезъ древнее Поросіе, въ имѣнія такихъ козаковатыхъ помѣщиковъ, каковы были князья Корецкіе и Рожинскіе,—не смѣла съ востока перейти Ворскло и Пселъ, чтобы ясырничать на Посуліи. Корибутъ Вишневецкій служилъ шляхетскому народу щитомъ на весьма важной линіи отъ своихъ мѣстечекъ Баровицы и Мошенъ на правой сторонѣ Днѣпра до московской, такъ называемой *польской* (полевой, степной) украинъ—на лѣвой, кололизуя здѣсь новую Вишневетчину въ подспорье къ старой, которой центральнымъ пунктомъ былъ Вишневецъ на Горыни,—и это важное обстоятельство придавало Князю Іереміи характеръ

удѣльнаго князя больше, нежели кому-либо изъ польскорусскихъ магнатовъ, такъ что и самъ Хмельницкій, въ письмахъ къ нему, называлъ его задѣпровскія владѣнія государствомъ (państwo). Чѣмъ былъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, на тогдашнемъ пограничѣ, Рѣчи Посполитой домъ князей Острожскихъ, тѣмъ въ XVII-мъ, на пограничѣ новомъ, сдѣлался домъ Корибутовъ Вишневецкихъ. И какъ домъ Острожскихъ оборонялъ свои владѣнія преемниками Торковъ и Берендеевъ козаками, такъ точно поступалъ, въ магнатской самозащитѣ отъ Татаръ да сосѣдей-пановъ, и домъ князей Вишневецкихъ. Козаки были искони то друзьями и хлѣбоѣдцами, то врагами и опустошителями этихъ маркграфовъ Рѣчи Посполитой. Одинъ изъ предковъ Іереміи Вишневецкаго, князь Димитрій, по прозвищу Байда, водилъ ихъ за собой даже на службу къ Сулейману Великолѣбному, потомъ къ Ивану Грозному, далѣе осаждалъ пизовыхъ козаковъ, со своими козаками-городовиками, у Дѣбра, въ устьѣ Сулы (сколько это извѣстно по воспоминанію старожиловъ Павлюковщины), и наконецъ попалъ, съ козацкою дружиною своею, въ ловушку, устроенную для него въ Волощинѣ политикою Сулеймана. Козаки воспѣли его, подъ именемъ Байды, какъ борца за христіанскую вѣру, погибшаго отъ магометанъ мучительною смертію на желѣзныхъ крючьяхъ.

Соединяя съ развитіемъ козачины идею вѣры и путаясь въ ней, какъ мухи въ паутинѣ, наши историки дѣлаютъ изъ казни, постигшей „козака Байду“ за измѣну султану, то же самое *не любо не слушай*, которое они проводятъ въ своихъ писаніяхъ отъ Косицкаго до Хмельницкаго. *) Но вѣра и для самого Іереміи Вишневецкаго не была главной заботой жизни. Подобно своимъ предкамъ и подобно множеству разговѣрпыхъ магнатовъ своего времени, онъ, какъ говорится поукраински, *кохавсь у козакахъ*, и его наслѣдственная страсть къ полудикимъ наѣзδικамъ соприкасалась такъ же мало съ его религіозными воззрѣніями, какъ и страсть къ степнымъ кречетамъ-рарогамъ, которыхъ для него искали даже за московскимъ рубежемъ. Козаки были ему пужны, какъ хищныя птицы, натравливаемая, то его слугами-шляхтичами, то имъ самимъ, на такихъ же хищниковъ. И какъ Острожскому не снилось даже во снѣ защищать православіе съ помощью Наливайка, такъ Вишневецкій не могъ вообразить, чтобы между нимъ и такимъ бунтовщикомъ, какъ Хмельницкій, стояла религія.

*) Если Байда *былъ* религіозенъ, то по духу его времени и по его связямъ съ такими людьми, какъ владѣлецъ Хотина, Ласкій, онъ былъ *аріанистъ*.

Во времена князя Василія лугари, кочевавшіе въ виду Татаръ, селились, подъ его прикрытіемъ отъ закона, въ переславской пустыщѣ. Во время князя Яремы (какъ называли его, сперва люба, а потомъ ненавидя, козаки) отатарившіеся вновь бѣглецы культурнаго общества ютились подъ его широкою полой въ такихъ мѣстахъ, которыхъ до него никто не имѣлъ права, силы и смѣлости обратитъ въ населенныя. Нарушители закона и отверженцы прочно осѣдлыхъ корпорацій, защищенные отъ всякаго преслѣдованія однимъ именемъ Корибута Вишневецкаго, новаго козака Байды, были его *подданными* больше въ смыслѣ воспомнѣ, чѣмъ экономическомъ. Они были его вассалы, его дружинники, и подъ его знаменемъ собиралось ихъ, въ видѣ охочихъ козаковъ, тысячъ по двадцати. Но свосправное, хищное, разбойное Запорожье мало-по-малу возымѣло на нихъ приманками и угрозами то самое вліяніе, какому подчинились козаки, такъ или иначе зависѣвшіе отъ Острожскаго. Добычки по ремеслу и образу жизни, принятые помытъ Байдою подъ его широкой щитъ, въ видахъ охраненія занимаемой ими земли отъ степной кочующей и осѣдлой грабительской дичи, захотѣли жить на счетъ панскаго хозяйства, и стали смотрѣть на *своего князя*, какъ вольные „служебники“, а не какъ „подданные сутужники“, — стали такъ смотрѣть, какъ въ свое время архикозакъ Байда смотрѣлъ на Сулеймана Великолѣнаго и на Ивана Грознаго. Погодя на его экономическіе порядки, они, со времени Павлюковщины, стали оборачивать свои щипцали, какъ противъ него самого, яко папа и „душмана“, такъ и противъ тѣхъ своихъ товарищей, которые больше вѣровали въ добычу плуга и мирнаго труда, нежели въ добычу меча и хищенія.

Князь Вишневецкій караль коронныхъ и своихъ собственныхъ бунтовщиковъ заодно съ Потоцкимъ, которому, какъ и Копецпольскому, служилъ правой рукой. Онъ думалъ властвовать надъ воинственными домадами по примѣру предковъ своихъ, которые, мѣняя въ отношеніи къ нимъ гнѣвъ на милость и милость на гнѣвъ, умѣли дѣлать ихъ ручными, какъ дикихъ степныхъ лошадей. Но взаимная вражда козаковъ и пановъ росла въ силу *внутреннихъ недуговъ* Рѣчи Посполитой, которые, по замѣчанію краковского воеводы, Любомирскаго, „чѣмъ вреднѣе, тѣмъ болѣе скрыты“, *) а презираемы Вишневецкимъ иноки,

*) Этотъ мудрый сенаторъ писалъ къ сеймующей шляхтѣ въ июлѣ 1648 года: Трудно возстановить спокойствіе, „*pođki niezagojã siã nie tylko powierzchownie, ale i wewnêtrzne rany, które, im szkodliwsze, tém skrytsze*“.

съ умысломъ и безъ умысла, давали козацкой ненависти къ окатоличенному потомку знаменитаго Байды санкцію вѣры. Указывая на отступничество князя Вишневецкаго и распространяя тревожные слухи даже насчетъ его дяди, кievскаго митрополита, они, безъ всякихъ политическихъ замысловъ, дѣлили рѣзче и рѣзче украинское население на пановъ и людей посполитыхъ, на злочестивую Ляхвѹ и благочестивую Русь. Къ панамъ причисляли они, въ понятіи черни, всѣхъ жолперовъ, состоявшихъ большею частью изъ православнаго простопародья, а къ Ляхамъ—всѣхъ землевладѣльцевъ и ихъ шляхетныхъ слугъ, не взирая на то, что многіе изъ великихъ домовъ сохраняли еще вѣру русскихъ предковъ своихъ, а служилая шляхта, подобно самому Хмельницкому и его отцу, не находила никакой выгоды въ томъ, чтобы мѣнять православнаго попа на католическаго ксендза, или на уніята.

Общая нужда въ защитѣ имуществъ и семействъ подавляла тогда въ Малороссіи всѣ прочіе житейскіе интересы. Не только казаки забывали свои досады на пановъ и на ихъ служилую шляхту, но даже такіе люди, которые, повидимому, не нуждались въ помощи магнатовъ-сосѣдей, такіе, которые граничились между собой изъ года въ годъ и тягались въ трибуналахъ за взаимные захваты,—прекращали старыя счеты и вооружались вмѣстѣ противъ постояннаго врага колонизаціи—Татарина. Такъ въ 1643 году козацкій комиссаръ, Николай Зацвилюховскій, подначальный Станиславу Конецпольскому, яко великому коронному гетману, водилъ козаковъ на помощь князю Іеремію Вишневецкому противъ 4.000-й Орды слѣпаго Умерли-аги и отбилъ у нея надъ Сулою, между Ревцемъ и Псломъ, ясыръ съ добычею, а въ 1644-мъ, Князь Іеремія съ 3.000 своего войска ходилъ на помощь Станиславу Конецпольскому противъ Тогай-бея и дѣйствовалъ такъ эпергически, какъ и съ Потоцкимъ противъ козаковъ Острияницъ и Гуни. То же самое вспомнимъ здѣсь и о другомъ поземельномъ сосѣдѣ Князя Іереміи, Адамѣ Киселѣ, интриговавшемъ въ послѣдствіи между правительственною шляхтою противъ его геройскихъ предпріятій. По фамильнымъ бумагамъ Ростишевскихъ, владѣльцевъ Липоваго въ Кіевщинѣ, эти два одинаково дѣятельные сосѣда граничились по-козацки за свои осады и слободы, но противъ козаковъ дѣйствовали, кто во что былъ гораздъ, какъ противъ общихъ непріятелей.

Такъ дѣло шло у малорусскихъ колонизаторовъ до 1648 года. При первыхъ признакахъ новаго бунта Корнубутъ Вишневецкій понималъ опасность своего колонизаторскаго поста на окраинѣ государства, въ странѣ дикой, и принялъ рѣшительныя мѣры для предупрежденія ка-

тастрофы. Нѣсколько десятковъ тысячъ самопаловъ, оборонявшихъ его колоніи отъ хищниковъ и наповѣ сосѣдей, было отобрано имъ у своеправныхъ подданныхъ и сложено въ лубенскомъ арсеналѣ до поры до времени. Но не предвидѣлъ онъ, что Татары будутъ призваны козаками въ товарищи добычнаго промысла и впущены въ Городовую Украину именно тѣми, которые не менѣ землевладѣльческой шляхты были заинтересованы въ ея оборонѣ. Не могло прійти никому въ голову, чтобы перекопскій царь, два поколѣнія тому назадъ сгонявшій козаковъ съ Днѣпра по договору съ княземъ Острожскимъ для обоюднаго спокойствія мусульманъ и христіанъ, чтобы потомокъ Чингисхана, гордившійся старшинствомъ рода своего передъ царградскимъ повелителемъ правовѣрныхъ, чтобы тотъ, кто еще такъ недавно являлъ себя царемъ въ своихъ обычаяхъ,—унизился до панибратства съ бунтовщикомъ, кроющимся среди воровъ и горькихъ пьяницъ въ днѣпровскихъ камышахъ и плавняхъ. Самъ же онъ, этотъ Исламъ-Гирей, писалъ къ нему, князю Вишневецкому, недавно, увѣряя его въ своей дружбѣ и поступая царски относительно царственныхъ сосѣдей. Вдругъ все перевернулось къ верху дномъ. Запруда, сдерживавшая напоръ азіятской дичи на Христіанскую Землю, уничтожена вѣроломнымъ слугой знаменитѣйшихъ панскихъ домовъ, Жовковскихъ, Даниловичей, Конецпольскихъ. Цвѣтущая сельскимъ хозяйствомъ и промыслами половина королевства предана разбойникамъ. Завоеванія шляхетскаго меча и плуга достались безмысленнымъ и безпощаднымъ рушникамъ.

Но Вишневецкій держался крѣпко на своемъ пограничномъ посту, и въ глубинѣ Рѣчи Посполитой на него смотрѣли какъ на спасительный устой отечества. Можетъ быть, онъ удержался бы на своемъ важномъ стратегическомъ пунктѣ и до конца. Онъ требовалъ подкрѣпленія во-время. Но во-время шляхетская республика не дѣлала ничего. По замѣчанію Адама Киселя, ея медлительность въ подобныхъ случаяхъ съ каждымъ годомъ увеличивалась. Считаая этотъ порокъ своей правительственной братіи неисправимымъ, Адамъ Кисель, уже десять лѣтъ тому назадъ, предлагалъ свой проектъ правительственныхъ мѣропріятій, которыми была бы предотвращена и самая возможность повторенія Павлюковщины. Напрасная предусмотрительность! Быстрый разливъ козако-татарскаго пашествія по Кіевщинѣ, Подоліи и Волини, отрѣзалъ Вишневецкаго отъ тѣхъ панскихъ владѣній, въ которыхъ все стояло еще на своихъ мѣстахъ.

Хмельницкій между тѣмъ доказывалъ справедливость распространившагося уже въ Польшѣ мнѣнія о талантливости коварнаго козака,

которую напы могли бы, да не умѣли воспользоваться. Коронный подчашій Остророгъ писалъ къ Оссолинскому о пашемъ Хмелѣ: „Великихъ способностей человекъ и воинъ по самой природѣ (*dowcipi wielki ego i z natury żołnierz*)“. Читая такое допосеніе одного изъ учивѣйшихъ полководцевъ своихъ, Поляки должны были съ горечью вспоминать слова геральдика Папроцкаго, которыми онъ такъ разогорчилъ ихъ отцовъ и дѣдовъ: *) „Кто въ наше время въ чемъ бы то ни было превзошелъ Русака? Пошлите вы его въ посольство, — онъ исполнитъ посольство лучше, нежели *вы* ему прикажете. Между Русаками ищите полководца и добраго воина. Съ досадою слышать онъ совѣщаній о мирѣ“. **)

Козацкій гетманъ отправилъ на *Татарскую* сторону Диѣбра (по милости Вишневецкаго, сдѣлавшуюся, какъ и правая сторона, *Русскою*) одного изъ своихъ полковниковъ, Кривоноса, но ибснѣмъ-Перебийноса, бунтовать Вишневецчину и въ выборѣ своемъ показалъ тотъ же *dowcip*, который восхвалялъ Остророгъ. Эта была одна изъ тѣхъ личностей, симпатичныхъ для пьяной и свирѣпой толпы, которымъ украинскія разбойничьи пѣсни принесли полную дань своихъ дикихъ восторговъ.

Вишневецчина была готова къ бунту со временъ Павлюка. Но хозяйственность Князя Премы сдерживала звѣрскіе инстинкты тѣхъ забродниковъ, которые, воруя, грабя, убивая, скитались въ видѣ гонимыхъ всюду волковы, прошли широкое поприще панской колонизаціи изъ конца въ конецъ, и не бѣжали далѣе отъ новыхъ обязательствъ и новыхъ преступленій только потому, что далѣе бѣжать было некуда. За Ворскломъ и Пеломъ голоднаго скитальца подстерегали съ аркапомъ и лыками Татаринъ, а Запорожье прогоняло забродниковъ въ Городовую Украину тѣмъ же самымъ голодомъ, который заставлялъ ихъ дѣлаться вишниками, броварниками, будниками, могильниками, фигурирующими въ Иліадѣ козацкихъ разбоевъ. Среди народа работающаго и въ городахъ и въ селахъ, такъ называемые *гульмаи*, *гайдары*, *пстлми* чувствовали себя въ самомъ непріятномъ положеніи: они были способны только *пльндрувати*, *руйновати*, *оз пемь рубати*.

Теперь пришелъ чередъ силъ опустошающей выступить противъ силы производящей, во всеоружіи того безпутства, котораго начала

*) Книга Папроцкаго: „*Panosza, to jest Wysławienie Panow Ruskich y Po dolskich*“, была въ Польнѣ преслѣдуема, какъ и его гербовникъ.

**) *Posłecie go w poselstwie, dobrze je odprawi, ledwie mu tak rozkażą, jak on lepiej sprawi. Tam pytaj o Hetmanie, o dobrym Rycerzu, Nie rad kiedy wolnią w Radzie o przymierzu.*

кроются въ безнущствѣ шляхетскаго народа, бредившаго вольностью въ своей зависимости отъ каждаго сильнаго и дерзостаго. Винники, броварники, лазники, будники, могильники, чабаны, пасѣчники и тѣ, которыхъ королевскія комиссіи, съ 1617 года, требовали исключить изъ козачества подъ непонятными уже для насъ названіями *канкаюковъ, былачсесвъ, балакесзсвъ, кифанниковъ*, вмѣстѣ съ ремесленною своевольною молодежью и промотавшеюся или обобрашною своими ксендзами да монахами шляхтою,—отдѣлились отъ общества людей порядочныхъ, или, какъ говорилось тогда, *стандичныхъ*. Виная дерзкому призыву Кривоноса къ истребленію всѣхъ Ляховъ и Жидовъ, причесть имѣлась въ виду не вѣра и національность, а зажиточность, гультаи принялись кривоносичать всюду, гдѣ пахло поживою, горіакою, безнаказанностью, и наводили ужасъ на тѣхъ, чьи выгоды были въ какомъ-либо отношеніи общими съ панскими.

Не довѣряя обезоруженнымъ подданнымъ, которыхъ недавно еще собиралось вокругъ него до 26.000 для демонстраціи передъ Крымомъ, Вишневецкій окружилъ себя только служилою шляхтою и разгонялъ гайдамацкіе загоны Черобійноса па пространствахъ отъ Ворскла до Трубежа, а пойманныхъ на *горячелъ улички* черобійносцевъ казнили тутъ же, какъ дѣлалъ Николай Потоцкій въ 1638 году. По онъ, въ свою очередь, не пришалъ во вниманіе важнаго обстоятельства, что въ рукахъ у него былъ мечъ католическій, и что самое безупречное право суда съ его стороны, какъ охранителя чести, собственности и личной безопасности гражданъ, было только новымъ ударомъ „Ляха“ по малорусскому сердцу. Церковная реторта таинственно, точно въ кельѣ алхимика, передѣлывала польскія добродѣтели въ пороки, а малорусскіе пороки—въ добродѣтели. Страхъ казни за буштъ, за грабежи, насилія, разбой—уничтожался дикимъ крикомъ *за втру!* слышимъ отъ Чигирипа и Корсуца до Путивля и Сѣвска, отъ Путивля и Сѣвска до Смоленска и Дорогобужа, отъ Смоленска и Дорогобужа до самой Москвы. По малорусской пословницѣ: „у своіой хаті й куткі помагють“, пренебреженному нами православію помогали, на его родной почвѣ, даже тѣ люди, которые не знали, въ чемъ состоитъ оно,—тѣ, которые были гораздо ближе къ исламу, нежели къ евангелію,—тѣ, которые изъ моралиста-протестанта дѣлали „Святаго Рся“, *)—тѣ, которыхъ,

*) По разсказу Кассіана Саковича, одинъ благочестивый пощъ, развернувъ протестантское сочиненіе польскаго поэта Рен, обратился къ прихожанамъ со словами: „Панѣве мирліне, православні християне, послушайте яингъ казанія Святаго Рен“, и по доносу католика, былъ привлеченъ за это къ суду.

по словамъ самихъ защитниковъ православія, чаще видали въ кабацѣ, нежели въ церкви. *) Чѣмъ энергичнѣе дѣйствовалъ Вишневецкій, чѣмъ усерднѣе подвигался онъ по камертону польскаго центра Варшавы, тѣмъ больше вѣсы таинственной судьбы склонялись въ сторону центра русскаго—Москвы. Безстрашный охранитель польской границы, врѣзавшейся въ московскую землю, онъ собственнымъ мечемъ указывалъ нашему народу дорогу въ Москву. Вишневецкій былъ похожъ на великана, пытающагося погасить вспыхнувшій пожаръ бурнымъ дуновеніемъ; но пожаръ, не „погашенный въ искрахъ“, превзошелъ наконецъ великанскую силу: бурный духъ восточнаго маркграфа польскаго раздувалъ пламень международной вражды до бѣшепства. Такою представляется историку дѣятельность полонизованнаго Байдича въ конечномъ результатѣ своемъ. Каждый ударъ его геройской руки и все блестящее поприще воинской славы его въ эту гибельную для Польши усобицу—были не что иное по своимъ послѣдствіямъ, какъ мимовольная служба русскому элементу, пренебреженному имъ ради польскаго.

Положеніе князя Вишневецкаго было еще трагичнѣе, чѣмъ оныхъ героевъ отпора антикультурной Татарщинѣ, о которыхъ знаменитый геральдикъ XVI вѣка писалъ, что они стояли на границѣ христіанскаго міра, какъ мужественныя львы, и жаждали одной кровавой бесѣды съ невѣрными. Тѣ пролагали колонизаторамъ-намамъ дорогу въ обѣтованную землю, которой сами не увидѣли; а онъ создалъ цѣлое царство, текущее молокомъ и медомъ въ виду голодной Скѳіи, — и люди, призванные имъ къ участію въ благахъ привольной жизни предпочли превратить его богатое хозяйствомъ княжество въ такую же голую и голодную Скѳію, какъ та, которая лежала за Ворскломъ съ одной стороны и за Тѣсмипомъ—съ другой.

Окозачиные Хмельницкими да Черевійносами поселяне дѣйствовали на его колонизаціонную ассоціацію сильно прельщеніемъ, но еще сильнѣе—терроромъ. Попасть въ число ихъ жертвъ было страшно и безстрашному. Недаромъ ходили всюду рассказы о томъ, какъ сулимищцы казнили коменданта козацкой крѣпости, а хмельничане—козацкаго комиссара, Шемберка. Недаромъ и о самомъ Хмельницкомъ шла молва, что онъ собственноручно снялъ голову съ этого „нашійника“. Не было той жестокости, которою бы не насладилось тогда безпощадное козацкое сердце. Если старожилъ нашего времени изб-

*) Печерскій архимандритъ Захарія Комыстенскій сѣтуетъ въ своей „Палинодіи“, что нашего пона чаще видали въ кабацѣ, нежели въ церкви (Автографъ Палинодіи хранится въ Варшавской бібліотекѣ графовъ Красинскихъ).

разилъ намъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, гайдамаку Желѣзняка и Гонты, подавашаго крестьянской благотворительницѣ дитя ея на своемъ козацкомъ списѣ (копѣѣ *)), что дѣлали въ XVII столѣтіи хмельничане? и чего долженъ былъ ждать отъ кривоносовцевъ приверженецъ Князя Яремы? Имущество вѣрнаго Байдичу человѣка обрекалось расхищенію и пожару, его семья—позору и всевозможной тираниіи, а его жизнь, яко „пѣньского підлізы“ и „Иодоляшка“, могла быть обезпечена—или отчаянною защитою въ малочисленномъ ополченіи шляхтичей, или, гораздо вѣрнѣе, участіемъ въ кровавой оргіи козатчины. Попадъ между двухъ лагерей и слыша о баспословныхъ успѣхахъ бунта Хмельницкаго, не только простолюдины, но и шляхтичи, преданные дотолѣ Вишневецкому, оставляли „своего князя“, и если не переходили подъ бунчукъ Перебийноса, то прятались въ сѣверскихъ трущобахъ до рѣшенія страшилищаго спора между козаками и панами.

Разгоняя гайдамацкія шайки и карая своихъ измѣнниковъ съ той же завязотостью, которой отличались козаки, Вишневецкій дошелъ до Переяслава. Но усмиренный Конецпольскимъ, а черезъ семь лѣтъ Потоцкимъ, Переяславъ кипѣлъ уже бунтомъ. Въ немъ сидѣлъ достойный преемникъ изолганнаго полудикою малорусскою письменностью Тараса Трясила **), Перебийнось, и готовился выйти навстрѣчу Князю Яремѣ, котораго шляхетное ополченіе таяло по мѣрѣ приближенія къ старому гнѣзду козатчины.

Вишневецкій очутился въ положеніи крайне опасномъ. Отрѣзанный отъ Кіевщины и Волини, онъ смотрѣлъ подозрительно на своихъ пограничныхъ вассаловъ, на своихъ испытанныхъ дружинниковъ, и долженъ былъ опасаться всего худшаго. Не желая пасть въ безславномъ бою, или сдѣлаться жертвою козацкой тираниіи, все еще страшный для Перебийноса Князь Ярема отступилъ къ своимъ Лубнамъ и сталъ готовиться къ бѣгству въ другую Вишневеччину, колонизованную предками его,—на Горынь. Надобно было сперва обезпечить отъ козацкой свирѣпости обожаемую любовницу-жену, красавицу Гризельду, и тогда уже ринуться на бой съ чудовищемъ неслыханнаго бунта, очертя голову.

*) См. Кіевскую Старину 1887 года, январь, стр. 51.

**) Прозвище *Трясила* дали Тарасу Федорѣвичу (по фамиліи шляхтичу) козаки, распускавшіе слухъ о своемъ торжествѣ надъ Конецпольскимъ. Ложное преданіе о *Тарасовой Нючи*, въ которую будто-бы Тарасъ Ляховъ за чѣба потерялъ, дожило до нашего времени, и пущенъ въ ходъ новыми лѣтописцами да кобзарями.

Въ Лубнахъ принесли ему письмо Хмельницкаго. Истребитель панскаго войска припалъ за правило, подобно коварному Исламъ-Гирею, разсылать во все стороны миролюбивыя письма, въ которыхъ не писался *милостію Божією*, какъ въ сношеніяхъ съ московскими воеводами: раболѣбствуя передъ магнатами, смиренно называлъ онъ себя *старшимъ* Запорожскаго Войска и хлопоталъ о помилованіи, а между тѣмъ занималъ подъ козацкій присудъ города, разорялъ панскія имѣнія, вооружалъ новыя десятки тысячъ черни и велъ войну такими варварскими средствами, что его называли Тамерланомъ.

Многіе изъ магнатовъ поддались его хитрости, надѣялись войти съ униженнымъ ласкателемъ своимъ въ компромиссъ, не принимали крайнихъ мѣръ къ защитѣ имѣній, и этимъ убѣждали чернь въ своемъ безсиліи: того и желалъ Хмельницкій, на то и рассчитывалъ. Онъ хотѣлъ убаюкать и Вишневецкаго; но тотъ, не показывая вида, что потерялъ надежду устоять противъ Перебійноса, маскировалъ свое бѣгство военными приготовлениями и, взявши съ собой лишь нѣсколько походныхъ воевъ да 15 рукодажныхъ слугъ, оставилъ свое задѣйствованное княжество, въ которое не суждено уже было вернуться ни ему самому, ни его потомкамъ. Онъ объѣхалъ обнятое бунтомъ Задѣйствие московскими сакмами, переправился на правый берегъ Днѣпра въ Любечъ и отправилъ свою Гризельду съ сыномъ Михаиломъ, будущимъ польскимъ королемъ, черезъ Полѣсье, въ Вишневць. Въ Любарѣ присоединилась къ нему украинская шляхта, бѣжавшая изъ своихъ имѣній.

Описывая бѣгство Вишневецкаго, извѣстный уже намъ Натанъ Галповеръ даетъ понятъ, почему Хмѣль и вообще козаки больше всего злились на коропаго хорупажа, Александра Конецпольскаго, и на русскаго воеводу, Іеремію Вишневецкаго: тотъ и другой вели сельско-хозяйственныя промыслы съ участіемъ Жидовъ. Не принимали козаки во вниманіе, что неспособность туземцевъ къ торговлѣ и промышленности ископи была причиною привлеченія въ нашу Русь иноземныхъ выходцевъ, среди которыхъ Жиды и Армяне оставляли позади себя даже Пѣмцевъ. Эти двѣ народности внушали козакамъ особенную къ себѣ злобу, такъ что въ изображеніяхъ Страшнаго Суда козацкіе малары на свитѣ, исходящемъ изъ устъ Судіи судей, писали слова: „Жиды и Вірмене! идіте въ мѹку вічну відъ мене“. Напротивъ хозяйственное жидолобіе Вишневецкаго Натанъ Галповеръ изображаетъ слѣдующими словами:

„Въ это смутное время находился князь Вишневецкій,—да будетъ память о немъ благословенна! — со своимъ войскомъ тамъ за

Дніпромъ. Онъ чрезвычайно любилъ Жидовъ, отличался безподобными военными доблестями, но и онъ убѣждалъ со своимъ ополченіемъ, по направленію къ Литвѣ. Съ нимъ же убѣждало около пяти тысячъ домовладѣльцевъ Жидовъ съ своими семействами. Вишневецкій оказывалъ имъ бдительную охрану, пока не привелъ ихъ къ желанному мѣсту, на примѣръ: когда бѣжавшимъ угрожала опасность сзади, онъ приказывалъ Жидамъ идти впереди всѣхъ; если же чуяли опасность впереди, то Жидамъ велѣлъ идти за войскомъ, дабы оно служило имъ защитою“.

Глава XVI.

Геройскій духъ Шляхетскаго Народа въ лицѣ ополченнаго Русича.—Безсознательная работа отступниковъ русскаго элемента въ пользу Россіи.—Православный миротворецъ между панами сенаторами.—Отсутствіе патріотизма.—Безправ-
твенный контингентъ козачины.—Сонерничество магнатовъ-доматоровъ съ колонизаторами.—Каптуровый сейвъ.—Тріумфировать.—Вопросъ о вѣрѣ.—Шляхет-
ская Украина.—Обманувшіеся въ своихъ надеждахъ миротворцы.

Не прошло тогда еще и мѣсяца послѣ погрома папскаго войска, а козакотатарскіе загоны достигали уже Горынь и Случи. „Знай, Ляне, по Случъ паше“! кричали козаки, забывая, что *наше* значило *козакотатарское*. По Житомиръ, опора кіевскаго Полѣся, еще держался. Онъ былъ переиолненъ сбѣжавшеюся отовсюду шляхтою, оплакивавшю свои великія утраты. Вишневецкій появился въ ея средѣ, какъ ангелъ отмщенія за козацкія злодѣйства. Въ упаднемъ духѣ мѣстнаго общества произошла реакція. Пашлись и деньги для сбора войска, явились и предпримчивые люди. Покамѣсть, и самъ князь далъ заимообразно нѣсколько тысячъ злотыхъ на ополченіе. Въ качествѣ русскаго воеводы, Вишневецкій послалъ призывныя универсалы во Львовъ, извѣщая, что Татары скоро придуть въ Польшу великою ордою, подъ предводительствомъ самого хапа. Онъ требовалъ отъ соотечественниковъ усилій чрезвычайныхъ. Онъ умолялъ понять великость угрожающей опасности.

По это былъ гласъ вопіющаго въ пустынь. Правители шляхетскаго народа находились въ нравственномъ оцѣпненіи. По словамъ знаменитаго краковскаго воеводы, который пѣлъ уже свою лебединую пѣсню, шляхтѣ казалось, что цѣлость отечества зависитъ отъ усмотрѣнія неприятеля (*na szczèrej dyskrecyej nieprzyiacielskièj zda się zostawać incolumitas patriae*). Въмѣсто того, чтобы приготовленіями къ войнѣ достигнуть мира, шляхта искала его въ мпролюбивыхъ сношеніяхъ, со стороны Хмельницкаго коварныхъ.

Главнымъ представителемъ партіи миротворцевъ явился брацлавскій воевода Адамъ Кисѣль. Письмомъ отъ 12 (2) іюня онъ обратился къ страшному бунтовщику отъ имени общаго отечества, которому де въ вольностяхъ и свободахъ нѣтъ равнаго въ свѣтѣ. „Въ нашемъ свободномъ государствѣ“ (писалъ онъ) „легче домогаться того, что у кого болитъ, а потерявъ его, не найти уже другаго такого ни въ Христіанствѣ, ни въ Поганствѣ. Всюду неволя; одна только Корона Польская славится вольностями.“

И тутъ же этотъ жалкій объѣдокъ іезуитства говорить, что изъ всего польскорусскаго народа онъ *одинъ* сенаторствуетъ въ Польской Коронѣ, „держа на своихъ плечахъ наши древности святой церкви“. Столь же некстати вспомнулъ онъ при этомъ и о кровопрлитныхъ Кумейкахъ, гдѣ онъ „не обагривъ де никогда рукъ своихъ христіанскою кровью козацкою“. То и другое, по его мнѣнію, должно было внушить Запорожскому Войску полное къ нему довѣріе. Онъ дружески совѣтовалъ Хмельницкому отправить Татаръ, а это значило—обезоружить себя въ виду раздраженныхъ землевладѣльцевъ, и брался примирить его съ предержающею властью, какъ савовникъ, безъ котораго де „не можетъ быть постановлено ни войны, ни мира“.

Хмельницкій отписалъ ему на другой же день изъ Вѣлой Церкви, будто бы велѣлъ Ордѣ вернуться (куда, не сказано), „униженно“ просилъ предстательствовать о возвращеніи козакамъ старыхъ войсковыхъ вольностей, и, „если мы *отъ самого дѣла*“ (писалъ онъ) „осиротѣли всѣ по смерти его королевской милости, нашего милостиваго папа“, удостойте его (Хмельницкаго) своимъ посѣщеніемъ, чтобы онъ могъ переговорить съ папомъ воеводой обо всемъ устно, воспользоваться его мудрымъ совѣтомъ и узнать, кого Рѣчь Посполитая желаетъ имѣть своимъ королемъ.

Это значило, что козаку хотѣлось только допросить вслѣдствіе сенатора обо всемъ ему нужномъ, а, пожалуй, задержать у себя челоуѣка, доставлявшаго папамъ свѣдѣнія о козацкихъ дѣлахъ. Но Киселю, по пословицѣ, „показались и козы въ золотѣ“. Онъ хвалился примасу, что Рап Вѣгъ черезъ него, низайшаго изъ сыновъ отечества, устранилъ кровавую раду и остановилъ междоусобную брань (*internum bellum*), а въ заключеніе краснорѣчиваго нисема просилъ его отеческой и всѣхъ паповъ братій милости, чтобы никто „не отнималъ у него этой вѣрной службы“, и чтобы она не осталась „безъ памятника любви къ отечеству (*absque monumento pietatis ku ojczyznie*)“.

Когда князь Вишневецкій появился на правой сторонѣ Днѣпра, православный патріотъ Польши хвалился и ему, что убѣдилъ Хмель-

ницкаго къ примиренію, причеъ послалъ ему копію своей переписки съ примасомъ и короцинымъ канцлеромъ о томъ, какъ бы что называется по малорусски *укдсыкати* бунтовщика.

Но патриотизмъ окатоличеннаго Русина былъ совсѣмъ инаго рода. Вишневецкій отвѣчалъ Киселю такъ:

„Я, напротивъ, долженъ плакать (*ingemiscere*) о томъ, что не могъ раньше ополчиться съ квартирнымъ войскомъ на истребленіе этихъ ядовитыхъ чудовищъ, которыхъ измѣнники и бунтовщики извергли теперь на Рѣчь Посполитую. Глядя на горестное положеніе республики, въ которой господствуютъ рабы, и невольники плебеевъ (*servi et mancipia plebejorum*), съ изумленіемъ болѣю сердцемъ и о томъ, что, обогатясь на счетъ братій нашихъ и причинивъ ей такое поруганіе, эти чудовища, за то, что растерзали утробу государства, еще мечтаютъ о наградѣ и удовлетвореніи. О, лучше было бы умирать, нежели дожить до такого времени, когда слава нашихъ великихъ народовъ такъ страшно искажена,—дожить до такой невозвратимой утраты въ нашей Коронѣ! Не могу хвалить принимасныхъ по этому предмету мѣръ: могу вѣрно судить лишь о томъ, какъ наилучше воспользоваться временемъ. Но чтобы вести съ ними переговоры о примиреніи, не вижу никакого основанія,—развѣ хотите, чтобы вкоренившаяся въ этихъ рабскихъ сердцахъ отвѣта не покинула ихъ до новаго бунта, и чтобы ихъ притязанія возрастали съ каждымъ разомъ больше и больше. Если Рѣчь Посполитая покроетъ вѣчнымъ забвеніемъ громадныя, безпримѣрныя въ прошедшемъ раны, нанесенныя этими измѣнниками, то ничего не можетъ ожидать въ будущемъ, какъ только крайнихъ несчастій и гибели. Кто бы могъ поступить болѣе враждебно съ отечествомъ, какъ поступили тѣ, которые продаютъ его азычникамъ, которые шляхетскую кровь разливаютъ, какъ воду, и уничтожаютъ стражей коронныхъ границъ? Вы хлопочете съ такимъ жаромъ о томъ, чтобы вознаградить насъ за пролитую кровь нашихъ братій и возстановить честь отчества: въ этомъ я увѣренъ. Но достойны ли такіе люди пользоваться его благодѣяніями? Если послѣ истребленія коронаго войска и плѣненія его гетмановъ Хмельницкій будетъ вознагражденъ и останется съ этимъ гультайствомъ при старыхъ вольностяхъ, я не хочу жить въ этомъ отечествѣ, и лучше намъ умереть, нежели допустить, чтобы язычники и гультаи господствовали надъ нами“.

Прошло недѣля двѣ. Хмельницкій, отписавъ немедленно Киселю, задержалъ у себя его посланца, а посланцемъ Киселя былъ старецъ состоящаго подъ его патронатомъ монастыря въ Гошѣ, отецъ Патро-

вій Ляшко, котораго онъ, въ письмѣ къ примасу, называлъ своимъ конфидентомъ и шляхтичемъ добрымъ.

Добрымъ шляхтичемъ, какъ это мы помнимъ, называли паны и того монаха, который, въ Павлюковщину, сослужилъ имъ службу соглядатая. Человѣка, прикосновеннаго такъ или иначе къ панскимъ интересамъ, козакамъ слѣдовало задержать.

Двѣ педѣли загадочнаго отсутствія конфидента охладили киселевскую любовь къ отечеству и мечты о памятникѣ панскому *нестизму*. Въ письмѣ къ примасу отъ 30 (20) іюня Кисѣль является передъ нами печальнымъ историкомъ кроваваго момента.

Изъ этого письма мы узнаемъ, что паны, такъ сильно новліявшіе на поступки короннаго гетмана въ противность повелѣніямъ короля, до тѣхъ поръ совѣщались между собой о контингентахъ, пока 60.000, или даже болѣе, непріятельскаго войска не захватили его съ малочисленной арміей. Потомъ узнаемъ, что въ день Корсунскаго погрома подошли къ Потоцкому люди князя Любомирскаго да самого Киселя. „Орда ѣхала на нихъ до самой Бѣлой Церкви“, пишетъ онъ. Такимъ образомъ паны происхожденія русскаго, Вишневецкій, Любомирскій, Кисѣль, оказались единственными слугами польскаго отечества въ его крайности.

Далѣе Кисѣль нашъ повѣствуетъ о видѣнномъ и слышанномъ такъ:

„Лишь только разнесся слухъ, что войска и гетмановъ уже нѣтъ, а Орды идетъ при козацкомъ таборѣ 60,000, тотчасъ вся Украина, Кіевское и Брацлавское воеводства, бѣжали передъ такимъ гвалтомъ и силою непріятельскою, бросая дома свои и дорогіе залогі любви (сага рiгнога); а непріятель, войдя въ нѣдра (in viscera) государства, распустилъ всѣ свои загоны. Города опустѣли. Полонное, Заславъ, Корець, Гоща сдѣлались Украиною (Ukrainą zostaly); а нѣкоторые помѣщики, не опершись и здѣсь, разбѣжались въ Олыку, Дубно, Замостье. Ни одинъ шляхтичъ не остался. Осталась только чернь. Одна часть ея пошла къ этому Хмельницкому, и нѣсколько тысячъ войска его обратила въ нѣсколько десятковъ тысячъ, а другая часть, будучи увѣрена (freta), что съ нею ничего не случится, осталась беззаботною домамъ. Но и этимъ Орда, когда они выходили изъ мѣстечекъ привѣтствовать ее, сдѣлала такой привѣтъ, что во многихъ мѣстахъ высѣкла въ нень. Только тогда начали бѣжать ото всего добра и хлопы. Такимъ образомъ Татары возвращались къ своему кошу и къ табору Хмельницкаго подъ Бѣлую Церковь, обремененные добычею. А что дальше будетъ, слушаемъ только да выглядываемъ. Различныхъ до-

бываемъ языковъ: одни пойманые изъ тѣхъ загоновъ Татары говорятъ, что присягли другъ другу оставаться до зимы; а другіе, что, копчивъ это посѣщеніе (*odprawiwszy goście*), Татары хотять иди въ Волощину, а козаки—къ Диѣпру. Теперь уже не можемъ имѣть никакой помощи изъ Кіевщины, Подоли, Брацлавщины; только изъ Волыни взываемъ къ остающейся въ тылу братіи. Но и тѣхъ трибуналь задержалъ до сихъ поръ несчастными судами, не обращая вниманія на огонь, который охватилъ уже большую часть Республики (*magnum Reipublicae partem*). Такимъ образомъ не остается никакой надежды устоять противъ непріятели, находящагося въ (ей) нѣдрахъ (*in visceribus*): сила его возросла до 200.000 Орды и козаковъ“.

Сидя на чеку въ своей Гощѣ, вспоминалъ Кисѣль и о Кумейкахъ, которыми съ притворною наивностью закрывался отъ козацкой мести. Теперь писалъ онъ къ временному главѣ государства—примасу:

„Что сдѣласть мое увѣщаніе, и какъ обойдутся съ моимъ конфидентомъ, жду между надеждой и страхомъ. Хоть я всегда старался списать у козаковъ довѣріе на случай бѣды, но боюсь, чтобъ они не приютили мнѣ кумейскаго предпріятія; они тамъ поддались по моей присягѣ, которою увѣрилъ я ихъ, что жизнь ихъ вождей будетъ пощажена, по этого (въ Варшавѣ) не исполнили“.

И всё-таки вѣровалъ онъ въ силу своего хитроумія; всё еще надѣялся, что укъскалъ своимъ посольствомъ бунтовщика и размягчилъ его, такъ воскъ (*albo uczyni reflexuą ten rebellis tą moją legacją liquefactus i uglaskany, albo, strzeż Boże procedet ultra*):

Въ томъ же письмѣ къ примасу сенаторъ, безъ котораго „не могло быть постановлено ни войны, ни мира“, ознаменовалъ себя мудрымъ совѣтомъ избрать главнокомандующимъ будущаго панскаго войска богатѣйшаго, неспособнѣйшаго и трусливѣйшаго изъ польскорусскихъ пановъ, сандомирскаго восводу, князя Доминика Заславскаго, послѣдника богатствъ и нравственной несостоятельности нашего „святопамятнаго“ князя Константина-Василія Острожскаго.

Сеймики въ покинутыхъ воеводствахъ находилъ онъ невозможными, потому (писалъ онъ), что „воевода кіевскій (Тишковичъ) находится въ Дубиѣ; я въ Вишницу не могу ѣхать (въ такое время), когда помѣщики разбѣжались и непріятель преградилъ путь. Самъ князь Вишневецкій отступилъ къ Драгину. Одни хлопы сеймикують, или лучше—бунтуютъ въ покинутыхъ провинціяхъ“.

Въ заключеніе письма, Кисѣль называлъ себя нищимъ и сѣтовалъ, что „теперь мало кто думаетъ объ отчествѣ“.

Это было писано 30 (20) іюня. Черезъ 17 дней литовскій канцлеръ писалъ въ своемъ дневникѣ о грозномъ положеніи дѣлъ въ отечествѣ, о которомъ *теперь* мало кто думаетъ,—о томъ, что и въ Литвѣ собралось уже 12.000 хлоповъ, которые сожгли, разграбили, вырѣзали нѣсколько сель, мѣстечекъ, городовъ, потомъ—о свирѣпныхъ подвигахъ Перебийноса въ Винницѣ, о приближеніи козацкой орды къ Волини, и наконецъ замѣтилъ, какъ и Кисѣль: „однакожь все это не произвело у насъ движенія: всѣ дѣла шли медленно“.

Не мудрено было Хмельницкому прослать чловѣкомъ wielkiego dowcipu и военнымъ гениемъ въ такомъ государствѣ, гдѣ каждый думалъ только о себѣ и въ годину страшной опасности хлонаталъ, чтобы его любовь къ отечеству „не осталась безъ памятника“.

Пока папы спосились между собой да готовились вяло къ отраженію татаро-козаковъ, князь Вишневецкій соединилъ вокругъ себя раздраженную козацкими злодѣйствами шляхту, вооружилъ наскоро преданныхъ ему подданныхъ, — тѣхъ подданныхъ, которыхъ отцы и дѣды ходили съ Байдю въ Туретчину, Московщину, въ Волощину, — и ринулся на козацкіе загоны, свирѣпствовавшіе въ шляхетскихъ добрахъ. Ожесточеніе шляхты взяло тогда самый дикій аккордъ съ козацкимъ „звѣрствомъ“, — и вышелъ адскій концертъ взаимныхъ убійствъ и терзаній.

Малорусскіе историки въ особенности налегаютъ на жестокосердіе князя Вишневецкаго въ этомъ случаѣ. Но то, что дѣлали козаки съ панами, ксендзами, Жидами, съ жепцинами и дѣтьми, было чудовищно до невѣроятности. Напримѣръ, Ганноверъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, рассказываетъ вотъ какіе ужасы:

„Жители множества жидовскихъ городовъ за Днѣпромъ, Переяслава, Борисовки, Пыратина, Борисполя, Лубень, Лохвицы, не имѣвшіе возможности бѣжать, были умерщвлены за вѣру разными жестокими видами смерти. Съ нѣкоторыхъ содрали кожу живою, а тѣло бросили собакамъ; нѣкоторымъ отрубили руки и ноги, и бросили на дорогѣ, потомъ ѣхали по нимъ возами; нѣкоторымъ напесели множество смертельныхъ ранъ и бросили на площади, дабы они мучились въ предсмертной агоніи, пока не испустятъ духъ; многихъ закопали живыми въ землю; рѣзали дѣтей на лопѣ матерей; множество дѣтей разорвали въ куски; беременнымъ женщинамъ распарывали животъ, вынимали педоношенный плодъ и бросали имъ же въ лицо, а нѣкоторымъ, распоровши животъ, впускали туда живую кошку, и животъ зашивали, а имъ рубили пальцы, дабы не могли вынуть кошку; нѣкоторыхъ дѣтей привязывали къ сосцамъ матерей; нѣкоторыхъ наса-

живали на вертелъ, жарили на огнѣ, а потомъ заставляли матерей ѣсть ихъ. Иногда брали жидовскихъ дѣтей, мостили ими улицы и ѣздили по нимъ... На подобіе сказацнаго они дѣлали вездѣ, куда только достигали, и даже съ Поляками, а преимущественно съ ксендзами“, и пр. и пр.

Другой современный Жидъ-мемуаристъ, Егюша, сынъ львовскаго раввина, въ книгѣ своей „Бѣдствія Времени“ *), описалъ тираннію, претерпѣнную Жидами отъ козаковъ въ 1648 и 1649 годахъ, еще въ болѣе, если возможно, ужасномъ видѣ. По его разсказу, козаки, допытываясь у Жидовъ, гдѣ они спрятали клады, сдирали съ живыхъ кожу; бросали Жиденятъ въ ямы, откуда нѣсколько дней были слышны ихъ крики и стоны. Въ Барѣ кололи младенцевъ, варили, жарили и съѣдали ихъ въ присутствіи матерей. Въ Полонномъ избили столько Жидовъ, что кровь лилась черезъ окна. Убивая при этомъ Жиденятъ, козаки предварительно ощупывали ихъ, жирны ли они, а потомъ насмѣшливо осматривали ихъ внутренности (какъ дѣлають раввины при убіеніи животныхъ), разрѣзывали найденнаго *коширнымъ* Жиденка на куски, продавали, какъ говядину, и пр. и пр. и пр.

Извѣстный въ кобзарской Иліадѣ подъ именемъ Перебійноса гайдамака Кривоносъ, выпустивъ Князя Ярему изъ заднѣпровскихъ колоній, взялъ на себя задачу—доѣхать его въ старыхъ панскихъ осадахъ. По здѣсь народъ былъ устойчивѣе. Не всѣ здѣсь бросились на кровавый пиръ. Козацкіи терроръ дѣйствовалъ на мужиковъ и на мѣщанъ почти такъ же слабо, какъ и въ Наливайщину. Притомъ же столпившаяся вокругъ Вишневецкаго шляхта потеряла характеръ помѣщиковъ-бѣглецовъ. Она напоминала тѣхъ жолнеровъ, которые вмѣстѣ съ нимъ ломились въ таборъ Гуни на Сунѣ и стояли въ ночной битвѣ противъ Филопенка на Старцѣ Днѣпрѣ. Козакъ Аяксъ не смѣлъ напасть на магната Гектора въ открытомъ полѣ. Онъ слѣдилъ за движеніями яростной шляхты изъ лѣсныхъ да болотныхъ зарослей и „залегалъ“ на песъ въ мѣстахъ, подобныхъ Княжимъ Байракамъ да Крутой Балкѣ. По всѣ его козацкія залеганья и полученные отъ Хмеля уроки были напрасны. Вишневецкій стряхивалъ съ себя рой насѣдавшихъ на него гайдамакъ и, гоня передъ собой дикія ватаги, прошелъ невредимо до Немирова.

Это былъ родовой городъ Вишневецкихъ, основанный еще въ тѣ

*) Переводъ съ еврейскаго напечатанъ въ „Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1859 года, кн. I.

времена, когда колонизаторы малорусскихъ пустынь смотрѣли на миръ съ невѣрными гордо и жаждали только „кровавой съ ними бесѣды“. Теперь опъ былъ во власти хмельничанъ, какъ Николь да Брацлавъ у наливайцевъ, и не выпустилъ своего князя въ укрѣвленія, которыми прикрыли его отъ Орды предки Байдича. Вишневецкій взялъ непокорный городъ приступомъ, разсѣялъ козаковъ, безнаочно казнилъ многихъ мѣщанъ своихъ, обезпечилъ, какъ ему казалось, ихъ покорность и, оставивъ среди нихъ, шляхетскій гарнизонъ, двинулся далѣе. Но едва пемировцы оплакали своихъ мертвыхъ, какъ снова къ нимъ нахлынули козаки, и снова подданные Вишневецкаго сдѣлались хмельничанами.

Узнавъ объ этомъ, Князь Ярема вернулся на свои слѣды, чтобы показать примѣръ казни псобыкновенной. Но угрожаемые козаками его союзники просили его спасти Махновку. Едва онъ выбилъ козацкую орду изъ Махновки, какъ ппалъ на него съ тылу Кривоносъ. Не успѣлъ онъ отразить Кривоноса, какъ прибѣжала къ нему толпа вольпнской шляхты съ мольбой о защитѣ Колопнаго. На этотъ новый подвижъ не хватило силъ у Вишневецкаго. Пока онъ занимался новой вербовкою, Кривоносъ вломился въ Колопное и произвелъ страшную бойню надъ укравшимися тамъ шляхетскими и жидовскими семьями. Князь Ярема слѣпилъ уже съ обновленными силами на защиту Колопнаго и, можетъ быть, уменьшилъ бы громкую донувѣ въ слѣпой Украинѣ славу Перевѣйноса; но подл Старымъ Константиновымъ загородилъ ему дорогу Остапъ Коловьянъ, присланный въ помощь Перевѣйносу отъ Хмельницкаго. Битва была упорная. Коловьянъ стоялъ крѣпко, но наконецъ былъ стомленъ и взятъ въ плѣнъ. Поздно было тогда спасать жепницъ и дѣтей въ Колопномъ. Въ виду побѣдителей Коловьяна появился завоеватель Колопнаго, Кривоносъ. Вишневецкій сдѣлалъ искусное движеніе къ Случи и на переправѣ черезъ Случи разбилъ Кривоноса на голову.

Но успѣхи не радовали его. На пыткѣ Коловьянъ показалъ, — что Хмельницкій паступаетъ, слѣдомъ за своими предтечами, съ громаднымъ войскомъ; что онъ ведетъ за собой стотысячную Орду; что козаки хотятъ идти съ Татарами за Бѣлую Рѣку, то есть за Вислу. Не рѣшился Вишневецкій ждать Хмельницкаго падъ Случью съ отважнымъ, но малочисленнымъ ополченіемъ своимъ. Онъ удалился въ крѣпкій и надежный городъ Збаражъ. Оставленные на свободѣ, передовыя полчища Хмельницкаго опустошили Корецъ и Межиричъ. Мѣстечко Межибожье, принадлежавшее Сѣнявскому, сопротивлялось козакамъ упорно, но наконецъ сдалось п, къ удивленію шляхты, было поща-

жено: сдѣлка Тогай-бея съ Сѣнявскимъ спасла его мѣстечко отъ разоренія.

Покрывъ себя незабвенною славою кровопролитія въ Полонномъ, Кривоносъ двинулся къ Подольскому Каменцу. Но тамъ ему не почастливилось. Онъ ограничился опустошеніемъ окрестностей, густо заселенныхъ мелкопомѣстною шляхтою. Подольскіе землевладѣльцы, привычныя къ отраженію Татаръ собственными средствами, оборонялись мужественно и въ одной схваткѣ взяли въ плѣнъ нѣсколько козаковъ. Оказалось, что это были не козаки, а карпатскіе *опришки*, или разбойники. Слухъ объ удачномъ бунтѣ Хмельницкаго привлекалъ отовсюду въ козацкія купы людей одного и того же сорта.

Прочимъ руинникамъ, подобнымъ Кривоносу, на сей разъ почастливилось больше. Они овладѣли городами Луцкомъ, Кременцемъ, Клеванью, Тайкурами, Владиміромъ, Кобриномъ, Заславлемъ, повторяя всюду кровавыя и гнусныя сцены своего господства. Разорили козаки и мѣстечко сенатора православника, Гощу, наравнѣ съ мѣстечками и городами другихъ православныхъ пановъ. Не пощадили они и знаменитаго города Острога, на который столько лѣтъ были обращены взоры тѣснимаго папистами малорусскаго духовенства съ отрадными упованіями; не пощадили и Литовскаго Бреста, иначе Береста, котораго мѣщане и попы стали въ упоръ церковной уни и сдѣлались первыми жертвами правосудія восторжествовавшихъ папистовъ.

Далѣе Береста разбой козацкій не проникнулъ въ Бѣлоруссію. Тамъ было мало людей кочевыхъ, бродячихъ, безсемейныхъ, а потому было мало и пособниковъ козацкой пропаганды. Возмущеніе черни дѣйствовало тамъ слабо; самозащита шляхты проявлялась энергично. Ибо общую черту успѣховъ Хмельнитчины составляло то обстоятельство, что города и села предавали козакамъ ихъ соумышленники. Не войты, не бурмистры, не райцы и лавники, не церковные и цеховые братчики, не осѣдые и *статѣчные* люди какаго-либо сословія, званія и вѣроисповѣданія являлись козацкими соумышленниками до Хмельницкаго и при Хмельницкомъ, а тѣ, которыхъ современныя письмена просто-на-просто называютъ пьяницами, повѣсами и негодаями. Этотъ многочисленный классъ польскорусскаго населенія Малороссіи, извѣстный подъ именемъ гультаевъ, вырабатывался изъ простолюдиновъ и шляхтичей, которыхъ отъ сельскихъ общинъ и сельскихъ хозяевъ увлекали къ себѣ городскія забавы и буйства. Спившіеся съ круга, запутанные въ долги, въ тяжбы, въ уголовныя дѣла, разоривъ свои семьи и сдѣлавшись врагами тѣхъ, кого жизнь и природа давали имъ въ друзья, въ помощники, въ руководители, они сперва дѣлались агента-

ми запорожскихъ соблазновъ среди своего общества и его молодежи, а потомъ — предателями своихъ согражданъ. И вотъ какимъ путемъ наши мѣщане входили въ широко-разлившійся потокъ разбоя и разврата, извѣстный намъ отъ нашихъ историковъ подъ именемъ борьбы козаковъ за православную вѣру и русскую народность!

Но это горестное явленіе вытекало не изъ общественнаго безпутства русскихъ людей, оставленныхъ историческими причинами за предѣлами гражданственнаго вліянія Москвы. Конечно, въ немъ отразилась наследственная дикость разореннаго и порабожденнаго Батыемъ края, въ которой Малоруссы были способны воспринять и отъ кочевыхъ, и отъ гражданственныхъ сосѣдей своихъ одно худшее; но, еще очевиднѣе, оно было продуктомъ общихъ грѣховъ Шляхетскаго Народа, который выработалъ безпутное и безпощадное *козачество* въ привилегированной средѣ своей еще въ тѣ времена, когда это слово не получило національно-русскаго значенія.

Въ эпоху Хмельницкаго дѣленія всего населенія малорусскихъ (а это значитъ вообще русскихъ) провинцій Польши на козаковъ и не-козаковъ принимало всё болѣе и болѣе грозные размѣры, какъ отъ малодушной уступчивости однихъ землевладѣльцевъ, во главѣ которыхъ, въ качествѣ примирителя, стоялъ православный Русинъ, Адамъ Кисель, такъ и отъ великодушной рѣшимости другихъ, вождемъ которыхъ сдѣлался католикъ Русинъ, Іеремія Вишневецкій. Успокоивая людей добрыхъ, ноблажливыхъ, вялыхъ и боязливыхъ своими миролюбивыми, жалобными и льстивыми письмами, Хмельницкій козацкіе разбой и необходимость быть въ союзѣ съ Татарами оправдывалъ свирѣпыми, какъ онъ представлялъ, дѣйствіями князя Вишневецкаго, а между тѣмъ собралъ, какъ было слышно, до 200.000 войска, готового стереть съ лица земли и самый слѣдъ колонизаціонныхъ панскихъ трудовъ, причемъ волей и неволей позволялъ Татарамъ увести въ Крымъ столько же, если не больше, рабочаго народа, не принимавшаго участія въ козакотатарскихъ набѣгахъ.

Князь Іеремія понималъ истребительную политику Хмельницкаго яснѣе, нежели кто-либо изъ его правительственныхъ товарищей, и ломалъ руки, глядя на крушеніе государства, составлявшаго оплотъ Западной Европы отъ азіятскаго нашествія. Напрасно слалъ онъ гонцовъ за гонцами къ панамъ, которые могли бы еще остановить разливъ кочевниковъ, когда бы выдвинули противъ нихъ ресурсы гражданственности. Его сенаторская и воинская репутація стояла высоко у однихъ; но зато другіе въ тайнѣ радовались подрыву его могущества въ Рѣчи Посполитой и напирали на уступчивость въ борьбѣ съ козаками

только для того, чтобъ козаки поуменьшили прыть и сму, и другимъ колонизаторамъ юго-восточныхъ пустынь. Старое соперничество привислянскихъ доматоровъ съ воинственными и предпріимчивыми маркграфами продолжало развиваться на гибель Польши, не подчинявшейся никакому положительному правительству даже и въ виду общаго врага всѣхъ партій.

Такъ было и у насъ во времена пашествія Батыева. Мы получили тогда хорошій урокъ для страсія той государственности, которую теперь гордимся въ своемъ воссоединеніи съ Великоруссами. Но къ Польшѣ, вмѣстѣ съ пашей землей, перешель и тотъ своеправный, разъединительный духъ нашихъ малорусскихъ предковъ, который сдѣлался причиною постигшаго ихъ Татарскаго Лихолѣтя. Еще задолго до повторенія Наливайщины, въ видѣ Жмайловщины, правительство Сигизмунда III называло козацкое своеволие, подъ именемъ *swawolki Ukraińnej*, страшнымъ пожаромъ и убѣждало наповъ гасить этотъ пожаръ совокупными средствами. Теперь онъ былъ въ полномъ разгарѣ, и паны раздували его въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ.

Интересенъ за это время, какъ и всегда, дневникъ литовскаго канцлера. Почтенный предводитель католической партіи, потомокъ православныхъ князей Радивиловъ, сознается, что въ іюнѣ 1648 года Польша „едва дышала отъ боязни“. Самъ онъ искалъ спасенія отъ наступившей грозы у чудотворнаго образа *Przenajświętszej Matki*, который славился чудесами въ его селѣ Несочнѣ, окрещенномъ въ Пясечню. Цѣлый мѣсяцъ іюнь, послѣдовавшій за Корсунской катастрофою, пройдезь у него молчаніемъ о томъ, что дѣлалось въ землѣ, текущей молокомъ и медомъ. Онъ былъ—точно ребенокъ, зажмурившій глаза у груди матери, или, пожатуй, страусъ, вогкнувшій голову въ песокъ. Іюля 1 Альбрехту Стаиславу Радивилу исполнилось 55 лѣтъ. Онъ усердно молился о своихъ грѣбахъ въ костелѣ „своей благодѣтельница“, всѣ той же чудотворной иконы, а потомъ съѣздила въ Пешлицъ, въ монастырь Св. Бернарда, „особеннаго любимца Пресвятой Дѣвы (*osobliwego kochanka Najświętszej Panny*), поручая его предстательству несчастное королевство“.

Вотъ она, та безпомощность въ трудныхъ обстоятельствахъ, тотъ недостатокъ самодѣтельности, которые были въ польскихъ пашахъ, говоря о нихъ вообще, результатомъ клерикальнаго и иезувитскаго воспитанія! Магнатъ Радивиль умѣлъ заставить короля Владислава нарушать монаршее обѣщаніе, умѣлъ отказывать ему въ приложеніи канцлерской печати, смѣлъ наставлять его, чтобъ онъ, присягая словомъ, не присягалъ намѣреніемъ,—и теперь, когда надобно было дѣйстви-

вать, уподоблялся грудному ребенку, или глухому страусу! Что же сказать о другихъ, не столь ученыхъ, не столь способныхъ и могущественныхъ польскорусскихъ панахъ?

Въ іюль 1648 года созвали опи такъ называемый каптуровый сеймъ, то есть такое національное собраніе, въ которомъ, при несуществованіи короля, всѣ головы были покрыты шапками, по старинному *каптурами*. До избранія новаго короля королей шляхетской республики, мѣсто его занималъ гнѣзненскій архіепископъ, въ качествѣ примаса.

На каптуромъ, иначе конвокаціонномъ, сеймѣ прежде всего было рѣшено — выставить противъ козаковъ 36.000 войска: сила ничтожная по численности полчищъ Хмельницкаго; но въ рукахъ такого вождя, какъ Вишневецкій, она сдѣлала бы съ Хмельницкимъ то, что сдѣлала, вдохновляемая нашимъ Байдичемъ, горсть волохтеровъ съ Польшяномъ у Стараго Константина и съ Черобійносомъ на Случи. Только ему не вѣрили диктатуры. Паны боялись всякаго сильнаго характера, всякаго широкаго въ политикѣ ума. Любовь къ личной свободѣ ослѣпляла ихъ до того, что имъ казалось опаснымъ соединить подъ властью одного лица эти 36.000, которыя опи великодушно постановили набрать, но которыхъ не позаботились хорошо вооружить и вывести на сцену дѣйствія въ полномъ составѣ. Даже теперь, когда сосредоточенная въ сильныхъ рукахъ власть могла бы спасти шляхетскую республику, на сеймикахъ, предшествовавшихъ каптуровому сейму, налегали на то, „чтобы постоянная диктатура гетманская (*perpetua dictatura hetmanska*), которая появилась въ Польшѣ недавно, (какъ проповѣдывали ораторы), была уничтожена; такъ какъ это не только неудобно для Республики (*Reipublicae incommodum*); но и опасно (*ale i periculosum*)“. Поэтому каптуровый сеймъ, вмѣсто одного главнокомандующаго, пазначилъ троихъ „гетмановъ“, подъ именемъ *ршиментарей*.

Первымъ изъ нихъ былъ указанный примасу нашимъ Адамомъ Свѣнтольдичемъ неспособный къ военному дѣлу сендомирскій воевода, князь Доминикъ Заславскій; вторымъ — коронный хорунжій, Александръ Конецпольскій, отличавшійся воинственнымъ духомъ своего отца, но не его талантами; а третій — коронный подчашій Николай Остророгъ, славный классическою ученостью и дипломатическимъ искусствомъ, но не рожденный быть полководцемъ. Басепные щука, лебедь и ракъ не могли бы дѣйствовать менѣе согласно въ общемъ дѣлѣ, какъ эти три героя въ трудной козакотатарской войнѣ; а явное отверженіе того, кто одинъ заграждалъ бунтовщикамъ путь, когда всѣ помышляли толь-

ко о бѣгствѣ, оскорбило партію почитателей его и внесло рознь между самыхъ вліятельныхъ членовъ республики.

Одинъ изъ люблинскихъ пановъ, въ письмѣ къ пріятелю, такъ отзывался въ это время о правителяхъ шляхетскаго государства: „Изъ Варшавы не пишутъ ничего добраго: все только *kawy dla zabawy*. Даже литовскихъ пановъ не позаботились призвать для отвращенія опасности *). Неизвѣстно, по чьему совѣту назначили этихъ триумвировъ, чего и сами начинаютъ уже стыдиться **). Печатари (канцлеры), въ своемъ разъединеніи, должно быть, прочать царствованіе не кому-либо изъ королевской крови, а себѣ самимъ (*sibi regnum sperant*), чтобы каждому властвовать надъ покорными подданными (панами). Боже! смѣшай ихъ совѣты, открой фальшь и измѣны (*Boże, zamieszaj ich gady, odkryj fałsz i zgady*)! Но все это переимѣнится, когда братья (шляхта) спесутся съ тѣми панами, которые держатъ въ рукахъ сабли, а не молитвенники, да перья“.

При такомъ помраченіи общественнаго смысла, вопросъ о томъ, что вызвало новый козацкій бунтъ и чѣмъ возможно подавить или успокоить мятежниковъ, сталъ обсуждаться въ пустой слѣдъ послѣ того, какъ противъ нихъ были приняты нелѣпыя мѣры. Теряясь въ догадкахъ и не зная на чемъ остановиться, вожди Шляхетскаго Народа обратились къ посламъ Народа Козацкаго, присланнымъ подъ видомъ испрошенія помилованія Хмельницкому, а въ сущности для того, чтобы вывѣдать пастропие панскихъ мыслей и узпать о положеніи государственныхъ дѣлъ.

Одинъ изъ членовъ палаты депутатовъ совѣтовалъ не тратить времени понусту. „Мы хотимъ знать причину пожара, не погасимъ его“ (говорилъ онъ). „Что все равно, какъ если-бы кто упалъ въ колодець и кричалъ о спасеніи, а его бы сперва сиранивали, какъ онъ туда попалъ“. Но сеймовые паны всё-таки допросили козаковъ о причинахъ ихъ бунта.

Отвѣты козацкихъ пословъ заключались въ извѣстной уже намъ инструкторціи.

Не было лучшаго времени и мѣста для ревнителей малорусской

*) Литовскіе паны домогались уравниенія правъ своихъ гетмановъ съ коронными, если бы кто изъ нихъ пришелъ съ войскомъ въ лагерь. На это коронные паны не согласились.

***) Въ Дневникѣ Конвокаціи Варшавской читаемъ: „Z strony Uniwersału, w którym są trzej Helmani naznaczeni, aby takowe in posterum nie wychodzili, praecustoditum“.

народной вѣры и чести, чтобы не только выразить накипѣвшія у нихъ на сердцахъ оскорбленія религіозной совѣсти и національнаго достоинства, но и оправдать ужасы бунта. Здѣсь присутствовали князья Четвертинскіе, изъ которыхъ одинъ въ послѣдствіи облекся въ санъ кіевскаго митрополита. Здѣсь засѣдали Кисели и Древинскіе, ораторствовавшіе на сеймахъ въ пользу древней греческой вѣры. Здѣсь много было земскихъ пословъ православнаго исповѣданія, непрічастныхъ не только римской политикѣ, но и передачѣ интересовъ православія въ руки могилинской, полупольской іерархіи. Если-бы козакамъ были пужны посредники католико-православнаго спора, подыавшагося съ обвародованія церковной униі, то вмѣстѣ съ панами католиками и панами православными засѣдали здѣсь и вожди польскорусскихъ протестантовъ, съ которыми наши православники были тѣсно соединены со временемъ Князя Василя. Только кіевскаго митрополита не было: его козаки не пустили на сеймъ, тогда какъ борцамъ православія слѣдовало бы всячески побудить малорусскаго первосвященника къ поѣздкѣ въ Варшаву для свидѣтельствванія о той вѣрѣ, за которую они „помирали“, какъ увѣрялъ Хмельницкій царя Алексѣя Михайловича. Но то, что было приписано въ концѣ инструкціи козацкимъ посламъ, оставалось только на бумагѣ. Послы — или не хотѣли, или даже не умѣли заговорить о дѣлахъ церкви и вѣры, какъ это случилось и въ Медвѣжьихъ Лозахъ съ козацкими уполномоченными.

Литовскій канцлеръ, въ числѣ прочихъ первенствующихъ пановъ, получилъ отъ козаковъ, чрезъ ихъ посольство, просительное, alias туманящее, письмо. Онъ присутствовалъ при многократныхъ аудіенціяхъ, данныхъ на сеймѣ козацкимъ посламъ. Пословъ допрашивали о королевскихъ листахъ, о поощреніи Запорожскаго Войска къ задиранью Турціи. Дневникъ Радивиля слѣдилъ за козацкимъ вопросомъ обстоятельно. Радивиль отмѣтилъ даже, какъ послы блѣднѣли и дрожали (разумѣется, при мысли о козацкомъ террорѣ, въ случаѣ несоотвѣтственныхъ показаній). Но ни слова не записалъ онъ о томъ, чтобы козаки стояли за свою стародавнюю греческую религію, тогда какъ тутъ же писалъ о протестантахъ, что они домогались уступокъ въ пользу своей новой вѣры, и что коронный канцлеръ сказалъ имъ: „Хоть бы не только Хмельницкій, но и весь адъ возсталъ противъ нашего отечества, не дозволимъ вамъ больше того, чѣмъ вы пользовались“. *)

*) Въ Дневникѣ Варшавской Конвокаціи слова Оссолинскаго записаны такъ: „Jeżeli na nas chęć wyłargować co protem swoim, iż to czas urget maxime.“

Интересно сравнить эту часть Радивилова дневника съ тою, гдѣ онъ описываетъ домогательства протестантскихъ вождей въ 1632 году.

Въ то время протестанты (пишеть Радивиль), „подъ видомъ этихъ схизматиковъ, заявили всѣ свои требованія, угрожая помѣшать избранію короля, въ случаѣ неисполненія ихъ“.

4-й пунктъ требовацій гласить: „Кто бы учинилъ какое-либо насиліе русскимъ церквамъ или зборамъ диссидентовъ, публичнымъ актамъ, богослуженію, того чтобы карали въ трибуналѣ, яко нарушителя общественнаго спокойствія“, и пр.

5-й пунктъ: „Чтобы русская митрополія подчинялась константинопольскому патріарху; чтобы владыки, архимандриты и другіе получали посвященіе отъ того же патріарха; чтобы уніаты, отказавшись отъ этихъ достоинствъ, отдали семипаріи, типографіи и другія мѣста дизупитамъ“, и пр.

6-й пунктъ: „Гдѣ бы нынѣ ни были монастыри, церкви, семипаріи, основанныя издавна, а равно синагоги и зборы диссидентовъ, по какому бы то ни было праву существующіе, чтобы потомъ были сохраняемы со всѣми принадлежащими къ нимъ имуществами“, и пр.

8-й пунктъ: „Чтобы дизупиты и диссиденты какого бы то ни было состоянія и достоинства имѣли право чинить записи, завѣщанія и фундаціи, активовать ихъ въ грѣдахъ и извлекать изъ нихъ публичные акты, привилегіи и декреты“.

9-й пунктъ: „Чтобы дѣла дизупитовъ и диссидентовъ съ духовными, со студентами, были разбираемы въ Коронѣ смѣшаннымъ судомъ, а въ Литвѣ—въ судѣ свѣтскомъ трибунальскомъ“, и пр.

10-й пунктъ: „Чтобы въ коронныхъ и литовскихъ городахъ дизупиты и диссиденты имѣли право занимать городскія должности въ магистрата, а кто изъ нихъ былъ изъ магистрата исключенъ, тѣ чтобы возвратились“.

11-й пунктъ: „Чтобы дизупитская шляхта, по своимъ заслугамъ, пользовалась правомъ на всѣ дигнитарства и уряды, прерогативы и доходы съ имѣній Рѣчи Посполитой, и чтобы въ королевскую присягу были включены слова: *безъ различія религій*“, и пр.

Это извлеченіе изъ дневника литворусскаго капцлера представлено мною къ сокращенію. Не преминулъ бы онъ и теперь внести въ

dla niebezpieczeństw, to powiem: choćby nie tylko Chmielnicki, ale wszystkim ten świat, a nawet pekło wszystko na mnie się obaliło, wrótce conscientia mea, nad to, co macie w przeszłej konwokacyj, ne unum quidam joła przystąpie“.

дневникъ такой важный фактъ, какъ домогательство о церкви и вѣрѣ со стороны козаковъ, стоящихъ во всеоружіи грознаго бунта. Но послы Хмельницкаго не сказали о религіи ни одного слова.

Съ другой стороны, протестанты поднимали теперь вопросъ о своей новой вѣрѣ къ отдѣльности отъ вѣры старогреческой, титулуемой древнимъ русскимъ благочестіемъ. Это доказываетъ, что православники, вписывавшіе въ козацкія петиціи жалобы свои, только и держались протестантами, и что не *козаки* интересовались вѣрою даже въ лицѣ такихъ людей, какъ Сагайдачный, а козакующая *шляхта*, за которую хватались и не принадлежавшіе къ козачеству православники. Теперь наша малорусская шляхта ни изъ Украины и Волыни, ни изъ Червоной и Бѣлой Руси не смѣла домогаться попрежнему того, что позволяли себѣ, для политической демонстраціи, вписывать въ посольскую инструкцію козаки. Раза два поднимала она, въ своей отдѣльности отъ козаковъ, вопросъ о разсмотрѣніи терпимыхъ сю экзорбитанцій въ дѣлѣ вѣры; но ей отвѣчали, что не за что покровительствовать религіи, которая всегда была крайне враждебна римской (*inimicissima Romanae*), а нынѣ являетъ ужасное свирѣпство, подобное татарскому (*saevissima, saepe tartarica prosequitur rabie*). Ни Адамъ Кисѣль со стороны православниковъ, ни сынъ Черуна, Радивиль, со стороны протестантовъ не ораторствовали больше въ пользу вѣроисповѣданія, столь вредоноснаго, и не соединяли въ одну фалангу, какъ прежде, своихъ разновѣрныхъ борцовъ.

Хмельницкій, освобождая изъ плѣна нѣкоторыхъ пановъ, членовъ нынѣшняго каптуроваго сейма, твердилъ имъ, что будто бы самъ король велѣлъ козакамъ добывать себѣ свободу саблею; но и онъ не находилъ возможнымъ говорить имъ о войнѣ за оскорбленіе религіознаго чувства, которой вѣрили только въ Москвѣ, и то не всѣ, какъ это мы видѣли по дописаніямъ Плещеева и Кунакова. Козацкій гетманъ домогался права неподсудности и произвола, принадлежавшихъ *de facto* каждому магнату, начиная съ Вишневецкаго, хотя *de jure* каждый изъ магнатовъ находился въ зависимости отъ своей шляхетской братіи. Это право, право открытой силы, господствовавшее въ Рѣчи Посполитой подъ видомъ конституціи, одни изъ членовъ національнаго собранія признавали за козаками молча, по другіе позволяли себѣ высказываться рѣшительно въ пользу буптовщиковъ, и, подъ вліяніемъ стараго соперничества съ маркиграфами паннами, „преувеличивали“ притѣсенія, которыя козаки терпѣли отъ украинскихъ землевладѣльцевъ, урядниковъ и жолнеровъ.

Въ средѣ сеймующихъ пановъ даже духовные сенаторы требо-

вали, во-первыхъ, амнистіи козакамъ, во-вторыхъ, возстановленія козацкихъ вольностей и, в-третьихъ, устраниенія ненавистнаго козакамъ князя Вишневецкаго отъ предводительства короннымъ войскомъ. Правда, нѣкоторые изъ этихъ сенаторовъ настаивали на строгой карѣ козаковъ за поруганіе католическихъ святилищъ; зато другіе соглашались съ надворнымъ короннымъ маршаломъ, извѣстнымъ любимцемъ покойнаго короля, Казановскимъ, который оправдывалъ козаковъ даже въ томъ, что они заключили договоръ съ Татарами. „Они были готовы обратиться къ самому аду“ (говорилъ Казановскій), „лишь бы освободиться отъ такого рабства и притѣсненія, которыя бѣдняги, какъ видимъ, терпѣли. Хороша была, нечего сказать, ординація Рѣчи Посполитой для обузданія будущаго ихъ своевольства!“ (продолжалъ онъ). „Козацкій комиссаръ былъ Полякъ, полковники—Поляки, гарнизоны на Запорожьѣ состояли постоянно изъ Поляковъ. Можно бы и ординацію сдѣлать, и судъ установить на тѣхъ, которые хотѣли бы обижать и притѣснять козаковъ. Чего тогда не сдѣлали, я, по званію моему, совѣтую, чтобы козаки были во всемъ удовлетворены. Пускай козакамъ, живущимъ подъ шляхетской юрисдикціей, дано будетъ право жаловаться на обидчика шляхтича въ градскомъ судѣ, въ земскомъ судѣ, въ трибуналѣ. Это-то и заставить ихъ сдѣлать между собой переборъ, такъ что только старинныхъ будутъ они принимать въ свои вольности“.

Рѣчь Казановскаго, безъ сомнѣнія, была направлена противъ князя Вишневецкаго, который, въ борьбѣ съ нимъ за Ромель, упреждалъ его даже во мнѣніи короля. Но члены каптуроваго сейма вообще относились къ вопросу о козацкомъ бунтѣ безъ той злости и фанатизма, на которой выѣзжаетъ малорусская историографія. „Общимъ соборомъ“ (нишесть литовскій канцлеръ) „просили брацлавскаго воеводу (Киселя) дать ясное понятіе объ этой войнѣ“.

И по отношенію къ могущественнымъ папамъ протестантамъ и по отношенію къ могущественнымъ теперь болѣе прежняго козакамъ, Кисель могъ бы и долженъ былъ бы засвидѣтельствовать, что причиною страшной войны—притѣсненіе вѣры въ Козацкой Украинѣ. Радивиль говоритъ, что онъ „широко изложилъ информациі войны“, по что „сумма информациі была такая: Хмельницкій часто упрашивалъ Потоцкаго не преслѣдовать его, но тотъ не унимался и хотѣлъ уничтожить его въ самыхъ начаткахъ (бунта). Поэтому Хмельницкій обратился къ Татарамъ, и хотя брацлавскій воевода убѣждалъ Потоцкаго не дѣлать этого, и послалъ письмо къ королю, чтобы отвлекъ

его отъ этого предиріятія, но пока письмо пришло, наше войско было уже разбито, гетманы взяты въ плѣнъ“, и т. д.

Общею чертою напскихъ совѣщаній о томъ, какъ поступить съ бунтовщиками, было непониманіе всей грозы бунта. Раздробленное на множество напскихъ царствъ и мѣщанскихъ республікъ Польское Королевство оказывалось мелочнымъ въ своихъ мѣропріятіяхъ. Намъ, и самымъ мелкимъ, и самымъ крупнымъ органамъ консолидированныхъ народныхъ русскихъ силъ, почти невѣроятнo то, что рассказываетъ литовскій канцлеръ о совѣтахъ Оссолинскаго и другихъ высшихъ сановниковъ. Совѣтовали, наиримѣрь, послать къ Хмельницкому полученное отъ хана письмо, въ которомъ ханъ говорилъ, что козаки хотѣли идти къ самой резиденціи короля, но ханъ не согласился на это ради пактовъ Польши съ турецкимъ султаномъ; а такъ какъ въ томъ же письмѣ ханъ прибавлялъ, что вторженіе свое сдѣлалъ по турецкому велѣнію, то послать письмо и къ визірю. Самъ Радивиль совѣтовалъ поскорѣе отправить козацкихъ пословъ, чтобы ихъ задержкою не раздражить еще больше козачью, „а причиною бури“ (ишеть онъ) „представилъ я наши грѣхи да угнетеніе убогихъ“, — и только!

Вслѣдъ за этимъ глубокомысленнымъ и патріотическимъ представленіемъ прочитано было государственному собранію письмо достойнѣйшаго, но мнѣнію Киселя, изъ прозелитовъ польщизны, князя Доминика Заславскаго, „который“ (ишеть Радивиль) „не совѣтовалъ давать амнистію козакамъ: ибо это“, говорилъ онъ, „не представляетъ намъ ни пользы, ни чести, а лучше все нести съ отвагою“.

Въ письмѣ своемъ Заславскій рассказывалъ, между прочимъ, что козаки въ іезуитскомъ костелѣ, въ Винницѣ, пили священными чашами горілку, нарядившись въ ксендзовскіе орнаты; каплаповъ жестоко сердно замучили, выбрасывали труны изъ гробовъ и, разѣкши на куски, бросали собакамъ, а илѣиныхъ шляхтичей, для большаго поруганія, продавали Татарамъ по нѣскольку грошей.

Далѣе Кисель представилъ сочиненный имъ универсалъ отъ сената къ козакамъ. Только-что хотѣли было послать этотъ универсалъ въ Посольскую Избу, какъ она прислала собственный, въ которомъ исчислила все козацкія злодѣяства: какъ соединились козаки съ погаными Татарами, какъ разбойничали и опустошили столько провинцій, какъ уведено было въ татарскую неволю множество христіанъ, какъ вырѣзано нѣскольکو восводствъ, какъ попирали козаки ногами священную евхаристію, какъ святыми чашами пили горілку. „Однакожь“ (сказано было въ универсалѣ), „если искренно раскаются, если удовлетворятъ Рѣчь Посполитую, посліку покорно просятъ о поми-

ловани, то можно все имъ простить, только чтобы спокойно ждали комиссаровъ, бунты усмирили, зачинщиковъ на руки комиссарамъ выдали, плѣнниковъ отпустили, въ прочихъ же пунктахъ ждали повелѣній Рѣчи Посполитой чрезъ комиссаровъ“. Крыловская басня „Котъ и Цоваръ“ представлена была здѣсь въ лицахъ.

„Повравился этотъ проектъ (podobaf się ten koncert)“, пишетъ панивно литовскій канцлеръ, и рассказываетъ, какъ назначили 18 особъ изъ представителей всѣхъ вѣроисповѣданій въ комиссію съ козаками, а козацкіе послы были отпущены съ однимъ универсаломъ отъ Сенаторской Избы и отъ Посольской за подписью примаса и посольскаго маршала“.

Никто не смѣялся при этомъ; но громко смѣялись, когда Адамъ Кисель и писарь Великаго Княжества Литовскаго, Паць, излагали подробно, какъ они были въ посольствѣ „у Москаля“. Съ антиславянской точки зрѣнія, усвоенной даже и православными панами Ляхами, московскіе порядки казались имъ нелѣпыми. Еслибы такіе представители русскаго элемента въ Польшѣ, какими являлись Кисели да Древинскіе, не были тѣми же Поляками, не потѣняли бы они польскихъ законодателей карикатурою московской дипломатіи, и остановили бы столь несвоевременный смѣхъ малорусскимъ замѣчаніемъ: „Коли бъ вамъ, пані Ляхи, та не сміітись на кутні!“ Впрочемъ, въ концѣ одного засѣданія, маршаль Посольской Избы напрямикъ сказалъ своимъ избирателямъ, что кого хочетъ Богъ наказать, у того отнимаетъ разумъ, и попрекнулъ ихъ королемъ Владиславомъ, назвавъ его головою, „отъ которой зависѣло существованіе шляхетскаго сословія“.

Для полной характеристики каптуроваго или конвокаціоннаго сейма слѣдуетъ упомянуть о зловѣщей сценѣ въ церковно-религіозномъ духѣ. Въ число депутатовъ транзакціи съ козаками надѣялся попасть и кievскій подкоморій, аріанинъ Семиричъ; но маршаль Посольской Избы исключилъ аріанина изъ списка, а прочіе ревнители католичества высказали ему,—что люди, не признающіе Св. Троицы, не пользуются общественнымъ правомъ, и что сеймовые паны должны остерегаться такихъ людей, какъ мороваго повѣтрія. При этомъ освѣтимскій (т. е. освѣтимскій) староста, Адамъ Корицинскій (т. е. Корицинскій) объявилъ, что лучше ему разлить свою кровь и лишиться жизни, нежели единиться съ подобными еретиками; а Мазовецкое воеводство не позволяло, по своимъ правамъ (*juxta jura sua*), ни подъ какимъ видомъ терпѣть никакого диссидента. У нихъ де и Жидамъ ихъ древніе законы не дозволяютъ нигдѣ жить подъ смертною казнью

(sub roena colli). Вслѣдъ за Мазурами и представители Кіевскаго воеводства, земляки Нemiрича, заявили, что желаютъ сохранить не-нарушимымъ право, по которому допускаются у нихъ только двѣ религіи, римская и греческая.

Избранники панскаго большинства, Заславскій, Конечпольскій и Остророгъ, изъявили согласіе на то, чтобы во главѣ комиссаровъ стоялъ миротворецъ Адамъ Свѣтольдичъ Кисѣль. Представитель панскаго меньшинства, князь Вишневецкій, устранился съ негодоваціемъ отъ совѣщаній польскихъ царей и, подобно гнѣвному сыну Пелея, обращалъ въ умѣ своемъ грозныя мысли, проникнутыя глубокою скорбью. То онъ готовился (по дошедшему до Кунакова характеризующему Рѣчь Посполитую слуху) „наварить Полякамъ пива горше Хмельницкаго“, то рѣшался предоставить ихъ погибельной ихъ участи, то намѣревался совсѣмъ уѣхать изъ безалабернаго и неблагодарнаго отечества.

Праворающая панская республика, въ борьбѣ съ революціонной республикой козацкой, все еще мѣрила взаимныя свои отношенія мѣриломъ прошлыхъ своихъ успѣховъ и своего торжества надъ нею. Депутованные на козацкую комиссію предполагали, что, для транзакціи съ козаками, всего лучше было бы избрать мѣсто, недалекое отъ Кіева, гдѣ бы можно было покупать съѣстные припасы для своей ассистенціи, а коронное войско, чтобы стягивалось между тѣмъ къ Константинову. Ассистенція же комиссаровъ (совѣщались паны) не должна быть ни слишкомъ многочисленна, чтобы не испугала козаковъ, ни слишкомъ мала, чтобы козаки не пренебрегали ся. Козаки хотятъ 12.000-наго ресстра (размышляли депутованные). Пожалуй, можно согласиться на одну-другую тысячу. Козаки просятъ объ ушатѣ жолду. Но вѣдь приготовленные для нихъ деньги (съ дефицитомъ въ 230.000) взяты вмѣстѣ съ обозомъ, да притомъ же изъ-за этого жолду падѣла по столько шкодъ и Татарами, и самими козаками... Но всего забавлѣе въ совѣщаніяхъ представителей Польскаго государства, что они придумывали мѣры къ тому, какъ бы козаки не оказались передъ Шляхетскимъ Народомъ предписывающими ему условія.

Это происходило 24 (14) іюля,—и тутъ же Варшава получала извѣстія о хлопскихъ разбояхъ въ „Литвѣ и въ Руси“, о безпощадныхъ нападєніяхъ Черобійноса на шляхетскія жилища.

На другой день депутованные засѣдали у примаса. Тотъ спрашивалъ, какъ о предметахъ равнозначащихъ: что дѣлать съ диссидентами, которые хотятъ отмѣнить сеймовой декретъ объ уничтоженіи въ Вильнѣ протестантскаго збора, и что дѣлать съ повопавербованными жолнерами, угнетающими духовныя добра своими стаціями?... Депуто-

ванные важио рѣшили: сопротивляться диссидентамъ, а жолнерскія угнетенія переносить въ это плачевное время терпѣливо.

Съ той же важностью постановили, 26 (16) іюля, — чтобы комиссія началась 23 римскаго августа въ Кіевѣ, а кончилась 6 сентября, чтобы отъ козаковъ потребовать освобожденія плѣнниковъ и выдачи пушекъ. Пускай де козаки разорвутъ лигу съ Татарами, безпкойныхъ людей выдадутъ, вѣрность Республикѣ возобновятъ; уплаты жолда пускскіи не надѣются по причинѣ надѣлашихъ ими шкодъ; королевскіе листы возвратятъ; вольностью довольствуются такою, какая дарована имъ комиссією Кумейскою, а *maximum* — Куруковскою, и т. п.

Какъ бы въ отвѣтъ на эти несообразности Варшава получила вѣсти, что Кривонось овладѣлъ Полоннымъ, мѣстечкомъ краковскаго воеводы Любомирскаго (къ которому такъ ластился Хмельницкій послѣ Корсунскаго погрома) и произвелъ въ немъ неслыханныя убійства надъ беззащитными людьми, какъ объ этомъ было говорено уже выше. Зато сторонники князя Вишневецкаго увѣдомляли раздраженныхъ варшавявъ, что онъ, командуя только 6-ю тысячами жолнеровъ, три раза бился съ 60-ю тысячами козаковъ и положилъ ихъ 10.000 трупомъ.

Непосредственно за этими вѣстями въ дневникѣ Радивила записано, безъ всякой ироніи, слѣдующее: „Мы, диспутованные, цѣлый день провели въ спорѣ съ диссидентами“, а въ Дневникѣ Варшавской Конвокаціи читается, — что едва не всѣ восводства объявили свою рѣшимость — отдѣлиться отъ диссидентовъ съ протестаціею противъ нихъ (*cum protestatione contra dissidentes*).

Всѣ-таки кровопролитіе, произведенное Черевійносомъ въ Полонномъ, заставило пановъ немедленно отправить полномочную комиссію къ козакамъ подъ начальствомъ брацлавскаго воеводы, и казалось имъ, что они сдѣлали весьма важное дѣло.

Между тѣмъ изъ разныхъ мѣстъ получались донесенія о признаціяхъ, вымученныхъ пытками у плѣнныхъ козаковъ и козацкихъ шпионовъ, бродившихъ подъ видомъ попрошаскъ. Одни изъ нихъ рассказывали, будто бы московскіе послы были у Хмельницкаго (шляхта всего больше боялась его сношеній съ Москвою) и объявили ему, что царь проситъ козаковъ уступить ему землю по Днѣпръ, а онъ зато поможетъ козакамъ прогнать Поляковъ за Вислу и сядетъ на Польскомъ королевствѣ. Другіе показывали, будто бы малорусскіе владыки снабжали козаковъ порохомъ, пулями и гаковницами. Отъ третьихъ судебная инквизиція узнавала такія важныя вещи, — что какой-то чернецъ говорилъ: „Кто лучшій, тому, Господи, помоги“, или такія, — что въ Новомъ Константиновѣ есть мѣщанинъ Харкó, который сиосится съ

козаками, и еще: что въ такомъ-то мѣстечкѣ есть у козаковъ пріятель— Харкѣ, Иванъ, Мартинъ, Иванко, Лесь, Павлюкъ: или, наконецъ,— что въ Володаркѣ есть трое такихъ, у которыхъ не допытываются ничего и десять катовъ: такое де знаютъ зелье. Эга исповѣдь, раздражавшая понусту чернь противъ „пановъ Ляховъ“, стоила споровъ съ диссидентами. Умы, какъ видимъ, были въ туманѣ.

Съ своей стороны продолжалъ туманить правителей безгосударнаго государства Хмельницкій своими письмами, и распускалъ о нашемъ духовенствѣ и его наствѣ разные слухи соотвѣтственно своимъ цѣлямъ.

Несовѣтовавшій прощать козаковъ наслѣдникъ Острожскаго вои́ялъ теперь, въ письмѣ къ примасу, что дѣла находятся въ отчаянномъ положеніи, и боялся уже, чтобъ „не упала высокая Троя (i boje się, żeby nie upadła alto a culmine Troja)“. Онъ отравилъ одного изъ своихъ приближенныхъ, какого-то Колонтая, посломъ къ Хмельницкому, —къ „предателю Хмелю“, какъ называлъ его передъ панамъ.

По этому случаю почтилъ его своимъ письмомъ предтеча предателя Хмеля, Кривоносъ. Знаменитый истребитель Жидовъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей увѣрялъ князя Заславскаго, что козаки не хотѣли опустошать Польской Земли, но заѣлся де съ ними князь Ярема, тиранилъ, посякалъ, сажалъ на колъ невинныхъ людей, въ каждомъ городѣ становилъ среди рынка висѣлицу, а потомъ буравилъ глаза. „Мы тоже“ (писалъ человѣколюбивый разбойникъ), „обороная свою вѣру и жизнь, были принуждены стоять за свою обиду. Вотъ и о нашихъ послахъ не имѣемъ никакой вѣсти. Видно, уже снятъ, что не проснулись до сихъ поръ. А Жидовъ“ (закончилъ нисъмо кровавый *лицарь*) „направляйте къ самой Вислѣ. Вся бѣда началась отъ Жидовъ: ибо они свели съ ума и насъ“.

Эго было написано передъ рѣзней въ Полонномъ, которая (говоритъ Радивилъ) произошла отъ того, что козаки повѣрили распущеннымъ хлопамъ слухамъ, будго ихъ пословъ посадили въ Варшавѣ на колѣ: легковѣріе, достойное козацкихъ потомковъ, малорусскихъ историковъ и беллетристовъ.

Чѣмъ ничтожнѣе былъ, по своей природѣ, князь Доминикъ, тѣмъ больше дорожилъ его вліяніемъ на миротворцевъ Киселей козацкій Ватко, Хмѣль. Отпуская Колонтая изъ Павлочи, онъ вручилъ ему универсалъ къ вѣсколѣднымъ городамъ, чтобъ его не задерживали ни хмельничане, ни Татары, то-есть, чтобъ успокоительный отвѣтъ на посольство дошелъ по адресу.

Хмельницкій свидѣтельствовался Богомъ передъ „ясноосвѣщен-

нымъ" княземъ Заславскимъ, что, будучи неизмѣнными слугами Рѣчи Посполитой, козаки желали мира отъ всего сердца; но наступилъ день на нихъ князь Вишневецкій, котораго они отпустили изъ-за Днѣпра, хотя держали, можно сказать, уже въ рукахъ, и поэтому козаки должны были двинуться войскомъ. Въ удостовѣреніе своихъ словъ, послала ясноосвѣщенному князю для прочтенія универсалы его милости князя Вишневецкаго и письма изъ Москвы. Хмельницкій ждалъ только своихъ пословъ изъ Варшавы, чтобы вернуться со всѣмъ войскомъ и съ Ордою въ Украину: „пускай де не бродятъ больше въ христіанской крови"... „Да и то" (продолжалъ онъ) „я постоянно удерживаю своихъ отъ чать и грабежа не чѣмъ инымъ, какъ только мечемъ, и именно потому, что ваша княжеская милость благоволите являть столь великую милость къ намъ, низайшимъ слугамъ своимъ, еще съ предковъ своихъ. Будучи этимъ чрезвычайно обрадованы" (лебезила далѣ старая лисица передъ старой вороной) „и возблагодаривъ за это сперва Господа Бога, мы готовы исполнить всякое повелѣніе вашей княжеской милости, въ такомъ упадкѣ Польской Короны. Только сердечно и униженно просимъ, благоволите споситься съ нами, своими низайшими слугами, обо всемъ. По желанію его милости пана Колоцкая, велѣлъ я выдать строгій универсалъ къ пѣсколькимъ городамъ, чтобъ имѣнія вашей княжеской милости для войска нашего были неприкосновенными и мы прилагасмъ всяческое попеченіе, чтобы никто не дѣлалъ ни малѣйшей кривды ни вотчиннамъ вашей княжеской милости, ни вашей княжеской милости слугамъ".

Въ заключеніе раболѣпнаго письма своего, Хмельницкій, не безъ тайной ироніи, выразилъ желаніе отдать первенствующему магнату поклонъ лично со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ. Мы увидимъ, какъ обрадовался католическій потомокъ нашего Изяслава возможности такого поклона подъ Пилявцами. Онъ и теперь умолялъ уже примаса не полагаться на повѣстовыя ополченія (*praesidia*) и обратиться къ посполитому рушенію да къ панскимъ собственнымъ силамъ. Въ то же самое время послалъ онъ свою пѣхоту, въ числѣ 2.500 человекъ, для обороны своихъ имѣній, подъ начальствомъ Осинскаго, носившаго званіе обознаго Великаго Княжества Литовскаго, а самъ занялся тѣмъ, чтобы своими переменчивыми приказами сводить его съ ума. Опытный въ военномъ дѣлѣ Осипскій могъ бы погибнуть ни за что, но его спасъ Вишневецкій, подославъ къ нему для совмѣстныхъ подвиговъ. Съ горстью мужественныхъ людей, они успѣшно воевали противъ Кривоноса и отбили у него знамена корсунскихъ квартанныхъ, фамильное знамя Калиновскихъ, четыре пушки и какія-то *органн*.

Козація ревучія гарматы дѣйствовали противъ паповъ такъ плохо, что не причиняли имъ никакого вреда, а отъ ихъ мелкой стрѣльбы поле покрывалось козацкими свитками, „точно бѣлымъ сукномъ“. По реляціи Осинскаго, Кривоносъ бѣжалъ отъ Случи „безстыдно“.

Но у смѣлыхъ бойцовъ за боязливую братію было мало хлѣба и фуража, а босвыя силы ихъ убывали съ каждымъ босмъ. Князь Вишневецкій послалъ въ сепать, отъ 30 (20) іюля, коллективное нисьмо, подписанное главными его соратниками. То были: кievскій воевода Янушъ Тишковичъ, коронный стражникъ Самуилъ Лацъ, обозный Великаго Княжества Литовскаго Самунъ Осинскій и брацлавскій подсудокъ Криштофъ Тишковичъ.

Читателя поразитъ странное обстоятельство, что знаменитый банитъ Лацъ Тучапскій попалъ въ число представителей польскаго патриотизма... „Такъ пана пічъ почѣ“, могли бы сказать малорусскою поговоркою Поляки. По смерти Станислава Копецпольскаго, панъ Лацъ, правая рука его въ борьбѣ съ сосѣдями, безъ которой не обходилась павская колонизація, а также—въ отраженіи Татаръ и въ обузданіи козаковъ, долженъ былъ бѣжать отъ кievской шляхты, окружившей его домъ съ приговорами трибунала въ рукахъ, и скрывался въ магнатскихъ домахъ отъ преслѣдованія закона, то есть отъ своихъ враговъ. На сеймѣ 1646 года о Лацѣ ходатайствовали въ Посольской Избѣ, по обычной снисходительности пановъ къ подобнымъ преступникамъ. Бунтъ Хмельницкаго вызвалъ его на босвую арену, подъ защитой воспаго *жземпта*; и тотъ же Янушъ Тишковичъ, который, въ качествѣ кievскаго воеводы, послалъ на него мѣстную шляхту, подвизался на раду съ нимъ въ борьбѣ съ козаками. Между колонизаторами Малороссіи случалось много разъ, что недавніе враги сражались плечо съ плечемъ противъ азіятской дичи и родственной съ нею дичи козацкой. Самъ Вишневецкій ненавидѣлъ разбойника Лаца за многое, но въ борьбѣ съ козаками и козацкими побратимами, онъ, подобно Тишковичу, не дѣлалъ различія между Осинскимъ и Лацемъ Тучапскимъ. Такимъ образомъ подиесь Лаца красовалась рядомъ съ подписью пана піго Байдича.

Это было уже второе представленіе польскихъ воеводъ польскимъ доматорамъ, членамъ кантуроваго сейма и конвокаціи. Они доносили о несчастнѣйшемъ положеніи Республики (*statum Republicae afflictissimum*). Они видѣли все большую и большую рунну (*ruinam*) всего отечества. Они недоумѣвали, почему съ нимъ, въ ихъ отважныхъ бояхъ съ многочисленнымъ періятелемъ, не приходятъ ни откуда вспоможенія: потому ли, что паны братья сами по себѣ беззаботны,

или же потому, что они отуманены напрасною надеждою на миръ (*spe traktatów ubezpieczeni et vana nube armisticii obumbrati*). „Предостерегаемъ васъ опять“ (писали воители), „что непріятель, подъ покровомъ обѣщаннаго мира, всё болѣе и болѣе увеличиваетъ свои жестокости, всё шире и шире растекается и усиливается, такъ что въ каждомъ хлонѣ надобно видѣть врага, въ каждомъ городѣ и селѣ— толпу непріятелей (*cafervas hostium*). И неувидительно: изъ пашей безопасности чернь заключаетъ, что все ей позволительно (*omnia sibi licet in omnes*). Отсюда происходитъ, что никто не сопротивляется, всё разбѣжались, всё подавлены страхомъ (*wszyscy terrore pressi zostaja*)“.

Послѣ такого увѣщанія, изолированные защитники польской чести и славы умоляли снать не вести переговоровъ безъ Марса, чтобы не подпасть подъ власть непріятеля. Напрасныя мольбы! Конвокаціонисты были только поражены (*perculsi*) новыми извѣстіями, — больше ничего. Съ ужасомъ узнавали они, что силы Вишневецкаго истощились потерями въ битвахъ; что долѣе не можетъ онъ сдерживать „имѣста“ непріятеля; что отступать съ обозомъ подъ Константинополь; что Полонное осаждено (исавиіе не знали еще, что Кривополь въ него вломился); что Чорторыя и Черкинь вырѣзаны... Но, вмѣсто того чтобы послать своему защитнику помощь, они держали въ Сенаторской Избѣ тайную раду, изъ которой велѣли выйти даже королевскимъ секретарямъ, и цѣлый день совѣщались— не о томъ, какъ отразить непріятеля, а о томъ, какъ поступить съ самоотверженнымъ героємъ. Надежды на миръ до того сбивали ихъ съ толку, что Вишневецкій казался имъ опаснымъ революціонеромъ, въ родѣ самого Хмельницкаго.

Письма Козацкаго Батька къ вельможнымъ панамъ и распускаясь имъ, по старинному обычаю, выдумки, подѣйствовали на панское общество такъ, какъ это было ему пужно. Отособивъ талантливаго полководца и отъ лучшихъ, и отъ худшихъ согражданъ его, хитрый козакъ маскировалъ свои приготовленія къ борьбѣ съ панами криковосовскими набѣгами, которые разгоняли мѣстную шляхту, обезоруживали панскіе замки и открывали ему свободный путь въ глубину давнишней Украины—Волини, Украины не козацкой, а шляхетской. Но путь къ нему самому, въ его украинскія трупцы, оказался непроходимымъ для правительственныхъ комиссаровъ.

Краснорѣчивый и глубокомысленный Адамъ Кисель былъ одурченъ имъ больше всѣхъ тѣхъ, которые въ національномъ собраніи внимали ему, какъ оракулу. Предпринятая Киселемъ экспедиція превышала его вещественныя и нравственныя средства. Онъ и его

трое товарищей, Сельскій, Дубравскій и Обуховичъ (все наши соплеменники, избираемые изъ среды депутованныхъ, отправлялись подъ прикрытіемъ полка въ 2,000 человекъ, то есть такой ассистенціи, „чтобы не испугать козаковъ“, какъ совѣщались государственные люди; но эта ассистенція оказывалась ничтожною силою среди бушевавшей на Волини козаччины. Загоны свирѣлаго Черевійноса не хотѣли знать никакихъ мирныхъ переговоровъ, и безпрестанно покушались побить комиссаровъ съ ихъ жолнерами; а Хмельницкій, „удерживавшій своихъ отъ чашъ и грабежа ни чѣмъ инымъ, какъ только мечемъ“, не отвѣчалъ на пріятельскія письма Киселя, умолявшаго его о защитѣ отъ гайдамаковъ. Хмельницкій дѣлалъ видъ, будто ничего не знаетъ о панскомъ посольствѣ. Козаки взяли и опустошили Колонное, Корецъ, мѣстечко самого Киселя, Гоцу, ограбили Гейблиевъ, Тучинъ и всѣ панскія мѣшья по Горыпи. Не рѣшааясь „идти въ глаза“ бушующимъ гультаямъ, Кисель остановился въ безопасномъ еще отъ нихъ Лудцѣ и послалъ къ Хмельницкому посланцовъ, жалуеть на прерванное такимъ ужаснымъ способомъ перемиріе, и просилъ обезопасить ему дорогу въ Украину. Но, прождавъ напрасно двѣ недѣли возвращенія посланцовъ, пустился на Горынь въ свои „пустки“, и по дорогѣ посылалъ въ разныя стороны подѣзды, разгоняя разбойничьи кѹпы. Побѣда надъ ними обходилась ему не дешево: онъ терялъ лучшихъ людей своихъ и въ концѣ концовъ не зналъ, какъ выпутаться изъ миротворной миссіи.

Шляхетская Украина, Волинь, успокоившаяся отъ домашнихъ разбоевъ со временъ Косинскаго и Наливайка, не только была заражена козаччиною, но отрыгала и старую жвачку разбойной шляхетчины, такъ какъ эта нѣкогда украинская область, со временъ позанаятныхъ, была тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась теперь собственно такъ называемая Козацкая Украина. Самое имя ея своимъ грамматическимъ складомъ показываетъ, что здѣсь *волинь* была такимъ же обычнымъ явленіемъ, какъ въ хорошей избѣ — *теплымъ*. Во времена варяжскія въ ея лѣсистыхъ и болотистыхъ пустыняхъ наѣздничала и гнѣздилась вольная *воли*, самоправная удаля. Въ литвопольскомъ періодѣ нашей исторіи Волинь оставалась вѣрною своему варягорусскому прозвищу. Право открытой силы преобладало здѣсь надъ закономъ и обычаемъ больше, нежели, напримѣръ, въ Холмской Землѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ изъ автобіографіи Іосифа Верещинскаго, шляхтичъ, не помѣченный рубцами въ нумощественныхъ столкновеніяхъ съ „папами братьями“, былъ замѣчательнымъ исключеніемъ.

Въ Землѣ Волинской власть и богатство представляли почти такую же грубую ассоціацію съ рабочей силою, какъ и въ собственно такъ называемой Украинѣ, отодвигавшейся все далѣе и далѣе къ востоку. Эта первобытная, чуждая строгой регламентаціи союзность повелительности съ подчиненностью, работала здѣсь по закону тяжелой необходимости, и выработала общество, отличавшееся отъ варягорусской толкотни только примѣсью польскаго языка и обычая къ элементу русскому.

Ии въ одной изъ литворусскихъ и польскорусскихъ областей не было столько богатыхъ и убогихъ шляхтичей, титуловавшихся *князьми*, и нигдѣ между служилыми и чернорабочими людьми не встрѣчалось такое множество *бояръ*. Сокрушенная Багьемъ варягорусская система засыпала своими осколками Волинь густо. Когда Кіевская Земля опустѣла и Литва да Ляхва захватили въ свои руки остатки недобитой Монголами Руси, — между Припестью и Днѣстромъ засѣли представители древняго русскаго самоуправства, не хотѣвшіе подчиниться новымъ порядкамъ.

Въ эпоху Паливайка были уже забыты кровавыя смуты, которыя пришлось пережить кореннымъ Литвинамъ и Полякамъ для водворенія на Волини этого шаткаго государственнаго права, которое дѣлало польскорусское общество сборищемъ недоступныхъ для закона преступниковъ. Намытны были правительству только услуги князей Острожскихъ, Заславскихъ, Четвертнскихъ, Сангунковъ, Чарторыйскихъ, Корецкихъ, Збаражскихъ, Вишневскихъ, чуждавшихся уже верховодства въ политическихъ усобицахъ и помышлявшихъ всего больше объ интересахъ экономическихъ. Эти потомки древней княжеско-боярской волиницы сдѣлались тузами среди прочихъ *князей* и снувшихъ до служилаго званія *бояръ*, благодаря силѣ, отвагѣ и искусству владѣть: качества, бывшія въ оно время естественною замѣною нынѣшняго общественнаго права. Но невозможности подавить своеволиево этихъ можновладныхъ дуковъ, правительство старалось ихъ задобрить пожалованіями и привилегіями, предоставляя имъ ту власть надъ городами и тяпувшими къ городамъ землями, которой не могло удержать за собою. Кушленше великими уступками со стороны польской верховной власти, наши русскіе дуки, изъ неугомонныхъ бунтовщиковъ, сдѣлались орудіями правительства для усмиренія другихъ демагоговъ. Такъ, по наказу Баторія, князь Василій, съ помощью крымскаго хана, усмирялъ цизовцевъ, какъ объ этомъ была у меня рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Но когда король пытался урегулировать свои доходы съ волинскихъ городовъ и замковъ, эти гордые покорники верховной вла-

сти давали королю чувствовать свое революціонное происхожденіе, и не удостоивали сановитыхъ ревизоровъ даже такого вниманія, чтобы предъявить документы на свое полноправство. Въ теченіе многихъ лѣтъ на владѣніяхъ князя Василія накопилась весьма значительная сумма недоимки подымнаго налога. Озлѣсь на него за противодѣйствія церковной ушн, Сигизмундъ III потребовалъ отъ него недоимки весьма строго; но строгое требованіе осталось мертвою буквою.

Повелѣвая Волюнью на бумагѣ, короли на дѣлѣ должны были терпѣть удѣльную независимость волинскихъ князей, окруженныхъ служилыми, князьями, панамъ, боярами, *вольными людьми*, и грозившихъ удесятерить свою гвардію. Въ лицѣ своихъ магнатовъ, Волюнья долго противилась окончательному соединенію Великаго Княжества Литовскаго съ Польскою Короною, но и послѣ Люблинской политической ушн тамошніе князья фактически оставались независимыми владыками своего края, то-есть владѣли имъ не по *польскому праву*, а по старорусскому обычаю. Правда, вопищность потомства Олгоговъ, Святославовъ, Изяславовъ уступила мѣсто заботамъ имущественнымъ, но она сохранилась въ той шляхто-боярской и бояро-мѣщанской массѣ, которая служила прежде панамъ-дукамъ въ ихъ борьбѣ съ ополченіями королевскими, а потомъ нападала на нихъ самихъ подъ бунчуками Косинскаго и Паливайка. По староіи памяти, имена крупныхъ волинскихъ князей всё еще могли сдѣлаться кличемъ для вооруженной оппозиціи правительству, и правительство боялось ихъ попрежнему.

1. Скрѣпляя связь между разноплеменными частями Польши, королѣ „попускали идопускъ“ вельможнымъ дукамъ до такой степени, что ихъ владѣнія увеличивались во много кратъ на счетъ государственныхъ, церковныхъ, шляхетскихъ и мѣщанскихъ имуществъ различными путями, а мѣстная власть ихъ надъ волинцами получала характеръ власти монархической.

По эти буйтуры Королевской Земли были обязаны своимъ богатствомъ и значеніемъ не столько знатности своего рода, не столько своему вліянію на короля и потачкамъ верховной власти со стороны панскихъ *экзорбитанцій*, сколько умѣнью править разбойнымъ элементомъ, образовавшимся на Волюни издревле въ средѣ *низшей* шляхты, бояръ, мѣщанъ и такъ называемыхъ официально и въ силу привычки *вольныхъ людей*, начинавшихъ уже принимать повсюду имя козаковъ, но самому промыслу своему *вольныхъ*.

Подъ покровительствомъ можповладчиковъ, на Волюни совершалась всевозможная паспія пановъ надъ панамъ, мѣщанъ надъ мѣ-

щанами, поповъ надъ попами, монаховъ надъ монахами, при помощи готоваго ко всякимъ услугамъ козачества, и происходившая отсюда неурядица не только не вредила ихъ экономическимъ интересамъ, напротивъ, увеличивала богатства ихъ съ быстротою прогрессивною.

Грубость вѣка и неопредѣленность понятій о правѣ сильного надъ слабымъ давали волыцкимъ князьямъ и великимъ панамъ возможность уклоняться отъ нравственной и юридической отвѣтственности за творимыя вокругъ нихъ беззаконія. Короли относились къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ особеннымъ уваженіемъ, если не страхомъ, такъ что они оставались не только безъ суда, но даже и безъ упрека, въ такихъ случаяхъ, когда другіе были лишаемы чести и покровительства законовъ. Наши волыцкіе демагоги-князья были подсудны королямъ юридически, но фактически не были.

Что касается самого общества, то волыцкіе дуки, не смотря на всѣ свои магнатскія экзорбитанціи, вовсе не представлялись ему притѣснителями. Они часто слыли даже благотворительными вельможами, покровителями науки и древней русской вѣры. Обиженные вопіяли громко противъ своихъ тирановъ и грабителей, изъ которыхъ многіе были приближенными лицами этихъ бароновъ. Но голоса, обвивавшіе на Волини сильныхъ земли, заглушались хоромъ безчисленныхъ сообщниковъ ихъ въ пользованіи „иструженнымъ хлѣбомъ“. Да и не было въ тѣ времена пановъ, которые могли бы служить нервенствующимъ волыцкимъ магнатамъ живымъ укоромъ въ ихъ самоуправствѣ. Отъ своихъ собратьевъ отличались они только загребистою лапой въ дѣлѣ общій панской добычи. Всѣ другіе паны дѣйствовали въ томъ же духѣ, каждый по мѣрѣ своего гражданскаго безсовѣстія, по мѣрѣ своей магнатской безнаказанности, хитрости, корыстолюбія. И этимъ-то способомъ поддерживалась на Волини та вольная воля, отъ которой Волицкая Земля получила свое названіе. Богатство и убожество, свобода и порабощеніе, веселое буйство и мрачное уныніе были здѣсь перемѣшаны рѣзко, точно въ турецкой азіатчичѣ.

Это была зловѣщая помѣсь: отъ нея произошли тѣ смуты, которыя начались на Волини при безсовѣстнѣйшемъ изъ Острожскихъ, прозванномъ у сплетниковъ было *сожтопамятнымъ*, и черезъ полстолѣтія покрыли большую часть польскорусской территоріи кровавыми развалинами. Но, съ притупленіемъ чувства справедливости у высшаго и у низшихъ сословій, вѣрнѣе сказать — состояній, притуплялось въ Королевской Землѣ и чувство опасности отъ повсемѣстной *порчи нравств.* Между тѣмъ она-то, а не *Крѣсы*, какъ думаетъ польская историографія, была „Ахиллесовой пятою“ въ составѣ Рѣчи Посполитой. :

Даже такіе православники, какъ Адамъ Кисѣль при всей своей заботливости о судьбѣ Польши, смотрѣли на князя Василя и подобныхъ ему обладателей Шляхетской Украины Волини, прежде всего, какъ на защитниковъ Христіанской Земли отъ разлива мусульманщины. Въ виду большихъ расходовъ на постоянную борьбу съ Татарами и великихъ опасностей украиннаго быта, имъ казались извинительными панскія экзорбитанціи; а во что были способны превратиться орудія панскихъ экзорбитанцій, шляхта, боярс, мѣщане и козаки вмѣстѣ съ понами, не уступавшими въ грубомъ эгоизмѣ ни одному сословію, и полудикими, готовыми на все пагубное мужиками,—предвидѣть это было тогда рано. Это увидѣли только въ то время, когда пособить бѣдѣ было уже невозможно.

Магнатскіе завистники и недоброжелатели, мелкопомѣстные и безземельные шляхтичи, не только не хотѣли помогать своимъ патронамъ въ отраженіи козацкихъ набѣговъ, но еще и сами нападали на козацки на панскіе отряды, занятые партизанскою войною съ кривосовцами. Кисѣль собственными глазами видѣлъ толпы волинскихъ шляхтичей, и притомъ „*szlachtych*“, которые ходили заодно съ козаками на разбойный промыселъ, подъ предводительствомъ своего же брата, шляхтича, и отъ которыхъ ему приходилось оборонять свои вязы. „Они даже бились не такъ, какъ бьются козаки“ (писалъ онъ къ Оссолинскому). „Тѣ обыкновенно стрѣляютъ изъ самопаловъ, а эти нападали на наши отряды въ полѣ рукопашнымъ боемъ“. Для несчастнаго панскаго общества вернулись времена Косинскаго и Наливайка. Вернулись для него и тѣ Баторіевскія времена, когда не только украинская шляхта, но и наши старосты дѣлали козакамъ „разныя адміністраціи“. Оно видѣло въ страшномъ развитіи зло, порожденное собственнымъ безправіемъ, и не знало, чѣмъ и какъ помочь себѣ.

Вотъ въ какомъ водоворотѣ, или чертоторыѣ очутился Кисѣль съ отважнымъ, но сравнительно ничтожнымъ полкомъ своимъ. Добравшись кой-какъ до своей Гоци, нашелъ онъ въ гоципскихъ „пусткахъ“ нѣсколько сотъ бражничавшихъ опустошителей. Гультаи привѣтствовали хозяина стрѣльбой изъ самопаловъ, и не обратили никакого вниманія на объявленіе, что это пришли комиссары съ мирными предложеніями. Напротивъ, напали на Кисселевыхъ жолнеровъ съ такой завзятостью, что пришлось положить почти всѣхъ шляницъ трупомъ, при чемъ съ панской стороны убитъ храбрый воинъ, шляхтичъ Люля изъ подъ хоругви Александра Конецпольскаго, еще одинъ шляхтичъ Березинскій (оба Малоруссы) и нѣсколько человѣкъ челяди.

Въ Гоцу пришли къ Киселю измышленныя вѣсти, что когда Кривопись, онъ же и Перебийносъ, вернулся въ Украину, Хмельницкій приковалъ его цѣпью за шею къ пушкѣ, заповоленную Кривописомъ шляхту выпустилъ на волю, и болѣе сотни его „разбойниковъ“ приказалъ своимъ Татарамъ обезглавить. Кисель всему этому вѣрилъ, и хвалился корошному канцлеру, очевидно, пошмавинскому козаковъ не лучше сего самого. Онъ вѣрилъ и тому, что халъ остановилъ свои полки и дожидается его прибытія. Хвалясь всѣмъ этимъ Оссолинскому, онъ усердно просилъ пановъ удерживать свои войска отъ всякихъ подѣздовъ, чтобъ они не раздражали Хмельницкаго.

Миролюбивымъ панамъ, послѣ этого, только и оставалось, что держать тайныя рады противъ полководца, который одинъ былъ способенъ отстоять ихъ панованье.

Въ позднѣйшемъ письмѣ къ Оссолинскому Кисель опять просилъ „не портить его переговоровъ такими подѣздами“, и окончилъ письмо увѣреніемъ, что Кривопись *былъ* прикованъ къ пушкѣ, по потомъ же, при Отцѣ Ляшкѣ, *) его отпустили за порукою. По Хмельницкій не могъ, хоть и хотѣлъ бы, приковать къ пушкѣ полковника, создавшаго 60-тысячный корпусъ головорѣзовъ, а комедіи, въ родѣ подставныхъ лицъ, онъ строилъ и не передъ такими людьми, какъ мопанествующій конфитентъ великаго дипломата. Ему было нужно, чтобы паны, по просьбѣ Киселя, „не портили переговоровъ никакими подѣздами“.

Не дождавшись въ Гоцѣ отвѣта на свою просьбу, Кисель опять началъ прокладывать себѣ дорогу къ Тамерлану, какъ называлъ онъ Хмельницкаго. Когда, въ своемъ фантастическомъ походѣ, приблизился онъ къ знаменитому городу Острогу, резиденція „начальника православія“, этого „столба и утвержденія вѣры“, была уже занята козаками, которые „день и ночь пили вино и мальвазію“. Пьяницы выбѣжали за ворота и хотѣли здороваться съ нимъ тѣмъ же способомъ, какъ и Гоцинскіе незваные гости. Но Кисель построилъ свое войско въ боевой порядокъ и отправилъ къ нимъ посла. Насилу взяли они въ толкъ, что это миротворный, а не наступательный походъ. Кисель показалъ полученное въ дорогѣ письмо отъ Хмельницкаго и

*) Дворянская фамилія *Ляшка* до сихъ поръ существуетъ въ Борзнѣ. Кисель, вѣроятно, во избѣжаніе неприятнаго для козаковъ имени, называлъ своего конфидента *Lasko*, словомъ, не значащимъ ничего. Тогдашніе *недоляжкі*, подобные Киселю, попали въ такое положеніе между двухъ народностей, что не знали, какъ имъ быть.

отдавался со всѣмъ полкомъ, чтобъ они вели его къ своему гетману. Козаки видѣли, что это немаловажный призъ, и были готовы конвоировать пановъ, но потребовали отъ нихъ восемь заложниковъ. Кисель на это согласился, если козаки дадутъ столько же своихъ.

Но едва обмѣнялись они заложниками, къ Острогу приблизился отправленный Осипскимъ, соратникомъ Вишневецкаго, подѣздъ, подъ начальствомъ отважнаго партизана, пана Сокола, съ тѣмъ, чтобы выбить козаковъ изъ города, принадлежащаго князю Доминику, достойному наслѣднику князя Василя. Козаки завели съ непріятелемъ гарцы, а въ городѣ между тѣмъ поднялся крикъ, что Кисель разомъ „и трактуеть и штурмуеть“. Пятеро изъ пановъ заложниковъ очутились безъ головъ; троихъ спрятали отъ нѣяной черни старшина. Во время гарцевъ, козаки добыли у пана Сокола языка и узпали, что Кисель былъ тутъ ни при чемъ; но не захотѣли уже его конвоировать и не дозволили ему даже провести свой полкъ черезъ городъ. Коммиссары, удержавъ у себя козацкихъ заложниковъ, повернули къ Ляховцамъ.

Тѣмъ и кончилось премудрое путешествіе панскаго миротворца къ Тамерлану-козаку. Изъ Ляховцевъ Кисель отправилъ одно письмо къ Хмельницкому, жалуясь въ немъ, между прочимъ, на профанацію со стороны козаковъ не только польскихъ, но и русскихъ алтарей „Божіихъ“, а другое—къ своему давнишнему пріятелю, кіевскому митрополиту, котораго просилъ ѣхать къ Хмельницкому съ просьбой о пропускѣ къ нему панскаго посольства. Въмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ онъ правительствующихъ пановъ, что теперь, увы! „ближе къ войнѣ, нежели къ миру“. Все-таки польскій патріотъ Русинъ приписывалъ себѣ важную услугу отечеству тѣмъ, что своимъ путешествіемъ и своими посланіями пріостановилъ настолько времени непріятельское пашествіе, намекая весьма ясно, что не желаетъ видѣть своей *pietatis* къ оцзчужиє безъ памятника.

Недавно миновало 16 (6) июля, условленное время трактата Сильвестромъ Косомъ и Адамомъ Киселемъ о соединеніи церкви. „Не то было бы въ Украинѣ, когда бы слушались его (Киселя) съ самаго начала“! Такъ, безъ сомнѣнія, думалъ онъ, отправляя письмо къ патрициу Петра Могилы. — „Не то было бы со мною, когда бы намъ удалось осуществить планъ, покрытый *великою тайною*“! Такъ, безъ сомнѣнія, помышлялъ наперсникъ Адама Сивитольдица, читая письмо его, которое, видно, сжегъ, потому что оно до насъ не дошло. Можно себѣ представить воздыханія стрегомаго козаками архипастыря, когда онъ ѣхалъ къ свирѣлому гетману, сокрушителю драгоцѣннѣйшихъ его

надеждѣ и той славы въ польскомъ потомствѣ, которой не удалось и его воспитателю стяжать себѣ на кievской митрополіи.

Но Хмельницкій не далъ ему ничего сдѣлать и для досточимаго имъ Свѣнтольдича, котораго память ублажаютъ и въ наше время тупые сплетники былаго *). Хмель задержалъ у себя Коса на нѣскольکو дней подъ тѣмъ же почетнымъ карауломъ, который не позволялъ ему споситъся съ Ляхами да съ Недоляшками, проводилъ время въ какихъ-то „бесѣдахъ“ съ нимъ и въ какихъ-то „спорахъ“, увѣрялъ, что готовъ помириться съ папанами, но что ему не позволяеть козацкая рада.

А Свѣнтольдичъ узналъ между тѣмъ окольными путями, что на пановъ идетъ вся козацкая сила, и поспѣшилъ обратно въ свою Гошу. „Все-таки я сдѣлалъ много и послѣ перваго соглашенія съ Хмельницкимъ и нынѣшнимъ посольствомъ своимъ!“ Такъ думалось ему, судя по его дальнѣйшимъ письмамъ.

Киселя, въ самомъ дѣлѣ, превозносили паны за то, что онъ своими мирными, „весьма искусными“, переговорами удержалъ козака Тамерлана отъ наступленія на беззащитное государство послѣ гибели короннаго и панскаго войска на Желтыхъ Водахъ и въ Крутой Балкѣ подъ Корсупемъ. Примасъ, въ пропозиціи своей на конвокаціонномъ сеймѣ, объявилъ, что онъ за это достоипъ вѣчной памяти и благодарности въ потомствѣ, а законодательное собраніе выразило ему свою признательность публичною рѣчью.

Естественно, что Кисель полюбилъ роль миротворца; а панамъ доматорамъ было пріятно исполнять его просьбы, чтобы воинственные люди никакими подѣздами не раздражали Хмельницкаго и не портили мирныхъ переговоровъ. Подвиги Вишневецкаго были досаднымъ переборомъ ихъ чувствамъ, ихъ надеждамъ, и самъ Кисель, въ одномъ изъ писемъ къ Оссолинскому, давалъ попятъ, *кто* былъ причиною нарушеннаго козаками перемирія, слѣдовательно—и всѣхъ несчастій миролюбивой шляхты. Два противоположныя настроенія общества колебали пановъ и въ ту, и въ другую сторону, ослабляя нравственную и физическую энергію Шляхетскаго Народа. Наконецъ, громадныя размѣры козацкаго разбоя, гибель городовъ, истребленіе людей, повсемѣстное опустошеніе края, болѣе обипрнаго и богатаго всѣми дарами природы, чѣмъ Великая и Малая Польша вмѣстѣ, заста-

*) См. въ „Кievской Старинѣ“ 1885 года, августъ, стр. 745 — 750, а въ сентябрьской—декабрьской кн. біографію Адама Киселя.

вили нѣкоторыхъ подозрѣвать стачку самого Киселя, яко Русина, съ Хмельницкимъ *). Даже товарищи комиссары возмущались его увѣренностію въ мирномъ настроеніи козацкаго гетмана, указывали своему презусу на потерю городовъ и крѣпостей, писали къ нему, что ихъ вѣрность заподозрѣна у Рѣчи Посполитой (*fides nostra u Rpliej suspecta*). Только тогда встревожился миротворецъ вѣстями о вооруженіи Хмельницкаго и его движеніи противъ паповъ.

*) Напримѣръ львовскій архъепискупъ писалъ, отъ 1-го римскаго сентября, къ своему пріятелю: „Pan Kisiel w traktatachъ excuzuje złości Kozackie, i ichъ traktaty stanowi; et hostes excusat, jako Rusin“.

Глава XVII.

Разстройство финансовъ.—Козаки морочатъ пановъ надеждой на миръ.—Нышность панскаго лагеря подъ Пилявцами.—Борьба между собой трехъ Русичей на гибель Польши.— Два триумвирата.—Удачная проба панскаго оружія подъ Пилявцами и неревѣсь паники.—Бѣгство пановъ изъ-подъ Пилявцевъ.—Козаки осаждаютъ Львовъ, потомъ Замостье, и принуждаютъ пановъ къ избранію указанного имъ короля

Было чего тревожиться панамъ и дома. По докладу ихъ министра финансовъ на конвокаціи, въ коронномъ скарбѣ было у нихъ всего на-всего 76.000 злотыхъ. По всей Руси (додосиль онъ), „главной“ (относительно доходовъ) странѣ, таможи и мытницы (сѣа і комогу) были уничтожены; торговля пріостановилась, даже ярмарокъ не было; а въ самой Коронѣ, во время междуцарствія, доходы очень уменьшились. Къ явной досадѣ заинтересованныхъ пановъ, коронный подскарбій объявилъ, что *администрація* въ государственныхъ имуществвахъ весьма убыточна для Рѣчи Посполитоѣ, и что *аренды* несравненно выгоднѣе.

Этотъ докладъ панскаго министра финансовъ, короннаго подскарбія, служитъ отвѣтомъ на вопросъ, естественно представляющійся русскому читателю: почему бы не задобрить хищныхъ Татаръ и не менѣе хищныхъ козаковъ своевременною уплатой однимъ за четыре года гарача, а другимъ за пять лѣтъ жолда, не дожидаясь, пока они примутся вознаграждать сами себя разбоемъ, какъ это дѣлала много разъ и служилая шляхта, составлявшая кадры жолнеровъ, какъ и самихъ козаковъ. Цѣмецъ вѣрнѣе всѣхъ обозначилъ причину паденія Польши своею поговоркою: *polnische Wirthschaft* *). Въ этомъ смыслѣ историкъ приходитъ на память упрекъ одного сеймоваго брошюриста, сдѣланный правительственнымъ панамъ лѣтъ за десять до

*) Польское хозяйство.

Косинщины. Онъ говоритъ, что паны держали козаковъ на Татаръ, какъ собакъ на волковъ, но, побивши Орду, не платили имъ жолду, и тѣмъ приводили къ новымъ бунтамъ *). То же самое можно сказать и о вознагражденіи жолперовъ за службу, вѣчно несвоевременномъ.

Едва кончилась въ Варшавѣ конвокація, какъ получено было извѣстіе, что козаки взяли приступомъ опору панской колонизаціи, ранговый городъ коронныхъ гетмановъ, „ареспалъ Рѣчи Посполитой“, Баръ, по древнерусскому названію своему—Ровъ. Послѣ отчаянной и безуспѣшной защиты города и замка, виновственная подольская шляхта вопіяла къ варшавянамъ своимъ окатоличеннымъ голосомъ: „Спасайте же хоть муръ и костелы, если ужъ не пастъ, братьевъ!“ Но варшавяне умѣли только помянуть русскихъ людей на ихъ пагубу, а спасать и самихъ себя не умѣли.

Одновременно съ жаждавшими войны Подолянами и миротворецъ Кисель жаловался Оссолипскому, что козаки опустошили большаго прежняго его Гощу, а Перебийнось (не смотря на сказочный приковъ къ пушкѣ) вырѣзалъ по своему обычаю Мсжибожь.

Во время новаго грабежа гостеприимной Гощи (повѣствоваль гострестно Свѣнтольдичъ) козаки схватили юркаго монаха, Отна Ляшко, и, не взирая на его православіе, положили среди улицы, и до такой степени избивъ кіями, что его благочестивый патронъ сомнѣвался, будетъ ли онъ живъ. Козаки (продолжалъ Кисель) взяли у него все нисьма и какой-то „патентъ отъ примаса“. (Видно, и Ляшко принадлежалъ къ такимъ православникамъ, какъ самъ Кисель и его пріятель, митрополитъ). Три дня гостили хмельничане въ Гощѣ, какъ во время оно Паливайцы въ Лесахъ, распуская кругомъ загоны по имѣніямъ горыскихъ помѣщиковъ Сопігъ, Нарушевичей, Хребтовичей и многихъ другихъ, носившихъ малорусскія имена **). „Десятка полтора бо-

*) Печатныя брошюры, распространяемыя между сеймующими панями, заслуживаютъ прилежнаго изученія. Biblioteka Polska г. Туровскаго напечатала ихъ нѣсколько, но въ нее не вошла весьма рѣдная брошюра: O nowych Osadach: Slobodach ukraińnych Zdanie i Rozsądek, напечатанная безъ означенія года и имени автора, но по шрифту и правописанію относящаяся къ XVI столѣтію. Не думаемъ, чтобы заслуженный передъ наукою издатель отвергъ ее потому, что въ ней высказано много непріятной для Поляковъ правды.

**) Одиъ весьма талантливый польскій писатель, видя въ моей „Исторіи Возсоединенія Руси“ возстановленныя по малорусскому произношенію имена нашихъ колонизованныхъ Русичей, знаменитыхъ въ исторіи Польши, спрашиваетъ печатно въ недоумѣніи, для чего я это дѣлаю. Отвѣчаю ему: *для науки, для*

чекъ вина“ (писалъ Кисѣль, забывая, въ своемъ повомъ горѣ, о томъ, что козаки, по его прежнему донесенію, *допивали остатки медовъ*) „и нѣсколько десятковъ бочекъ *меду* пили (у меня) день и ночь, потчивая моихъ же хлопцевъ, равно какъ и сосѣднихъ, а что осталось, пороздавали мужикамъ“.

Увѣдомивъ объ окончаніи этой, какъ называлъ онъ, *трагедіи*, Кисѣль дописалъ, что, по словамъ посланныхъ языковъ, Хмельницкій собралъ уже 120.000 войска, сверхъ Кривоносова корпуса, и стоитъ подъ Інушинолемъ, псевдалекѣ отъ Любартова. „Видя“ (писалъ разочарованный миротворецъ), „что мы не спѣшимъ собирать войско, что главные наши дѣятели“ (слѣдовательно Заславскій, Копециольскій и Острогоръ) „безсилны, что всѣ, въ страхѣ, показываютъ непріятелю спину (*terga dedegunt omnes*), и никто не хочетъ заглянуть ему въ глаза,—мужики дѣлаются смѣлыми, и всѣ пристають къ этимъ войскамъ, или козацкимъ, или мужицкимъ, или разбойничьимъ“.

Такъ нашъ Адамъ Свѣнтольдовичъ, самъ того не замѣчая, повторялъ то, что давно проповѣдывалъ гласъ вопіявшаго въ панской нустыжѣ Вишисвецаго. Но ему было тяжело разстаться съ великою своею надеждою на памятникъ любви къ отчизнѣ, и потому Хмельницкій представлялся ему (если не онъ представлялъ Хмельницкаго) дѣйствующимъ вопреки собственной волѣ. Толпа черни (*multitudo plebis*), по его словамъ, не допускала козацкаго гетмана до примиренія съ панами. Кисѣль даже предполагалъ, что эта *multitudo plebis* перебила пословъ Хмельницкаго на обратномъ пути изъ Варшавы, поэтому де и его (Киселевы) письма не доходили до Хмельницкаго (а о приковѣ Кривоноса къ пушкѣ передъ глазами Ляшка молчалъ). Такъ умѣлъ козакъ морочить панскую голову Свѣнтольдича.

Въ надеждѣ на мировую, панскія ополченія собирались вяло. Хмельницкій, въ письмахъ своихъ къ предводителямъ коронныхъ силъ,

науки *самопознанія*. Въ нашемъ „домашнемъ старомъ спорѣ, уже взвѣшенномъ судьбою“, интересно видѣть, насколько польскій элементъ былъ увлекателенъ для русскаго, и какъ потомъ русскій элементъ восторжествовалъ надъ всѣми польскими приманками (о принужденіяхъ молчу). Что Поляки умѣли торжествовать надъ Русью посредствомъ Руси, это составляетъ гордость польскаго имени. Почему же намъ не гордиться сознаниемъ, что безъ насъ, русскихъ людей, сами по себѣ Поляки были бы еще больше несостоятельны въ войнѣ и политикѣ, чѣмъ они есть нынѣ, когда, въ лицѣ колонизованныхъ Русичей, владѣютъ значительною частью древней русской почвы и пользуются присвоенною Польшѣ славою множества русскихъ именъ?

только и говорилъ, что о помилованіи, о своихъ усиліяхъ пріостановить пролитіе христіанской крови да о страшномъ свирѣпствѣ князя Вишневецкаго, который будто бы одинъ и мѣнялъ ему привести козаковъ къ миру съ папами. Кромѣ панскихъ ополченій, войско состояло изъ *охочей* шляхты. Шляхта извѣстнаго повѣта записывалась въ одну названную по имени повѣта хоругвь; изъ пѣсколькихъ хоругвей составлялся полкъ, называвшійся по соотвѣтственному восподству. Этакъ вся Польша имѣла въ войскѣ представителей своего Шляхетскаго Народа. По рѣшенію конвокаціоннаго сейма, входившіе въ составъ ополчившейся шляхты папы, въ числѣ 24, составляли родъ совѣта, которому дано было право принимать участіе въ походныхъ распоряженіяхъ.

Сборнымъ пунктомъ ополченій, вооруженныхъ для защиты отечества, было назначено мѣстечко Гдиняны, верстахъ въ 30 къ востоку отъ Львова. Вишневецкій колебался между негодованіемъ на своихъ собратій и злобою къ опустошителямъ края. Онъ выдвинулся съ преданными ему людьми къ Константинову. Лично на Доминика Заславскаго и его товарищей триумвировъ не за что было ему гнѣваться. Князь Доминикъ не искалъ первенства: оно принадлежало ему въ Рѣчи Посполитой по обширности его владѣній, какъ императору между королями. Система обороны Польши была построена на томъ, чтобы великіе папы, расходуя деньги и боевыя средства на защиту края, одушевлялись мыслью о защитѣ своихъ имѣній, и папы избрали Заславскаго первенствующимъ военачальникомъ именно потому, что „большая половина козаковъ Хмельницкаго состояла изъ его подданныхъ“. Что касается товарищей князя Доминика, то они были приданы къ нему—одинъ въ видѣ дополненія скудныхъ его познаній, а другой—для поддержки его трусливаго духа. Вишневецкій это зналъ, и былъ доволенъ публичнымъ уничиженіемъ диктатора.

Еще больше былъ онъ доволенъ, когда богатѣйшій землевладелецъ, сознавая свое ничтожество, сталъ искать союза съ нимъ, отверженцемъ польскихъ законодателей. Эти два представителя широкаго можновладства были соперники въ любви. Оба они искали руки прекрасной Гризельды, и Гризельда предпочла самаго воинственнаго пана самому богатому, несмотря на то, что, по понятіямъ общества, онъ былъ завиднымъ по преимуществу женихомъ. Забывая оскорбленіе панской гордости въ виду опасности для своего государства въ государствѣ, князь Доминикъ смирялся передъ обѣднѣлымъ и уничиженнымъ княземъ Іереміей

Вишневецкій былъ богатъ преданностью лучшихъ, воиновъ польскихъ и благороднѣйшихъ польскихъ умовъ. На поруганіе сеймоваго большинства, знаменитое нравственными преимуществами меньшинство возвышалось Вишневецкаго публичными демонстраціями. Многие, прибывъ подъ Глиняны, не хотѣли повиноваться князю Доминику, и перешли подъ знамя князя Іереміи. Вообще люди независимаго характера и положенія поступали здѣсь относительно Вишневецкаго и Заславскаго по малорусской пословицѣ: „лучше зъ розумнымъ згубити, нїжъ изъ дурнымъ знайти“. Даже младшій изъ триумвировъ, Александръ Концпольскій, присоединился, съ ополченцами своими къ тому, котораго доматоры провозглашали едва не вторымъ Хмельницкимъ.

Такъ, изъ послѣдственнаго опасенія папавъ, чтобы въ Шляхетскомъ Народѣ не явилась диктатура, образовалось два лагерь, изъ которыхъ въ одномъ недоставало предводителя, а въ другомъ — предводимыхъ. Въ Гомеровской Греціи, въ нашей федеративной Руси и въ поглотившей было пашь, Малоруссовъ, феодальной Польшѣ повторялись одни и тѣ же явленія антиобщественности, антигражданственности, антигосударственности. Желать гибели сподвижникамъ изъ-за оскорбленнаго самолюбія — не считалось дѣломъ безчестнымъ. Не могъ князь Вишневецкій не предвидѣть гибели войска, вѣреннаго полководцу, котораго онъ отказался бы взять къ себѣ въ ротмистры, и, въ мрачномъ настроніи духа, безъ сомнѣнія, услаждалъ себя мыслью о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя должны были постигнуть презираемую имъ папскую толпу. Но въ лучшія свои минуты былъ готовъ забывать личныя обиды. Такъ, стоя гордо на передовомъ своемъ посту, написалъ онъ дружески къ Остророгу, что, оставаясь подъ Глинянами, гетманы предоставляютъ въ добычу непріятелямъ Волинь, Подолію и почти всю Червошную Русь. „Оттого упали“ (писалъ онъ) „восводства Брацлавское, Кіевское, Черниговское, Волинское, Подольское, что хлопство, видя, что не въ глаза имъ, а въ глазъ идутъ наши войска, встало отовсюду и, не имѣя никакого отпора, или по крайней мѣрѣ острастки, дѣласть столь великія злодѣйства. Чего не удалось бы самому могущественному иноземному непріятелю, то нынѣ свободно совершають плебейскій осадокъ (fex plebejorum regit libere). Такъ сдѣлали козаки и теперъ, когда взяли Баръ и его замокъ, истребили гарнизонъ и овладѣли военными припасами, вмѣстѣ съ другой добычей. То же самое угрожаетъ и Каменцу, когда не бросимся ему на помощь, когда по крайней мѣрѣ не покажемъ оружія и какой-нибудь пашей готовности... Но гдѣ бы вы ни рѣшили дѣйствовать противъ непріятеля (заключаетъ Вишневецкій свое письмо), „я не замедлю прибыть къ

вамъ вмѣстѣ съ тѣми, которые готовы, какъ и я, жертвовать жизнью для отечества. Въ это тяжелое время каждый изъ насъ общее долженъ предпочитать своему частному (*publica privatis anteponeere romanien*)⁴.

Хмельницкій—было слышно—двинулся уже съ бѣлоцерковскаго своего кочевья и, пославъ старшаго сына, Тимошѣ, въ Крымъ звать Орду, приближался къ Константинову. Съ нимъ были: Кривопись, иначе Пересѣйшость, Колодка, знаменитый, какъ и Паливайко, взятіемъ въ Вѣлорусіи Слуцка, Лисенко, Гайчура, Печай, Морозенко, Тиша, Посачъ, Ганджа, Джебжалѣ, герои, прославленные въ свое время козацкими кобзарями и прославляемые въ наше время козацкими историками. Къ навербованнымъ такъ или иначе малорусскимъ простолюдицамъ, „борцамъ за вѣру“, примѣшались у него Молдоване, Волохи, Сербы, Донскіе козаки. По цвѣтъ этого христіолобиваго воинства, розовый вѣнокъ на головахъ „преславнаго Запорожскаго Войска“, паходился еще въ Крыму.

Въ виду страшнаго непріятеля, Заславскій послушался наконецъ совѣта Вишневецкаго: въ половинѣ римскаго сентября перенесъ онъ свой лагерь и расположилъ его вблизи лагера князя Іереміи близъ Константинова. Въ этомъ городѣ, составлявшемъ послѣдованную послѣ Острожскихъ собственность Заславскаго, побывали уже козаки, и, въ качествѣ защитниковъ православія, оставили слѣды свои на опустошенныхъ и поруганныхъ костелахъ. Мѣщане, какъ всегда, волей и неволей козаковали или дѣлали для козаковъ то, что называлось *admiracula*. Послѣ того что, благодаря іезуитамъ, произошло въ Польнѣ между тѣми, которыхъ наши называли благочестивыми, и тѣми, которые считались у нихъ злочестивыми, мѣщанамъ было пріятно, какъ и козакамъ, глумиться надъ католическою святынею. По Заславскій объявилъ своимъ константиновцамъ общее прощеніе, чтобы захотить прочихъ козацкихъ сообщниковъ къ повиновенію. Его примѣру послѣдовали и другіе паны. Въ это время панамъ столько было надѣлано мужиками огорченій, что каждый дышалъ отмыченіемъ. „По кто же будетъ отбывать повинности?“ говорили вздыхая землевладѣльцы, и всячески старались умиротворить вооруженную противъ нихъ массу, о чемъ надобно было позаботиться цѣлымъ столѣтіемъ раньше.

Пастроеніе Шляхетскаго Народа, собравшагося со всей Польни въ этотъ походъ, было „какое-то торжественное“. Попеся столь внезапно тяжкія утраты въ Дикихъ Поляхъ и подъ Корсунемъ, потерявъ такъ много въ городахъ и селахъ отъ козако-татарскаго нашествія, паны, точно сговорились показать Козацкому Народу, будто бы онъ

отняли у нихъ сравнительно бездѣлицу: чувство истинно польское, то самое чувство, которое, при другихъ обстоятельствахъ, было обнаружено хвастовствомъ Оссолинскаго въ Римѣ.

Въ послѣднія два царствованія, паны такъ много поработали мечемъ внутри и внѣ государства, такъ много уложили въ сырую землю дорогихъ сердцу составной націи представителей ея силы, ея чести, ея воинскихъ и гражданскихъ доблестей, что и самымъ воинственнымъ изъ нихъ захотѣлось почигъ отъ блестящихъ и представляемыхъ блестящими дѣлъ своихъ,—хотѣлось имъ, насладясь добычей польскаго меча, насладиться и добычей польскаго плуга. Въ истекшее десятилѣтіе внутренняго и вѣшняго спокойствія, польскорусская колонизація сдѣлала успѣхи громадныя. Она такъ подняла и обезпечила сельское хозяйство, что даже на самихъ окраинахъ, по сосѣдству съ татарскими кочевьями, панскіе подданные „жили во всемъ изобиліи, въ хлѣбахъ, стадахъ, пасѣкахъ“. Тѣмъ изобиліемъ во всѣхъ прихотяхъ успокоеннаго отъ козаковъ и Татаръ сельскаго быта жила служилая и господствующая, низшая и высшая шляхта. Уже и въ царствованіе Сигизмунда III, Янъ Замоискій въ законодательномъ собраніи, Петръ Скарга въ церкви, а Симонъ Старовольскій въ литературѣ—проповѣдывали объ уменьшеніи излишествъ въ пищѣ, напиткахъ, одеждѣ, въѣздахъ, указывая на желаніе каждаго пана выдвинуться впередъ *выстаеностью*, при невозможности нарушить сословное равенство титулами.

Блестящее побѣдами и превозносимое выше всякой мѣры царствованіе Владислава IV надѣлало въ Шляхетскомъ Народѣ тысячи королей по тщеславной пышности, а благословенія десятилѣтняго спокойствія вселили въ немъ убѣжденіе въ его испобѣдимости и въ неистощимости средствъ къ роскошному существованію. Выставность, роскошь, соединеніе множества кліентовъ и всевозможныхъ слугъ во-кругъ щедрыхъ и гостепріимныхъ изъ разчета и тщеславія патроновъ—казались панамъ силою и въ походѣ, какъ они были силою на сеймикахъ и сеймахъ. Въ этомъ-то трагикомическомъ смыслѣ представительница всѣхъ воеводствъ, крупная и мелкая шляхта, была построена въ своемъ походѣ, по словамъ самихъ Поляковъ, торжественно!

Совѣстно смѣяться падъ несчастными; но Поляки и—что еще досаднѣе—опояченные Малоруссы такъ нагло и такъ долго смѣялись падъ всѣмъ русскимъ и даже падъ спасительною для насъ русскою царственностью, что нельзя, безъ нѣкотораго самоуслажденія, изображать ихъ общее безпутство. Впрочемъ, и новѣйшая литература польская представляетъ намъ описаніе тогдашняго безголовья Шляхетскаго

Народа въ томъ смыслѣ, вакой заключастся въ словахъ пророка, оплакивавашаго паденіе Израиля: „Горькимъ моимъ смѣхомъ посмѣюся“.

„Шляхта“ (разсказываетъ Полякъ) „вступила въ походъ съ такою пышностью, на какую тоько могла собираться послѣ многолѣтняго мира. Добыли паны изъ скарбовень богатѣйшее оружіе (а мы знаемъ, что у нихъ бывали сабли цѣною въ 10.000 злогыхъ), одѣлись въ рыси и соболи, забрали пурпурныя, раззолоченныя рыдваны и полныя дорогихъ одеждъ, серебра, золота, драгоценностей, обосвъ скарбовые возы, а было много такихъ товарищей (рядовыхъ шляхтичей), которые, для того, чтобы сравняться съ другими, продали послѣднее имущество. Такъ явилось подъ стѣпами Львова (на переходѣ изъ Глипяшъ подъ Пилявцы) 40.000 шляхты, снарядившейся какъ бы на свадебное пиршество. Мигали въ толпѣ протканныя серебромъ шелки, бархаты, золотые пояса, серебряныя панцири и шлемы; шумѣли на всадникахъ соколы крылья, колыхались брилльянтовыя кисти, а пышные кони, въ позолоченной упряжи, въ шелковыхъ сѣткахъ, выступали на серебряныхъ подковахъ.

„Войско шло“ (продолжаетъ онъ) „въ Украину, какъ бы на коронацію. Двѣсти тысячъ слугъ, въ легкомъ вооруженіи, сопровождало безчисленные панскіе возы и кареты. Хотѣли показать взбуртованымъ хлопамъ, что это идутъ паны; а шляхта говорила громко, что будетъ воевать съ хлопами не саблей, а нагайками“.

Но чтобы панское беспутство явилось во всемъ ужасѣ будущности, къ которой оно неизбѣжно вело Польшу, надобно прибавить, что вся эта кампанія была непрерывнымъ пиршествомъ, на которомъ сквозь панскія горла пропущены громадныя суммы, а между тѣмъ панское войско, промотавъ полученное впередъ жалованье, добывало себѣ продовольствіе по селамъ, сопровождая грабежъ обычными жолперскими безчинствами.

Такъ было подъ Глинянами. Теперь настала очередь страдать отъ защитниковъ Польши волинянамъ, и они вопіяли, что шляхетскія ополченія разоряютъ ихъ еще больше, чѣмъ козаки. Естественно, что Вишневецкому, строгому воину и хорошему хозяину, было противно и мучительно смѣшать свои воздержныя дружины съ объѣдалами, пьяницами и мародерами. Онъ больше всѣхъ понималъ опасность грозы, наступающей на павовъ со стороны Дикихъ Полей, и готовился встрѣтить ее такъ, чтобы не посрамить земли, которую называлъ, по старой памяти, Русскою.

Но правительственные паны успокоили себя высылкою въ поле роскошнаго парада, и не обратили вниманія на полученное сеймомъ

предложеніе хана, который соглашался порвать лигу съ козаками, если ему заплатятъ 700.000 злотыхъ недоимочнаго гарача. Мы знаемъ, что князь Василій оставилъ послѣ себя 20 милліоновъ своему Янушу. При такихъ запасахъ въ скарббвннхъ частныхъ лицъ, можно бы, кажется, было спасти общее отечество, разъединивъ Татаръ съ козаками. Но папы были неспособны къ пожертвованіямъ, а государство свое такъ эксплуатировали ловкой *администраціей*, вымогательствами и простой кражею денегъ, что, хотя многіе изъ нихъ располагали милліонами, а въ коронномъ скарбѣ оставалось у нихъ въ десять разъ меньше той суммы, какую могли бы они разлучить орду татарскую съ ордой козацкою.

Ждали Хмельницкаго. Было получено извѣстіе, что онъ ведетъ не меньше ста тысячъ козаковъ. Татаръ на этотъ разъ было у него мало. Но къ нему должна была подойти многочисленная Орда изъ Крыма. Такъ доносили намъ, и въ то же время ходили между нами успокоительные слухи, что Татары недовольны козаками. Татары дерзнуть на козаковъ, что сами они захватили лучшую добычу, а имъ отдали пѣшниковъ, которые у нихъ перемерли. Остальныхъ они должны были продавать дешево. Угнанная въ Крымъ стада тоже пропали отъ безкормицы. По словамъ Яскульскаго, слуги пѣшнаго Потоцкаго; множество лошадей у Татаръ и ихъ самихъ не мало „перехло“. Но козаки (разсказывалъ Яскульскій) склонили Орду къ новому походу безпрестанными посольствами и обѣщаніемъ „побусурманиться“.

Гораздо больше успокаивало доматоровъ полученное въ это время Киселемъ отъ Хмельницкаго письмо. Оба корреспондента были вѣрны—одинъ своей глупости, не дававшей ему попить, съ кѣмъ имѣть дѣло, а другой—своему злобному уму, преслѣдовавшему рупицную цѣль съ настойчивостью Сатаны.

Кисель писалъ къ нему: „Неужели нѣтъ у тебя Бога на небѣ, который видитъ все? Чѣмъ же виновата передъ тобой наша отчизна, воспитавшая тебя? Чѣмъ виноваты дома и алтари того Бога, который далъ тебѣ жить на свѣтѣ? Чѣмъ виновны мы, —одни, которые объявляли наши желанія Запорожскому Войску, а другіе, которые воевали чѣмъ невинны? Нѣтъ на свѣтѣ челоука безъ совѣсти и безъ воздыханія къ небу. Турки, и тѣ имѣютъ своего Бога; а вашей милости, который родился христіаниномъ, должно пронзить сердце и душу то, что случилось и что дѣлается, и какой будетъ конецъ соединенія такого множества черни на людскую кровь“, и т. д.

Хмельницкій отвѣчалъ на это,—что пѣсколько хоругвей войска князя Вишневецкаго напали на пѣсколько сотъ козаковъ, которые дѣ-

шли мимоходомъ въ Острогъ, безъ его (Хмельницкаго) вѣдома, ради прокормленія; а въ городѣ Межиричѣ певинныхъ христіанъ вырубилъ въ пень „Развѣ это по христіански?“ (проевѣдывалъ Хмель въ свою очередь). „Велите тѣхъ своевольныхъ изъ обоза князя его милости Вишневецкаго поупать“, и т. д. Наконецъ, сдѣлалъ комиссарамъ такое предложеніе: „Благоволите, ваши милости, ѣхать прямо подѣ Константиновъ, а мы пришлемъ туда разсудительныхъ людей, и обо всемъ, какъ бы могло быть наилучше, будемъ условливаться“.

Это письмо, превращая подвиги Вишневецкаго въ государственныя преступленія, показывало въ Хмельницкомъ наивамъ чловѣка сговорчиваго, и раздвигало ихъ нравственныя и вещественныя средства гибельно. Общественное мнѣніе между двухъ представителей жадно проглоченной Польшею, но плохо переваренной, Руси колебалось то въ одну, то въ другую сторону. Православникъ Русинъ, Кисѣль, обвинялъ католика Русина, Вишневецкаго, въ томъ, что усмиранный бытъ возобновился (*usmierzona recruduit hostilitas*), и что рецидива больше надѣлала бѣды, нежели первый, хоть и ужасный, пароксизмъ (*recydują swoją więcej zlego przyniosła, niżeli pierwszym lubo ciężkim paroxysmem*); а Русинъ католикъ приписывалъ православному соплеменику своему и его примирительной утоніи наденіе городовъ, крѣпостей, замковъ, истребленіе беззащитнаго населенія, и предсказывалъ новые ужасы войны, если изъ-за надежды на невозможное примиреніе паны будутъ ждаты соединенія чужихъ язычниковъ съ язычниками домашними (*jeżeli będziemy czekać ligi pogańskiej swojemi domowemi ropany*).

Если бы взглянуть на Польское государство à vol d'oiseau, то его гибельное междуособіе представилось бы борьбою трехъ Русиновъ, изъ которыхъ одинъ ополчился, другой окатоличился, а третій отатарился. Каждый изъ нихъ желалъ добра своимъ единомышленникамъ, но желанію каждаго, по древней пословицѣ, боги исполнили бы воплѣвъ своимъ. Такъ, или иначе, только проглоченная Польшою жадно, но переваренная плохо, Русь должна была разрушить польскій государственный организмъ. Три Русина, точно три злыя духа, представили общественыя беззаконія, боролись на погибель Польши. а¹⁰¹ Во время письменныхъ переговоровъ Хмеля съ Киселемъ о мирѣ, козаки овладѣли Луцкомъ, Клеванью и Олыкою, той Олыкою литовскаго канцлера, которую, по его мнѣнію, спасали отъ нихъ чудотворная икона въ Цясечной да предстательство Св. Вернгарда, osobliwszego kochanka Najświętszej Panny. Это извѣстіе потрясло пановъ не меньше, какъ и рѣзня въ Полоцкомъ, хотя подробности новыхъ

козацкихъ завосваній намъ неизвѣстны; а о рѣзні въ Полопномъ сохранилось нѣсколько представленныхъ сенаторскому засѣданію строкъ, которыя врѣзываются въ сердце, какъ ножъ. „Тамъ“ (доносили сеймуюющимъ панамъ оффиціально) „козаки рзали добычи на четыре милліона, и вырѣзали до 400 дѣвиць-шляхтянокъ и маленькихъ дѣтей въ замкѣ. Кровь занеклась въ поль-колѣна“. Это была такая страшная бойня, что козацкая Иліада приписала ея самому Хмельницкому. Козацкій Батько (нѣбли кобзари) сдѣлалъ такое воззваніе къ осажденнымъ:

Есть у мене одна пѣшка Сирота,—
Одчиняцца вѣші залізни широкі воротѣ.

и продолжали набожнымъ тономъ:

Тогдѣ жъ то, якъ у святій день божественный четвертокъ
Хмельницкій до сходу сонця уставѣвъ,
Шдъ гѣрѣдь Полянѣе блйжей прибувѣвъ,
Пѣшку Сиротѣ у передѣ постановивѣвъ,
У гѣрѣдь Полянѣе гостыниця подавѣвъ, и т. д.

Вмѣсто переписки съ кровавадымъ Хмелемъ, Вишневецкій дѣлалъ подѣзды да разсылалъ всюду развѣдчиковъ, наконецъ увѣдомилъ примаса, отъ (30) 20 августа, что Татары переправляются уже черезъ Днѣпръ. „Вотъ онъ, плодъ перемирія, fructus armistitii!“ (восклициалъ онъ). „Козаки берутъ у насъ города, а здѣсь памъ велѣтъ молчать и вяжутъ Республикѣ руки“.

Раздраженіе противъ Киселя раздѣляло съ Вишневецкимъ едва ли не столько же польскорусскихъ сердець, сколько съ Киселемъ — злобу сторонниковъ примиренія противъ самого Вишневецкаго. Но ни тѣ, ни другіе не смѣли высказаться открыто. Однакожъ, когда Кисель вернулся съ полкомъ своимъ къ ополченію своихъ противниковъ и поклопниковъ, никто не вышелъ и не послалъ привѣтствовать его, а одинъ изъ пановъ, Вольскій Ржемикъ, увидѣвши въ его обозѣ козаковъ-заложниковъ, схватилъ ихъ, какъ шпионовъ, передъ собственной его палаткою и велѣлъ челяди обезглавить.

Хмельницкій, вмѣсто того, чтобы послать подѣ Константиновъ „разсудительныхъ людей“, двинулся къ этому городу со всѣми своими силами. Густая туча бунтовщиковъ надвигалась медленно, предшествуемая молніями пожаровъ, которыми они истребляли папскія гумна и мельницы, чтобы отнять у непріятеля средства продовольствія.

Въ войскѣ Заславскаго было тысячъ тридцать съ небольшимъ хорошо вооруженнаго народа, но выдавашаго бои мало. Остальшую массу составляли толпы кой-какъ вооруженной челяди, которая, подъ пужду, помогала въ битвѣ папамъ, но больше смотрѣла за лошадьми, возами, кухней, и занималась опустошительною фуражировкой.

Въ старину, когда подольскіе и подгорскіе папы хаживали за Днѣстръ для борьбы съ Турками, всѣхъ плохихъ воиновъ и ленивыхъ людей отсылали бывало домой, находя ихъ помощь вредною. Съ развитіемъ богатства края, развились и прихоти походовъ, и десятилѣтніе благоденствія панскаго усыпило въ Шляхетскомъ Народѣ воинственность, и замѣнило се рѣскошной обстановкой. Въ этомъ упрекали шляхту еще Старовольскій, говоря: „Наши отцы называли себя сѣрюо шляхтою (что соотвѣтствовало козацкой *сърмомъ*), потому что не послали блестящихъ блатовъ и нурурь. Довольствовались они сукпомъ, выдѣланнымъ дома, или въ сосѣднихъ мѣстечкахъ, а доблестью да искренностью сіяли больше, нежели теперь златоглавыми да дорогими клейнодами. Не ѣдали съ кореньями, не знали вина, которое зарождасть въ насъ подагры да скорбуты, не возили въ лагерь серебра, ни золота: довольно было мѣднаго котелка да желѣзнаго рожна. Не издерживались на рысьи да соболи воротники, или на сѣрюо, украшенную драгоцѣнными камнями. У нихъ были въ цѣпѣ ремешъ да желѣзо. Не знали ни тигровыхъ, ни леопардовыхъ шкуръ, а только кирасы да папцыри. Теперь серебряные сервизы, теперь соболи киреп, подшитые золотыми табилами; теперь вышитые чапраки, кисти съ запонами, а сердце заячье, глаза хорьковые, ноги олени. Погибла смѣлость, погибло мужество, а излишество наслажденій, къ которымъ привыкли мы дома, подѣлало насъ бабями.

Но чѣмъ больше теряла шляхта смѣлость и мужество, тѣмъ больше привыкла она къ излишествамъ наслажденій, тѣмъ больше развивалась въ пей безпощадность къ беззащитнымъ и убогимъ людямъ во время ея походовъ. Вотъ и теперь львовскій архидиаконъ жаловался пріятелю: „Хоругви идутъ безпрестанно изъ Перемышльскаго и Сендомирскаго повѣтовъ. Волонтеровъ также много. Уже шляхетскія и королевскія села обращаются въ ничто; изъ моихъ мужики бѣгутъ, бросая дома. Господь Богъ знаетъ, чтѣ съ нами будетъ“.

Все это было хорошо извѣстно Хмельницкому. Зналъ онъ и триумвировъ панскихъ, изъ которыхъ Заславскаго прозвалъ, въ своемъ козацкомъ обществѣ, пуховикомъ, по малорусски *перимю*, Копецпольскаго—ребенкомъ, или *дптѣною*, а Остророга схоластикомъ, или *латиною*. Ему былъ страшенъ одинъ Вишневецкій, тотъ пото-

мокъ буйтура Байды, сохранившій всё крупныя черты знаменитаго предка. Но въ панскихъ радахъ господствовала унаслѣдованная Сарматами отъ Варягоруссовъ рознь, и на нее разсчитывалъ Хмельницкій больше, нежели на свои добытныя у паповъ гарматы и гаковницы, на свои громадныя пушки Сироты, на свои *квантныя* и *босмы* возы и на подпаваемыхъ передъ битвой козаковъ. Разсчитывалъ онъ на эту рознь больше, нежели даже на татарскую помощь.

Выиграть время и перессорить пановъ, эти двѣ задачи выполнялъ онъ съ такимъ стараніемъ, съ какимъ Кисѣль хлопоталъ объ умиротвореніи козаковъ. „Ни слыть въ дѣлѣ отцовскомъ“ (писалъ Кисѣль къ Хмельницкому), „ни слуга—въ панскомъ не могъ принимать столь горячаго участія, какое принималъ я въ этой несчастной кровавой усобицѣ Запорожскаго Войска съ Рѣчью Посполитою. И сколько за это вытерпѣлъ колкостей и презрительныхъ толковъ, это знаютъ не только въ Польнѣ, но и въ чужихъ краяхъ“.

Дѣйствительно объ его разномысліи съ княземъ Вишневецкимъ выросъ уже такой чудовищный слухъ: будто бы Вишневецкій требовалъ отъ него объясненія въ трехъ пунктахъ, именно: 1) Кисѣль де публично объявилъ, что козаки обѣщали отдать въ его распоряженіе 15 000 своего компаньика; 2) каждый козакъ обязался уплатить ему по талеру; 3) козаки паняли 8.000 Татаръ, которые помогутъ ему овладѣть польскимъ престоломъ.

Это писалъ (въроятно, къ „шведскому королю“ Яну Казиміру) будущій проповѣдникъ его, доминиканецъ Цѣклинскій. Умоизступленіе разновѣрцевъ дошло до того, что разсказывали, будто самъ Хмельницкій желалъ примиренія, но Кисѣль умысленными проволочками довелъ до войны.

Ученѣйшій, хотя вовсе не мужественѣйшій, изъ паповъ, коронный подчашій, а цыфъ и региментарь, Николай Остророгъ, выразилъ свое разномысліе съ партіей миротворцевъ, и поддержалъ самаго виноватнѣйшаго можновладника, князя Вишневецкаго. Онъ писалъ къ подкапцлеру Лещинскому отъ 3 римскаго сентября: „Что касается переговоровъ Хмельницкаго, то въ нихъ тайну составляетъ то, о чемъ Кисѣль говоритъ вслухъ, что даже на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ (*etiam iniquissimis conditionibus*) надобно помириться: въ противномъ случаѣ Рѣчь Посполитая погибнетъ. Я же думаю такъ, что миръ здѣсь невозможенъ, не только честный, но и безчестный. Никогда это хлопотство не держало даннаго слова (*fidem datam*), а теперь, надменные побѣдоу, тѣмъ меньше будутъ его держать. Лишь только исчезнетъ

эта общая готовность къ войнѣ, они опять взбунтуются, и тогда послѣдняя, будутъ горша первыхъ (*вѣдъ posteriora pejora prioribus*)“.

„Но чѣмъ рѣшительнѣе поддерживали паны Русина-католика, видѣвшаго спасеніе Польши въ ожесточенной войнѣ, тѣмъ упорнѣе стояли другіе за Русина-православника, готоваго на самый постыдный миръ, лишь бы сохранить ся цѣлостью. Панаское царство раздѣлилось на ся, и, по евангельскому суду, должно было погибнуть.

Приближаясь къ разъединенному панаскому становищу, лицемѣръ козакъ продолжалъ пѣть все ту же пѣсню, которою выманилъ уже время у премудраго Киселя и у почитателей его краснорѣчія, его политическаго глубокомыслія. Пенавистнаго козакамъ князя Ярему не могъ онъ ни обмануть, ни убаюкать. Онъ подрывалъ только его софѣты, уничижалъ его высокія доблести. Онъ манилъ панаповъ готовностью къ примиренію, и вооружалъ противъ энергическаго полководца польскихъ гуманистовъ, какъ противъ единственной причины остервененія козаковъ. Отъ 29 августа писалъ онъ къ Адаму Киселю и его товарищамъ:

„...Помня о своей христіанской крови, чтобы не лилась уже больше, и чтобы неприятель не радовался со стороны“ (намекъ на Москву), „мы и сами возвратились было вспять, какъ и Татары. По князь его милость Вишневецкій несправедливо порывался на насъ, и не только производилъ надъ нашимъ христіанскимъ народомъ, падъ девинными душами тиранство и жестокости не похристіански и не порыцарски, но и духовныхъ нашихъ вельѣлъ посаждать на колья. Не дивно намъ, когда бы это дѣлалъ какой-нибудь простакъ, въ родѣ Бривопоса, съ нашей стороны, которому мы не позволяли никакого грабежа и не давали позволенія на разрушеніе городовъ и поджоги,— пускай бы онъ не умѣлъ съ этимъ совладать; но мы видимъ передъ собой въ нихъ обонхъ не одинаковыхъ людей“.

„Далѣе Хмельницкій хвалился милосердіемъ къ плѣнникамъ и предлагалъ открыть мирные переговоры для Божіей хвалы немедленно, такъ чтобы войска стояли въ это время вдалекѣ одно отъ другаго, подобно тому, какъ и въ прежнія времена отиравлялась коммиссія, сопровождаемая великими почтами.

Противъ этого возставали тѣ, которые полагали, что „при обиаженной саблѣ быстрѣе идутъ переговоры“, присовокупляя тутъ же, что *Кисель* былъ такою же *Божіей карой* для Шляхетскаго Народа, *указъ* и *самъ Хмельницкій*. „Кто знаетъ“ (раздавались голоса), „не изрекасть ли онъ уже нашей отчизнѣ пеминуемую погибель (*certum periodum*)“?

Между тѣмъ „człowiek wielkiego dowcipu“ расположилъ свой таборъ у мѣстечка Пилявцы, занялъ пилявецкій замочекъ, который шляхта называла курятникомъ, и первымъ его дѣломъ было — обратиться съ глубоко почтительнымъ письмомъ къ Заславскому, яко къ единственному вельможѣ, отъ богатства, могущества и разума котораго зависѣло умиротвореніе козаковъ. Старая лисица доносила старой ворожѣ смиренно, что козаки совсѣмъ не желаютъ вести междоусобную войну, что они готовы повиноваться и просятъ ясно освѣщеннаго князя разсудить ихъ, уладить возникшее между Запорожскимъ Войскомъ и Рѣчью Посполитою несогласіе, и что онъ постановить, они обѣщаютъ исполнить его рѣшеніе всепокорнѣйше.

Князь Доминикъ представлялъ вѣрный снимокъ безхарактернаго своего дядюшки, князя Василя. Въ своей деклараціи на каптуровый сеймъ, какъ мы помнимъ, совѣтовалъ онъ не давать амнистіи козакамъ, такъ какъ это, по его словамъ, не представляло панамъ ни пользы, ни чести; а теперь, когда Хмельницкій пришелъ „отдать ему поклонъ лично со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ“, онъ былъ миролюбивѣе самого Киселя. Такъ и „святопамятный“ нашихъ историковъ сперва грозилъ собрать пятнадцать, даже двадцать тысячъ войска на защиту православія, а потомъ отдалъ „яровитому католику“ въ жертву грека Никифора, помирился съ поборщиками уни и совѣтовалъ православникамъ „терпѣть, терпѣть и терпѣть“. Князь Доминикъ увлекся ролью примирителя двухъ противоположныхъ стремленій, все равно какъ тотъ мечталъ о соединеніи двухъ несоединимыхъ церквей. Воображая, что дѣлаетъ великое дѣло, князь Доминикъ дался въ обманъ питомцу ярославскихъ іезуитовъ, котораго игра житейскихъ столкновеній перевела изъ панскаго лагеря въ лагерь панскихъ завистниковъ. Католическому представителю знаменитаго дома князей Острожскихъ всего интереснѣе было — посредствомъ пощады молящихся о помилованіи козаковъ, сохранить за католиками обширныя владѣнія свои, которыхъ не умѣлъ сохранить за православными превозносимый нашими разумниками до небесъ „начальникъ православія“.

Въ этомъ особенно поддерживалъ его Кисель, присоединившійся къ его войску послѣ неудачныхъ попытокъ повидаться съ Хмельницкимъ. Кисель потерялъ 100.000 злотыхъ годоваго дохода и остался при 400.000 долга, которымъ онъ обременилъ себя, проталкиваясь между полумагнатовъ на правительственныя высоты. Славный ораторскимъ искусствомъ, онъ въ кругу царей можновладчиковъ занималъ мѣсто Гомерова Нестора, или, вѣрнѣе, Улисса. Для слуха пановъ-доматоровъ —

Рѣчи сладчайшія меда изъ усть его вѣщихъ ялися,

и всегда онъ предлагалъ свои услуги тамъ, гдѣ надобно было дѣйствовать не столько силою, сколько хитростью, по собственнымъ словамъ его, non vi, sed consilio. Теперь совѣтовалъ панамъ *воевать*, но не *сражаться* съ козаками. По его мнѣнію, медлительною проволочкою времени можно было достигнуть вѣрнѣйшей побѣды и прочнѣйшаго мира

„Къ чему отваживаться на опасности“ (говорилъ онъ), „когда можно побѣдить безъ кровопролитія? Только безумный запирастъ быстрый источникъ, когда бѣгъ его можно отвести другимъ образомъ. Послѣдуемъ лучше разсудку, нежели страсти. Воспоминанія о Желтоводскомъ и Корсунскомъ пораженіяхъ, мнѣ кажется, должны удерживать насъ отъ стремленія къ новой бѣдѣ, когда можно побѣдить средствами мирными. Довольно будетъ показывать *готовность* къ войнѣ. Этимъ однимъ можно укротить волненіе. Лвимъ бунтовщикамъ милость, дадимъ имъ опомниться, — и они пожелають вернуться къ прежнему долгу повиновенія, такъ какъ будто содѣянные ими преступленія произошли противъ ихъ воли. А если дерзость ихъ будетъ такъ упорна, что они пренебрегутъ мирными нашими предложеніями, то любовь къ роднымъ и врожденная человѣку необходимость домашней жизни всё-таки заставятъ ихъ войти въ прежнее спокойное состояніе“.

Такъ проповѣдывалъ панскій ораторъ, соединившій краснорѣчіе Нестора съ хитроуміемъ Улисса. Къ сожалѣнію, рѣчь его дошла до насъ по книжному пересказу современниковъ. Но всё-таки въ ней виденъ Кисѣль съ его риторическимъ остроуміемъ и тупымъ взглядомъ на дѣло. Отвѣтъ на нее Вишпевецкаго, присутствовавшего на военномъ совѣтѣ, также пересказанъ по-книжному, но въ немъ сохранились черты ума и героизма Байдича. Онъ возразилъ обольстителю доматорскаго слуха такъ:

„Я согласился бы съ вами, господа, когда бы у козацкой сволочи было столько совѣсти, сколько дара краснорѣчія у тѣхъ, которые только что передо мною говорили. Неужели бунтовщики удовлетворятся нашими несчастіями и пашею кровью? Это просто мечта, а не разсужденіе. Начатое дѣло можетъ кончиться только гибелью одного изъ противниковъ. Намъ совѣтуютъ вести войну безъ битвы. А если неприятель самъ нападетъ на насъ? Уклоняться, говорятъ намъ. Это значитъ: мужики будутъ тѣспить наше войско, преграждать намъ путь, не пускать нашихъ лошадей на пастбища, отнимать зачасы, устраи-

вать засады, а мы будемъ терпѣть, сложа руки, и марать бумагу въ мирныхъ переговорахъ, а на Русской Землѣ будетъ литься шляхетская кровь. Душа возмущается отъ безчестной мысли: изъ-за украинскихъ берлогъ согласны отдать на разореніе средину королевства. Если хотите побѣдить, то побѣждайте смѣлостью. Надобно теперь ударить на козаковъ, пока Орда еще только переправляется черезъ Днѣпръ. Отъ одной быстроты зависитъ спокойствіе Рѣчи Посполитой. Не давши битвы, и не думайте о мирѣ. Вспомните Переяславъ, Кумейки, Старецъ. Тамъ вы побѣждали враговъ смѣлостью и мужествомъ"... *)

Панское общество было не въ силахъ соединиться ни въ томъ, ни въ другомъ возрѣшніи. Два Русица тянули созданное Поляками и псевдогосударство одинъ за лѣвую, а другой за правую руку, въ то самое время, когда третій Русицъ мѣтилъ ему въ сердце: триумвиратъ, и импровизированный судьбою, въ виду триумвирата, придуманнаго сеймомъ. Но представители Шляхетскаго Народа чуяли опасность раздѣльности своей въ виду непріятеля, и старались по крайней мѣрѣ соединить боевыя силы свои въ одномъ пунктѣ. Кіевскій воевода Тишковичъ сдѣлался посредникомъ между двумя князьями. Вишневецкому не нравилась та роль, которую Заславскій позволялъ играть въ своемъ войскѣ Самуилу Лащу. Онъ требовалъ, чтобы Заславскій удалилъ отъ себя Лаща. Заславскій выказалъ въ этомъ случаѣ строптивость, нападавшую иногда иекстати и на его православнаго дядюшку. Вишневецкій оглыталъ ему тѣмъ же, когда къ нему явилась депутація изъ гетмаискаго лагеря. Наконецъ соединенныя старанія Тишковича, Остророга и Александра Конецпольскаго привели двухъ полякующихъ князей Русичей къ тому, что они расположили свои лагеря одинъ вблизи другаго, надъ озеромъ Човганскимъ Камнемъ.

Здѣсь было получено извѣстіе, что непріятель овладѣлъ Константиновымъ. Оно заставило Вишневецкаго прекратить всѣ споры **) съ панскимъ фельдмаршаломъ. Пригодился теперь и вихреватый Лащъ: его послали въ первомъ подѣздѣ противъ козаковъ съ 1.500 человекъ.

Сентября 13 (3) панскій лагерь двинулся на Корчовскія Поля:

*) Эту рѣчь вкладывалъ въ уста Вишневецкому и Костомаровъ. Но у него не спросила критика: какъ могъ Вишневецкій, въ такой важной для него моментъ, называть *пораженіе* Конецпольскаго подъ Переяславомъ *побѣдою*? (См. т. I моей книги, стр. 165, примѣч.). Впрочемъ, она ни о чемъ подобномъ у него не спрашивала, доводящая тенденцію сказокъ его.

**) „Umogiono wszystkie kondycye“, сказали въ обозномъ дневникѣ.

и расположился въ полумилѣ отъ комиссарскаго становища Киселя. Не довѣряя „Русну“ и его „схизматикамъ“, старались подставлять его подъ козацкую силу отдѣльно, — тѣмъ больше что онъ хвалился своимъ ученичествомъ въ походахъ великаго Жовковскаго и, проповѣдуя миръ, выставялъ себя воиномъ неустрашимымъ.

Сѣѣстныхъ припасовъ было у пановъ много *). Наилучшій вольт стоилъ 4 злотыхъ, яловица—2, барабанъ—16 грошей, вебрь—12, гарнецъ нива—6, меду—16, кварта водки—20. Много было въ распоряженіи пановъ овса и стоячаго и скошеннаго, и въ копахъ, а въ скирдахъ былъ большой запасъ даже трехлѣтняго хлѣба. Но печеный хлѣбъ составлялъ самый дорогой продуктъ, потому что желѣзо было повышуту изъ мельницъ, да и то привозили издалека „базарники“.

Начало Пилявецкой войны (если можно ее назвать войною) не было ни пугающимъ по обстоятельствамъ, ни трусливымъ по расположенію духа въ панскомъ войскѣ. Оно могло бы пугать развѣ тѣхъ, которые собрали бы воедино а priori всѣ элементы готовившейся панники, какъ это можно сдѣлать намъ а posteriori. Злая судьба даже польстила панамъ, и завлекла впередъ уснѣхами, если въ этомъ не было военной хитрости со стороны козацкаго гетмана.

Въ Константиновѣ засѣло тысячъ пять козаковъ. Къ городу было возможно приступить съ одной только стороны. Панскій отрядъ, человекъ до 5.000, съ 6-ю пушками, думалъ, что козаки будутъ оборонять переправу черезъ рѣчку Пилявку въ Россоловцахъ, въ 2-хъ миляхъ отъ Константинова. Но переправа оставалась незапятою. Предводителемъ отряда былъ Остророгъ, постоянный начальникъ авангарда: сего-то, яко *Латину*, и хотѣлъ, какъ видно, провести первымъ успѣхомъ Хмельницкій. Завявъ переправу въ Россоловцахъ, Остророгъ сбилъ козаковъ съ другихъ переправъ, въ Гирявѣ и Кузьминѣ, а потомъ пошелъ подъ Константиновъ, гдѣ уже начали бой съ козаками отряды Конецпольскаго и Лаца. Къ нему присоединился и князь Вишневецкій. Охотниковъ пановъ прибывало все больше и больше. Козаки дрались мужественно и, повидимому, рѣшились отстоять городъ. Но наступившая почъ прекратила „пробу“ панскаго оружія.

Заинтересованный уснѣхами своего авангарда, Заславскій двинулся всѣмъ лагеремъ на сю сторону рѣчки Пилявки. Огромность его

*) Въ отвѣтъ на рѣчь Киселя заставили Вишневецкаго говорить о недостаткѣ запасовъ и т. п., тогда какъ обозный дневникъ (неизвѣстный современнымъ историкамъ) показываетъ противное. На этомъ основаніи я исключилъ изъ рѣчи Вишневецкаго, очевидно постороннюю, вставку.

табора и масса сопровождавшей наповъ челяди не дали ему перейти за Россюловскую переправу. Онъ провелъ ночь у Россоловцевъ. Но завязтые защитники Константинова, очевидно, маня пановъ на невыгодныя для нихъ становища, не дождались приступа, и 16 (6) сентября бѣжали изъ города. Кто не успѣлъ бѣжать, всѣхъ тѣхъ жолнеры вырубилъ до поги, но много ли погубило козаковъ, неизвѣстно. „Страшное опустошеніе города и языческая профанція костеловъ“ (пишетъ участникъ избіснїя отсталыхъ) „не позволили никому щадить ихъ. Не пашли мы ниодного цѣлаго распятїя Christi Domini: всѣ были исколоты, изрублены, прострѣлены. А люди, какъ будто съ того свѣта, полуживые, измученные тиранскими руками и голодомъ, встрѣчали насъ плачемъ, опираясь о стѣны. Это такъ раздражило войско, что оно было готово броситься въ одинъ часъ на этихъ язычниковъ“.

Въ такомъ раздраженїи, подъѣздъ Коцепопольскаго паскочилъ на 2.000 козацкаго подъѣзда и ударилъ на него такъ стремительно, что только остатокъ спасся въ заросляхъ, насколько вообще слѣдуетъ полагаться на реляціи людей, заинтересованныхъ въ дѣлѣ боя. Жолнеры взяли въ плѣнъ козацкаго писаря-шляхтича и челоувѣкъ 15 козаковъ. Отъ нихъ паны узнали, что Хмельницкій презираеть (сop-temnit) панское войско, воображая, что оно состоитъ изъ 7.000 шляхты, остальные же люди въ немъ — Жиды (то-есть трусы). Такъ и долженъ былъ представлять Козацкій Батько своимъ дѣтямъ панское ополченїе. „Это козацкое гультайство“ (писалъ нанъ пану изъ-подъ Константинова отъ 18 (8) сентября) „лежитъ всего въ полуторѣ миляхъ отъ насъ на Пилявецкихъ Поляхъ, и надѣется на Орду; но мы, дастъ Богъ, предупредимъ ее *застра*“.

Отъ 19 сентября писалъ кто-то изъ обоза за Константиновымъ: „Теперь только начнется у насъ война. *Застра* наступимъ на непрїателя, который приготовился принять насъ подъ Пилявцами. Всюду у него лѣга, фортели (естественная защита) и тяжелыя для насъ переправы. Хотятъ (полководцы) всюду нами (конницею) затыкать дырья. Правда, конный пародъ у насъ добрый, но пѣхоты мало, и навели всякаго сброду: обманули (вербовщики) Рѣчь Посполитую. Комиссаровъ у насъ множество, рады мало; соперничество и приваты большїя. Непрїатель собираеть у фортелей безчисленное множество хлопства и *ежечасно ждетъ великой Орды*. Войны не намѣренъ обанчивать, а протянуть надолго: такїя и диспозиціи дѣлаеть. Наше довольно порядочное войско презираеть, несмотря на его многочисленность. Въ поле выйти не хочеть; мы должны на него наступать. Кисѣль насъ обманулъ. Прежде мы не догадались, и время ух-

дило. Хотѣлъ уйти отъ насъ на Волюнь съ своимъ полкомъ, но его задержали... Никто у насъ не смотритъ на вождей; каждый поступаетъ по своему. Нѣкоторыя хоругви только что пришли, а уже отказываются служить: спѣшать назадъ домой. Четверть истекла въ переходѣ. Мы же, хоть и давно уже въ обозѣ, и не всѣ деньги получили, по хотимъ служить“.

Подъ Константиновымъ продовольствіе было уже не то, что у Човганскаго Камня. Отсюда писали въ Варшаву, что хлѣбъ и напитки достаютъ жолперы съ трудомъ. Боченокъ пива стоитъ 20 злотыхъ, но яловица—1 или 2 злотыхъ, а конь 3 злотыхъ, потому что печѣмъ кормить: „сѣва, овса *ragim*“. Хмельницкій, какъ видимъ, переманилъ „ясно освѣщеннаго князя“ съ его нелѣпымъ многолюдствомъ въ страну опустошенную, а *фортели*, которыми козаки всегда умѣли пользоваться, дѣлали нападеніе на него опаснымъ; ожидаемый же имъ „счастливо“ приходъ Орды не давалъ панскому фельдмаршалу времени осмотрѣться и расположиться.

Между тѣмъ блаженному миротворцу, Киселю, чудилось, что только чернь удерживаетъ Хмельницкаго отъ мировой съ панами, и онъ писалъ къ познанскому бискупу, Андрею Шолдрскому, что въ козацкомъ таборѣ доходило до кровопролитія. Между панами ходилъ даже такой слухъ, что Хмельницкій убитъ въ таборномъ замѣшательствѣ, а нѣкоторые утверждали, что онъ бѣжалъ съ 12 000 комонника.

Что въ козацкомъ таборѣ, при отсутствіи Орды, могли возникнуть смуты въ виду неожиданно громадной панской арміи, это весьма вѣроятно; но до бѣгства Хмельницкаго было еще далеко. Между тѣмъ у Киселя былъ на умѣ Остряница, покинувшій козацкій таборъ на Сулѣ, и самъ Хмельницкій, бѣжавшій передъ его глазами, въ составѣ комонника, изъ-подъ Кумеекъ.

Охотно вѣрилъ Киселю почтенный бискупъ. Еще охотнѣе вѣрили въ Замостьѣ прилетѣвшей туда вѣсти, будто бы *przed Świętym Mateuszem* (слѣдовательно 21 (11) сентября) въ битвѣ съ козаками паны положили ихъ 20 000 на мѣстѣ, а остатокъ преслѣдуетъ князь Вишневецкій комонникомъ. Злая судьба Польши подсовывала ей радостныя вѣсти какъ разъ паканупѣ катастрофы, которая не имѣетъ подобной въ исторіи паники.

Дѣло въ томъ, что, пытаясь выманить Хмельницкаго на бой изъ фортелей, которыми онъ былъ окруженъ надежныѣе всякихъ редутовъ, влосчастные триумвиры расположили свое войско такъ неудобно, какъ только онъ одинъ могъ бы имъ посоветовать,—*in loco quodam nostris iniquissimo* (писалъ знатокъ дѣла). Панскій обозъ, то-есть лагерь,

занималъ пространство въ польскую милю въ окружности, а пѣхоты хватало въ немъ едва на половину окружности. На этомъ прогяженіи были долины, озера и т. п., которыхъ окопать не было возможности никоимъ образомъ, а непріятелю, при его природной способности (*pro calliditate ejus naturae*), представляли они много мѣстъ для вторженія. Повелѣвали въ паискомъ войскѣ три полководца, и каждый—по собственному усмотрѣнію, а что хуже всего—каждымъ руководило или соперничество, или самолюбіе, какъ это естественно должно было быть при такой сложной власти, „а особливо“ (замѣчаетъ откровенно писавшій) „въ нашихъ польскихъ душахъ (а *z właszcza i naszych polskich animuszach*).... Не видѣли этого наши правоправящіе, *Ordines Regni*,“ (продолжаетъ онъ), „когда назначали этотъ фатальный триумвиратъ... Въ мирное время мы говорили бы и писали *ихъ милости*, по въ общей бѣдѣ каждому позволительно и чувствовать, что хочетъ, и говорить, что чувствуетъ.... Повѣтовля хоругви не хотѣли подчиняться власти региментарей; каждый полкъ обращался къ своему полковнику, и потому въ обозѣ не было ни правильной стражи, ни упорядочныхъ подѣздовъ“.

По письму Остроорога къ Лещинскому отъ 18 (8) сентября, региментарей сильно беспокоило загадочное обстоятельство, что хотя непріятель „чуялъ надъ собой войско“, однакожь въ тылу у нихъ появлялось много бунтовщиковъ“... „Поэтому“ (писалъ онъ) „пришлось намъ десятка полтора сотенъ людей послать на Водынь и столько же пазадъ къ Трембовли, чгобы погромить эти купы и обезопасить Львовъ“.

Двумя недѣлями раньше онъ же писалъ къ Лещинскому, что у Хмельницкаго, по слухамъ, 180.000 войска, въ томъ числѣ 20.000 пѣхоты. „Это еще бы ничего“ (замѣтилъ онъ); „лишь бы у насъ немного прибавилось войска, а только (одно для насъ важно): *чтобы къ нимъ не приходили Татары*.“

Все это элементы готовившейся папки, и то еще не всё.

Мы видѣли, какъ сильно напиралъ Вишневецкій, чтобъ ударить на Хмельницкаго *до его соединенія съ Татарами*; а писавшіе изъ лагера къ своимъ пріятелямъ вояки только о томъ и молили Бога, чтобы дружнымъ наступленіемъ *упредить Орду*. Изъ того, что Хмельницкій забрался въ такіе фортели, видно, какъ онъ это предусматривалъ.

Первая проба счастья подъ Пилявцами открыла знатокамъ воеводу, паго дѣла и то, что позиція Хмеля неприступна, и то, что онъ хочетъ затянуть войну надолго, а что всего важнѣе—они видѣли опасности собственной позиціи, соединенныя съ лагерной неурядицей. ;

Всѣмъ и каждому въ панскомъ обозѣ было извѣстно, что козаки ждуть къ себѣ Татаръ ежеминутно. Видя непреодолимые фортели непріятели и „боясь прихода Орды“, нѣкоторые изъ членовъ военной рады (а ихъ официально было 24) совѣтовали Заславскому остаться за рѣчкою Пилявкою, и лучше „наводить непріятели на свои, нежели нападать на его фортели“. Но большинство рѣшило двинуться впередъ. Здѣсь тотчасъ началась борьба съ козаками за воду. Одну греблю на Пилявкѣ паны три раза брали приступомъ и теряли, пока наконецъ очистили берега копницей, переправя ее подъ непріятельскимъ огнемъ. Это было во вторникъ 22 (12) сентября. Отступленіе козаковъ къ табору подняло духъ въ панскомъ войскѣ. Но неудобная мѣстность смущала знатоконъ дѣла, чего они, конечно, не скрывали отъ профановъ. Каждый полковникъ становился, гдѣ хотѣлъ. Шапцы, стражи, пушки, походные возы тѣснили войско, не представляя обороны. Въ смутномъ предвидѣніи бѣды, regimentари стали совѣтоваться въ военной радѣ, куда бы перенести лагерь. Въ совѣщаніяхъ и церѣшности засталъ панское воинство вечеръ... Передъ закатомъ солнца пришли къ Хмельницкому Татары. То, чего „боялись“ и что надѣялись „упредить“, совершилось, по милости мѣшкотнаго *застра*.

Козаки привѣтствовали своихъ побратимовъ пушечной пальбою, — и настроеніе духа въ панскомъ войскѣ перемѣнилось. Представители Польши, собравшіеся подъ Пилявцами, подготовили себя къ паникѣ.

Въ среду 23 (13) сентября начались опять гарцы и стычки; но если до сихъ поръ Заславскій не рѣшался — да и не сумѣлъ бы — наступить на Хмельницкаго всѣми своими силами, то теперь и того меньше. Паны, какъ и прежде, ограивались только тѣмъ, что (какъ писалъ одинъ изъ нихъ же) „показывали непріятели свое блестящее войско, построенное въ боевой порядокъ, съ намѣреніемъ привести его страхомъ къ покорности“. Но разсказу того же участника Пилявецкой кампаніи, въ панскомъ лагерѣ еще въ воскресенье былъ слухъ (которому вѣрили и послѣ бѣгства), будто бы козацкая чернь хотѣла уже выдавать старшину съ мольбой о помилованіи. Отъ этого слуха паны расхрабрились до такой степени, что въ понедѣльникъ намѣревались дать залпъ изъ „сотни пушекъ“ (столько у нихъ и не было) и штурмовать козацкій лагерь вмѣстѣ съ его „курятникомъ“. Но не Заславскому съ его регуляторами было вдохновить войско, какъ одну душу, рѣшительнымъ движеніемъ. Ни дикая отвага такихъ людей, какъ Лацъ, ни воинственный энтузіазмъ такихъ, какъ Гишисвецкій, не могли этого сдѣлать подъ предводительствомъ правдивно убогаго и своскорыстнаго двойника князя Василія. Бой тянулся вяло, безголовко и

привелъ войско къ тому, что оно, еще до прихода Орды, почувало неопредѣленную робость, а теперь, когда вмѣстѣ съ козаками гарцовали Татары, панская робость получила свою опредѣленность.

Пришли Татары! эти слова, передаваемые изъ устъ въ уста, значили: пришли истребители короноваго войска въ Дикихъ Поляхъ и падъ рѣкой Росью,—пришли тѣ, которые повели въ неволю побѣдителя козаковъ подъ Кумейками и па Старцѣ.

Но Орда пришла въ незначительномъ числѣ. Къ Хмельницкому вернулся сынъ Тимошъ, и привелъ 4000 Татаръ, подъ начальствомъ Карачъ-бса. Тѣмъ не менѣе панское войско „упало духомъ (*straciło serce*)“⁴. По разсказу Адама Киссля, который, подобно номпичъ, былъ не точенъ въ реляціи о своемъ гоцинскомъ погребѣ, региментари и полковники стали совѣтоваться въ полѣ па коняхъ, „что дѣлать далѣе“. Когда дошла очередь до него, онъ, вслѣдствіе и велемудрый всегда, предложилъ три совѣта: или „удариться всѣми силами о непріятеля“, по это, по его мнѣнію, была опасная крайность; или стоять всю ночь въ босномъ порядкѣ, а лагерь перенести подъ Константиновъ и, тамъ окончившись, бороться съ непріятелемъ выносливостью (*rójść na wytrwałą z nieprzyjacielem*); или же, „взявшись за руки“, отступить таборомъ, а не то (это Киссль спряталъ въ самомъ концѣ своей рѣчи), *бросивши оозы (wozy porzuciwszy)*, брать что позначительнѣе па лошадей да (взять лучшее) изъ пѣхоты, и, такъ построившись въ порядкѣ, ударить па одну Орду, отдѣлать ее отъ козаковъ и... здѣсь уклонился онъ отъ слова *бѣжать*, и замѣнилъ его хитроумно словами *собраться съ силами (resumere vires)*.

Такъ писалъ Киссль оффиціально. По буквальному смыслу его словъ, онъ бѣжать не совѣтовалъ: онъ совѣтовалъ только *resumere vires*, а „для красоты слога“ прибавилъ *ударить па Орду...* Но въ словахъ *бросивши оозы* сказано было все... *) „Послѣдній совѣтъ (продолжалъ свою реляцію ученикъ великаго Жовковскаго) понравился всѣмъ (*miał aplausum od wszystkich*), и все должно было такимъ образомъ двинуться (а пѣхота-то?) до наступленія дня. Но, когда наступила ночь, не вѣдаю, какой послѣдовалъ совѣтъ, что ихъ милости тотчасъ пустились компникомъ, бросивши всѣхъ и таборъ. Мнѣ дали знать объ этомъ только па разсвѣтѣ. Тогда, не пѣжа мой по-

⁴) Въ подлинникѣ это важное обстоятельство изложено темповато, а именно: „*lubo wozy porzuciwszy, co znaczniejszego brać na koni i piechoty, i tak porządnie ustanoiwwszy ze wszystkiẽm przeciwko Ordzie samej, odwaliwszy ją od ozaków, resumere vires*“.

дагры, бросился я на коня и пустился съ моимъ полкомъ той же дорогою... Вотъ какъ совершилась эта несчастная трагедія! Войско бѣжало въ разсыпную днемъ и ночью. До сихъ поръ нѣкоторые очутились надъ Вислою. Въ бою не погибло больше трехсотъ человѣкъ“.

Николай Остророгъ весьма умно рассказывалъ, въ письмѣ къ подканцлеру Ланциескому, что онъ совѣтовалъ отступить таборомъ на основаніи Цецорской традиціи, переданной ему покойнымъ короннымъ гетманомъ. Но дѣло въ томъ, что триумвиры поддались паникѣ первой и побѣжали изъ лагеря опростыю, а вслѣдъ за главными предводителями побѣжали воеводы, каштеляны, комиссары, полковники, „побѣжало все“ (писать Остророгъ) „побросавъ знамена, артиллерію, таборъ и возы“.

Уносимые безуміемъ паники, жолперы бросали о земь сабли, ружья, пащыри. Нечего было дѣлать и самымъ воинственнымъ людемъ. Князь Вишневецкій, генералъ артиллеріи Артишевскій, предводитель королевской гвардіи Осицкій—должны были бѣжать за другими.

Такова панская реляція Пилявецкаго бѣгства. Козацкой реляціи вѣрить не слѣдуетъ. Козаки не знали, какъ искренно признавались въ своей трусости паны, и сочинили имъ трусость менѣе постыдную. Всего характеристичнѣе писалъ одинъ изъ пановъ бѣглецовъ, львовскій подкоморій Войцѣхъ Мясковскій: онъ увѣрялъ бензскаго воеводу Криштофа Конецпольскаго, что непріятелю въ этомъ случаѣ послужили не столько грѣхи и несчастная фортуна пановъ, сколько неслыханныя чары, которыхъ очевидность доказываютъ вѣрные знаки (*czary niesłychane z wielkiej konjektury z wiadomych znaków posłużyły*). „Ибо такой страхъ, такая констернація обняла нашихъ“ (объяняетъ почтенный воинъ), „что они летѣли во всю прыть, сколько хватило у лошадей силы, твердя, что за ними гонятся уже Татары, отъ которыхъ, по милости Божіей, ничего внезапнаго не произошло“.

Какъ именно началось псабвенное бѣгство, съ кого именно началось оно, допрашивать никто не могъ, и никому не было охоты признаваться. Довольно съ насъ того, что, по словамъ самихъ пановъ-бѣглецовъ, въ стычкахъ подъ Пилявцами пало не больше трехсотъ человѣкъ, и что Пилявецкая побѣда досталась козакамъ безъ боя. Это подтверждаетъ и повѣйшая польская исторіографія, тогда какъ нашей малорусской понадобилось дать козакамъ-героямъ кровопролитную работу подъ Пилявцами и въ два предшествовавшіе дни, и въ день великаго бѣгства *).

*) См. описаніе пилявецкаго дѣла у Костомарова, въ 4-мъ изд. „Богдана Мельницкаго“.

Козацкіе кобзари поступили еще лучше козацкихъ историковъ: последнее событіе отнесли они къ весеннему празднику Преполовенія, называемому *Правую Середю* (29 апрѣля), и воспѣли: что будто бы

..... на Праву Сѣреду
Гнали козакѣ Ляхѣвъ такъ, якъ бы череду.

Не въ козацкомъ обычаѣ было гнать бѣгущаго непріятеля, оставивъ нерасхвачанною добычу. Въ противность пословицѣ, совѣтующей стлать ему золотой мостъ, онъ самъ постлалъ золотой мостъ козакамъ въ видѣ покинутаго лагеря. На этомъ мосту козаки, яко вонны-дикари, позабыли, что Польша теперь стоитъ передъ ними, какъ говорили сами Ляхи, настезь (*otworem*), и шляствовали такъ мертвецы нѣсколько дней, что еслибъ у бѣглецовъ хватило духу на нихъ наступить, они были бы истреблены до ноги *). Вина было вышито ими въ четыре дня и четыре ночи столько, что, по словамъ современника, его хватило было мѣсяць при обыкновенномъ употребленіи.

По современнымъ извѣстіямъ паны покинули въ добычу козакамъ до ста двадцати тысячъ возовъ съ лошадьми, 80 пушекъ и на 10 миліоновъ примѣрно разныхъ драгоценностей.

Уничтоженная навикою панская армія большею частью направлялась во Львовъ. Князь Доминикъ Заславскій, гонимый общимъ раздраженіемъ противъ него всѣхъ и каждаго, проѣхалъ черезъ городъ въ закрытой каретѣ, и поспѣшилъ спрятаться въ своемъ замкѣ Разенновѣ, польскомъ замкѣ даже по имени. Въ его лицѣ, фамилія Острожскихъ за обращеніе въ католичество отплатила католикамъ вѣчнымъ позоромъ и невознаградимымъ Польскимъ Разореніемъ, превзошедшимъ Разореніе Московское.

Вся Польша возопила противъ илявецкихъ бѣглецовъ Шляхетскій народъ требовалъ казни виновникамъ не слыханной въ народахъ измѣны долгу вонна и гражданна. Но для казни столькихъ предателей отечества не хватало у нея палачей. Преступленіе осталось безнаказаннымъ по своей громадности.

Понировавъ скотски въ покинутомъ панами лагерѣ, козаки двинулись къ Збаражу, хорошо укрѣпленному городу и, не найдя въ немъ ниодной живой души, вспомнили, какъ іезуиты, руками прозвѣстнаго Купцевича, выбрасывали изъ могилъ тѣла, похороненныя не-уицтскими

*) Такъ погибла въ послѣдствіи одна козацкая армія, вся поголовно истреблена.

священникомъ. Одинъ или два случая безумнаго фанатизма, оскорбивъ чувство человѣчности, свойственное и людямъ просвѣщеннымъ, и самымъ темнымъ дикарямъ, произвели широкую молву, которая проникла даже въ землянки степняковъ, не видавшихъ отъ роду церкви, и вызвала изъ этихъ землянокъ чудовищныхъ отмстителей за чудовищное злоупотребленіе церковнаго права. Козаки Хмельницкаго, осквернивъ и разоривъ збаражскіе костелы, выбросили изъ усыпальницъ останки католическихъ папъ и епископовъ, причѣмъ досталось и трунамъ православниковъ, похороженнымъ по-пански.

Въ числѣ поруганныхъ ими усопшихъ былъ и знаменитый примиритель Польши съ Турціей, князь Криштофъ Збаражскій. По сказанію збаражскаго стихотворца, бѣжавшаго изъ объятаго ужасомъ города, самъ Хмельницкій ругался надъ прахомъ князя Криштофа и его княгини, говоря, что и мертвому льву надобно вырвать бороду. Не предчувствовалъ онъ, что разогнанная имъ отъ плуговъ и токовъ шляхта хлынетъ опять на мѣста своей колонизации, и что надъ нимъ самимъ, въ его Суботовѣ, повторится дикая расправа съ мертвымъ львомъ.

Стоя въ Збаражѣ, Хмельницкій объявилъ своей козацкой радѣ, что намѣренъ вернуться въ Украину, послать на сеймъ уполномоченныхъ отъ Запорожскаго Войска и дожидаться избранія короля. Къ этой рѣшимости привело его извѣстіе, полученное изъ Москвы. Москва вовсе не была намѣрена содѣйствовать опустошительному вторженію дѣпровской и крымской дичи въ сосѣднее государство, хотя и на варшавской конвокаціи первымъ словомъ открывшаго се оратора было *московское коварство* (*Moskiewska perfidia*). Напротивъ, Запорожское Войско получило отъ молодого царя внушеніе—пріостановить разливъ христіанской крови и примириться съ паннами. Тишайшій государь усаждалъ свои царственныя заботы мыслью, что у него нѣтъ недруга во всемъ христіанскомъ свѣтѣ, и не хотѣлъ сдѣлать Полякамъ „никакой неправды въ ихъ упадкѣ и въ безглавное тогдашнее время“.

Мысли Хмельницкаго обратились къ польскому королю, котораго избраніе завсѣло теперь отъ него. Новый, обязанный ему престоломъ, король могъ упрочить за нимъ его положеніе вѣрнѣе, чѣмъ козако-татарская орда, которой переѣзчивость относительно его особы, драгоцѣннѣйшей для него всего на свѣтѣ, свидѣтельствовали онъ своею пятитысячною гвардією. Но разлакомившіеся козацкимъ счастьемъ сподвѣжники Хмеля, не хотѣла знать ничего, кромѣ войны. Козацкая орда требовала, чтобъ онъ шелъ *кондоти* *Ляховъ* по идеѣ предисѣтвенниковъ его. Краковъ и Варшава должны бытъ разрушены! Все

панское и шляхское должно исчезнуть съ лица земли! На мѣсто шляхетской Польши пускай будетъ мужицкая Русь, а господами этой Руси должны быть козаки! Таковъ былъ идеалъ дикой силы, вызван- ной бунтомъ Хмельницкаго,—идеалъ, сочувственный донынѣ въ Ма- лороссіи недоучкамъ, недоумкамъ и политическимъ утопистамъ.

Не золотѣли козаки идти обратно въ Украину, и порывались къ Бѣлой Рѣкѣ, для основанія, по сю и по ту сторону мноючиской для нихъ рѣки, какого-то кыпчакскаго царства, съ избирательными мур- зами, членами законодательной рады. Хмельницкій не повелъ бы коза- ковъ за Бѣлую Рѣку ни въ какомъ случаѣ, имѣя въ тылу князя Виш- невецкаго, который одинъ оспаривалъ у него полное торжество надъ Шляхетскимъ Народомъ. Но теперь останавливали его и другія со- ображенія. Союзники Татары „дѣлались козакамъ сильны“, какъ вы- ражались московскіе дипломаты. Загнавшись далеко впередъ, онъ могъ очутиться въ рукахъ у хана со всѣмъ преславнымъ Запорожскимъ Войскомъ и со всей Козацкой Украиной. Чтобы дать, однакожь, ра- боту рушникамъ, готовымъ превратить всѣ государства въ подобіе „украинскихъ берлогъ“, онъ разослалъ свои полки въ разныя сторо- ны для очистки Христіанской Земли, отъ панской погани, какъ вы- ражались козаки.

Ватаги пьяныхъ варваровъ, сопровождаемыя Татарами, устре- милсь къ Дубну, Кременцу, Острогу, Луцку, истребляя все, что по- сило на себѣ печать усовершенствованной хозяйственности и печать культуры вообще. Только православные храмы да православные поны останавливали всепожирающій потокъ, но и то настолько, насколько козаки боялись раздражить своего Батька, боявшагося, въ свою оче- редь, вооружить противъ себя малорусское духовенство. Бывали слу- чаи, что хмельничане допытывались денегъ у православнаго попа по примѣру начинателя козацкой „войны за вѣру“, войсковаго писаря Гренковича. Бывали случаи обдиранья серебряныхъ шатъ съ образовъ и расхищенія найденныхъ въ церкви денегъ. Въ этомъ козаки Хмель- ницкаго, не уступая козакамъ Гренковича, обнаруживали свое род- ство съ католиками жолнерами, которые зачастую грабили католиче- скіе костелы наравнѣ съ православными храмами. Что касается ко- зацкихъ побратимовъ, Татаръ, то, среди широкихъ пустынь, образо- вавшихся на поприсѣ панской колонизаціи, козаки и сами попадали къ нимъ въ ясырь наравнѣ съ тѣми, кого они предирничали.

Съ підъ лѣцької кормыги слобонити *).

* Стихъ апокрифической думы, какихъ много сочиняли козацкіе потомки въ наше время и выдавали за старинныя кобзарскія.

Освободясь отъ пазойливости Черевійпосовъ, Нечаевъ да Морозенковъ, которые, во главѣ яростной черни, рвались къ Бѣлой Рѣкѣ, Хмельницкій направилъ путь свой по слѣдамъ ненавистнаго князя Яремы, но все не спѣшило военными дѣйствіями, какъ бы въ пасмѣшку надъ премудрымъ Киселемъ, который совѣтовалъ панамъ „воснать, но не сражаться“. Теперь онъ, можно сказать, только держался на пѣнистомъ гребнѣ девятой волны, чтобъ она не залила самого его, улекая все впередъ и впередъ, подъ бурнымъ дыханіемъ козацкаго бунта. Не осмысленныя никакимъ опредѣленнымъ стремленіемъ, кромѣ порыва къ истребленію Ляховъ до поги, волны руиннаго разбоя ужасали наконецъ степнаго шляхтича, перенесеннаго изъ круга мелочныхъ козацкихъ интересовъ на широкое поприще интересовъ общественныхъ, религиозныхъ, національныхъ и государственныхъ. Въ несожиданномъ, непривычномъ, губительномъ триумфѣ, онъ возсѣдалъ на своей всепожигающей колесницѣ, держа съ трудомъ туго натянутыя бразды козацкой завзятости. Онъ, очевидно, давалъ панамъ время оправиться и положить хоть гдѣ-нибудь, хоть на сарматской Бѣлой Рѣкѣ преграду стихійной силѣ, пока ея руинныя дѣянія не привлекали на нее оружія сосѣднихъ государей. Это была та сила, которая и подъ бунчукомъ соперника Сагайдачнаго, пьяницы Бородавки, хвалилась уже, что передъ нею трепещетъ Польша, Турція и цѣлый свѣтъ,— та вдохновенная чутьемъ своей будущности сила, коготорой, въ ея дикой стихійности, было суждено „обрушить“ могущественную тогда Польшу, дабы взяла падъ нею перевѣсъ могущественная пылѣ Россія. Хмельницкому было чего пугаться, возсѣдая на своей триумфальной колесницѣ.

Теперь онъ былъ окруженъ уже не одними грубыми противниками панскаго господства, но и такими людьми, которые могли бы служить совѣтниками завоевателю, не чуждому гражданственныхъ и экономическихъ стремленій. Многіе шляхтичи, гонимые бѣдствіями войны, или озлобленные подобно ему самому членами панскаго правительства, приняли на себя козацкій образъ и соединили невѣрную судьбу свою съ козацкою „щербатою долею“. Но, подъ вліяніемъ господствовавшаго въ козацкиѣ настроенія умовъ, главную роль между ними началъ играть буквальный послѣдователь греческой вѣры, взятый въ плѣнъ на Желтыхъ Водахъ, Выговскій. Какъ человекъ глубоко религиозный въ томъ, что относилось къ формамъ древняго русскаго благочестія, и глубоко безчестный въ томъ, что относится къ его духу, онъ сдѣлался, такъ сказать, исповѣдникомъ, духовнымъ отцомъ Хмельницкаго и вполне овладѣлъ этимъ дикимъ умомъ, осно-

важнымъ на тѣхъ зыбкихъ правилахъ долга и чести, которыя характеризовали всѣхъ просвѣщенныхъ іезуитами шляхтичей. Онъ-то, этотъ Выговскій, доиграть относительно Тишайшаго Государя ту роль, которую самому Хмельницкому не дала доиграть одна привычка къ неумѣренному пьянству. Безъ совѣта Выговскаго не дѣлалъ Хмельницкій ни одного шага. Все, что у Хмеля было двумисленнаго въ сношеніяхъ съ Поляками, Москвой, Татарами, Турками, Волохами, Венграми, Нѣмцами, принадлежало на добрую долю Выговскому. Отъ него, безъ сомнѣнія, научился Хмельницкій туманить и самихъ козаковъ, которые воображали, что правятъ своимъ гетманомъ, какъ шляхта правила королемъ, а между тѣмъ исполняли то, что было нужно ему.

Ни одной крѣпости и города не запялъ Хмельницкій по выходѣ изъ Пилявецкаго „курятника“. Города козакамъ, какъ и Татарамъ, были не нужны. Черезъ знаменитый будущую осадю Зборажъ и черезъ Старый Константиновъ прошелъ онъ, забавляясь вырыватьсь борода мертвымъ львамъ: эти города совсѣмъ опустѣли. Въ Бродахъ оставилъ онъ такую часть войска, которая была способна только опустошать окрестности, и лишь для виду наказалъ этому отряду овладѣть замкомъ, а съ городомъ древняго русскаго князя Льва, какъ увидимъ, игрался, точно съ мышью котъ, пресмыщенный уже зовитвою.

Тамъ давно началась тревога. Ополяченный съ XIV столѣтія Львовъ, эту столицу Руси и редуть отъ вѣшшняго непріятеля (*Metropolis Russiae et propugnaculum ab internis hostibus*), какъ величали его Поляки, считали они гнѣздомъ тайныхъ заговорщиковъ противъ польскаго отечества, и самый бунтъ Хмельницкаго былъ у нихъ „бунтъ Русскій (*rebellia Ruska*)“.

За педѣлю до Пилявецкаго бѣгства, львовяне вопіяли къ королевичу Каролію о защитѣ ихъ отъ непріятеля. „Уже цѣлыхъ три мѣсяца безъ остановки льется кровь днемъ и ночью“ (писали они). „Русскій бунтъ и соединившаяся съ язычниками хлонская сволочь отираютъ въ Залорожье страшныя массы награбленнаго добра, армату, пушки, порохъ, и священное, и мірское, отдають въ языческую пещеру столь многія тысячи людей. Ежедневно, ежечасно это безчестное предательство подползаетъ къ нашей крови, идетъ сюда пожаромъ уже подъ самыя львовскія стѣны. Ничего неприкосновеннаго, ничего безопаснаго, ничего обезпеченнаго! Уже и въ самомъ городѣ открываются явныя измѣны и ежедневно—ночныя заговоры. Глядя на это и видя дальѣйшую опасность, здѣшніе граждане и братья наши, бѣжавшіе сюда изъ другихъ восводствъ, думаютъ уходить отсюда,

снася жизнь, такъ какъ Рѣчь Посполитая не озаботилась никакимъ спасеніемъ и обороной этого города, и у ихъ милостей наповъ региментарей, прося покорѣйше, не вымолила и одного десятка гарнизона“.

Они умоляли королевича, чтобъ онъ оставилъ у нихъ для защиты свой полкъ, такъ какъ этотъ полкъ „или не пройдетъ къ войску сквозь Татаръ и своевольныя купы, или придетъ послѣ битвы, дай Боже счастливой“.

Извѣстіе объ этой ожидаемой съ такимъ страхомъ битвѣ вырвало у нихъ изъ груди крикъ отчаянья: „Теперь мы совѣмъ погнѣли (Zginęliśmy już totaliter!)“... „Нѣтъ никакой надежды на правителей государства, nadziei żadnej in Principibus Regni nie mamy“ (весьма вѣрно писали они своимъ друзьямъ). „Развѣ особенный промыселъ Божій будетъ спасать насъ чудеснымъ способомъ“.

„Еще 24 іюня“ (говорить авторъ письма) „предсказывалъ я, что будетъ изъ триумвирата коронныхъ региментарей: теперь предсказаніе мое исполнилось“ ..

Во Львовѣ до того были пануганы „Русскою ребеелліей“ и тѣми татарокозацкими кунями, которые могли не допустить королевичева полка въ дѣйствующую армію, что изъ Торговой Горки одинъ шляхтичъ писалъ къ другому отъ 18 (8) августа, опереживая событія, будто мѣщане сами сожгли Краковское предмѣстье, а также монастырь въ костелъ босыхъ кармелитовъ для безопаснѣйшей обороны.

Еще недавно жители Львова видѣли дивное по своей парядности войско на пути его къ Пилявцамъ. Теперь гетманы этого войска ушли ночью изъ своего лагеря, точно воры, застигнутые хозяномъ. Но ихъ слѣдамъ пришли къ столицѣ древнерусской *Владимирѣи*, перекресткованной въ *Лодомерію*, опустошители края, возстановленнаго послѣ Татарскаго Лихолѣтя безпримѣрными трудами и подвигами польскорусскихъ колонизаторовъ. Многочисленныя сермяжныя и кожанныя полчища ихъ, въ сопровожденіи потомковъ Батыевой Орды, появились подъ стѣпами Львова на смѣну блестящихъ культурниковъ. Теперь имъ не было преграды въ стремленіи за Бѣлую Рѣку. Теперь нашему Хмелю оставалось только возвеселить завзятія души Кринстофа Косинскаго и Царя Паливая разрушеніемъ Кракова, который пошадилъ какъ-то и Батый, гостя въ немъ, какъ Болеславъ Храбрый въ Кіевѣ. Но Хмельницкій не смѣлъ сдѣлать того, на чтò дерзали оба начинателя козацкихъ бунтовъ. Если онъ и не былъ умнѣе этихъ бессмысленныхъ рунниковъ, то его время поумнѣло. Не Львовъ оставилъ его, какъ это пріятно думать польскимъ патріотамъ города,

въ которомъ испарился патріотизмъ русскій и, какъ болячка, притаилъ патріотизмъ козацкій. Городъ нашего славнаго князя Льва не былъ приготовленъ къ оборонѣ иноплеменнымъ правительствомъ, обманувшимъ его надежды на „благоденственное и мирное житіе“; а муниципальная республика львовская не имѣла ни денегъ, ни оружія, ни съѣстныхъ припасовъ. Оставовила козака Тамерлана политическая комбинація, передъ которой „странённа козацька сила“ оказывалась весьма слабою.

Первые пшлявецкіе бѣглецы, прыскакавшіе къ Полякамъ, Армянамъ и Жыдамъ, подавившимъ во Львовѣ русскихъ аборигеновъ, трагически терзали на себѣ въ слезахъ одежду. Они плакали о гибели отечества, которое для огромнаго большинства ихъ заключалось въ скарбовыхъ возахъ да въ раззолоченныхъ карстахъ, да въ утраченныхъ маіонткахъ. Они громко проклинали своихъ региментарей и кричали, что непріятель идетъ за ними „въ коньто“. Отсталые въ бѣгствѣ подтверждали слова самыхъ быстрыхъ, и сѣвшили, подобно Князю Доминику, убраться подальше изъ опаснаго города. Въ домахъ и улицахъ поднялась неизобразимая суматоха. Хотѣли затворить ворота, чтобы не вторгнулся въ нихъ непріятель, — невозможно было этого сдѣлать: такъ густо одни тѣснились въ городъ, а другіе рвались изъ города, ница безопасности каждый по-своему.

Отъ Пшлявецвъ до Львова считалось 40 миль. Это пространство пролетали паны-бѣглецы въ 36 часовъ, тогда какъ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ (говорили насмѣшники) иной вельможный панъ ѣхалъ бы сюда цѣлыя полгода. Нишуренные, голодные, не знавшіе доселѣ никакой бѣды „панята“ лишились голоса.

Одни изъ бѣглыхъ пановъ приводили горожанъ въ ярость; другіе внушали участіе. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и князь Вишневецкій, который (говорили въ толкѣ) „потерялъ все, что имѣлъ“, а которому одинъ Армянинъ далъ обѣдъ и постель.

Замѣчательно, что Поляки не исключаютъ ни князя Вишневецкаго, ни Осинскаго изъ подавившихся общей паникѣ, и героя того времени изображаютъ прыскакавшимъ съ Пшлявецкихъ Полей въ одну почку. По ихъ описанію всѣ представители Польши единодушно струсили. Никто изъ тѣхъ, которые послали такія громкія имена, какъ Замойскій, Жовковскій, Конецпольскій, не сказалъ, подобно нашимъ древнимъ Русичамъ: „Мертвымъ не стыдно: лучше быть побитымъ нежели полоненнымъ“. Никто не рѣшился лечь подъ Пшлявцами костьми, чтобы не видѣть срама польскому отечеству. На мольбы мѣщанъ, чтобы не оставляли города, его жителей и святынь безъ обороны, ученый Остророгъ, чтившій традиціи великаго Конецпольскаго, отвѣ-

чалъ, что все потеряно, и что лучше отдаться на волю непріятеля, нежели отваживаться на невозможный отпоръ. Таково было могущество Хмельницкаго. Поляки думали, что ему помогали „неслыханныя чары“; но въ Москвѣ, какъ увидимъ далѣе, измѣряли это могущество нравственнымъ безсиліемъ Поляковъ.

Львовскіе торгаши оказались болѣе мужественными, чѣмъ избранники Шляхетскаго Народа, триумвиры. Составивъ собственный военный совѣтъ, они послали къ Остророгу другую депутацію съ объявленіемъ, что постановили спасать себя и спотыкнувшуюся (szwan-kujaса) Рѣчь Посполитую кровью и имуществомъ своимъ; что сдѣлають государству заемъ, дадутъ оружіе и все, что будетъ нужно для обороны. Такъ пристыдили они шляхту и пановъ, которые исключили мѣщанство изъ государственныхъ сословій своихъ. Такъ показали они, что сила общества заключается не въ привилегіяхъ, а въ разумной хозяйственности.

Скитавшіеся по львовскимъ предмѣстьямъ жолнеры соглашались продолжать службу, но не хотѣли знать региментарей, которые уходятъ изъ войска, и требовали, чтобы главнымъ вождемъ былъ назначенъ князь Вишневецкій. Этимъ они засвидѣтельствовали, что его никто не заподозрилъ въ малодушіемъ бѣгствѣ, и спасли его военную репутацію отъ пятна общей трусости.

Собралась въ костелѣ Бернардиновъ генеральная рада. Въ составъ этой рады вошли—и королевскій агентъ по козацкимъ дѣламъ, Радзѣвскій, и вѣчный банитъ инфаміе, Ланць (о Концеиольскомъ не было слышно). Кто и въ какой степени былъ тенерь инфаміе, львовскому купечеству и мѣстному шляхетству было не до того. Небывалая и неслыханная трусость представителей Польши понизила и въ самой шляхтѣ гордое сознаніе своего достоинства. Между тѣмъ непріятель всего зажиточнаго и осѣдлаго могъ, какъ думали, нагрянуть ежеминутно. Въѣстъ съ ротмистрами, ихъ поручиками, то-есть намѣстниками, и войсковыми товарищами, набралось всего въ генеральной радѣ 3.000 голосовъ.

Остророгъ сидѣлъ среди собранія, какъ осужденный на смерть. Онъ и писалъ о себѣ, что самая реляція о Нилзевскомъ бѣгствѣ равняется для него смертной казни. Между членами импровизированной рады были такіе, которые дѣлали ему въ глаза жестокіе упрёки. Но какъ ни волновалась панская рада въ своемъ раздраженіи, она все-таки была человѣчнѣе козацкой рады, которая на Старицѣ подвергла дикому своему суду полковника Филоненка.

Главнокомандующимъ избрали единодушно Вишневецкаго. Долго не соглашался на трудную и безнадежную въ настоящемъ случаѣ должность нашъ Байдичъ, наконецъ уступилъ критическому времени и страстнымъ просьбамъ собранія, но гетманскую булаву принялъ онъ только подъ условіемъ, чтобы товарищемъ его остался Остророгъ, — и собраніе тотчасъ же приступило съ просьбами къ челобѣку, котораго недавно готово было растерзать. Остророгъ не хотѣлъ пользоваться великодушіемъ князя, но его упростили остаться въ своемъ званіи, для сохраненія достоинства Рѣчи Посполитой, которая сдѣлала его региментаремъ.

Честь владычествующаго совѣтъ не честно пола велить упомянуть, что починъ прекраснаго общественнаго дѣла принадлежалъ въ этомъ случаѣ женщинѣ. Когда собралась рада, и ея первенствующіе члены затруднились, въ присутствіи поруганнаго нѣкоторыми Остророга, заговорить о перемѣнѣ полководца, — въ костель вошла смѣлая шляхтянка, Катерина Слоубская. Она повергла къ ногамъ Вишневецкаго свое имущество и серебро отъ монахинь кармелитокъ, закляная князя именемъ Бога, святыхъ патроновъ края и всѣмъ, что есть драгоценнѣйшаго въ свѣтѣ, стать во главѣ народнаго ополченія и спасать отечество. Энтузіазмъ ея овладѣлъ всѣмъ собраніемъ, и посрамленная бѣгствомъ панская честь была возстановлена какъ выборомъ достойнѣйшаго полководца, такъ и его благороднымъ обращеніемъ къ несчастному сподвижнику.

Немедленно были разосланы универсалы, сзывающіе разсѣянныя войска подъ Львовъ. Въ виду козакотатарскаго нашествія, жители не боялись давать подъ простыя расписки значительныя суммы (например, какой-то Вруховецкій далъ 14.000, а Грабянка 80.000 злотыхъ *). Костелы жертвовали своими украшеніями, женщины — драгоценностями. Въ нѣсколько дней было собрано милліонъ злотыхъ наличными деньгами и 300.000 дорогими вещами, то-есть въ 17 разъ больше той суммы, какаѣ оказалась въ Коронномъ Скарбѣ во время convocаціи. Снарядили 4.360 жолнеровъ, за невозможностью созвать больше. Остальныя деньги роздали ротмистрамъ для вербовки.

Но въ этотъ грозный моментъ Вишневецкій поступилъ такъ, какъ поступали древніе московскіе государи въ тяжкія времена нашествія Татаръ на самую столицу ихъ. Оставаться съ небольшимъ гарнизономъ во Львовѣ значило бы только — пасть подъ его развалины.

*) Одно имъ знакомо намъ по извѣстному козаку - предателю, другое — по фальшивому лѣтописцу малорусскому.

нами съ оружіемъ въ рукахъ. Съ него было мало такого подвига. Воспользовавшись испопатною тогда ни для кого медлительностью нашего Тамерлана, Вишневецкій занялъ сильную крѣпость Замостье, достойный Яна Замойскаго намятникъ, съ цѣлью преградить неприятелю путь къ столицѣ и создать новую армію. Во Львовъ прислать онъ своего ротмистра Цихоцкаго съ 50-ю драгунами, и Цихоцкій не уклонился отъ опаснаго поста. На Вишневецкаго ронгали во Львовѣ; но для насъ поватно, что онъ, принявъ булаву отъ представителей „споткнувшагося“ государства, долженъ былъ служить не одному только городу Львову.

Львовская вѣщанская республика не потерялась, однакожь, отъ этой неожиданности, какъ ни сильно возмущила она съ начала горожанъ, люди торговые вооружились лично и увеличили оставленный имъ ничтожный гарнизонъ, а во главѣ своего ополченія поставили ратмана Грозвайера. Вишневецкій поручилъ оборону Львова генералу артиллеріи, Криштофу Артишевскому, ветерану голландской службы въ Америкѣ, завоевавшему Рио-Жанейро. Это былъ родственникъ старыхъ колонизаторовъ кievскаго пограничья, владѣльцевъ мѣстечка Липоваго, оставившій родину изъ религиозныхъ несогласій. Но Артишевскій не принялъ званія коменданта, видя недостатокъ въ артиллеристахъ и съѣтныхъ принасахъ. Онъ согласился только служить опытнымъ своими совѣтами воинственному городскому ратману, до прибытія ожидаемой помощи изъ Пруссіи.

Тогдашній Львовъ заключалъ въ себѣ всего 100 домовъ, и былъ окруженъ стѣною, въ видѣ четверугольника, потовъ — рвомъ, далѣе — валомъ и наконецъ — другой стѣною, укрѣпленною 17-ю башнями. Надъ городомъ возвышался древній, такъ называемый Верхній Замокъ, построенный изъ тесаннаго камня и кирпича въ незапамятные времена, на высокой среди плоской мѣстности горѣ. Кроме того, съ юга городъ обороняли укрѣпленный монастырь, называвшійся Бернардини, съ запада тонкія болота, а съ сѣвера Нижній Замокъ, укрѣпленный сильнѣе прочихъ оборонныхъ пунктовъ.

Но въ военное время составляли важное неудобство два предместья, заключавшія въ себѣ 1.500 домовъ и домиковъ. Между предместьемъ, на западной и восточной сторонахъ, были разбросаны сады, дѣтнія купеческія жилища, пасѣки, виноградники и множество красивыхъ домовъ, костеловъ, монастырей. Здѣсь красовалась на холмѣ знаменитая русинская церковь, „Святый Юръ“. Все это пространство было обведено, въ приступныхъ мѣстахъ, валомъ, въ предѣлахъ котораго, вмѣстѣ съ городомъ, считалось 30.000 жителей.

Было очевидно, что оба предмѣстья скоро перейдутъ въ непріятельскія руки, и предмѣщане должны будутъ уходить въ городъ. Кромѣ голода, который, въ такомъ случаѣ, грозилъ уже издали городу, не меньшая опасность угрожала ему и со стороны Верхняго Замка, который находился въ такомъ же запущенномъ состояніи, въ какомъ были укрѣпленія кievскія, находились подъ воеводствомъ богатѣйшаго изъ малорусскихъ пановъ, игравшаго притомъ роль охранителя православныхъ святынь. Въ немъ помѣстили покаместъ только 50 присланныхъ Вишневскимъ драгунъ, которые могли дать непріятелю только слабый отпоръ. Занявъ столь важный пунктъ, непріятель могъ обстрѣливать городъ своими полевыми пушками и принудить къ сдачѣ. Это видѣли мѣщане хорошо, и однакожъ рѣшились обороняться.

Скоро появились козаки, въ сопровожденіи Татаръ, къ которымъ подошелъ и знаменитый Тогай-бей съ своей Ордою. Они прорвались въ предмѣстья, сломивъ мѣщанъ, оборонявшихъ валъ и частоколы. Козакамъ помогали мужики, увеличивавшіе массу панскихъ враговъ по мѣрѣ ея движенія впередъ. Предмѣщане съ дѣтьми и пожитками крылись въ костелахъ, ютились у Кармелитовъ, Бернардиновъ, Доминиканъ, у Святаго Юра, бѣжали въ Верхній Замокъ и въ городъ. У городскихъ воротъ столпились тысячи возовъ и народу, подъ защитой пушекъ, отпугивавшихъ непріятеля.

Разъяренные сопротивленіемъ и жадные добычи хмельничане бросились было уже на валы самого города, и ничто бы не остановило ихъ подавляющей массы. Но Хмельницкому было не до занятія и даже не до разоренія городовъ. Къ изумленію своихъ и чужихъ людей, онъ прекратилъ битву въ рѣшительный моментъ.

Непонятныя никому дѣйствія опустошителя Польши и вѣсегъ съ нею Руси внушали козацкимъ кобзарямъ набожные стихи:

Тільки Богъ святий знає,
Що Хмельницький думас-гадає...
Про те не знали ні джурь козацькі,
Щі мужі громадські:
Тільки Богъ святий знає,
Що Хмельницький думас-гадає...

Набожные не меньше кобзарей ксендзы изъ прекращенія битвы въ самую опасную минуту сдѣлали чудо. Передъ козакомъ Тамерланомъ явился въ облакахъ молящійся на колѣняхъ бернардинъ, въ котормъ они безъ труда узнали Świętego Jana z Dukli. Этому Св. Яну

изъ Дукли, по удаленіи козаковъ и Татаръ, воздвигли они колѣбнопреклоненную статую, существующую и нынѣ.

Не столь были счастливы львовскіе схизматики, спрятавшіеся у Святаго Юра своего, воображая, что казаки пощадятъ ихъ не только внутри православнаго храма, но и въ самой оградѣ его. Хмельницкій извинялъ „простака“ Кривоноса, который не умѣлъ совладать съ домашними Татарами своими, но теперь самъ оказался такимъ же простакомъ. Козацкая орда сперва перебила или продала ордѣ татарской тѣхъ несчастныхъ, которые столпились вокругъ Святоюрской церкви па цвѣтарѣ *). Спрятавшіеся въ самой церкви заперли двери падежными засовами. Но „борцы за православную вѣру и русскую народность“, по Косгомарову *единственные борцы*, продолбили въ стѣнахъ отверстія и стрѣляли внутрь церкви, пужды пѣтъ, что, по ихъ же кобзарскимъ думамъ, считалось великимъ грѣхомъ—не спятъ шапки передъ церковью, „домомъ Вожинмъ“ и не „положить на себя креста“. Наконецъ запертыя двери уступили козацкимъ келепамъ **).

Тогдашній львовскій поэтъ, Армянинъ Зиморовичъ, пѣвецъ полей и мирной сельской жизни, слѣдовательно другъ мѣстной Руси, освѣтилъ передъ нами въ Святомъ Юрѣ картину, напоминающую подвиги Гренковича въ „Межигорскомъ Спасѣ“.

Козаки выволакивали побитыхъ людей на паперть съ крикомъ: *Галдй! Галдй! бре, гурз!* (прикидываясь Татарами передъ небеснымъ патрономъ родной нашей Владимиріи). Когда въ алтарѣ „старый игумень“ увѣщевалъ ихъ прекратить разбой, эти ревнителі древняго русскаго благочестія, эги единственные борцы за православную вѣру, допытывались у него, гдѣ спрятаны деньги, а для большаго убѣжденія облили ему голову горілкою и подожгли свѣчками. „Гей, пробі, ***) христіане! віра! віра!“ кричалъ бѣдняга; но козаки отвѣчали съ малорусскимъ юморомъ своимъ, съ тѣмъ самымъ юморомъ, съ какимъ дарили изпаслованнымъ пляхтявкамъ алыя лепты, *чородні стрічки*: „Бѣтеньку, не трѣба намъ тедеі віры, лишѣ дідчихъ грдшей“. ****)

Такъ поступали освободители Русской Земли п съ другими единовѣрцами своими. Они считали милостью уже и то, что выворачи-

*) Малоруссы донынѣ кладбище (обыкновенно устроенное прежде вокругъ церкви) называютъ по-польски цвѣтаремъ (cmentarz).

**) Чеканамъ, которые назывались и *обузгами*.

***) Малорусское восклицаніе *пробі!* или *пробу!* заимствовано изъ польскаго *prze Bdg!* (ради Бога).

****) Дьявольскихъ денегъ. (*Дідько*—дьяволъ).

вали только карманы святоюрцамъ. На вопли о единовѣрїи они отвѣчали ирриво: „Такъ, такъ, да въ тебѣ лицыкі грѣші; іидсннг при собї найбільшихъ ііашихъ ворогївъ: до мўсно тебѣ скарґти“.

Перебивши и обобравши въ святоюрскихъ стѣнахъ жпвыхъ людей, припались козаки и за мертвыхъ: вскрывали и разбивали гробы львовскихъ борцовъ за православїе, борцовъ дѣйствительныхъ, не такихъ, какими, на посрамленїе національнаго достоинства нашего, дѣлають у насъ хмельничанъ; выбрасывали полуистлѣвшїе трушы; долбили стѣны, всюду искали спрятавшихся скарбовъ. Наконцѣ добрались и до образа Св. Георгїя. На немъ была серебряная шата. Козаки сорвали ее, приговаривая съ обычными своими *жѣртами*: „Не здивуй намъ, Святой Юру! прощай намъ за се“, и т. п. *)

Между тѣмъ другїе молодцы, оставшіе безъ работы по непонятному повелѣнїю гетмана, заняли Шемберкову (нынѣ Вронѣвскаго) гору, избрались на кровли опустѣлыхъ костеловъ и домовъ по близу городского вала, стрѣляли изъ оконъ, изъ-за угловъ, съ кровель и домовыхъ трубъ въ городъ. Жители рѣшились на отчаянную, хотя давно предвидѣнную, мѣру—сжечь предмѣстья. Ночью былъ подложенъ огонь въ ближайшихъ стрѣпяхъ, и Львовъ запылалъ вокругъ своего тѣснаго четверугольника. Непрїятель оставилъ предмѣстья, но зато дымъ душилъ осажденныхъ, а раздуваемое вѣтромъ пламя угрожало пожаромъ и самому городу. Истребленїе Львова посредствомъ огня не входило въ соображенїе поваго Батяя, такъ точно какъ и взятїе приступомъ. Татары пришли къ нему великой Ордою, и ему теперь надобно было отнустить ихъ. Пилявское бѣгство перемѣнило военный плацъ сго. Опъ привелъ сюда козацкихъ соратниковъ только для того, чтобы заплатитъ имъ польскими, жидовскими и русинскими деньгами, выжатыми изъ города, который широко слылъ богатымъ.

На другой же день по сожженїи предмѣстїй прискакалъ отъ него подъ городскїя укрѣпленїя гонецъ, держа высоко надъ головой шанку, чтобы по немъ не стрѣляли, и оставилъ воткнутый въ землю шестъ съ письмомъ написаннымъ по-русски. Хмельницкій требовалъ выдачи князя Вишневецкаго, Конецпольскаго и всей бѣглої шляхты; въ противномъ случаѣ грозилъ приступомъ, а Русиновъ увѣщевалъ, чтобы

*) Почтанїе и вмѣстѣ, поруганїе иконъ можно встрѣтитъ, еще и теперь въ Козацкомъ Народѣ (независимо отъ штунды). Считаютъ, напримѣръ, грѣхомъ ветхїй образъ сжечь. Его пускають на воду. Но иногда ставятъ въ *коморѣ*, приговаривая: „Нехай мїші лдвїть“.

они въ то время, когда городъ начнутъ грабить, заперлись въ церквахъ.

Требованіе свое подкрѣпили опъ движеніемъ на приступъ подъ предводительствомъ знаменитаго Чересійноса. Но приступъ, очевидно, былъ фальшивый, и кончился тѣмъ, что козаки перерубили водопроводныя трубы. Это Хмельницкому было нужнѣе истребленія города. Мѣщане панясаи къ нему, что ни требуемыхъ наповъ, ни шляхты во Львовѣ нѣтъ, и просили его не жаждаы пролитія христіанской крови.

Вмѣсто отвѣта на просьбу, Хмельницкій, на другой день, велѣлъ штурмовать Верхній Замокъ, теперь уже зашицаемый нѣсколькими тысячами львовянъ, подъ предводительствомъ буртграфа Вратковскаго. Былись они съ козаками мужественно, и цѣлый день отражали приступъ. Зато козаки взяли монастырь Кармелитовъ, и вырѣзали въ немъ все живое, по козацкому выраженію, до ноги.

Во время штурма было получено въ городъ и другое письмо отъ Хмельницкаго, на польскомъ уже языкѣ, съ требованіемъ выдачи Жидовъ, которые де были причиною этой войны: ибо давали деньги на вербовку жолнеровъ противъ козаковъ.

Наши историки сперва повторяли вымыслы кобзарей о жидовскомъ глумленіи надъ церквами и вѣрою, а потомъ вооружались на нихъ за аренды и откупы, которые кобзарскія думы перепосили даже на Самару и Саксаганъ. Но Хмельницкій своимъ письмомъ опровергъ козацкихъ панегиристовъ, указавъ совсѣмъ на иную причину жидонстребленія. И понамъ, и ксендзамъ, и напамъ, и Жыдамъ козаки могли повторять искренно слова святоюрскихъ героевъ своихъ: „Вѣтенку, не трѣба намъ твоєї віры, лишѣ дідчихъ грошей“.

Мѣщане отвѣчали Хмельницкому, что Жиды — тѣ же подданные короля и Рѣчи Посполитой, несущіе все издержки и подвергающіеся всемъ опасностямъ вмѣстѣ съ городомъ.

На третій день Хмельницкій прислалъ грозное требованіе, чтобы городъ приготовилъ для Татаръ 200.000 дукатовъ. Все, что до сихъ поръ дѣлалъ опъ съ городомъ, и имѣло только эту цѣль, и татарскій побратимъ не ошибся въ своемъ расчетѣ: сенатъ городской республики называлъ полученную имъ новость *счастливою* послѣ всѣхъ претерпѣнныхъ осажденными бѣдствій. Опъ просилъ у Хмельницкаго *милости*, или безопаснаго пропуса для своихъ посланъ. Съ этой просьбой отправился въ козацкій таборъ ксендзь Андрей Гункль Мокрскій, регулярный каноникъ и экзекутъ, бывшій наставникъ Хмельницкаго въ ярославскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ *).

* Шляхетская фамилія Мокрскаго существуетъ и нынѣ во Львовѣ.

Ие напрасно іезуиты воспитывали юношество въ явныхъ добродѣтеляхъ и въ тайныхъ порокахъ: такое воспитаніе приносило имъ въ житейскихъ дѣлахъ безцѣпную пользу, какъ это было и въ настоящемъ случаѣ. Мокрекій принесъ отъ Хмельницкаго самый благопріятный отвѣтъ. Тогда немедленно были отправлены къ нему городскіе уполномоченные, въ числѣ которыхъ представителемъ Русской улицы, единственно принадлежавшей Руси во Львовѣ, явился Павелъ Лаврисевичъ *).

Глеть изображали собою два гетманскіе эсаула. Они провели уполномоченныхъ пословъ къ малому костелу Св. Петра. Влѣво отъ него стояла Орда, а вправо занимала войсковую квартиру Хмельницкій вмѣстѣ съ Тогай-бесемъ, котораго называлъ отъ передъ королевскими послами, братомъ своимъ, душою своею, единственнымъ соколомъ на свѣтѣ. Оттуда велѣли имъ ѣхать въ Лисенницы, за милою отъ Львова, гдѣ жилъ панъ гетманъ.

Хмельницкій принялъ ихъ ласково и потчивалъ горілкою. Послы плакали, представляя побѣдителя бѣдствія, постигшія городъ ихъ, и молили его уменьшить окупи. Видя ихъ слезы, воспитанникъ лицемѣровъ по профессіи заплакалъ вмѣстѣ съ ними, но не уступилъ ни одного дуката. Онъ прозносѣлъ привычные случаю монологи, обвиняя въ общихъ несчастіяхъ Вишневскаго и Консцпольскаго. „Вы требуете отъ меня милосердія“ (сказалъ отъ между прочимъ). „Я самъ не испытывалъ его. Довольно вамъ съ меня того, что я оставляю васъ живыми. Это великое милосердіе, и за него вы мнѣ посигните съ двумястами тысячъ червонныхъ золотыхъ. Вотъ вамъ оставляю еще Жидовъ, этихъ запачканныхъ плюгавцевъ, и не домогаюсь ихъ, лишь бы только вложили они довольно въ эту сумму, накопивши столько скарбовъ изъ козачества на Украинѣ“.

Наконецъ, переговоривъ съ Тогай-бесемъ въ открытомъ полѣ, созвалъ отъ въ свѣтлицѣ у предводителя козацкаго загона, полковника Остапа Навлюка, татаро-козацкую раду. Первые мѣста заняли Татары: Тогай-бей съ Султанъ-калгою (первымъ изъ двухъ соправителей хапа) и Пири-агою; послѣ нихъ сѣлъ Хмельницкій съ полковникомъ Козаки держали въ рукахъ по золотой булавы, украшенной драгоценными камнями. Одна изъ нихъ еще недавно принадлежала „ясноосвѣщенному князю“, не дождавшемуся личнаго поклона отъ

*) Лаврисевичи также существуютъ во Львовѣ, но не знаю, ополячили ли они, или только не допачествуютъ въ уни, которую наши тамошніе соплеменники приняли въ 1720 году.

Хмельницкаго и всего Запорожскаго Войска подъ Шлявцами. Но рада была прервана извѣстіемъ, что верхній замокъ взялъ наконецъ Кривоносъ, онъ же и Перебийнось. Дѣйствительно, бургграфъ Братковскій, истощивъ запасъ пороха и пуль, отступилъ еще ночью въ городъ, и козаки, вломившись въ это пристанище смѣшаннаго народа, рубили съ плеча, сколько было имъ любо *), а остальныхъ, обобравъ до-шага, гнали келесами на продажу Татарамъ. Кровь изъ Верхняго Замка лилась ручьями въ самый городъ, а замковый дворъ нашли потомъ заваленнымъ тѣлами побитыхъ.

Эта вѣсть напонила львовскимъ уполномоченнымъ о Полонономъ и ускорила рѣшеніе вопроса между лицедѣемъ страшной сцены и его ужасавшимися зрителями. Уполномоченные обѣщали выплатить окупъ немедленно. Хмельницкій послалъ за полученіемъ денегъ полковника Головацкаго, обозначившагося шляхтича, извѣстнаго своею жадностью къ добычѣ и развратною жизнью, а Тогай-бей, съ своей стороны, послалъ Пири-агу, татарскаго обознаго. Эгихъ комиссаровъ сопровождалъ отрядъ мурзь, есауловъ, козацкихъ и татарскихъ писарей; и только тогда прекратились непріятельскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ.

Мѣщане прежде всего задобрили обоихъ комиссаровъ, давши Головацкому 100 талеровъ, да оружіе въ дорогой оправѣ, всего на 1.500 злотыхъ. Пири-ага получилъ всего на 990, его мурзамъ дали 2.100, козацкимъ есауламъ и писарямъ 1.000 злотыхъ. Вся эта хищная ватага согласилась тогда на униженную просьбу мѣщанъ (припрятавшихъ цѣнную собственность заблаговременно) засвидѣтельствовать передъ вождями, что у нихъ остались только расписки Вишневецкаго въ иолученіи денегъ, что они наличной суммы не имѣютъ, а предлагаютъ окупъ товарами и всѣмъ, что ни окажется въ городѣ. Сдѣлана была ревизія костеловъ, церквей, монастырей и городскихъ домовъ. Татаро-козацкая коммиссія всюду брала наличность и всѣ товары съ драгоценностями по нарицагельной цѣнѣ, пологно, одежду, шапки, сапоги, давая ручательство собственникамъ, что все это уплатитъ Рѣчь Посполитая. Собранное такимъ образомъ добро препровождялось возами въ таборъ побѣдителей. Тогай-бей далеко превосходилъ въ этомъ случаѣ козаковъ точностью оцѣнки и помога-

*) Въ пѣснѣ о Перебийносѣ, записанной мною самимъ, поется:

Рубае мечемъ головы съ плечей,
А рѣшту тѣнить водю.

тельствомъ. Городъ былъ вынужденъ подарить и самому Хмельницкому богатыхъ одеждъ и сбруй на 20.000 злыхыхъ. Ни одинъ козацкій старшина не остался безъ соотвѣтственнаго приношенія, а Кривоносъ, воображая себя не менѣе великимъ разбойникомъ, какъ и Хмельницкій, выжалъ изъ мѣщанъ подарковъ тысячъ на пять злыхыхъ.

Безчестный во всѣхъ отношеніяхъ торгъ продолжался двѣ недѣли. Между тѣмъ Орда распустила свои загоны во всѣ стороны,—за Ярославль, Черемынь и далѣе по тому Татарскому Шляху, который Каптемиръ-мурза прозвалъ Золотымъ; а Хмельницкій волей и неволей долженъ былъ оставаться подъ Львовомъ, какъ бы на привязи у своего „брата“, не смѣя оставить его здѣсь, точно въ огородѣ козла.

23 (13) октября Тогай-бей съ Султанъ-калгой отступилъ къ Каменцу. На другой день отступилъ къ Замостью Хмельницкій, оставивъ на нѣсколько дней во Львовѣ своего двоюроднаго брата, Захарія Хмельницкаго, съ нѣсколькими есаулами и атаманами, какъ ручательство въ безопасности города со стороны переходныхъ козацкихъ кунъ, которыя сповали въ окрестностяхъ и все еще держали жителей какъ бы въ блокадѣ.

Внутри города между тѣмъ чувствовался мучительный голодъ. Трудно было добыть хлѣба, такъ какъ всѣ гумна, до самаго Люблина, были сожжены. Многіе, обѣднѣвъ и тѣсясь въ нездоровыхъ жилищахъ, умирали. Множество валяющихся въ разныхъ мѣстахъ труповъ и падали заражало воздухъ. Настала сильная смертность, такъ что въ три слѣдующіе мѣсяца было похоронено во Львовѣ 7.000 душъ.

Выворотивъ старательно польскіе, армянскіе, жидовскіе и русинскіе карманы во Львовѣ, побѣдоносные козаки шли къ Замостью, воображая, что въ самомъ дѣлѣ прогонятъ Ляховъ за Вислу такъ далеко, что не возвратятся и черезъ три года. Они нѣтъ прицѣпывая:

Щѣте, козакі, у скѣки!

Поберімося у бѣки:

Позаганіймо Ляхівъ за Вислу,

Щобъ не веріулись и въ три роки!

Но Хмельницкій думалъ свою думу. Съ большими ли потерями, или съ малыми, досталась бы ему знаменитая крѣпость Замойскаго, она завоевателю козаку была не нужна. Хмельницкій обманывалъ и ся гарнизонъ, и своихъ сподвижниковъ маневрами приступовъ, лишь бы сорвать взятку съ пановъ, какъ сорвалъ ее съ мѣщанъ, и угомонить своихъ Череміишосовъ, которые мечтали о разбойномъ равенствѣ.

съ нимъ самия. Мысли его летали изъ Москвы на варшавскій избирательный сеймъ и обратно. Онъ сознавалъ, что стоитъ между двухъ великихъ силъ, изъ когорыхъ каждая можетъ подавить его при известной политической комбинаціи: Онъ боялся своего положенія уже и въ Черкасахъ, откуда льстиво писалъ къ московскому царю отъ 8 іюня: „По смерти короля Владислава многіе сдѣлались королями въ нашей землѣ, и мы желали бы собѣ самодержца государя такого въ своей землѣ, какъ ваша царская велеможность, православный христіанскій царь, чтобы предвѣчное пророчество Христа Бога нашего исполнилось, что все въ рукахъ его святыя милости“... Онъ, какъ бы извинялся передъ царемъ, что „посередѣ дороги Запорожской“ побилъ сына Потоцкаго, и что потомъ коронныя гетманы „подъ Корсунемъ городомъ пошали оба въ неволю“... „Мы ихъ не имали“ (писалъ онъ), „по тѣ люди имали ихъ, которые намъ служили въ той мѣрѣ отъ царя Крымскаго“. Слова *Татары* онъ избѣгалъ передъ „православнымъ христіанскимъ царемъ“: оно было несовѣстимо съ его увѣреніемъ, что козаки „помирають за старожитную греческую вѣру“. Онъ думалъ, какъ думали Поляки, что царь такъ и ухватится за его совѣтъ—послѣдить наступленіемъ „на то государство, а мы де со всемъ Войскомъ Запорожскимъ услужить вашей царской велеможности готовы“.

Величавое молчаніе Алексѣя Михайловича, надобно думать, сдѣлало на дерзкаго Хмеля такое впечатлѣніе, какъ молчаніе Сигизмунда III на Северину Наливая. Мысль о письмѣ къ московскому самодержцу, очевидно, пришла ему въ голову только тогда, когда онъ очутился на загадочномъ распутіи, точно сказочный удалецъ. Съ кievскими подвижниками, намѣтившими воссоединеніе Руси четверть столѣтія назадъ, не имѣлъ онъ ничего общаго: иначе — онъ бы отъ нихъ узналъ, какъ слѣдуетъ величать московскаго самодержца, для котораго титулъ имѣлъ значеніе историческое и политическое: не обратился бы къ нему Хмѣль, точно къ татарскому хану: „Наяснѣйшій, вельможный и преславный царь Московской, а намъ многомилостивый государь и добродѣй“. Молчаніе царя раздражало его до такой степени, что, перехватывая письма къ пограничнымъ воеводамъ царскимъ изъ Украины, онъ перешелъ къ Наливаевской крайности: отъ 29 іюля написалъ къ нимъ: „за вашу *измѣну* Богъ васъ погубить“, и подписался, по адресу православнаго царя, *Божією милостію*.

Въ Москвѣ, между тѣмъ, не могли смотрѣть на козаковъ-дибнровцевъ иначе, какъ смотрѣли на нихъ пограничные воеводы, изъ которыхъ одинъ доносилъ о нихъ царю, отъ 7 іюня, какъ о „новыхъ

безбожничавъ, которые на кровь христіанскую саблю татарскую спроводили“. Что касается призванія царя на польскій престолъ, то эта мысль, какъ мы видѣли, давно существовала въ шляхетскихъ умахъ, и занимала ихъ теперь весьма серьезно. Не всѣ въ Рѣчи Посполитой вооружались противъ Оссолинскаго за его стремленіе превратить Польшу въ абсолютную монархію: преступный, по мнѣнію однихъ, замыселъ былъ, по мнѣнію другихъ, намѣреніемъ благимъ. Эго показывали самые толки о немъ новгородсѣверскихъ урядниковъ, Консептовскаго и Красовскаго, о которыхъ была рѣчь выше. Надобно думать, что польскіе баниты-инфамисты, составлявшіе издавна кадры запорожской вольницы, жаждали переменъ правленія, которая бы вернула имъ почетное положеніе и освободила отъ козацкой гегемоніи. Хмельницкій чуялъ, къ чему клонятся событія, и по-неволѣ долженъ былъ идти за ихъ теченіемъ. Оно привело его и подъ Замостье.

Теперь сила его надъ панамъ возросла до ужасающей степени, и еслибы то, что писалъ онъ къ „наяснѣйшему, вельможному и преславному царю московскому“ выражало его искреннее желаніе, то никогда не было болѣе удобнаго момента для осуществленія этого желанія. Еще недавно, именно отъ 29 русскаго іюля писалъ онъ къ хотмыжскому воеводѣ, Семену Болховскому, благодарственное письмо, за то, что Москва помогать Ляхамъ не хочетъ, подзадоривалъ православныхъ москвичей извѣстіемъ, будто бы Ляхи „поповъ и духовныхъ нашихъ на колья сажаютъ“, и выражалъ желаніе, „чтобы въ такомъ времени православный царь о томъ напетвѣ (т. е. государствѣ) Польскомъ могъ постаратися“... „Великій русскій патріотъ“ кievскихъ мечтателей могъ бы теперь заставить пановъ предложить польскую корону Алексѣю Михайловичу, какъ онояченные Жовковскіе заставили бояръ предложить Мономахову шапку Владиславу Жигимонтовичу, — и русское воссоединеніе совершилось бы безъ кровопролитнаго одолѣнія противниковъ его, Выговскихъ, Юріевъ Хмельницкихъ, Бруховецкихъ, Дорошенковъ, Мазень... Но кровавый идолъ козакомаповъ до конца не зналъ, что дѣлать и что ему надобно дѣлать, чтобы выбраться изъ омута вѣроломства, торжественныхъ присягъ и вслѣдскихъ предательствъ. Его несла кинучая волна событій, и онъ вѣчно боялся, какъ бы она его не захлестнула. Доказательствомъ служить, между прочимъ, и его пристрастіе къ ворожбамъ и ворожеямъ, которое управляло имъ во время осады Львова и во время стоянья подъ Замостьемъ.

Хмельницкій принадлежалъ къ людямъ интеллигентнымъ; по іезуитское воспитаніе па томъ и стояло, чтобы взнуздывать самые бойкіе

умы и сохранять надъ ними такъ или иначе власть. Въ случайной встрѣчѣ козацкаго бунтовщика съ ксендзомъ Мокрскимъ, по всей вѣроятности, скрывалась разгадка вопроса: что подавило и затмило умъ его насчетъ царя, къ которому могущественныя событія привели таки его наконецъ, черезъ шесть лѣтъ рѣзни, пожоговъ и всевозможныхъ злодѣйствъ. Много ли, или мало было у него такихъ знакомыхъ, какъ Мокрскій, только онъ возжелалъ теперь содѣйствовать избранію на польскій престолъ эксъ-іезуита и эксъ-кардинала, королевича Яна Казимира, котораго, по развѣдкамъ царскихъ людей, въ началѣ козацкой войны желала выбрать одна Коропа, а Литва и козаки не желали. Именно трубчевскій воевода, Пацкопизъ, доносилъ царю, отъ 8 іюня, о словахъ почепскаго шляхтича, пана Яна Станкевича: „потому де у насъ, Леховъ съ Черкасы война, что де Коруна Полская хочать па королевства королевича Казимѣра, а повѣтъ де Литовской съ Черкасы—на королевства королевича Казимера не хотять“.

Для предварительныхъ переговоровъ съ будущимъ королемъ, Хмельницкій послалъ въ Варшаву того же Мокрскаго. Ему вручилъ онъ и примирительное посланіе къ сеймовымъ папамъ. Въ этомъ посланіи онъ увѣрялъ паповъ, что всему злу виною Александръ Консцпольскій да князь Вишневецкій. Одинъ де былъ виновенъ тѣмъ, что всячески тиранилъ козаковъ и едва не запрягалъ въ ярмо (о чемъ, однакожъ, не было сказано ни въ краткомъ, ни въ пространномъ респектѣ козацкихъ обидъ), а другой тѣмъ, что нападалъ на нихъ съ войскомъ своимъ, когда они, по разгромѣ коронныхъ гетмановъ, хотѣли вернуться на обычное мѣсто свое, на Запорожье, и позволялъ себѣ мучить попадавшихъ въ его руки козаковъ и духовныхъ людей самыми страшными муками. Хмельницкій плакался на свирѣпаго князя, точно какъ будто козаки вели войну съ одними жолнерами, таборъ противъ табора, какъ будто они не вторгались въ дома мирныхъ помѣщиковъ, не избивали однимъ и тѣмъ же махомъ пращѣдовъ и правнуковъ, не наполняли замковъ побитыми жепщицами да дѣтьми, не насиловали жепъ и дочерей въ виду мужей и отцовъ, не дарили *алмазъ и перлъ* обезчещеннымъ дѣвкамъ и не совершали надъ храмами и ихъ усыпальницами всяческаго поруганія, какое только могли придумать ихъ сатанинскіе умы. Козакъ Тамерланъ, издѣваясь надъ бѣдствіями Шляхетскаго Народа, придавалъ его защитникамъ звѣрскія черты Народа Козацкаго.

“ Онъ по-прежнему свидѣтельствовался всемогущимъ Богомъ, что только крайняя бѣда и порабощеніе заставили козаковъ такъ оскорбить *маестатъ Божій и ихъ милостей всемогущихъ пановъ*; по-преж-

нему жаловался на грабительство Конццоельскаго и на наступленіе Вишневецкаго. Козаки де уже было и вернулись на Запорожье, по князь Вишневецкій, по софѣту ли нѣкоторыхъ паповъ (стоявшихъ за Вишневецкаго на сеймѣ), или собственнымъ упорствомъ, наступилъ на нихъ съ войсками своими; козаковъ и духовныхъ они грабили, мучили, сажали на колъ, буравомъ глаза пробуравливали (этого въ обширной панской перепискѣ, весьма прямоушной и даже враждебной Вишневецкому, *мтѣ*) и иныя неслыханныя мученія дѣлали. „Видя, что уже и за душами нашими гонятся“ (писалъ Хмельницкій), „мы были принуждены двинуться (опять) и давать отпоръ нашимъ наступателямъ, и это потому, что тутъ насъ успокаиваютъ ласковыми письмами отъ ихъ милостей паповъ комиссаровъ, посланныхъ Грѣчью Посполитою, а тутъ, сговорясь между собой, съ войсками на насъ наступаютъ. Поэтому шли мы по слѣдамъ князя Вишневецкаго подъ Замостье, имѣя вѣрныя извѣстія, что князь его милость Вишневецкій опять собираетъ войска, чтобы съ нами восвать. Эти два папа были всему злу причиною. Они своєю жадностью и завзятостью едва не въ ничто обратили землю. Вѣдь и князь Вишневецкій за Днѣпромъ былъ точно какъ за наухой у насъ, а мы его выпустили живымъ, помня о давнишней пріязни... Просимъ отпустить намъ *несомнѣнный грѣхъ*“ (напѣвалъ Хмельницкій съ голоса Адама Киселя), „а этихъ паповъ, которые тому причиною, покрыть хулою (*aby tymъ Panomъ... zganiono bylo*). Если же не будетъ намъ помилованія, и вы начнете противъ насъ восвать, то мы это поймемъ такъ, что вы насъ не желаете имѣть своими слугами, и это было бы намъ весьма горестно“.

Хмельницкій, очевидно, домогался опалы Вишневецкому: только подъ этимъ условіемъ готовъ былъ онъ пощадить паповъ, и въ то же время грозилъ московскимъ подданствомъ.

Сынъ князя Вишневецкаго, Михаилъ, царствовалъ въ Польшѣ послѣ Яна Казимира. Въместо Яна Казимира, папы могли бы сдѣлать королемъ Князя Іеремію, и тогда Хмельницкій достигъ бы только того, чего достигли Паливайко, Сулима и Павлюкъ. Никто не зналъ этого лучше его самого, и потому-то онъ заставлялъ безголовыхъ паповъ приписывать ихъ несчастія челоуѣку, который одинъ былъ способенъ взять ихъ въ крѣпкія руки и спасти политическую свободу Шляхетскаго Народа наперекоръ свободѣ личной, которою такъ несвоевременно величались папы.

Козацкій идеалъ общественности не возвышался надъ сочлененіемъ нашими предками-варварами пословицей: „колибъ хлѣбъ та одежа, то івъ бы козакъ лежа“; и Хмельницкій зналъ, что размноженіе ко-

зачества, праздно живущаго продуктами чужаго труда, вызоветъ новую войну съ папами. Ему было необходимо, съ одной стороны, обезпечить себѣ уступчивость короля, а съ другой—разлучить его съ тѣми людьми, которые были способны одушевить шляхетское общество боевымъ энтузіазмомъ. Во всякомъ случаѣ, Польша была сподручице Москвы для козацкихъ *кдасерзз*,—и онъ предпочелъ ослабленіе Польши бунтами усиленію Москвы вѣрноподаданствомъ. Самъ ли онъ сочинилъ такой планъ дѣйствій, или же былъ имъ обязанъ интригану Выговскому, только въ этомъ планѣ была начертана гибель Рѣчи Посполитой—и какъ независимаго государства, и какъ хозяйственнаго общества. Голодный и безпощадный гений Дикихъ Полей, вдохновенный поэзіей Бичацкой орды, воплотился въ орду Козацкую, чтобы пустынное Посулье и Поросье, вмѣстѣ съ Запорожскою Тмутороканью, распространить до самой Вислы. Вся великая работа колонизаціи Батышевскихъ кочевьевъ, запечатанная кровавыми жертвами и геройскими подвигами, вся многолѣтняя заслуга передъ человѣчествомъ польскорусскихъ рыцарей и вмѣстѣ хозяевъ—долженствовали исчезнуть отъ „козацкаго духа“, опустошительнаго, какъ смертоносный самумъ-гарруръ.

По общему мнѣнію правительствующихъ пановъ, только новый король былъ способенъ отвести грозу козацкаго бунта. Кисель внушалъ имъ, что козаки масстагъ Рѣчи Посполитой ставятъ ни во что, и признають одну вѣсть—королевскую. „Поэтому-то“ (говорилъ доматорскій оракулъ) „Хмельницкій, не пишется иначе, какъ гетманомъ Войска *его королевской милости* Запорожскаго, пужды пѣтъ, что Рѣчь Посполитая титуловала его просто гетманомъ Войска Запорожскаго. Король у козаковъ есть пѣчто божественное. Именемъ короля начался козацкій бунтъ, именемъ короля онъ и утихнетъ“.

Слова Киселя были водою, надавшею на колеса Хмельницкаго. Шаны приступили немедленно къ избранію и избрали не московскаго царя, который сохранилъ бы отъ гибели миллионы человѣческихъ жизней,—избрали не отца будущаго короля, который спасъ бы имъ миллиарды червонцевъ, заслуженные предками,—пѣтъ, они, вмѣсто защитниковъ ихъ жизни, ихъ имуществва и чести, избрали такого государя, какой былъ нуженъ козаку Тамерлану.

Глава XVIII.

Воспитаніе и характеръ короля, избраннаго по указанію козацкаго гетмана.—
Монахъ-разстрига на польскомъ престолѣ.—Избирательный сеймъ.

Янъ Казимиръ родился въ 1609 году. Въ это время всѣ добра князей Острожскихъ перешли уже въ католическія руки. Младшій сынъ Князя Василя, Константинъ, умеръ, въ католическомъ самоистязаніи послѣ распутной жизни, въ 1600 году; средний, Александръ, посившій только для виду „образъ русскаго благочестія“,—въ 1603 году; а самъ Князь Василій—въ 1608-мъ. Паслѣдникамъ „Острожчины“, составлявшей, можно сказать, государство въ государствахъ пановъ сравнительно съ Острожскими мелкопомѣстныхъ, сдѣлался князь Янушъ Острожскій, первородный сынъ Князя Василя, „католикъ съ колыбели“, крещенный и воспитанный знаменитымъ іезуитомъ, Петромъ Скаргою.

Это было важнымъ для Римской Куріи завоеваніемъ. Но она имѣла тогда въ виду несравненно больше: была надежда присоединить къ Польшѣ Московское Царство, какъ иѣкогда было присоединено Великое Княжество Литовское. Сигизмундъ, по выраженію малорусской лѣтописи, „яровитый католикъ, который бы не попозорился привести подъ папу цѣлый свѣтъ“, новель въ московскіе предѣлы 29.000 войска, чтобы возсѣсть на престолѣ великихъ собирателей Русской Земли, и это дѣло казалось Полякамъ возможнымъ.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ родился будущій король, которому было суждено, получивъ корону изъ кровавыхъ рукъ атамана запорожской вольницы, бороться во главѣ Шляхетскаго Народа съ тѣми классами населенія Польши, которые не принадлежали къ государственнымъ сословіямъ!

Іезуиты занялись воспитаніемъ Яна Казимира, на всякій случай, весьма старательно. Слабое здоровье королевича не позволяло имъ вооружать его умъ научными знаніями. Они работали почти исклю-

тельно надъ религіозностью бѣднаго мальчика, такъ что въ юномъ возрастѣ онъ уже обнаруживалъ „искусство въ богословскихъ тонкостяхъ“. О Сигизмундѣ III говорили, что онъ былъ іезуитскимъ *терціяломъ*, то есть принадлежалъ къ ордену, котораго цѣлью было истребленіе еретиковъ. Дѣйствительно, въ его царствованіе іезуиты были въ Польшѣ силою, овладѣвшіею не только должностями, но и всѣми общественными дѣлами, а королевскіе проповѣдники и духовники часто давали направленіе важнѣйшимъ государственнымъ интересамъ. Видя всеобщее къ нимъ почтеніе, малолѣтній королевичъ смотрѣлъ на нихъ съ богомольнымъ благоговѣніемъ, какъ на пророковъ.

Лишь Казимиръ до такой степени былъ подавленъ господствовавшею при королевскомъ дворѣ святостью, что, будучи 23-лѣтнимъ юношею, не имѣлъ права бесѣдовать съ кѣмъ бы то ни было безъ свидѣтелей, а людей стороннихъ не допускали къ нему вовсе,—и, однакожь, въ наукѣ пользованья запретнымъ плодомъ отнюдь не остался профаномъ. Сдѣлавшись наконецъ господиномъ своей воли, по смерти родителей, продолжалъ онъ вести праздную жизнь, на которую была осуждена юность его. Природа, наслѣдованная имъ отъ безпокойныхъ Норманновъ Вазъ, находила удовлетвореніе только въ томъ, что ее возбуждало. Притворная и мертвенная святость осталась ни при чемъ: она у Яна Казимира сдѣлалась только ширмами для всего скандальнаго, какъ это водилось въ іезуитской Польшѣ сплошь да рядомъ.

Поляки, выплясывая подъ іезуитскую дудку передъ Европой пляску политическаго величія и религіознаго героизма, дѣлали изъ Яна Казимира воина и патріота; но теперь, изучивъ закулисную сторону былаго, выработали такое мнѣніе о своемъ королѣ, возведенномъ на престолъ коварнымъ козакомъ:

„Слабый умомъ и лѣпный отъ природы, онъ, послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ бездѣйствія и удаленія отъ людей, посвящалъ недѣли на религіозныя упражненія (*ćwiczenia religijne*) въ видѣ дѣятельности, и ставился ко всему равнодушнѣе, что занимало его въ праздности, а потомъ дѣлалъ такой шагъ, котораго никто бы отъ него не ожидалъ. Онъ былъ способенъ рисковать жизнью, короною, родомъ своимъ и даже вѣрою, когда они ему надобѣдали“.

Маленькаго роста, тщедушный и хилый, лицомъ Лицъ Казимиръ былъ безобразенъ. Нижняя челюсть выдавалась у него грубо впередъ; губы непріятно были вздуты, цвѣтъ лица — смуглый, а слѣды осы еще больше дѣлали его безобразнымъ. Но іезуиты научили своего питомца тому, что, подъ испанскимъ названіемъ *grandeza*, считалось важнѣе всего важнаго въ человѣкѣ сановитомъ. Онъ строилъ цар-

ственную мину и, если хотѣлъ, то держалъ себя съ театральнымъ достоинствомъ.

Поляковъ ненавидѣлъ Янъ Казимиръ открыто, и этимъ — замѣчу мимоходомъ — свидѣтельствовалъ, что въ ихъ природѣ было много хорошаго; всѣхъ себя надменно, точно какой-нибудь Вильгельмъ Завоеватель, проводилъ время съ иностранцами и, по одеждѣ, самъ казался иностранцемъ.

Для того, чтобы Поляки, не извращенные до конца іезуитствомъ, отвѣчали своему королевичу ненавистью и презрѣніемъ, было достаточно одного: Янъ Казимиръ по цѣлымъ днямъ забавлялся карликами, собаками, обезьянами и птицами, а потомъ предавался грубому разврату, но при этомъ всегда возилъ съ собой пять-шесть іезуитовъ, а въ передней у него ежедневно служили мессу, который самъ онъ никогда не слушалъ.

Все это рассказываетъ объ избранникѣ нашего Хмеля современная намъ польская историографія.

Еще больше долженъ былъ внушить презрѣнія людямъ достойнымъ королевичъ, когда, арестованный во Франціи, какъ испанскій шпіонъ, выдалъ правительству особу, которая пыталась освободить его изъ заключенія, и написалъ къ мѣстному губернатору, что, въ награду за это, ожидаетъ смягченія тюремныхъ строгостей, а потомъ, будучи на свободѣ, дозволилъ выпустить въ свѣтъ книгу о своемъ арестѣ и тюремной жизни съ пропечатаніемъ въ ней позорнаго письма къ губернатору *).

Почти двухлѣтнее пребываніе въ заточеніи и разстроенные финансы привели Яна Казимира къ мысли о вступленіи въ орденъ іезуитовъ. Возненавидѣвъ Поляковъ еще больше за ихъ ненависть и скупость къ нему, отправился онъ въ Римъ и сдѣлался іезуитскимъ послушникомъ, отвергая всѣ почести, съ которыми принимали его въ монастырь, валяясь въ ногахъ у настоятеля и дѣлая изъ себя въ Римѣ всевозможныя выставки религіознаго униженія.

Іезуиты торжествовали, что принцъ, насчитывавшій въ своемъ роду болѣе 50 королей, родственникъ первенствующихъ въ христіанствѣ монарховъ, родной братъ могущественнаго польскаго короля, предполагаемый наследникъ двухъ коронъ, — что такой принцъ, во цвѣтъ лѣтъ, оставляетъ смѣло всѣ радости и великости земныя, что

*) Книга эта появилась черезъ три года по возвращеніи Яна Казимира въ Польшу, подъ заглавіемъ: *Serenissimi Johannis Casimiri P. S. Principis Caroli Gallicus. Gedani, 1644.*

бы обезпечить за собой царство небесное“; а смиренный послушникъ писалъ въ Польшу, что „избранную имъ жизнь можно сравнить только съ райскою, и ничто въ свѣтѣ, никакія багряницы и короны не въ силахъ отвлечь его отъ этого предпріятія“.

Владиславъ IV принималъ всевозможныя мѣры, чтобы возратить брата въ міръ. Іезуитскій послушникъ огвѣчалъ ему, что „еслибы онъ сдѣлалъ такой недостойный шагъ“, то на всемъ ихъ роду „тяготѣло бы позорное пятно“, и по всему свѣту говорили бы, что „нашелся въ ихъ королевскомъ родствѣ такой, на котораго можно указывать пальцемъ и насмѣхаться итальянскою поговоркою *блглый монахъ, разстрига* (fratro frattato)“.

Но монастырская комедія кончилась освобожденіемъ Яна Казимира изъ монастыря посредствомъ выпрошенной имъ у паны кардинальской шляпы, а званіе кардинала сложилъ онъ съ себя для тайнаго исканія себѣ невѣсты у тѣхъ дворовъ, которые давали больше приданого.

Несмотря на то, что, по польскому обычаю, его считали первымъ кандидатомъ на престолъ бездѣтнаго брата, съ нимъ обходились въ Польшѣ крайне пресрительно, какъ за то, что я представилъ здѣсь со словъ самихъ Поляковъ, для освѣщенія лицъ и событій истиннымъ свѣтомъ, такъ и за многое другое, о чемъ нѣтъ надобности распространяться. Но примирило съ нимъ пановъ такое обстоятельство, которое не дѣлаетъ чести ни имъ самимъ, ни ихъ избраннику.

Еще во время сидѣнья Яна Казимира во французской тюрьмѣ, придворные Людовика XIII навязывали ему въ невѣсты принцессу Марію Гонзага. Неизвѣстно, что въ будущей супругѣ Владислава IV оттолкнуло королевича до такой степени, что онъ предпочелъ остаться узникомъ въ дымной и холодной камерѣ, подъ грубымъ присмотромъ тюремщиковъ. Теперь правители Польши сообразили, что содержать разомъ двухъ королевъ было бы для нихъ накладно, а Янъ Казимиръ увидѣлъ, что дорога къ престолу лежитъ ему только черезъ спальню вдовы брата,—и постыдная для обѣихъ сторонъ сдѣлка состоялась.

Но несравненно большій стыдъ и срамъ покрылъ олигархическую республику въ томъ отношеніи, что на ея вѣсы, при взвѣшиваніи, быть или не быть іезуиту - разстригѣ королемъ, бросилъ свой мечъ, вѣрнѣе сказать—свой разбойничій ножъ, предводитель козакотатарской орды, и перевѣсилъ всѣ мнѣнія до такой степени въ пользу разстриги, что литовскій канцлеръ записалъ въ своемъ дневникѣ: По всеобщемъ одобреніи; было принято избраніе, и мы единымъ го-

лосомъ и единымъ сердцемъ колѣнопреклоненно воспѣли Те Deum“; а сеймовой диевицкѣ, на память потомству, изобразилъ такое зрѣлище: „...Его милость ксендзь примасъ, обнаживъ голову (*detecto capite*), чтó и всѣ сдѣлали, произнесъ: Согласно свободнымъ голосамъ (*liberis suffragiis*) вашихъ милостей, я именую избраннаго короля Яна Казимира, да царствуетъ многолѣтнѣйше и счастливѣйше (*ut diutissime et felicissime vivat*). Послѣ слова *vivat* всѣ съ невыразимою радостью кричали съ полчаса или болѣе *vivat! vivat! vivat!* Въ отвѣтъ на это грянули пушки, грянула армата выстроенныхъ въ полѣ войскъ. Радостныя восклицанія прошибали небо. Между тѣмъ, по старинному обычаю, преклонивъ колѣни на снѣгу, съ открытыми головами, пѣли: Тебе Бога хвалимъ. (*Interim more antiquo ukłęknuwszy na śniegu, detectis capitibus Te Deum laudamus śpiewali*)“.

Эта было возмездіе русскихъ судебъ за того бродягу, называемаго въ свое время бѣглымъ разстригою монахомъ, котораго польскіе паны признали истиннымъ царевичемъ и довели Москву до постыднаго хваленія за него Бога „колѣнопреклоненно единымъ голосомъ и единымъ сердцемъ“. Въ настоящемъ положеніи дѣлѣ, фактъ избранія королемъ челоуѣка, въ сравненіи съ которымъ даже московскій Лжедмитрій былъ не совсѣмъ негодяемъ, — этотъ цоразительный фактъ, подобно поднятому надъ Польшею факелу, вдругъ освѣтилъ множество подлыхъ лицъ, которыя, въ полумракѣ исторіи, казались лицами честныхъ людей.

Хмельницкій хвалился, что, еслибы паны выбрали другаго короля, тогда бы онъ пошелъ на Краковъ и далъ бы короу тому, кому захотѣлъ. Первымъ его привѣтствіемъ повозбранному государю было адресованное еще къ „шведскому королю“ (какъ титуловали Яна Казимира) письмо, въ которомъ онъ предлагалъ себя ему къ услугамъ, еслибы какой сторонній король вздумалъ „снихнуть его съ престола“, а къ письму была приложена просьба къ сенаторамъ о помилованіи и примиреніи; еслибы же паны не пожелали мира, то Хмѣль объявлялъ, что будетъ искать его въ Варшавѣ, въ Краковѣ, въ Познани, а пожалуй, и въ Данцигѣ: просьба, напоминающая легендарнаго гайдамаку, который убивалъ одного пана послѣ другаго, за то что они не находили *покуты* на его страшные грѣхи.

Новый король прежде всего послалъ Хмельницкому такъ называемое повелѣніе, а въ сущности молящую просьбу — возвратиться въ Украину.

Хмельницкій повиновался королевскому повелѣнію безотлагательно. Не противъ короля, а посредствомъ короля, желалъ онъ восвать,

зная, что чѣмъ больше козаки станутъ поддерживать королевскую власть, тѣмъ невозвратнѣе раздѣлится на ся пацское государство, сложившееся въ силу борьбы олигархическаго многопачалія — съ одной стороны — съ монархическимъ единопачаліемъ, а съ другой — съ охлократическимъ безпачаліемъ.

Козацкіе вожаки шляхтичи — и всѣхъ больше Хмельницкій — не безъ пользы для себя провели время въ іезуитскихъ школахъ и въ томъ обществѣ, которое предоставило іезуитамъ заботу о народномъ просвѣщеніи. Іезуиты заставляли русскихъ людей изъ развалинъ православной Руси созидать могущества католической Польши. Оказавшіеся питомцы іезуитовъ заставляли природныхъ и дѣланныхъ Поляковъ разрушать католическую Польшу, какъ бы въ отместку за ся подконы подъ православную Русь. Видя, что папы какъ нельзя больше способствуютъ ихъ замыслу, козаки въ дѣлѣ крупнѣя, составлявшемъ ихъ специальность, взяли на себя только самую дешевую роль, которую кобзаря ихъ выразили въ слѣдующихъ словахъ:

Гей, друзі молодці,
 Братя козакі запорозці!
 Добре дбайте, барзо гадайте,
 Изъ Ляхами ниво варіти зачинайте:
 Ліцький солодъ, козацька вода,
 Ліцькі дрова, козацькі трудя.

На королевское повелѣніе Хмельницкій отвѣчалъ заискивающимъ и ласкательнымъ письмомъ, — стлалъ мягко, чтобы панамъ было спать жестко. Въ отвѣтъ на это письмо, немедленно былъ отиравленъ по слѣдамъ удаляющагося Тамерлана любезной ему ксепдъз Мокрекій съ благодарственнымъ письмомъ, въ которомъ царственность поваго короля играла такую же несоотвѣтственную роль, какъ въ письмѣ удаляющагося Тамерлана — вѣрноподданство. Изъ Казмиръ обѣщаль insignia, слѣдующія Запорожскому Войску, то есть булаву и знамя, на подтвержденіе старшинства, прислать вскорѣ, но примѣру своихъ предшественниковъ, не кому иному, а ему (Хмельницкому), точно какъ будто могъ и смѣлъ наименовать козацкимъ гетманомъ кого-нибудь другаго. Все кровавое и ужасное въ поступкахъ Запорожскаго Войска король обѣщаль прикрыть милосердіемъ своего маестата и припятъ Запорожское Войско подъ пеносредственную свою и Рѣчи Посполитой власть, чтобъ оно не имѣло надъ собою много пановъ. Относительно просьбы Хмельницкаго объ уніи король давалъ обѣщаніе удовлетворить козаковъ надлежащими средствами (slusznemi środ-

камі), для чего въ свое время пришлетъ комиссаровъ на извѣстное мѣсто. Отъ Хмельницкаго требовалъ опъ, точно отъ кого путнаго, чтобы опъ отпустилъ Татарь; усмирилъ чернь и ожидалъ въ Украинѣ королевскихъ комиссаровъ.

Эта транзакція побѣжденныхъ съ побѣдителемъ дошла до царскаго гонца, Купакова, въ такомъ видѣ, что король послалъ Хмельницкому булаву и зная безъ вѣдома Рѣчи Посполитой, „и за то де паны рада и вся Рѣчь Посполитая на короля приходили (съ) шумомъ и говорили королю: имъ де отъ Богдана Хмельницкаго и отъ Кривоноса и отъ Черкасъ разоренье и škody и крови розлитье многое, чего не бывало, какъ и Польское королевство почалось быть, а король де ихъ (Черкасъ) шануетъ, что пріятелей своихъ, такихъ лебезризантовъ“.

Долетая, въ свою очередь, до Хмельницкаго, такая молва ласкала его ухо пріятно. Въ ложномъ слухѣ, волновавшемъ Шляхетчину, высказывалась рознь, всѣянная козацкими каверами между тѣхъ, которые воспѣли Те Деумъ единымъ голосомъ и единымъ сердцемъ, подъ давленіемъ побѣдителей.

Въ качествѣ королевскаго слуги и единомышленника, Хмельницкій издалъ универсалъ къ волевымъ дворянамъ, въ которомъ увѣщевалъ ихъ не замышлять ничего противъ греческой вѣры и противъ своихъ подданныхъ, пропагандируя такимъ образомъ слухъ, что козаки воюютъ за угнетеніе православныхъ, а жить съ ними въ согласіи и содержать ихъ въ своей милости. Въ переводѣ на языкъ дѣйствительности, это значило, чтобы пастухи ладили съ волками, чтобы собственники были благосклонны къ хищникамъ. Могъ ли козакующій мужикъ мирно работать въ пользу землевладѣльца и довольствоваться установленною долею своего производства послѣ того, когда все панское добро принадлежало ему отъ Цыбульника и Тясмина до Вислы и Западнаго Буга? Могъ ли землевладѣлецъ содержать въ милости мужиковъ, которые, по допесенію Купакова, „у панскихъ жонъ у беременныхъ брюха распарывали и многое ругательство дѣлали“? Между тѣмъ не только кровавое мщеніе, но даже взысканіе за новыя злодѣянія и пенствованія, по затверженной формулѣ козацкаго бунта, неизбежно должно было явиться, въ устахъ городской и сельской голоты, ляхскимъ наступленіемъ на христіанскую вѣру и папскимъ свирѣпствомъ надъ подданными. Хмельницкій зналъ, что съ обѣихъ сторонъ поднимутся новыя вопли, и заблаговременно объявлялъ себя сторонникомъ голоты. „А если, сохрани, Боже“, (писалъ опъ) „кто-нибудь упрямый и злой задумаетъ проливать христіанскую кровь, и

мучить убогихъ людей, то, какъ скоро вѣсть объ этомъ дойдетъ до насъ,—виновный парунитель мира и спокойствія, возстановленнаго его королевскою милостію, *дovedеть Рѣчи Посполитую до погибели*“.

Увѣщательнымъ универсаломъ къ землевладѣльцамъ Хмельницкій давалъ означенной черни программу дальнѣйшихъ дѣйствій. Она была изображена въ этомъ универсалѣ безвинно страдающею, а шляхта—фанатически свирѣвствующею. Война, въ видѣ разбоя, прекратилась только тамъ, гдѣ пановаль одинъ мужикъ среди пѣмыхъ остатковъ панскихъ домовъ и хозяйственныхъ построекъ. Голымъ изловымъ вѣтромъ, пожаръ дымился только тамъ, гдѣ уже нечему было горѣть. По край, не претерпѣвшій еще полной руины, продолжалъ пылать пламенемъ и обливаться кровью. Подобному тому какъ, во время бѣдственнаго шествія Адама Киселя, съ оливковой вѣтвю мира къ Хмельницкому, свирѣпый хитрецъ дѣлалъ видъ, будто-бы даже не знаетъ о готовности безгосударнаго королевства къ миру,—теперь онъ сочинилъ новый актъ бѣсовской комедіи передъ повнооставленнымъ имъ же самимъ королемъ, его бессмысленнымъ оправдателемъ. Повторивъ надъ Бѣлоруссіей Паливайцину, Хмельницкій жаловался на Бѣлорусскихъ пановъ, что они своими жестокостями не даютъ ему успокоить православный народъ, унять кровопролитіе, примирить обоюдную вражду, и грозилъ Рѣчи Посполитой „погибелію“. После Пинска, Кобрина, Греста, Выховъ, Понова Гора, Мозырь, Стародубъ, Мглинъ пылали одинъ за другимъ подъ дыханіемъ низоваго дѣпровскаго вѣтра, который занорожцы, играя съ челоуѣческимъ сердцемъ зѣрки, называли *тихимъ*:

Ой вѣзь нѣзу Дніпра тихій вѣтеръ вѣ-новіає,
Військо козацьке занорѣзьке въ походъ выстунѣє.
Тільки Богъ святий знає,
Що Хмельницькій думѣє-гадѣє.

Тихій вѣтеръ въ дикой поэзіи кобзарей былъ эмблемою подкрадыванья волка къ его добычѣ, или поджигателя къ панскому добру. Не, прекращающіеся пожары были вѣтниками повыхъ пожаровъ, подаго челоуѣконстреленія. Въ виду козацкаго вѣрноподданства, король не зналъ, на которую ногу ступить; но на которую бы ни ступилъ, только *погибель Рѣчи Посполитой*, зановѣданная козацкимъ гетманомъ, могла кончить козацкіе счеты съ папами.

Тѣмъ не менѣе Янъ Казимиръ долженъ былъ дѣлать, что падыдается вонне міне въ игръ, для которой годился менѣе каждого изъ

своихъ руководителей,—и въ инструкціи на сеймики передъ коронаціоннымъ сеймомъ разнеслись по государству звонкіи слова сочинителя инструкціи, Оссолинскаго,—что всемогущій Богъ дѣласть королей намѣстниками своей власти; что новозбранный король принимаетъ свое возвышеніе, во первыхъ, десницѣ Najwyższego Pana, а потомъ—свободнымъ и единодушнымъ голосамъ избирателей, которые де оцѣнили, какъ благодѣянія и заслуги его королевскаго дома, такъ и собственныя его любовь отечеству, труды и отважные подвиги.

Подъ отважными подвигами разумѣлось участіе въ походѣ подъ Смоленскъ. Король Владиславъ сдѣлалъ тогда вѣчно празднаго брата командиромъ пѣхотнаго полка, навербованнаго за деньги Рѣчи Посполитой. Этотъ полкъ ограбилъ по пути пипское староство князя Альбрехта Радивила, литовскаго канцлера. Радивиль жаловался королю. Король выразилъ сочувствіе горю могущественнаго магната; по королевичъ обнаружилъ такую отвагу, что на жалобу Радивила отвѣчалъ сурово: „Это сдѣлаю по моему приказанію“. — „Итакъ мы, взаимно раздраженные, разстались“, записалъ въ своемъ дневникѣ Радивиль.

Больше никакихъ отважныхъ подвиговъ не совершилъ Янъ Казимиръ во внѣшнихъ и внутреннихъ войпахъ Рѣчи Посполитой. Но такова была беспомощность Шляхетскаго Народа въ борьбѣ съ Народомъ Козацкимъ, что теперь литовскій канцлеръ, тотъ же самый князь Альбрехтъ Станиславъ Радивиль, писалъ въ своемъ дневникѣ: „Явное дѣло, что Божественное Провидѣніе, по своему милосердію, дало намъ этого короля“. И потомъ далѣе: „Янъ Казимиръ искренно признался мнѣ, что всю свою надежду (относительно престола) полагалъ въ Богѣ и въ предательствѣ Matki Przenajświętszej, которой чудотворный образъ въ Червенскѣ часто навѣщалъ онъ, отдавая подъ ея опеку судьбы своего избранія и своей жизни“.

Поставивъ покойнаго короля въ присягѣ словомъ, но не намѣреніемъ, понималъ Божіе милосердіе вовсе не такъ, какъ понимаетъ его Малорусъ: „роби, небѣже, до й Богъ помѣже“,—понималъ безъ всякой связи помощи Божіей съ заслугою, или съ покаяніемъ, сопровождаемымъ „плодомъ, достойнымъ покаянія“: религіозность пагубная!... Потомокъ литворусскихъ князей и предводитель католической партіи въ Польшѣ, Радивиль отличался состраданіемъ къ людямъ бѣдствующимъ. Въ драгоцѣнномъ для историка дневникѣ своемъ онъ много разъ высказался въ пользу чернорабочаго и вообще убогаго класса, терпѣннаго отъ папскихъ жолнеровъ и отъ самихъ пановъ. Никто не отпелся къ Пилявецкому бѣгству съ бѣлымъ прямымъ, какъ онъ. По его словамъ, стоявшее подъ Пилявцами войско могло бы взять

самый Константинополь; а къ полководцамъ этого войска онъ привѣщалъ пословицу: „войско оленей подъ начальствомъ льва лучше войска львовъ подъ начальствомъ оленя“,—„Падъ ими“ (говорить онъ) „исполнилось слово, что одинъ гналъ тысячу, а два—десятоку тысячь. Но здѣсь бѣжали *ни отъ кого*: ибо гордость, распутство, угнетеніе и мученіе убогихъ людей, вотъ тѣ, которые напали на нихъ!“ По сего мѣрнію, только милость Божія сохранила Шляхетскій Народъ отъ гибели, пріудержавъ непріятеля. Онъ обвинялъ шлявецкихъ бѣглецовъ не только въ безмысленной роскоши, но и въ томъ, что они предавались всякаго рода разврату, служба Венерѣ и Бахусу, — обвинялъ не только въ крайней беззаботности относительно добыванія вѣстей, но и въ томъ, что, замышляя бѣгство, таились передъ войскомъ со своими сборами. Наконецъ, въ полномъ собраніи сейма онъ объявилъ, что оставленные наами въ козацкихъ рукахъ возы „были нагружены нмуществомъ хлопскимъ, а погому хлопамъ и достали“. Тѣмъ не менѣе соглашался онъ съ войсковыми послами, что и громадная войска, за свои грѣхи, подвергаются разсѣянью: ибо Господь мѣшаетъ содѣлать ихъ; но что не надобно терять надежды: покаравъ одинъ разъ (за грѣхи), въ другой разъ онъ подастъ милосердную руку помощи (за что,—не сказано).

Въ этой клерикальной доктринѣ, діаметрально противоположной русскому „на Бога надѣйся, а самъ не плошай“, таится неограничмая причина паденія польскаго общества, а съ нимъ—и государства. „Убогіе люди“ могли плакать себѣ и „прошибать воплями небо“ по-старому; по-старому панскіе жоліеры, съ разрѣшенія такихъ вождей, какимъ былъ Яцъ Казимиръ, могли опустошать родной край непріятельски; по-старому поклонникъ богатства и наследственной знатности, въ родѣ Киселя, могли избирать оленей въ предводители лвамъ, а эти львы—предаваться, въ виду непріятеля, Венерѣ да Бахусу вмѣсто служенія Марсу... Въ такомъ положеніи дѣлъ пускай только „Левусовы брацішней“ да „особенные коханки Пайсвѣтшей Наны“ непрестаннымъ хваленіемъ Бога во Святой Троицѣ призовутъ на грѣшниковъ Его милосердіе, и всеблагій Господь, покаравъ грѣшниковъ одинъ разъ, въ другой разъ тѣмъ же несправимымъ грѣшникамъ подастъ милосердно руку помощи.

Проникнутый насквозь такою доктриною, потомокъ литворусскихъ православныхъ князей видѣлъ причину общихъ бѣдствій не въ чемъ иномъ, какъ въ разновѣрїи края, подобно многимъ такимъ же набожнымъ, такимъ же добрымъ и сострадательнымъ людямъ. Онъ забывалъ, что край русскихъ предковъ его былъ когда-то единовѣрный и едино-

племенный, но въ него обманомъ и насиліемъ вошла чужая вѣра съ чужой національностью и назвала вѣру аборигеновъ схизмою, а политическую національность — хлопствомъ. Онъ забывалъ и не хотѣлъ знать, что, возставая противъ религіозныхъ воззрѣній пришельцевъ, многое множество передовыхъ русскихъ людей искали свѣта истины въ пѣмецкомъ вѣроученіи и пали съ его мнимыхъ высотъ въ омутъ католичества, увеличивая собою массу прямыхъ отступниковъ древняго русскаго благочестія. Онъ смотрѣлъ клерикально на то, что и для поколебленныхъ, по остававшихся еще при своей предковской вѣрѣ, была изобрѣтена ловушка въ видѣ якобы спасительной уни. Игнорируя въ умѣ своемъ и въ совѣсти причины разцовѣрія, государственныи челоѣкъ и своего рода мудрецъ горсвалъ всей душой о его послѣдствіяхъ. Въ качествѣ ренегата предковщины своей, онъ смотрѣлъ на тѣхъ, которые оставались единовѣрцами предковъ своихъ, какъ на какихъ-то пришельцевъ, смѣшивалъ ихъ интересы съ кровавыми интересами людей, совершавшихъ свои злодѣйства подъ знаменемъ вѣры, и терялъ голову отъ того, что въ собственномъ роду его, въ роду князей Радивиловъ, являлись такіе же враги пановъ-католиковъ подъ знаменемъ протестантовъ, какими были козаки подъ знаменемъ православниковъ. На одномъ и томъ же листкѣ дневника своего онъ описываетъ непріятельскія дѣйствія иновѣрныхъ земляковъ своихъ, бѣлорусскихъ протестантовъ, и тутъ же изображаетъ другихъ земляковъ-иновѣрцевъ, украинскихъ православниковъ. Этотъ листокъ его дневника краткимъ своимъ рассказомъ проливаетъ свѣтъ на всю исторію римской политики, воспринятой Польшею.

„25 (15) поября“ (пишетъ Радивиль) „выѣхалъ я изъ Варшавы въ мое Гнѣвское староство. Наше литовское войско отвоевало у козаковъ, послѣ 14-дневной борьбы, Пинскъ. Оно падѣлало много вреда и опустошенія въ староствѣ, подъ начальствомъ своего потаковника-еретика, региментаря Мирскаго. Сожжены тамъ іезуитскій костель съ коллегіумомъ и костель Св. Франциска; истребито 14.000 молодыхъ и старыхъ людей, дупы взяты великіе. Но жолперская вольница не удовлетворилась и этимъ: она стояла 10 недѣль въ пинскомъ мѣстечкѣ Мотолѣ и угнетала подданныхъ по-непріятельски, не щадя ни людей, ни имущества; даже забирала жепцины въ неволю. Нельзя выразить, какъ обогатился жолперъ, ограбивъ городъ и повѣтъ. А между тѣмъ (литовскій) гетманъ лежалъ въ Брестѣ, неизвѣстно чѣмъ хвораая, и хотъ я просилъ вывести оттуда войско, но ничего не выпросилъ; напротивъ, онъ расквартировалъ его и держалъ двѣ недѣли въ другомъ мѣстечкѣ, называющемся Нобель. Тамъ бѣдные подданные

страшно угнетены, а мой вѣуць (литовскій гетманъ) отписалъ мнѣ, подшучивая надо мною, что жолнеру надобно зимой погрѣть руки, а на другое мое письмо не отвѣчалъ вовсе. Итакъ я, за мои грѣхи, и отъ козаковъ и отъ моего роднаго потерпѣлъ великую škodu“.

Вслѣдъ за тѣмъ добродѣтельный питомецъ іезуитовъ разсказываетъ какъ нельзя серьезнѣе, что, тому назадъ нѣсколько лѣтъ, въ Галицкомъ Ярославлѣ десятилѣтній ребенокъ необычайной набожности, умирая послѣ причастія, произнесъ вдохновенный ему свыше латинскій стихъ:

Quadragesimus octavus mirabilis annus *),

которымъ де предсказалъ неслыханное опустошеніе русскокозельскихъ провинцій, причемъ (пишетъ Радивиль) изъ Бреста литовскаго одному доминиканцу козаки вытянули языкъ сквозь затылокъ. „Словомъ“ (продолжаетъ онъ), „они были такъ жестокосерды, что попадавшіе въ ихъ руки предпочитали быть отданными Татарамъ, которые угнали въ неволю множество народа. У одного меня взято 1.200 душъ, а по другимъ мѣстамъ погибло или уведено въ рабство съ милліонъ и больше людей“.

Несовмѣстимость противоположныхъ вѣръ подъ неуклоннымъ римскимъ режимомъ породила въ томъ же русскомъ обществѣ и забытыхъ съ младенчества католиковъ, и разнуданныхъ до отрицанія всѣхъ догмаговъ христіанства протестантовъ. Подобно тому, какъ въ Бѣлоруссіи сѣтовалъ на земляковъ протестантовъ окатоличенный Радивиль, въ Землѣ Кіевской покрывалъ хулою земляковъ-аріанъ окатоличенный Тишковичъ, мужественный и добродѣтельный по-своему кіевскій воевода. Этотъ, какъ и литовскій канцлеръ, игнорировалъ гибельныя послѣдствія римскаго апостольства на Руси, и среди сеймоваго собранія вычитывалъ кіевскому подкоморію Немричу, что Господь караетъ панскую республику за аріанство, „оскверпившее нашу землю до крайности“.

Такъ вообще были несостоятельны въ своихъ сужденіяхъ о томъ, что было, что есть и что неминуемо должно послѣдовать, представители государства, которому козаки, въ своихъ татарскихъ истинникахъ, завзялись причинить такое разореніе, какое шляхта, съ ихъ участіемъ, причинила Государству Московскому. Чтобы русскій читатель приглядѣлся къ нимъ поближе и поизялъ яснѣе, съ кѣмъ запорожскіе буй-

*) Сорокъ осьмой удивительный годъ.

туры имѣли дѣло, я возвращусь на избирательный сеймъ и представлю характеристическія черты его по польскимъ документамъ.

Когда любезный и вмѣстѣ отвратительный для насъ, честный по природѣ и подлый по воспитанію литовскій канцлеръ Ыхаль въ Варшаву на избирательный сеймъ, его „проняло ужасомъ“, какъ и всѣхъ варшавянъ, вѣсть о Пилявецкомъ бѣгствѣ. Ужасъ этотъ былъ тѣмъ сильнѣе, что онъ, какъ и вся свободолюбивая шляхетская братія, совершивъ надъ Владиславомъ IV въ извѣстномъ смыслѣ царубійство, вовсе не сознавали, что они сдѣлали, и не были приготовлены къ послѣдовавшимъ отъ того Желтоводской, Корсунской и Пилявецкой катастрофамъ.

Маршаломъ Посольской Избы избранъ былъ теперь землякъ нашъ Обуховичъ, мозырскій войскій, о которомъ князь Радзивиль пишетъ, что это былъ мужъ великаго ума и дивнаго дара слова, чего не написать онъ въ своемъ дневникѣ про демагога Станкевича. Еслибъ Обуховичъ руководилъ земскими послами въ роковыя для Польши сеймы 1646 и 1647 годовъ, онъ могъ бы сохранить за Владиславомъ королевское достоинство, и спасти панскую республику отъ политическаго разложенія. Тогда бы ни инновѣрцы протестанты, ни инновѣрцы православные не губили народонаселенія Польши десятками и сотнями тысячъ, а имя Ляховъ и Поляковъ, которое наши предки усвоили себѣ въ лицѣ пановъ и шляхты, не сдѣлалось бы кличемъ ко всевозможному безчеловѣчію. Плохой король отстранилъ бы козако-татарское панештво лучше всѣхъ земскихъ пословъ и сенаторовъ.

Избирательный сеймъ, знаменитый не меньше царубійственнаго, открылся 6 октября (27 сентября) 1648 года, въ то время, когда Хмельницкій жарилъ въ огнѣ, душилъ въ дыму и топилъ въ крови уцѣлѣвшій отъ Ватисекаго Лихолѣтя городъ нашего князя Льва.

Болеславъ Ленцисскій, носившій титулъ великопольскаго генерала *), въ пышной рѣчи припомнилъ цвѣтущія времена древняго Рима, и призналъ превосходство надъ нимъ государства Польскаго. По особенной милости Божіей (говорилъ ораторъ избраннаго народа) „Польша преимущественно передъ всѣми народами дана та привилегія, что цари царствуютъ здѣсь по нашей волѣ (per nos reges regnant)... Польша избираетъ себѣ государя безиримѣрно: въ ней столько изби-

*) Генераломъ назывался старшій возный (wojny general). Назывались генералами и некоторые старосты съ особеннымъ правомъ по присвоеннымъ имъ староствамъ.

рателей, сколько шляхты, столько *субфрэгій*, сколько свободныхъ голосовъ“, и т. д.

Первымъ заявленіемъ сеймиковъ было, чтобы военные люди, состоящіе на службѣ Рѣчи Посполитой, не участвовали въ избраніи; вторымъ—чтобы казнить смертью полководцевъ, еслибы оказалось, что они были причиною Пилявецкаго бѣгства. Это послѣднее заявленіе, повторенное въ 4-мъ засѣданіи, сопровождалось крикомъ владмчествующаго народа (*e dominantibus populis*): „Не станемъ ихъ выслушивать! Надо было не уходить! Не слушать ихъ, а судить, какъ дезертировъ (*jako desertores castrorum*)!“

Коронный референдарій требовалъ, чтобы „нанскіе полки“ не стояли близъ „конгресса“, въ избѣжаніе замѣшательства; и чтобы сеймовые папы въ составѣ своей пѣхоты и конницы не держали „Руссаковъ-вѣроломцевъ“. Одинъ изъ земскихъ пословъ совѣтовалъ, чтобы подкарбин тотчасъ отобрали у иностранцевъ и не шляхтичей, какъ духовныхъ, такъ свѣтскія добра, и чтобы тотчасъ караи тѣхъ, которые были причиною козацкой войны. Литовскій канцлеръ отвѣчалъ, что духовныхъ имуществъ нельзя отбирать, не подвергаясь *экскомуникаціи*, а надлежало бы искать судомъ; о двигателяхъ же козацкой войны надобно было бы сдѣлать *инквизицію*, а потомъ *эксекуюцію*.

Въ 4-мъ засѣданіи (9 октября), одинъ изъ сенаторовъ, участвовавшихъ въ Пилявецкомъ походѣ, предложилъ „какъ средство къ спасенію отечества“, утвердить князя Вишневецкаго въ званіи гетмана, потому что его любятъ жолнеры (*do którego żołnierz ma wielkie serce*). Но владычествующему народу „не правилось, что жолнеры избрали себѣ вожда“: онъ боялся диктатуры до такой степени, что даже на одну рѣчь Кнесьля смотрѣлъ, какъ на голосъ повелительный и диктаторскій (*vocem imperiosam et dictatoriam*). Тѣмъ не менѣе подканцлеръ Ленцпекій, въ 5 засѣданіи (10 октября) предложилъ избрать главнокомандующимъ князя Вишневецкаго, по не въ видѣ утвержденія (*non per approbationem*), а въ видѣ просьбы къ нему, и къ этому прибавилъ, что, такъ какъ онъ утратилъ почти все, то надобно ему помочь (*ratować go potrzebą*). Въ томъ же засѣданіи и мазовецкій воевода, Станиславъ Варшавскій, совѣтовалъ вѣрить войско тѣмъ, которые счастливо служили доселѣ, именно воеводѣ русскому, князю Вишневецкому, и воеводѣ кіевскому, Тинковичу. По правительствующей шляхтѣ—выражусь по малорусски—якъсь не дочувала.

Къ чести сеймовыхъ папъ надо сказать, что между ними было много такихъ, которые цѣнили таланты князя Вишневецкаго и требовали, чтобы хоругви короннаго ополченія стягивались къ нему.

Кузвскій бискупъ, громоносный Гибшонъ, сдѣлался теперь почитателемъ покойнаго короля: на томъ основаніи, что Владиславъ съ большими похвалами о воинскихъ достоинствахъ бѣзскаго каптеляна, Андрея Фарлея, онъ совѣтовалъ сдѣлать его товарищемъ Вишневецкаго по гетманству.

Но тутъ выступилъ на сцену единовѣрецъ нашъ, Адамъ Кисѣль, и запѣлъ усыпительную пѣсню свою, какъ будто для того, чтобы Хмельницкій подкрался къ безголовымъ панамъ подъ самыя бока съ ножомъ, а Вишневецкій, вмѣсто рѣшительной побѣды пады разбойникомъ, только дразнилъ его до бѣшенства. Не смутясь колкостями, которыми встрѣтили его на сеймѣ за бѣгство изъ-подъ Пилявцевъ, Кисѣль сдѣлалъ себя почти героемъ дѣя своими увѣреніями, что бѣжалъ съ полкомъ своимъ послѣдній. Тутъ началъ онъ нугать пановъ страшною силою Хмельницкаго, въ его соединеніи съ Татарами. „Ни одинъ монархъ на свѣтѣ не можетъ устоять противъ него“ (говорилъ Свѣнтольдичъ). „Мы потеряли все, онъ приобрѣлъ все (*Myszmy odradli od wszystkiego, on przyszedl do wszystkiego*). Когда выстрѣлить сотня нашихъ Пѣмцевъ, они убьютъ одного. Когда выстрѣлить сотня козаковъ, они навѣрное попадутъ въ 50 человекъ. Огнестый народъ! Численность его велика: намъ съ нимъ не совладать. Легче было совладать, пока не повторилась побѣда. Теперь на наши силы нѣтъ большаго надежды. Это такой тиранъ, котораго подобно или терпѣть, или прогнать, или умолить“ (три тезиса, паноминирующие гибельный совѣтъ папскаго Пестора и Улисса подъ Пилявцами). Приправляя польскую рѣчь макаронизмами, которые ввели въ моду среди Поляковъ іезуиты, Кисѣль формулировалъ свои новые тезисы такъ: „*Každy prawie tyran aut est implicite tollendus aut tolerandus; aut exrignandus, aut placandus*“. „Терпѣть“ (продолжалъ онъ), „это дѣло невыносимое и для Рѣчи Посполитой постыдное. Чтобы прогнать неприятеля, на это нѣтъ силъ у насъ. А умоливать его можно вотъ какимъ образомъ. Подобно какъ можно поскорѣе выбрать такого человека, который бы развѣдалъ: почему первая коммиссія была недействительна? а тутъ козаки познаютъ короля, котораго всё-же боятся они, тогда какъ Рѣчь Посполитую презираютъ и ставятъ ни во что. Благоволите, господа, вѣдать, что для этихъ мужиковъ маестатъ Республики (*majestat Reipublicae*) не существуетъ. А что воно Рѣчь Посполита? говорятъ они. Мы и самі Рѣчь Посполита, а лё король, отъ въ насъ палъ“!

Варшавскій каптелянтъ, человекъ, очевидно, умный, но по имени намъ неизвѣстный, внушалъ несчастнымъ сеймовикамъ, что Ки-

селя, скорѣе можно назвать, шпіономъ Хмельницкаго, нежели защитникомъ отечества. И въ самомъ дѣлѣ, безъ этого Русина, котораго сираведливо считали орудіемъ, кары Господней, какъ и самого Хмельницкаго, у Поляковъ оказалось еще столько здраваго смысла, чтобы въ инструкціи передъ коронаціоннымъ сеймомъ поставить себѣ три спасительные пункта: 1) уплатить жолперу заслуженный жолдъ; 2) разлучить язычниковъ съ бунтовщиками; 3) заключить съ Москвою оборонительный союзъ.

Но „человѣкъ, посредствомъ котораго покаралъ ихъ Рап Богъ“, сдѣлалъ эти мѣры не дѣйствительными заблаговременно. Литовскій канцлеръ говоритъ, что Кисель ненавидѣлъ князя Вишневецкаго. Онъ и долженъ былъ ненавидѣть воина и патріота, въ глазахъ котораго его таланты были глупостью, его миротворцые подвиги — трусливостью; а ненавидя, онъ всячески противодействовалъ фельдмаршалству того, кто его любовь къ отечеству лишилъ бы вождѣннаго памятника. Гетманская булава очутилась на время въ рукахъ, ея достойныхъ, только тогда, когда Кисель, въ своемъ, какъ онъ жаловался, „калѣчествѣ“ (то, есть подагрѣ) бѣжалъ (по его словамъ), не зная куда, потерявши все свои худобы (владѣнія) и не имѣя нигдѣ угла, а въ обозѣ лишающъ и послѣдняго имущества. Теперь, ему надобно было такъ или иначе „вырвать у Геркулеса палицу“, — и Кисель, вопреки античной пословицѣ, совершилъ этотъ подвигъ, прислѣшивъ избраніе короля и затормазивъ избраніе гетмана. Неспособный же къ своему дѣлу король помогъ бессмысленному миротворцу, и доказалъ, какъ демонски уменъ былъ губитель Шляхетскаго Народа, бросая на сеймовце, въсы свой мечъ въ пользу его избранія.

Въ 6 засѣданіи (12 октября) опять былъ поднятъ вопросъ о томъ, какъ собрать разсыпанное войско, какъ создать артиллерію. По мнѣнію нѣкоторыхъ, всего лучше было бы вѣрнуть это дѣло князю Вишневецкому, „чтобъ орудовала всеѣмъ одна голова“. По другіе заняли вниманіе законодателей болѣе важнымъ для нихъ предметомъ, чтобы не осуждали князя Заславскаго, не выслушавъ дѣла (*debu go die, condemnovano inaudita causa*).

Для спасенія отечества, сеймующіе паны дѣлали различа пожертвованія, кто деньгами, кто вооруженными людьми. Канцлеръ Оссолинскій, проповѣдывалъ весьма разумно, что кто желаетъ подавать полезныя совѣты въ Республикѣ (*кто esse salubre dare consilia in Republica*), тому необходимо знать настоящее положеніе Республики и положеніе непріятели. Послѣ того исчислилъ онъ опаснѣйшіе случаи въ прошедшемъ и указалъ на 1621 годъ, когда, послѣ Цецорской катастрофы,

краковскій воевода, Лпъ Тепчинскій, пособилъ общей бѣдѣ. Такъ и теперь совѣтовалъ Оссолинскій послать кого-нибудь изъ боевой шляхты съ какимъ-нибудь полкомъ для развѣдокъ о положеніи непріятеля. Въ составъ полка предлагалъ онъ собственную ассистенцію въ числѣ 600 жолнеровъ. „Но это были только слова“ (замѣтилъ грустно въ своемъ дневникѣ князь Радивиль): „ничто не было приведено въ исполненіе“.

Всѣ надежды лучшихъ людей (которыхъ печальный удѣлъ составляеть ихъ всегданшес меньшинство), людей, возбуждавшихъ самодѣятельность въ обществѣ, на мѣсто малодушныхъ упованій да ожиданій, — всѣ ихъ надежды рушились избраніемъ такого короля, какой былъ нуженъ Хмельницкому.

Въ томъ же засѣданіи одинъ изъ земскихъ пословъ жаловался на Киселя, что на convocacіи онъ обѣщалъ — или умиротворить непріятеля, или положить свою душу. „Ничего этого не видимъ“ (говорилъ представитель здраваго смысла общественнаго): „напротивъ, изъ совѣта умолять Хмельницкаго мы видимъ, что онъ держитъ его сторону. Никогда мы этого не сдѣлаемъ: только Бога мы должны молить о грѣхахъ нашихъ“.

По Кисель опирался на мнѣнія тѣхъ, которые подразумевались въ рѣчи одного изъ сеймовиковъ подъ словами: „всѣ мы находимся въ лстаргическомъ силѣ“, — на тѣхъ, кого разумѣлъ князь Радивиль, когда писалъ въ своемъ дневникѣ: „почти всѣ памѣревались бѣжать изъ Варшавы“, да на тѣхъ, о которыхъ написалъ онъ по окончаніи сейма: „Такая была консперпація въ Варшавѣ, что когда бы появился хоть одинъ козацкій полкъ, то навѣрно всѣ бы мы разсыпались“. Кисель говорилъ такъ убѣдительно для своихъ слушателей, что въ сеймовомъ дневникѣ записано: „Панъ воевода брацлавскій оправдалъ себя (dał o sobie justifikacya)“.

Въ 7 засѣданій (13 октября) „великопольскій генераль“ объявилъ, что, судя по релациі комиссаровъ, онъ пришелъ къ заключенію (*le biogre z niej quintam essentiam*), что Господь Богъ не далъ воспачальникамъ ни ума, ни мужества (*Pan Bóg gady nie dał i serca*). Теперь приводило его въ отчаяніе то обстоятельство, что въ Варшавѣ не знали о непріятелѣ ничего вѣрнаго. А это значило (замѣчу отъ себя), что козаки превосходили шляхту и умѣлиемъ вывѣдывать ся тайны, а способностью скрывать свои собственныя; что козацкія чаты были несравненно смѣльче и пскуслѣе панскихъ; что опъ театръ свой разбойно-военныхъ дѣйствій окружали непроходимую для панскихъ подвѣзъ

довъ цѣпью, какъ это было и на Желтыхъ Водахъ, и послѣ Желтоводскаго боя.

„Вы согласились вчера“ (говорилъ намъ Богуславъ Лещинскій, раскрывая передъ нами всю несостоятельность папскаго правительства), — „вы согласились послать подѣздъ подъ непріятеля, да бѣда въ томъ, что денегъ нѣтъ. Нашъ подскарбій уѣхалъ, не оставивъ никого въ Скарбѣ, а на общественный кредитъ (*ad fidem publicam*) никто не дастъ. Ужъ не сложится ли намъ хоть по сотнѣ злотыхъ“?..

Это было знаменитое засѣданіе въ томъ отношеніи, что, не имѣя ни денегъ, ни кредита, сеймовые папы пришли къ единодушному рѣшенію: „отдать булаву надъ войскомъ князю Вишневецкому“. Такъ записалъ въ своемъ дневникѣ литовскій канцлеръ; и въ сеймовомъ дневникѣ читаемъ: „Его милость ксендзъ примасъ опубликовалъ Князя Теремію гетманомъ“.

То былъ великій моментъ въ жизни Шляхетскаго Народа. Князь Вишневецкій, рожденный для диктатуры или для самодержавной власти, создалъ бы этому несчастному народу и кредитъ, и войско. Судьба Народа Козацкаго была бы тогда другая, а съ нею и судьба европейскаго Сѣвера, — другая въ лучшемъ, или въ худшемъ смыслѣ, но только не было бы такого человѣкоистребленія и такого звѣрства, съ какимъ оно совершалось этими двумя оригинальными республиками въ теченіе 120 послѣдующихъ лѣтъ.

Спасеніе польскорусскихъ культуриковъ, каковы бы они ни были, представлялось возможнымъ, и многія благородныя сердца трепетали радостными надеждами. Но Кисель (нишеть литовскій канцлеръ) ненавидѣлъ князя Вишневецкаго, и хотѣлъ разрушить общее согласіе, говоря: „Я, яко сенаторъ, по долгу моея присяги, обязанъ предостеречь Рѣчь Посполитую, что ея избрала гетманомъ только одна тысяча жолнеровъ. Если это избраніе будетъ утверждено, то всѣ будутъ очень обижены (*wielkie wszystkim stanie się praecipitium*). Притомъ же намъ гораздо пуживѣ избрать короля, нежели гетмана, такъ какъ, при недостаткѣ войска“... Но тутъ поднялся крикъ и заглушилъ его рѣчь. Киселя забросали сарказмами (*haniebnie szczypiąc wojewodę braclawskiego*), и тѣмъ засѣданіе кончилось.

На другой день, въ засѣданіи 8 (14 октября), было получено письмо князя Вишневецкаго о томъ, что, не желая быть заткнутымъ во Львовѣ, онъ отступилъ съ горстью своего войска къ Замостью, и намѣренъ тамъ собирать войско. Это произвело нѣкоторое движеніе въ средѣ польскихъ законодателей; но, по словамъ сеймоваго дневника, время проходило въ бесполезныхъ толкахъ, „матерію клали на

матерію“, и не приходили ни къ какому концу. (Въ Варшавѣ не было другой Катерины Слонѣвской, а она прославила бы свой полъ несравненно больше первой). Наконецъ остановились на вопросѣ: которыя хоругви преступише: тѣ ли, которыя бѣжали съ поля битвы, или тѣ, которыя до сихъ поръ не двигались изъ своихъ *лежъ* и угнетаютъ мѣстныхъ жителей? Но отъ этого предмета отвлекъ ихъ крикъ, что паны грузятъ уже возы да шкуны, съ тѣмъ чтобы уходить изъ Варшавы, предавши прочихъ на мясныя лавки (na mięsne jatki wydawszy). „Клянусь Богомъ“ (кричалъ одинъ изъ земскихъ пословъ), „мы съ братьей перебьемъ ихъ за это!“ Со стороны другихъ пословъ раздались крики противъ ротмистровъ, которые, получивъ отъ Рѣчи Посполитой деньги, не идутъ въ войско, а люди ихъ тутъ же, подъ Варшавой, грабятъ, дерутъ, разбойничаютъ. „Не для того ли они стоятъ здѣсь“ (говорили послы), „чтобы свободную шляхту лишить свободныхъ голосовъ при избраніи короля? Но сперва мы положимъ кого-нибудь трупомъ, или ляжемъ сами, нежели позволимъ отнять у себя драгоценное право“.

Крикъ этотъ былъ прерванъ извѣстіемъ, что Хмельницкій прислалъ подъ Люблинъ Татаръ, чтобы они, выжегши окрестности, держали городъ въ блокадѣ, пока самъ онъ придетъ съ войскомъ.

Заговорили о посполитомъ рушеніи. Нѣкоторые исключали изъ него свои провинціи, яко подверженныя великой опасности. Это заставило пановъ корить своихъ собратій старинкою. „Тогда де было не такъ: тогда польскій шляхтичъ одной рукой держался за плугъ, а другой за саблю. Теперь шляхетское сословіе занимается больше браками, нежели походами“. Одни настаивали на посполитомъ рушеніи; другіе предлагали уплатить соотвѣтственный налогъ. Мазуры требовали, чтобы все шло въ походъ одновременно: „ато вы сперва выгубите насъ, людей убогихъ, да и заслонитесь нами (выставляя насъ впередъ) отъ непріятеля. Не позволимъ! не бывать этому!“

Въ 9 засѣданіи (15 октября) читали универсалъ, повелѣшающій, чтобы и разбѣжавшіеся и не дошедшіе еще до лагеря собрались къ Вишневецкому въ теченіе 14 дней, подъ смертною казнью (*sub poena perduellionis et colli*). Одинъ изъ земскихъ пословъ предложилъ написать универсалъ къ мужикамъ, обещающій имъ безопасность, только бы они не приставали къ козакамъ: ибо нѣкоторые (говорилъ онъ) пошли въ козаки изъ-за того, что жолперы не только грабили ихъ, но и страдали вырубить всѣхъ въ цепь, идучи назадъ.

Это напоминаетъ намъ давнишнія страданія малорусской черни съ одной стороны отъ козаковъ, съ другой — отъ жолперовъ. Польская

неурядица сама собою вела посполитый народъ къ козачинѣ. Населеніе государства, стоявшаго, по польской пословицѣ, *bez rządem* *), само собою раскалывалось на козаковъ и не-козаковъ. Со времени великаго и несчастнаго въ своей великости Жѣковскаго, не только мужики, угнетаемые жолнерами да козаками, умножали собою козачину, но и жолнеры, не получивъ заслуженнаго жолду, „приставали въ козаки“. Теперь готовился новый контингентъ козачины: тысячъ двадцать малорусской шляхты, оставшись безземельниками и не находя въ польско литовскомъ обществѣ никакого вспоможенія, угрожали присоединиться къ козакамъ, какъ это дѣлали давно уже землевладельцы всѣхъ вѣроисповѣданій, вытѣсняемые изъ имѣній своихъ богатѣющими ксендзами, да мнѣхами. Объ этомъ, какъ увидимъ ниже, подумывать вслухъ на сеймѣ и самъ Кисель, а маршалъ Посольской Избы, Обуховичъ, высказалъ его мысль (въ засѣданіи 21 октября); не обинуясь.

Разореніе и распаденіе Польши объясняютъ у насъ геройскимъ стояньемъ полутатаръ и полуполяковъ за православную вѣру и русскую народность, а Польша разорялась и распадалась уже давно сама собою. Доказательствомъ тому служить, между прочимъ, ея постоянная боязнь передъ собственными защитниками своими. Она боялась переходовъ своего *платнаго*, иначе *грошоваго* (служившаго за жолдъ) жолнера; еще больше боялась *сіагніенія* **) своихъ посполитаковъ, а еще больше—столкновенія жолдовыхъ воншовъ съ посполитаками. Такъ и настоящій сеймъ не рѣшался объявить посполитое рушеніе на козаковъ изъ опасенія, чтобъ окружаніе сеймующую Варшаву панскіе гвардейцы, ипаче *ассистенты*, называвшіеся вообще панскими полками, на возвратномъ пути не сталкивались съ отрядами посполитаковъ и не нападали на нихъ по поводу фуражировки, да обычныхъ польскимъ воншамъ грабежей, или же — не подвергались нападеніямъ съ ихъ стороны.

Эта боязнь парализовала оборонительную самостоятельность Шляхтскаго Народа въ то время, когда Народъ Козачій угрожалъ ему показать свою близость пожарными дымами да заревами. Слѣясь „горькимъ смѣхомъ“ надъ своею братьей, медлящей въ мѣропріятіяхъ, одинъ изъ членовъ законодательнаго собранія говорилъ такъ:

„Не знаю, господа, кто бѣжалъ: *наши*, или козаки? Мнѣ кажет-

*) Неурядицею.

**) Похода.

ся, что козаки, потому что мы их не боимся. Это видно из того, что мы не думаемъ объ ихъ близости. Еслибъ мы ихъ боялись, то поставили бы — или посполитое рушеніе, или вербовку жолнера для обороны. Мы хотимъ одного, а вы, господа, другаго: значить опасности нѣтъ“.

Подъ шумъ безплодныхъ споровъ и пререканій, нашъ Адамъ Свѣнтольдичъ хлопоталъ всего больше о томъ, какъ бы его любовь къ отчизнѣ не оставалась безъ памятника, или, какъ онъ выражался въ письмѣ къ примасу (сидитъ повторить слова великаго гражданина): „Te moję wierną przysługę aby mi nikt nie wydzierał, i żeby absque monumento pietatis ku ojczyźnie nie zostawała“. Допустить, что бы князь Іеремія спасъ отечество — для него значило: остаться безъ награды за любовь къ отечеству. Надобно было ссадить его съ гетманства. Такъ какъ, по словамъ князя Радивила, за всякое посягательство на булаву Вишневецкаго шляхта всячески позорила Киселя, то онъ молчалъ о ней и, вмѣсто того, настаивалъ на скорѣйшемъ избраніи короля, который могъ отдать ее кому угодно.

Подобныхъ Киселю патріотовъ развелось въ свободномъ Шляхетскомъ Народѣ безъ числа. Въ 10 засѣданіи сейма (16 октября) нѣкоторые изъ его членовъ обвиняли другихъ въ утайкѣ денегъ, полученныхъ на войско. Одинъ изъ обвиняемыхъ сенаторовъ, за немѣніемъ другихъ доказательствъ напекской чести, прибѣгнувъ къ доказательствамъ желѣзнымъ (żelazne gąsue): „Никто цюгливый *) не скажетъ мнѣ такъ. У меня при боку шпага острая: я вспомню объ этомъ въ свое время“. По угроза храбраго сенатора была сдѣлана не мнѣе храброму подсудку, и онъ отвѣчалъ: „У меня тоже острая сабля: дасть она себя знать сенаторской глоткѣ (która się ujmie senatorskiej gębu). На это нашъ сенаторъ призналъ благоразумнымъ замолчать.“

Вѣсти о козакахъ, прилетѣвшихъ изъ Люблина, заставили даже миролюбиваго Киселя подумать о войнѣ. Онъ увѣрялъ, что непріятель стоитъ на мѣстѣ таборомъ, а воюеть наповъ гультайство, распущенное загонами, и потому слѣдовало бы послать противъ этихъ загоновъ „летучіе отряды, squadrone volante, какъ говорятъ Итальянцы“. Но это было *primum desiderium*. Шляхта продолжала ссориться даже и тогда, когда получила извѣстіе объ опасности, угрожавшей Сокальскому монастырю-зѣмку, въ которомъ окрестные наши сложили свою

*) Слово непереводимое: оно значить и добродѣтельный, и честный, и сознающій свое достоинство.

драгоценную подвижность. Въ сеймовомъ дневникѣ записано, что въ теченіе цѣлаго дня не было рѣшено ничего; и что засѣданіе распущено въ безпорядкѣ и крикахъ (*w nieładzie, halasie soluta est sessio*).

Въ 11 засѣданіи (17 октября) читали два повые универсала: одинъ—къ разсѣяннѣмъ жолнерамъ (*do żołnierzów rozprószonych*), а другой—къ тѣмъ, которые еще не были въ лагерѣ, чтобы первые собрались къ Вишневецкому въ теченіе 4 недѣль, а другіе—въ теченіе двухъ, подъ смертною казнью. При этомъ литовскій подканцлеръ, панъ едиповѣрецъ Гедсопъ Михайлъ Тризна, „пикомъ образомъ не согласился титуловать Вишневецкаго и его товарища Фирлея *гетманами*, а только *региментарями*, для того, что, когда литовскій гетманъ придетъ къ нимъ на помощь, то чтобы старшинство оставалось за нимъ: еще одинъ предметъ раздора!

Нѣкто Мисвоскій объявилъ государственнымъ людямъ, съ подобающею земскому послу важностью, что совѣты ихъ затрудняютъ *русскія чары*, не давая прійти ни къ какому рѣшенію, и что лучшее средство противъ такихъ чаръ—братская искренняя любовь, безъ которой де паны, въ дерзкомъ свосвольствѣ свосми, должны погибнуть (*bez tej bowiem nam per temerariam licentiam licet perire fato nostro*).

Земляки паны, паны Огинскіе, приняли эти слова за камень, брошенный въ ихъ огородъ, и подняли было крикъ, а тотъ началъ кричать противъ нихъ и вдвое. Но одинъ изъ ветерановъ московскихъ походовъ угомонилъ національный аптагопизмъ, рассказавши, что когда онъ былъ въ осадномъ сидѣннѣ въ московской столицѣ, то Москали хотѣли было посредствомъ чаръ впускать своихъ въ городъ небольшими партіями. „Замѣтивъ это“ (говорилъ вестерапъ), „мы отиравили противъ чаръ ксандза съ крѣпиломъ, а сами выкосили Москалей саблями“.

Эту серьезную бесѣду прервалъ коронный канцлеръ Оссолинскій. „Прекрасно вы сдѣлали, госнода“ (сказалъ онъ), „что выбрали гетмановъ; но гетманы безъ войска ничего не значать, а войско у насъ только на бумагѣ, на дѣлѣ же у насъ больше желанія, нежели надеждъ (*magis optandum, quam sperandum*). Всякому понятпо, что и эти бѣглецы (*fugitivi*) потеряли вес: какъ могутъ они быть обязаны къ невозможному? Невозможно имъ служить за этотъ жолдъ, потому что за него пельзя спарядиться къ походу какъ слѣдуетъ, а мы оттолкнемъ (*odstraszymy*) отъ себя этимъ случасмъ всѣхъ иностранцевъ, если будемъ ихъ припуждать къ такой панципѣ (*gdy ich tak będziemy angarejowac*). Надобно разослать намъ по восводствамъ депута-

товъ, чтобъ узнали, сколько въ какомъ восводствѣ денегъ, и тогда назначили жолнерамъ жолдъ вѣрный и соотвѣтственный“.

При этомъ „великопольскій генералъ“ замѣтилъ падамъ, что они избрали гетмановъ безъ войска, а войско хотятъ дабратъ безъ денегъ, и умолялъ, чтобы депутаты были назначены по всѣмъ предметамъ и прежде всего добыли денегъ.

Когда сеймовики углубились въ мудреный вопросъ, какъ выйти изъ безденежья, нѣкто Бжозовскій (очевидно, Березовскій) прискакалъ верхомъ и предсталъ предъ нихъ въ бандолетовой перевязи и въ ладункѣ, съ реляціей о пораженіи литовскаго войска и паденіи Греста и Кобринта. Онъ допесъ, что папъ Кіевскій (то-есть кіевскій каштелянъ) отдалъ свои вѣщи на спрятъ монахамъ, и что поэтому козаки вырѣзали два города, а теперь идутъ къ Бѣльску, и всѣ мужики съ ними. Грестскіе хлебы (говорилъ Бжозовскій) также понасаживали себѣ косы.

„Это вызвало свистъ и смѣхъ“ (сказано въ сеймовомъ дневникѣ), „и никто не далъ тому вѣры, хотя все была правда“.

Среди помѣшанпыхъ на своей силѣ и власти сеймовиковъ, даже напѣ Адамъ Свѣтольдичъ явился мудрецомъ. Онъ произнесъ такую рѣчь:

„Господа, вы повелѣваете собраться войску въ 14 дней; но и это долгій срокъ: ибо войны зависятъ отъ момента (*bella momenti constant*). Другимъ вы назначаете 4 недѣльный срокъ; но они не придутъ и въ 10 недѣль. По восводствамъ деньги перѣрны. О посполитомъ, рушеніи ничего не рѣшено, а оно-то и могло бы спасти насъ. Поэтому, если Раѣ Вѣг не остановитъ непріятели, то мы неизбѣжно погибнемъ (*actum est, perimus*)! А между тѣмъ гдѣ прикажете намъ, убогимъ, приклонить голову? Невозможное дѣло, чтобы вы могли выкурить такъ скоро непріятели изъ тамошнихъ нашихъ краевъ. Поэтому—или насъ обезпечьте и дайте намъ содержаніе, или велите намъ промыслять о себѣ иначе (*radzię o sobie*). Помочь намъ въ пуждѣ вы—или не хотите, или не можете. Если не хотите потому, что не заслуживаемъ того за нашу доблесть (*non meruimus pro virtute nostri*), у вашихъ милостей,—потому что соблюли вѣрность, то чего же намъ наконецъ надѣяться? (*quid tandem sperandum nobis*)? Если не можете, то — мы погибнемъ. Сдѣлайте же еще попытку: поплите къ Хмельницкому отъ имени королевичей: ибо, какъ пужда ломаетъ законъ и достоинство Республики, такъ и случаи творятъ законы (*sicut necessitas frangit legem et dignitatem Reipublicae, tak casus faciem leges*): иначе—и самую элекцію, эту зѣвницу свободы (*hanc pupillam*

libertatis), основаніе и фундаментъ нашей вольности (basin et fundamentum swobody naszej), погубите вы вмѣстѣ съ собою. Боюсь, чтобы тѣ, которыхъ силу подавляетъ убожество (których moc premitur egestate), не вздумали, въ своей бѣдѣ, покунуться на что-нибудь горшее, чѣмъ Хмельницкій (czego gorszego nie chcieli, niż Chmielnicki). А потому—или сокращайте элекцію, чтобы вмѣстѣ съ королемъ явился и всякіе способы и легче все пошло, или ужъ, опустивши руки, будемъ ожидать милосердія Божія, или же, наконецъ, побросавъ сады да фонтаны и взявшись за руки, давайте погибнемъ все разомъ! Это лучше, нежели бѣжать въ Данцигъ. Скажу вамъ откровенно, господа, что если вы хотите оставить себѣ только Привислянищину (Prowisła) и нашу гибелью купить себѣ миръ, то намъ лучше убить себя съ вами (tedy się wolimy zabijać z w Mełami). И такъ—или выбирайте короля, или хлопните о миръ.

Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвела эта лукаво прямодушная рѣчь; но въ сеймовомъ дневникѣ записано слѣдующее:

„Луцкій бискупъ (Андрей Гембицкій), не желая дать 10.000 червонныхъ золотыхъ, плакалъ, и панъ маршалъ, изъ сожалѣнія къ нему (załując biskupa straty swego), записалъ въ ресстрѣ эти деньги полученными. Панъ Фредро (львовскій канцелярь, писатель-философъ) корилъ паповъ, что въ прежнія вербовки, которыя дѣлались на притѣвленіе нашихъ вольностей, бросали золотую посуду на деньги, а теперь ваши милости, паны сенаторы, дасте такія малыя вспоможенія погибающему отечеству, что весь Сепатъ едва сложился на 1.000 человекъ. Клянусь Богомъ, я продаю послѣднее имущество; пускай только мнѣ за него заплатятъ, не прикоснусь къ деньгамъ, лишь бы спасти отечество. Вы, господа сенаторы, дадите строгій отчетъ Богу за то, что не спасаете отчизны. Вчера я предлагалъ набрать пѣхоту въ городахъ,—никто не слушалъ меня. Просилъ ихъ милостей паповъ печатарей, чтобы приватно, собственнымъ авторитетомъ, убѣждали королевичей мириться въ сонскапін престола (aby się godzili o państwo),—и на это отвѣчали молчаніемъ“... Коронный канцлеръ говорилъ, что когда до насъ доходятъ печальныя вѣсти, это насъ такъ поразитъ, что мы тотчасъ все даемъ и все бьемъ; а когда выйдемъ изъ-подъ сеймоваго навѣса (z szory), тотчасъ позабываемъ обо всемъ и думаемъ только о добромъ здоровьѣ *вашиности*. Первый разгромъ *обоза* такъ насъ потрясъ и воодушевилъ, что только и кричали, что *бей его! рази его!* Я думалъ, что ужъ и Крымъ, и Константинополь возьмемъ чѣтою. Прошло нѣсколько дней,—и наше одушевленіе изчезло безъ слѣда (aż owa ochota zgasła w nas, ani jej slychać, cis-

pać w nas było). Теперь опять новая тревога разбудила въ насъ любовь къ Рѣчи Посполитой, а тамъ за бокалами смотри—опять забудемъ все. Чтò же насъ испортило? Миръ, продолжительный миръ, въ которомъ научились мы, какъ сказалъ кто-то, по-пѣмецки хозяйничать, по-итальянски фоптанничать, по-французски модничать и ароматничать. А насъ и предковъ нашихъ Господь Богъ поставилъ, какъ редуть и предостѣние всего Христіанства (*jako propugnaculum totius Christianitatis, jako antemurale wszystkiego Chrześciaństwa*)⁴.

Въ 12 засѣданіи (19 октября) гродзкій писарь внесъ законопроектъ, чтобы никому изъ отцовъ отечества не дозволялось ни самому спускаться внизъ по Вислѣ въ Данцигъ, ни скарбовъ и вещей не возить.

Кисѣль жаловался передъ сеймомъ на крайнее убожество малорусскихъ землевладѣльцевъ, разоренныхъ козаками. „Здѣсь насъ такихъ“ (говорилъ онъ) „plus minus 20.000. Жить намъ печѣмъ, просить милостыни не у кого. Когда наши братья такъ туги на ухо (*obdurate aures braterskie*), то единственное средство—сохранить срокъ *эксцизи* да выбрать поскорѣе короля: тогда и отечество спасемъ, и положеніе пняхты возстановимъ. Если же ваши милости останетесь и впредь жестокосердыми къ намъ, то придется намъ промышлять о самихъ себѣ“...

По тутъ собраніе вспомнило вчерашнія слова оратора: „Боюсь, чтобы тѣ, которые слабосильны только потому, что убоги, не покусились на что-нибудь горше, чѣмъ Хмельницкій“,—и закричали: „*Эта imperiosa vox et dictatoria!*“

„Штъ, господа!“ (отвѣчалъ Кисѣль): „это не *vox imperiosa*, а *vox lacrymosa* *). У насъ ничего не осталось, кромѣ имени да голоса титула. Если нельзя ничѣмъ помочь намъ, то, спасаясь отъ гибели, мы будемъ принуждены какимъ бы то ни было способомъ возвратитъ себѣ древнюю свободу и прежніе достатки (*quibuscumque mediis antiquam libertatem i pierwsze dostatki nasze vindicare*)“.

Видя, что никто ничего не дѣлаетъ и всѣ только безконечно говорятъ, спорятъ, взаимно грозятъ, „великопольскій генералъ“ выразил опасеніе, чтобы сеймующіе паны не разсѣялись, подобно шлявецкою войску, при появленіи непріятельской чѣты. Предупредить подобную катастрофу находилъ онъ возможнымъ только соединеніемъ сенаторскихъ почтовъ подъ начальствомъ „великихъ кавалеровъ“, витеб-

*) Не повелительный голосъ, а плачевный.

скаго воеводы, Павла Сопіги, и литовскаго обознаго, Осинскаго. Безъ нашихъ Русичей, крещенныхъ или еще некрещенныхъ въ римское католичество и въ протестующую противъ него прѣмецкую вѣру, Польша не видѣла себѣ спасенія. Наши Русичи, Острожскіе, Радивилы, Сопіги, Вишневецкіе, Сангушки, Черторыйскіе и пр. и пр., обогатили ее своей обширной плодородной землей. Наши Русичи, Замойскіе, Жовковскіе, Сѣнявскіе, Мелецкіе, Струсы, Лживоронскіе, Збаражскіе, Зборовскіе и пр. и пр. и пр. обороняли и прославляли ее. Наши Русичи Вѣльскіе, Кохановскіе, Рен создали польскую литературу. Наши же Русичи, поссорясь одинъ съ другими удѣльно-вѣчевымъ обычаемъ, втоптали въ грязь, облили кровью, растерзали въ клочки соединительное польское знамя, и погубили Польшу, какъ неспособную къ самобытности политическую систему... Дошло до того, что когда одинъ изъ земскихъ пословъ предложилъ—или заключить съ козаками какой бы то ни было миръ, пока паны соберутся съ силами, или идти противъ нихъ таборомъ,—слушатели разсмѣялись и засвистѣли. Но ораторъ объявилъ смѣющимся свистунамъ, что мѣстные гультаи собрались было уже поджечь Варшаву съ крикомъ *Гага! Гага!* какъ дѣлали козаки представляя изъ себя Татаръ. Свистуны ужаснулись.

Тогда другой ораторъ сказалъ: „Господа! это насъ докончить, если насъ будетъ пугать всякая вѣсть. А коронный референдарій къ вѣсти о единовѣрныхъ и единоплеменныхъ поджигателяхъ прибавилъ, что въ субботу (17 октября) видѣлъ уже корнеты и зажженные фитили.“

Чтобы не распространилась въ обществѣ напика, подсказывавшая панскимъ гультаямъ козацкія злодѣянія, гродскій писарь предложилъ законопроектъ,—чтобы паны не посылали хлѣба въ Данцигъ, такъ какъ, подъ видомъ отправки хлѣба, они вывозили свое имущество.

Не менѣе характеристиченъ и законопроектъ, предложенный тутъ же однимъ изъ земскихъ пословъ: волохтеры должны быть извѣстны герману: „иначе де наши будутъ грабить больше, нежели неприятель“.

Отъ избранія короля классически воспитанные паны ждали такихъ результатовъ, какіе послѣдовали въ древнемъ Римѣ за венчаніемъ Августа, который де Квиритовъ усмирить одною своею славою (*Quirites ipsa fama sedavit*).

Тутъ нѣкто намъ Обрынскій вспомнилъ о Павлюкѣ, который де самозванно коронованный головой (*ipso coronato capiti*) грозилъ королю Владиславу опасностью, и чѣмъ же кончилъ? Съѣлъ на колѣ.

То же было бы теперь и Хмельницкому, когда бы мы успѣли избрать короля.

Папы извращали даже недавнопрошедшее, такъ же какъ и рожденныя панской неурядицей козаки. Павлюкъ былъ обезглавленъ и потомъ четвертованъ, а корону ему навязала стоустая молва, затмившая и жизнь Хмельницкаго, которую надобно изучать исторически въ дѣяніяхъ козатины, а не біографически въ пересказахъ современниковъ о его словахъ и поступкахъ.

Въ 13 засѣданіи (20 октября) войсковые послы выразили свое неудовольствіе на то, что въ сеймовыхъ универсалахъ князь Вишневецкій не названъ *absolute* гетманомъ, а только региментаремъ. Сеймовики „извинялись“ передъ ними тѣмъ, что и прочіихъ полководцевъ именovali только региментарями, а не гетманами. „Дѣло ясное“ (говорили они), „что мы не можемъ этого права вырвать изъ рукъ у будущаго короля: ибо наименованіе *гетмана* Рѣчь Посполитая отдала ему въ руки вмѣстѣ съ раздачею дигнитарствъ (*cum justitia distributiva*). Войсковые послы возразили на это, что заслуги князя Вишневецкаго и его геройскія доблести (*heroicae virtutes*) не допускаютъ никакихъ сравненій. Но разъ универсалы были разосланы, папы оправдывали себя невозможностью исправить ошибку, такъ какъ легче порицать ошибки, нежели исправить ихъ (*errores magis reprehendi, quam corrigi possunt*), хотя въ этомъ казусѣ видать было Киселя, какъ по хвосту видна лисица. Недавно еще онъ проповѣдывалъ, что *necessitas frangit legem*; теперь, когда другіе говорили съ его голоса, онъ молчалъ.

Были еще и другіе поводы къ раздорамъ. Папы подозрѣвали однихъ другаго въ подкупности. По поводу взаимныхъ упрековъ, засѣданіе было распущено.

Въ 14 засѣданіи (21 октября) трактовали о томъ, чтобы города поставляли въ войско пѣхоту, о чемъ давно хлопоталъ моралистъ Фредро. Депутаты поклялись совѣстью (*sub conscientia*) не давать потачки городамъ, что говорить само за себя. Мѣщане подьякиныхъ городовъ должны были поставлять въ пѣхоту „Ляховъ“ или иностранцевъ, а не „Русь“, что также говорить само за себя.

Маршалъ Посольской Избы возлагалъ всю надежду на избраніе короля. „Можетъ быть, нашъ король“ (говорилъ онъ) „такъ будетъ счастливъ, какъ Помпой, который только ударилъ въ землю, тотчасъ вышло изъ земли войско. Въ противномъ случаѣ, помните, господа, до чего могутъ быть доведены наши братья: утративши все и не найдя въ насъ любви къ себѣ, они *навѣрное перейдутъ къ непріятелю*“.

Теперь только дошла до варшавягъ вѣсть, что Хмельницкій „взялъ“ львовское предмѣстье и распустилъ загоны подъ Сендомиръ. Земскій посолъ, Ляховскій, жаловался, что подъ Сендомиромъ пропало у него имущества на 500.000 злотыхъ.

15 засѣданіе (22 октября) описано въ сеймовомъ дневникѣ такъ: „Цѣлый Божій день провели въ толкахъ о сокращеніи элекціи; наконецъ сократили ее до 4 ноября, а она должна была кончиться ноября 6. Потомъ говорили объ обезпеченіи города. Посылали къ намъ сенаторамъ просить объ обѣщанномъ гарнизонѣ; по ничего не получили, кромѣ отерочки да невѣрныхъ обѣщаній, въ родѣ группъ на вербѣ. Набрашившись досыта и ничего не сдѣлавши, удовлетворились мы сокращеніемъ элекціи, и нашъ маршалъ распустилъ насъ рано“.

О 16 засѣданіи (октября 23) сеймовой дневникъ говоритъ, что, до чего ни касался, всюду было несогласіе, вѣчные споры о пустякахъ (*de lana sergina*). „Такъ совѣщаются“ (говоритъ дневникъ), „какъ будто въ самое мирное время (*in pacatissimo Reipublicae tempore*),— совѣщаются для забавы (*per passar il tempo*). А непріятель находится сегодня уже только въ 14 миляхъ отъ Варшавы; со стороны Литовскаго Вреста, а со стороны Люблина— въ 20 миляхъ. Одни совѣтовались, какъ бы идти навстрѣчу непріятелю, другіе— какъ бы обогрнать переправу на Вислѣ, третьи— какъ бы защищаться въ Варшавѣ. Таковы были разсужденія, а самое дѣло стояло такъ, что все живое укладывало свои *робы* въ сундуки; шинировали тюки; отправляли готовые возы; снастили шкуны и ялики. По улицамъ ни о чемъ больше нѣтъ рѣчи, какъ о томъ, что напы собираются въ путь. Мы только смотримъ, что далѣе будетъ. Въ сеймовомъ кругѣ (*w kole*) раздаются клятвы, что будутъ сопротивляться до убоя (*do gardu*), а въ дѣйствительности ни малѣйше не было на то похоже. Неужели же мы подѣлалась Жидами? или ужъ отъ насъ и самъ Господь Богъ отступился, и намъ осталось только бѣжать, куда глядятъ глаза?*) Въ такомъ несчастномъ положеніи, не имѣемъ о непріятелѣ никакой вѣсти, даже о Львовѣ не знаемъ ничего (а писано это было въ тотъ день, когда Тогай-бей отступилъ уже отъ Львова съ окупомъ и многими тысячами ясыра). Знаемъ только, что въ немъ гарнизона 200 пѣхотинцевъ да вѣщанъ при Армишевскомъ человѣкъ 15. Въ Замостьѣ нашъ воевода русскій велѣлъ разобрать русское предмѣстье и расположился тамъ лагеремъ подъ самыми стѣнами, запасаясь прові-

*) Въ этомъ смыслѣ и Хмельницкій называлъ напское оночненіе Жидами.

янтюмъ изъ окрестныхъ мѣстъ и не пада ни чьихъ гунепъ. Своевольныя купы бродятъ по разнымъ мѣстамъ. Нынѣшнее засѣданіе потрачено все на невѣрныя новости и различныя вѣсти, о чемъ срамъ и писать (o czémъ stomola i pisacé)“.

Въ 17 засѣданіи (24 октября) „великопольскій генераль“ заявилъ, что и та горсть войска, которая находится подъ командой князя Вишневецкаго, намѣрена разойтись, если жолнерамъ тогчасъ не уплатятъ жолду. Онъ совѣтовалъ поступить и съ Варшавой такъ, какъ поступлено со Львовомъ, гдѣ депутаты брали на кредитъ Рѣчи Посполитой все, что находили въ лавкахъ и костелахъ. Это засѣданіе было распущено потому, что одинъ изъ молодыхъ членовъ былъ пьянъ и не далъ постановить никакого рѣшенія. Авторъ дневника изобразилъ возмутительное для насъ сеймовое безобразіе слѣдующими словами: „Tandem ktos mlody zagrzawszy glowy, którego znać foecundi calices fecere discretum, in murmurę powstal, że compellare licet minis, niż rationibus. Pan referendarz koronny: „troszczekę śmieie“: zkad jedni w śmiech, a drudzy się turbowali“ ..

Въ 18 засѣданіи (26 октября) земскіе послы роптали на то, что универсалъ къ бѣглецамъ (do gosprószehców) лежитъ неразослашннй. Въ этомъ обвиняли сенаторовъ, которые де не желали, чтобъ ихъ дяденьки, племяннички и т. д. нюхали оцять порохъ, отъ котораго ушли.

„Этого только и недоставало къ нашимъ бѣдствіямъ“ (сказалъ Фредро). „Что сегодня постановляемъ, то завтра огмвняемъ. Не знаю, что причиною задержки универсаловъ: injuria, или industria ихъ мцлостей наповъ сенаторовъ. Но вижу, что мы дѣйствуемъ такъ, какъ повѣсть вѣтеръ (że tylko vento ferimur). Когда насъ что-нибудь прстращастъ, мы желаемъ присиѣшнить наши рады (videmur, accelegerę consilia nostra), а если вѣсть убавить темного страха, мы ничего не говоримъ и не дѣлаемъ. Ухватились было мы за гѣхоту съ городовъ; теперь ужъ о ней и позабыли“.

Отсюда произошли пререканія между свѣтскими панами и духовными, которые де не хотятъ отягчать (opęgacę) своихъ городовъ дѣхотю, и медлятъ съ размылкой универсаловъ для того, чтобы, получивъ деньги, послать, въ зачетъ этихъ денегъ, свою ассенстенцію.

19 засѣданіе (октября 27) было ознаменовано прибытіемъ искательнаго посла отъ такъ называемаго шведскаго короля, Лиа Казимира. Просьба посла о назначеніи ему аудіенціи была приправлена такимъ панегирикомъ владычествующей шляхтѣ: „Не только всему свѣту, но и самому себу объявляете вы свободу, избирая свободными голосами великихъ монарховъ“. Все прочее въ немъ было еще цѣльнѣе.

Въ 20 засѣданіи (29 октября) достойна замѣчанія отмѣтка дневника: „О Хмельницкомъ, о Львовѣ — ничего вѣрнаго, какъ и о Татарахъ“.

Въ засѣданіи 21 (октября 30) маршалъ Посольской Избы жаловался на медлительное рѣшеніе самонужнѣйшихъ дѣлъ. „О нашей оборонѣ, о деньгахъ и людяхъ“ (сказалъ онъ) „мы говоримъ такъ, какъ будто непріятель находится отъ насъ въ 200 миляхъ. Не только не знаемъ, что постановили сенаторы о депутатахъ въ теченіе недѣль двухъ, но не знаемъ даже, засѣдали ли они“.

Отвѣтомъ на эту жалобу было донесеніе одного изъ депутатовъ, что сенаторы засѣдали только два раза, потому что не съѣхались. „Но и насъ не за что хвалить“ (прибавилъ онъ): „хотя насъ деутовало двѣнадцать, но на этихъ засѣданіяхъ не было больше двухъ или трехъ“.

Когда земскіе послы расходились изъ засѣданія, пришло извѣстіе, что Хмельницкій съ 40 тысячами войска идетъ коменшикомъ (то есть безъ табора) прямо къ Варшавѣ, и будетъ подъ Варшавой въ среду или въ четвергъ, то-есть черезъ пять-шесть дней. „Вотъ такъ новинка на сонъ грядущимъ!“ трагически восклицаетъ авторъ дневника.

Вмѣстѣ съ тѣмъ земскіе послы узнали, что князь Вишневецкій ѣдетъ въ Варшаву. Его пріѣздъ пророчилъ намъ двѣ крайности: или что-то злое, или доброе. Вспомнилось имъ то время, когда превосходный вѣхъ Поляковъ своевольствомъ и завзятостью правпукъ полумноческаго Вайды готовъ былъ показать надъ своимъ соперникомъ по суду, что государство, религія, общественность, правдивость, сеймовое законодательство и самая царственность, ему подчиненная, безсильны для обузданія той личной свободы, которою Польша гордилась передъ всѣмъ свѣтомъ и передъ самимъ небомъ. Въ этомъ отступникѣ древняго русскаго благочестія, усмысленномъ Польшѣ іезуитскою школою, воскресло подъ иноземнымъ знаменемъ все буйство нашихъ буйтуровъ Всеволодовъ и все удалство Мстиславовъ Удалыхъ. Онъ былъ одинаково способенъ и снасти Польшу въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, и погубить ее въ другихъ. Вотъ почему его любило до самозабвенія геронческое меньшинство и ненавидѣло до безумія противоположное большинство. Вотъ почему и сеймовой дневникъ писалъ о немъ, что его пріѣздъ пророчилъ что-то крайнее (mysialby huć per extrema).

22 засѣданіе (2 ноября) было занято рѣшеніемъ вопроса: которому изъ двухъ братьевъ, польскихъ королевичей, отдать корону. Въ старшемъ цѣнили то, что именемъ своимъ напоминалъ онъ Казимировскія времена польской славы (обыкновенно преувеличиваемой до

пельзя). Въ младшемъ свободолюбивому Шляхетскому Народу нравились его обѣщанія увеличить еще выторгованнымъ имъ и выпужденнымъ у королей вольности. Пашлись вліятельные для панской толпы люди, которые въ Ягѣ Казимирѣ видѣли не только умъ, не склонный ни къ какимъ порокамъ (*umysł do żadnych występków nieskłonny*), твердый разумовъ (*rozsądek utwierdzony*) и талантъ полководца (*ad militaria sposobność kawalerska*), но и величественную паружность... Несмотря на то, что „внѣшность его, то-есть красота (*externa, to jest uroda*),“ какъ выражались панегиристы, была у всѣхъ передъ глазами, о ней распространялись такъ: „Хотя это и второстепенное отличіе, но когда его пѣтъ, маестать много отъ этого теряеть, и часто это дѣлаетъ внѣшности презрѣннымъ (*principem contemptibilem reddit*), а презираемый властитель не есть властитель, и власть безъ достоинства существовать не можетъ“.

Въ засѣданіи 23 (ноября 3) Посольская Изба оставалась въ совершенной неизвѣстности относительно таинственнаго и въ своихъ замыслахъ непроницаемаго пріятеля. Она узнала только, что князь Вишневецкій на своемъ мѣстѣ оставилъ подѣ Замостьемъ маркграфу Мышковскаго. Наконецъ увидѣли сеймовики того, который, по милости Киссля и многочисленной толпы аристократической черни, подчинявшейся его внушеніямъ, сдѣлался своего рода камнемъ, его же небрегопа зидующіе.

На сей разъ князь Іеремія не представилъ ничего крайняго. Пренебрегая достоинствомъ, которымъ не хотѣли отличить его люди недостойные, онъ скромно заявилъ сейму, что прибылъ не для безпокойства Рѣчи Посполитой, а по праву свободныхъ выборовъ; поблагодарилъ за предоставленную ему власть надъ войскомъ и высказалъ, что войска надобно набрать не менѣе 60.000. Вишневецкій зпалъ, какая борьба идетъ между тѣми, которые настаивали на спасеніи Польскаго государства посредствомъ смѣлой войны, и тѣми, которые вели его къ гибели путемъ выпрашиванья у пріятеля позорнаго мира. Онъ могъ бы доложить правительствующему сейму, какъ сами козаки смѣялись надъ этой мѣрой, говоря, что Господи Богъ совѣмъ оставилъ Ляховъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ иной надежды на свою оборону, кромѣ просьбы. Но это записалъ въ своемъ дневникѣ князь Радивилъ; онъ же, который могъ бы сдѣлать изъ польскаго своего отечества государство геросовъ, смотрѣлъ на него молча, какъ на государство трусовъ, управляемыхъ глупцами.

Его презрѣнія не уменьшила сцена, происшедшая на другой день въ собраніи сенаторовъ и земскихъ пословъ. Среди собранія появился

сендомирскій воевода, князь Доминикъ Заславскій. У паслѣдника нашего „святонамятнаго“ не хватило духу показаться во Львовѣ, зато хватило безстыдства оправдывать свое бѣгство изъ такого войска, „которое могло бы завоевать самый Константинополь“. Оно, это безстыдство, было его родовымъ достоинствомъ, и проявилось въ его дядюшкѣ, когда онъ, ради округленія своихъ владѣній, сдѣлалъ изъ паслѣдницы старшаго брата сумасшедшую страдалницу; когда, храпя въ подземельѣ милліоны, выиранивалъ у сеймоваго правительства пособіе для починки укрѣпленій своего воеводскаго города; когда допустилъ уморить своего гостя въ маріенбургской тюрьмѣ, а возлагавшимъ свои надежды на 15 и 20 тысячъ готоваго у него ополченія проповѣдывать терпѣнье, терпѣнье и терпѣнье.. Въ краткихъ, но ясныхъ словахъ избранилъ литовскій капцлеръ сцену общественной безправственности, которая совершилась при появленіи на сеймѣ двойника князя Василія, а именно вотъ въ какихъ:

„Маршалъ Посольской Избы спросилъ: угодно ли собранію выслушать отъ сендомирскаго воеводы, по какимъ причинамъ войско такъ постыдно бѣжало? Въ это время произошла суматоха*), сенаторы начали одинъ за другимъ исчезать, и маршалъ отложилъ этотъ предметъ до другаго дня“ (который никогда не наступилъ).

Почему не наступилъ онъ никогда, это лучше всего могъ объяснить нашъ Адамъ Свѣнтотыдичъ. Еще въ 5 засѣданіи онъ, по мало-русской пословицѣ: „поможі, Боже, и идшимъ, и вѣдшимъ“, оправдывалъ присовѣтовавшаго панамъ фельдмаршала, а вмѣстѣ съ нимъ и весь триумvirатъ, въ такихъ выраженіяхъ:

„... Каждый пойдетъ съ королемъ охотѣе, хоть бы и я самъ, потому что король будетъ свидѣтелемъ и награждаемъ подвиговъ нашихъ (bo będzie oculatus abo spectator et remunerator laborum). Да что? я выскажу вамъ свои чувства, какъ членъ свободной Республики: какое мы теперь получили вознагражденіе за наши потери? Веѣ вы, господа, насъ браните, и еще слава Богу, что не бьете. Вотъ и бѣдняжки гетманы,—что имъ было дѣлать? Волѣе сотни нашихъ хоругвей ударили мужественно; потеря въ нихъ оказалась великою. Битва, господа, была настоящая: трупъ съ обѣихъ сторонъ падалъ густо“ (здѣсь Кисель забылъ о собственной реляціи, какъ и

*) Изъ сеймоваго дневника видно, что суматоха произошла по случаю выселенія сенаторскихъ креселъ въ Посольскую Избу. О бѣгствѣ сенаторовъ изъ засѣданія дневникъ выразился осторожно: „Chcieli Panowie Senatorowie iść za krzesłami swemi w pośrodek Koła naszego, ale się zaś z jakiejśi przyczyny rozmyśliłi“.

талъ бы ни за что (*za cyfrę nie ważył*), тогда бы первое чело имѣло Запорожское войско (*ale pierwsze czoło miało by Wojsko Zaporozkie*), а Ляхи обратились бы въ Жидовъ.

Темное дѣло возведенія на престолъ Яна Казимира и низведенія съ военнаго верховенства Іереміи Вишневецкаго совершалось неуклонно, въ силу „приваты“, связанной съ тѣмъ и другимъ актомъ. Ноября 7, въ 27 засѣданіи, Кисѣль краснорѣчивой ораціей своею (*disertissima oratione*) вынулъ зерно изъ скорлупы передъ панами (*enucleował praesentem statum electionis*) ко всеобщему удовольствію (*z ukontentowaniem wszystkich*). Онъ совѣтовалъ развязать поскорѣе Гордіевъ узелъ избранія. Находившіеся, очевидно, подъ его вліяніемъ другіе сеймовые ораторы говорили объ опасности, угрожающей шляхетской свободѣ со стороны военачальника, наименованнаго самимъ войскомъ. „Еслибы эта поминанія состоялась не послѣ пораженія, а послѣ побѣды“ (разсуждали республиканцы), „то на что не дерзнули бы они (*quae non ausi fuissent*)“?—„Примѣръ неслыханный! (*inauditu exemplum*)“! восклицали другіе и, побуждаемые близостью непріятеля, торопили избраніе намѣстнаго уже короля.

Въ 28 засѣданіи (9 ноября) Кисѣль произнесъ рѣчь въ томъ же духѣ. Въ 29-мъ (10 ноября) страхи по причинѣ близости Татаръ отъ Сендомира, неизвѣстно отъ чего „утихли“, но о Хмельницкомъ, какъ и прежде, не было слышно ничего вѣрнаго. Въ 30 засѣданіи князь Вишневецкій доложилъ господствующему народу, что жолнеры, обложенные въ Замостьѣ, просятъ поддержанія во имя любви къ отечеству (*per amorem patriae*), и вручилъ великому секретарю письмо полученное имъ отъ своего намѣстника, маркиграфа Мышковскаго, отъ 6 ноября. Маркиграфъ увѣдомлялъ, что изъ полка эльблонскаго каштеляна, Вейгера, посланнаго къ Любачову для фуражировки, казаки нѣсколько человѣкъ убили, многихъ переранили, а нѣсколькихъ взяли въ плѣнъ. Черезъ одного изъ плѣнниковъ Хмельницкій сдѣлалъ Вейгеру, котораго воображалъ иностранцемъ, предложеніе измѣнить Ляхамъ (*inwitując go in societatem belli*), и въ письмѣ къ нему обращался къ стоявшему подъ Замостью войску и къ замостьянамъ съ такими словами:

„Свидѣтельствуюсь Богомъ, что мы не желали проливать христіанскую кровь. Мы послали пословъ своихъ, умоляя о мирѣ и пощадѣ (*żebząc o pokoj i miłosierdzie*); но князь Вишневецкій началъ поступать съ нами предательски, и потому бросился мы за нимъ, чтобы не сдѣлалъ какого-нибудь предательства; но онъ ушелъ отъ насъ (въ Варшаву). Тѣмъ не менѣе, какъ съ нами помирились львовяне, такъ

мы готовы помириться и съ вами. Не отступимъ отъ Замостья, пока не совершится Божія воля. Мы ищемъ мира, и для того посылаемъ нарочно этихъ нѣсколькихъ человекъ своихъ и Татаръ, чтобъ вы послали къ своимъ старшимъ какъ можно скорѣе и получили отъ нихъ наставленіе, что вамъ дѣлать. Изъ-за двоихъ ничтожныхъ молодыхъ людей, князя Вишневецкаго и короунаго хорунжаго (Александра Коцеуцпольскаго) такое замѣшательство! Ждемъ здѣсь избранія короля. Желаемъ, чтобъ (королемъ) былъ королевичъ Казимиръ“.

Это значило—разсѣчь мечемъ Гордіевъ узелъ, который слушатели краснорѣчиваго Киселя такъ долго развязывали. Возвеселился мудрыхъ Адамъ Свѣтольдичъ, найдя единомысленника въ такомъ доброжелатель Шляхетскаго Народа. *Zuszymu, żeby był Króliewicz Kazimierz*: этому велѣнію не смѣли не сопротивляться люди, готовые бѣжать въ Данцигъ, по примѣру цѣнта польской знати, бѣжавшаго изъ-подъ Пилявцевъ.

Прошло еще нѣсколько засѣданій въ рѣшеніи прелиминарныхъ пунктовъ элекціи. Наконецъ, въ 37 засѣданіи (20 ноября) Изъ Казимиръ возсѣлъ на престолѣ Казимира Великаго.

По свидѣтельству Радивилова дисевника, его хотѣли произвести въ король еще 5 ноября; „но произошло большое несогласіе“ (пишетъ литовскій канцлеръ), „потому что избирателей обилие извнутри Вахусъ, а снаружи—дождь“... Если бы тогда Поляки избрали этого „неспособнаго ни къ какимъ порокамъ, твердаго умомъ и величественнаго наружностью“ короля, то могли бы оправдываться хоть тѣмъ, что сдѣлали это съишня. Но судьба дала намъ двѣ недѣли на отрезвленіе, и они все-таки не могли сдѣлать лучшаго выбора.

Причину такого единомыслия (кромя письма Хмельницкаго къ замостьянамъ) объяснило всеѣмъ и каждому появленіе въ Варшавѣ спеціального посла его, бывшаго іезуита, а потомъ—„надѣвшаго рясу регулярныхъ капониковъ Св. Августина“. Прославскій наставникъ Хмельницкаго, ксендзъ Мокрекій, объявилъ во всеуслышаніе, что сидѣлъ подъ Варшавой (имѣя, конечно, тайныя съ нею сношенія) для того, чтобы не избрали другого короля.

Къ этому жалкому финалу національныхъ совѣщаній князь Радивиль придалъ еще болѣе жалостную ноту. „Хмельницкій со своей жеманью“ (пишетъ онъ) „отѣхалъ тогда къ Вѣлой Церкви, а наши жолнеры, которые могли бы дать ему отпоръ“ (подразумѣвается, еслибы встали князь Вишневецкій) „остались въ Малой Польнѣ, въ Мазовіи, въ Обрадзкомъ и Ленчицкомъ восводствахъ, для угнетенія бѣдныхъ подданныхъ до самого коронаціоннаго сейма“.

Глава XIX.

Возвращеніе панскихъ побѣдителей въ Украину.—Привѣтствовавшіе короннаго гетмана привѣтствуютъ гетмана козацкаго.—Что пужно Московскому Государству.—Царское посольство въ Чигиринѣ.—Королевское посольство въ Переяславѣ 1649 года.

Весело возвращались козаки въ Украину, предводимые Козацкимъ Батькомъ, какъ справедливо стали называть Хмельницкаго; но не весело было на душѣ у Козацкаго Батька. Тайный голосъ говорилъ ему, что не разбоемъ обезпечивается будущность даже и такого общества, къ какому принадлежалъ онъ; что не кровавыми замыслами успокоивается размученное обидою сердце.

Не разогнала мрачныхъ мыслей счастливаго добычника и та встрѣча, которую приготовили ему въ Кіевѣ. Городъ, изъ котораго, тому назадъ полгода, побѣжали всѣ духовныя власти безъ различія исповѣданій, теперь привѣтствовали козацкаго гетмана, какъ одинъ-двадцать лѣтъ назадъ—гетмана короннаго, панскаго. Въ Кіевѣ гостилъ іерусалимскій патріархъ, Пансіи, какъ двадцать восемь лѣтъ назадъ—незабытый въ исторіи русской церкви Ософанъ. Но разница между ними была такъ существенна, какъ между Хмельницкимъ и Сагайдачнымъ, какъ между Сильвестромъ Косовымъ и Ювомъ Борецкимъ. Подкупаемые претендентами на патріаршество Турки прижали Пансію по своему обыкновенію, и онъ бросился собирать милостыню въ вертепѣ разбойниковъ, которымъ, какъ они сами говорили, жартуя со своими жертвами, не пужна была вѣра, а были пужны только „дідчі грѣші“. Неслыханное торжество козаковъ надъ панами сулило Пансію золотыя горы. Онъ окружилъ себя въ Кіевѣ сторонниками козацкаго бунта, которыхъ теперь между „духовными стариними“ оказалось волей-и-неволей множество, и митрополиту Косову, каковы бы ни были его религіозныя и политическія возрѣнія, пришлось вести себя по слову: „съ волками жить—по-волчьи выть“.

Ученикъ и пресеникъ Петра Могилы встрѣтилъ побѣдителя Потоцкаго и Заславскаго у стѣнъ Св. Софіи, въ сопровожденіи своего „святѣйшаго“ гостя и всего своего клира, при звонѣ колоколовъ, при громѣ пушекъ, при восклицаніяхъ окозаченнаго народа. Бурсаки Могилевской Коллегіи пѣли Хмельницкому латинскіе и малорусскіе стихи, сочиненные, можетъ быть, тѣми самыми пѣнтами, которые перевозносили до небесъ усмиреніе предшественника его, Павлука. Готовая къ противоположнымъ панегирикамъ семипарская муза сравнивала нашего Хмеля съ Моисеемъ, называла спасителемъ, охранителемъ, освободителемъ своего народа, и въ самомъ имени его *Годданъ* видѣла Божіе даяніе; а патриархъ Паисій, въ привѣтственной латинской рѣчи, называлъ его *знаменитѣйшимъ княземъ*. Энтузіазмъ черни, обогащенной грабежемъ и разбоемъ, былъ таковъ, что когда гетманъ появлялся въ церкви, на него глядѣли, какъ на божество, и даже цѣловали у него ноги.

Но Хмельницкому было не по себѣ. То онъ постился, подобно Лацу Тучапскому, то молился въ древнихъ, созданныхъ и облагодѣтельствованныхъ панскимъ сословіемъ храмахъ, и лежалъ по цѣлому часу ницъ передъ образами, то, на мѣсто избраннаго въ средѣ избранныхъ духовнаго отца, призывалъ къ себѣ трехъ вѣдьмъ, которыя постоянно паходились при его особѣ даже и въ походѣ; то пьяный компоновалъ козацкія думы, импровизировавъ въ нихъ, безъ сомнѣнія, такія событія и обстоятельства, которыя долженствовали оправдывать его кровавое дѣло. Иногда былъ онъ чрезмѣрно доступенъ и ласковъ съ козаками, иногда былъ суровъ, какъ Гирей Чингисхановичъ посреди муртъ, и гордъ, какъ польскій панъ въ виду оказаченной черни. Шеститысячная татарская гвардія и нагроможденные въ Черяславль, Чигиринѣ, Суботовѣ богатства позволяли ему предаваться порывамъ раздраженнаго сердца, затѣямъ пыльнаго мозга и стремленіямъ дикихъ истиниковъ. Но его, какъ видно, томилъ противорѣчія великости и ничтожества его подвиговъ, высоты и низости его положенія, мыслей о безсмертной славѣ и сознаніе несовмѣстимой съ нею подлости.

Въ числѣ противорѣчій, въ которыхъ очутился Хмельницкій среди православнаго русскаго міра, немалую роль играла и его семейная жизнь, затемненная для насъ темнымъ вѣкомъ и козацкимъ всеожигательствомъ, козацкою лживостью, отсуствиемъ въ козацкой средѣ чувства, какъ собственнаго, такъ и чужаго достоинства. Въ глазахъ людей, передъ которыми Хмельницкій, каковъ бы ни былъ онъ, желалъ казаться, если не быть, личностью почтенною,—напримѣръ, хоть бы въ глазахъ собственныхъ взрослыхъ дѣтей,—эта жизнь

была запятана сперва тѣмъ, что, по смерти православной жены своей, онъ связался съ *католичкой* (слово традиціоально-бранное донынѣ въ простонародіѣ), а потомъ—тѣмъ, что эту женщину (каковы бы ни были ея достоинства), обвиняющую съ несправедливымъ ему человекомъ, онъ взялъ къ себѣ вмѣсто жены, и теперь, почти отъ кровавыхъ дѣлъ своихъ, обвинялся съ нею по обряду православному, тогда какъ мужъ этой Чигиринской Вирсавіи обрѣтался еще въ живыхъ. Если предположить, что при такой несовмѣстности личнаго достоинства своего, какъ отца семейства и „памятнѣйшаго князя“, съ общественнымъ воззрѣніемъ, хотя бы и козацкимъ, новый Моисей былъ ревнивъ хоть въ такомъ смыслѣ, какъ это свойственно животнымъ; то душа его, терзаемая, очевидно, и многими другими, не находила дома того, что составляетъ наибольшую отраду человѣческой жизни: она была растерзана нещадимо, а рѣки крови и слезъ людскихъ, дьявольское запугиванье со стороны вѣдьмъ, безъ котораго не могли онѣ удерживать за собой мѣсто свое, и, какъ слѣдствіе всего этого, безмѣрное пьянство, дѣлали Хмельницкаго лютымъ звѣремъ и самымъ несчастнымъ человекомъ.

Не будемъ терять изъ виду, что подъ всѣми передрыгами Польско-русской Республики, выразившимися въ бунтахъ самого Хмельницкаго и его предшественниковъ, незримо для исторіи совершалась многолѣтняя, ежедневная и ежечасная работа двухъ церквей надъ умомъ и совѣстью націй, соединенныхъ въ одномъ государствѣ. Въ борьбѣ съ греческой церковью римская церковь представила себя въ этомъ государствѣ сравнительно лучшими людьми. Какова ни есть она сама по себѣ, но въ нашемъ литворусскомъ обществѣ со временъ Ягайловскихъ, равно какъ и въ червонорусскомъ—со временъ Казимировскихъ, исчерпала она всѣхъ, кто между нами былъ познатнѣе, побогаче и нотаплатнѣе, на служеніе своимъ интересамъ, подъ видомъ общечеловѣческаго блага. Для поддержанія интересовъ церкви греческой остались только тѣ, которые были пренебрежены или упущены изъ виду, многоучеными и многоопытными агентами Рима. Это были, можно сказать, неотесанные камни, забракованные зодчими при возведеніи политикорелигіознаго зданія. И въ самомъ дѣлѣ, между отверженцами римскихъ зидителей мало было такихъ, которые были способны поддерживать интересы своей національной церкви, роняя достоинство самой религіи. Но, къ удивленію историка, надъ православнымъ обществомъ въ Малороссіи исполнились евангельскія слова: „когда вы умолкнете, камни возопіютъ“... Послѣ того какъ умолкли для насъ, одинъ за другимъ, голоса Радзивилловъ, Сопігъ и многого

множества князей и пановъ, представителей русскаго элемента въ Польскомъ государствѣ, по своему времени высоко образованныхъ и въ своей политически развращенной средѣ сравнительно правдивыхъ,—никто не былъ столь разительнымъ олицетвореніемъ вонющихъ камней, какъ этотъ жестокосердый Хмѣль съ безмысленными и безошадными орудіями его метительности—казаками. Его лукавое воззваніе *за вѣру!* было не что иное, какъ громогласная проповѣдь того, что наши темные иноки едва смѣли проповѣдывать шекотомъ, а громадные преступленія соблазнительной и запуганной имъ черни явились возмездіемъ за то ехидство, съ которымъ іезуиты, скрываясь подъ полой Сигизмунда III, разоряли русскую церковь руками русскихъ людей. Творецъ нашихъ Терлецкихъ, Потѣевъ, Рутскихъ, Купцевичей и такихъ реператовъ, какъ Замоіскіе, Потоцкіе, Жовковскіе, Острожскіе, Вишневецкіе, основатели римскихъ коллегіумовъ, монастырей и костеловъ на счетъ продуктовъ Русской Земли и русской рабочей силы,—получили полную мѣру за мѣру въ ехидствѣ нашихъ бунтовщиковъ, завершившихъ свои подвиги ехиднѣйшимъ изъ всѣхъ бунтовъ, а наглое ругательство іезуитовъ надъ крохотнымъ и чуждымъ какой-либо махинаціи ученіемъ Христа отозвалось казацкими ругательствами надо всѣмъ, что было для ихъ питомцевъ святаго, и нашло достойный себя отголосокъ въ наглой программѣ свирѣпаго разбойника Хмея: „Я сдѣлалъ то, о чемъ и не думалъ; теперь сдѣлаю то, что мною задумано. Сперва я восвалъ за свою школу и кривду, теперь буду восвать за нашу православную вѣру“.

Громкія манифестаціи поборниковъ папства во имя государственности и тихія папештыванья загнаннаго духовенства во имя оскорбленной свободы совѣсти боролись между собой со времени Ягайла, и въ результатъ борьбы явилось опустошеніе края, который уже и кіевскій митрополитъ помогалъ папистамъ осѣнять по всѣмъ распутіямъ католическими „фигурами“. Послѣ низверженія Копицкаго съ митрополитичьяго престола и возведенія на *fastigium* православія іезуитскихъ питомцевъ, окончательное завоеваніе Малороссіи на служеніе Риму было уже только дѣломъ времени. Но политика іезуитовъ оказалась несостоятельною, и несостоятельность этой политики обнаружена всего больше тѣмъ фактомъ, что казаки, побывавшіе въ школѣ у іезуитовъ, заставляя образованнаго ими митрополита славословить губителя и католическаго искони общества, и того, которое отверглося православной Руси недавно. Богданъ Хмельницкій, свою рѣшимостью восвать за православную вѣру, наругался жестоко надъ іезуитскимъ правиломъ: „цѣль освящаетъ средства“; а Сильвестръ Косовъ,

обративъ на злѣйшаго врага Польши то славословіе, которымъ его предшественникъ чествовалъ знаменитаго ея защитника, попралъ погамн все святое и высокое, что подъ этимъ названіемъ привнесено агентами Рима въ національную политику Рѣчи Посполитой Польской.

Но Хмельницкій и Косовъ, сами по себѣ, не были еще такъ досадны для завоевательной гордости папы. Обиднѣе всего для Христова Памѣтника было то, что, въ моментъ величайшаго уничиженія Польши, его соперникъ, восточный патріархъ, явился въ Кіевъ для того, чтобы приѣтствовать ея уничижителю самыми громкими и почетными титулами. Опъ-то, надобно предполагать, и былъ причиной этого перехода Хмельницкаго отъ обычныхъ шляхетскихъ чувствъ и мыслей относительно церковно-православной политики къ рѣшимости восвать за православную вѣру. Его-то внуспіямъ и слѣдуетъ приписать программу насытившагося разбойной славой козака—выѣсто одной мести за свои личныя потери и обиды, восвать отпунъ за православіе.

Сравнительно съ римскимъ папою и даже съ папскими легатами, патріархъ Паисій былъ жалкій попрошайка, рабъ турецкаго султана, церковный откупицкъ. Но, въ силу историческихъ заслугъ православія передъ чистою совѣтью человѣчества, даже ничтожныя по умственному развитію, даже низменныя по нравственному уровню представителя Восточной Церкви, появляясь изрѣдка въ Кіевѣ и въ Москвѣ, дѣйствовали на ходъ событій могущественнѣе папскихъ нунціевъ, которые одни изъ вѣхъ иностранныхъ пословъ постоянно резидовали при дворѣ польскихъ королей. Патріархъ Теофанъ, восхваленный въ Кормчей Книгѣ до зѣла, своєю проновѣдью въ обществѣ Сагайдачнаго, о „христіанскомъ родѣ“ Русскомъ, далъ новос бытіе уничтоженной папою кіевской митрополіи; патріархъ Паисій, не восхваленный въ Кормчей Книгѣ вовсе, появился въ обществѣ Хмельницкаго какъ бы для того, чтобы эту повернутую къ папству митрополію повернуть обратно на путь православный. Теофанъ обратилъ къ покаянію разорителей православнаго царства; Паисій разорителямъ царства католическаго внушилъ воссодипительную въ своемъ результатѣ мысль— объявить себя защитниками православной вѣры.

Вѣкъ наблюдавшіе Хмельницкаго по его возвращеніи въ Украйну находили поступки его загадочными и странными, видѣли въ немъ что-то похожее на умозступленіе. Инымъ человѣкомъ сдѣлался и Сагайдачный послѣ пребыванія въ Кіевѣ іерусалимскаго патріарха. Что говорилъ и дѣлалъ Паисій среди козаковъ, это осталось такъ точно неизвѣстнымъ, какъ и пребываніе Теофана въ „обоихъ русскихъ пре-

дѣлахъ“, въ обѣихъ вашихъ Россіяхъ. По изъ дѣлъ Сибирскаго Приказа въ московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи мы знаемъ, что онъ, какъ и Теофанъ, проповѣдывалъ православное единомысліе. Знаемъ также, что еще до шлявецкой таборщины Хмельницкій послать навстрѣчу Паисію къ воловской границѣ полковника Мужиловскаго съ отрядомъ козаковъ, которые и препроводили его въ Кіевъ. Встрѣча, сдѣланная Хмельницкому въ Кіевѣ, была слѣдствіемъ этого распоряженія, а послѣ того Хмельницкій отправилъ іерусалимскаго патріарха въ Москву для вовлеченія царя въ козацкую войну. Сопровождалъ его тотъ же Мужиловскій. По устному наказу Хмельницкаго, Мужиловскій добился позволенія видѣть „свѣтлыя государевы очи“ въ присутствіи патріарха Паисія и „положить подъ ноги царскаго величества“ написанный на бумагѣ словесный гетманскій наказъ, котораго не согласился онъ открыть царскимъ сановникамъ.

Въ этомъ наказѣ интереснѣе всего начальныя слова: „Война таа, которая вчалася между козаками Войска Запорожскаго и Ляхами, *не откуда инуды, одно*: не могучи козаки Войска Запорожскаго бѣды, утрапени и утисковъ огь Ляховъ козакомъ выраженныхъ терѣбти“, и т. д. Чтò касается гоненія вѣры, то, по письму Мужиловскаго, вотъ въ чемъ оно состояло: „Когда Хмельницкій ушелъ съ товариществомъ своимъ на Запорожье, „тамъ Ляхи, чинячи на здоровье Богдана Хмельницкаго разныя ему пакости, и товариществу его выражали — въ додахъ ихъ мастьность всю побрати, женъ и дѣтей мучити, а на остатокъ вѣру православную христіанскую мечемъ выкорсяти—ту себѣ предъ ся взяли мысль“, вотъ и все.

Татары (сказано въ устномъ наказѣ Мужиловскому) „услышавъ о той войнѣ, съ стороны смотрѣли: большая пога посланзняется... и яко войнѣ воинши помогъ, сына Потоцкаго рабскаго поймали... а сами съ ордою сивашися, вскій по себѣ своимъ конемъ до табора Николая Потоцкаго тягнули“.

Потоцкій и его соратники, въ этомъ рукописаніи козакомъ, представлены сожигателями корсунскихъ церквей (а мы знаемъ, что замочекъ съ церковью остался цѣль, церкви же въ тѣ времена и въ такихъ опасныхъ мѣстностяхъ нигдѣ не строились, какъ только въ „зѣмкахъ“),—изображены грабителями церковныхъ аппаратовъ и сосудовъ, цопирателями агнцевъ Божіихъ, тѣла Христова, носѣкателями священниковъ, за что де Богъ и покаралъ Потоцкаго съ его товарищамъ-панами татарскою псволею и мечемъ Хмельницкаго.

Далѣе говорится, что о смерти короля Владислава Хмельницкій узналъ только подъ Паволочью, а „посольство, довѣдався, что коро-

ля въ землѣ иѣтъ, въ козачество все поворотилось“, избывая на обѣихъ сторонахъ Диѣира наповѣ своихъ, Ляховъ, Жидовъ, ксендзовъ и опустошая костелы вмѣстѣ съ городами. Подъ Глицианами (писалъ Мужилловскій) собралось польскаго войска 120.000, и пришло оно подъ Пилявцы, имѣя 100 пушекъ. Туда явилась „несчастная бѣлгородская Орда“, и козаки однихъ Ляховъ „подъ Пилявцами въ рѣбѣ потопили, а иныхъ въ Константиновѣ побили и потопили, а за ними гнались“, и т. д. „Ляхи сегодне или несегодне обрали себѣ короля Казимира“, который де обѣщаль Хмельницкому „быть русскимъ королемъ, и что саблю взяла, и то бы себѣ держали, крѣпко обѣщались, что одноконечно хотятъ подтвердить. И такъ де масляного заговейна помирились, а по масляномъ заговейнѣ снова восвать, если не будетъ Казимиръ королемъ русскимъ, хочеть Войско Запорожское“. Татаръ де оно имѣеть на помощь себѣ сколько пужно, а самихъ козаковъ—тысячь триста. Остается де только московскому царю помочь козакамъ, и тогда не только еретики и неприятели православной вѣры будутъ покорены подъ ноги царскаго величества, но „и гробъ Божій изъ руки турецкой съ патріархами“ будетъ освобожденъ.

Съ своей стороны патріархъ Пачей увѣрялъ царя, что Хмельницкій желаетъ поступить подъ высокую руку великаго государева; но Мужилловскій объ этомъ въ своемъ письмѣ почему-то умалчиваетъ.

Глядя по-своему на подвиги Хмельницкаго, царь отправилъ къ нему въ таборъ гонца Василя Михайлова съ письмомъ, внушительно совѣтующимъ прекратить войну. Хмельницкій отвѣчалъ, что не вѣрять миролюбію Ляховъ, и просилъ царя, чтобъ онъ, принявъ козаковъ подъ свое самодержавіе, велѣлъ своимъ людямъ наступить на Ляховъ. Въ противномъ де случаѣ мы *свидѣтельствуемся Богомъ* и всѣми святыми, что „потоуду станемъ съ Ляхами биться, покуда нашь православныхъ (и, разумѣется, Татаръ) станеть“.

Смекая, что все это значить, царь, черезъ боярина, Григорія Гавриловича Нункина, объявилъ Мужилловскому, — что у него заключенъ вѣчный миръ съ Польшей, который нарушить невозможно, потому что это будетъ грѣхъ передъ Богомъ и позоръ передъ всѣми христіанскими государями. Козакскій посоль предложилъ царскому боярину такую увертку, чтобы государь позволилъ только „вольнымъ людямъ донскимъ козакамъ“ придти на помощь къ Хмельницкому, и сулилъ царю нѣсколько городовъ, которые де сдѣлались козацкою собственностью, и если государь приметъ „Запорожское Войско“ въ подданство, то они (козаки) пойдутъ отбивать у Поляковъ и другіе города, въ которыхъ бы жиш одни православные христіане.

Этотъ совѣтъ козакоманы называютъ *практическимъ*; во Пушкинъ отвѣчалъ козацкому практику честно, что это дѣло, скрытое отъ людей, не скростся отъ очесъ всевышняго Бога, предъ которымъ такой поступокъ будетъ такъ же грѣшенъ, какъ и явное нарушеніе мира. А пусть лучше козаки пошлютъ своихъ пословъ въ Польшу и Литву къ намамъ-радѣ уговорить ихъ, чтобъ они, вмѣстѣ съ козаками, избрали своимъ королямъ русскаго государя, и послали бы о томъ къ великому государю своихъ великихъ пословъ, а если у нихъ король уже избранъ, то они помирились бы съ козаками на томъ, чтобы Запорожскому Войску быть въ подданствѣ великаго государя безъ нарушенія вѣчнаго мира между Польшей и Россіей; и если они на это согласятся, тогда государь приметъ козаковъ подъ свою высокую руку.

Такимъ отвѣтомъ бояринъ Пушкинъ обезоружилъ полковника Мужиловскаго и разрушилъ дерзкіе расчеты Хмельницкаго на московскаго самодержца. Козацкому послу надобно было ретироваться изъ Москвы ни съ чѣмъ,—тѣмъ больше, что его посольская свита заявила Москвѣ, какихъ прекрасныхъ людей предлагалъ сѣ въ сообщники *практическихъ* дѣйствій свидѣтельствующіея Богомъ разбойникъ. Ночью 24 февраля эта свита взбунтовалась, и хотѣла избить представителя Козацкаго Народа; но онъ бѣжалъ къ стоявшимъ на одномъ съ ними подворьѣ Грѣкамъ. Въ своей челобитной царю Мужиловскій писалъ, что хотя ему и предоставлено по козацкимъ правамъ наказывать „подданныхъ своихъ“ чѣмъ угодно, однакожь не хочетъ онъ ихъ наказывать, погому что они буянили отъ пьянства, и просилъ уменьшить имъ отпущекъ панитковъ на половину, что и было исполнено.

16 марта Мужиловскаго отпустили обратно въ Малороссію, давъ ему небольшое государево жалованье*), и вмѣстѣ съ нимъ отправили дворянина Григорія Уиковскаго да подъячаго Семена Домашнева для переговоровъ съ Хмельницкимъ о государевыхъ дѣлахъ.

Не такой награды ждалъ Мужиловскій. На выѣздѣ изъ Москвы онъ, съ досады, „говорилъ про Московское Государство непригожія слова: что въ Московскомъ Государствѣ правды ни въ чемъ нѣтъ“. Царь послалъ ему въ догонку выговоръ, который долженъ былъ учинить Уиковскій. Послы ѣхали такъ быстро, что гонецъ съ выгово-

*) Атласъ гладкій, сукно багрець, сорокъ соболей въ 50 р. и денегъ 30 р. Козакамъ, бывшимъ съ нимъ: 5 человекамъ по сукну доброму и по 10 р., денегъ людямъ его пяти же человекамъ по 5 р. человекъ. Изъ нихъ оказались одинъ пасынокъ Мужиловскаго, а другой племянникъ, и имъ было дано по 10 р., по сукну доброму да по парѣ соболей, въ 3 р. пара.

ромъ настигъ ихъ только въ Череевславѣ. Мужилевскій оправдывался такъ: „Государеву милость къ себѣ и жалованье я помню; гетману и полковникамъ и всему Войску Запорожскому хвалить буду; а про Московское Государство ни съ кѣмъ никакихъ непригожихъ словъ не говорилъ, развѣ въ пьянствѣ чѣмъ молвилъ, и то не хитростью, по иноземному обычаю, (а потому) что государевою милостью и жалованьемъ поѣхалъ съ Москвы пьянъ“.

Патріархъ Писній остался въ Москвѣ. Но его проектъ завосванія Гроба Господня нимало не захотилъ Тишайшаго изъ Государей къ недостойной сдѣлкѣ съ губительнѣйшимъ изъ разбойниковъ. Тѣмъ не менѣе дѣло, начатое патріархомъ Оеофаномъ и поколебленное митрополитомъ Могилюю, было имъ возобновлено настолько, насколько допускалъ это характеръ козацкой войны. Что вопросъ о древнемъ русскомъ благочестіи стоялъ теперь на прежнемъ, до могилевскомъ, пути своемъ, видно и изъ отзыва Мужилевскаго въ Москвѣ о пріятелѣ и должникѣ Петра Могилы, Адамѣ Киселѣ,—отзыва, напоминающаго показаніе литовскаго канцлера объ униятствѣ Киселя. Конфидентъ Хмельницкаго, прежде всего, сообщилъ думнымъ дьякамъ Волошенинову да Алмазу Иванову,—что Кисель—униать, а не истинный христіанинъ; что онъ пытался устроить въ Киевѣ такое патріаршество, какое существуетъ въ Москвѣ, но не рѣшился на это, опасаясь, что вселенскіе патріархи и все православные христіане не позволятъ ему сдѣлать этого, тѣмъ болѣе что патріарха онъ хотѣлъ получить изъ рукъ царицы.

До пріѣзда Писнія въ Москву, царь Алексѣи Михайловичъ посылалъ къ намъ, изображавшимъ собою Польское государство, думнаго дьяка Кунакова „савѣстить ихъ“ и объявить, что „царь явился къ Рѣчи Посполитой милостію своею: писалъ къ атаману козацкому къ Богдану Хмельницкому и ко всему Войску Запорожскому о добромъ и великомъ дѣлѣ, о успокоеннѣйшій войны, чтобъ кровь христіанская унялась“. Когда же новый король, Янъ Казимиръ, уведомилъ царя о своемъ восшествіи на престолъ,—въ отвѣтной царской грамотѣ послышалась нота суровая. Грамота заканчивалась такими словами:

„А что къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, вы, братъ нашъ, ваше королевское величество, въ той же грамотѣ писали: брата своего высокославные памяти, ваяннѣйшаго и великаго князя литовскаго, его королевское величество, великимъ свѣтиломъ христіянства, (что онъ) просвѣтивши весь свѣтъ, пресѣдился до вѣку святыхъ небесныхъ обителей, въ вѣчную хвалу,—и

такъ было писать непристойно, потому что въ той грамотѣ написано превыше человѣка. Одно свѣтило всему — праведное солнце Христось, Богъ нашъ, творецъ свѣту, небу и земли: той просвѣщасть вся человѣки“.

Но переменѣна въ благоволеніи царя Алексѣя Михайловича къ Польшѣ произошла не отъ одной безтактной и хвастливой грамоты Яна Казимира. Царскій „гонецъ“ Кунаковъ, по возвращеніи въ Москву, представилъ своему государю обширную записку о „Черкасской войнѣ“. Черкасская война интересовала православную Москву крѣпко. Кунакову было поручено развѣдать о ней и въ дорогѣ, и въ обѣихъ польскихъ столицахъ вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, „что пужно Московскому Государству“. Въ началѣ своего посольства, Кунаковъ „вѣстовымъ письмомъ по литорѣ“ донесъ царю, какъ мы уже знаемъ, что Богданъ Хмельницкій, подъ видомъ войны изъ-за уни, мстилъ напамъ за свои личныя обиды; но черезъ два мѣсяца старательныхъ развѣдокъ представилъ дѣло совсѣмъ въ другомъ видѣ, — представилъ то, „что пужно Московскому Государству“.

„Запорожскимъ де Черкасомъ“ (писалъ опъ) „напередъ того за многіе лѣта отъ Ляховъ *) и отъ унеять (было) утѣшенье большое вѣру благочестивую христіанскую у нихъ ломали, и церкви Божьи печатали, и многія благочестивыя церкви присернули въ унию, и самихъ Черкасъ побивали, и жопъ и дѣтей и животы у нихъ отымали, и всякое насильство и розоренье имъ чинили. Да Черкасомъ же де, сверхъ того, было розоренье отъ Жидовъ, которые держали въ ихъ мѣстехъ отъ пановъ аренды. И тѣ де Жиды ихъ, Черкасъ грабили и наругались надъ ними всячески. Только который Черкашенинъ укурить вина, или сварить пиво или медъ, не являсь Жидомъ, или противъ Жиды учинить говорить не спявъ шапки, и Жиды де за то, сириметываясь съ ними за пѣсмѣхъ, ихъ грабили и разоряли, животы ихъ отымали, и женъ и дѣтей въ работу имали насильствомъ. Да и сами де паны у Черкасъ у многихъ поимали жепы и дѣти, и животы, и многое имъ наруганье и розоренье учинили“.

За такія кривды (пересказывалъ слышанное въ православномъ народѣ Кунаковъ) козаки жаловались королю Владиславу. „И призвавъ

*) Подъ словомъ *Ляхи* разумѣли Русскіе люди пановъ, совратившихся въ католичество, протестанство и въ униятскій паннизмъ, (такъ называемую *римскую вѣру*). Коренныхъ Половусовъ называли въ Москвѣ Поляками. Отъ этого, въ тогдашнихъ письменахъ, встрѣчаются такія выраженія: „пришли Ляхи и Поляки“.

де Владиславъ король Богдана Хмельницкаго *) и Черкасъ челобитчиковъ въ покосвыя хоромы, и говорилъ имъ, что санатаріи его вдалились въ свою волю, папство его пустошатъ, а его мало слушаютъ. И отпасавъ де Владиславъ король саблю, далъ Богдану Хмельницкому и сказалъ: то де ему королевской знакъ: имѣютъ они при бокахъ своихъ сабли, и они бѣ тѣмъ своимъ обидникомъ не поддавались, и кривды ихъ местили имъ саблями; и какъ время дойдетъ, и они бѣ на поганцовъ и на его королевскихъ непослушниковъ были во всей его королевской волѣ“.

Въ такомъ духѣ была составлена вся записка. Хотя въ ней не было ни инквизиціонныхъ сценъ, какими приправляютъ свои повѣствованія малорусскіе лѣтописцы, ни жидовскихъ ругательствъ надъ религіозными обрядами, изобрѣтенныхъ козацкими кобзарями, по и того было довольно, что козаки воевали за православную вѣру и были призваны королемъ къ усмиренію непослушниковъ его. Не король, стало быть, посылалъ войско на Хмельницкаго за рѣчку Росъ да за рѣчку Тясминъ: это дѣлали „санатаріи“, что вдалились въ свою волю, что пустошили государство и мало слушали короля. Хмельницкій былъ не бунтовщикъ, а пособникъ своего государя въ защитѣ притѣсняемой папстами вѣры, въ защитѣ его царственности. Кунаковъ пересказывалъ похожденія Хмельницкаго въ томъ видѣ, въ какомъ они вошли въ лѣтописи и въ монографіи, отъ неизвѣстнаго сочинителя мурованнаго столба и мѣднаго быка до всѣмъ извѣстнаго Костомарова включительно.

„Когда Ляхи и погонщики“ (посланные въ погоню) „сѣхали въ полѣ Богдана Хмельницкаго, и Богданъ де послалъ къ нимъ отъ себя Черкасъ двухъ человекъ, и велѣлъ имъ говорить: для чего они на нихъ, товарищей и на единокровныхъ, паче жъ на единовѣрныхъ, вооружились? а у нихъ де идетъ не о себѣ, а о благочестивой христіанской вѣрѣ, и они де погонщики есть ли на благочестивую христіанскую вѣру возстали сопча, и они Богу отвѣтъ дадутъ, а Богъ де и товарищи ихъ противъ ихъ и единокровныхъ и единовѣрныхъ своихъ товарищей сабель не поднимаютъ. И Черкасы де погонщики Ляховъ перенимали, а которые противились, и тѣхъ побили. И Богданъ де припаялъ ихъ къ себѣ, и многія у нихъ рѣчи были со слезами о вѣрѣ христіанской“.

*) Кунаковъ имя Хмельницкаго писалъ сперва чрезъ ѣ, а потомъ сталъ писать чрезъ е, по малорусски.

Если Хмельницкій заставилъ большинство польскорусскихъ пановъ приписывать козацкій бунтъ украинскимъ землевладѣльцамъ, то его краковскіе и варшавскіе пособники безъ труда могли увѣрить царскаго гонца, что козакамъ „идеть не о себѣ, а о благочестивой христіанской вѣрѣ“, о которой „многія у нихъ рѣчи были со слезами“. А что Кунаковъ находился подѣ влияніемъ тайныхъ и явныхъ хмельничанъ, это всего яснѣе видно изъ его пересказа о призвѣвѣ Татаръ.

„И Богданъ Хмѣльницкій съ татарскими мурзы договорились и укѣпились на гомъ, что зсыръ“ (подѣ которыми, очевидно, разумѣются здѣсь только военнопленные) „имать Татарамъ, а лошади и животину дуванить пополамъ, а скарбъ и животы — Черкасомъ. И тѣмъ Богданъ Хмѣльницкій обоихъ людей отъ ссоры уберегъ“.

О взаимныхъ отношеніяхъ сословія и властей Кунаковъ докладывалъ царю такъ, какъ доложилъ бы ему самъ Хмельницкій:

„И паны-рады совѣтують, межъ себя роздѣлясь, и пелюбовъ межъ пановъ-радъ большая. А шляхта и многіе мѣщане говорятъ сѣтуя, что паны-рада, въ свосемъ пелюбѣ, Рѣчь Посполитую губяць и такую великую Черкасскую и Татарскую войну ставяць ни во што; видя неприятельскую саблю на головахъ своихъ, о оборонѣ панства не промышляють, отъ гордости и въ пелюбѣ свосемъ не образумятца. А та до бѣда и злое разоренье учинилось отъ ихъ же панской гордости и отъ палогъ, и пришла де на ихъ Божья мечь, и святое евангельское слово исполняетца: которою чашею они, пышныя паны зъ Жидами, поили бѣдныхъ Черкасъ, и пылъ де тую чашу сами многіе пьютъ и впередъ будутъ пить, а подлѣ ихъ и певичыя убогіе люди погибають. Да гонцу жъ (то есть ему, Кунакову) сказывали въ разговорѣхъ многіе люди, что Казимера де короля хотѣнье есть и того желаетъ, чтобъ Богданъ Хмѣльницкій пановъ-радъ сломилъ и ему послушныхъ учинилъ, и чтобъ паны-рада и шляхетство были во всей его королевской волѣ“.

Паконецъ, Кунаковъ пересказывалъ распускаемый козаками слухъ, что „всѣ паны-рада говорили и на мѣрѣ немного того не поставили, чтобъ во всей королевской державѣ благочестивую христіанскую вѣру искоренить въ конецъ, и была бъ во всей королевской державѣ одна вѣра, какъ и въ Московскомъ Государствѣ, чтобъ въ королевской области за вѣру межъ панства и простыхъ народовъ розни и несогласья не было“.

Такъ іезуитски подкапывались козаки, въ нѣмомъ согласіи съ обвинившимъ духовенствомъ, подѣ фундаментъ, на которомъ іезуиты думали утвердить нерушимую цѣлость Рѣчи Посполитой. Заинтересо-

важный со стороны монархизма, борющагося съ папами-республиканцами, московскій царь тѣмъ еще болѣе безпокоился о судьбѣ малорусскаго православія, что древнему русскому благочестію предстояло паденіе на кievской почвѣ въ случаѣ торжества папскаго оружія надъ козацкимъ. Было достаточно и однихъ этихъ побужденій для того, чтобы склонить мысли самодержавнаго монарха въ пользу папскихъ противниковъ. Но представители польской національности, не сознавая, какъ для нихъ опасно столкновеніе съ національностью русскою вообще, возбудили противъ себя Русь и по отношенію къ достоинству московскаго царя.

Кунаковъ прибылъ въ Краковъ въ началѣ февраля 1649 года; но царская грамота, которую онъ привезъ, была писана еще до полученія въ Москвѣ вѣсти объ избраніи Яна Казимира; поэтому онъ могъ имѣть дѣло только съ примасомъ и съ папами рады.

Когда царскому гонцу было вручено расписаніе предстоявшей ему аудіенціи у примаса и паповъ рады, Кунаковъ сдѣлалъ имъ, чрезъ посредство ихъ докладчика, такое внушеніе:

„То мнѣ въ великое подивленіе, что папы-рада великому государю нашему, его царскому величеству, достойныя чести воздать не умѣютъ. Для чего въ томъ письмѣ не написано, что паномъ-радѣ про здоровье его, государя нашего, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Русіи самодержца, спросити вставъ? И государь вашъ Владиславъ король про его государское здоровье спрашивалъ его царскаго величества пословъ и посланниковъ и гонцовъ всегда вставая и шляпу снимая; а имъ, паномъ-радѣ, его королевскаго величества подданнымъ, пригоже наипаче того великому государю нашему, его царскому величеству, достойную честь воздавать“.

Въ самомъ дѣлѣ, было верхомъ безразсудства выказывать относительно московскаго царя высокоуміе теперь, когда судьба Польши зависѣла отъ его благосклонности. Но римскіе просвѣтители правительствующихъ сословій польскихъ давно уже похитили у нихъ ключъ политическаго разумѣнія. Въмѣсто цѣлости отечества, папы, съ королемъ во главѣ, заботились о достоинствѣ католическаго прелата.

Жалкіе правители обуреваемого государства держали совѣтъ по возбужденному думнымъ дякомъ вопросу, и приговорили, чтобы примасъ освѣдомился о царскомъ здоровьѣ *сидя*. Узнавъ объ этомъ, царскій гонецъ сдѣлалъ имъ выговоръ, сознавая, безъ сомнѣнія, какую силу задѣваютъ *безмозлые* (такой эпитетъ придавали Москали Полякамъ), и какое можетъ послѣдовать за то возмездіе:

„Или у васъ арцыбискупъ найвышши королевскаго величества, что королевское величество про здоровье великаго государя нашего спрашивалъ всегда стоя, а арцыбискупу спрашивать сидя? Слушное ль то дѣло? И помыслить про то страшно. А великій государь нашъ, его царское величество, жалѣя объ васъ, что вы остались безгосударны, прислалъ меня къ вамъ съ своего царскаго величества грамогоу въ вашихъ незгодахъ навѣстити, и писалъ въ своей государевой грамотѣ о великихъ государственныхъ дѣлахъ, которые настоять обоямъ великимъ государствамъ къ покою и къ тишинѣ и ко всякому добру, и паномъ-радѣ ту царскаго величества милость подобно было знать“.

Для представителей римскаго просвѣщенія тѣмъ зазорнѣе было выслушать отъ Москаля подобную нотацию, что, повергъвшись нѣскольکو дней, они *были* заставляемы, во все время какъ онъ читалъ „царское именованье и государскіе титулы“, стоять со своимъ арцыбискупомъ безъ шанокъ, а „также и про царское здоровье спросить съ полнымъ государскимъ именованьемъ и государеву грамоту принять— по тому жъ, стоя безъ шанокъ“.

Въ пику римскому панѣ, Кунаковъ потребовалъ, чтобы при аудіенціи панскій легатъ не присутствовалъ. „Легату римскому“ (объявилъ онъ) „и въ полатѣ той у паномъ-радѣ быть при немъ непригоже, а не токмо что ему въ то время съ паны-рады сидѣть, потому: присланъ я отъ великаго государя, отъ его царскаго величества, къ паномъ-радѣ Корунъ Польскіе и Великаго Княжества Литовскаго, а легату до того какое дѣло? И только въ то время легатъ хотя и въ полатѣ у паномъ-радѣ будетъ, а не токмо что съ паны-рады учить сидѣть, и мнѣ къ паномъ-радѣ итти не мочно“.

Уничиженные въ лицѣ своего гостя и политическаго наставника паны-рады, узнавъ содержаніе грамоты, благодарили царя (какъ писалъ Кунаковъ) за то, что онъ не воспользовался ихъ великимъ упадкомъ, не наступилъ на ихъ украинны и не сдѣлалъ имъ никакой несправды въ ихъ вдовье время; но въ благодарственной грамотѣ хотѣли написать сперва имя своего повозвращнаго короля, потомъ имя арцыбискупа гнѣзвенскаго и всѣхъ паномъ-рады, а потомъ уже имя московскаго царя съ его полными титулами. Кунаковъ снова замѣтилъ строго, что „новыхъ непристойныхъ къ государской чести образцовъ вчивать имъ непригоже, — что объ этомъ даже и помыслить непристойно и страшно“. Паны были принуждены написать свою благодарность по указанію московскаго дьяка.

Въ Москвѣ не забыли тяжкихъ обидъ и оскорбленій, нанесенныхъ русской національности латинизованными панами въ Смутное Время.

Но не единымъ словомъ не помянуть стараго Кунаковъ теперь, когда бывшіе владыки Москвы очутились подъ ногами „растонгавшаго польскую славу“ козака. Онъ дѣйствовалъ съ благороднымъ тактомъ и съ истиннымъ достоинствомъ по вопросу о присоединеніи Русской Земли къ *Русии*, вопросу, очевидно, уже предрѣшенному, и въ бесѣдѣ съ представителями Польши твердилъ одно:

„Нашему великому государю, его царскому величеству, недруга ни съ которые стороны отъ иноземныхъ государей нѣтъ. Нашъ великій государь, его царское величество, жалѣя о васъ, что вы остались безгосударны, велѣлъ мнѣ васъ навѣстить, и писать въ своей царскаго величества грамотѣ о покоѣ христіанскомъ; также и къ гетману къ Богдану Хмельницкому отъ великаго государя нашего, отъ его царскаго величества, писано, чтобъ онъ, сослався съ паны-риды, пынѣшнюю междуособную войну и многое кровопролитіе умирилъ; и та его царская милость къ вамъ и ко всей Рѣчи Посполитой пынѣ и самимъ вамъ явна. А войска у великаго государя нашего, у его царскаго величества, всегда наготовѣ многая рать, и царскаго величества у боярь и воеводъ по полкамъ росписаны, по тридцати и по сороку тысячъ въ полку и больши; такъ же и гусары, и райтары, и драгуны, и салдаты въ строенѣ у полковниковъ и у всякихъ начальныхъ людей многіе полки; и всѣ царскаго величества войска воинскому ратному рыцарскому строю навичны. Хоти ему, великому государю нашему, и недруга никого нѣтъ, только его государскихъ раземотрѣнемъ во всѣхъ его государствахъ и по украинамъ войска многіе полки всегда наготовѣ. И ко всѣмъ людямъ, къ подданнымъ своимъ и къ иноземцамъ, государь нашъ, его царское величество, милостивъ и щедръ, и наукамъ премудрымъ философскимъ многомъ, и храброму учению навиченъ, и къ воинскому ратному рыцарскому строю хотѣнье держитъ большое по-своему чину и достойно“.

Поѣздка Кунакова въ Краковъ и Варшаву была своего рода политическая пропаганда, основанная на заявленіяхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ жителей о желаніи присоединиться къ Россіи. Но, не ограничиваясь этой пропагандою, Москва, какъ мы видѣли, послала и въ Козацкую Украину такого же гонца, дворянина Унковскаго. Унковскій долженъ былъ вывѣдывать всѣ тѣ данныя, на которыхъ предстояло строить политическое единство Русской Земли.

Дѣла Сибирскаго Приказа въ московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи сохранили слѣдующія подробности этого посольства.

Въ сопровожденіи полковника Мужилловскаго, Унковскій ѣхалъ изъ Путивля на Коиотоцъ, Красный, Прилуки, Басань, Переяславъ,

Глемязовъ, и 10 верстѣ плыть внизъ по Днѣпру, переправляясь въ Домонтовѣ. 15 апрѣля прибылъ онъ въ Черкасы (которыя въ статейномъ спискѣ своемъ называетъ Черкаскомъ), направляясь въ Чигиринъ.

Не доѣзжая 10 верстѣ до Чигирина, Мужилевскій поскакалъ впередъ, и встрѣтилъ царскаго посланника, въ сопровожденіи гетманскаго хорунжаго, съ привѣтствіемъ отъ гетмана. Въ полуверстѣ отъ Чигирина встрѣтили царскихъ людей сыгъ Хмельницкаго Тимоосей, два писаря, Кричевскій и Выговскій, войсковою эсауль, наволочскій войтъ, да еще сотникъ и атаманы, человекъ 20, всѣ иѣшкомъ. Унковскій также сошелъ съ лошади. Молодой Хмельницкій извинялся, что встрѣтилъ его не раньше и впритомъ иѣшкомъ. „Подъ городомъ великая вода. Снесла она мосты и плотны, а судовъ такихъ не изготовлено; лошадей перевозить не на чемъ“. Унковскій пригласилъ Тимоосей сѣсть на лошадь Мужилевскаго, а всѣ остальные пошли иѣшкомъ. Черезъ Тясмищъ переправились на лодкахъ. На берегу ждали лошади.

Царскому посланнику отвели квартиру въ домѣ городничаго, *Ина*. Гетманъ прислалъ Унковскому съѣстные припасы *) съ извиненіемъ, что, по болѣзни, не могъ его встрѣтить. Благодаря за кормъ Унковскій просилъ, чтобы гетманъ прислалъ его какъ можно скорѣе и чтобъ на его пріемъ не было пословъ и посланниковъ другихъ государствъ.

На другой день, 17 апрѣля, къ Унковскому пришли два писаря, войсковою эсауль, наволочскій войтъ и чигиринскій атаманъ съ приглашеніемъ на свиданіе съ гетманомъ. Унковскій поѣхалъ на приѣздномъ отъ гетмана конѣ. Впереди подъячій везъ государеву грамоту, а по сторонамъ шли писаря, эсауль, войтъ и атаманъ. На гетманскомъ дворѣ, у крыльца, встрѣтили его близкіе гетманскіе люди, а въ свѣтлицѣ, у самой двери, самъ гетманъ.

Принявъ отъ Унковскаго грамоту, Хмельницкій поцѣловалъ печать. То же, по его приказанію, сдѣлалъ обозный Чорнота. Унковскій спросилъ, отъ имени государя, о здоровьѣ гетмана и все войско. Въ

*) Въ статейномъ спискѣ эти припасы изчислены такъ: „10 хлѣбцовъ пшеничныхъ малыхъ; 10 хлѣбцовъ ржаныхъ людскихъ, гуся, утю, двухъ поросятъ, четырехъ куръ, 50 яицъ, 2 сыра, баранъ, ногу говядины, 50 черенковъ соли; нитя: стекляницу вина двойнаго, стекляницу вина венгерскаго, стекляницу мальвазен, ведро вина простаго, ведро меду, 5 ведеръ нива, 10 свѣтъ салныхъ, четъ овса и остраюкъ сѣна“. Если еще понадобится кормъ, просили обращаться на гетманскій дворъ.

отвѣтъ на это всѣ низко поклонились. Гетманъ также спросилъ о здоровьѣ государя и царевича Димитрія Алексѣевича. Тогда посланникъ объявилъ государеву жалованье: гетману три сорока соболей, сыновьямъ его, Тимоою и Юрію, обозному Ивану Чорнотѣ, писарямъ Ивану Кричевскому да Ивану Выговскому, войсковому эсаулу Михайлу Гетману, Костырскому *Шу*, полковникамъ: черниговскому Осдору Вешняку, корсунскому Морозенку, пѣжинскому Шумейку, миргородскому Матвѣю Гладкому—по парѣ соболей *). Хмельницкій прочелъ царскую грамоту про себя и, снова поцѣловавъ печать, отдалъ Выговскому, благодарилъ за милостивое слово, посадилъ Унковскаго возлѣ себя и, когда полковники усѣлись по скамьямъ, пригласилъ его къ обѣду. За обѣдомъ о предметѣ посольства не говорили.

Черезъ день Унковскій снова пріѣхалъ къ гетману съ прежней церемоніей и нашелъ у него всю старшину, какал на то время оказалась въ Чигиринѣ. Поздоровавшись, гетманъ удалился съ нимъ, съ его подьячимъ и съ Выговскимъ въ отдѣльную комнату. Прочіе были собраны въ домѣ Хмельницкаго лишь для того, чтобы служить органомъ толковъ о царскомъ посольствѣ и пускать въ ходъ о немъ вѣсти, какія были пужны козацкимъ полкникамъ.

Запершись вчетверомъ отъ своего національнаго собранія, Хмельницкій объявилъ, что не можетъ, какъ написано въ грамотѣ, послать къ панамъ—радѣ съ ходатайствомъ объ избраніи царя на польскій престолъ. „То дѣло миновалось: въ Польшѣ король избранъ. Цускай теперь государь самъ наступитъ на Литву, и она навѣрно предложитъ ему свою корону; а на Польшу я и Войско Запорожское помощи не просить. Польшѣ противъ насъ и крымскаго царя не устоять, и великій государь станетъ государемъ Литвы и Польши. Да писалъ я, чтобы великій государь принялъ меня съ войскомъ подъ свою высокую руку; но въ царской грамотѣ отвѣта на это нѣтъ. Не наказано ли тебѣ что-нибудь объ этомъ?

Унковскій отвѣчалъ: „Если дастъ Богъ, вы освободитесь отъ Польши и Литвы *безъ нарушенія мира*, тогда великій государь васъ пожалуетъ, велитъ вамъ быть подъ его высокою рукою“.

„Да мы и теперь свободны“ (сказалъ Хмельницкій). „Цѣловали мы крестъ служить вѣрой и правдой королю Владиславу, а теперь въ Польшѣ и Литвѣ избранъ королемъ Янъ Казимиръ и коронованъ; однако, насъ Господь отъ нихъ избавилъ. Короля мы не выбирали и креста ему не цѣловали, а они къ намъ о томъ не писали и не

*) Достойно замѣчанія, что Унковскій обошелъ подаркомъ наволочскаго войска, не смотря на его видную роль въ церемоніалѣ Хмельницкаго.

прислалъ, а потому мы свободны. Почему же теперь государю не помочь намъ? Если онъ опасается Польши и Литвы, что въ прошлые годы причинили Московскому Государству многія бѣды и разореніе, то теперь этого опасаться нечего: безъ нашего Запорожскаго Войска вездѣ они будутъ худы, а и въ тѣхъ-то войнахъ были сильны лишь нашимъ войскомъ. Теперь счастье само дастся въ руки государю: безъ всякаго уцѣрба, онъ можетъ получить большое государство и множество ратныхъ людей. А мы желаемъ поступить подъ государеву руку, потому что наша благочестивая вѣра явилась отъ общаго корня, отъ Св. Владимира, только Ляхи своими неправдами отлучили насъ отъ Московскаго Государства. А я такъ думаю: на чьей сторонѣ Войско Запорожское и вся Вѣлая Русь будетъ, та сторона будетъ странна вѣмъ непріятелямъ, потому что Войско Запорожское имѣетъ огромныя силы, что извѣстно и государю, и если насъ великій государь не принимаетъ и отъ своей милости отгоняетъ, то намъ кажется, что мы, православные христіяне, ему негодны, и милостивымъ къ намъ быть не хочетъ“.

Здѣсь надобно упомянуть, что въ Черкасахъ Упковскій видѣлся (конечно, не случайпо) съ сотникомъ *Янолз* Кравченкомъ, который только что вернулся изъ Крыма и сообщилъ ему, что крымскій ханъ со всей Ордой идетъ къ Хмельницкому, и будетъ къ Троицкину дню, и говорилъ ему: „Какъ намъ Богъ поможетъ повоевать Ляховъ, тогда вы, козаки, идите съ нами воевать Москалей за ихъ неправды,—что они нынѣ во всемъ передъ прежними крымскими царями чинятъ намъ великія кривды, казну даютъ не сполна и пословъ нашихъ безчестятъ и по городамъ рассылаютъ, и голодомъ морятъ“.

Не смотря на клятвенное увѣреніе сотника Яна, что ханъ дѣлалъ такія угрозы, представитель крѣпкодумной Москвы отвѣчалъ на разбойное домогательство представителя днѣпровской вольницы спокойно:

„Такія рѣчи говоришь ты, гетманъ, не помня къ себѣ царской милости. Отъ вѣка прежніе гетманы и Войско Запорожское не видали такихъ милостей, какъ милость къ тебѣ. Въ прошломъ 156 (1648) году прислалъ къ государю извѣстіе наша рада польскіе и литовскіе, что Войско Запорожское отъ нихъ отложилось и войну противъ нихъ начало, а потому просили на васъ помочи ратными людьми, согласно договору; но великій государь и не подумалъ послать на васъ войско, а напротивъ, отвѣчалъ, чтобъ они войны и кровопролитіе прекратили. Затѣмъ, когда государь узналъ, что у васъ хлѣбъ не родился, саранча поѣла, а соли по причинѣ войны добыть негдѣ, то позволилъ

вамъ покупать хлѣбъ, соль и всякіе товары въ своихъ городахъ и прїѣзжать для покупки торговымъ людямъ. Что, еслибы великій государь запретилъ вамъ вывозить изъ своего государства хлѣбъ, соль и всякіе товары? Вѣдь вы тогда всѣ умерли бы съ голода. Когда я ѣхалъ сюда черкасскими городами, то народъ говорилъ мнѣ, что они всѣ молятъ Бога за эту милость государеву. Да вотъ и сейчасъ государь жалуетъ васъ новою милостью: дозволяетъ вашимъ людямъ вывозить всякіе товары въ свои порубежныя города безноплишно“.

Гетманъ съ благодарностью объявилъ, что онъ также прикажетъ пропускать изъ Московскаго Государства торговыхъ людей со всякими товарами безноплишно же.

„А долго ли быть у васъ войнѣ съ Поляками“ (спросилъ Унковскій), „и на чемъ вы хотите порѣшиться?“

„Ну, нашей войнѣ съ Ляхами и Литвою конецъ одинъ Богъ вѣдаетъ“ (отвѣчалъ Хмельницкій). „Много они намъ бѣдъ и разореній причинили: святая Божія церковь сквернили, насъ хотѣли истребить въ свою проклятую вѣру; но милосердный Богъ призрѣлъ на наши слезы и терпѣніе, не допустилъ ихъ въ конецъ насъ разорить, подавши намъ побѣду на нихъ за ихъ злодѣйство, а мнѣ, послѣднему въ челоуѣцѣхъ, повелѣлъ надъ Войскомъ Запорожскимъ въ войнѣ сей начальникомъ быть и надъ Ляхами побѣды имѣть. Послѣ этихъ побѣдъ Ляхи и Литва присылали къ намъ пословъ и много разъ писали, чтобъ намъ по-прежнему быть подъ ихъ властью на томъ условіи, что они будутъ почитать святая Божія церкви и православную христіанскую вѣру, не будутъ держать лядскихъ духовныхъ и дадутъ намъ во всемъ повольность, а мнѣ, гетману, дадутъ городъ Чигиринъ да еще четыре города, гдѣ я хочу, и кромѣ того кіевское воеводство: въ этомъ они готовы присягнуть. Однако, мы знаемъ, какова ихъ присяга. И прежде они не разъ присягали, да присяга не удерживала ихъ отъ притѣсеній и кровопролитія. А теперь, какъ слышию, за пышннюю войну грозятъ не оставить въ живыхъ ни одного козацкаго младенца. Я съ своей стороны предлагалъ имъ помириться на томъ, чтобы имъ, Ляхамъ и Литвѣ, до насъ, Войска Запорожскаго, и до Бѣлой Руси дѣла не было, а границы наши и Бѣлой Руси были бы тѣ же, какъ владѣли благочестивые великіе князья. Если они не пойдутъ на предложенныя мною условія, то война затянется Богъ знаетъ до какихъ поръ; а если согласятся помириться, то послѣ мира къ кому намъ обратиться, какъ не къ великому московскому государю? Не турецкаго царя и не нѣмецкихъ королей призывать“.

Какъ ни бравуретвовалъ, какъ ни лгалъ татарскій побратимъ передъ царскимъ посланникомъ, тотъ молча смекалъ, что у него на умѣ, и не пошелъ дальне увѣреній, выслушанныхъ Мужилевскимъ въ Москвѣ, что великій государь, его царское величество, гетмана и все Запорожское Войско *жалуетъ и милостиво похваляетъ*.

Не зная, чѣмъ импировать выдавшему виды Москалю, Хмельницкій припаялся снова хвастать и лгать: „Если, Богъ дастъ, эту войну кончимъ благополучно, тогда и *царь* (то-есть ханъ) со всеѣмъ Крымомъ хочетъ освободиться изъ неволи отъ турецкаго султана, и меня съ Войскомъ Запорожскимъ позоветъ на помощъ, а за помощъ уступаетъ намъ весь турецкій полонъ и животы, какъ мы поступились ему польскимъ полономъ и животами.. (въ обѣихъ полонахъ православные составляли огромное большинство). Да ханъ же говорилъ мнѣ, что у нихъ мудрые люди въ книгахъ своихъ нашли, что пришло время православнымъ христіянамъ освободиться отъ всеѣхъ вѣръ. Въ то время, какъ наши послы были у хана, приняли къ нему послы и отъ польскаго короля и паповъ рады, и предлагали ему получить большую казну, съ условіемъ отстуниться отъ Войска Запорожскаго. Ханъ прислалъ королевскій листъ ко мнѣ и спрашивалъ, какъ ему поступить. Я посовѣтовалъ ему взять ту казну, которую ему даютъ, и потомъ идти съ нами воевать. Онъ такъ и сдѣлалъ. Да въ прошломъ году, послѣ польской войны, ханъ предложилъ мнѣ идти съ нами воевать Московское Государство, но я его ушаль, пригрозивши тѣмъ, что если онъ поплетъ свое войско подъ государевы украинныя города, то мы, Войско Запорожское, отстунимся отъ него и пойдемъ воевать Крымъ, потому что у насъ съ Московскимъ Государствомъ единственно православная христіанская вѣра“...

Такъ ораторствовалъ Хмельницкій передъ царскимъ дворяниномъ. Но тотъ былъ себѣ на умѣ, и не пошелъ дальне милостивой похвалы Запорожскому Войску.

Слухи о споненіяхъ Козацкаго Народа съ московскимъ царемъ давно уже тревожили правителей Народа Шляхтскаго. Еще въ „Дневурѣ“ Концепольскаго было высказано опасеніе, что Москали, владѣя Крымомъ, оторвутъ козаковъ отъ Польши и вѣрою, и надеждою добычи, а потомъ оторвутъ и всю Русь. Опасная межень въ составѣ Польскаго государства постоянно давала себя чувствовать его составителямъ. Не постигая духа великой націи, воспитанной православіемъ, католики вѣрили *коварнымъ* стачкамъ русскихъ государственныхковъ съ русскими антигосударственниками, и не находили ничего противоестественнаго въ томъ, что козаки поступились Москалямъ Украинной

по Днѣпръ, а тѣ тайкомъ обязались помогать козакамъ разорять Польшу. Имъ грезились царскія посольства въ Украину, предательскіе договоры атамана разбойниковъ съ пресемникомъ Іоанновъ; а Хмельницкій, пользуясь этимъ, пускалъ въ ходъ выдумки, по давнишнему козацкому обычаю. Вѣрили *тайнымъ* договорамъ его съ царемъ и козаки, такъ какъ, не смотря на всѣ ихъ злодѣйства въ Московщинѣ, послѣднимъ убѣжищемъ представлялась имъ всё-таки Царская Земля. Поэтому-то полученная отъ царя грамота, дважды поцѣлованная публично гетманомъ, была сообщена одному Выговскому, и переговоры съ Унковскимъ велись тайно, только въ присутствіи гетманскаго канцлера.

Правда факта проникала и въ панскія головы; по головѣ, способныхъ отличать истину отъ вымысла, въ оіезунченномъ обществѣ было немного. Такъ, по современнымъ польскимъ писателямъ, царь, осаждаемый просьбами днѣпровскихъ козаковъ о наступленіи на его супостатовъ, уклонялся отъ разрыва съ Польшою, и желалъ успѣха козакамъ лишь въ такомъ случаѣ, *если причиною изъ бунта одна только твора*. По большинству пановъ, съ іезуитскою факціей и королемъ во главѣ, относилось къ царской и къ гетманской политикѣ безразлично.

Королевскіе сановники знали, что Хмѣль вопелъ въ спешенія и съ другими соеѣдами. Относительно политическихъ развѣдокъ они были дѣятельнѣе, чѣмъ въ добываніи вѣстей о неприятелѣ посредствомъ боевыхъ подвѣздовъ. Они знали, что трансильванскій князь Ракочій запискивъ расположенности козаковъ въ виду своей борьбы съ Габсбургскимъ домомъ, и что онъ питаетъ надежду, съ помощью Хмельницкаго, овладѣть польскимъ престоломъ, на который мѣтилъ его отецъ, и который, по смерти отца, нѣкоторые паны во время элекціоннаго сейма, были готовы предоставить сыну. Знали королевскіе люди и то, что оба придупайскіе князьки опасались, какъ бы Хмельницкій, за татарскую помощь, не отдалъ Волоховъ и Мултаны Туркамъ въ полное подданство. У нихъ носился слухъ, что, еще до похода на Волинь, козацкое посольство было въ Константинополь и обѣщало султану всю Русскую Землю отъ Днѣстра до Люблина, съ тѣмъ чтобы козаки находились подъ покровительствомъ Турціи, какъ данники. Наконецъ, они узнали, что турецкій посланникъ отправленъ къ Хмельницкому для заключенія торговаго и оборонительнаго договора. Венеціанская война склонялась въ пользу Турокъ. Республика Св. Марка предлагала уже султану денежную сдѣлку. Еслибы Турція удосужилась на морѣ, тогда силы ея должны были

обратиться къ войнѣ сухопутной, и всего скорѣе—къ войнѣ съ Лехистаномъ, который пугаль Турокъ перемѣримъ съ козаками, готовыми сражаться изъ-за добычи подъ какимъ угодно знаменемъ.

Все это заставляло правительствующихъ пановъ торониться съ отправкою къ Хмельницкому обѣщанныхъ королямъ комиссаровъ. По произошла остановка за деньгами. Поляки, предлагавшіе хану, по увѣренію Хмельницкаго, „большую казну“, которую будто бы ханъ и получилъ отъ нихъ, не имѣли въ Коропномъ Скарбѣ и такой казны, чтобы дать на дорогу комиссарамъ!... На эту ногу вѣчно хромала олигархическая республика, дававшая частнымъ лицамъ скоплять въ своихъ *скарбовникахъ* милліоны, и не умѣвшая пополювать недочеты государственнаго казначейства.

Королевскіе комиссары были набраны изъ остатковъ старорусской знати, растворившейся уже въ польщизинѣ, хотя нѣкоторые почему-то, или для чего-то, сохраняли еще на себѣ образъ древняго русскаго благочестія, отвергнувъ его духа, духа національности. Первымъ и главнымъ членомъ новой комиссіи былъ назначенъ необходимый до конца панскому большинству Адамъ Свѣтольдичъ Кисель; вторымъ—его племянникъ; третьимъ—князь Четвертинскій; четвертымъ—Березовскій; пятымъ—Зеленскій. Шестаго, Войцѣха Мясковскаго, по крестному имени католика, слѣдовательно поляка Ляха, и только по фальшивому—Русина-Недоляшка *), придали къ нимъ въ видѣ надзирателя, яко панскаго прозелита. Въмѣстѣ съ комиссарами отправилось въ Козацкую Украину болѣе двадцати человекъ пріоровъ, гвардіановъ и другихъ ксендзовъ, какъ бы для того, чтобы представители римской проповѣди въ польскорусскихъ областяхъ видѣли собственными глазами результаты стараній братіи своей разрушить въ Малороссіи греческую церковь руками ея недавнихъ отступниковъ, и навязать римскую вѣру потомкамъ ея исконныхъ отрицателей.

Отступникъ русской вѣры и національности, Войцѣхъ Мясковскій, какъ и все колонизованные Русичи, былъ чуждъ историческаго разумѣнія, того, что сдѣлала изъ богатаго и спокойнаго края римская проповѣдь вмѣстѣ съ нѣмецкимъ вѣроученіемъ, отрицательно его же порожденнымъ, да съ польскою неурядицей. Такое разумѣніе доступ-

*) Предокъ его былъ какой-нибудь *Мяско*. Нѣкоторые пишутъ Мясковскаго *Мясковскимъ*, но отъ польскаго *miasto* такъ точно нельзя произвести *Miastkowski*, какъ отъ русскаго *Бѣла*—польскаго имени *Bielski* (а Поляки желаютъ, чтобы первый, писавшій исторію ихъ по-польски (а не по-латыни), не былъ нашъ Русинъ).

но только людямъ нашего времени, если они не фанатики ляхоманы и не архифанатики козакоманы. На рунну чужой культуры въ родномъ краѣ Мясковскій взиралъ глазами сонутствовавшихъ ему пріоровъ да гвардіановъ,—взиралъ глазами ихъ питомцы, олигархически господствующей, шляхты. Онъ велъ дневникъ новой комиссіи изо дня въ день, и въ своемъ воззрѣніи вдавался въ такія же крайности, какія, въ противоположномъ смыслѣ, были свойственны воззрѣніямъ республиканцевъ-охлократовъ; но тѣмъ не менѣе сохранилъ для насъ многія черты обѣихъ борющихся республикъ. Я представляю эти черты, по возможности, его собственными словами. Пускай каждый свяжетъ ихъ въ умѣ своемъ съ общимъ выраженіемъ польскорусской жизни, стремившейся къ неразлучному сліянію въ „русскомъ морѣ“ панерекоръ всякимъ предусмотрѣніямъ и предотвращеніямъ римско-польскихъ политиковъ, — панерекоръ всѣмъ досадамъ и антипатіямъ, порожденнымъ противоположностью церковной проповѣди, и даже — разліченіемъ исторической жизни со времени отдаленныхъ.

Мясковскій могъ выѣхать изъ Варшавы едва черезъ шесть недѣль послѣ элекцій, тогда какъ у другаго правительства и шестидневная отсрочка была бы въ этомъ случаѣ медленностью непростительною. Его задержали „скарбовые люди“ выдачею денегъ на издержки комиссіи. Тѣмъ и начинаеть отъ дисшикъ свой: „*dla nieguskiej odprawy Skarbu*“, давая эгимъ знать, что повредило второй Киссельской комиссіи со сторонъ правительствующихъ пановъ.

„Земскій маестатъ (*ziemska majestas*)“, по волѣ котораго „цари царствуютъ (*reges regnant*)“, и который „предъ лицомъ Неба творитъ великихъ монарховъ (*teste caelo wielkich monarchiów kreuje*)“, какъ выразались ораторы на избирательномъ сеймѣ,—этотъ шляхетскій маестатъ сотворилъ великаго монарха изъ маленькаго Яна Казимира, но не могъ снабдить его средствами даже для комиссарскаго конвойа. Великій монархъ повелѣлъ одному изъ своихъ вѣрноподданныхъ, литовскому гетману князю Радивилу, дать въ провожатые Кисселю, съ товарищи „200 коней“, но вѣрноподданный Литворуссъ-кальвинистъ далъ только десятка полтора конныхъ Татаръ (*kilkanaście tylko koni Tatańów*), найдя какую-то отговарку (*wymówił się z tej uczynności*), въ родѣ той, какою онъ оправдалъ жолперское козакованье передъ своимъ сановитымъ дѣдушкой.

Неутомимый въ миротворной дѣятельности своей Кисель пустился въ путь, не дождавшись денегъ. Мясковскій, выѣхавъ наконецъ съ деньгами 1 января 1649 года, догналъ его 7-го въ Кобринѣ, и вручилъ ему 10.000 злотыхъ на эту дорогу.

Коммиссары, съ ассистенціей своею, двинулись далѣе, подъ прикрытіемъ только сотни драгунъ, навербованныхъ коштомъ познанскаго бискупа, Андрея Шолдрскаго. Конечно, бискупа интересовала поѣздка кесидзовской миссін больше, чѣмъ кальвиниста, къ которому вовсе нескстати обратился съ повелѣніемъ великій монархъ.

10 января присоединился къ нимъ кіевскій каштелянъ Бржозовскій, то-есть Березовскій (которому Оссолинскій исходотайствовалъ обѣщанную каштелянію, въ полной увѣренности, что онъ, вмѣстѣ съ Косомъ и Киселемъ, поможетъ ему устроить унию potvrже Брестской).

14 января съѣхался съ ними племянникъ Киселя, новгородъверскій хорунжій.

16 января прибыли коммиссары въ имѣніе Киселя Гощу, которую называлъ онъ *Гущето* въ польской перепискѣ своей. Козачина отхлынула за Случь, оставивъ по себѣ не изгладившіеся донынѣ слѣды пожаровъ и всеческаго разоренія. Несмотря на перемиріе, край все еще волновался, какъ море послѣ бури. По уцѣлѣвшимъ остаткамъ хозяйственной культуры бродили купы козацкихъ подражателей, называемыхъ вообще гультаями. Народъ мѣстами поразительно разбогатѣлъ грабежемъ панскихъ имѣній, мѣстами терпѣлъ крайнюю бѣдность. Но каждый вдохновлялся живущею доселѣ пословицей: „Богъ не безъ милости, а козакъ не безъ щастя“. Неизвѣстно, какъ обстоило хозяйство въ Гощѣ, но жена Киселя сопровождала его вмѣстѣ съ женами нѣкоторыхъ изъ его спутниковъ, все еще не понимая, что такое собственно есть разнузданный козакъ, и надѣясь присутствіемъ своимъ смягчить полудикихъ бунтовщиковъ.

Черезъ четыре дня коммиссары гостили у князя Корецкаго въ Корцѣ, гдѣ доселѣ видны остатки его замка. Корецъ стоитъ надъ рѣкой Случью. Это былъ крайній пунктъ, до котораго смѣли возвращаться на свои пенелница отважнѣйшіе колонизаторы нашихъ пустынь по слѣдамъ отлива руинной козачины. Князь Корецкій, православный еще Малороссъ, съ колонизаціонною дѣятельностью соединялъ *охотско-молотное* козакованье, необходимое для отраженія ордынскихъ и домашнихъ набѣговъ. Полулѣтя и полунедовѣр्या прежнимъ своимъ подданнымъ, онъ собралъ вокругъ себя болѣе 4.000 вооруженныхъ осадниковъ, изъ которыхъ одни боялись другихъ, и потому повиновались князю осадчому. Дѣло въ томъ, что князь Корецкій держалъ поближе къ себѣ нѣсколько сотъ надежныхъ рубакъ, стрѣльцовъ, конейниковъ, и съ ихъ помощію обуздывалъ такую же сбродную дружину людей неспасенныхъ, что дѣлалъ, въ большихъ размѣрахъ, и самъ Хмельницкій, ввѣрившій свою палатку и свой сонъ жолдовымъ Татарамъ.

Цѣлый день провели комиссары въ Корцѣ, и 21 января, переправясь въ Звягль черезъ Случь, вступили на территорію „удѣльнаго княжества козацкаго“, на границу Кіевскаго воеводства, существовавшего фактически еще вѣспою прошлаго 1648 года.

Князь Четвертинскій ѣздилъ къ Хмельницкому въ Чигиринъ съ увѣдомленіемъ о приближеніи королевскихъ комиссаровъ и съ приглашеніемъ въ Кіевъ на комиссію. По распоряженію гетмана, на границѣ его татаро-козацкаго кочевья встрѣтили комиссаровъ полковникъ Донецъ и сотникъ Тиша, съ конвоемъ въ 400 человекъ.

„Въ Бышовѣ“ (нишесть Мясковскій) „догналъ насъ брацлавскій подчашій Зеленскій, которому я отдалъ на эту дорогу изъ Скарба 3.000 злотыхъ“.

Къ ночи того же дня прибыла комиссія въ имѣніе Киселя, Новоселки, въ 15 мильяхъ отъ Кіева. Отсюда Кисель вновь послалъ князя Четвертинскаго къ Хмельницкому съ просьбою выѣхать въ Кіевъ на комиссію, и цѣлую недѣлю ждалъ его отвѣта. Въ это время, по словамъ Мяковского, панъ воевода и его папи претерпѣли „разныя контемпы отъ хлопства“, то-есть отъ своихъ подданныхъ. „Живость“ (пишетъ онъ) „затруднительна и дорога: не только зерна, но и соломы для лошадей не было. Бушты подданныхъ противъ самого пана и дѣдичной пани“.

Такъ привѣтствовала миротворца оказавшаяся родня, куда падежда уговорить Хмеля влекла его какъ будто для того, чтобы онъ уразумѣлъ наконецъ смѣшную и печальную роль свою.

Февраля 2, въ Вѣлогородѣ, въ трехъ мильяхъ отъ Кіева, комиссары испытали такое же безпокойство и недостатокъ (niewczas i niedostatek). Но Кисель и Березовскій отвели душу въ бесѣдѣ съ православными единомышленниками своими: митрополитъ (Косовъ) и архимандритъ (нечерскій Тризна) выѣхали сюда для секретнаго совѣщанія (ad secretum colloquium).

Въ Кіевъ козаки не впустили королевскихъ комиссаровъ, а посланцовъ Киселевыхъ, шляхтичей Гнѣздовскаго и Брышовскаго, привали тамъ съ презрѣніемъ (znieważono), Кисель одинъ ѣздилъ подъ Кіевъ для бесѣды съ митрополитомъ.

Плъ Гвоздова 12 (2) февраля отправилъ онъ племянника своего и „бывшаго королевскаго посла, Смяровскаго“, секретаря комиссій, къ Хмельницкому съ убѣжденіемъ ѣхать въ Кіевъ на комиссію. Хмельницкій мѣстомъ съѣзда назначилъ Переселавъ.

„Въ смирную недѣлю“ (пишетъ Мяковскій) „успуслись мы къ лѣсникамъ на Кіевъ черезъ Хотовку, мѣстечко князя Корецкаго. За-

стунили дорогу пану воеводѣ, съ которыми сидѣли мы въ однихъ сапяхъ, тамошніе козаки съ хлостомъ, и не пустили далѣе, держа подъ уздцы коня подъ козакомъ, который несъ за паномъ воеводою знакъ. Мы были принуждены и того козака, и самихъ себя окунуть талерами, будучи въ небольшой кунѣ, безъ козацкихъ и драгунскихъ хоругвей“.

Еще изъ Повослокъ послалъ Мясковскій такую реляцію въ Варшаву, которая уничтожила всякую надежду и все мирныя ожиданія, возбужденныя Хмельницкимъ. Хмельницкому было нужно приостановить панскія вооруженія и панскія военныя распоряженія для того, чтобы довѣрчивые Ляхи дали ему время разобраться въ своихъ разпобразныхъ *луняхъ*. Это видно изъ его письма къ султанъ-галгѣ, о которомъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

„Приняли мы сюда подъ Кіевъ“ (писалъ въ Варшаву Мясковскій), „какъ въ пустопорожнюю неприятельскую область (jako in hosticum solium). Все города и села полны козаковъ. Огряды ихъ ведутъ и сторожатъ насъ. Повсемѣтно враждебность (undique hostilitas). Стѣтныя принасы добываемъ съ трудомъ и платимъ дорого. Кругомъ саранча—козаки и Татары. На зиму ничего не съѣли. Въ города не пускаютъ. Кто отстанетъ или возьметъ въ сторону, тотчасъ погибнетъ, какъ это недавно случилось въ Черняховѣ, гдѣ панъ Можайскій и панъ Лютомпрскій, добрый и нужный слуга, убиты съ нѣсколькими другими, а Радивиловы Татары-козаки едва ушли, раненные и ободранные. Хмельницкій возвысился побѣдою (elätus victoria), не согласенъ на конгрессъ (congressum nie rozwala); не дастъ отвѣта; посланцовъ задерживаетъ подъ стражею... Причиною тому іерусалимскій патріархъ, который далъ ему титулъ русскаго князя (titulum ducis Russiae) и сравнивалъ его съ Константиномъ Великимъ. Причиною тому и послы отъ Ракочія. Того и другаго надобно было упредить; но несчастная отирава (съ деньгами), медленная скорбная экспедиція, какъ бы завидуя успокоенію отчизны, повергла ее въ отчаяніе (zajrzała ojczyznę nie pokoju desperacye)... Отъ кіевскихъ чернцовъ, посредниковъ его съ Лунуломъ, узнали мы, что Хмѣль хотѣлъ идти на Волоховъ, по Лунуль прислалъ ему подарки и патравливаетъ его на насъ. И патріархъ побѣждалъ въ Москву, чтобы царя соединить съ Лунуломъ противъ насъ. Тогай-бей господствуетъ и на Саврапи, и на Чечельникѣ. Живность ему доставляетъ Умапъ, и у него уже тысячь 70. Со всехъ сторонъ принимаетъ къ себѣ и вѣрующихъ, и невѣрующихъ въ Бога, всехъ націй и религій; тотчасъ и жолдъ, и вооруженіе. Хмѣль отдалъ ему Баръ и Цацаружки, весь трактъ за Дибиромъ, и по сію

сторону на 20 миль земли. Закаливайте колья да сабли. Готовьтесь, сколько васъ ни есть, конные и пѣшіе (quotquot estis, equites et pedites). Не жалѣйте сарбовъ и не падите, или же—пагните менъ подъ ярмо гадкимъ хлонамъ (albo szyje brzydkiemu chlopstwu sub jugum podajcie). Памъ уже "Турки" (т. е. невѣрные козаки) „и Кодакомъ грозятъ" (т. е. что Хмѣль комиссаровъ отправить въ Кодакъ) „и живности не хотятъ продать. Правда, у нихъ немалый голодь. Пронадутъ и наши кони (i my odradniemu od koni), если пробудемъ здѣсь долше... Противъ договора" (съ осажденными въ Кодакъ), „Хмѣль перевезъ тамошнюю артиллерію въ Чигиринъ... Козаки готовы съ Татарами. Сухари берутъ на копей. Педѣли въ двѣ будутъ въ Краковѣ.—Душно намъ безъ сѣна, овса, ячменя и соломы. Козаки сами гонятъ лошадей въ поле, въ сѣнга, (яной) коней по пятнадцати турецкихъ. А въ Кіевѣ нарядовъ и другой одежды видимо-невидимо (ber niezby) *.—Вмѣстѣ съ нами пустилось было много кіевской шляхты; но хлопны пнодного не приняли въ ихъ собственные дома, или лучше—на пепелища. Самому пану воеводѣ не дали ни хлѣба, ни соломы.—Начиная отъ Кобрина, костелы такъ разорены, что и въ Новоселкахъ не видали мы пнодного ксендза (а было, видно, ихъ довольно у православлника Киселя). Шляхетскіе дворы все обращены въ пещель.

Пельзя было комиссарамъ проѣхать въ Переяславъ на Кіевъ: они поѣхали на Хвастовъ... Хвастовъ! какія съ этимъ именемъ были соединены у нихъ воспоминанія о добродѣтельномъ бискупѣ (а все таки *бискупъ*) кіевскомъ, Юзефѣ Верещинскомъ, ослователѣ первой въ Украинѣ типографіи, авторѣ гуманно-политическихъ брошюръ, наивныхъ до поэтичности, другѣ и защитникѣ вѣрныхъ еще королю и Республикѣ козаковъ! Бискупъ Верещинскій, окатоличенный съ колыбели Русинъ, наименовалъ было уже колонизованный имъ Хвастовъ Повымъ Верещиномъ, въ память о родномъ Верещинѣ въ Холмской Землѣ. Онь, вмѣстѣ съ другими энтузіастами патриотами, ревностно созидалъ „Новую Польшу", иначе „Нижнюю Польшу", въ Малороссіи, и не сомнѣвался въ успѣхѣхъ благого по его возрѣнію дѣла... Тенерь, по словамъ дневника, козаки съ мужиками (cum plebe) пасѣкли и птопили въ этомъ Хвастовѣ не мало шляхты обоего пола (utriusque

*) Одною изъ причинъ, почему комиссаровъ не пустили въ Кіевъ, надобно пролагать нежеланіе покупать за небольшіи деньги то, что было награблено у пановъ, и при этомъ разузнавать кой-что отъ московскихъ торговыхъ людей.

sexus); а нѣкоторые изъ престарѣлыхъ утопленниковъ могли еще помпнть допаливайское время и знать въ лицо добродѣтельнаго колонизатора *Хвастовской пустыни!*

Черезъ Дибирь переправились коммиссары въ Трипольѣ; оттула ѣхали на Воронковъ; отъ Воронкова сѣѣали еще 6 миль, и достигли Переслава 19 (9) февраля (слѣдовательно, мѣсяца за полтора до выѣзда Унковскаго изъ Малороссіи).

Стоялъ сильный морозъ. Гетманъ Хмельницкій выѣхалъ навстрѣчу королевскимъ коммиссарамъ за версту въ поле, въ нѣсколько десятковъ лошадей, съ полковниками, асаулами и сотниками, съ военною музыкою, подъ бунчукомъ и краснымъ знаменемъ. Послѣ приѣзствія и „козацкой рѣчи“, сѣлъ онъ въ сани съ лѣвой стороны Кисселя. Когда въѣзжали въ городъ, велѣлъ ударить изъ 20 пушекъ, можетъ быть, взятыхъ подъ Корсуномъ или подъ Плявцами, и пригласилъ пословъ къ себѣ (do swego dworu) на обѣдъ.

Въ бѣдственныхъ обстоятельствахъ панской республики, на долю королевскихъ коммиссаровъ выпала самая горестная роль—являть спокойный и величавый видъ, когда въ сердцѣ у нихъ скребли мыши. Пріамово посѣщеніе Ахилловой ставки не было столь мучительнымъ. Пріамъ цѣловалъ руки убійцы своего сына, по этотъ убійца былъ ему равенъ, и совершилъ свое кровавое дѣло геройски. Здѣсь пришлось выпрашивать милости у собственныхъ слугъ и рабовъ, которые восторжествовали надъ неконными панами своими предательствомъ христіанъ въ руки непріятелей Св. Креста. Разоренные козако-татарскимъ нашествіемъ паны тянулись изъ послѣднихъ средствъ, чтобъ одѣть свою ассистенцію и свой шляхетскій кошвой сообразно достоинству Рѣчи Посполитой, для внушенія Козацкому Народу грозной по ихъ мнѣнію мысли, что прогнанные изъ Украины землевладѣльцы имѣютъ еще довольно средствъ для поддержанія владычныхъ правъ своихъ. Съ великимъ опасеніемъ за себя самихъ и за своихъ женщинъ-героннь, добрались они до кратера, все еще колебаннаго страну бунтомъ, все еще озарявшаго се пожарами и заливавшаго кровью. Но то, что они видѣли и претерпѣли въ дорогѣ, оказалось менѣе страшнымъ по сравненію съ тѣмъ, что предстояло имъ видѣть и испытать въ самомъ вертепѣ козацкаго Плутона. Дѣйствительность превзошла самое дикое, что имъ закрадывалось въ ихъ воображеніе.

Хмельницкій былъ теперь уже не тотъ, какимъ Кисель зналъ его въ то время, когда, вмѣстѣ съ Петромъ Могилою, морочилъ козаковъ поддѣльнымъ королевскимъ письмомъ да укрощалъ евангельскими изреченіями. Ничего шляхетскаго не оставилъ въ своихъ пріе-

махъ и обстановкѣ козацкій Батько. До послѣдняго слова и движенія, превратился онъ въ занорожца, ненавистника всего панскаго и ляцкаго. Къ такому превращенію побудила его не одна мстительная политика, но и горькая необходимость.

Еще въ своемъ „вѣстовомъ письмѣ по литорѣ“ Купаковъ доносилъ царю, что Татары, послѣ Корсунскаго погрома Ляховъ, остались у Хмельницкаго и „межь себя укрѣпились, гетманъ—присягою, а Татаровья—шертью, что имъ другъ отъ друга не отступиться, и шпѣ де вся надежда у Богдана Хмельницкаго на тѣхъ Татаръ, которые остались у него, а *Черкасомъ не доверивають*“.

Въ настоящее время Козацкій Батько опасался козацкой „зрадливости“ больше, нежели когда-либо, потому что „фортуна“ послужила ему слишкомъ усердно. Только прикидываясь простакомъ и крайнимъ ненавистникомъ Ляховъ, только показывая видъ, что у него съ козаками „дѣла и воля одна“, удерживалъ онъ ихъ въ повиновеніи, да и то съ помощью жолдовыхъ Татаръ. Вспомнимъ показанія плѣнныхъ козаковъ о замѣнательствѣ въ козацкомъ таборѣ подъ Пилявцами. Хотя въ инквизиціонныхъ конфессатахъ надобно видѣть всего больше то, что желали вымучить инквизиторы, но вѣсть о козацкомъ замѣнательствѣ все-таки имѣла свое основаніе. Приходъ орды, по словамъ Мужилловскаго, „печасмый“, сдѣлалъ тогда Хмельницкаго, какъ и въ Днякомъ Полѣ, изъ малаго челоуѣка великимъ, изъ „послѣдняго въ челоуѣцхъ“, какъ онъ выражался о себѣ, первымъ, и съ него все пошло у козаковъ на стать. Поэтому онъ и теперь, оруженый ко закотатарской ордою, велъ себя, какъ ордынецъ, или кочевой запорожець, такъ что, по замѣчанію одного изъ комиссаровъ, московскій посоль, челоуѣкъ почтенный и обходительный, часто бывалъ принужденъ опускать въ землю глаза во время бесѣды гетмана съ полковниками, а посоль Ракочія, уѣзжая изъ Персяслава, не могъ удержаться, чтобъ не сказать полатыни: „Каюсь, что прибылъ къ этимъ свирѣпымъ и безумнымъ звѣрямъ. (Poenitet me ad istas bestias crudeles et irrationabiles venisse)“.

За обѣдомъ у гетмана шла такая грубая попойка, что могла напомнить знатоку козацкины извѣстные запорожскіе стихи:

Въ насъ у Сні то и поровъ, хто *Очинили* знає:
Якъ умієсь, уставши въ раниці, дакъ чѣрки шукєє.
Чи чѣрка то, чи ківшъ бѣде, не гледѣть нерєанш:
Гладко пьють, якъ зъ лѣка бьють, до почиди тѣш.

Разгоряченные горілкою, гетманъ и полковники не могли воздержаться отъ сарказмовъ на счетъ князя Вишневецкаго, Александра Консцольскаго, Чаплинскаго и всѣхъ Ляховъ. По это было только предувѣдомленіемъ къ будущимъ бесѣдамъ съ ненавидимыми гостями.

На другой день, 20 (10) февраля, комиссары совѣщались о томъ, когда вручить гетману булаву и знамя. Въ совѣщаніи участвовали, какъ неизбѣжное, хоть и не сознаваемое нами, зло, ихъ руководители, ксендзы. Совѣщъ не слѣдовало бы имъ брать съ собою ксендзовъ сюда, въ ту среду, которая опустошила всѣ костелы, отъ Кобрина до Переяслава. Эти представители католической польщины напоминали козакамъ (а въ козакахъ были и поны *) творца Брестской уніи, Скаргу, и отступниковъ народнои церкви Терлецкаго, Потоу, Рогозу, Рутскаго, Кунцевича.

Члены комиссарской рады разсуждали о Хмельницкомъ, какъ дѣти, или, что все равно, іезуитскіе питомцы, остающіеся до конца въ дѣтскомъ возрастѣ, и рѣшили: отдать ему знаки гетманскаго достоинства прежде всего (*ante omnia*), „чтобы смягчить его людскостію и королевскою милостію“.

Этотъ многозначительный актъ Хмельницкій указалъ совершить на майданѣ передъ своимъ дворомъ, вблизи котораго квартировали (какъ написано въ дневникѣ Мясковского) послы московскій и венгерскій. Несли передъ комиссарами булаву кievскій ловчій панъ Кристовскій (это значитъ Руснигъ Кротовскій, происходившій отъ Крота); а знамя—кievскій скарбникъ панъ Кульчинскій (опять какое-нибудь полонизованное имя). Ихъ торжественное шествіе возбѣщали гетманскіе грубы и бубны.

Хмельницкій ждалъ королевскихъ комиссаровъ, стоя въ кругу своихъ полковниковъ и другой старшины, въ алтемпасовомъ (золото-парчевомъ) красномъ собольемъ кобенякѣ, подъ бунукомъ.

Кисель хотѣлъ произнести рѣчь, которую сеймовые паны, безъ сомнѣнія, назвали бы *oratio disertissima*; но едва началъ восхвалять короля, великаго монарха, какъ стоявшій возлѣ гетмана Джекджекій, или Джекджеала, закричалъ: „Король — яко король, а ле вы, королята, князи, бронтѣ много, и набрѣяли. И ты, Киселю, кість одъ костей панщихъ, одищенісь сеи и накладаешъ зъ Ляхами“...

*) Напримѣръ, въ статіиномъ спискѣ Уиковскаго говорится: „А Запорожское Войско стоитъ подъ Баромъ, въ Константиновѣ и въ Гоцѣ, подъ начальствомъ Печая, полковника брацлавскаго, *Штепъ пона* да вишицкаго Гагтеренка“.

Свое малорусское происхожденіе Мяско-Мясковскій засвидѣтельствовалъ тѣмъ, что въ дневникѣ комиссіи писалъ козацкія рѣчи по-малорусски не какъ иноплеменикъ-

Гетманъ (продолжаетъ онъ) сталъ говорить Джекжалѣ: „Угамуйся, не роби кблоту“ или что-нибудь въ этомъ родѣ (*wzial go hamowac hetman*); но онъ, пьяный уже, хотя было еще рано (*rijznu gotzalka, choc gano bylo*) хотѣлъ еще ораторствовать, потрясы булавою; однакожъ, вида, что никто его не поддерживаетъ, удалился изъ круга. Вѣроятно, нашлись у гетмана такіе, которые увели его домой, уговаривая, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ: „Колі двѣс кажутъ пьяный, дакъ лягай спати“.

Послѣ такой интермедіи, глава королевской комиссіи, съ надлежащей торжественностью, отдалъ Хмельницкому „королевскіе листы“ и „коммиссарскій кресень (вѣрнѣе грамоту), которые были тотчасъ прочтены, потомъ отдалъ украшенную бирюзой булаву (*bulawę turkusową*), а племянникъ его — красное знамя съ бѣлымъ орломъ и съ надписью *Johanes Casimirus Rex Poloniae*.

То и другое принялъ Хмельницкій безъ особеннаго удовольствія (*z jaką taką chęcią*). Намъ вспоминаются при этомъ слова самовидца въ подобномъ случаѣ: „подарокъ одного въ смѣхъ принялъ, яко тотъ человекъ, который и своего много имѣеть“. Булава Никола Потоцкаго и булава Доминика Заславскаго затмевали въ глазахъ Козацкаго Батька туркусовую булаву ницего короля и цѣпностью, и значеніемъ своимъ. Онъ поблагодарилъ „козацки“, какъ выразился дневникъ Мяковскаго, и пригласилъ коммиссаровъ къ себѣ (*do swojej gospody*).

Передъ обѣдомъ Кисель произнесъ къ нему рѣчь въ изысканныхъ выраженіяхъ (*gladkiemi i wybornemi slowy*): говорилъ о великихъ сегодняшнихъ подаркахъ, указалъ ему на амнистію прошлыхъ дѣлъ и преступленій его, потомъ на свободу стародавней греческой религіи, на увеличеніе рестрובה войска, на возстановленіе старинныхъ правъ и свободъ запорожскихъ, и наконецъ — что казалось ему всего важнѣе—что региментъ вѣрнѣе ему, а не кому-либо другому.

Въ *иномъ* положеніи дѣлъ все это было бы и величаво, и внушительно. Но Кисель изображалъ въ своемъ лицѣ побѣжденнаго короля съ его Шляхетскимъ Народомъ, готовымъ, но мнѣнію побѣдителя, превратиться въ Жидовъ. Поэтому Козацкому Батьку должно было показаться и смѣшнымъ, и обиднымъ заключеніе краснорѣчивой ораціи, именно слѣдующее: подобаетъ и ему, Хмельницкому, явить себя благодарнымъ за столь великую королевскую милость; онъ долженъ, какъ вѣрнѣйшій подданный и слуга его королевской милости, положить

конецъ этому замѣшательству и кровопролитію, предотвратить разливъ крови, не принимать подъ протекцію простаго хлопства, велѣть, чтобъ оно повиновалось панамъ своимъ, и приступить къ трактатамъ съ господами комиссарамн.

„За такую великую милость“ (говорилъ Хмельницкій, произизуруя Киселя), „которую явилъ мнѣ король его милость черезъ вашу милость, что и *власть надъ войскомъ прислалъ* (władzę nad wojskiem przysłał), и прошлыя мои преступленія *прощаетъ*, униженно благодарю. Что же касается комиссін, то ее трудно теперь отиравить. Войска нѣтъ вмѣстѣ, полковники и старшина далеко; безъ нихъ не могу и не смѣю ничего дѣлать: это подвергло бы мою жизнь опасности (idzie o zdrowie moje). Притомъ же я не вижу правосудія надъ Чаплинскимъ и Вишневецкимъ. Необходимо пужно, чтобы мнѣ одного выдали, а другаго покарали: ибо *они* причиною кровопролитія и всего замѣшательства. Виновать, пожалуй, и панъ Краковскій, что наступалъ на меня, что преслѣдовалъ меня, когда я, спасая жизнь мою, бѣжалъ въ дѣбровскіе вертены (kiedym w lochy Dnieprowe zdrowie unosil); но этотъ получилъ уже свою вѣзду, панель то, чего искалъ. Виновать и панъ Хорушкій: отпаялъ у меня батьковщину, Украинну роздалъ *мхощикамъ*, а тѣ молодцовъ, заслуженныхъ въ Республнкѣ, обращали въ мужиковъ и грабили, вырывали бороды, запрягали въ плуги. Но этотъ не столько виновать, какъ тѣ два другіе. Не будетъ ничего изъ всего, если одного изъ нихъ не покарають, а другаго не пришлютъ мнѣ. Иначе—или мнѣ съ Запорожскимъ Войскомъ пронасть, или погибнуть Лицкой Землѣ, всѣмъ сенаторамъ, дукамъ, королькамъ и шляхтѣ. Развѣ мало Ляхи тому причиною, что кровь христіанская льется? Литовскія войска высѣкли Мозырь и Туровъ. Лиушъ Радивилъ одного молодца посадилъ на колъ. Я послалъ туда нѣсколько полковъ, а къ Радвилу написалъ, что если онъ это сдѣлалъ одному христіанину, то я зато сдѣлаю то же самое четверемъ стамъ (подразумѣвается *нехристімъ*) Ляхамъ, которыхъ имѣю, и воздамъ за свое“.

„Вотъ какой антинасть *) далъ намъ онъ передъ сквернымъ своимъ обѣдомъ, ударивши насъ въ сердца наши жестокимъ ядомъ и бѣшнствомъ“! (ишнеть Мясковскій). Отзывались и другіе, точно какіе гады пзъ болота, а старшій черкасскій полковникъ, Осдоръ Вешнякъ, схватилъ булаву на ксендза Лентовскаго, кармелита, который пріѣхалъ

*) Иначе przysmaczek-возбудительная закуска.

къ нимъ вмѣсто покойнаго ксендза Мокрсаго съ королевскимъ листомъ,—за то, что сказалъ только: „Вѣсти изъ Литвы о Мозырѣ и Туровѣ могутъ еще перемѣниться“. А онъ за булавку: „Мовчі, поче! не твое діло брехню мені задавати!“ И непремѣнно ударилъ бы его, когда бы сидѣлъ ближе. Но, какъ этого нельзя было сдѣлать, то сказалъ: „И вѣнші ксендзы, и пѣнші поні—усі“ (тутъ онъ ввернулъ крѣпкое слово) „сякіе-такіе сны. Ході лишчѣ, поче, на двір: навчу я тебе полковників шанувати“. И съ этимъ ядомъ вышелъ изъ свѣтлицы.

„Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ,“ говоритъ пословица. Но Кисель, въ трезвомъ видѣ, писалъ однажды Радзѣвскому то же самое: „Скажемъ другъ другу правду: духовные соорять насъ съ обѣихъ сторонъ“. Этими словами онъ высказалъ то, что старались и стараются съ обѣихъ сторонъ игнорировать, въ ущербъ разумѣнію блага.

Коммиссары провели у Хмельницкаго нѣсколько часовъ, всячески стараясь его смягчить хорошими словами. Но ихъ краснорѣчіе ни мало не подѣйствовало. „Съ сердечнымъ жалемъ и слезами“ (пишетъ Мясковскій) „разъѣхались мы по квартирамъ, которые были умышленно разбросаны по городу такъ, чтобы мы затруднялись въ своихъ сношеніяхъ“.

На другой день, въ воскресенье, ходилъ Мясковскій съ Зеленскимъ въ соборную церковь, и тамъ обмѣнялся учтивостями съ московскимъ посломъ, котораго въ своемъ дневникѣ называетъ „особою людскою и обычаіною“. Вступитъ съ нимъ въ какую-либо бесѣду не было возможности, а Хмельницкій отпаялъ у нихъ эту возможность и въ другихъ случаяхъ. Но что это было за *московскій посолъ*, ни откуда не извѣстно. Въ февралѣ посолъ самого Хмельницкаго, Мужиковскій, находился еще въ Москвѣ, а царскій дворянинъ Уиковскій прибылъ съ нимъ въ Чигиринъ только въ апрѣлѣ. Хмельницкій приковалъ къ пушкѣ подставнаго Кривоноса и его показали конфиденту Киселя. Весьма возможно, что онъ сочинилъ и московскаго посла для королевскихъ коммиссаровъ.

Церковь была полна разодѣлаго въ панское добро народа. Разительную съ нею противоположность представляли нѣмые памятники господства здѣсь иныхъ властей, иныхъ щеголей и щеголихъ. Замокъ, сдерживавшій змайловцевъ, тарасовцевъ, сулимицевъ и павлюковцевъ, теперь „былъ разоренъ и пустъ“. Козацкій Народъ строилъ только подвижные замки изъ *кованыхъ* и *босыхъ* воевъ. Мѣсто валовъ, дубовыхъ тыновъ и мурованныхъ стѣнъ заступали у него форгели, въ родѣ загоновъ и зарослей Медвѣжьихъ Лозъ. Панская фортификація

была не пригодна ни на что республикѣ помадовъ. Даже старшій братъ козака, Татаринъ, предоставлялъ цивилизованному Арабами Турку держать Крымъ и Буджаки подъ господствомъ крѣпостей, ограничивъ свое владычество конемъ и мечемъ. Такъ не доросъ и козакъ до сохраненія въ цѣлости того, что создала въ Украинѣ европейская цивилизація, а надъ иновѣрными храмами ругался онъ еще больше изъ несправедливости ко всему культурному, нежели въ отместку за ругательства надъ православными церквами и кладбищами со стороны фанатиковъ папскаго владычества, Кунцевичей. „Были мы въ коллегіумѣ и въ костелѣ іезуитскомъ“ (пишетъ Мясковский). „Опъ такъ разорентъ, что не осталось ни одного алтаря и образа. Даже гробницы были открыты, и три шляхетскіе гроба опрокинуты. Гробъ покойнаго Лукаша Жовковскаго, брацлавскаго воеводы и переславскаго старосты, достойнаго вѣчной памяти кавалера, разбитъ, военные трофеи (insignia) взяты, снятъ и брильянтовый перстень съ пальца“.

Это былъ родной братъ великаго Жовковскаго. Онъ жилъ съ козаками въ добромъ согласіи, постоянно давалъ имъ банкеты, мирилъ ихъ съ королевскимъ правительствомъ. Но его внушенію, ресетровики овладѣли конемъ разорителя Кодацкой крѣпости, Сулимы, а самого Сулиму, съ соучастниками бунта, предали въ руки правосудія. У козаковъ и поповъ слылъ онъ *паномъ добрымъ*. Но и добрые, и злые представители римской проповѣди и римской политики должны были исчезнуть съ лица паней родной земли передъ могучимъ дыханіемъ русскаго духа, который одинаково былъ неспредолимъ для идоземщины и въ христіанскомъ самопожертвованіи Свѣтователей о Благочестіи, и въ истребительныхъ подвигахъ козаковъ руинниковъ. Тѣмъ больше сдѣлался онъ сокрушителемъ для западныхъ посягателей на русскую самостоятельность въ государственномъ строителствѣ нашихъ Москворуссовъ.

Хмельницкій былъ приглашенъ Киселемъ на воскресный обѣдъ, но пріѣхалъ только вечеромъ, пьяный, съ нѣсколькими полковниками. Расточасмыя страпному гостю любезности, съ устраненіемъ всякихъ несприятныхъ ему напоминаній, были напрасны. Хмельницкому хотѣлось быть ни въ чемъ невиповатымъ, какъ это свойственно всѣмъ злодѣямъ: онъ только и говорилъ, что о сдѣланной ему Ляхами кривдѣ. За это онъ отнималъ у нихъ не только Украину, но и всю польско-литовскую Русь. Наконецъ пьяный проповѣдникъ справедливости ввалился въ особую комнату папи Киселевой и сталъ ее угнѣсывать, ее и всѣхъ пановъ едиповѣрцевъ, чтобъ они отrekliсь отъ Ляховъ и остались въ Украинѣ съ козаками, какъ сдѣлалъ Выговскій. Безъ вся-

каго сомнѣнія, присутствіе ксендзовъ среди разобщенныхъ и поссоренныхъ ими русскихъ людей раздражало не одного стараго Вешняка, но и самого Хмельницкаго, насколько онъ дышалъ однимъ духомъ съ козаками. „Ляцкая Земля“ (проповѣдывалъ онъ) „погибнетъ, а Русь будетъ пановать въ этомъ году, весьма скоро“... Тутъ онъ замѣтилъ въ обществѣ папа Киселевой одного изъ своихъ плѣнниковъ, папа Позовскаго (конечно, Пузовскаго), и погрозилъ ему вѣшницей. Хмѣль едва не повѣсилъ потомка малорусскаго Пуза *) передъ прибытіемъ комиссаровъ, и теперь закричалъ: какъ онъ смѣлъ показаться ему на глаза!

Не находя больше о чемъ говорить съ дамами, любезный по-козацки гость пернулся къ треставшимъ отъ его рычанья мужчинамъ, заливалъ виномъ пылавшій въ немъ огонь злости, и только въ три часа уѣхалъ, пьяный.

„Долго спалъ онъ“ (продолжаетъ свой горестный разсказъ Мясковскій): „ибо доживалъ съ чаровницами, которыя часто занимаютъ его досуги (często go bawią) и обѣщаютъ ему счастье на войнѣ еще и въ этомъ году“.

Таковы были слухи, доходившіе разными путями до комиссаровъ. Ихъ тревожило и безотрадное положеніе Республики, и собственное положеніе въ берлогѣ разъяреннаго звѣря. Когда послали на другой день къ нему чловѣка, наименѣе непріятнаго ему, Киселева племянника, съ просьбой назначить часъ и мѣсто для бесѣды и трактатовъ, молодой Кисѣль засталъ Козацкаго Батька уже за горілкою съ товариществомъ (już go przy gorzałce zastali z towarzystwem). По словамъ дневника, отвѣтъ его былъ скоръ и ядовитъ. Онъ отправлялъ венгерскаго посла, и сказалъ при немъ слѣдующую орацію, которую дневникъ сохранилъ въ малорусской версiи:

„Завтра буде справа и росправа: бо тепѣрь я пьяный. Съ твѣі комисiи нічого не буде. Тепѣрь война, война мусить бути въ тихъ трѣхъ або чотырѣхъ недѣляхъ. Павчу всіхъ васъ, Ляхiнъ: переверну догоры погѣми и потопчу підъ ноги, а на остѣнокъ оддамъ васъ турецькому царевi въ неволю. Король королѣмъ буде, аби каравъ шляхту и стипавъ дѣки та князи. Пехай вѣльный буде собі. Згрiшитъ князь—урiжъ єму шию; згрiшитъ козакъ—те жъ и єму вчини. Се правда, що я малый, мизѣрный чоловікъ, та мені се Богъ давъ, що я єдиновладецъ и самодѣржець руський. Пехай буде король королѣмъ, якъ воно

*) Погольски было бы Вгушч.

ѣму здається. Скажіть се пану восводи и комиссарамъ. Лякаєте мене Шведами,—и ті мой будуть. Хочъ бы ихъ було пять сотъ и шість сотъ тысячъ, не переможуть руською, запорозькою и татарською силами. Ідіть жъ съ тимъ, що завтра буде справа и росправа“.

23 (13) февраля поѣхали комиссары къ Хмелью на третье засѣданіе. Кисель даже плакалъ передъ нимъ, представляя, что опъ не только Ляцкую и Литовскую, но и Русскую Землю, и вѣру, и святія церкви хочеть отдать язычникамъ. Хмельницкій, выслушавъ его до конца, отвѣчалъ то же, что вчера, съ такою прибавкою:

„Шкода говорити много. Якъ шукали мене Потопці за Дніпромъ, тогді бувъ часъ трактувати зо мною. По жовтоводзькій и Корсунській уграсці—бувъ часъ. Підъ Пилявцями и Костянтинівимъ—бувъ. На останокъ, підъ Замостіємъ и якъ ийновъ я відъ Замостя пість тилпівъ—бувъ. Теперъ уже часу нема. Доказавъ я, чоґо й не думавъ зъ разу; докажу й далій, що задумавъ: вибью изъ ляцкои певолі весь Руський пародъ; а що перше воювавъ за мою нкѣду и кривду, до теперъ воювати му за нашу православну віру. Поможете мені въ тому вся руська чернь по Люблинъ и Краківъ. Не відступлю її: бо то наша рука правиця. Ащобъ вы не зпесли її та не вдарили на козаківъ, буде въ мене двісті, триста тысячъ своихъ, та й уся Орда при тому. Токай-бей поблизу мене, на Саврані, мій братъ, мой дуня, единый сокілъ на ситі. Готівъ учинити заразъ що схочу. Вічна зъ нимъ наша козацька пріянь; увесь ситъ її не розірве. За грядицю не пійду, шаблі на Турки и Татары не лідію. Доволі маю на Україні и Подолі, а теперъ и на Воліні. Дѣсьтъ выгоды, дѣсьтъ достатку и пожитку въ землі и князві моімъ по Львівъ, Холмъ и Галичъ. А ставши надъ Віслою, скажу дальшимъ Ляхамъ: „Сидіте и мовчіте, Ляхи!“ И дуківъ и князівъ туды зажепю. А коли будуть и за Віслою брыкати, знайдю ихъ тамъ певно. Не встѣють у мене поґа ні одного князя и шляхѣтки въ Україні. А коли захоче хлѣба котѣрымъ зъ найменшихъ, нехай буде послушный Запорозькому Вііську, а на короля не брыкає“.

Полковники вторили завзятой импровизації своего гетмана. Одинъ изъ нихъ, Яшевскій, сказалъ выразительно:

„Минули вже ті часы, що насъ Ляхи сидляли. Надъ нашими людьми, христианами, брали вони гору драгунами. Теперъ не боїмося ихъ. Дознались мы підъ Пилявцями: не оныи се Ляхове, що передъ тымъ бували, Турки, Москву, Татары и Нимці бивали: не Закопцькы, Жовковцькы, Ходковичи, Хмельецькы, Конецьпольскы, и Тхоржевскы, Заюнчковьскы,—дїтвѣра въ залізо повбїрана. Помѣрли відъ

страху, скоро насъ побачили, та й повтекали, хочъ Татаръ не було зъ разу въ сѣреду большъ 3.000. Колибъ ихъ подождали до пятниці, до бѣ ні єдиный Ляхъ живцѣмъ не втѣкъ до Львова“.

„На сю войну“ (продолжалъ Хмельницкій) „благословивъ мене патриарха въ Києві; дагъ мені зъ моєю жінкою шлюбъ, съ переступивъ мойхъ менѣ розгрішивъ и причастивъ, хочъ я й не сповидавсь, и зспивъ мені кончати Ляхівъ. Якъ же мси єго не слухати, такѣго великого старшого, головы паної и гѣстя любого? Оцѣ же я вже обославъ полки, щобъ кормили коні и були готѣви въ дорогѣ безъ возівъ, безъ арматы. Знайдѣю я те все въ Ляхівъ. А котѣрый бы козакъ узивъ на войну воза, велѣю єму шю врізати. Не візмѣю й самъ пі ѣдного съ собѣю, хибѣ юки та саквѣ“.

„Долго объ этомъ говорило“ (чишетъ Мясковскій) „бѣшеное чудовище со всею фуріей,—до того, что вскакивалъ съ лавы, рвалъ на себѣ чуприну, билъ ногами въ землю. Мы, слушая, оцѣпенѣли. Наши рации и персвази, чтобъ онъ вспомнилъ о Богѣ, о королѣ и, наконецъ, о томъ, какой будетъ конецъ такихъ дѣлъ и поступковъ, чтобы далъ мѣсто разуму, умѣрилъ свою завязтость,—ничто не помогло“.

На пунктъ о числѣ реестровыхъ козаковъ, чтобъ ихъ было 12, а то и 15 тысячъ, Хмельницкій отвѣчалъ: „На що писати стѣлько й стѣлько? Не стане силы, бѣде й 100 тысячъ, бѣде стѣлько, скѣлько я схѣчу“.

Послѣ такихъ пріятельскихъ бесѣдъ, такой вкусной сессіи и сквернаго обѣда (чишетъ Мясковскій), разошлись мы по квартирамъ, отчаявшись въ трактатахъ, въ примиреніи, въ своей безопасности и въ выдачѣ плѣнныхъ. Стали мы стараться, какъ бы вывезти несчастныхъ и выбраться самимъ. По ночамъ собирались мы на свѣтъ и разсуждали, отпустить ли насъ Хмельницкій, или же отошлетъ на Кодакъ, ограбивши (spoliatus)“.

Въ тотъ же день отправилъ Хмельницкій, передъ глазами комиссаровъ, венгерскаго посла, наградивъ его и пословъ Ракочію трой парядныхъ коней и вѣсколько паръ самопаловъ. Но посолъ, по словамъ Мясковского, уѣхалъ недовольный, и высказалъ полатыни приведенное выше мнѣніе свое о козакахъ.

На другой день, 24 (14) февраля, комиссары просили Хмельницкаго объ „отправѣ“ и о плѣнникахъ. Одни изъ этихъ плѣнниковъ были взяты на Кодакъ, при осадѣ крѣпости Конецпольскаго, съ клятвеннымъ обѣщаніемъ (какое далъ въ Боровицѣ и Києлѣ) возвратити имъ свободу, другіе въ Барѣ, на такихъ же условіяхъ капитуляціи. Въ числѣ послѣднихъ былъ сынъ короннаго гетмана, Андрей. Сперва

Хмельницкій обѣщалъ освободить ихъ, но погомъ перемѣнилъ рѣшеніе, и когда комиссары говорили ему, что это королевскіе слуги, рукодаинные дворяне короля, онъ отвѣчалъ: „Се річъ завоѣвана: пехай король не здивує“. Кисѣль представлялъ ему долгъ королевскаго подданнаго и слуги, долгъ вонша, получившаго отъ своего государя булаву и знамя, представлялъ забывая Боровицу, что эти плѣшники взяты не саблею, не на босвомъ полѣ, а условіями и трактатами. „Шкодà про те говорити“ (отвѣчалъ Хмельницкій). „Се мені Богъ давъ. Нуцѹ тогді, якъ не буде ніякои зàченки на войну зъ Литвы и відъ Ляхівъ. Нехай підождє тутъ Щотòцький брата свого, камешецького старосту, що мені Баръ, моє власне місто, заіхавъ, а въ моімъ Подолю кровь християнська лєдце. Звенівъ я полки тудѹ рѹшити и живòго мені привезти“.

Въ отвѣтъ на это, комиссары припомнили Хмельницкому, что въ Кіевѣ теперъ християнская кровь безъ ницы льется ручьями и течетъ въ Днѣпръ. Однихъ Ляховъ томятъ, другихъ тирански рубятъ; избиваютъ шляхту обоихъ половъ, дѣтей, духовныхъ, ограбивъ и опустошивъ послѣдніе костелы. „Нуцѹть Ляховъ подъ землею“ (говорилъ Кисѣль), „и все это—за приводомъ брацлавскаго полковника Нечая, который говоритъ, что ему данъ такой наказъ отъ вашей милости“.

„Не велівъ я невішниха людей побивати“ (оправдывался Хмельницкій) „тільки тихъ, що не хоче до насъ пристати, або на нашу віру христитись. Моя воля тамъ порядкувати: я воівода киевський. Се давъ мені Богъ черезъ мою шàблю, а проиницетакє нікодà говорити“.

Кто бы ни былъ такъ-называемый въ Переяславлѣ московскій посоль, только всѣ эти сцены происходили, можно сказать, передъ его глазами. Уничживъ передъ этимъ таинственнымъ лицомъ и короля и комиссаровъ, Хмельницкій отпустилъ его изъ Переяслава такъ, что наны не видѣли его „отправы“ и не могли сказать о ней въ оффиціальному дневникѣ посольства ничего кромѣ четырехъ словъ: „отправлялъ безъ насъ московскаго посла (odprawował bez nas Posła Moskiewskiego), прибавивъ къ этому, что онъ „уѣхалъ передъ самымъ вечеромъ (odjechał przed samym wieczorem)“. Намамъ не удалось ніякимъ образомъ развѣдать ни объ имени посла, ни о его бесѣдахъ съ гетманомъ, хотя и писали они въ оффиціальному дневникѣ своемъ, что онъ просилъ „черезъ пословъ“ о свиданіи съ Киселемъ (lubo i Posel życzył sobie tego i prosił do przez Posły). *) По у козаковъ

*) Этими послами, т. е. посланцами, могли быть казаки, удившіе въ панскихъ кармазахъ талеры.

застали они, по своемъ прїѣздѣ, такую молву, — что московскій царь сиранивалъ у Хмельницкаго: дѣйствительно ли онъ подиалъ войну изъ-за одной вѣры? Конфиденты Хмельницкаго не чуждились подарковъ, какъ и панскіе: „Любятъ голубчики взять (*lubią niebożęta wziąć*)“ писалъ Кисель о козакахъ, поджывая ихъ еще въ Павлюковщину. Отъ нихъ комиссары слышали да заключали изъ словъ и самого Хмельницкаго (*z howogu jego i konfidentów jego slyszeliśmy*), что московскій царь сожалѣлъ о междоусобицѣ брани въ Рѣчи Посполитой, и увѣщивалъ Хмельницкаго остановиться въ своемъ задорѣ, не проливать больше христіанской крови, не истреблять подданныхъ своего государя, причемъ давалъ ему понять, что желаетъ остаться „любимымъ“ братомъ короля, брата своего, и станеть на болѣе справедливой сторонѣ со всею своею силой.

Сообщая такія успокоительныя вѣсти, дѣйствительныя или мнимыя *конфиденты* Хмельницкаго могли повторять содержаніе миротворнаго письма, посланнаго царемъ въ таборъ Хмельницкаго чрезъ Василя Михайлова. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ то обстоятельство, что Хмельницкій весьма выразительно хвалился вѣчною возацкою дружбой съ Татарами, которой не разорветъ *и весь свѣтъ*; что онъ ревѣлъ о своемъ *княжествѣ* по Львовъ, Холмъ и Галичъ; что величалъ себя *единовладникомъ и самодержцемъ* русскимъ, а Токай-бей называлъ *братомъ* своимъ, точно въ отвѣтъ на заявленіе царя о любовномъ братствѣ съ королемъ. Многозначительно для насъ и то обстоятельство, что въ завязтыхъ ораціяхъ Козацкаго Батька имя Москвы и Московскаго царя не было произнесено ни разу, тогда какъ изъ отправки венгерскаго посла сдѣлалъ онъ такую бурную манифестацію.

Поддѣланное Хмельницкимъ, какъ это очевидно, царское посольство въ Переяславѣ украинскіе патріоты представляютъ поклопеніемъ слагѣ Хмельницкаго. Но и Михайловъ съ миротворнымъ письмомъ своимъ въ козацкомъ таборѣ, и Унковскій съ милостивою грамогою въ Чигиринѣ—являются передъ нами людьми, пакидывающими на дикаго степнаго коня узду; а бѣшенство Хмельницкаго говоритъ намъ, какъ этотъ конь чулъ, что отъ опытной и сильной въ обуздыванѣ руки уйти ему трудно.

Можеть быть, внушенія такихъ людей, какъ Михайловъ и Унковскій,—а такіе люди могли бесѣдовать съ Хмельницкимъ и безъ посольства,—можеть быть, ихъ бесѣды, проникнутыя чувствомъ политическаго степенности, и были причиною бѣшенства Хмельницкаго. Не того домогался онъ отъ Восточнаго Царя. Ляхъ по воспитанію

Татаринъ по козацкому быту, онъ разумѣлъ московскаго самодержка чѣмъ-то въ родѣ царя переконскаго. Въ первомъ письмѣ своемъ счастливый бунтовщикъ и титуловалъ его, какъ бы какого хана. Видя теперь, что московское христіанство представляетъ не то, чѣмъ оно было у козаковъ, Хмельницкій и боялся своихъ единовѣрцевъ, и злился на нихъ, а бѣдные Ляхи отвѣчали передъ нимъ за все.

25 (15) февраля, на просьбу комиссаровъ объ отпиратѣ, онъ отвѣчалъ, что другой отпираты не будетъ, кромѣ отвѣтнаго письма. Не хотѣлъ дать ни другаго „скрипта“, ни продлить перемирія. Наконецъ, по усиленнымъ просьбамъ Киселя, велѣлъ составить перемирныя статьи и, вѣроятно, во вниманіе къ московскому царю, выдвинулъ въ этихъ статьяхъ на первый планъ интересы церковныя. Онъ соглашался приостановить войну на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Уніи въ Кіевскомъ воеводствѣ не быть нигдѣ, ниже имени ея (нес nomen ipsius).

2. Кіевскому митрополиту дать мѣсто въ сенатѣ.

3. Кіевскій воевода и кіевскій каштелянъ должны быть религіи греческой.

4. Римскіе костелы, которые обращены въ ничто и трупы изъ гробовъ повыврошены, ксендзы побиты, потоплены, должны оставаться такъ, какъ они есть теперь.

5. Исключаются іезуиты, которые причиною всего замѣшательства.

6. Князь Вишневецкій, яко author второй войны, никоимъ способомъ не будетъ короннымъ гетманомъ; иначе—я жить съ нимъ и пустить въ Украину не хочу.

7. Окончаніе комиссіи на составленіе реестровъ отложить до весны, до Зеленыхъ Святъ русскихъ, до первой травы, падеъ рѣкой Русавою, чего теперь не могло быть по отдаленности полковъ и по причинѣ голода.

8. Комиссаровъ только два.

9. До тѣхъ поръ коронныя и литовскія войска не будутъ входить въ Кіевское воеводство по рѣки Горынь и Припеть, а огь Подольскаго и Брацлавскаго—по Каменецъ.

10. Такъ же и войска запорожскія за эти рѣки переходить не будутъ.

11. Всѣхъ плѣнниковъ обѣщаю на той комиссіи выдать, только чтобы такъ же былъ выданъ тогда Чаплинскій.

Королевскіе комиссары не приняли было этихъ условій. Они подали Хмельницкому свой проектъ перемирія, въ которомъ домогались, чтобы коронныя войска могли ходить по рѣки Случъ, по Баръ,

Виницу, Заславъ. Но Хмельницкій перечеркнулъ ихъ пункты и велѣлъ имъ готовиться въ дорогу съ однимъ отвѣтнымъ письмомъ его и съ вызовомъ на войну.

„Согласились мы и на такое перемиріе“ (писалъ Мясковский), „лишь бы вырваться изъ тиранскихъ рукъ и предостеречь короля и Рѣчь Посполитую, да чтобы этимъ ненадежнымъ перемиріемъ задержать Хмельницкаго у Дибра и вырвать у него плѣнниковъ“. Даже и для того, чтобы задержать Хмельницкаго у Дибра, не предлагали и не могли предлагать ему королевскіе послы ни Чигирина съ четырьмя другими городами, ни кievскаго воеводства; не было рѣчи и о границахъ Бѣлой Руси, „какъ владѣли благочестивые великіе князья“, чѣмъ хвалился онъ черезъ мѣсяць въ Чигиринѣ царскому дворянину Уиковскому *).

Коммиссары посулили по 100 червонцевъ главнымъ полковникамъ за содѣйствіе въ освобожденіи плѣнниковъ. Они были тайкомъ у войсковаго обознаго, Чорноты, пробуя подкупить „жестокаго тирана“, какъ названъ Чорнота въ дневникѣ, и достойно замѣчанія, что даже въ этомъ щекотливомъ и опасномъ случаѣ не могли обойтись безъ своихъ гувернеровъ: они взяли съ собой ксендза Лептовскаго, — того самого, котораго Венякъ едва не ударилъ булавою за весьма осторожное замѣчаніе. Козаки даже православныхъ поновъ не допускали въ свои коши и рады: тѣмъ болѣе было противно имъ совѣщаніе съ попами католическими. Не понимали этого папы, проведя столько вѣковъ на попеченіи римскаго духовенства, и потому крайне дивились отиѣту „жестокаго тирана“. Кнѣзь отдавалъ ему даже свое

*) Основываясь на этой лжи, *историческій журналъ* „Кіевская Старина“ (1887 г., августъ, стр. 735) проповѣдуетъ: „Рѣчь, достойная великаго патріота, какимъ былъ Хмельницкій! Онъ какъ будто вовсе забылъ о причинахъ, побудившихъ его поднять козацкое возстаніе; онъ вовсе не думаетъ о своихъ личныхъ интересахъ, даже благополучіе всего войска запорожскаго не составляетъ цѣля его дѣйствій.—Цѣль эта выше, шире! Онъ мечтаетъ возстановленія (sic) Руси въ тѣхъ границахъ, какъ она была *три великіе князья*“ (курсивъ журнала), „онъ смотритъ на войско запорожское, какъ на неразрывную часть цѣлаго — Великой Руси, къ которой онъ поэтому всеми силами души стремится. Велика козацкая душа! Страшнымъ даже представляется, что у простаго козака могла явиться такая идея, — идея, о которой Москва, преслѣдуя свои узкіе интересы, не имѣла никакого представленія. Не могло не казаться обиднымъ Хмельницкому, что Москва не хочетъ понять его великой идеи, не имѣетъ мужества рискнуть побороться за свои старинныя земли, тогда какъ онъ, отказываясь отъ лично выгодныхъ условій мира, стремится осуществить эту идею“.

столовое серебро, которое цѣнилъ въ 24.000 злотыхъ. Другіе комиссары также не жалѣли „своихъ мѣшковъ“. По козаки отвергнувъ (spręwi) все это, и отвѣчали: „Не пійдѹ до гетьмана: бо не здѹжаю: пілі всю пічъ изъ гетьманомъ. Вінъ буде въ мене тутъ. Алѣ жъ не радивъ я єму и не раджу пускати птапідкѣ изъ клітки. Та й вы самі, коли бѣ я не пездѹжавъ, не знаю, якъ бы влизіули“.

Тогда комиссары отираивилсь къ Хмельницкому „трактовать окончательно (ultimarie), просить со слезами (cum lacrymis)“. Кисель, воображая, что знаетъ чувствительныя струны козацкаго сердца, заперся съ гетьманомъ и провелъ часа полтора въ убѣжденіяхъ. „Ничто не помогало (nihil profuit)“.

Къ ужасу комиссаровъ ночью съ 25 на 26 февраля весь городъ былъ оцѣплень стражею: козаки боялись, чтобъ комиссары не ушли и не увезли плѣнниковъ. Пойманыхъ на улицѣ топили. Топили особенно кодацкихъ драгунъ, прикованныхъ къ пушкамъ: ихъ подзрѣвали въ заговорѣ. Одинъ шляхтичъ, Шпикевпчъ, усердствовавшій Киселю, погибъ за то, что спросилъ о „потангѣ Пана Хорупжаго“, своего господина. Комиссары и ихъ челядь провели ночь безъ сна. Комиссарскимъ копвойнымъ не дозволялось и взглянуть на козацкую армату, а кто къ ней приближался, тѣхъ жестоко били.

На разсвѣтѣ комиссары начали собираться въ дорогу, и лишь только насталъ день, послали къ Хмельницкому сказать, что желаютъ откланяться. Онъ общалъ самъ быть къ нимъ, а потомъ перемѣнилъ свое слово для сохраненія достоинства (z rowagi). Комиссары пошли къ Хмельницкому; но Кисель такъ заболѣлъ хирагрой и подагрой, что его везли въ саняхъ и не поднимали въ свѣтлицу. Сѣли они съ Хмельницкимъ на подворьѣ, которое было заперто отъ натиска шумѣвшаго посполства. Передъ ними стояли полуживые плѣнники. Паны, перепробовавъ напрасно всѣ средства къ ихъ освобожденію, просили теперь отослать несчастныхъ къ Татарамъ.

Хмельницкій отдалъ Киселю подписанные имъ пункты, два письма, одно къ королю, другое къ канцлеру, и подарилъ ему сѣраго мерина да мѣшокъ съ 500 или 600 червонныхъ злотыхъ, которые Кисель отдалъ тутъ же плѣнникамъ, въ видѣ „отгѣзднаго“. Еще однажды комиссары просили Хмельницкаго освободить ихъ, а плѣнники пали ему въ ноги съ горькими слезами (sami niebożęta pokornie do pędę upadli i krwawe niemal lzy łoczyli). Но просьбы и слезы приводили Хмельницкаго только въ ярость. Онъ обратился къ Андрею Потоцкому и сказалъ:

„Для того ще подѣржу тебе, що, коли твій братъ захає мій городъ Варь, дакъ посаджу ёго на тыку передъ містомъ, а тебе тутъ же въ місті, та й дивітєсь одинъ на 'дпого“.

„Хорошо его утѣнилиъ жестокий тиранъ!“ (шпєть Мясковскій). „Задрожали шкуры на папахъ Конєцпольскомъ, Г'родзицкомъ, Г'арнецкомъ, Лачинскомъ и другихъ, даже на самихъ насъ. Уже двѣ почи летали голоса черни по городу: „Повбивати сихъ комиссарівъ, або облунити та й одіслати на Кодакъ“! Весь городъ и козаки были подъ оружіємъ (in armis), а папъ гетманъ — никогда въ трезвомъ видѣ (nigdy dobrze trzeźwy)“.

Когда Кисѣль напомнилъ Хмельницкому о перемиріи до святокъ, объ успокоєніи Волыни и Подоліи, опъ сказалъ: „Не зпѣю, якъ вопо буде, коли не вдовольнаця дваццятма або триццятма тысячами лейстрѣвого війська та удѣльнымъ, одривнимъ своимъ клѣтвомъ. Побѣчимо. А зъ тимъ бувайте здорѣи“!

Полковники проводили комиссаровъ за городъ: иначе — ихъ бы не выпустили безъ грабежа, а, можетъ быть, и безъ побоевъ.

Глава XX.

Возвращеніе панскихъ миротворцевъ изъ Переяслава.—Встрѣча Русичей гражданственныхъ съ Русичами одичалыми.—Персейсь чувства народной мести надъ правдою фактовъ.—Два противоположные способа государственнаго самосохраненія. Борьба государственнаго права съ козацкой вольницей.—Козацкій походъ на пановъ 1649 года.

О положеніи панскаго общества въ это бѣдственное время можно судить по тому обстоятельству, что изъ среды самихъ посѣтителей Переяслава нѣсколько человекъ перебѣжало къ козакамъ. Даже нѣкоторые шляхтячки и служебныя панны изъ штата супруга Киселя предпочли остаться въ козацкомъ царствѣ. Въ числѣ перебѣжчнковъ, были подкуплены Хмельницкимъ или, переманены обѣщаніями—пожилой шляхтичъ, слуга самого Киселя, какой-то Соболю, хорошо знавшій положеніе панской республики, и Литвинъ панъ Ермоловичъ, передъ которымъ паны не скрывались въ своихъ совѣщаніяхъ. Хмельницкаго окружали и такіе перебѣжчики, какъ паволочскій войтъ, предавшій козакамъ своего державца. Мы видѣли, какую важную роль игралъ онъ въ церемоніалѣ пріема царскаго посланника Унковскаго. Эти люди сильно вредили теперь бывшимъ господамъ своимъ, становясь, если не юридически, то фактически на ихъ мѣста въ обладаніи краемъ.

Но и сами козакъ были проиннигованы предательствомъ, такъ что не знали, на кого изъ своихъ сообщниковъ можно полагаться въ словѣ и въ дѣлѣ. Этимъ объясняется, почему вся козацкая столица была въ тревогѣ по случаю выѣзда комиссаровъ съ ихъ малочисленнымъ почтомъ. Около сотни плѣнниковъ, содержавшихся въ Переяславѣ, получили возможность переодѣться въ панскую ливрею и выбраться благополучно, въ толпѣ челяди, изъ логова Козацкаго Батюка, въ томъ числѣ даже нѣсколько офицеровъ князя Вишневецкаго и нѣсколько десятковъ козацкихъ драгуновъ. Несмотря на приковъ къ пушкамъ и па побон за приближеніе къ арматѣ, козацкіе стражи, какъ видимъ, входили въ сдѣлку со стрегомыми, и достойныя дѣтушки обманывали достойнаго батюшку исправно.

Во все пребываніе въ гостяхъ у Хмельницкаго, королевскіе комиссары не видали его трезвымъ. Окружавшій гетмана штатъ былъ также собраніемъ грубыхъ пьяницъ не лучше и не хуже тѣхъ, которыхъ русскіе люди видали въ послѣдствіи вокругъ Степки Разина и Емельки Пугачова. Древній панъ Черяславъ, сдѣлавшійся козакою столицей, являлъ подобіе разбойническаго притопа. Среди обилія дорогихъ одеждъ, вещей, напитковъ, лошадей и всего того, что пришло сюда путемъ пабѣга на культурниковъ, мѣстные продукты были такъ дороги, что комиссары за мѣрку овса платили 16 злотыхъ, а за вязанку сѣна по 2 талера. Шестьсотъ собственныхъ лошадей Хмельницкаго бродило за городомъ, добывая себѣ траву изъ-подъ снѣга, и множество козацкихъ клычъ падало отъ голода по улицамъ. Замокъ, бывшій до бунта мѣстомъ городского и земскаго суда для всей Черяславщины, стоялъ въ безобразныхъ развалинахъ, такъ точно, какъ и школа высшихъ наукъ, іезуитскій коллегіумъ съ его костеломъ. Разбитые гроба и поруганные остатки заслуженныхъ въ государствѣ людей, валяясь кругомъ, представляли еще болѣе дикое зрѣлище. Такая обстановка соответствовала ночнымъ попойкамъ украинскаго Макбета съ его вѣщупьями-гѣдьмами. Она бросала мрачную тѣнь на судьбу землевладѣльцевъ, очутившихся чужими среди народа, который они создали на *воли* да на *свободы*, который они устроили хозяйственно и защитили отъ мусульманскаго плѣненія, котораго родную землю они сдѣлали „Землею Христіянскою“ не только по знаменію креста, но и по праву меча. И папскій Римъ, раздѣлившій нашихъ Русичей на ся ради своего господства, не давалъ теперь намъ пути для выхода изъ этой гибельной борьбы съ козаками, изъ этого лабиринта взаимныхъ кривдъ и незабываемыхъ ругательствъ.

Путь королевскихъ комиссаровъ отъ границы удѣльнаго козакаго княжества до его правоправящаго центра былъ преисполненъ такихъ лишеній, что часто нельзя было достать не только зерна для лошадей, но даже и соломы. Голодные среди плодородной земли мужики дополняли горечь хозяйливыхъ путниковъ своими грубыми выходками. Миролюбивый Кисѣль, при всемъ своемъ православничествѣ, представлялся даже собственнымъ подданнымъ *папомъ Ляхомъ*, а это значило такимъ вредоноснымъ звѣремъ, что они тотчасъ бы его убили, когда бы не конвой. Ревнивая пропаганда противъ Ляховъ, гонителей „христіанской вѣры“, распространяемая невѣжественными въ своей нищетѣ папами да монахами среди невѣжественной черни, слышалась въ темныхъ умахъ съ понятіемъ о притѣснителяхъ вообще, и „благочестивые“ папы были у нихъ одно и то же съ папами злочестивыми.

выми. Онутошители панскихъ имѣній, козаки вопіяли, что „папы пустошатъ Украину“, и люди, доведенные рупниками до голода, вѣрили, что голодъ стался не отъ кого другаго, какъ отъ тѣхъ же пановъ, которымъ теперь оставалось только идти по міру. Украина, покинутая бѣгущими помещиками въ видѣ полной чаши, привлекавшая сотни тысячъ выходцевъ изъ осадъ старинныхъ баснословно роскошно крестьянскаго быта, представляла бѣдствующимъ комиссарамъ повтореніе Батыева нашествія. Объ исчезнувшихъ панскихъ хозяйствахъ говорили въ ней только видѣющіяся на „кучугурахъ“ пещища да обгорѣлыя деревья, а мужицкому хозяйству не давали процвѣтать истребители панскаго — козаки и Татары. Зато про „козацкую славу“ гремѣли въ каждомъ кабацкѣ пѣсни, удоболюбившія панскую колонизацію древнихъ пустынь египетской работѣ.

Каково было на дунѣ у православной іерархіи подъ протекціей и карауломъ новаго Моисея, видно изъ того, что кievскій митрополитъ и архимандритъ Кіевонечерской Лавры выѣхали за 20 верстъ отъ Кіева „для секретной бесѣды“ съ Адамомъ Киселемъ. Не взирая на мирный характеръ комиссарскаго похода, козаки не только не позволили королевскимъ саповникамъ проѣхать черезъ Кіевъ, но взяли съ нихъ и на окольной дорогѣ окупъ. Въ Хвостовѣ комиссары ѣхали мимо валявшихся шляхетскихъ труновъ обоего пола. Въ Кіевѣ, какъ объяснилъ самъ Хмельницкій, избивали безоружныхъ людей за то, что не хотѣли участвовать въ козацчинѣ, или же за то, что отказывались „креститься на нашу вѣру“. Голодъ, грабежъ, разбой и инквизиція: вотъ что представила далекимъ путникамъ съ ихъ пріорами да гвардіанцами страна, прослывшая благословеннымъ краемъ въ государствѣ!

Обратный походъ искателей мира былъ еще печальнѣе. Они должны были по-старому миновать Кіевъ, но для какихъ-то сношеній съ митрополитомъ отрядили небольшую партію, которая, не вѣзжая въ жилой городъ Подоль, отдала поклонъ митрополиту въ Старомъ Кіевѣ, у Св. Софій, окруженной древними развалинами. „Свѣдавъ о насъ“ (говоритъ комиссарскій дневникъ), „шляхтянки и убогая католическая чернь (*misera plebs catholica*) рвались къ намъ и догоняли насъ на дорогѣ, кто какъ могъ. Нѣкоторые бѣжали и пѣшкомъ по глубокому снѣгу, зарослями и байраками, въ Бѣлогородку. За ними гнались козаки и многихъ настигали. Возвращая этихъ несчастныхъ всякъ, ободрали до нага, били и тутъ же топили, такъ что и мы были не безопасны; изъ-за нашихъ католиковъ“.

Подвигаясь далѣе обратнымъ путемъ, королевскіе комиссары наткнулись на новую бѣду. Козаки и Татары заходили, на перерѣзъ дороги, къ Звяглю, чтобъ ихъ ограбить. Пришлось дѣлать большія упряжки, бросая на дорогѣ изнемогшихъ лошадей. Наконецъ явилась къ нимъ выручка. Не доѣзжая до Корца, были они встрѣчены княземъ Корецкимъ, который выѣхалъ къ нимъ въ поле въ нѣсколько сотъ коней, оставивши въ городѣ до четырехъ тысячъ ненадежныхъ подданныхъ.

Здѣсь опять вспомнимъ, для характеристики времени и страны, что изъ всѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ одинъ Корецкій имѣлъ столько духа и споровки, чтобъ вернуться на свое руинище и жить въ опустошенномъ замкѣ своемъ. Онъ сдѣлалъ первую изъ многократныхъ попытокъ—возобновить былой компромиссъ, въ которомъ, по переходѣ намѣст изъ-подъ Кипчакской Орды подъ орду литовскую, а потомъ подъ напованье польское,—состояли здѣсь крупныя и мелкія землевладѣльцы съ рукодайнными своими слугами, съ мѣщанами, козаками, всѣми вообще „служебниками“ и сельскою чернью. По всякій компромиссъ былъ бесполезенъ тамъ, гдѣ одни не признавали фактически надъ собой закона, а другіе не хотѣли знать ничего, кромѣ жизни на чужой счетъ, безъ всякаго возмездія собственникоу и безъ всякой заботливости о трудящихся. Строго судили козаки нановъ за ихъ дѣйствительныя и мнимыя кривды, но, принявшись за панское дѣло сами, „напроказили вдвое хуже“, и кончили свое напованье тѣмъ, что сдали край потомкамъ истребленной ими шляхты въ видѣ голодной пустыни, которую собственныя ихъ потомки опять были принуждены обрабатывать панскимъ плугомъ. Но это произошло черезъ 120 лѣтъ взаимной рѣзни и всевозможныхъ преступленій съ обѣихъ сторонъ. Возвратимся въ XVII вѣкъ.

Какъ ни беспомощна была панская республика въ виду республики козацкой, но паны, по наслѣдственной десспрокѣ своей у іезуитовъ, продолжали ихъ темное и губительное дѣло, воображая свои уловки спасительными. Это видно изъ ихъ тайныхъ бесѣдъ съ нѣмецкомъ созданнымъ польщизною митрополита-магната. Беспольны были для нихъ уроки, полученные ими въ зрѣлицѣ повсемѣстнаго разоренія костеловъ и іезуитскихъ школъ заодно съ панскими замками, и крайне вредоносно было вмѣшательство римскаго духовенства между борющимися шляхтичей и плуга, землевладѣльцевъ, и шляхтичей меча, козаковъ. Не видя проку въ руководствѣ своихъ наставниковъ ни среди боевыхъ обозовъ, ни въ мирныхъ посольствахъ и переговорахъ, они тѣмъ не менѣе остались при своихъ римскихъ возрѣвнѣяхъ

до конца и по концѣ политическаго существованія Польши, какъ добыча ксендзовъ, завоеванная многолѣтними подвигами *ксендзовства* и всего, что соединено съ этимъ словомъ. Поэтому исторія смутнаго времени, порожденнаго въ Рѣчи Посполитой Польской прежде всего и больше всего римскою политикой, — для насъ, пострадавшихъ отъ этой политики много, должна быть столь же интересна, какъ и все то, что мы видимъ теперь въ остаткахъ польской политической системы.

Когда королевскіе комиссары достигли обильной пѣюгда напитками и всякимъ угощеніемъ Гощи, панская болѣзнь Адама Киселя усилилась до такой степени, что его „внесли въ пекарню и вынесли на саяхъ“. Въ Гощѣ было тревожно, какъ и всюду отъ Случи до Горыни. За два дня передъ прїѣздомъ Киселя (3 марта), 5.000 гульгасвъ-хмельничанъ вторгнулись передъ разсвѣтомъ въ городъ Острогъ и „набѣгли до 400 мѣщанъ (даже Руси) и Жидовъ, а городъ ограбили. Изъ шляхты погибло только двое. Пріепѣвшая изъ Межирича надворная хоругвь князя Заславскаго вытѣснила гайдамакъ изъ города и положила на мѣстѣ до 150 человекъ. Этотъ набѣгъ сдѣлалъ по собственной волѣ Звягельскій полковникъ, *кушнѣръ* *) Тиша, ница въ Острогѣ пана Вонсовскаго, бывшаго Звягельскаго старосты, подобно тому, какъ пѣюгда Гренковичъ искалъ своего врага въ Межигорѣ.

Положеніе миротворцевъ сдѣлалось отчаяннымъ. Несмотря на то, что конвойнымъ жолнерамъ не вышелъ еще срокъ насмной службы, они не хотѣли остаться при насѣ воеводѣ въ Гощѣ, для защиты его убѣжища отъ гайдамацкихъ набѣговъ. Очевидно, что дѣло козацкое находили они болѣе вѣрнымъ, чѣмъ панское. Неизвѣстно, какъ уладили свою оборону комиссары, по оставленное ими позади себя врѣлище козако-гайдамачщины ужасало ихъ.

„Вся чернь“ (писалъ Мясковскій) „вооружается, полюбивъ свободу отъ работъ и податковъ и не желая на вѣки имѣть пановъ. Хмельницкій велѣлъ вербовать козаковъ по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и селамъ, кормить лошадей, и званые такимъ образомъ въ козаки берутъ, бьютъ, грабятъ. Но далеко большая часть простонародья молить Бога о мирѣ и мести надъ Хмельницкимъ и своевольниками. (Почтенъ слухъ, что) Хмельницкій чувствуетъ близкую смерть (*nie dugo sobie żyć wrogóy*). Зарылъ въ Чигиринѣ бочекъ 15 серебра. Тамъ же у него 130 турецкихъ коней и 24 скрини дорогой одежды.

*) Kürschner, скорнякъ.

Цицвевцею добычи полна Украина. Больше всего покупает ее Москва въ Кіевѣ и по армаркамъ въ другихъ городахъ. Серебряныя тарелки продавались по талеру и дешевле. Одинъ кіевскій мѣщанинъ купилъ за 100 талеровъ такой мѣшокъ серебра, что мужикъ едва могъ нести. Жена полковника Тиши, купивъ ерка, угощала въ Звягль посланцовъ пана восводи на серебрянѣ, за богато накрытымъ столомъ, и бранила Хмельницкаго (Jaŷa Chmielnickieŷu), что не такъ великолѣпно (splendide) живетъ, „коли Богъ давъ усѣго много“. Нашимъ продавать серебра козаки не хотѣли. Даже лошадей заиретилъ германъ продавать намъ“.

Въ силу перемѣненія богатства и всякихъ вольностей изъ панской республики въ козацкую, соиниками гультаевъ и гайдамаковъ дѣлались весьма часто шляхтичи, даже съ такими фамиліями, какъ процвѣтающіе въ Кіевскомъ Полѣсѣ донынѣ Горюстан. О Хмельницкомъ ходили такіе слухи, что хоть бы и хотѣлъ онъ мириться съ панамъ, то не можетъ: чернь остервенилась до того, что рѣшилась не требить шляхту, или же сама погибнуть. Татары готовились къ повому нашествію, въ помощь козакамъ. Къ Хмельницкому являлись они даже нѣшкомъ изъ Крыма и Буджаковъ, и Хмельницкій снабжалъ ихъ тотчасъ лошадьми и оружіемъ. Не только ежемѣсячно, но и ежедѣльно (говорила молва) посылаетъ онъ пословъ къ хану съ зазывомъ на войну и проситъ его не давать свободы ниодному плѣннику. „Ты-моль хочешь ихъ выпустить, а я хочу ихъ выгубить, чтобъ ниодного Ляха не было на свѣтѣ“. Даже дѣстровскіе *побережники*, славные въ шляхетскихъ походахъ противъ Буджацкихъ Татаръ, теперь дѣлались „разбойниками“, какъ увѣдомляли одинъ другаго паны.

Каковы были отношенія Хмельницкаго съ Татарами, и что заставило его пріостановиться съ „кончаніемъ Ляховъ“, открываетъ намъ слѣдующее письмо его къ первому совратителю хана—султанъ-галгъ:

„Неповельможный, милостивый панъ султанъ-галга крымскій, панъ милостивый панъ и добродѣй!

„Добраго здоровья и всякихъ счастливыхъ помысловъ со всемъ предостойнымъ рыцарствомъ вашей царской милости, низкій поклонъ отдавая, желаемъ пользоваться имъ на многія лѣта.

За трудъ, который ваша царская милость благоволила поднять для насъ, ижайншихъ своихъ слугъ, много и униженно благодаримъ, и, пока живы, мы и дѣти наши, за столь милостиво оказанное намъ благоволеніе готовы отслуживать. Однакожь, во время бытности вашей царской милости, былъ бы я радъ, когда бы мы этого неспріятеля нашего, побѣдивъ, уничтожили до остатка; только ваша царская

милость сами видѣли, что войско было крайне отягчено (добычею), и я уже тѣмъ удовольствовался. Но, какъ они издавна привыкли жить неправдою, такъ и теперь на насъ наступаютъ своею силою, вознамѣрившись уничтожить насъ, въ чемъ имъ, Господи Боже, не помоги, и на Крымъ хотятъ идти. Мы имѣемъ вѣрную о томъ вѣсть отъ его милости венгерскаго короля, который предостерегаетъ насъ и вашихъ милостей, папскихъ милостивыхъ папозъ, что и Шведовъ па насъ и па весь Крымъ вербуютъ... Умилосердись, умилосердись, милостивый папъ, чтобы мы не дали этимъ папимъ непріягелямъ распространиться. И вторично, и третично просимъ: ибо множество Христіанства нашего, душъ невинныхъ, вырѣзали бы. Умилосердись ваша царская милость: какъ началъ съ начала, такъ и до конца благоволи насъ оборонять“...

Татарское милосердіе къ безнощаднымъ руйнникамъ грозило Шляхетскому Пароду тѣмъ большими несчастіями, что у него былъ теперь такой король, который помогъ Хмельницкому отстранить отъ гетманства единственно страннаго для него человека. Если у Киселя было хоть пемного прямой любви къ отечеству, то онъ, хвораая въ Гоциѣ надъ Горынью, долженъ былъ бы па досугѣ понять, какую пелѣвную и злотворную игралъ онъ роль въ качествѣ миротворца. Товарищъ его по комиссіи, Мясковскій, изъ Млыновцевъ подъ Русскимъ Зборовомъ, отъ 28 (18) апрѣля, увѣдомлялъ краковского бискупа, Гембицкаго, что ханъ далъ упросить себя Хмельницкому (dal się Chmielnickiemu uprosić); что посылаетъ впереди себя крымскихъ собакъ (ogarów krymskich) и самъ садится па коня. „Никогда не были мы ближе къ посѣдней гибели“ (писалъ онъ), „какъ нынѣ, въ несчастномъ будущемъ маѣ. Это будетъ октава и года и мѣсяца, еще горшая прошлогодней, Желтоводскаго и Корсунскаго погрома. Никакой спасительной надежды нѣтъ; изъ Варшавы ничего утѣшительнаго..... Уже изъ Каменца бѣжить все живое; кто уходитъ въ Венгрію, кто— куда можетъ“.

Теперь Кисель зналъ, что такое Хмельницкій. Оправясь въ Гоциѣ отъ своей хирагры, подъ гулъ наступающей грозы онъ увѣдомилъ Козацкаго Батька пріятельски о своемъ разстроилломъ здоровьѣ и, вмѣстѣ съ другими комиссарами, просилъ объ окончаніи комиссіи, но сдѣлалъ это для того, чтобы маскировать панскія ириготовленія къ войнѣ. Хмельницкій видѣлъ нана всеводу насквозь, и писалъ къ нему изъ Чигирина, отъ 13 (23) мая талъ вѣжно, какъ писалъ бы мурлыкають къ псосторожной мыши, желая удержать ее по сю сторону подполя:

„За письменное навѣщеніе благодарю вашихъ милостей пановъ и приверженнымъ сердцемъ желаю радоваться, видя вашность-пана въ добромъ здоровьѣ. Что же касается окончанія комиссіи, то всѣми силами (*totius viribus*) стараюсь, чтобы она, согласно нашему условію, получила конецъ. Одно только всѣхъ насъ очень удивляетъ, что въ Коронѣ и въ Литвѣ собраны весьма великія войска. Это тревожитъ все наше Запорожское Войско. Оно опасается, чтобы—отъ чего сохрани Господи Боже—не такъ желали кончить комиссію, какъ въ прошломъ году: тутъ про миръ, а тутъ совсѣмъ про другое думали. Однакожь, я, будучи другаго мнѣнія, обослалъ всѣхъ полковниковъ, чтобы посоветоваться, гдѣ бы всего безопаснѣе можно было отправить комиссію. Когда между собой поставимъ, я не замедлю дать знать вашимъ милостямъ какъ можно скорѣе днемъ и ночью. А вашность-панъ и ихъ милости паны, съ своей стороны благоволите задержатъ жолперовъ, чтобы не давали повода къ разорванію этой комиссіи, которая будетъ, дасть Господь Богъ, отправляться“.

По 22 (12) мая мозырскій подкоморій, Федоръ Михаилъ Обуховичъ, писалъ литовскому подканцлеру, Льву Сопіѣ, что Кисель ретировался уже изъ Гонци за Горынь, имѣя явныя доказательства враждебности Хмельницкаго (*operta hostilitatis argumenta*), такъ какъ онъ ни королевскаго посла Смяровскаго не хочетъ оттуда вынустить, ни на письма о комиссіи не отвѣчаетъ. „Отовсюду также“ (писалъ Обуховичъ) „смыются толпы взбунтовавшаго посольства и наполняютъ весь трактъ между Горынью и Случью, а самъ *author et dux* этого подвига наступать главною купою, окруженный огромными ордами“.

Черезъ три дня самъ Адамъ Кисель увѣдомлялъ короннаго канцлера,—что видѣлъ непріятеля собственными глазами; что Хмельницкій былъ бы радъ поймать его въ свои руки; что потому нишеть къ нему (Киселю) *штучно*, и что теперь уже нѣтъ надежды на трактаты (*juz nulla spes traktatow*). Такъ поумнѣлъ панъ Сеѣнтольдичъ, умудренный позднимъ опытомъ.

Онъ отписалъ Хмельницкому дружески (*bona verba*), какъ будто ничего не подозрѣваетъ, и едва двинулся изъ-подъ Гонци, въ ту же минуту 600 хмельничанъ вступило въ мѣстечко, а почсало въ немъ 1.500. Прискакавшій отъ Смяровскаго въ Тайкуры козакъ перебѣлчнкъ (*transfuga*), по фамиліи шляхтичь, объявилъ, что „запорожскій Макиавелли“ отобралъ у королевскаго посла и его челяди лошадей и держитъ всѣхъ ихъ подъ стражею до пріѣзда комиссаровъ: тогда ихъ вынустить, а комиссаровъ задержать. Онъ же увѣдомлялъ, что

юркій монахъ, Отець Ляшко, кофидентъ Киселя, очутился въ татарской неволѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было донесено, что Хмельницкій заключилъ съ Москвою тайный договоръ. Основаніемъ этому слуху послужила, безъ сомнѣнія, *милостивая* грамота царская, изъ которой Хмельницкій сдѣлалъ умышленно тайну. Говорили также, будто бы письмо Киселя въ Москву было прислано къ Хмельницкому изъ Москвы. По гораздо правдоподобію, что онъ, перехвативъ письмо, дѣлалъ изъ московскаго царя своего соговарица. Ему было нужно, чтобы московскій царь, во мнѣніи наповъ, былъ то же самое, что и крымскій ханъ. О Киселѣ же панерепники Хмельницкаго говорили Унковскому, — что онъ отпущенъ изъ Переяслава съ тѣмъ, что гетманъ и все Войско Запорожское и вся Кіевская Русь подѣ властью польскаго короля и наповъ-рады быть не хотять, и паны бы рады на Войско Запорожское и всю Русь не наступали и крови не проливали; но Адамъ Кисель съ такимъ условіемъ въ Польшу идти не рѣшился, потому что, отправляясь посломъ, хвалился Войско Запорожское на миръ привести по-прежнему, и теперь живеть въ своей маестности, въ городѣ Гонцѣ, а городъ этотъ принадлежитъ Войску Запорожскому.

Каковы бы ни были виды московской политики на Русскую Землю, которая ломалась въ рукахъ у Польши, по правительство московскаго царя должно было смотрѣть на козаковъ не иначе, какъ и правительство короля польскаго; а Купаковъ представилъ своему государю польскій взглядъ на козаччину въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Великому государю, его царскому величеству, своихъ (московскихъ) украинъ годитца отъ такова гультайства обречь, чтобъ не вомкнулись и шкody какіе не учинили. А у Богдана Хмѣльницкаго многіе своевольные люди козаки, и гультаи, и Татаровя; и только имъ въ королевскомъ панствѣ не удаецца, и имъ де безъ хлѣба не пробить, и чають ихъ промыслу и инуды“.

Такъ говорили правительствующіе паны царскому гонцу. Но, въ виду того, что они держали себя такъ гордо передъ царскимъ гонцомъ, Алексѣй Михайловичъ долго не отвѣчалъ на привезенное ими 30 марта 1649 года благодарственное письмо Яна Казимира. Зная всѣ обстоятельства польской неурядицы и видя, какой „пожаръ“ пылаеть внутри польскорусскихъ областей, Москва выжидала событій во всоружіи своихъ ратей, обступившихъ польскія границы.

Въ концѣ апрѣля появился въ царской столицѣ посольскій Хмельницкаго, полковникъ Осдоръ Венпякъ, тотъ самый, который такъ рыцарски велъ себя за столомъ у гетмана. Несмотря на названіе,

даннос имъ заодно и кспдзамъ и попамъ, его сопровождали—игуменъ могилевскаго Глядовскаго монастыря да „черный попъ“ (т. е. іеромонахъ) Никифоръ. Этимъ лицамъ было поручено ходатайствовать у царя, чрезъ посредство іерусалимскаго патріарха, Паисія, о принятіи Хмельницкаго и его козаковъ подъ высокую царскую руку и о „пособіи“ въ войнѣ съ Поляками. „А роздѣлавшись де съ Поляками“ (докладывалъ Посольскій Приказъ), „козаки обѣщали, для царскаго счастья, идти съ Крымскими людьми на турецкаго салтана. А войска де черкаского съ 40.000 человекъ да Татаръ съ 400.000“.

Но для царя не было тайною, что Хмельницкій отѣриль уже Туркамъ Червенскіе Города равноапостольнаго Владиміра по самой Люблинъ. Съ этимъ опаснымъ интриганомъ надобно было вести себя крайне осторожно, не такъ, какъ этого желали бы наши кіевскіе ретрограды. Изъ его невѣрнаго положенія вытекала для царскаго правительства двойная забота: во-первыхъ, чтобы, воюя Поляковъ съ побратимами Татарами (которыхъ самъ онъ показывалъ 400.000), не очутился онъ въ рукахъ у мусульманъ со всѣмъ своимъ кочевьемъ; а во-вторыхъ, чтобы, отвергнутый царемъ, не обратилъ онъ, по старой козацкой памяти, на Москву опустошителей своего роднаго края.

Не получивъ никакого отвѣта чрезъ глядовскаго игумена, Хмельницкій написалъ, отъ 3 мая, новое письмо къ царю Алексѣю Михайловичу. Онъ просилъ принять Запорожское Войско „въ свою милость и благословить своей рати на ихъ (козацкихъ) наступцовъ и за вѣру православную наступати“. При этомъ выражалъ желаніе, чтобы московскій государь былъ падъ козаками царемъ и самодержцемъ, припявъ ихъ со всею Русью подъ свою милость и оборону.

Письмо было представлено царю полковникомъ Вешнякомъ, который не упомянуть въ прежнемъ докладѣ Посольскаго Приказа, и теперь изъ поповскаго провожатаго сдѣлался самостоятельнымъ посломъ: уловка, продѣланная и Мужилевскимъ. Этотъ грубый пьяница получилъ отъ своего достойнаго гетмана наказъ: „чтобъ онъ съ его царскимъ величествомъ“ (точно Япъ Коровченко съ крымскимъ ханомъ) „изустно розговорилъ и всю истину исповѣлъ“.

Бывши въ Переяславѣ, папы подхватили слухъ, что тонкая Москва (*subtelna Moskwa*) приняла не совсѣмъ радушно и патріарха Паисія (*male excerptus et habitus*) за его индальгенціи въ Украинѣ. Тѣмъ песимнатичнѣе отнеслась она къ анти-обычайному Вешняку.

Тяжела была въ козацкомъ вопросѣ роль царя Алексѣя Михайловича, столь величаваго въ своихъ пріемахъ, столь высоко цѣнившаго достойную обстановку царственности. Верхъ русскаго обществія,

олицетворяемый москвичами, и самая низкая ступень его, изображаемая запорожцами, сошлись волею историческихъ судебъ, въ общей работѣ русскаго возсоединенія, которую Москва производила сознательно еще въ эпоху Великаго Собирателя Русской Земли, а козачество совершало бессознательно и подѣ бунчукомъ того, кто объявилъ себя русскимъ единовладникомъ и самодержцемъ. Изъ этой встрѣчи Русичей, просвѣщенныхъ новою гражданственностью въ удаленіи своемъ на Клязьму и Москву, съ другими Русичами, одичалыми въ пустыняхъ Казки и Дѣбра, надобно было царскому правительству выйти съ достоинствомъ. Такіе вѣдомые намъ представители Москвы, какъ Унковскій и Кунаковъ, не могли смотрѣть на козачину иначе, какъ съ отвращеніемъ. Но, съ другой стороны, воспитанные виѣ западнаго вліянія, они чуяли въ грубіянахъ козакахъ древнее русское родство больше, нежели въ малорусской шляхтѣ,—больше, чѣмъ даже въ нашемъ начальствующемъ духовенствѣ, пропитанномъ такъ или иначе антирусскою латинщиной.

Въ теченіе трехъ вѣбовъ политическаго разобщенія Русн, населеніе литворусской части ея не переставало дѣлиться на приверженцевъ забвенной русской старины и на приверженцевъ прославляемаго латинства, или же—протестантства. Съ каждымъ поколѣніемъ оставалось у насъ меньше и меньше старовѣровъ, напоминавшихъ собою древнее наше единство съ тѣмъ Русскимъ Народомъ, который собрался въ одно сильное тѣло подѣ спасительнымъ единовластіемъ Москвы. Съ каждымъ поколѣніемъ, малорусское наше старовѣрство осѣдало изъ высшихъ, богатыхъ и порядочныхъ слоевъ общества въ низшіе, убогіе, по своему быту, ордынскіе. Это было осѣданіе русской народности и обычайности, русскихъ сочувствій, русскихъ отвращеній.

Передъ началомъ Хмельницчины иноплеменникъ нашъ, Пётръ Могила, сроднилъ идеалы нашей духовной аристократіи съ идеалами латинскими, и тѣмъ осадилъ у насъ русскій элементъ ниже прежняго. Представителями этого элемента въ нашей интеллигенціи, таившейся въ монастыряхъ, сдѣлались подобныя Филиповичу личности, остатки подавленной *могилинки* партіи Кошинскаго, которые и по своему убожеству, и по своему ничтожному положенію въ ганскомъ обществѣ, слѣдили только издали, сквозь туманъ своихъ предубѣжденій, за совершающимися въ Малороссіи событіями, пробавлялись въ политическихъ дѣлахъ только молвою прихожихъ богомольцевъ и, не видя себѣ ни откуда поддержки, взирали на козаковъ, какъ на борцовъ за вѣру, а на московскаго царя—какъ на послѣднее убѣжище въ безотрадной будущности.

Здѣсь церковь, раздѣленная съ козачествомъ діаметрально противоположными стремленіями, очутилась въ такомъ точно опасномъ положеніи за свою вѣрность древнимъ преданіямъ, въ какое козаки были приведены своими посягательствами на права и имущество производительныхъ классовъ малорусскаго населенія. Церковь, воздвигнутая изъ своего упадка творцами знаменитаго Совѣтованія о Благочестіи, проповѣдывала святое мученичество, родственное съ мученичествомъ Гермогена и Филарета московскихъ, какъ единственный способъ одолѣть своихъ отступниковъ, и въ то же время, подвергшись новому упадку въ лицѣ своихъ верховниковъ, могилянъ, чаяла какого-то спасенія отъ людей, проливавшихъ кровь, какъ воду; а общество убійць и грабителей, верставшихъ поповъ и ксендзовъ подъ одну статью, хваталось кровавыми руками за ся чистое знамя, лишь бы выбраться изъ той бѣды, которая грозила ему за его неслыханныя злодѣйства даже и въ моментъ его торжества падъ папами.

Вслѣдъ за посольствомъ Хмельницкаго пришло къ царю и къ московскому патріарху отъ игумена Мгарскаго монастыря, Калистрата, съ братією письмо, умоляющее царя „принять его подъ крыла царства своего со всѣми старцы и со всѣми статки монастырскими и церковными“. Въ письмѣ къ царю Калистратъ изображалъ положеніе дѣлъ въ Малороссіи такими словами:

„Нынѣшняго времени въ Землѣ Лятцкой веліе есть смятеніе и междоусобная рать зѣльная, какова не была от давна, и нынѣ всѣ въ отчаяніи есмы и въ страхѣ великомъ отъ Ляховъ, и еще преодолеваютъ нашихъ козаковъ, ктому не мощно намъ быти живымъ. И въ нынѣшній часъ перевозятся на сю сторону Днѣпра, Ляхи, Литва съ Радивиломъ, шездесять тысячей сказываютъ ихъ быти“.

Въ посланіи къ московскому патріарху судьба малорусскаго православія представлена еще въ болѣе мрачномъ видѣ:

„Нынѣ прииде время, еже бѣжати намъ отъ лица луку сильныхъ, глаголю же враговъ сущихъ на насъ православныхъ и благочестивыхъ, съ солнцемъ восходящія вѣры и церкви наши восточныя апостольскія непамятниковъ, хульниковъ, гошителей, Ляховъ, кои от давна изостриша языкъ свой, яко мечъ остръ, дыщуще на ны огнемъ ярости злопаметства, кои пообладаша бѣша всѣ благочестивыя церкви россійскіе и монастыри, всѣхъ насъ, яко заплѣченныхъ, подъ ся покориша. И се нынѣ, Божіимъ маніемъ и поущеніемъ, оружіе принмше, пособіемъ Божіимъ, войско наше православное козацкое Запорожское, не терпяще преизлишнихъ бѣдъ отъ Ляховъ поносити, ополчившеся противу нмъ сташа, еже есть слышано, яко мимошедшаго лѣта вторя-

цею и третницею неизбѣжныя Ляхи отъ нашихъ побѣждены быша; и се нынѣ сильнѣе первого на нашихъ вооружишася, и оиѣхъ убо множество, насскихъ же въ маломъ числѣ сочести. И сего ради боимся и зѣло ужасася, да не како безбожныя Ляхи преодолевають козаковъ нашихъ и мечь сотворять злую надъ нами, безо всякаго пощады и милосердія“.

Посланцовъ Калестрата путивльскіе воеводы не пустили къ царю. Но тѣмъ не менѣе монашескіе воины должны были волновать въ Москвѣ общественное мнѣніе, находившеся подъ вліяніемъ духовенства. Между тѣмъ, изъ разспросовъ, сдѣланныхъ по заведенному порядку воеводами у этихъ посланцовъ, видно, что монахи писали въ Москву то, что было нужно козакамъ, все равно какъ въ прежнія времена козакъ въ свои петиціи на сеймъ включали то, что было нужно духовенству. Полковники Хмельницкаго разсылали по монастырямъ реляціи о своихъ побѣдахъ, а вернувшись изъ похода, являлись къ монахамъ съ приношеніями, которыя заставляли честныхъ отцовъ забывать утѣреніе Киселя и другихъ православныхъ наповѣ, все еще продолжавшихъ созидать и благодѣтельствовать наши храмы, что война съ козаками идетъ вовсе не за вѣру, а за опустошеніе края, за предательство его Татарамъ, за нарушеніе государственнаго права и оскорбленіе королевскаго величества. Такимъ образомъ козацкая и поповская метительность торжествовала надъ правдою фактовъ, и православные люди отъ береговъ Тясмина до рѣки Москвы твердили хоромъ, что въ Малороссіи идетъ война за вѣру. Великоруссы разувѣрились въ этомъ только тогда, когда Выговскій и другіе предатели, питомцы Хмельниччины, стали поступать съ ними такъ, какъ до сихъ поръ поступали съ безбожными и злочестивыми Ляхами, а Малоруссы не стыдятся и послѣ Мазены проповѣдывать, что „козаки были единственными борцами за православную вѣру и русскую народность“.

Оставаясь непроницаемою въ своихъ намѣреніяхъ, набожная, чинная, величавая и вмѣстѣ съ тѣмъ, по замѣчанію Поляковъ, топкая (subtelna), Москва угощала чигиринскаго увальни, Венника, съ обычнымъ своимъ хлѣбосольствомъ. По царскому указу, велѣно было дать ему „государево жалованье въ стола мѣсто: колачъ смѣспой въ полторы лопатки, блюдо шкры чорныя, лець или стерлядь паровыя, звеню бѣлыя рыбыцы, блюдо вухи рыбы свѣжія, зѣвно бѣлужины, цуку колодку; питья: двѣ кружки вина двойнаго, двѣ кружки ромаѣи, двѣ кружки ренского, двѣ кружки меду вишневого, или малиноваго, полведра меду паточнаго, ведро меду цѣжепаго, два ведра пива добраго“.

Царь Алексѣй Михайловичъ милостиво принять присланные козацкимъ верховодомъ лошади (оцѣненную потому въ 45 рублей) да лукъ турецкой, и спроситъ черезъ думнаго дьяка о здоровьѣ гетмана Богдана Хмельницкаго: Вешняка и четверыхъ его спутниковъ „пожаловалъ къ рукѣ; но выслушать гетманской листъ и на тотъ листъ и на рѣчи Вешняка обѣщаль, черезъ того же думнаго дьяка, учинить указъ приказными людьми инымъ временемъ“.

Козацкому посольству было придано значніе обыкновеннаго „прїѣзда козаковъ къ Москвѣ для исирошенія государева жалованья“. — „Въ докладъ“ было написано Посольскимъ Приказомъ, что „1646 году гетманъ Запорожскаго Войска, Николай Зацвилюховскій, присылалъ къ царю листъ да двухъ чловѣкъ языковъ татарскихъ“. Сообразно съ отпущеннымъ его гонцамъ жалованьемъ, было дано жалованье полковнику (Мужилевскому) и десяти чловѣкамъ козаковъ, которые привезли въ Москву іерусалимскаго патріарха Пансія, а сообразно съ этимъ жалованьемъ былъ награжденъ и Вешнякъ съ товарищи. Они получили: „отласъ гладкой, сукно лудышь *) самый доброй, камка добрыя, два сорока соболей по 50 рублевъ сорокъ, денегъ 30 рублевъ; козакамъ тремъ чловѣкомъ по сукну по англійскому по доброму, по двѣ пары соболей по 5 рублевъ пара; денегъ по 10 рублевъ; людемъ ихъ и полковнику конюху всего 6 чловѣкомъ, по сукну по доброму, по парѣ соболей, по 2 рубли пара, денегъ по 10 рублевъ чловѣку“.

Іюня 12, черезъ 8 дней по прибытіи Вешняка въ Москву, онъ былъ отпущенъ царемъ, у котораго поцѣловалъ руку, по съ которымъ „розговорить устно“, какъ это шигалъ Хмельницкій, было бы слишкомъ высокою для него почестью. На отпускѣ думный дьякъ сказалъ ему въ присутствіи царя:

„Оедоръ! великій государь-царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, велѣлъ къ тебѣ сказать: Прїѣзжалъ еси къ нашему царскому величеству по присылкѣ запорожскаго гетмана, Богдана Хмельницкаго, съ листомъ. И мы, великій государь, тотъ гетмановъ листъ выслушали, и гетмана и все Войско Запорожское за ихъ службу, что наше царского величества милости ищутъ, жалуетъ — милостиво похваляемъ. И противъ того гетманова листа посылаемъ съ тобою къ

*) Fein holländisch, по-польски galendysz. Изъ этого сукна козаки носили такъ-называемые жуцаны-луданы.

нему, гетману, къ Богдану Хмельницкому, нашу царского величества грамоту да нашего государева жалованья три сорока соболей“.

„А послѣ того“ (записано въ столбцахъ) „думной дякъ Михайло Волошенниковъ, объявилъ имъ государево жалованье при государѣ, а молялъ: Полковникъ Осдоръ! великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, жалуешь тебя своимъ царскимъ жалованьемъ: отласъ, камка, сукно багрець, два сорока соболей, денегъ 30 рублей“.

Такъ патріархально и вмѣстѣ такъ отчетливо велось государево хозяйство московское, вовсе непохоже на польское, въ которомъ иной разъ было разливное море для всѣхъ *овдмикубленіи*, а иной—на королевской кухнѣ недоставало дровъ и говядины, а сенаторы-резиденты голодали вмѣстѣ съ своимъ „великимъ монархомъ“, отъ иностранныхъ же пословъ, случалось, великій монархъ бѣгалъ изъ Варшавы на охоту, чтобы въ нимбродовской жизни скрыть свое постыдное убожество.

Изъ приѣма Вешняка явствуется само собой, что тайный договоръ съ козаками и пересылка сенаторскихъ писемъ къ козацкому гетману могли явиться только въ шляхетскихъ умахъ, которые по-казацки мутля взбунтовавшійся шляхтичъ.

Въ отвѣтной своей грамотѣ, врученной Вешняку, царь писалъ, что желаніе Хмельницкаго и обѣщаніе служить ему, великому государю, со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ—*милостиво похваляетъ*, но что наступить царскимъ ратямъ на козацкихъ неприятелей нельзя, потому что отцомъ его, царемъ Михаиломъ Осдоровичемъ, заключено съ покойнымъ королемъ Владиславомъ и съ его наслѣдниками „вѣчное докончанье“, утвержденное на обѣ стороны ихъ государскими душами, крестнымъ цѣловаьемъ и грамотами и печатями“.—„А будетъ королевское величество“ (сказано въ заключеніе) „тебя, гетмана, и все Войско Запорожское учинить свободныхъ *), безъ нарушенья вѣчнаго докончанья, и мы, великій государь, наше царское величество, тебя, гетмана, и все Войско Запорожское пожалуемъ—подъ нашу царского величества высокую руку припятти велимъ“ **).

*) Вчера было подписано сперва: „А будешь ты, гетманъ и все Войско Запорожское, у короля и у наповъ-радъ *учинитесь* свободны“.

**) Это мѣсто также вчера было написано иначе, а именно: „А будетъ, дамъ въ чемъ учинитца тѣснота и гоенье, и которые на нашу царского величества сторону переходить учнутъ, и мы, великій государь, для православныхъ христіанскихъ вѣры, по тому жъ тѣхъ приняти велимъ, что послѣ вѣчнаго докончанья съ обѣ стороны переходить новольно“.

По польскому королю и его панамъ-рады, рабамъ римскаго папы, уже была дапа строгая пота. Получивъ извѣстительное письмо о воцареніи Яна Казимира въ концѣ марта, Алексѣй Михайловичъ промолчалъ весь апрѣль, и только 8 мая написалъ внушеніе, что возводить челоуѣка въ достоинство свѣтила всего христіянства (какъ дѣлаютъ-моль паписты) *непристойно*. Подъ этимъ внушеніемъ могло скрываться и другое,— что славословить безъ всякой мѣры короля, оторваннаго у Москвы Сѣверщину къ Польшѣ, болѣе чѣмъ неблагоразумно въ такой моментъ, когда завосватели Сѣверщины завосвали Польшу, и готовы повергнуть ее къ ногамъ пресмника Собрателей Русской Земли.

Привыкнувъ мыслить по римской логикѣ, польскіе папы взирали на Москву съ такимъ пренебреженіемъ, что даже лучший изъ ихъ канцлеровъ, Липъ Замоискій, среди національнаго собранія своего называлъ московскаго царя Бориса *хлопомъ*. Между тѣмъ царь-хлопы, съ окружавшими ихъ просторѣковатыми боярами, хорошо знали путь политической жизни, или по этому пути при свѣтѣ собственнаго, русскаго ума, и, въ свою очередь, присвоивали себѣ право называть паповъ *безмыслими Ляхами*. Теперь именно настала такой моментъ, когда двѣ системы политической жизни, два противоположные способа государственнаго самосохраненія — должны были доказать практически свою состоятельность. Поляки гордились *волиностью* своею, а Москали—своею *исколюю*. Называя себя холопьями царя своего, бояре московскіе такимъ самоупичженіемъ высказывали только національное уваженіе къ знамени, подъ которымъ *Русскій Народъ* (не Шляхетскій и не Козацкій) изъ паднаго сдѣлался возставимъ, изъ раздробленнаго—единнымъ, изъ малаго—великимъ. Поэтому всякое прямое или косвенное оскорбленіе имени и достоинства царскаго принимали они за оскорбленіе всего народа, надъ чѣмъ „безмыслы“ смѣялись и послѣ Хмельниччины, въ знаменитыхъ *Pamiętnikach Paska* *).

*) Był tedy między ochotnikami chłopiec, który umiał z Moskalami swążyć się i drażnić ich; jak oni wołali: „czaru, czaru“! to chłopiec przypadłszy blisko nich, zawołał głosem: „wasz czar taki a taki“! to Moskale za nim kilkunasłtu albo kilkudziesiąt wysworowało się; chłopiec zaś, na rączybach macie siedząc, dobrze uciekal, a wyprowadziwszy ich za sobą daleko od kupy, to my, skoczywszy z boków, przerzniełiśmy ich, siekąc i zabierając. Dość na tem, żeśmy posłali wojewodzie ze trzydziestu języków z hareówki za powodem owego chłopca. To znówu chłopiec do nich poruszał i powiedział im co innego o carze, a Moskale jakoby wsciekli, (bo oni bardziej się urażają o krzywdę imienia carskiego, niżeli

Случай вмѣстить на Ляхахъ всю ихъ кичливость самъ по себѣ былъ искустеленъ. Хмельницкій „растопталъ“ ихъ боевыя силы, растопталъ, по выраженію Киселя, ихъ славу, и грозилъ перевернуть польское панство кверху ногами, — грозилъ въ глаза великимъ и полномочнымъ послантъ Рѣчи Посполитой, которыхъ третировалъ en cavaille. Москали знали цѣну козакамъ еще до своего Разоренія: это у нихъ былъ народъ дикій, безбожный, предательскій. Съ козаками они держали себя осторожно, какъ съ огнемъ. Но почему же имъ было не взять у Ляховъ свое, когда Ляхи стануть кверху ногами? Связывало ихъ вѣчное докопчаніе, утвержденное крестнымъ цѣлованіемъ. То не была преподанная Ляхамъ присяга *словомъ*, а не *намырнїемъ*. По это вѣчное докопчанье, при всей святости своей для воспитаннаго православїемъ сердца, не обязывало его терпѣть новыя оскорбленія, — и отъ кого же? отъ пановъ, поправныхъ ногами собственныхъ рабовъ, какъ они сами сознавались. Въ сердцахъ думныхъ царскихъ людей не зажили еще раны, нанесенныя тѣмъ самымъ Владиславомъ Жгимонтовичемъ, котораго просвѣщеніе Ляхи такъ не ко времени противопоставили московскому невѣжеству, разумѣя подъ этимъ сіяніе польскаго католичества и темноту русской схизмы. Всякое прикосновеніе къ этимъ ранамъ отзывалось въ Москвѣ болѣзненно, а между тѣмъ со стороны Ляховъ это была не единственная зацѣпка.

Съ возобновеніемъ козацкихъ бунтовъ и сношеній нашего духовенства съ Москвою, польскіе политики стали бояться русскаго возсоединенія больше прежняго, и, чтобы проявлявшїяся въ низшей шляхтѣ симпатїи къ московской тишинѣ, къ московской безопасности, къ московскому суду и расправѣ — не возымѣли своего дѣйствія, пустили въ ходъ самое жалкое средство. При всякомъ удобномъ случаѣ, на сеймикахъ и сеймахъ, въ церковныхъ проповѣдяхъ и въ печатныхъ сочиненїяхъ, они старались бросить на Московское Царство тѣнь, какъ на страну звѣрскую, коварную, и самого царя московскаго изображали — или тираномъ, или посмѣшникомъ. Такъ продолжалось дѣло до послѣдняго бунта. Хмельницкій, изыскивая средства задобрить московское правительство и вооружить Москву противъ Польши, папалъ на этотъ родникъ международной ссоры. Въ качествѣ польскаго

imienia boskiego), suną się za nim zapamiętali. Tak było tego wiele razy na swego chłopca. I tak tedy zagnali się za owym chłopcem aż w las, chcąc go koniecznie dostać, boby go pewno ze skóry odarli za takie niecnoty, które im wyrządzał. My zaś zawsze po nich...

шляхтича и козака, онъ питалъ къ царскому правительству меньше пріязни, нежели къ султанскому, и въ особенности—за его неуклонную стровительность. Разозлясь на царя за его равнодушіе къ козацкимъ предложеніямъ, не разъ отпускаясь онъ передъ московскими людьми такія угрозы, что вотъ-моль пойду изломаю вашу Москву и все Московское Царство, да и тотъ, что у васъ на Москвѣ сидитъ, отъ меня не отсидится. Но это дѣлалъ онъ съпыла. Проспавшись и опомнясь, посылалъ онъ къ царю все книги, въ которыхъ Ляхи дѣлали изъ него карикатуру, а московскій народъ пизволили на ступень дикихъ животныхъ. Этимъ удачнымъ въ демоническомъ смыслѣ маневромъ Хмельницкій еще больше стусилъ густую тучу на сѣверовостокѣ польскаго горизонта.

По Поляки, къ нагубѣ своей, не замѣчали грозы. Они думали, что имъ предстоятъ счеты съ одними козаками; обо всемъ же, что взяли у Москвы съ возведенія бродяги на престолъ Собирателей Русской Земли, паны думали, какъ паны мужики: „що зъ вѣза вѣло, те пронало“.

На послѣднемъ сеймѣ было у нихъ постановлено: собрать вновь 30.000 регулярнаго войска и дать королю право на непослѣднее рупеніе. Дѣленіе пановъ на коренныхъ землевладѣльцевъ и на колонизаторовъ малорусскихъ пустынь проявилось онять злобѣщимъ образомъ. Польша съумѣла примкнуть къ себѣ Русскую Землю, или, какъ ее называли еще до церковной уици, Малую Россію, но не умѣла соединить ее съ собою неразрывно. Хотя такіе люди, какъ Липъ Замойскій, читали русскія лѣтописи, но они не понимали, какъ много значили для этой Малой Россіи общія съ Великою Россіей преданія. Своими *триями* они произвели только *дилитію*, и все, чѣмъ ихъ политика мечтала соединить на вѣки съ Польшею Русь,—а всего больше латинопольскія школы,—обратилось въ причину ихъ вѣчной несоединимости. Не помогла Полякамъ на чужой почвѣ и колонизація пустынь, которой начало положили ихъ кровные Концепольскіе да Гаштольды.

Стародержавные паны не хотѣли теперь дать предводительства надъ войскомъ представителю пановъ новодержавныхъ, Вишневецкому, а король былъ у нихъ въ рукахъ. Да онъ и самъ не любилъ Князя Іереміи, точно провидѣлъ, что его сыгъ смѣнитъ шведскихъ Вазъ на Польскомъ престолѣ. Но на пановъ рады сильно вліяло въ этомъ случаѣ и требованіе Хмельницкаго, примиреніе съ которымъ эти малодупные политики считали возможнымъ до конца. Притомъ же, по ихъ традиціонному мнѣнію, было бы несправедливо отдать великую

или малую *итманскую* булаву кому-либо при жизни находившихся въ татарскомъ плѣну гетмановъ, Потоцкаго и Калиновскаго, о выкугѣ которыхъ они хлопотали настойчиво. Въ ожиданіи свободы вождей, погубившихъ уже одну армію, впустившихъ козакко-татарскую орду in visceribus Reipublicae, и способныхъ только къ новымъ и новымъ промахамъ въ пользу руйниковъ, король, съ одобренія пановъ рады, сдѣлалъ то, что было всего хуже и что могъ бы присовѣтовать ему только губитель Польши: онъ оставилъ гетманскія права за собою, онъ, который не сумѣлъ гетманить и однимъ полкомъ иѣхоты. Янъ Казимиръ вознамѣрился предводительствовать посполитымъ рушеніемъ непосредственно, а регулярное войско вѣрнуть новому триумвирату, который состоялъ изъ белзкаго каштеляна, Фирлея, камшенецкаго каштеляна, Ляцкоропскаго, и извѣстнаго уже намъ короннаго подчанаго, Остророга. Эта послѣдняя мѣра опровергаетъ извѣстную по-словицу: „pro szkodzie Lach mądry“ *). Она показываетъ, что Ляхъ оставался всегда однимъ и тѣмъ же Ляхомъ, и что Хмельницкій не напрасно считалъ все польское войско за ничто безъ Вишневецкаго.

Притязанія Козацкаго Батька на независимое владѣніе въ русскихъ провинціяхъ королевства побуждали панское прачительство вооружаться на борьбу съ нимъ всѣми своими силами. Вишневецкій совѣтовалъ это намъ въ самомъ началѣ бунта: онъ совѣтовалъ гасить пожаръ на маломъ пространствѣ; но поклонники киселевскаго хитроумія дали пожару охватить большую часть государства, да и тутъ еще устранили единственно способнаго гасителя, по волѣ поджигателя.

Дилемма короля съ его триумвиратомъ и съ его намами-рады состояла въ томъ: государству ли торжествовать надъ козацкой вольницей, или козацкой вольницѣ ругаться безнаказанно надъ государственнымъ правомъ? Появясъ во главѣ бунтующихъ козаковъ, іерусалимскій патріархъ придалъ кесндзовской побранкѣ *Паливайкова секта* значеніе дѣйствительности, и тѣмъ усилилъ вліяніе кесндзовъ на ихъ наставу, у которой еще такъ недавно были они дискредитованы своею жадностью къ овладѣнію шляхетскими имуществами. Вопросъ вѣры и церкви пересталъ теперь быть въ Польшѣ *римскимъ* вопросомъ: онъ сдѣлался *польскимъ*, и вѣриже— римско-польскимъ навсегда, такъ что, чѣмъ больше теряла Польша подданныхъ, тѣмъ больше приобрѣтала Римская Курія неключимыхъ рабовъ среди Шляхетскаго Народа. Огь этого пронасть, раздѣлявшая двѣ національности Сѣверной Славяницы, разверзалась все шире и шире. Козацкое дѣло, проти-

*) Ученъ Ляхъ послѣ школы (т.-е. погери).

воположное дѣлу православія, стало принимать значеніе дѣла церковнаго не только въ глазахъ Польши, но и въ глазахъ Москвы. Гибель панской республики сдѣлалась неизбѣжною.

Двинулись предводители квартанаго войска на Волынь и расположились главнымъ станомъ подъ Старымъ Константиновымъ, гдѣ бурная волна козачины смыла уже однажды плотину или моль панской хозяйственности. Войско было далеко не все въ сборѣ. Финансовыя затрудненія и теперь, какъ всегда, составляли камень преткновенія въ панскихъ военныхъ дѣйствіяхъ. А между тѣмъ хлопская война кипѣла въ разныхъ мѣстахъ на Волыни и въ Бѣлоруссіи съ ранней весны. Собственно говоря она не прекращалась ни послѣ того, какъ Хмельницкій двинулся изъ-подъ Замостья, якобы послушный королевскому повелѣнію, ни послѣ того, какъ онъ заключилъ перемиріе въ Переяславѣ. Возволновавшая козацкимъ походомъ и голодная въ слѣдствіе опустошительнаго бунта масса простонародья не хотѣла знать никакихъ договоровъ. Несчастная шляхта дѣлала, что могла, отстаивая свои имущества, свои семейства, свои гражданственныя учрежденія; но чѣмъ успѣшнѣе отражала разбой, тѣмъ больше узаконивала въ попатіяхъ бунтовщиковъ убійства, грабежи и насилія, совершаемыя надъ противниками козачества, тѣмъ шире разносилась молва о борьбѣ за *христіанскую* вѣру, тѣмъ свирѣпѣе ревѣлъ и билъ въ землю ногами Козацкій Батько, заставляя дрожать шкуру на плѣчпикахъ и королевскихъ посллахъ.

Въ началѣ марта, за два дня до возвращенія королевскихъ комиссаровъ изъ Переяслава, какъ уже сказано выше, гайдамацкій полковникъ Тиша, по-козацки Гарасько, овладѣлъ городомъ Острогомъ, побывавшимъ уже въ рукахъ героевъ разрушенія; но законные владѣльцы знаменитаго города снова отстояли его у противозаконныхъ. Увы! эти владѣльцы были окатоличенные потомки Князя Василія, на котораго внукахъ и правнукахъ тяготѣли вѣщія слова Іоанна Вишенскаго, объяснявшаго цѣлость панскихъ домовъ на Руси только существованіемъ среди пановъ монашествующихъ каптуроносцевъ. Теперь во мнѣніи взбунтовавшей козаками черни исчезло и послѣднее различіе между панами отступившими отъ предковской церкви, и панами, сохранившими вѣру отцовъ своихъ. Князь Корецкій, котораго родители были еще православными, и который держался ихъ памятью такъ, что даже конфиденты Хмельницкаго хвалились Упковскому его готовностью помогать имъ, подвергся участи, одинаковой съ окатоличенными давно уже послѣдниками князя Острожскаго. Ватага мужиковъ, запорожествуя по козацкому почину, взбунтовала мѣстныхъ

гультаевъ противъ людей хозяиственныхъ, которые поладили съ вернувшимся на родное ищелище княземъ. Замокъ въ городѣ Корцѣ былъ разоренъ; шляхта и Жиды истреблены; самъ князь едва избѣгнулъ гибели отъ рукъ народа, который своимъ водвореніемъ въ этихъ мѣстахъ и своею цѣлостью былъ обязанъ его воинственнымъ предкамъ и ему самому. Сынъ знаменитаго Кривоноса поднялъ на наповъ Польсье. Загонъ Донца, конвоировавшаго, вмѣстѣ съ Тишею, королевскихъ комиссаровъ отъ Звягля до Переяслава, задумалъ было, вмѣстѣ съ загонемъ полковника Татаринца, овладѣть Заславомъ; но стояшіе на Волинн жолперы отбили у нихъ двѣ пушки, 20 значковъ, и самихъ обратили въ бѣгство. Козаки были выбиты изъ Звягля, и, вѣроятно, великолѣпная кушифрка перестала тогда „лгать“ Хмельницкаго за его простую обстановку, „когда Богъ далъ всего много“. Еще прежде были они выбиты изъ Бара, который Хмельницкій называлъ своимъ городомъ, едва отстояли Шаргородъ и потеряли Гусятинъ. Наконецъ, были разбиты и подъ Межибожемъ. Повсемѣстный голодъ, послѣдовавшій за козакотатарскимъ пашествіемъ прошлаго года, давалъ жителямъ Волинн надежду, что Хмельницкій теперь не соберетъ великой силы для похода на наповъ, а съ малою противъ нихъ не устоитъ. Такъ думалъ и королевскій триумвиратъ. Но война кипѣла сама собой, безъ видимой причины и безъ всякаго разумнаго расчета.

Православный Адамъ Кисель съ православными и католическими своими спутниками подобно жившему въ 4 миляхъ отъ него князю Корецкому, напрасно старался утвердиться въ своемъ волинскомъ вѣннн, Гощѣ, хотя держался въ немъ до конца мая, приводя экономическія дѣла свои въ возможный при тогдашнихъ обстоятельствахъ порядокъ, другими словами—связывая выгоды подданныхъ съ выгодами напскими для противодѣйствія опустошительной Хмельничинѣ. Въ то же время онъ посылалъ письмо за письмомъ въ Москву, выставляя Хмельницкаго врагомъ не одной Рѣчи Посполитой, но и всякаго гражданственнаго общества. Хмельницкій, какъ мы знаемъ, дружески съ нимъ переписывался о способахъ успокоенія междоусобной войны, а между тѣмъ ловилъ его посланцовъ и подкрадывался къ нему самому. Находившіеся съ Киселемъ комиссары изображали собою довольно комически миръ среди неудержимой никакою властью войны. Повидимому, Хмельъ считалъ особы этихъ представителей короля и Рѣчи Посполитой неприкосновенными. Вдругъ сильный козацкій отрядъ нагрязнулъ въ Гощу. Но Кисель имѣлъ конфиденцію среди козаковъ еще со временъ Навлюка, и когтистая лапа хитраго кота сдѣлала промахъ: мышъ ускользнула съ мышатами. Послѣ такой

развязки комиссарской трагикомедіи, панскія сдѣлки съ хозяйливыми подданными стали уступать мѣсто козацкимъ сдѣлкамъ съ гультаями и гайдарами.

Подобно своимъ предшественникамъ, Хмельницкій бралъ не однимъ подлучивавшемъ панскихъ подданныхъ и служебниковъ на предательство, но и терроромъ надъ людьми, мирившимися съ существующимъ порядкомъ вещей. Уже вскорѣ послѣ перваго разлива козацкой славы подъ бунчуками желтоводскихъ и корсунскихъ героев, слышеть были ропотъ на Хмеля въ земледѣльческомъ и ремесленномъ классахъ. Самое стоище подъ Пилявцами сопровождалось такой шаткостью въ украинно-запорожскомъ войскѣ, что Хмельницкій разослалъ по всѣмъ дорогамъ команды съчевиковъ для истребленія новобранцевъ, расходившихся изъ табора; а захваченные въ послѣдствіи жолнерами по одиночкѣ пилявецкіе побѣдители показывали на пыткѣ, что общее бѣгство козаковъ было предупреждено только бѣгствомъ самой шляхты.

Панскимъ попыткамъ удержать разливъ антихозяиственной козацкины экономическою дѣятельностью вредили всего больше землевладѣльцы, которые, отчаявшись въ спасеніи своихъ имѣній, дѣлали на нихъ набѣды съ помощью квартирныхъ жолнеровъ, и захваченное у крестьянъ добро отиравали въ глубину края. Добро это было приобрѣтено крестьянами посредствомъ грабежа панскаго хозяйства, но тѣмъ не менѣе возбуждало громкіе вопли противъ „проклятыхъ Ляховъ“. Еще больше помогали Хмельницкому въ привлеченіи черни на сторону разбоя храбрые, хищные и распутные жолнеры, которые, плути противъ русскихъ злодѣевъ, вслѣдствіе обижали мирныхъ жителей и грозили вырѣзать до ноги русское племя, разогнавши козацкія кумы, грозили не оставить живыми и младенцевъ, какъ жаловался Унковскому самъ творецъ свирѣпой съ обѣихъ сторонъ трагедіи. Молва подхватывала пелѣныя угрозы въ кабакахъ и на жолнерскихъ вакханаліяхъ, превращала ихъ въ совершившіеся факты, какъ это было въ Тарасовщину, и гибельно для панскаго дѣла весь украинскій, волинскій, чернопорусскій, бѣлорусскій народъ дѣлила на *козаковъ*, воющихъ за православную Русь, и на *Ляховъ*, готовыхъ истребить ее поголовно, вплоть до московской границы, не щадя и „немовлятокъ“.

Въ силу козацкаго террора, подавлявшаго не только работающихъ мужиковъ и мѣщанъ, но и мелкую шляхту, въ составѣ такъ-называемаго Запорожскаго Войска находились люди, гнушавшіеся козацкимъ промысломъ и ждавшіе только рѣшенія спорнаго вопроса: которому изъ двухъ славянскихъ государствъ владѣть Малороссіей, чтобы въ

подъ козацкаго самоуправства перейги подъ власть правительства монархическаго. Къ такимъ людямъ принадлежалъ неизвѣстный авторъ современныхъ записокъ, которымъ я далъ названіе „Лѣтописи Самовидца“. Онъ раздѣлялъ со множествомъ порядочныхъ людей то мнѣніе, что война на Хмельницкаго возымѣла свое начало отъ гоненія Ляховъ на православіе и отягощенія козаковъ; но лянское гоненіе изобразилъ только словами: „не тилко унѣя у Литвѣ, на Волинѣ, але и на Украинѣ почала гору брати“; а это значило, что желавшіе единенія съ людьми господствующаго вѣроисповѣданія, какъ напримѣръ Клеѣль, Березовскій, Косовъ и всѣ „могиляне“, стали превозмогать старовѣровъ, которые понизились въ достаткахъ, въ общественномъ значеніи, и со стороны которыхъ спиталець Филидовичъ былъ глазомъ вопіющаго въ пустынѣ. Напротивъ, „отягощеніе козаковъ“ изобразила „Лѣтопись Самовидца“ весьма подробно и обстоятельно. По ея разсказу, Хмельницкій прежде всего „наступилъ Ордою на Запорожьє“ и заставилъ стоявшее на Запорожьѣ войско пристать къ нему. Вызванное въ Украину бунтомъ Хмельницкаго коронное войско, по повѣстію Самовидца, распространило въ народѣ не новый уже слухъ, поддержанный, разумѣется, хмельничанами, что, по уничтоженіи бунтовщиковъ, паны опустошатъ Украину, и большую часть ея населятъ людьми нѣмецкими да польскими. Но случилось наоборотъ: коронное войско было уничтожено бунтовщиками. Услыхавъ объ этомъ (разсказываесть Самовидецъ), начали собираться въ полки не только тѣ, которые бывали козаками, но и тѣ, кто никогда не зналъ козачества. Державцы спасались изъ охваченнаго бунтомъ края бѣгствомъ, а корсунскіе побѣдители, вмѣстѣ съ новобранцами, принялись истреблять шляхту, Жидовъ и городскихъ урядниковъ, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. „Маетности“ (ишу его языкомъ) „рабовали, костелы палили, обвалювали, кеіоновъ забіяли, дворѣ зась (же) и замки шляхетскіе и дворы жидовскіе пустошили, не заставляючи жодного (винодного) цѣлого Рѣдкій въ той крѣвѣ на тотъ часъ рукъ своихъ не умочилъ и того грабленія тихъ добръ не чинилъ. И на тотъ часъ туга великая людемъ всякого стану значнымъ была и наруганія (отъ посполитыхъ людей, а наиболше отъ гультайства, то-есть отъ бродячничковъ, винниковъ, могильничковъ, будничковъ, напмтовъ, наступховъ, же любо бы (что хотя бы) якій человекъ значный и не хотѣлъ привязоватися до того козацкаго войска“ (какъ, вѣроятно, и самъ Лѣтописецъ), „тылко мусѣлъ задля позбятя того насмѣвиска и нестерпимыхъ бѣдъ въ нобояхъ, напояхъ и кормахъ незвычайныхъ, и ты мусѣли у войска приставати до того козачтва“.

(старшинствѣ), же наветь (что даже) где въ городахъ были и права майдебургскіе, — и присяжные бурмистрове, и райцы свои уряды (должности) покидали и *бороды ю. или*, до того войска шли: бо тые себѣ зпевагу держали (презрѣніе терпѣли), который бы зъ бороною неголеною у войску былъ *). Такъ дьяволъ учинилъ себѣ смѣхъ зъ людей статечныхъ!

Вотъ побужденія, управляющія пособниками Хмельницкаго въ Украинѣ! Немудрено, что составившееся такимъ образомъ войско поровило разойтись изъ табора еще до начала боя, и геройствовало только среди беззащитныхъ. Понятно также, почему, не имѣя у себя сзади Татаръ, оно было слабосильною и малодушною массою. Хмельницкій звалъ свой народъ, эту дружину хитрыхъ новобранцевъ, находившуюся подъ терроромъ „старинныхъ козаковъ“, и потому прежде всего заручился дружбою Крымцевъ, во что бы ни обошлась эта дружба родному краю. Новобранцы стояли у него между молотомъ и наковальней: имъ не оставалось иного выбора, какъ „пановати“, по-татарски, вмѣсто разогнанной шляхты, или же идти въ татарскую неволю. По свидѣтельству королевскихъ комиссаровъ, оказанные мужики въ прошлую осень ничего не сѣяли. Отъ этого-то жилища ихъ были окружены роющими въ снѣгу лошадьми, отъ этого улицы столпы козацкой были обезображены надалю, а вязанка сѣна продавалась по 2 талера. Козацкій Батько посылалъ въ Украину цѣлые обозы, нагруженные панскимъ добромъ, но былъ принужденъ выгнать 600 собственныхъ лошадей въ снѣга за центральный городъ козатчины. Многіе козаки вернулись домой также богачами. На кievскихъ рынкахъ продавалось безчисленное множество панской одежды, цѣнныхъ принадлежностей культурнаго быта, дорогаго оружія, конской сбруи, ломаннаго и неломаннаго серебра. Но притокъ добычи не внесъ въ Украину того, что составляетъ прямое богатство страны. Посреди роскошныхъ вещей нищета высовывала обнаженные члены свои, а голодъ угрожалъ даже тѣмъ, кто владѣлъ блестящими побрякушками. Это были самыя сильныя союзники Хмельницкаго въ новомъ его походѣ противъ „проклятыхъ Ляховъ“, хотя они же явились въ послѣдствіи самыя грозныя врагами его. Хмельнитчина и началась подъ сильнымъ

*) Хмельницкій, какъ мы видѣли, жаловался въ Переяславѣ, что паны вырвали козакамъ бороды. Борода была принадлежностью почетныхъ людей. Но въ Польшѣ распространилась уже шляхетская мода брить бороды, и козатчина, подчинясь вожакамъ своимъ, недовольнымъ шляхтичамъ, усвоила себѣ ихъ моду.

давленіемъ голода, поразившаго разомъ и козацкую Украину, и татарскій Крымъ. Зима 1647—1648 года была безснѣжная, теплая, гнилая. Наступило неурожайное лѣто, и Унковскій говорилъ правду Хмельницкому, что когда бы не подвозъ хлѣба изъ пограничныхъ московскихъ рынковъ, то козаки перемерли бы съ голоду; а новый голодъ, причиненный великимъ бунтомъ черви, былъ предвѣстникомъ тѣхъ голодовъ, которые погнали наконецъ козаковъ, точно стада, въ запасливыя царскія Украины.

Одичалая въ нашей украинциѣ Клію изображаетъ вторичное вторженіе Козацкаго Батька въ область хозяйственной культуры съ восторгомъ: „Поселянинъ не рассчитывалъ дорогаго времени; заброшенъ лежалъ плугъ его; орала и серпы перекованы были на оружіе... не заботился онъ, что ему ѣсть и пить, надѣясь жить на счетъ Польши“ и т. д. *). По этому дикому восторгу, встрѣченному похвалами дикой критики, можно судить, какова была дикость козако-татарскаго нашествія, совершившагося болѣе, чѣмъ за два столѣтія до нашего времени.

*) Костомаровъ, „Богданъ Хмельницкій“, изд. 4, стр. 91

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

	Стр.
Глава XI. Страхъ соединенія козаковъ съ азіатскими сосѣдами.—Связь между Московскимъ и Польскимъ разореніями.—Главные дѣйствующія лица въ ускореніи Польской Руины.—Спасительный планъ великаго полководца и гражданина.....	3
Глава XII. Два различныя плана войны съ Турціей.—Смерть великаго воина и патріота.—Секретныя сношенія короля съ козаками.—Лады у Москвы съ Польшею.—Мечты короля о завоеваніяхъ.—Сношенія съ иностранными дворами не предполагаемой войнѣ.—Вооруженія короля.—Оппозиція сторонниковъ мира.....	35
Глава XIII. Польскіе сеймики и сеймы.—Возмущеніе втораго и третьяго государственныхъ сословій противъ перваго.—Король отдается въ руки своихъ подданныхъ.—Недовѣрчивость Шляхетскаго Народа къ королю.—Новый сеймъ.—Религіозныя дѣла вмѣсто политическихъ.—Сеймовая неурядица развязываетъ королю руки.....	69
Глава XIV. Пророчество о гибели Польши отъ униі.—Вопросъ церковный и вопросъ козацкій.—Вершитель козацкихъ бунтовъ.—Свиданіе короля-демагога съ козакомъ-демагогомъ.—Надежда на возстаніе Болгаріи.—Козако-татарскій союзъ противъ Рѣчи Посполитой.—Козацкія досады на украинскую шляхту.—Нограничныя сношенія Польши съ Москвою.—Панское войско идетъ противъ козацкаго..	112
Глава XV. Битва на Желтыхъ Водахъ.—Битва подъ Корсунемъ.—Строительныя дѣйствія Москвы въ виду Польскаго разоренія.—Козаки между Польшею и Москвою.—Гибель польскихъ трудовъ на русской почвѣ.—Попада исконыхъ враговъ со стороны московскаго царя.—Бунтъ въ Вишневчаннѣ.....	159
Глава XVI. Геройскій духъ Шляхетскаго Народа въ лицѣ ополченнаго Русича.—Безсознательная работа отступниковъ русскаго элемента въ пользу Россіи.—Православный миротворецъ между панами сенаторами.—Отсутствіе патріотизма.—Безнравственный контингентъ козачины.—Соперничество магнатовъ-доматоровъ съ колонизаторами.—Каптуровый сеймъ.—Тріумвиратъ.—Вопросъ о вѣрѣ.—Шляхетская Украина.—Обманувшіеся въ своихъ надеждахъ миротворцы	210

- Глава XVII.** Разстройство финансовъ.—Козаки морочатъ пановъ надеждой на миръ.—Пышность панскаго лагеря подъ Пилявцами.—Борьба между собой трехъ Русичей на гибель Польши.— Два триумvirата.— Удачная проба панскаго оружія подъ Пилявцами и перевѣсъ паянки.—Бѣгство пановъ изъ-подъ Пилявцевъ.—Козаки осаждаютъ Львовъ, потомъ Замостье, и принуждаютъ пановъ къ избранію указанного имъ короля. 244
- Глава XVIII.** Воспитаніе и характеръ короля, избраннаго по указанію козацкаго гетмана.—Монахъ-разстрига на польскомъ престолѣ.—Избирательный сеймъ. 290
- Глава XIX.** Возвращеніе панскихъ побѣдителей въ Украину.—„Что нужно Московскому Государству“.—Царское посольство въ Чигиринѣ.—Королевское посольство въ Переяславѣ, въ 1649 году. 326
- Глава XX.** Возвращеніе панскихъ миротворцевъ изъ Переяслава.—Встрѣча Русичей гражданственныхъ съ Русичами одичалыми.—Перевѣсъ чувства народной мести надъ правдою фактовъ.—Два противоположные способа государственнаго самосохраненія.—Борьба государственнаго права съ козацкой вольницей.—Козацкій походъ на пановъ 1649 года. 369
-

О П Е Ч А Т К И.

Авторъ просить—въ I-нъ томѣ, на стр. 10, вмѣсто XI читать XII, на стр. 110—вмѣсто XI и XII читать XII и XIII, а на стр. 183—вмѣсто патентами читать потентатами.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Читай:
3	11	себѣ	къ себѣ
5	3	вымѣсти гв	вытѣснить
14	37	Кулаковъ	Кунаковъ
27	29	наказовъ	наказовъ, какъ
39	37	Кубани	Кубани
47	17	страйности	страстности
50	35	десять	двадцать
62	4	ускоритъ	ускоримъ
64	30	долженъ	долженъ вступиться
67	37	презрѣнія	прегрѣшенія
69	19	надъ	надъ
—	29	народно	парадно
70	40	совершившимся	совершавшимся
71	14	жестокое	жесткое
72	21	иностранныго	иностранныго войска
74	12	уваженія	униженія
76	9	Петроконскій	Петроконскій
81	17	полагается	полагался
117	14	не только	не только имѣли
127	7	утѣшать	угнетать
136	22	доминимъ	домашнимъ
—	34	Киселя	Киселя; въ письмѣ
141	36	Тюш	Іюш
142	28	и принять	принять
146	6	Хмельницкаго	Хмельцакаго
156	26	горцами	гарцами
161	30	Это	Это было
176	25	со всѣми	со своими

177	14	призывали	призвали
178	39	забронники	забродники
189	26	нерадивые	юродивые
194	32	унѣ его	унѣю
204	20	инстинкты тѣхъ	инстинкты
207	3	что	то что
238	34	было	былаго
240	35	Ляшка	Ляшко
241	30	трактата	трактата между
250	32	построена	настроена
251	3	вступила	выступила
255	9	и десятилѣтіе	а десятилѣтіе
—	29	привыкла	привыкала
259	3	совѣтовалъ	совѣтовалъ онъ
260	4	согласны	мы согласны
—	12	и псевдогосударство	псевдогосударство
—	14	и импровизированный	импровизированный
—	39	сказали	сказано
264	18	упорядочнымъ	упорядоченнымъ
—	31	чтобъ	на то, чтобъ
267	6	Лящинскому	Лещинскому
—	21	бензскаго	беззскаго
268	15	мѣсяцъ	на мѣсяцъ
271	4	но все	но вовсе
—	—	не спѣшило	не спѣшиль
—	18	привлекали	привлекла
278	6	были укрѣпленія	укрѣпленія
—	28	внушали	внушила
281	31	и имѣло	имѣло
289	15	запечатанная	запечатлѣнная
290	16	больше	большее
292	31	уничженія	самоуничженія
297	5	Она	Чернь
299	19	подаеть	подасть
302	40	съ особеннымъ правамъ по	по особеннымъ правамъ
304	2	Владиславъ	Владиславъ отзывался
307	36	заткнутымъ	замкнутымъ
312	11	Кобринта	Кобрина
—	14	хлобы	хлопы
315	6	плодоносной	и плодоносной
—	7	Лжикоронскій	Лянцкоронскій
—	39	коронованный	коронованною
323	39	у меня	говорится у меня

325	19	вещественна	существенна
328	36	роня	не роняя
—	37	достоинство	достоинства
329	12	Творецъ	Творцы
332	11	такъ де	такъ до
—	20	государства	государя
340	1	не единымъ	ни единымъ
342	26	просить	просимъ
347	22	фальшивому	фамильному
352	36	пролагать	полагать
—	37	покупать	чтобъ они покупали
—	38	разузнавать	разузнавали
354	23	съ него	съ нею
—	37	перелины	переміны
361	13	Замостімъ	Замостьемъ
362	7	звешівъ	звелівъ
—	27	свѣтъ	совѣтъ
—	31	пословъ	послалъ
367	4	всю нічъ	всю нічъ
374	7	іаја	іајас
380	1	неизбѣжныя	незбожныя
387	34	и вѣрнѣе	или вѣрнѣе
—	37	исключимыхъ	неисключимыхъ
389	38	конфиденцію	конфидентовъ
392	19	изо орды	що орды
—	11	изо козаки	що козаки.

